DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/prosvietitelnyia2131miat

Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны, примѣненныя къ широкой возможности пояснять ихъ картинами для волшебнаго фонаря, соотвѣтственно съ наиболѣе яркими мѣстами чтеній, но составляющія и помимо такого рода картинъ общедоступную книгу обо всемъ прошломъ нашего дорогого отечества.

Miatleva, Tatiana Petrovna

Часть II.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

И

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПОСЛѢ УБІЕНІЯ КІЕВСКИХЪ ПЕРВЫХЪ ХРИСТІАНСКИХЪ КНЯЗЕЙ АСКОЛЬДА И ДИРА, СО ВРЕМЕНИ ВОКНЯЖЕНІЯ ВЪ СТОЛИЦѢ ДРЕВНИХЪ ПОЛЯНЪ ВАРЯЖСКАГО КНЯЗЯ ОЛЕГА.

Выпускъ I.

КІЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

До кончины Владиміра Святаго, въ 1016 году.

Составлено Т. П. Мятлевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сѵнодальная Типографія.
1911.

Feci, quod potui; faciant meliora potentes!

(Сдѣлалъ, что могъ; пусть, кто можетъ, дѣлаетъ лучше!)

947
M618P
ch. 2
чр. 1-3

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ *).

Начало русской лѣтописи, по И. Е. Забѣлину, Д. И. Иловайскому и В. Ключевскому.

До сихъ поръ, въ пяти чтеніяхъ I-ой части нашего труда, мы почти все время ссылались на лѣтописи арабскія и византійскія, на свидѣтельства западныхъ римскихъ историковъ. Собственно *русская* лѣтопись ведетъ начало свое съ выдающихся лицъ и событій русской исторіи, получившихъ уже значеніе міровое и міровую извѣстность. Появленіемъ у насъ лѣтописныхъ о нихъ свидѣтельствъ мы обязаны, безъ сомнѣнія, первой, водворившейся въ Кіевѣ, христіанской общинѣ. А она образовалась, какъ мы уже знаемъ, вскорѣ послѣ нападенія на Царьградъ Аскольда и Дира, въ 860 году. Сначала **) эти свидѣтельства очень отрывочны и коротки, такъ какъ

1) Картина: Статуя Нестора. Антокольскаго.

*) Матеріалъ собранъ въ трудахъ Д. И. Иловайскаго, И. Е. Забѣлина, В. Ключевскаго, П. Полевого, профессора Довнаръ-Запольскаго, Н. Костомарова, въ книгѣ былинъ Авенаріуса и разныхъ мелкихъ источникахъ, давшихъ отрывками подходящія свѣдѣнія для пополненія этой книги.

Мѣстами сдѣланы почти прямыя выписки изъ сочиненій вышеназванныхъ авторовъ, приведенныя лишь въ послѣдовательную связь, согласно ходу здѣсь выдвигаемыхъ основныхъ событій и постепенно въ нихъ развивающейся исторіи русской народности.

**) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни».

они представляютъ изъ себя не болѣе, какъ годовыя замѣтки первыхъ на Руси христіанъ и первыхъ грамотниковъ, сохранявшихъ писаніемъ память о всѣхъ событіяхъ христіанской Церкви. Рядомъ съ ними они вписывали тоже въ книги церковнаго круга событія своего времени и своей земли. Въ первые вѣка христіанства существовалъ благочестивый обычай тщательно отмѣчать чѣмъ-либо ознаменованные дни жизни и годъ кончины христіанскихъ мучениковъ для ежегоднаго празднованія ихъ святой памяти. Такія записи положили начало церковной лѣтописи, собранной позже въ Мѣсяцесловъ. Понятно, что онѣ тоже касались не только дѣяній святыхъ людей, но и другихъ происшествій, почему-либо важныхъ для мѣстной общины христіанъ. Записывалось все, достойное христіанской памяти какъ въ частномъ, домашнемъ быту, такъ и въ общественномъ. Христіанскій этотъ обычай вмѣстѣ съ Христовой вѣрой, какъ неизмѣнное ея преданіе, былъ принесенъ, конечно, и въ русскую землю. Церковная община въ тѣ времена состояла изъ лучшихъ, правдивыхъ людей населенія городовъ, знавшихъ дѣла своей земли лучше другихъ. Самыя достовѣрныя свѣдѣнія о начальныхъ, первыхъ годахъ нашей исторіи мы находимъ въ отмѣткахъ кіевскихъ.

Къ началу X вѣка въ Кіевѣ собралось уже столько грамотниковъ христіанъ, что въ греческой росписи митрополій, зависѣвшихъ отъ Царьградскаго патріарха, числилась уже митрополія Русская. Во время княженія Игоря, въ Кіевѣ, по лѣтописному указанію, существовала уже соборная церковь во имя св. Иліи. Принявшій крещеніе Кіевскій князь Аскольдъ, убитый Олегомъ въ 864 году, числится христіанскимъ мученикомъ, а потому чтимая христіанами память объ

Аскольдѣ и Дирѣ, въ точныхъ извѣстіяхъ о захватѣ Олегомъ Кіева, сохранилась до нашихъ дней. Сначала только при церкви находились и грамотники и книги; только церкви потребно было знать время той или другой христіанской памяти о святыхъ событіяхъ и св. людяхъ; а потому среди безграмотнаго язычества только въ церкви могла родиться мысль сохранять память о всякомъ, сколько-нибудь значительномъ, событіи каждаго дня въ году. Вѣдь христіанское богослуженіе совершаетъ свои празднованія, посты и весь обиходъ церковный по годовому кругу, опредѣляемому днемъ Пасхи. Слѣдовательно, счисленіе времени и по годамъ и по числамъ мѣсяца составляетъ для церкви необходимую, существенную потребность въ устройствѣ ея порядковъ. Числами мѣсяца устраивался и опредѣлялся церковный бытъ вмѣстѣ съ его отношеніемъ къ мірскому быту, а потому каждое достопамятное мірское событіе необходимо вносилось въ тотъ же годовой кругъ; необходимо опредѣлялось извѣстнымъ годомъ и числомъ мѣсяца. Потому годовое число для церковника было первымъ дѣломъ при обозначеніи лѣтописнаго показанія, и потому собраніе такихъ показаній именовалось: «описью лѣтъ» или лѣтописью, гдѣ главное мѣсто занимало именно «лѣто», т. е., годовое число. Оно ставилось даже и въ такомъ случаѣ, когда самой описи не оказывалось: для соблюденія порядка въ теченіи другъ за другомъ годовыхъ чиселъ, причемъ имѣлось въ виду когда-нибудь пополнить записями пустые года. Такія краткія памятныя замѣтки, вѣдь, и теперь дѣлаются въ календаряхъ. Первоначальная наша лѣтопись, стало быть, имѣла всѣ свойства именно календарныхъ замѣтокъ. Въ книгахъ той же соборной церкви находились краткіе «лѣтописцы»,

обозначавшіе, послѣдовательнымъ перечнемъ, время жизни различныхъ выдающихся лицъ, жившихъ и до Христа, отъ Адама. Они должны были разрѣшать для церкви вопросы: кто когда жилъ? и что когда въ христіанскомъ мірѣ происходило? Кромѣ того, самыя славныя, чрезвычайныя событія на Руси IX и X вѣка побуждали грамотниковъ христіанъ записывать на память потомству дѣла своей земли. Народная мысль не могла оставаться безъ отзыва къ своей же славѣ. Такъ какъ мѣсто, гдѣ впервые записывалось событіе, была страница святой, церковной книги, то, конечно, марать такія страницы народными баснями не представлялось возможнымъ для благочестивыхъ понятій первыхъ церковниковъ, первыхъ грамотниковъ. На такую страницу можно было заносить только такую же святую правду, какою исписана была вся книга. Вотъ почему въ отмѣткахъ лѣтописи мы обезпечены полною достовѣрностью. Тѣсно между собою сплоченный кругъ христіанъ и отличался тогда въ Кіевѣ отъ язычества тѣмъ, что старался слѣдовать, по человѣческимъ силамъ, въ мысляхъ своихъ и поступкахъ, святой, высокой правдѣ. Въ древнее время книга обозначала только святое писаніе, а потому, согласно убѣжденію первыхъ русскихъ христіанъ, никакой лжи или выдумки въ книгу вписать было невозможно. Эти высокія, чистыя мысли о значеніи книжнаго письма, къ нашему счастью, долго оставались въ русской землѣ и управляли ея лѣтописнымъ дѣломъ. Всѣ короткія самостоятельныя извѣстія русской начальной лѣтописи имѣли своимъ источникомъ разсказы очевидцевъ или участниковъ заносимаго въ нее событія, а потому и правда каждой отмѣтки не подлежитъ сомнѣнію. Неточность свѣдѣній и затемнѣніе вымысломъ чистой правды начали

появляться позже, когда разсказы стали переходить изъ пятыхъ въ десятыя руки; но и тутъ это случалось только лишь отъ невѣдѣнія, безъ всякой тѣни сознательной и преднамѣренной лжи. Рѣчь нашей лѣтописи пряма, честна, независима и полна христіанской любви. Она не различаетъ людей по чинамъ; не «зритъ» на лица, но говоритъ одинаково правду о князѣ и простолюдинѣ.

Для того, чтобы собрать въ одно лѣтописное цѣлое эти замѣтки, разсѣянныя по всѣмъ церковнымъ общинамъ и городамъ русской земли, необходимо было, чтобы вся Русь тоже сплотилась своими землями, какъ единое тѣло русскаго государства, готовое къ воспріятію всенародной духовной жизни, такъ какъ исторія всякаго отдѣльнаго народа есть выраженіе его собственнаго сознанія и жизненнаго развитія. Ея внутренній складъ и внѣшняя разработка связаны неразрывно съ дѣйствительнымъ содержаніемъ народной жизни. Лѣтопись безпристрастно ее отражаетъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ. А до конца X вѣка (т. е. девятисотыхъ годовъ) Русь только складывала, собирала разъединенныя части свои вокругъ Кіева въ одну нераздѣльную русскую землю; а потому и самое себя выражала отрывочными разсказами, еще не дойдя въ своемъ постепенномъ ростѣ до ясно сознанной мысли о русской землѣ, какъ о сплоченномъ, однородномъ цѣломъ, уже отлившемся въ завершенныя, до извѣстной степени, общія очертанія. Только, когда такая мысль явилась во всенародномъ сознаніи и окрѣпла въ немъ, она, естественно, начала стремиться изобразить по лѣтописнымъ отрывкамъ именно это цѣлое,—во всей послѣдовательности его годовъ. По ходу событій едва ли могло это умственное сознаніе явиться въ русскомъ народѣ до Яро-

слава Мудраго, когда уже дѣти и внуки отцовъ, крещенныхъ Владиміромъ Равноапостольнымъ, должны были понять въ миновавшемъ времени медленно обозначенные шаги своего развитія, и предприняли трудъ лѣтописнаго повѣствованія о начальной исторіи ихъ родной обширной страны. Наша лѣтопись, такимъ образомъ, выросла, какъ бы, изъ собственнаго зерна, на невоздѣланномъ сначала полѣ, гдѣ, образно говоря, цвѣты и злаки отдѣльныхъ, краткихъ лѣтописныхъ замѣтокъ были разбросаны игрой случая по различнымъ мѣстамъ русской земли. Онѣ хранились въ книгахъ первыхъ христіанъ, быть можетъ, еще прятавшихся въ пещерахъ Кіевскихъ горъ. Но вотъ великій князь Владиміръ Святой, какъ добрый пахарь, вспахалъ общую ниву народнаго просвѣщенія, умягчивъ вѣрою христіанской сердца всѣхъ русскихъ людей, (что мы подробно увидимъ ниже), и озаривъ истиною ея ихъ умы въ св. Крещеніи. А его сынъ, Ярославъ Мудрый, по выраженію позднѣйшихъ лѣтописцевъ, «насѣялъ эти сердца книжными словесами, давшими зрѣлый колосъ духовной пищи для русскаго народа».

Однако хорошее, крѣпкое сложеніе и внѣшнихъ тѣлесныхъ силъ было необходимо для здороваго умственнаго посѣва книжныхъ словесъ.

Когда при Ярославѣ Мудромъ эти два главныхъ начала народной жизни совпали въ успѣшномъ своемъ развитіи, они дали возможность народному творчеству проявить себя и пробудили въ русскомъ народѣ мысль о самомъ себѣ, какъ объ одной живой единицѣ, чувствительной и внимательной къ своему бытію, ко всѣмъ его явленіямъ и особенностямъ. Церковныя записи воспитывали въ народѣ любовь къ исторической памяти о временахъ прошедшихъ

такъ же, какъ и послѣдующихъ. Лѣтописаніе *) было любимымъ занятіемъ нашихъ древнихъ книжниковъ. Начавъ слѣпымъ подражаніемъ внѣшнимъ пріемамъ византійской хроники, они выработали со временемъ свое особое лѣтописное изложеніе, свое твердое историческое міросозерцаніе и опредѣленную оцѣнку событій. Лѣтописаніе считалось богоугоднымъ, душеполезнымъ дѣломъ, а потому и частныя лица, кромѣ церковныхъ записей, отмѣчали себѣ на память историческія событія. Тоже при княжескихъ дворахъ начали вести лѣтопись, обязательную, съ перечнемъ всѣхъ событій и дѣлъ каждой области, сохранявшимъ на себѣ отпечатокъ сочувствій и настроеній каждаго края, причемъ первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежало Кіеву. Очевидно, что, когда выросло посѣянное Ярославомъ Мудрымъ въ умахъ русскихъ людей книжное сѣмя, то выросла тоже русская мысль: связать въ одинъ общій разсказъ отдѣльныя годовыя отмѣтки церковныхъ общинъ и другихъ записей въ разныхъ углахъ Руси о годовыхъ событіяхъ и дѣлахъ, въ ней имѣвшихъ мѣсто, т. е., такимъ образомъ, изъ простой «описи лѣтъ» воспроизвести «повѣсть временныхъ лѣтъ». Бытописатели, появившіеся за первоначальными мѣстными лѣтописцами, собирали эти записи, сводили ихъ въ цѣльный погодный разсказъ о всей землѣ и къ нему прибавляли отъ себя описаніе нѣсколькихъ дальнѣйшихъ лѣтъ. Въ русскомъ обществѣ сами собой начали зарождаться вопросы: откуда пошла русская земля? кто въ Кіевѣ началъ первый княжить? и т. п. Въ XI вѣкѣ Кіевская Русь, какъ мы это дальше увидимъ, переживала самое славное свое время: она была страшна всѣмъ сосѣдямъ, и обратила на себя вниманіе иностранцевъ.

*) В. Ключевскій: «Курсъ Русской исторіи».

Естественно *) было ей оглянуться въ глубину прошлаго своего, съ особенною любовью — на тѣ далекія времена, гдѣ находились корни и родники ея настоящей силы. Мысленные запросы самыхъ пытливыхъ и дѣятельныхъ умовъ русскаго общества того времени получили свое яркое выраженіе въ «Начальной лѣтописи», которую принято было раньше называть ошибочно лѣтописью Нестора. Подобная лѣтопись, или собраніе въ одно цѣлое событій минувшихъ лѣтъ, есть дѣло сложное и общественное, по преимуществу, т. е. общее дѣло всѣхъ бывалыхъ людей, общее желаніе всѣхъ лучшихъ дѣятелей своего времени. Собирать опись «Временныхъ лѣтъ» первый ихъ переписчикъ долженъ былъ отовсюду — изъ ветхихъ книгъ и отъ живыхъ людей. Эти живые свидѣтели устно во множествѣ принимали участіе въ работѣ списателя; передавали ему свой образъ мыслей и свою память о древнихъ событіяхъ, такъ что умѣнье и личность самого собирателя-лѣтописца являлись только орудіемъ для выраженія общаго историческаго достоянія всего народа даннаго времени. Безъ нарушенія цѣлости простого, до младенчества, сборника, можно было дополнять новыми свѣдѣніями каждую его статью, и потому очень естественно, что первый же съ него списокъ новаго лѣтописца уже отличался многимъ отъ подлинника.

Несторъ.

2) Картина: Несторъ у окна надъ книгой.

Какъ Геродотъ былъ первымъ историкомъ древнихъ грековъ, такъ Геродотомъ русскимъ является черноризецъ Кіево-Печерскаго монастыря — преподобный Несторъ. Онъ написалъ нашу первую объединенную стройной и строго исторической мыслью

*) И. Е. Забѣлинъ.

лѣтопись, хотя, преимущественно, Кіевскую, причемъ составлялъ ее независимо отъ какихъ бы то ни было образцовъ — византійскихъ, или арабскихъ, и ничего отъ нихъ не заимствовалъ, кромѣ общей цѣли своей задачи. Но *), тѣмъ не менѣе, его лѣтописный трудъ не могъ быть порожденъ монашески-уединенной мыслью, а послужилъ выраженіемъ мысли общественной. Монастырское созерцаніе во главѣ его несомнѣнно поставило бы вопросы церковнаго міра и повело бы свой «Временникъ» отъ начала на Руси вѣры Христовой. Между тѣмъ взглядъ Нестора на свое лѣтописанье гораздо обширнѣй. Онъ устремляетъ главное свое вниманіе на изображеніе событій свѣтскихъ и государственныхъ; напримѣръ, вноситъ въ лѣтопись цѣликомъ договоры Олега и Игоря съ Греціей, — какъ живыя, дѣйствующія условія отношенія Руси къ Царьграду. Ихъ помѣщеніе на страницахъ лѣтописи отвѣчаетъ, во-первыхъ, прямому требованію той среды, гдѣ отношенія эти имѣли особенно важное, преобладающее значеніе. Весь городъ Кіевъ со своею дружиной торговыхъ людей, не говоря уже о военной его дружинѣ, во главѣ съ княземъ, весьма дорожилъ своими сношеніями съ Царьградомъ, основанными на упомянутыхъ договорахъ. Въ другихъ отдѣлахъ Несторовой лѣтописи встрѣчается тоже частое указаніе на то, что его перомъ руководилъ духъ и смыслъ болѣе княжескаго дружинника, нежели благочестиваго инока. Духовное поученіе, проходящее по всей лѣтописи, не составляло тогда задачу исключительно иночества. Завѣщаніе сыновьямъ своимъ великаго князя Владиміра Мономаха, въ XII вѣкѣ, тоже полно наставленій столь же

*) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни».

высокаго поученія. Какъ города и соборные храмы въ нихъ строились общими силами всей городской волости, такъ точно строилась, вѣроятно, и первая «повѣсть временныхъ лѣтъ», такъ же, какъ многіе списки съ нея,—вѣрнѣе, лѣтописные сборники, вновь приросставшіе къ ея составу. Возникшая сначала въ городѣ мысль написать повѣсть русскихъ временныхъ лѣтъ была неизбѣжно выполнена въ монастырѣ, потому что тамъ жили люди, лучше другихъ знакомые съ книжнымъ дѣломъ и ничѣмъ другимъ не занятые. Въ тишинѣ и уединеніи монастыря, вполнѣ безопасные за его высокой оградой отъ суеты и бранныхъ тревогъ мірской жизни, иноки безъ перерыва могли собирать отовсюду отеческія преданія и вести долгія бесѣды о первыхъ русскихъ людяхъ, о древнихъ временахъ, или особенныхъ человѣческихъ подвигахъ. Послушать такія бесѣды въ монастыри приходили лучшіе люди изъ города, причемъ князья и бояре всегда были вѣрными друзьями монастырей и, безъ сомнѣнія, являлись руководителями лѣтописнаго дѣла. Прочное *) и твердое основаніе на Руси умственному расцвѣту положилъ первый русскій законодатель — великій князь Кіевскій, Ярославъ Мудрый, главнымъ образомъ, многими переводами греческихъ книгъ на славянскій языкъ. Онъ самъ былъ страстный любитель чтенія. Читалъ день и ночь. Такое пристрастіе къ книгамъ перешло отъ него не только къ его дѣтямъ и внукамъ, но быстро распространилось въ обществѣ, особенно, среди людей, обладавшихъ передъ другими бо̀льшимъ досугомъ. Сынъ Ярослава Мудраго, великій князь Всеволодъ Ярославовичъ, сидя дома, выучился пяти языкамъ. Позже, внукъ Ярослава, ровес-

3) Картина: Изображеніе Ярослава Мудраго.

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи».

никъ Нестора, Владиміръ Мономахъ, въ поученіе дѣтямъ своимъ, описалъ всю свою жизнь. Книга мало-по-малу стала необходимой для каждаго мыслящаго ума. Но она влечетъ къ уединенію и удаляетъ мысль отъ шума внѣшней жизни, такъ что вскорѣ за появленіемъ на Руси книги, сама собой среди русскихъ людей возникаетъ потребность въ монастырѣ, т. е., въ тихомъ мѣстѣ, гдѣ можно было бы читать спокойно и размышлять о прочитанномъ безъ помѣхи. При Ярославѣ,—впослѣдствіи, первый чисто русскій митрополитъ, — Иларіонъ, для созерцанія и молитвы, ходитъ въ густой лѣсъ, на холмѣ, и тамъ выкапываетъ себѣ небольшую пещерку, гдѣ пребываетъ по временамъ, уходя отъ людского шума. Изъ этой пещерки образуется позже Печерскій монастырь, здѣсь основанный святымъ отшельникомъ — преподобнымъ Антоніемъ. По мѣрѣ того, какъ распространялась на Руси христіанская вѣра, преимущественно посредствомъ книгъ и письма, начали утверждаться у насъ и множиться монастыри, причемъ около книгъ и писаній сосредоточились черноризцы. Списываніе *) и переплетаніе книгъ входило въ разрядъ благочестивой работы, и ее совершали иноки по обѣту, или, какъ видъ особаго послушанія. Порожденный болѣе всего книгою, монастырь высоко цѣнитъ ее, какъ умственную святыню, и къ ней относится съ величайшимъ благоговѣніемъ. Вотъ почему первые русскіе монастыри для тогдашняго общества были первымъ университетомъ, въ лучшемъ его значеніи, т. е., живымъ свѣтиломъ знанія и науки для всѣхъ неученыхъ и необразованныхъ. Въ особенности такое просвѣтительное значеніе, въ XI столѣтіи, имѣлъ монастырь

4) Картина: Видъ современной Кіево-Печерской лавры.

*) И. Е. Забѣлинъ: «Исторія Русской жизни».

Печерскій. Онъ является сосредоточіемъ всѣхъ душевныхъ и умственныхъ стремленій города Кіева. Въ своихъ стѣнахъ онъ заключалъ, на всѣ его нравственные запросы, святое, высокое поученіе. Вотъ почему князья, бояре и всѣ простые русскіе люди въ прежнее время такъ искренно, горячо любили черноризцевъ и чтили ихъ, какъ своихъ добрыхъ, мудрыхъ учителей, вносившихъ своею душеспасительною бесѣдой во тьму мірского невѣжества и грубыхъ нравовъ тѣхъ древнихъ временъ благодатный лучъ братской любви, чистой правды и полезныхъ совѣтовъ во всякихъ дѣлахъ житейскихъ. Кіевскіе князья не только сами бывали въ Печерскомъ монастырѣ, но почитали тоже благочестивымъ обычаемъ видѣть своими гостями на пиршествахъ игумена со всей братіей. Игуменъ св. Ѳеодосій *) поставилъ себѣ за правило навѣщать часто своихъ городскихъ друзей, дабы подавать въ Кіевѣ всѣмъ, безъ лицепріятія, утѣшеніе, благословеніе и поученіе. Онъ заботился также спасти души мірскихъ людей, — безъ различія: были ли то князья, бояре или послѣдніе, бѣдные простолюдины, — какъ и души иноковъ, находившихся подъ его началомъ. Самъ онъ носилъ всегда одежду нищаго странника. Первымъ другомъ св. Ѳеодосія былъ нѣкій кіевскій тысяцкій, Янъ Вышатичъ, скончавшійся въ 1116 году 90-та лѣтъ отъ роду. По свидѣтельству Нестора, онъ ему много пересказалъ, для внесенія въ лѣтопись, былей о давнихъ временахъ русской исторіи, а въ годъ смерти своей ходилъ еще съ братомъ своимъ Путятою воевать противъ дикихъ кочевниковъ южно-русскихъ степей того времени: — половцевъ. Когда Изъяславъ, старшій сынъ Ярослава Мудраго, обѣдая какъ-то за

*) Д. И. Иловайскій.

братской трапезой въ Печерскомъ монастырѣ, замѣтилъ, что «вотъ не могутъ мои княжескіе повара изготовлять такихъ вкусныхъ снѣдей, какія вкушаю я въ монастырѣ», Печерскій игуменъ ему отвѣчалъ: «а потому, что у насъ все дѣлается съ молитвой, а у тебя твои люди по большей части все дѣлаютъ съ ссорою и враждой». Къ брату Изъяслава, Кіевскому великому князю Святославу, игуменъ заходилъ часто, во всякое время, и остановилъ у него однажды своимъ появленіемъ слишкомъ разгульное пиршество.

Дѣти дѣтей Ярослава, жившихъ въ столь тѣсной сердечной близости съ монастыремъ, сохранили еще бо̀льшее уваженіе къ этой святой средѣ, гдѣ они мальчиками привыкли чтить то, что возвышалось умственно и нравственно надъ общимъ уровнемъ тогдашней жизни.

Святополкъ Изъяславичъ, въ княженіе котораго, съ 1093 — 1113 года, Несторъ написалъ свою лѣтопись, — исполняя, должно быть, еще отцовскій обычай, какое бы дѣло или походъ ни предпринималъ, шелъ прежде всего къ игумену Печерскаго монастыря и къ гробу св. Ѳеодосія. Съ братіей монастырской дѣлилъ онъ всѣ свои радости и печали.

5) Картина: Къ схимнику передъ битвой.

Если *), такимъ образомъ, Печерскій монастырь былъ любимымъ другомъ, отцомъ и братомъ русскихъ людей всякаго званія, роднымъ, святымъ мѣстомъ для всего русскаго общества, распространявшимъ изъ Кіева благотворное свое вліяніе на всю русскую землю, такъ что къ нему съ разныхъ концовъ русской земли стекался народъ, чтобы поразмыслить съ братіей о всякомъ, сколько нибудь значительномъ — общемъ или домашнемъ — дѣлѣ, то вполнѣ понятно

*) И. Е. Забѣлинъ.

становится, что такой монастырь зналъ людей и дѣла своей земли несравненно лучше и достовѣрнѣй, чѣмъ кто-либо могъ ихъ знать; что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не могла зародиться первая мысль о составленіи полной и связной русской лѣтописи, когда именно здѣсь сосредоточивалось все передовое, бывалое общество русской земли, весь ея умъ и опытъ. Передъ лицомъ братіи монастырской разрѣшались не разъ самыя важныя междукняжескія дѣла и ихъ острые споры: опредѣлялось ихъ, запутанное враждой и соперничествомъ между собою, взаимное отношеніе. Исторія, стало быть, какъ бы живьемъ проходила по монастырскимъ кельямъ, такъ что, когда поднялись въ обществѣ толки о первыхъ временахъ русской земли, и возникли вопросы о томъ, какъ она стала такою сильною, никто, конечно, лучше не могъ объ этомъ грамотно разсказать, какъ тѣсный кругъ Печерскихъ иноковъ. Хотя весь первый трудъ лѣтописанія принялъ на себя среди нихъ преподобный Несторъ, но онъ не могъ бы его начать безъ живаго содѣйствія и участія въ немъ всего общества тогдашнихъ знающихъ, умныхъ русскихъ людей. Въ лѣтописи его слишкомъ много выражено всенароднаго, принадлежащаго цѣлому вѣку и цѣлому племени. Но зато трудъ черноризца Нестора легъ въ основаніе всѣхъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, когда они сами собою начали составляться въ разныхъ другихъ городахъ русской земли. Только въ Кіевѣ могла зародиться мысль о всенародномъ ея единствѣ, такъ какъ онъ былъ гнѣздомъ древне-русской грамотности и образованности, по разнообразному составу своего городского общества и по своимъ связямъ со всѣми окрестными странами,—особенно съ Византіей. Послѣ же Нестора лѣтописное дѣло становится общимъ дѣломъ всей русской земли. Всякій списатель

лѣтописи ее дополнялъ недостающими въ ней подробностями и статьями. «Повѣсть временныхъ лѣтъ» распространилась по всѣмъ русскимъ городамъ, потому что она была создана желаніемъ и мышленіемъ города, отвѣчала вполнѣ потребностямъ грамотнаго городского быта. Каждый городъ *) сталъ почитать необходимымъ имѣть свой сборникъ лѣтописи и дополнялъ слѣдовавшій за начальной лѣтописью «Временникъ» Нестора своими вставками: повѣстями, касавшимися родного города и родного края. Есть свидѣтельство, что князья приказывали вписывать то или другое событіе на память потомству, причемъ иныя событія, будто, разсказываются самимъ княземъ. Князья безъ гнѣва повелѣвали писать въ лѣтопись все доброе и худое, а общій приговоръ всей дружины утверждалъ вѣрность и безпристрастіе лѣтописной записи. Иныя событія описывали сами дружинники, какъ, напримѣръ, многія междуусобныя войны князей, ихъ походы и битвы. Новгородская лѣтопись, при описаніи внутреннихъ смутъ новгородскихъ, велась, очевидно, самими вѣчевыми людьми. Вообще, все показываетъ, что лѣтопись выражала собой не церковную, монастырскую, а мірскую жизнь каждаго города, или всей русской земли; что ее составляли не столько духовныя лица, сколько міряне, свѣтскіе люди, дружинники и горожане. Можно сказать **), что каждый переписчикъ становился въ свою очередь лѣтописцемъ, такъ какъ всегда по своему измѣнялъ и дополнялъ написанное, согласно съ собственнымъ разумѣніемъ, или по свѣдѣніямъ, собраннымъ на своей родинѣ. Да и самъ Несторъ, вновь переписывая свою «Повѣсть времен-

*) В. Ключевскій.

**) И. Е. Забѣлинъ.

ныхъ лѣтъ», необходимо долженъ былъ внести въ нее прибавки и новыя объясненія, такъ какъ она не была личнымъ его сочиненіемъ, а просто сборникомъ разсужденій, преданій и свѣдѣній, ходившихъ въ тогдашнемъ обществѣ. Какъ неграмотный народъ слагаетъ сказанія и поетъ былины, такъ лѣтопись составляетъ тотъ же народъ, только—грамотный. Въ лѣтописи вы слышите разсказъ не того или другого писателя, а, какъ бы, всего народа, бывшаго очевидцемъ разсказываемыхъ событій. По этой причинѣ, какъ общенародное дѣло, наша лѣтопись, отъ первой и до послѣдней своей строки, отличается необыкновенной правдивостью и достовѣрностью. Всякая выдумка въ ней обнаруживалась сейчасъ же, какъ темное пятно на свѣтломъ мѣстѣ. Лѣтопись наша является, такимъ образомъ, святымъ словомъ исповѣди за весь дѣйствующій, живущій на Руси міръ: словомъ правды христіанской, исполненной уваженія къ слову Писанія вообще.

Въ Несторовой лѣтописи собственно «время» стоитъ на первомъ мѣстѣ всего труда. Онъ описываетъ «лѣта времени» въ ихъ научной, строгой последовательности. Событія, какъ бы, пристегиваются къ годовому числу, иногда представляющему пустое мѣсто. Лѣтопись дорожитъ каждымъ извѣстіемъ, освѣщающимъ темное дѣло или темное время; когда же чего не знаетъ, о томъ и не говоритъ, оставляя въ сторонѣ всякія личныя мнѣнія или догадки. Пустыя мѣста подъ числами, отмѣченныя лишь краткимъ, неполнымъ свѣдѣніемъ, пополняютъ тогда позднѣйшіе переписчики, вписывая отъ себя то, что имъ удалось узнать достовѣрно.

Въ такомъ неприкрашенномъ, правдивомъ видѣ, какъ «Начальная лѣтопись», такъ и Несторова «По-

вѣсть временныхъ лѣтъ» развѣтвились въ послѣдующія времена еще на множество лѣтописныхъ списковъ, имѣющихъ своимъ корнемъ и основаніемъ все таки первоначальную совокупно народную лѣтопись и «Повѣсть временныхъ лѣтъ» нашего древняго, почтеннаго инока—лѣтописца Нестора. А рядомъ *) съ нимъ и еще другого, хотя не столь общеизвѣстнаго, но не менѣе замѣчательнаго древняго лѣтописца нашего, современника Владиміра Мономаха, и тоже бывшаго инока Кіево-Печерской Лавры, а затѣмъ игумена Михайловскаго-Выдубецкаго монастыря въ Кіевѣ—Сильвестра.

Древній Кіевъ **).

Городъ Кіевъ живописно располагается, какъ извѣстно, на правомъ, возвышенномъ берегу Днѣпра, и на самыхъ высокихъ его холмахъ, подступившихъ здѣсь къ самой рѣкѣ. Отсюда взглядъ поражаетъ необъятный просторъ равнины, захватывающей весь противоположный, лѣвый берегъ Днѣпра. По ней широкою лентой, на три версты, проходятъ роскошные поемные луга; а за ними селенія окружены нескончаемыми полями, гдѣ между слободами, Никольской и Воскресенской, высится одиноко прославленная въ южно-русскихъ преданіяхъ Лысая гора. Днѣпръ подъ Кіевомъ не глубокъ, но его ширина доходитъ до 250 саж., и въ весеннее половодье онъ затопляетъ не только весь лѣвый берегъ, но и всѣ низменныя части праваго, примыкающія къ горамъ Кіевскимъ съ сѣвера и сѣверо-востока. Вотъ почему большая часть домовъ по прибрежнымъ низменностямъ строится на высокихъ сваяхъ. Острова и низменныя прибережья

*) В. Ключевскій.

**) Полевой: Очерки Русской Исторіи. Профессоръ Хойновскій: «Краткія свѣдѣнія о древнихъ славянахъ и Руси».

Днѣпра до сихъ поръ изобилуютъ разнообразной болотной дичью, а въ лѣсахъ около Кіева водятся зайцы, волки, лисицы, дикія козы и даже вепри. Можно себѣ представить какое множество ихъ наполняло собою въ древности, непроходимые тогда, лѣса и пустыя низменныя пространства.

Новѣйшія *) раскопки глубокихъ слоевъ мѣстной почвы доказали намъ, что вокругъ Кіева жили осѣдлыя племена за много столѣтій до появленія въ исторіи имени Роси. Въ 1874 году, при земляныхъ работахъ на улицахъ Прорѣзной и Фундуклеевской, кіевляне случайно наткнулись на древнее кладбище. При скелетахъ найдены были просверленные въ серединѣ камни, величиной съ кулакъ, и бусы изъ краснаго шифера. Подъ низкими сводами нѣкоторыхъ могилъ-пещерокъ поставлены были горшки съ обожженными костями и пепломъ. Кромѣ могилъ, среди кладбища попадались большія ямы, глубиной въ 4 аршина, съ остатками очаговъ, сложенныхъ изъ камней со слѣдами огня. Въ черноземѣ этихъ ямъ лежали обугленныя и раздробленныя кости разныхъ домашнихъ животныхъ.

По прибережьямъ Днѣпра ископаемыя пещеры тянутся внизъ по его теченію, отъ Кіева верстъ на 30-ть. Ихъ уже отшельники христіане XI вѣка считали очень древними, а въ Несторово время тамъ находили клады, ясно указывающіе на сношенія мѣстныхъ жителей съ греками гораздо ранѣе основанія Кіева. Эти пещеры должны были служить убѣжищемъ для купцовъ-разбойниковъ и вмѣстѣ складомъ сокровищъ: или обмѣненныхъ, или награбленныхъ въ греческихъ городахъ.

Изъ могилъ Кіевской губерніи выкапываютъ топоры и шлемы превосходной работы грековъ; прекрасные греческіе сосуды для храненія влаги и золотыя

*) Профессоръ Хойновскій.

украшенія одежды. У подножія кіевскихъ холмовъ отрываютъ нерѣдко кости давно уже вымершихъ громадныхъ животныхъ древнѣйшей породы слоновъ, называемыхъ мамонтами. Въ томъ, что касается основанія города Кіева, Несторъ разсказываетъ, что три брата славянскаго племени: Кій, Щекъ и Хоривъ съ сестрою Лебедью, пришли сюда для поселенія, и городъ былъ названъ по имени старшаго между братьями. Позже, согласно преданію, князья Аскольдъ и Диръ приплыли внизъ по Днѣпру со своей сильной варяжской дружиной съ береговъ Балтійскаго моря и овладѣли Кіевомъ, гдѣ начали княжить надъ всею Кіевскою областью. Городъ Кіевъ тогда еще былъ небольшимъ городкомъ, на горѣ. Мѣстность его *), размываемая волнами Днѣпра, теперь значительно измѣнилась. Съ тѣхъ давнихъ поръ обсыпались цѣлыя горы, и наносились водою цѣлые острова да отмели, что, конечно, вліяло на направленіе многочисленныхъ Днѣпровскихъ притоковъ. Нижняя часть Кіева, называемая теперь Подоломъ, не орошалась тогда Днѣпромъ. Здѣсь протекала рѣчка Почайна, принимавшая въ себя быстрый и сильный ручей Глубочицу, который беретъ начало въ озерѣ, за двѣ версты разстоянія къ сѣверо-западу. Въ Глубочицу же впадаетъ рѣчка Кіянка. Почайна текла по одному направленію съ Днѣпромъ, отдѣляясь отъ него широкою полосою берега. Теперь полоса эта больше не существуетъ. Рѣчка Почайна изливается въ Днѣпръ гораздо выше Подола, и въ эту же рѣку впадаетъ теперь непосредственно ручей Глубочица со своимъ притокомъ Кіянкой. Самъ Днѣпръ, конечно, былъ и обильнѣй водами, и шире въ древности, когда его берега сплошь покрывали дремучіе лѣса, подходив-

6) Картина: Мамонтъ.

7) Картина: Видъ современнаго Кіева.

*) П. Н. Полевой.

шіе подъ самыя стѣны Кіева. Тогда онъ занималъ только вершину Старо-Кіевской горы, отдѣленной глубокими оврагами отъ другихъ кіевскихъ возвышенностей и поднимающейся высоко надъ кіевскимъ Подоломъ. Въ окружности своей, по валамъ, тогда Кіевъ имѣлъ всего 540 саж. и, считая предмѣстье, заключалъ въ себѣ пространства не больше, какъ на двѣ версты. Этотъ первоначальный городъ быстро сталъ возрастать только въ концѣ X вѣка и къ концу XI успѣлъ уже увеличиться въ 20 разъ противъ прежняго своего объема. Старый городокъ обратился потомъ въ «Дѣтинецъ» Кіева, т. е., мѣстопребываніе князей Кіевскихъ. Кіевъ же во времена князя Игоря и княгини Ольги, по указаніямъ лѣтописи, граничилъ на югѣ глубокимъ оврагомъ, носившимъ названіе Перевѣсища. (Нынѣ за нимъ находится лучшая часть современнаго города—Крещатикъ.) На востокѣ спускались къ Почайнѣ крутыя, отвѣсныя горы. На сѣверо-востокѣ раскидывалось низменное пространство Подола. На сѣверѣ оврагъ отдѣлялъ городскую гору отъ горы Уздыхальницы, нынѣшней Киселевки; а другой, на западѣ, опредѣлялъ нагорную часть стараго города, гдѣ при Ярославѣ былъ построенъ большой соборъ во имя Св. Софіи и которая называется въ древней лѣтописи «Горою». Сюда смотрѣли ворота Дѣтинца, позже названныя Софійскими; а передъ воротами былъ древнѣйшій мостъ, соединявшій Дѣтинецъ съ Горою. Вверху, по окраинѣ оврага Перевѣсища, шла единственная дорога отъ Дѣтинца къ прибережью Днѣпра, называвшаяся Боричевымъ Увозомъ. Идя далѣе къ сѣверу по тому же оврагу, она на западѣ огибала гору Уздыхальницу и, слѣдуя по теченію рѣчки Кіянки, спускалась къ Подолу. Потомъ шла къ Вышгороду, за семь верстъ

выше Днѣпра. Дѣтинецъ Кіева обнесенъ былъ валомъ. Среди зданій, бывшихъ тамъ въ половинѣ X вѣка, до сихъ поръ сохранилась память о каменномъ теремѣ княгини Ольги. До великаго князя Владиміра все остальное пространство горы было не заселено, а занято полями и огородами. На южныхъ и западныхъ окраинахъ горы начинались уже лѣса и дебри. Подъ самыми стѣнами древняго городка, на мѣстѣ нынѣшняго Крещатика, за Боричевымъ увозомъ, былъ уже густой лѣсъ, простиравшійся къ югу до самаго Печерскаго монастыря; на Перевѣсищѣ раскидывались мѣста постоянныхъ княжескихъ звѣриныхъ лововъ или охотъ. Въ концѣ XI вѣка весь старый городъ, во всемъ своемъ объемѣ, при преемникахъ великаго князя Владиміра уже захватывая всю гору, до самыхъ Золотыхъ воротъ, огражденъ былъ стѣною и валомъ, причемъ сквозь него въ городъ вели съ четырехъ сторонъ разныя ворота: на юго-западѣ—Золотыя; на сѣверо-востокѣ, со стороны Подола,—Градскія; на юго-востокѣ—Лядскія и Жидовскія—съ сѣверо-запада. На сѣверо-востокѣ, при князѣ Владимірѣ и Ярославѣ Мудромъ, быстро сталъ заселяться удобный для для торга, обширный Подолъ, гдѣ пріютилась древнѣйшая православная церковь во имя св. Иліи. Въ XII вѣкѣ Подолъ принимаетъ живое участіе въ исторической жизни Кіева. Его богатые жители собираютъ сходки, т. е. вѣча, и присоединяются ко всѣмъ Кіевскимъ мятежамъ. Печерская возвышенность до начала 1700 годовъ не была застроена никакими частными и городскими зданіями. Во все время господства Кіева, при началѣ русской исторіи, она представляла изъ себя лѣсную глушь. Въ этой глуши обстроились только Печерскій и Никольскій монастыри съ нѣкоторыми принадлежащими къ нимъ селеніями. Между

8) Картина: Княжеская охота.

ними сельцо Берестово, вблизи Печерскаго монастыря, было любимымъ мѣстопребываніемъ Ярослава Мудраго. Лѣтопись упоминаетъ тамъ о княжескомъ дворцѣ и о двухъ церквахъ: Преображенія Господня и св. апостоловъ Петра и Павла. По дорогѣ въ Берестово, среди глухой чащи, находились монастыри: Стефановъ и Германовъ, въ Урочищѣ на рѣчкѣ Кловѣ. Въ древнѣйшемъ ядрѣ Кіевскаго Дѣтинца упоминаются лѣтописью: теремъ княжескій, церковь св. Василія и церковь Десятинная; монастыри Св. Андрея и св. Ѳеодора; иначе — Ясничъ и Вотчъ монастырь. На Горѣ, примкнувшей къ Дѣтинцу, въ половинѣ XI столѣтія мы видимъ: соборъ Св. Софіи, Золотыя ворота, церкви св. Ирины и св. Георгія и тюрьму, называвшуюся въ древности прорубомъ (или погребомъ). Софійскій соборъ и церкви, только что названныя, были построены Ярославомъ I. Владиміръ Святой сейчасъ послѣ крещенія своего въ 988 году построилъ церковь во имя св. Василія на томъ самомъ холмѣ, гдѣ раньше стоялъ идолъ Перуна. Теперь на мѣстѣ этой, уже разрушенной, церкви св. Василія, стоитъ церковь Трехсвятительская. Между нею и Андреевскимъ храмомъ находился въ древности «княжій дворъ». Въ 20 шагахъ отъ нея открыты въ 1838 году глубокія пещеры, подобныя Лаврскимъ, съ отдѣльными ходами въ разныя стороны. Церковь Десятинная въ честь Пресвятой Богородицы, заложенная на мѣстѣ, гдѣ одинъ варягъ христіанинъ былъ замученъ язычниками, была Владиміромъ Святымъ кончена въ 996 году. Мастера для ея постройки призваны были греческіе, подъ надзоромъ нѣкоего херсонесца или корсунянина, священника Анастаса. Она была снабжена крестами, иконами и церковной утварью изъ Корсуни. При освященіи ея Владиміръ Святой принесъ ей въ даръ десятую часть

9) Картина Древній видъ Софійскаго собора по рисунку XVII вѣка.

всѣхъ своихъ доходовъ, почему она была названа «Десятинною». Онъ положилъ въ церковь запись о десятинѣ съ проклятіемъ того, кто покусился бы измѣнить его завѣтъ. По желанію Ярослава Мудраго туда, въ 1044 году, перенесены были окрещенныя кости еще языческихъ великихъ князей: Ярополка и Олега Святославовичей. А въ 1078 году въ Десятинной церкви погребено было тѣло великаго князя Изъяслава Ярославовича, старшаго сына Ярослава Мудраго. Во время княжескихъ междоусобій, въ 1169 и 1203 годахъ, она подверглась разграбленію, а при взятіи Кіева татарскимъ ханомъ Батыемъ, какъ мы это увидимъ ниже, она послужила послѣднимъ оплотомъ кіевлянъ противъ татаръ, и потому больше всѣхъ древнихъ церквей пострадала. Въ 1635 году митрополитъ Кіевскій Петръ Могила воздвигъ на ея развалинахъ и на древнемъ фундаментѣ маленькую церковь во имя Рождества Богородицы. Но, когда она пришла въ ветхость, то была снесена вся до основанія при постройкѣ новой, нынѣшней Десятинной церкви. Ярославъ Мудрый, проникнутый важнымъ значеніемъ Кіева, въ особенности, украсилъ его постройками и расширилъ столицу россовъ. Хотя часть Горы заселилась еще при его отцѣ, Владимірѣ Святомъ, однако на мѣстѣ собора Св. Софіи, за годъ до его закладки, было «поле внѣ града», и здѣсь въ 1036 году, при набѣгѣ на Кіевъ изъ южно-русскихъ степей дикой орды печенѣговъ, произошла отчаянная битва съ ними. Въ 1037 году Ярославъ Мудрый началъ съ того, что обнесъ всю Гору высокимъ валомъ, гдѣ съ юго-западной стороны поставилъ великолѣпныя, такъ называемыя, «Золотыя ворота», надъ ними соорудивъ церковь Благовѣщенія. Образъ Пресвятой Дѣвы повѣшенъ былъ надъ самыми воротами: на ихъ

10) Картина: Развалины Десятинной церкви.

11) Картина: Рождественская церковь, построенная Петромъ Могилой, изъ остатковъ Десятинной въ 1635 г.

12) Картина: Развалины Золотыхъ воротъ.

сторонѣ, обращенной къ городу. Въ настоящее время это древнее зданіе представляется намъ въ видѣ двухъ обломковъ стѣны. Не болѣе, какъ въ 200 саженяхъ на сѣверо-востокъ отъ Золотыхъ воротъ, возвышается главная святыня Кіевская—соборъ Софійскій. Судьба этого собора и при немъ находившагося монастыря служила вѣрнѣйшимъ отраженіемъ тревожной и бурной судьбы самаго Кіевскаго великокняжества. Два раза до тла была разграблена Св. Софія ратями враждовавшихъ между собою русскихъ князей. Въ 1240 году, при общемъ разграбленіи Кіева Батыемъ, соборъ былъ разграбленъ окончательно, и во время грабежа въ немъ потревожены были кости почившихъ князей. Митрополиты Кіевскіе, тяготясь видомъ опустошенія нѣкогда славной русской столицы, съ тѣхъ поръ перестали жить въ Кіевѣ. Однако до 80-хъ годовъ XIII столѣтія въ соборѣ Св. Софіи еще продолжало совершаться богослуженіе, и митрополитъ Кириллъ III, скончавшійся въ Суздалѣ, велѣлъ похоронить себя въ Софійскомъ соборѣ, въ Кіевѣ.

13) Картина: Софійскій соборъ въ современномъ видѣ.

Переходя къ постройкамъ въ Дѣтинцѣ преемниковъ Ярослава Мудраго, мы тамъ встрѣчаемъ прежде всего монастырь св. Андрея, построенный въ 1086 году вторымъ сыномъ Ярослава Мудраго, Всеволодомъ, и св. Ѳеодора, заложенный въ 1128 году сыномъ Владиміра Мономаха, Мстиславомъ Владиміровичемъ. Монастырь при церкви св. Андрея обосновался нѣсколько позже, усердіемъ княжны Янки или Анны, дочери Всеволода и сестры Владиміра Мономаха. Она въ немъ постриглась и была погребена въ 1113 году. Монастырь сдѣлался усыпальницей всѣхъ Мономаховичей, разбогатѣлъ и пріобрѣлъ значеніе. По имени своей основательницы онъ прозванъ былъ Янчемъ монастыремъ. Въ 1132 году въ монастырѣ св. Ѳеодора было

положено тѣло самого его основателя, и потомки Мстислава дали ему имя «Вотча», т. е., «Отчаго». Въ 1154 и 1198 годахъ лѣтописи упоминаютъ о погребеніи тамъ еще 8-ми князей. Одинъ изъ позднѣйшихъ Кіевскихъ великихъ князей, временъ упадка значенія Кіевской области при сыновьяхъ Владиміра Мономаха:—Игорь Ольговичъ, подъ конецъ жизни постригся въ иноки Ѳеодоровскаго монастыря. Онъ былъ убитъ тамъ врагами кіявлянъ: суздальцами въ 1147 году. На память о немъ сохранилась до нашего времени та икона Пресвятой Богородицы, передъ которой молился онъ за часъ до своей смерти.

14) Картина: Древняя икона Божьей Матери, передъ которой молился застигнутый убійцами инокъ князь Игорь Ольговичъ.

Послѣ Батыева погрома монастырь Вотчъ былъ обращенъ въ развалины, и въ 1259 году князь Даніилъ Галицкій украсилъ церковь св. Іоанна Златоуста въ городѣ Холмѣ иконами изъ Ѳеодоровскаго монастыря, снабдилъ ее монастырскими колоколами, вывезенными изъ Кіева.

Кромѣ Дѣтинца и Горы, древній Кіевъ въ XI вѣкѣ, при Ярославлѣ Мудромъ, занялъ еще часть древняго Перевѣсища, на юго-западѣ. Весь сѣверо-востокъ былъ занятъ Подоломъ: вверхъ по Днѣпру, съ одной стороны, и до горъ Щековицы и Киселевки—съ другой. Это пространство позднѣйшаго, «новаго» Кіева, постепенно вводилось въ городскую черту и обносилось то землянымъ окопомъ, то «столпіемъ» или тыномъ, гдѣ для проѣзда оставляемы были немногія, бдительно охраняемыя, ворота. За «столпіемъ», ограждавшимъ съ сѣвера весь Подолъ, до горы Щековицы, простиралось открытое пустое пространство, носившее въ древности названіе Оболони. Но въ XII вѣкѣ Кіевъ еще расширился за указанные предѣлы, ставшіе для него тѣсными. За воротами Подольскими выросло, мало-по-малу, предмѣстье, полу-

чившее названіе «Копырева Конца». Этотъ «Конецъ» занялъ видное мѣсто во всей исторіи Кіева, вмѣстѣ съ сосѣднимъ своимъ урочищемъ, называвшимся въ лѣтописи Дорожигами и особенно важномъ для древняго Кіева въ военномъ отношеніи, такъ какъ въ Дорожигахъ находился узелъ трехъ важнѣйшихъ дорогъ, сходившихся къ Кіеву. Съ востока Кіевъ былъ неприступенъ по своимъ горамъ; съ юга — его ограждали лѣсныя дебри; съ сѣвера — ему защитой служили овраги и болота и только съ запада — онъ примыкалъ къ открытой, широкой, волнообразной равнинѣ, гдѣ во всѣхъ войнахъ всегда собирались полчища непріятеля, и, такимъ образомъ, несмотря на то, что городъ со стороны ея былъ обнесенъ стѣною съ крѣпкими воротами, все таки западная сторона Кіева была самою слабою его стороною. Однако даже и здѣсь, на далекой Дорогожицкой окраинѣ Кіевской, благочестивые русскіе князья, со временъ принятія Кіевомъ христіанства, основываютъ монастыри и церкви. Великій князь Всеволодъ Ольговичъ, княжившій съ 1140 до 1146 года, заложилъ здѣсь церковь св. Кирилла и монастырь при ней. Достойны примѣчанія двѣ церкви на Копыревомъ концѣ: св. Іоанна и св. Симеона съ монастыремъ, построенныя великимъ княземъ Святославомъ II Ярославичемъ, въ XI столѣтіи. (Онъ княжилъ съ 1073 — 1076 г.). Въ многолюдномъ Подолѣ самымъ достопримѣчательнымъ мѣстомъ была, такъ называемая, «Турова божница», гдѣ собирались шумныя, народныя вѣча.

15) Картина: Древнія фрески Кирилловскаго монастыря: 1) св. Кириллъ проповѣдуетъ правую вѣру 2) св. Кир. учитъ царя 3) св. Кир. учитъ въ соборѣ.

Златоверхій Михайловскій монастырь появился съ самаго начала XII вѣка въ той части древняго Перевѣсища, которая заселилась и примкнула къ Старому Кіеву, вѣроятно, уже въ половинѣ XI вѣка. Лѣто-

16) Картина: Современный видъ Михайловскаго монастыря.

пись упоминаетъ о закладкѣ церкви св. Михаила великимъ княземъ Святополкомъ-Михаиломъ въ 1108 году. Этотъ древній храмъ, по значенію уцѣлѣвшей внутри его древней живописи и мозаикъ, занимаетъ въ ряду кіевскихъ древностей второе мѣсто послѣ Софійскаго собора.

Съ западной стороны надъ Подоломъ возвышается гора Щековица, тѣсно связанная съ преданіемъ о построеніи Кіева тремя братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ. Она имѣетъ двѣ версты въ окружности и, хотя немного ниже Печерскихъ возвышенностей, однако принадлежитъ къ числу самыхъ высокихъ мѣстъ Кіева, и потому господствуетъ между горами: Киселевкой (древнею Уздыхальницей) и Юрковицей, надъ сѣверной частью города. Лѣтописное указаніе помѣщаетъ на Щековицѣ могилу перваго варяжскаго великаго князя Кіева, Олега, прозваннаго въ народѣ «вѣщимъ», приплывшаго сюда, какъ мы уже говорили, съ своей дружиной и сыномъ Новгородскаго князя: — Игоремъ, изъ далекаго Новгорода, чтобы занять силой мѣсто убитаго имъ Аскольда. Теперь на вершинѣ Щековицы находится церковь Всѣхъ Святыхъ и городское кладбище. У горы Щековицы, въ рѣчку Глубочицу впадаетъ ручей Кіянка, текущій по узкому и извилистому удолью, между крутыми склонами высотъ, поднимающихся по его обѣ стороны. Склоны эти живописно застроены деревянными домиками; посреди нихъ улицы кривы и грязны. Здѣсь нѣкогда проходилъ единственный путь, соединявшій Гору съ Подоломъ и наиболѣе отдаленными окраинами сѣверныхъ предмѣстій Кіева. Теперь широко раскинувшійся новый городъ давно захватилъ въ черту своихъ улицъ то мѣсто, гдѣ въ XII и XIII вв. упоминаются только лѣсныя дебри, пески и вовсе не заселенные пустыри. Вмѣстѣ съ этими пустырями были

17) Картина: Видъ горы Щековицы.

включены въ городъ Урочище Кловъ, село Берестово и монастырь Печерскій, нѣкогда составлявшіе рядъ отдѣльныхъ поселеній среди благодатной глуши, окружавшей Кіевъ. Крещатикъ, теперь лучшая улица новаго Кіева, былъ покрытъ сплошнымъ лѣсомъ еще въ 1700-хъ годахъ. Изъ него вытекалъ ручей Крещатикъ, впадавшій въ рѣчку Почайну. Здѣсь, по преданію, произошло крещеніе кіевлянъ великимъ княземъ Владиміромъ, и ему оттого на этомъ мѣстѣ воздвигнутъ городомъ памятникъ надъ Днѣпромъ. На одномъ изъ уступовъ Печерской горы, почти надъ самымъ Пустыннымъ-Никольскимъ монастыремъ, находится Урочище, называемое Аскольдовою могилою или Угорскимъ. Названіе «Угорскаго» произошло, на основаніи лѣтописи потому, что на этомъ мѣстѣ угры, образовавшіе по призыву нѣмцевъ въ Славянской Панноніи Венгерское королевство, въ своемъ движеніи на западъ, во время княженія Олега, остановились становищемъ подъ стѣнами Кіева, въ 898 году. Въ 1151 г. здѣсь упоминаются Угорскія ворота и княжій Дворъ. Къ югу отъ Аскольдовой могилы лежало прославленное кіевскими преданіями село Берестово, гдѣ находился загородный дворецъ великаго князя Владиміра, и былъ построенъ имъ монастырь Св. Спаса. Отъ него уцѣлѣла теперь одна только церковь Спаса на Берестовѣ, — быть можетъ древнѣйшая изъ кіевскихъ церквей. Село Берестово было такъ названо по берестовому лѣсу, отчасти здѣсь сохранившемуся еще до сихъ поръ.

18) Картина: Памятникъ Владиміра Святаго.

19) Картина: Становище угровъ.

На одномъ изъ наиболѣе возвышенныхъ кіевскихъ холмовъ, на югъ отъ Горы, находится тоже издревле извѣстное Урочище окрестностей Кіева—Кловъ. Здѣсь надъ излучистымъ ручьемъ Кловомъ, впадающимъ на западѣ въ рѣчку Лыбедь, въ тѣни густого лѣса, былъ

Собственность Т. П. Мятлевой.

Нарушеніе договора, скрѣпленнаго крестнымъ цѣлованіемъ. *(Къ 36 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Прибытіе князя Олега въ Кіевъ. *(Къ 51 стр.)*

нѣкогда одинокій выселокъ, и среди него появилось въ XI столѣтіи два монастыря: Стефанечь и Гермонечь, основанные иноками, выходцами изъ Печерской обители. Впослѣдствіи монастырскія земли на Кловѣ отошли къ Печерскому монастырю. Такъ какъ онѣ славились превосходными липовыми рощами, то въ память ихъ, когда ихъ вырубили, получили названіе Липокъ.

Бытъ древнихъ Кіевскихъ великихъ князей въ ихъ боевой и ежедневной жизни *).

О самыхъ первыхъ великихъ князьяхъ восточныхъ славянъ въ городѣ Кіевѣ, потомкахъ Кія и его братьяхъ, до Аскольда и Дира, мы ничего не знаемъ. Послѣ убіенія перваго христіанскаго русскаго князя Аскольда, въ крещеніи Николая, и его брата знатнымъ варягомъ Олегомъ, родственникомъ варяжскаго князя Рюрика, призваннаго для управленія Новгородомъ непостоянными, своевольными новгородцами, вся русская исторія, до воцаренія Дома Романовыхъ, идетъ въ неразрывной связи съ княжескимъ родомъ варяга Рюрика. Только князья этого рода имѣютъ право на столы княжескіе, не въ одномъ Кіевѣ, но и во всѣхъ другихъ главныхъ сосредоточіяхъ русской жизни, гдѣ эти князья являются необходимыми примирителями разнообразныхъ слоевъ русской народности, защитниками русской земли и охранителями ея цѣлости. Пользуясь очень значительными правами, князья одновременно несутъ на себѣ и большія обязанности. Иногда они должны были подчиняться рѣшенію народнаго собранія, или вѣча. Князь, старшій въ родѣ, имѣлъ право сидѣть на столѣ Кіевскомъ,

*) П. Н. Полевой: «Очерки Русской Исторіи въ памятникахъ быта».

въ старшемъ городѣ земли русской и тогда получалъ высшее надъ другими князьями званіе: Великаго Князя, соединенное, рядомъ съ большимъ почетомъ, съ большой отвѣтственностью за безопасность родной земли. Князь былъ и надежною обороной противъ внѣшнихъ враговъ и главной опорой въ городѣ, его внутренняго порядка. Едва только умираетъ князь, или бываетъ вынужденъ почему-либо покинуть столъ свой, какъ въ городскомъ населеніи разыгрываются страсти, и, несмотря на существованіе въ городѣ, рядомъ съ княжеской властью, властей гражданскихъ, какъ сотскій, тысяцкій,—и на рѣшающій голосъ вѣча, необходимость господства единой власти, собою выражающей государственное начало, сама говоритъ за себя въ начинающейся сумятицѣ и безпорядкахъ.

Какъ главный областной городъ не можетъ держаться безъ власти князя, такъ и другіе, меньшіе города, должны непремѣнно имѣть посаженнаго княземъ мужа, или «посадника».

Занимая въ Кіевѣ великокняжескій столъ, князь прежде всего шелъ поклониться мѣстнымъ святынямъ, а послѣ уже садился на «Княжьемъ Дворѣ», гдѣ принимался за управленіе княжествомъ при помощи своей дружины, сажая посадниковъ по городамъ и, такъ называемыхъ, тіуновъ—по селамъ. Граждане цѣловали крестъ, т. е., присягали князю, а князь—гражданамъ. Такое же скрѣпленіе обоюдныхъ ихъ отношеній повторялось всюду по городамъ Кіевскаго княженія черезъ довѣренныхъ лицъ, посылаемыхъ княземъ. Крестоцѣлованію иногда предшествовалъ особый порядъ, или уговоръ между княземъ и кіевскими горожанами. За княземъ онъ обезпечивалъ извѣстныя преимущества власти, а горожане такимъ уговоромъ ее сокращали, только при извѣстныхъ усло-

віяхъ соглашаясь признать право князя на Кіевскій столъ. Однако такой «порядъ» вовсе не былъ явленіемъ необходимымъ. Напримѣръ, князь, занимавшій Кіевскій столъ по праву старшинства, могъ не вступать ни въ какой уговоръ съ кіевлянами и принимался править по своей волѣ, а зато князь, призванный горожанами, долженъ былъ предварительно вступать съ ними въ извѣстный «рядъ». Конечно, тутъ многое, очевидно, зависѣло отъ самой личности князя: его достоинствъ, способностей и любви къ нему народа. Мы часто видимъ, что кіевляне грудью стоятъ за своихъ князей, правящихъ ими безъ всякаго уговора, и, наоборотъ, никакъ не могутъ ужиться съ княземъ, заключившимъ порядъ съ горожанами, — для нихъ очень выгодный.

Хотя утвердившійся на Кіевскомъ столѣ князь признавался старшимъ между князьями русскими, но они все же считали себя другъ другу равными, по отношенію къ своему владѣнію извѣстной частью русской земли. За Кіевскимъ великимъ княземъ удерживалось только право созывать остальныхъ князей для участія въ общихъ предпріятіяхъ всей русской земли противъ «поганыхъ»; онъ долженъ былъ обладать, помимо болѣе сильной дружины, еще достаточнымъ вліяніемъ нравственнымъ, чтобы вынудить младшихъ князей къ повиновенію. Обыкновенно они вступали въ ожесточенную борьбу съ его старшинствомъ, при малѣйшемъ противодѣйствіи великаго князя ихъ собственной волѣ. Для обсужденія общихъ вопросовъ, касавшихся всей земли русской, князья собирались на съѣзды, и здѣсь великій князь Кіевскій получалъ первенствующее значеніе; но все-таки, если кто-либо изъ младшихъ князей не хотѣлъ покориться, хотя бы единогласному рѣшенію съѣзда,

20) Картина: Съѣздъ князей русскихъ на общее совѣщанье.

21) Картина: Божіи судъ.

онъ рѣшалъ споръ свой съ князьями Божьимъ судомъ, т. е., вооруженной рукой.

Князья являлись на эти съѣзды съ лучшими представителями своей дружины, собирались въ одномъ шатрѣ и садились на одномъ коврѣ. Совѣщаніе начиналъ старшій, Кіевскій князь, и онъ же, вставая съ своего мѣста, заявлялъ объ окончательномъ рѣшеніи съѣзда. Въ обсужденіи спорныхъ вопросовъ участіе принимала, вмѣстѣ съ князьями, дружина ихъ. Рѣшенія съѣздовъ, какъ и вообще всякіе договоры князей между собою, скрѣплялись обоюднымъ цѣлованіемъ креста со словами: «Кто отступитъ отъ крестнаго цѣлованія, тому пусть этотъ крестъ отомститъ». Для цѣлованія креста князья сходили съ лошадей. Иногда совершалось оно съ одного креста изъ рукъ духовенства; иногда же прикладывались къ тѣльнымъ крестамъ, носимымъ князьями и всею дружиной ихъ на груди. Когда договоры заключались между князьями заочно, то они пересылались между собою мужами, и эти мужи водили ихъ ко кресту, причемъ закрѣпляли крестное цѣлованіе грамотами, гдѣ были прописаны всѣ условія договора. Съ такими крестными грамотами шелъ сначала мужъ отъ старшаго брата къ младшему, а потомъ—отъ младшаго къ старшему. Если же договоръ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, не соблюдался какою-нибудь изъ сторонъ, что̀ случалось довольно часто, то другая посылала къ вѣроломному князю того же самаго мужа, который присутствовалъ при заключеніи договора, для того чтобы ему повергнуть «крестныя грамоты». Посланный мужъ бросалъ эти грамоты у ногъ клятвопреступника, и послѣ этого договоръ считался больше не существующимъ. Когда князьямъ приходилось сноситься другъ съ другомъ по домашнимъ дѣламъ, или вступать между собою

22) Картина: Крестное цѣлованіе князей.

23) Картина: Нарушеніе договора, скрѣпленнаго крестнымъ цѣлованіемъ.

въ тайныя сдѣлки, они пересылались посольниками, выбираемыми изъ среды духовенства или младшей дружины. Такой посолъ везъ съ собой письма, или словесный запросъ, сопровождаемый привѣтствіями и поклонами.

Князь выражалъ свою непріязнь тому, отъ кого приходило посольство, не давши его послу ни повоза, ни корма. Младшій князь, получившій въ удѣлъ волость отъ старшаго, цѣловалъ ему крестъ въ исполненіи предъ нимъ разныхъ обязанностей. Онъ долженъ былъ являться къ своему старшему князю по его первому призыву, предоставлять въ распоряженіе его свою дружину, воевать съ его недругами и держать сторону его друзей, т. е., во всемъ безпрекословно исполнять его волю. Къ числу обязанностей младшихъ князей, получившихъ удѣлъ въ Кіевскомъ княженіи, относилась сторожевая служба въ пограничныхъ со степью мѣстахъ для охраны русской торговли. Въ воздаяніе за это старшій, или великій князь обязывался не давать никому въ обиду младшихъ князей и быть имъ на мѣсто отца; но онъ пользовался за то правомъ собирать дань съ нихъ въ опредѣленномъ количествѣ. Старшій князь, отправляясь въ объѣздъ по своимъ владѣніямъ въ опредѣленное время года, одновременно и собиралъ дань съ народа и входилъ въ его насущныя нужды, получая еще особые дары за судъ свой и правду. Эта поѣздка князя какъ и получаемые имъ подношенія, или подати, назывались «полюдьемъ». Впослѣдствіи князья начали поручать собираніе за себя дани своимъ довѣреннымъ лицамъ. Хотя доходы, идущіе съ волостей князю, подъ видомъ дани, а также пошлины съ суда, торговли, путей и промысловъ, имѣли значеніе суммъ, назначаемыхъ на общественныя по-

24) Картина: Сторожевые посты.

25) Картина: Полюдье.

требности, но князья вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ смотрѣли и какъ на свою частную собственность. Иногда предоставляли извѣстную долю ихъ въ пользованіе своей дружины, иногда жертвовали часть доходовъ своихъ церквамъ и монастырямъ. Князь не только самъ исполнялъ законъ и примѣнялъ его въ разныхъ случаяхъ, творя судъ, но онъ самъ принималъ участіе въ изданіи новыхъ законовъ: являлся законодателемъ.

Вслѣдствіе такого сосредоточія доходовъ съ волостей княжества исключительно въ рукахъ князя, князья привыкли смотрѣть на волости, какъ на опредѣленное денежное богатство. Кромѣ того, князья заселяли пустопорожнія земли своими холопами, или челядью, рубили на нихъ новые городки, ставили свои усадьбы, или дворы, и села. Къ этимъ вновь заселеннымъ мѣстностямъ примыкали на пользу князя: рыбныя ловли, пчелиныя борти, лѣса, полные дичи и звѣря, а также поемные луга. При такомъ разнообразномъ и постоянномъ притокѣ богатствъ изъ разныхъ источниковъ, княжеская казна представляла изъ себя неистощимую, полную чашу, а потому у русскихъ князей развилась привычка жить со своей дружиной шумно, разгульно и весело. Въ нихъ совершенно отсутствовало скопидомство, не было никакой страсти къ стяжанію; но они на свой счетъ содержали всѣхъ окружающихъ, и княжеская казна была всегда открыта дружинѣ, что много способствовало поддержанію достоинства и значенія, особенно богатаго князя, Кіевскаго предъ другими князьями. Казна князя, помимо денегъ, такъ называемыхъ, «кунъ», состояла изъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній, изъ тонкихъ тканей, по древне-русскому, «поволокъ», одеждъ, вышитыхъ жемчугомъ; изъ дорогихъ мѣховъ и шкуръ дикихъ звѣрей; изъ золотокованныхъ сѣделъ, сбруи

и дорогого оружія. Отсюда князья почерпали дары, въ то время необходимые при большихъ торжествахъ и княжескихъ съѣздахъ, но вообще относились къ своимъ мертвымъ сокровищамъ съ великимъ пренебреженіемъ. Значительную долю своихъ богатствъ они употребляли на помощь нищимъ, убогимъ и сиротамъ, на щедрые вклады въ монастыри и церкви, на содержаніе духовенства,—и этимъ стремились себѣ уготовить «сокровища на небеси».

Большое количество недвижимаго имущества какъ въ городскихъ, такъ и въ загородныхъ дворахъ князя, вынуждало его держать при себѣ не малое число слугъ и разныхъ должностныхъ лицъ, бывшихъ его постоянными спутниками и составлявшихъ необходимо княжескій дворъ. Изъ этого же состава княжеской дворни, иначе челяди, выбирались люди для управленія угодьями князя и охраненія его запасовъ. Такая многочисленная прислуга, всюду сопровождавшая князя, всегда заставляла слѣдомъ за нимъ—на охоту ли, на войну, на полюдье, или на богомолье онъ отправлялся, — выѣзжать огромный обозъ. За княземъ всегда тянулись повозки съ шатрами, съѣстными припасами, коврами, оружіемъ, подарками и одеждами. Рядомъ съ ними вели подводныхъ и вьючныхъ коней. Гдѣ бы ни вздумалъ князь съ дружиною и семействомъ расположиться станомъ, сейчасъ же можно было разбить шатры, или полостницы, разостлать ковры и вскрыть пищевые запасы. Во время битвы обозъ тщательно укрывался гдѣ-нибудь въ сторонѣ и служилъ главной цѣлью для нападенія врага. Заѣзжіе князья въ Кіевѣ не останавливались, а разбивали свой таборъ подъ городомъ, въ мѣстѣ, указанномъ великимъ княземъ.

26) Картина: Княжескій обозъ.

Послѣ распространенія на Руси христіанства ка-

ждый изъ русскихъ князей, какъ бы въ отличіе княжескаго своего званія, получалъ два имени: мірское, или княжеское, и,—при крещеніи, христіанское. Въ исторіи, большею частью, они извѣстны подъ мірскимъ именемъ. Роди́ны въ княжескомъ быту праздновались, какъ великое торжество, и часто, если дѣло было въ походѣ, князь на радостяхъ давалъ обѣщаніе построить церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ родился у него сынъ, или тутъ же предназначалъ ему во владѣніе этотъ городъ. Тотчасъ послѣ крещенія было въ обычаѣ поручать княжаго сына на попеченіе особымъ дядькамъ или кормильцамъ, изъ близкихъ князю — отцу бояръ. Они заботились о своихъ питомцахъ до ихъ вступленія въ отрочество и находились при нихъ безотлучно. Такъ какъ браки тогда совершались среди князей въ очень раннемъ возрастѣ, то родители не могли надѣяться на свою опытность въ воспитаніи ребенка. Трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду надъ малолѣтнимъ княземъ совершался обрядъ пострига, или всажденія на коня, какъ бы посвящавшій младенца въ его княжескій санъ. Ребенка приносили въ соборъ, гдѣ мѣстный епископъ обрѣзывалъ княжичу волосы, а потомъ его сажали въ первый разъ на коня. Вскорѣ послѣ обряда этого, князя начинали обучать грамотѣ и упражненіямъ воинскимъ, а 14 и 15 лѣтъ князья уже занимали княжескіе престолы. Съ 8 и 9 лѣтъ они принимали участіе въ битвахъ, оберегаемые своими дядьками и дружиной. Случалось, даже нерѣдко, что родители, по выбору своему женили сына 10 лѣтъ, а дѣвочекъ выдавали 8-ми. Князья женились не только на русскихъ княжнахъ, но и на дочеряхъ половецкихъ хановъ; находили себѣ невѣстъ среди имъ враждебныхъ племенъ кавказскихъ. Княжны же, съ своей стороны, выходили замужъ, помимо русскихъ князей,

27) Картина: Обрядъ всажденія на коня великаго князя.

28) Картина: Свадьба.

за царей греческихъ, королей венгерскихъ, польскихъ и половецкихъ хановъ. Свадьбы сопровождались пышными торжествами, причемъ на нихъ сзывались всѣ родственники и союзные князья съ семьями. Положеніе княгинь было почетно и самостоятельно. Они имѣли независимыя отъ мужа средства, а также свои собственные удѣлы, городами и селами. Онѣ неоднократно являлись, какъ примирительницы въ ссорахъ князей между собою. Имъ поручали князья въ своемъ отсутствіи исполненіе важныхъ распоряженій; имъ, какъ вѣрнымъ совѣтницамъ, довѣряли свои затаенные помыслы, скрываемые иногда отъ старѣйшей дружины. Къ нимъ обращались на смертномъ одрѣ со своимъ послѣднимъ завѣтомъ. Къ сестрамъ и невѣсткамъ князья относились, по древнимъ свидѣтельствамъ, чрезвычайно почтительно и не стѣсняли ихъ свободы дѣйствій. Женщины принимали тогда живое участіе въ дѣлахъ государственныхъ и церковныхъ, старались просвѣтить умъ свой поѣздками въ Царьградъ и Іерусалимъ. Несмотря на постоянныя ссоры другъ съ другомъ, князья, при встрѣчахъ, обнимались и цѣловались; а если встрѣча происходила гдѣ-нибудь на пути, то для взаимныхъ привѣтствій они сходили съ коней. Общіе княжескіе съѣзды и свиданія князей между собою сопровождались веселыми пирами и щедрымъ взаимнымъ одариваніемъ другъ друга. Древнія былины русскія, воспѣвая почестные пиры и столованія княжескія, упоминаютъ о гуселькахъ яворчатыхъ, какъ о весьма обычной забавѣ. Пѣсни и игры большею частью приписываются скоморохамъ, или шутамъ, одѣвавшимъ при представленіяхъ своихъ для веселья князя съ его гостями и платье скоморошеское. Однако, рядомъ съ ними, существовали тоже особые пѣвцы княжескіе изъ вдохновенныхъ сказа-

29) Картина: Привѣтствіе князей при встрѣчѣ между собою на дорогѣ.

30) Картина: Играющіи гусляръ.

31) Двѣ картины: Скоморохи и музыканты.

телей и пѣвцовъ народныхъ, слагавшихъ пѣсню свою во славу князя, пѣвшихъ про старыя времена и про нынѣшнія.

Въ древнемъ соборѣ во имя Св. Софіи въ Кіевѣ стѣны лѣсницъ, ведущихъ отъ нижней церкви на ея хоры, расписаны, вмѣсто священной живописи христіанства, изображеніями разныхъ древнихъ обычаевъ и забавъ великокняжеской и русской жизни, а также звѣрями между растеніями. Дѣло въ томъ, что въ XI вѣкѣ лѣстницы эти были не внутри храма, а шли наверхъ снаружи, съ церковнаго двора. Въ первые же вѣка христіанства предосудительнымъ не считалось украшать лѣстницы, паперть и полы святыхъ храмовъ, видами мірской суеты человѣческой ежедневной жизни, а также картинами животнаго быта или царства растительнаго. Такъ, мы видимъ расписанными на стѣнѣ одной изъ лѣстницъ: 1) Охотника, поражающаго дикаго вепря копьемъ, причемъ собака хватаетъ дикаго звѣря за ногу; 2) Человѣка, несущаго на плечѣ лѣвой рукой голову вепря, правою держащаго заднюю его ногу; 3) Музыкантовъ и народную пляску: одинъ играетъ на флейтѣ, два въ трубы; одинъ на арфѣ и одинъ на гитарѣ. Изъ трехъ пляшущихъ одинъ бьетъ въ тарелки, другой машетъ платкомъ, третій разводитъ руками; 4) Человѣка поддерживающаго столбъ, по которому влѣзаетъ любитель, желающій получить выигрышъ, положенный наверху столба.

32) Картина: Изображенія на древней лѣстницѣ Софійскаго собора.

На другой лѣстницѣ: 1) Воинъ сражается съ чудовищемъ, у котораго голова птичья, а туловище человѣчье; 2) Воинъ въ шлемѣ, на бѣломъ конѣ, лѣвой рукой охватываетъ медвѣдя, а изъ правой руки поражаетъ его копьемъ въ грудь. Затѣмъ хищные звѣри, терзающіе другъ друга, или преслѣдуемые охотникомъ, сильно напоминаютъ, если мы обер-

немся на предыдущія чтенія I-ой части выпусковъ нашихъ, любимыя изображенія древнихъ скиѳо-сарматовъ на золотыхъ и бронзовыхъ украшеніяхъ ихъ одеждъ, оружія и сосудовъ, выкопанныхъ учеными изъ южно-русскихъ древнихъ могилъ.

Весьма вѣроятно *), что эти лѣстничныя картины времяпрепровожденія свѣтскихъ владыкъ имѣли цѣлью напомнить молящимся о скоропроходящемъ значеніи земныхъ благъ и о суетѣ земного міра въ сравненіи съ вѣчной жизнью, — съ незыблемымъ значеніемъ Церкви. Мимо этихъ картинъ всходили на хоры,— по греческому образцу служившія отдѣленіемъ для молящихся женщинъ; а оттуда тотчасъ открывалась вся внутренняя красота храма, среди которой занимала первое мѣсто на полусводѣ алтаря мозаичная икона Божіей Матери, извѣстная подъ названіемъ Нерушимой Стѣны, такъ какъ ея художественное изображеніе сохранилось въ теченіе вѣковъ, несмотря на всѣ постигшія храмъ Св. Софіи опустошенія. Священныя стѣнныя изображенія, исполненныя греческою мозаикой, т. е. составленныя изъ мелкихъ камешковъ или кусочковъ разноцвѣтной стеклянной массы, — назывались по древне-русскому выраженію «мусіей». Русскіе князья-храмоздатели не щадили издержекъ на украшеніе возводимыхъ ими церквей; они отличались всѣ строгимъ ревностнымъ благочестіемъ и горячей искреннею любовью къ своей православной вѣрѣ.

Вставали русскіе князья **) до восхода солнечнаго и, если не шли на церковную службу, то сейчасъ же садились завтракать. Послѣ этого принимались думу думать съ дружиною или людей судить.

---

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи».

**) П. П. Полевой: «Очерки Русской Исторіи».

По окончаніи суда и думы князья ѣзжали на охоту, занимались наѣздничествомъ, или военными упражненіями. Около полудня обѣдали, а въ полдень ложились спать. Они полагали, что спанье самимъ Богомъ присуждено полудню, такъ какъ отъ начала въ полдень почиваютъ и звѣрь, и птица, и человѣкъ. День заканчивали къ вечеру ужиномъ. Охота въ то время была не только пустой потѣхой, но настоятельно вызывалась необычайнымъ обиліемъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и степяхъ приднѣпровскихъ; ознаменовывалась нерѣдко подвигами отваги со стороны охотниковъ. Князья охотились съ соколами, собаками и ястребами; окидывали часть лѣса тенетами и загоняли туда звѣрей загономъ. На охоту они ѣзжали и въ ладьяхъ, по Днѣпру. Но ни пиры, ни охота не заставляли благочестивыхъ князей забывать объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ Церкви. Нѣкоторые князья посѣщали богослуженіе ежедневно и подолгу вели бесѣды съ духовными лицами. Они всѣ съ радостью строили монастыри и значительную долю своего состоянія употребляли на поддержаніе храмовъ отчихъ обителей. Иные князья искали спасенія отъ мірскихъ соблазновъ въ стѣнахъ монастырей; иные же принимали схиму, чувствуя приближеніе смерти. Женщины еще усерднѣй своихъ мужей были преданы Церкви: вдовы князей постригались въ монахини вскорѣ послѣ ихъ смерти. По поводу кончины князя раздавалась щедрая милостыня убогимъ, и дѣлались вклады въ Церковь на поминаніе души усопшаго. Надъ гробомъ кромѣ церковныхъ пѣсенъ, было въ обычаѣ произносить еще разныя причитанія.

Одежда князей и дружины состояла, во-первыхъ, изъ нижняго, или исподняго платья, плотно облегав-

шаго тѣло; затѣмъ кожуха или свиты, съ полами и рукавами; сверху же надѣвалась одежда широкая и безрукавая, въ видѣ круглаго, накиднаго плаща, носившая названіе «корзна» или же «мятля». Кожухъ шился обыкновенно изъ дорогой разноцвѣтной ткани, иногда съ золотомъ, иногда—ярко-красный. На груди онъ застегивался переложенными изъ стороны въ сторону петлями золотыхъ шнурковъ. Принадлежностью этого платья былъ воротникъ, или сходившійся округлыми своими концами подъ шеей, или сплошной, покрывавшій верхнюю часть груди и спины, въ видѣ оплечья. Оплечье дѣлалось тоже роскошное, изъ золотой или шелковой ткани. Плащъ-корзно бывалъ у князей, судя по дошедшимъ до насъ рисункамъ, то одноцвѣтный, красный и синій, то съ узорами и золотомъ вышитыми разводами. Онъ подшивался подбоемъ другого цвѣта и обводился кругомъ широкою, преимущественно золотою, тесьмой. Застегивался плащъ у праваго плеча запонкой, оставляя правую руку свободной, тогда какъ на лѣвую могла набрасываться пола съ другой стороны. Впрочемъ застегивать плащъ можно было и по серединѣ груди, чтобы кутать въ него все тѣло. Князья раздавали корзно дружинѣ въ видѣ награды, такъ какъ оно составляло признакъ особой знатности. Быть безъ корзна значило то же, что̀ быть не въ полномъ убранствѣ, одѣтымъ по домашнему. На головѣ князья носили клобукъ (какъ бы остатокъ скиѳо-сарматскаго башлыка), т. е. шапку, то съ плоскимъ округлымъ верхомъ, то съ острымъ, высокимъ. Верхъ клобука дѣлался изъ цвѣтной ткани, а края его, прилегавшіе къ головѣ, опушались мѣхомъ. Иногда къ клобуку прибавлялись и мѣховые наушники. Бороду и усы было въ обычаѣ не сбривать. Однако, нѣко-

торые князья бороду подстригали, чтобы она была короче усовъ.

Мы уже знаемъ, что главной опорою княжеской власти была его дружина. Она всюду слѣдовала за княземъ и постоянно при немъ находилась, дѣля съ нимъ воинскія опасности и труды управленія, а въ часы досуга—его звѣриныя ловли вмѣстѣ съ разгульными пиршествами. Кіевская дружина XI и XII столѣтій, какъ мы уже объясняли въ I-ой части нашего ряда чтеній, дѣлилась на старшую—лучшую, или мужей—бояръ, и на младшую, или отроковъ—боярскихъ дѣтей. Среди младшей дружины упоминается еще гридь, или «пасынки». Князь всегда совѣщается обо всѣхъ дѣлахъ съ мужами старшей дружины, и ея мнѣніе имѣетъ въ его глазахъ особенный вѣсъ. Старѣйшей въ Кіевѣ была дружина мѣстная; всякая же дружина пришлая считалась младшей. Мирныя, дружескія отношенія между князьями, въ значительной степени, зависѣли оттого, въ какихъ отношеніяхъ между собой находились старѣйшіе представители ихъ старѣйшихъ дружинъ. Потому менѣе сильные между князьями, заискивая союза великаго князя Кіевскаго, задариваютъ мѣхами и корзнами его мужей—бояръ, прося ихъ ходатайства за себя передъ великимъ княземъ. Послѣ смерти князя, на старѣйшей дружинѣ лежала обязанность позаботиться о княгинѣ и малолѣтнихъ дѣтяхъ его. Рядомъ съ почетнымъ своимъ положеніемъ при дворѣ князя, мужи бояре являются, особенно въ болѣе позднее время, владѣльцами богатыхъ селъ, обширныхъ земель и многочисленныхъ стадъ, получая эти богатства за всѣ свои выдающіеся труды и услуги родинѣ при управленіи страной, или при ея военной защитѣ. Въ особенное достоинство любимымъ князь-

33) Картина: Старинное изображеніе совѣщанія князя съ дружиной.

ямъ дружина ставитъ, что они не собирали ни злата, ни серебра, а все отдавали своей дружинѣ. Но, кромѣ щедротъ и подарковъ княжескихъ, дружина, по уговору съ княземъ, имѣла право на опредѣленную часть въ его доходахъ. Богатство бояръ и создавало имъ то независимое, почетное положеніе, какое они занимали при дворѣ князя. Зато они, наровнѣ съ князьями, приносили большія пожертвованія церквамъ и монастырямъ, почему духовенство давало мѣсто ихъ праху рядомъ съ гробами самихъ князей. Древнерусская дружина была, какъ мы знаемъ, выдѣлившимся изъ среды народа, военнымъ сословіемъ, но отнюдь не отрядомъ продажныхъ, вооруженныхъ наемниковъ.

Положеніе дѣтей боярскихъ и пасынковъ не имѣло ничего общаго съ положеніемъ старшихъ дружинниковъ. Они не обладали такимъ имуществомъ, не участвовали въ думѣ княжеской, и отношеніе ихъ къ своему князю было вполнѣ подчиненное. Тогда какъ старшей дружинѣ предоставляются самыя почетныя должности, члены младшей посылаются князьями въ посольства съ грамотами и порученіями. Во время битвы отроки составляли охранную стражу князя. Въ мирное время наибольшая часть младшей дружины распускалась по городамъ и селамъ княжескимъ— на житье и кормленіе, такъ какъ она жила на счетъ князя и прокармливалась его доходами съ волостей. Главное назначеніе младшей дружины было военное, и только ея небольшая часть оставалась въ Кіевѣ. Эти-то младшіе дружинники, жившіе при дворѣ князя въ качествѣ его слугъ и тѣлохранителей со временемъ стали естественно называться дворянами.

34) Картина: Русскій дружинникъ.

Вслѣдствіе княжескихъ междоусобій и постоянной опасности, угрожавшей Кіеву со стороны сосѣдей,

военное ремесло являлось однимъ изъ самыхъ существенно-необходимыхъ, какъ для охраны правъ каждаго князя, такъ и для общей защиты. Однако слѣдуетъ отличать дружину отъ воевъ, или простыхъ воиновъ, не принадлежавшихъ собственно къ постоянному военному сословію. Главное отличіе дружины отъ воевъ заключалось въ томъ, что дружина всегда носила оружіе, тогда какъ воямъ оно раздавалось изъ казны княжеской, передъ началомъ похода, и вновь отбиралось, по окончаніи войны. Всѣ вои, собранные въ опредѣленномъ мѣстѣ, составляли полкъ князя, владѣвшаго тою волостью. Дружина распредѣлялась поровну между отдѣльными полками, составлявшими рать. Князь былъ главнымъ начальникомъ своей дружины и своего полка. Въ томъ случаѣ, если князь не могъ лично принять начальство надъ войскомъ, онъ поручалъ его особому воеводѣ, который чаще всего избирался изъ тысяцкихъ. Однако, дружина неохотно билась безъ князя. Оборонительное вооруженіе воевъ состояло изъ брони кольчатой и чешуйчатой, шлема, съ прильбицею или наносникомъ, и большого щита, прикрѣплявшагося къ доспѣхамъ. Къ оружію наступательному относились: мечи, сабли, копья, ножи и рогатины, луки, стрѣлы и топоры.

35) Картина: Раненый воевода.

36) Картина: Прощаніе.

Князь Кіевскій заявлялъ о началѣ войны на вѣчѣ. Если же не высказывалось особой рѣшительности воевать, князь вызывалъ охотниковъ, приказывая трубить въ трубы. Затѣмъ онъ посылалъ нарочныхъ къ союзникамъ своимъ, предлагая имъ идти въ походъ съ собой. За войскомъ шелъ обозъ, состоявшій, какъ мы говорили, изъ многихъ возовъ и вьючныхъ коней. Въ сторонѣ отъ главнаго пути слѣдованія полковъ, разсылались, такъ называемые, «зажитники», собиравшіе для прокормленія войска пище-

вые припасы. Въ битву войско вступало правильнымъ строемъ, дѣлясь на большой полкъ—въ серединѣ, на крылья—съ боковъ. Князь долженъ былъ находиться при большомъ, среднемъ, полку. У каждаго князя и воеводы былъ свой стягъ, или знамя. При началѣ сраженія стяги утверждались древкомъ своимъ въ землю и «взволакивались». Большимъ безчестіемъ и тогда почиталось для войска, если непріятель подсѣкалъ его стяги и бралъ въ плѣнъ стяговщиковъ, т. е. знаменщиковъ. У каждаго полка былъ свой стягъ, вокругъ котораго полкъ собирался. Оттого можно было судить по числу стяговъ о числѣ отдѣльныхъ полковъ, участвующихъ въ битвѣ. Передъ началомъ ея въ обѣихъ вражескихъ ратяхъ трубили въ трубы и били въ бубны, поднимая этимъ тревогу среди воиновъ, чтобы они «доспѣвали», т. е. надѣвали свои боевые доспѣхи. Иногда рати долго стояли другъ противъ друга въ бездѣйствіи, все выжидая благопріятной минуты для нападенія. Но иногда, напротивъ, полки подъ начальствомъ великаго князя бросались стремительно на непріятеля. Пока рати выстраивались въ боевой порядокъ, выступали съ обѣихъ сторонъ впередъ стрѣльцы, осыпавшіе враговъ стрѣлами. Допускались военныя хитрости, захожденія въ тылъ или пересѣченія дороги; но русскими предпочиталась болѣе свойственная ихъ удали рукопашная битва, въ открытомъ полѣ. Участь битвы зависѣла больше всего отъ единодушія дѣйствій и личнаго мужества князя. Князья русскіе въ большинствѣ отличались замѣчательной храбростью и удальствомъ. Привычные съ юности къ воинскимъ подвигамъ, они не щадили себя въ битвахъ и не боялись опасностей. Побѣдители обогащались, во-первыхъ, обозомъ, конями и оружіемъ побѣжденныхъ; а за-

тѣмъ, вступивъ въ волость ихъ, захватывали все, что только принадлежало воюющему съ ними князю: его стада, запасы и челядь. Чего нельзя было взять съ собою, то уничтожалось на мѣстѣ. Всѣ жители города, взятаго побѣдителемъ, считались военнoплѣнными, и ихъ тоже дѣлили князья съ дружинниками-боярами поровну. Отъ такой рабской участи можно было все-таки откупиться деньгами. По заключеніи мирнаго договора опредѣленная часть всей добычи переходила въ собственность побѣдителя, а остальная часть подлежала возврату.

Великій князь Кіевскій со своею дружиной былъ, во-первыхъ, защитникомъ богатыхъ купцовъ и мирныхъ землевладѣльцевъ Руси отъ степныхъ хищниковъ; оберегателемъ русской земли отъ нападенія «поганыхъ». Много поту утерли Кіевскіе князья и дружины ихъ, по словамъ лѣтописи, неся тяжелую сторожевую службу у черты степи, то направляя вглубь ея смѣлые свои наѣзды, то отбивая набѣги кочевыхъ ордъ, отнимая у нихъ захваченныхъ ими плѣнниковъ и награбленное имущество. По этому поводу даже сложился въ Кіевской Руси цѣлый рядъ былинъ, воспѣвавшихъ подвиги храбрыхъ дружинниковъ. Витязи-богатыри въ этихъ былинахъ представляются либо шумно пирующими въ княжихъ палатахъ, либо несущими тягостную сторожевую службу противъ иноплеменниковъ.

37) Картина. На сторожѣ.

38) Картина. Русскіе витязи-богатыри.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Глава I.

Великій князь Олегъ.

Описанное уже нами въ послѣднемъ выпускѣ I-ой части коварное вѣроломство язычника-витязя князя Олега изъ варяжскаго княжескаго рода Рюрика, призваннаго къ себѣ на княженіе новгородцами, и убіеніе имъ изъ засады въ 863 г. кіевскаго князя Аскольда, въ крещеніи — Николая, по языческимъ грубымъ понятіямъ того времени, было только отважнымъ подвигомъ; смѣлымъ завоеваніемъ новой области, вполнѣ обычнымъ и допустимымъ, особенно среди суровыхъ, воинственныхъ прибалтійскихъ славянъ или варяговъ, нѣмцами оттѣсненныхъ тогда на востокъ, за Вислу и Нѣманъ, къ озеру Ильменю и Днѣпру. Такой поступокъ въ язычествѣ совсѣмъ не считался предосудительнымъ, и Олегъ съ покойной душой занялъ княжескій столъ въ прекрасномъ городѣ Кіевѣ, окруженный своею отважной, преданной ему, дружиной. Наслѣдникомъ же себѣ онъ поставилъ взятаго имъ съ собою въ походъ, ему родственнаго по крови, сына Рюрика, тогда еще малолѣтняго Игоря. Кіевляне должны были покориться силѣ.

39) Картина. Прибытіе князя Олега въ Кіевъ.

Цѣлые *) округа, естественнымъ путемъ развитія всѣхъ условій образованія ихъ, стояли въ прямой зависимости отъ главныхъ своихъ городовъ. Такъ, Олегъ по пути изъ Новгорода, захвативъ еще городъ Смоленскъ, посадилъ въ немъ своего намѣстника и въ силу этого смоленскіе кривичи безъ дальнѣйшей борьбы стали признавать надъ собой власть Олега. Вѣроятно, торговые округа добровольно подчинялись городамъ подъ давленіемъ внѣшней опасности, какъ укрѣпленнымъ убѣжищамъ; или же главный торговый городъ, при помощи сосредоточенной въ немъ военной дружины, силой завладѣвалъ своимъ торговымъ округомъ. О племенномъ единствѣ тутъ не могло быть рѣчи, такъ какъ не существовало ни одной области, состоявшей только изъ одного цѣльнаго племени. Большинство областей составилось изъ разныхъ племенъ, или ихъ частей. Въ иныхъ областяхъ къ одному цѣльному племени примыкали разорванныя части другихъ племенъ. Такъ, напримѣръ, Новгородская область состояла изъ славянъ Ильменскихъ съ вѣтвью кривичей, имѣвшихъ здѣсь сосредоточіемъ своимъ городъ Изборскъ. Кіевская область въ полномъ своемъ объемѣ потомъ сложилась изъ всѣхъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и южной части дреговичей съ городомъ Туровомъ, на рѣкѣ Припети. Сѣверная же часть дреговичей съ городомъ Минскомъ была оторвана западной вѣтвью кривичей—полочанами, и вошла въ составъ Полоцкой области.

Такимъ образомъ, древнее племенное дѣленіе не совпадало съ городовымъ, или областнымъ, образовавшимся къ половинѣ XI вѣка. Силой, которая

*) В. Ключевскій: «Курсъ Русской Исторіи».

стягивала всѣ эти области, были именно тѣ торговые города, какіе возникали по главнымъ рѣчнымъ путямъ русской торговли и какихъ не было среди племенъ, отъ нихъ удаленныхъ. Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Черниговъ, Переяславль и Полоцкъ стали правителями своихъ областей, какъ большіе вооруженные города, возникшіе среди племенъ, которыя принимали наиболѣе дѣятельное участіе во внѣшней торговлѣ.

И такъ иноземные гости—купцы принесли Олегу дорогіе дары *). Главный языческій жрецъ закололъ въ жертву истукану Перуну козленка за несокрушимость его меча. Земскіе городскіе люди выражали ему покорность свою подношеніемъ хлѣба, муки и головъ скота. Послѣ же всѣхъ пришелъ къ князю Олегу простой мужичекъ и принесъ ему съ поклономъ желѣзный сошникъ, прося, чтобы онъ не оставилъ своею милостью ихъ—бѣдныхъ селяниновичей. «На этомъ кускѣ желѣза, князь, вся земля стоитъ», произнесъ онъ, «и торгъ ею держится, и вся дружина твоя ей жива». Олегъ отвѣтилъ глубокимъ поклономъ на поклонъ мужика и сказалъ ему ласково: «Слава тебѣ, селяниновичъ, за твой вѣковѣчный, тяжелый трудъ. Забыть мнѣ его никакъ нельзя».

Граждане Кіева скоро полюбили своего новаго князя, такъ какъ онъ не давалъ ихъ въ обиду хазарамъ: началъ рубить вокругъ Кіева новые города въ защиту его отъ набѣговъ изъ степи, обогатилъ и прославилъ племя россовъ-полянъ неутомимыми завоеваніями всѣхъ сосѣднихъ съ ними славянскихъ племенъ. Онъ обѣщалъ защищать волости кіевлянъ отъ внѣшнихъ враговъ и усмирять непокорныхъ имъ, безпокойныхъ сосѣдей. Но не всегда было легко

*) Различные источники изъ вышеуказанныхъ на первой страницѣ книги.

добраться до дерзкихъ обидчиковъ, обиравшихъ мирныхъ людей и быстро скрывавшихся снова въ своихъ дикихъ лѣсахъ. Такъ, напримѣръ, древляне, жившіе по рѣкѣ Припети, среди вѣковыхъ деревьевъ, надъ собою не признавали никакой власти и были очень свирѣпы нравами. Олегъ пошелъ противъ нихъ на ладьяхъ и заставилъ платить себѣ дань ежегодно по одной черной куницѣ съ «дыма», т. е., дома. Затѣмъ покорились мечу Олега: родимичи, сѣверяне, дреговичи, начавшіе платить ему ту дань, что̀ раньше съ нихъ собирали хазары.

Торговыя связи съ Византіей и Арабскимъ Востокомъ, направляя народный трудъ на разработку лѣсныхъ богатствъ страны, стягивали къ Кіеву ея важнѣйшіе хозяйственные обороты. Но для обезпеченія этихъ оборотовъ необходимо было имѣть открытые торговые пункты по степнымъ рѣкамъ. Этого можно было достигнуть только насильственнымъ подчиненіемъ тѣхъ славянскихъ племенъ, что, живя въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, не имѣли естественныхъ побужденій добровольно поддерживать князей кіевскихъ.

Вслѣдствіи изобилія дорогихъ мѣховъ, посылаемыхъ внизъ по Днѣпру Олегомъ, они въ Царьградѣ подешевѣли. Тогда Олегъ надумалъ послать половину ихъ въ Итиль, столицу хазаръ, лишенныхъ этихъ мѣховъ послѣ утраты ими обильной дани съ славянскихъ племенъ, теперь покоренныхъ Кіевскимъ княземъ. «Есть ли удобный водяной путь туда?» спросилъ онъ у своихъ дружинниковъ - кіевлянъ. — «Конечно», сказали тѣ: «лодки пойдутъ сначала Днѣпромъ къ Русскому (Черному) морю; потомъ моремъ до Тьмутаракани и до устья Дона. Вверхъ по этой рѣкѣ наши торговцы встрѣтятъ хазарскіе

города. Отъ Саркела на рѣку Волгу переволокъ небольшой; лодки легко перетащить. Волга опять наша рѣка; финскія племена: меря и мурома, слава Перуну, данники наши на этой рѣкѣ. А тамъ, гдѣ пала она въ Хвалынское (теперь Каспійское) море, стоитъ, при устьи ея, столица хазаръ—Итиль. Этимъ путемъ ходятъ купцы славянскіе и болгарскіе при Азовскомъ (тоже Русскомъ) морѣ; а изъ Корсуни—греки».

Тогда рѣшили, что половина товара княжескаго пойдетъ по указанному пути въ Итиль; а другая его половина за то подорожаетъ въ Царьградѣ. Какъ-то осенью пастухи съ луговой стороны Днѣпра принесли въ Кіевъ страшныя вѣсти: что по степи идетъ громадная орда угровъ; что табуны коней, кибитки, верблюды, коровы, овцы ихъ, покрыли все видное глазу пространство степи, и что они по пути забираютъ съ собой чужія стада. Олегъ поспѣшилъ собрать сильное войско, чтобы не допустить угровъ къ Кіеву; но ихъ тѣснили уже съ востока дикіе печенѣги, и они сами теперь спѣшили далѣе къ западу, на призывъ нѣмцевъ противъ славянскаго сильнаго Велико-Моравскаго королевства. Шумный станъ ихъ стоялъ три дня подъ Кіевомъ, но потомъ, переправившись черезъ Днѣпръ, безслѣдно скрылся вдали, не тронувъ Кіева. Олегъ былъ этому очень радъ, хотя и не сомнѣвался, что онъ разобьетъ въ открытомъ полѣ скопища угровъ; ему надо было беречь свои ратныя силы для давно задуманнаго имъ похода въ Царьградъ. Онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ, что столица грековъ еще гораздо красивѣе и богаче Кіева. Ему нетерпѣлось подчинить ее себѣ и собрать тамъ со своей дружиной много всякой добычи. «Если бы къ Царьграду по настоящему приложить руки», говорили

40) Картина. Орда угровъ въ степи.

ему, «то всего добра изъ него и за десять лѣтъ не ввезти въ Кіевъ. Въ Царьградъ со всего свѣта богатства такъ и плывутъ и зиму и лѣто, потому что проливъ тамъ не замерзаетъ, и какъ въ затишьи песокъ осѣдаетъ на дно, такъ въ этомъ городѣ осѣдаетъ богатство».

Олегъ рѣшилъ собрать для осады Царьграда сто тысячъ войска, считая, что съ такой многочисленной отборной ратью онъ одолѣетъ, конечно, всякій городъ на свѣтѣ. Посылая юнаго Игоря съ ближайшими своими дружинниками на «полюдье», онъ имъ наказывалъ собирать всюду и приводить къ нему въ войско крупный, сильный народъ, избавляя отъ дани добровольныхъ охотниковъ принять участіе въ его походѣ.

Кромѣ того, какъ охрана страны отъ степныхъ кочевниковъ, такъ и далекіе походы въ Царьградъ для поддержанія торговыхъ сношеній, замѣтно вызывали общее сочувствіе и содѣйствіе во всемъ промышленномъ мірѣ по торговымъ линіямъ Днѣпра, Волхова и другихъ рѣкъ равнины.

Новгородскіе плотники издавна славились отличной постройкой судовъ, и съ осени были заказаны имъ Олегомъ ладьи, забиравшія приготовленныхъ воиновъ по всему теченію Днѣпра: отъ Смоленска до Кіева. Сверхъ того, берегомъ пошло 20 тысячъ конныхъ, и съ ними шелъ самъ Олегъ. Вышла вся эта сила на взморье и, придерживаясь береговъ, пошла къ Царьграду. По дорогѣ много несчастныхъ жителей и незащищенныхъ городовъ разорило войско Олега. Язычники въ тѣ времена гордились своимъ грабежомъ и учиняемой ими рѣзнею мирнаго населенія. Они уничтожали и жгли безпощадно все на своемъ пути. Олегъ шелъ бере-

гомъ съ коннымъ войскомъ и, подойдя вблизи Царьграда къ одному христіанскому монастырю, тотчасъ же предалъ его пламени, между тѣмъ какъ его воины похищали дорогую церковную утварь и золотыя ризы съ иконъ, перетаскивая ихъ на ладьи. Между тѣмъ, греки провѣдали о приближеніи Олега: когда онъ со своею морскою и сухопутной ратью подошелъ къ гавани Царьграда, она была заперта цѣпями. Но изъ воротъ византійской столицы къ нему навстрѣчу выплыла изукрашенная шелками и золотомъ греческая ладья съ тремя греческими вельможами, въ багрово-красныхъ плащахъ поверхъ роскошной одежды, между тѣмъ какъ на князѣ Олегѣ была холстяная рубаха, а сверху нея только кольчуга. На головѣ его былъ желѣзный шлемъ. Въ рукахъ копье и мечъ. Когда безоружные греки спросили Олега, съ нимъ приблизилось къ грекамъ тоже нѣсколько десятковъ воиновъ изъ дружины. Старшій между послами греческими, черезъ варяжскихъ гребцовъ въ ихъ ладьѣ, предложилъ миръ Олегу за выкупъ, ему самому предоставивъ назначить цѣну мирнаго договора. Олегъ, не подозрѣвая всего размѣра царьградскихъ богатствъ, потребовалъ на каждую ладью очень мало. Тѣлодвиженіями и улыбками греки выдали свою радость, услышавъ о его требованіи. Тогда онъ гнѣвно набавилъ имъ еще плату на каждый городъ свой. Однако, греки поспѣшно дали свое согласіе и на второе требованіе грознаго русскаго князя, такъ что онъ долженъ былъ отойти отъ Царьграда безъ битвы, но, уходя, навѣсилъ свой щитъ на царьградскихъ воротахъ въ память о побѣдоносномъ приходѣ руссовъ подъ стѣны главнаго города Византіи. «Какъ только мы уйдемъ, они снимутъ щитъ и бросятъ его въ море», замѣтилъ одинъ изъ старшихъ

41) Картина. Олегъ подъ стѣнами Царьграда.

мужей дружины князя. «Ну и пускай», отвѣтилъ другой, «но того мѣста, гдѣ онъ висѣлъ, никакимъ топоромъ не вырубишь, и въ людской памяти русскій щитъ не снимется съ царьградскихъ воротъ, пока міръ на свѣтѣ стоитъ, пока земля не разсыпется пылью»...

При заключеніи мирнаго договора между русскимъ великимъ княземъ и греками особой ненарушимой грамотой князь Олегъ, не умѣвшій ни читать, ни писать, очень дивился таинственнымъ письменамъ, при ручательствѣ его княжеской чести— имѣющимъ такую силу и, непонятными для него черточками, красной какъ кровь, киноварью, крѣпко запечатляющимъ его имя на грамотѣ. Тутъ не могло быть обмана, такъ какъ имена первыхъ его дружинниковъ изъ участниковъ договора, вмѣстѣ съ его собственнымъ именемъ, одинаково легко читались каждымъ чужимъ прохожимъ изъ людей, знающихъ греческое письмо. Въ торговыхъ дѣлахъ и спорахъ съ греками Олегъ скоро оцѣнилъ крайне важное значеніе для себя такой грамоты, и въ 911 году снарядилъ отъ себя къ грекамъ посольство для заключенія съ ними новаго договора, — болѣе точнаго и пространнаго,—причемъ полный списокъ съ него приказалъ посламъ привезти съ собою къ нему въ Кіевъ, дабы онъ могъ всегда провѣрять по немъ свои сужденія и поступки со словъ немногихъ грамотныхъ русскихъ людей. Въ Царьградѣ сильно перепугались, когда 14 вооруженныхъ русскихъ судовъ вошли въ гавань и, не желая пристать къ монастырю Св. Маммы, гдѣ полагалось по греческому закону приставать иностранцамъ, направилось прямо къ, такъ называемымъ, «водянымъ», т. е., напоромъ воды отпиравшимся и запиравшимся городскимъ воротамъ. По требованію старшаго изъ пословъ, онъ

былъ представленъ византійскому императору Льву Мудрому. Договоръ былъ составленъ въ 10-ти подробныхъ статьяхъ и привезенъ Олегу, но русскіе прямодушные витязи не мало помучились, составляя его съ хитрыми греками, и попрекали, вернувшись домой, князя Олега, предупреждая его, что, если есть промахи въ договорѣ, то онъ самъ тому виною, такъ какъ къ лукавымъ грекамъ надо было посылать не 14 богатырей, какъ они, а 14 мудрецовъ. Но, тѣмъ не менѣе, Олегъ очень доволенъ былъ грамотой и съ удовольствіемъ разсматривалъ письмена, написанныя красною краской. «Вотъ, когда бы мы тоже грамоту разумѣли», продолжали послы, «то тогда было бы другое дѣло. Съ непріятелемъ, какимъ хочешь биться, это мы можемъ; ну, а супротивъ этой грамоты не годимся!» Князь Олегъ крѣпко задумался надъ словами старшей своей дружины и надъ великою силой грамоты. Пришло ему на мысль, что хорошо было бы въ Кіевѣ завести тоже грамоту для великихъ княжескихъ дѣлъ. Но на слѣдующій годъ онъ умеръ, не успѣвъ мысли своей привести въ исполненіе. Нѣтъ лучше описанія его смерти; нельзя вызвать болѣе яркаго и красиваго образа древняго славнаго русскаго великаго князя, чѣмъ это сдѣлалъ незабвенный поэтъ нашъ Пушкинъ въ своей поэмѣ: «Вѣщій Олегъ». Припомнимъ ее цѣликомъ въ заключеніе.

42) Картина. Встрѣча князя Олега съ кудесникомъ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отомстить неразумнымъ Хазарамъ:
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
«Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого возьмешь ты коня».
— «Волхвы не боятся могучихъ владыкъ.
А княжескій даръ имъ не нуженъ:
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни же нынѣ ты слово мое:
«Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ на вратахъ Царяграда,
И волны, и суша покорны тебѣ,
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ,
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могущему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю!

И холодъ, и сѣча ему ничего;
Но примешь ты смерть отъ коня своего».—
Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга, прощальной рукой,
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.
— «Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время:
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя;
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки—други, возьмите коня.
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ уздцы уведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.
Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ,
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? Все такъ же ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что же гаданье?

Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье,
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня».
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видитъ на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь...
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала».
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ, выползала:
Какъ черная лента вкругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега.
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

43 а) Картина: Смерть Олега.

43 б) Картина: Тризна надъ могилой Олега.

Глава II.

Великій князь Игорь.

Въ 903 году подросшему Игорю привезли невѣсту изъ сѣверной Новгородской области: дочь одного богатаго независимаго князя города Пскова— Ольгу. Предполагаютъ, что онъ былъ потомкомъ древняго мѣстнаго Новгородскаго князя, мудраго Гостомысла, княжившаго надъ Новгородомъ до призванія этимъ городомъ на княжій столъ свой Рюрика, а также предкомъ Полоцкаго князя Рогвольда, убитаго позже Кіевскимъ княземъ Владиміромъ-Красное Солнышко, до принятія имъ христіанства.

По преданію княжна Ольга родилась въ деревнѣ Ольгинѣ (нынѣ Ольженецъ) Выбутовской веси, близъ Пскова, тогда еще не существовавшаго. Въ этой странѣ главнымъ городомъ былъ въ то время городъ Изборскъ. Выбута расположилась на лѣвомъ берегу рѣки Великой, въ 12 верстахъ отъ нынѣшняго Пскова. Нѣсколько ниже Выбутъ, по рѣкѣ Великой, находится небольшой скалистый островокъ, поросшій травой и носящій теперь названіе Шацкаго. Островъ этотъ раздѣляетъ рѣку на два протока. Одинъ изъ нихъ называется «Ольгиными слудами», т. е., подводными камнями, а другой—«Ольгиными воротами». Около Шацкаго острова, сажень за двадцать отъ его верхней оконечности, выдается изъ воды нѣсколько громадныхъ гранитныхъ камней. Одинъ изъ нихъ называется «Ольгинымъ». Преданіе говоритъ, что, когда Св. Ольга купалась въ рѣкѣ, то послѣ купанья камень этотъ служилъ ей мѣстомъ отдохновенья. На берегу рѣки Великой, изъ-подъ отвѣсной известковой скалы, струится прозрачный, какъ хрусталь,

44) Картина. Мѣсто рожденія Святой Ольги.

45) Картина. Древній Изборскъ.

источникъ, такъ называемый, «Ольгинъ Ключъ». Сюда по преданію Святая, будучи еще крестьянской дѣвицей, ходила за водой и умывалась въ немъ каждое утро, почему, согласно преданію, источникъ пріобрѣлъ свойство исцѣлять вѣрующихъ.

46) Картина. Островъ Шацкой.

Когда Игорь юношей какъ-то попалъ съ Олегомъ въ Псковскую область, ему захотѣлось однажды переплыть для рыбной ловли на противоположный берегъ рѣки Великой. Узрѣвъ кого-то, плывущаго по рѣкѣ, въ ладьѣ, онъ окликнулъ гребца и попросилъ его перевезти себя на другую сторону. Пока они плыли, Игорь, вглядѣвшись въ кроткое, нѣжное лицо своего случайнаго перевозчика, понялъ, что передъ нимъ не мужчина, а прелестная молодая дѣвушка. Онъ плѣнился ея красотою и, когда ему настало время жениться, вспомнилъ о ней, пожелавъ именно эту дѣвушку себѣ въ невѣсты. Она оказалась княжною Ольгою.

47) Картина. Княжна Ольга перевозитъ князя Игоря черезъ рѣку.

48) Картина. Ольгинъ Ключъ.

Въ 913 году, послѣ смерти князя Олега, началъ въ Кіевѣ княжить Игорь. Древляне сейчасъ же попробовали возстать противъ юнаго князя Кіевскаго, и перестали ему уплачивать дань; но въ 914 году Игорь ихъ усмирилъ и въ наказаніе обложилъ данью, большей еще противъ прежняго. Въ обмѣнъ за дань, получаемую Кіевскимъ великимъ княземъ отъ подчиненныхъ ему племенъ, онъ приносилъ имъ судъ свой и правду; обязывался ихъ защищать отъ нападенія сосѣдей. По письменному свидѣтельству Византійскаго Императора Константина Багрянороднаго, Кіевскіе князья съ наступленіемъ зимы, съ ноября мѣсяца, отправлялись въ земли древлянъ, дреговичей, кривичей, сѣверянъ и т. д. на, такъ называемое, «полюдье». А съ наступленіемъ весны спускали свои ладьи, нагруженныя разными произведеніями назван-

Собственность Т. П. Мятлевой.

Маленькій Святославъ на конѣ въ боевыхъ доспѣхахъ. *(Къ 75 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Мальчикъ кіевлянинъ, переплывающій черезъ Днѣпръ подъ стрѣлами печенѣговъ. *(Къ 85 стр.)*

ныхъ областей, внизъ по Деснѣ, Днѣпру и Припети, къ Кіеву, гдѣ уже приготовлены были, для принятія съ нихъ товаровъ, суда, направляемыя въ Византію. При князѣ Игорѣ Русь простиралась: на юго-востокъ до Таврическихъ горъ и Кавказа; на сѣверъ—до рѣки Волхова, гдѣ сынъ Игоря, маленькій Святославъ, получилъ себѣ въ удѣлъ, при своемъ рожденіи, городъ Новгородъ, между тѣмъ какъ мать его, княгиня Ольга, владѣла Вышгородомъ, расположеннымъ на 12 верстъ выше Кіева, на правомъ, возвышенномъ берегу Днѣпра. По древне-русскому обычаю у нея тамъ была своя отдѣльная дружина.

Окончательное подчиненіе русскимъ князьямъ Приазовскихъ, такъ называемыхъ, Черныхъ болгаръ (гунновъ Утургуровъ глубокой древности; см. Часть I, Выпускъ II и III), и утвержденіе руссовъ на берегахъ Азовскаго моря слѣдуетъ отнести ко времени вокняженія въ Кіевѣ дѣятельнаго и отважнаго князя Игоря *). Русское владычество и вліяніе тамъ росло со временъ князя Олега, слѣдовательно оно окрѣпло съ 911 по 945 годъ. Въ Олеговомъ договорѣ съ греками нѣтъ и помину о Черныхъ болгарахъ и о Корсунской землѣ. Въ договорѣ же Игоря говорится прямо о томъ, чтобы русскій князь не трогалъ самъ греческихъ городовъ Корсунской области и не позволялъ бы Чернымъ болгарамъ воевать съ ней. Ко времени сына Игоря, Святослава, Черные болгары уже до такой степени слились съ Русью, что о нихъ въ отдѣльности не упоминаетъ совсѣмъ договоръ этого русскаго князя съ греками: «чтобы ему не воевать въ Корсуни».

Во времена Олега между русскими владѣніями на Босфорѣ и Корсунской областью лежала еще, отъ

*) Д. Иловайскій. Изысканія о Древней Руси.

Руси обособленная, земля Черныхъ болгаръ; но всѣ усилія руссовъ были направлены при Азовскомъ морѣ къ тому, чтобы овладѣть проливомъ, соединяющимъ его съ Чернымъ моремъ и тѣмъ открывающимъ русскимъ судамъ свободный выходъ изъ устья Дона въ Черное море. Игорь обратилъ, силой меча, полузависимое отношеніе Черныхъ болгаръ къ русскимъ князьямъ въ союзническое и вполнѣ имъ подчиненное. Такой поворотъ въ указанныхъ отношеніяхъ могъ совершиться только лишь послѣ значительнаго ослабленія здѣсь могущества Кавказскихъ хазаръ-Черкесовъ. (Прежнихъ аланъ, ставшихъ теперь называться яссами и косогами). До сихъ поръ русскіе дорожили дружбой болгаръ и грековъ, почему были въ своихъ дѣйствіяхъ противъ нихъ осторожны. Греки свои Корсунскія области, въ южной части Крымскаго полуострова, называли Климатами; а Босфоръ Киммерійскій византійскій историкъ Левъ Діаконъ зоветъ отечествомъ тавро-скиѳовъ, подъ которыми онъ разумѣетъ руссовъ. Левъ Діаконъ, въ своихъ записяхъ, подтверждаетъ связь дѣятельности Игоря съ восточной частью Таврическаго полуострова. Игорь вообще является первымъ кіевскимъ княземъ, котораго знаютъ по имени всѣ византійскіе и западные писатели, такъ какъ онъ былъ великій князь крайне предпріимчивый и властолюбивый. Совершая далекіе походы, онъ заставлялъ современниковъ много говорить о себѣ и о своихъ руссахъ. Часть Черныхъ болгаръ, обитавшая около греческихъ Климатовъ, хотя находилась подъ нѣкоторымъ вліяніемъ грековъ, но нравами и обычаями была сходна съ народностью своего единокровнаго племени, проникнувшаго сюда съ Днѣпра, т. е. съ руссами. Во время Игоря Черные болгары, хотя уже исповѣдывали въ большинствѣ христіанскую вѣру,

но поклонялись все-таки своему «священному дубу», и очень не далеко ушли въ усвоеніи христіанскихъ нравовъ. По всѣмъ своимъ понятіямъ и образу жизни, они были ближе къ руссамъ, нежели къ грекамъ, и племенное родство ихъ склоняло къ союзу съ Русью противъ чуждыхъ имъ грековъ. Однако можно предполагать, зная коварное обыкновеніе Византіи преднамѣренно ссорить между собой единоплеменниковъ ради ихъ ослабленія, что греки не разъ побуждали Черныхъ болгаръ отпадать отъ русскихъ князей, чѣмъ вызывали только со стороны послѣднихъ жестокія наказанія непокорныхъ, и лишь ускорили полное подчиненіе болгаръ руссамъ. Во время Игоря образовалось здѣсь, при Азовскомъ морѣ, на Таманскомъ и на Таврическомъ полуостровѣ, то русское владѣніе или удѣлъ, что въ русской исторіи называется Тьмутараканскимъ княжествомъ первыхъ русскихъ князей, съ главнымъ городомъ Таматархой. Къ этому времени русскіе, своими судовыми походами въ Азовское и въ Каспійское моря, нанесли сильные удары Хазарскому государству и, уничтоживъ его господство по берегамъ Киммерійскаго пролива, сами здѣсь утвердились. Однако къ первому году княженія Игоря относится и неудачный, несчастный походъ, совершенный приазовскими руссами черезъ владѣнія хазаръ по Дону и Волгѣ къ завоеваннымъ мусульманами берегамъ Каспійскаго моря. Вотъ что разсказываетъ о немъ арабскій лѣтописецъ Массуди.

Когда русскіе корабли, подойдя къ волоку между Дономъ и Волгою, встрѣтили здѣсь вооруженную хазарскую стражу, то послали къ хазарскому хану просить позволенія войти въ хазарскую часть рѣки Волги, обѣщая ему за это отдать половину всего, что имъ удастся награбить по Каспійскому побережью

въ магометанскихъ владѣніяхъ арабскаго халифата, завоевавшаго Персію еще въ 636 году. Ханъ согласился, но, хотя руссы, войдя въ рѣку Куру и разграбивъ одинъ изъ богатѣйшихъ арабскихъ городовъ—Берду, исполнили потомъ честно свое обѣщаніе, онъ разрѣшилъ состоявшему у него на службѣ мусульманскому войску имъ отомстить за избіеніе своихъ единовѣрцевъ, и мусульмане разбили русскую рать, обогатившись ея военной добычей, послѣ трехдневной битвы у переправы ея изъ Волги обратно въ Донъ. Уцѣлѣвшіе руссы, не будучи въ силахъ пробиться сквозь густые ряды враговъ, имъ грозившихъ изъ хазарской крѣпости на Дону—Саркела, поплыли по Волгѣ къ сѣверу, дабы спастись отъ побѣдителей, не обладавшихъ флотомъ для ихъ преслѣдованія. Но тутъ загородили имъ путь финское племя: буртасы—позднѣйшая мордва (см. 1 часть) и мусульмане-болгары на Камѣ, такъ что они всѣ погибли.

48 б) Картина: Битва руссовъ съ хазарами между Дономъ и Волгой.

Въ 940 году между Русью и греками произошли непріятныя столкновенія въ ихъ сопредѣльныхъ земляхъ, а въ 941 году Игорь на сотнѣ вооруженныхъ лодокъ, вступивъ въ союзъ съ печенѣгами, присталъ къ берегамъ Малой Азіи, гдѣ началъ опустошать греческія владѣнія вблизи береговъ Ѳракійскаго залива. Русь опять выбрала для нападенія своего время, когда греческіе корабли находились въ отсутствіи, ведя войну съ аравійскими сарацинами. За малолѣтствомъ Константина Багрянороднаго, Византіею управлялъ тогда нѣкто Романъ Лакапинъ, бывшій начальникъ флота. Онъ сейчасъ же велѣлъ исправить нѣсколько старыхъ судовъ и снабдить ихъ огнеметательными снарядами, чтобы они загородили Игорю входъ въ заливъ и не допустили его къ стѣнамъ Царьграда. Игорь сдѣлалъ попытку прорвать эту преграду, но

48 в) Картина: Греки метаютъ огонь въ русскія суда.

греческій огонь нанесъ столько вреда его ладьямъ и наводилъ такой страхъ на русскихъ, предполагавшихъ молнію въ рукахъ грековъ, что онъ поспѣшилъ удалиться опять въ Виѳинію, гдѣ руссы продолжали свои грабежи и враждебныя грекамъ дѣйствія. Три мѣсяца они предавались разбою вдоль береговъ Малой Азіи: опустошали селенія и сожигали монастыри, ими ограбленные. Но, между тѣмъ какъ русскіе воины разбрелись грабить въ разныя стороны, противъ нихъ собралось сильное византійское войско, начавшее истреблять отдѣльные отряды руссовъ. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ опустошенной странѣ заставилъ Игоря снова напасть на византійскіе корабли, но, получивъ подкрѣпленіе, начальникъ ихъ Ѳеофанъ, съ помощью греческаго огня, нанесъ руссамъ еще разъ, уже окончательное, пораженіе. Игорь все-таки съ десятью ладьями успѣлъ добраться до Тьмутаракани. Война продолжалась еще три года, и, наконецъ, опасность со стороны могучаго, неукротимаго русскаго князя для греческихъ городовъ въ Тавридѣ заставила грековъ предложить миръ. Онъ былъ заключенъ въ 944 году. Старый договоръ грековъ съ Олегомъ былъ замѣненъ новымъ ихъ договоромъ съ Игоремъ, въ сущности, только дополненнымъ нѣкоторыми, къ нему вновь приписанными, статьями, не существовавшими при Олегѣ. Такъ, напримѣръ, Игорь, успѣвшій уже окончательно покорить власти своей Черныхъ болгаръ, при Азовскомъ морѣ, обязуется, какъ мы уже говорили,—кромѣ того, что онъ самъ обѣщаетъ оставить въ покоѣ греческіе города Тавриды, не допускать до войны съ ними и ему подчиненныхъ Черныхъ болгаръ. Онъ же даетъ обѣщаніе не обижать корсунскихъ грековъ, при устьѣ Днѣпра, когда они приходили туда для рыбной ловли. Кромѣ того, по-

мимо серебряныхъ и золотыхъ печатей, прежде вполнѣ достаточныхъ для пропуска въ Царьградъ русскихъ пословъ и торговцевъ, они обязывались теперь имѣть при себѣ отъ русскаго князя грамоту, съ обозначеніемъ въ ней, сколько имъ прислано кораблей, въ доказательство, что они пришли не для разбоя, а для торговли, съ мирными цѣлями. Торговое время въ Царьградѣ продолжалось шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ, и по договору Игоря никто изъ русскихъ купцовъ не имѣлъ права тамъ оставаться на зиму. Въ немъ было еще на ихъ счетъ прибавлено: «входяще же Русь въ городъ, да не творитъ пакости». Торговля была преимущественно мѣновая: мѣхъ, медъ, воскъ и «челядь» Русь мѣняла ихъ на поволоки (шолковыя ткани), золото, вино и овощи. По истеченіи торговаго срока, Русь, уходя домой, получала изъ греческой казны на дорогу продовольствіе и судовыя снасти.

По заключеніи мира, послы греческіе дали присягу исполнять договоръ, согласно обряду своей христіанской вѣры, въ присутствіи русскихъ пословъ; а затѣмъ въ Кіевѣ Игорь со своею языческою дружиной взошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна. Тамъ они положили свои щиты и мечи со слѣдующей клятвой: «Если помыслимъ нарушить миръ съ греками, да не имѣемъ помощи отъ нашего бога Перуна, да не ущитимся щитами нашими; да будемъ посѣчены собственными мечами, или погибнемъ отъ стрѣлъ,—а то иного оружія своего; да будемъ рабами въ семъ вѣкѣ и будущемъ».

49) Картина. Клятва Игоря и его дружины.

Крещеная Русь одновременно присягала въ соборномъ храмѣ, пророка Иліи,—надъ честнымъ крестомъ.

Главою посольства въ Греціи и представителемъ тамъ князя Игоря, при заключеніи договора, былъ нѣкій Иворъ. Тогда какъ съ греческой стороны присягали одни цари,—съ русской стороны присягаетъ за-

одно съ княземъ и вся его дружина, что ясно свидѣтельствуетъ о неразрывной связи, между ними существовавшей. Въ 944 году предпріимчивый, смѣлый великій князь Игорь палъ жертвою своей жадности. Онъ мученически погибъ на полюдьѣ въ землѣ древлянской, потому что сдѣлалъ оплошность, отправивъ большую часть дружины, съ собранной уже данью, въ Кіевъ, а самъ остался еще производить поборы съ немногимъ числомъ людей.—«Если къ овцамъ повадится волкъ, то перетаскаетъ все стадо», сказали древляне, и жители одного древлянскаго города Коростеня, подъ начальствомъ своего князя Мала, напавъ врасплохъ на Игоря, жестоко его умертвили. Они привязали его за ноги къ верхушкамъ двухъ, насильно пригнутыхъ другъ къ другу, деревьевъ, а когда отпустили ихъ, конечно, русскій князь былъ разорванъ.

50) Картина. Смерть Игоря.

Глава III.

Княгиня Ольга Святая и ея сынъ, великій князь Кіевскій—Святославъ *).

Княгинѣ Ольгѣ, супругѣ Игоря, привезъ въ Вышгородъ вѣсть о кончинѣ великаго князя ближайшій и лучшій его воевода Свенельдъ. Онъ же руководилъ священной и безусловно необходимой въ язычествѣ кровавой местью древлянамъ за ихъ безчеловѣчное, дерзкое убійство русскаго князя кіевскаго. Вѣротерпимость въ Кіевѣ при князѣ Игорѣ, уже имѣвшемъ въ числѣ своихъ подданныхъ очень много христіанъ, была такова, что христіане не подвергались

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи» и разные мелкіе источники.

здѣсь никакому гоненію за приверженность къ, такъ называвшемуся тогда, Царьградскому толку, и христіанское богослуженіе въ храмѣ Пророка Иліи шло рядомъ съ языческими обрядами передъ Перуномъ. Это мы видимъ уже изъ обряда присяги, произнесенной руссами, христіанами и язычниками, при заключеніи княземъ Игоремъ мирнаго договора съ греками, въ 944 году. Потому неудивительно, что среди окружавшихъ княгиню Ольгу дѣвушекъ были и христіанки. Въ особенности любя одну изъ нихъ за ея доброту и кротость, княгиня Ольга склонялась сама душою къ христіанскому вѣроученію, и не любила кровопролитія даже до своего крещенія въ Царьградѣ. Еще князь Олегъ наказывалъ своимъ посланнымъ къ грекамъ за условленнымъ выкупомъ, чтобы они постарались выбрать ткани получше и побогаче для всѣми любимой при дворѣ кіевскомъ молодой, доброй княгини Ольги. Однако языческія преданія еще имѣли надъ нею такую сильную власть, что она не смѣла противодѣйствовать хитрымъ, суровымъ замысламъ преданнаго Свенельда: какъ можно чувствительнѣй и грознѣй отомстить убійцамъ Игоря.

Ожидая недобраго для себя со стороны безпощадныхъ руссовъ за свое звѣрское преступленіе, жители Коростеня прислали въ Вышгородъ къ княгинѣ Ольгѣ на ладьяхъ, вверхъ по Днѣпру, двадцать пословъ съ предложеніемъ, чтобы она вышла замужъ за ихъ князя Мала. У древлянъ былъ такой обычай: чтобы покрывать убійство мужа женитьбой убійцы на его вдовѣ, будто бы для утѣшенія; въ сущности же съ надеждою увернуться отъ неизбѣжной мести. По указанію Свенельда, одна изъ боярынь язычницъ, состоявшихъ при Ольгѣ, велѣла трехъ старшихъ пословъ привести въ теремъ и имъ коварно сказала, что

рѣчь ихъ люба княгинѣ Ольгѣ, такъ какъ ей все равно мужа не воскресить, и что она пословъ князя Мала хочетъ почтить на другое утро передо всѣми, а потому велитъ ихъ завтра всѣхъ принести къ своему дворцу отъ Днѣпра на ладьѣ. Послы очень обрадовались подобной чести и возгордились. Вернувшись къ товарищамъ, они имъ сообщили хорошую вѣсть. Между тѣмъ, призванные Свенельдомъ рабочіе люди выкопали на дворѣ глубокую яму на полторы сажени,—такихъ размѣровъ, чтобы въ ней могла помѣститься ладья древлянъ, и, когда утромъ слуги княгини принесли ихъ, на длинныхъ жердяхъ, въ ихъ лодкѣ на княжій дворъ, то съ размаха бросили въ эту яму, гдѣ 20 чванныхъ пословъ древлянскихъ поняли слишкомъ поздно, какая ихъ ожидала участь! Сейчасъ же двѣсти лопатъ съ землей полетѣли въ яму,—еще и еще, пока не покрыли ее высокимъ бугромъ земли, сдѣлавъ неслышными въ ней стоны казненныхъ пословъ. Но этимъ дѣло еще не кончилось. Въ тотъ же день отъ имени Ольги Свенельдъ отправилъ въ Коростень нѣсколько кіевлянъ, чтобы они тамъ потребовали въ сваты къ княгинѣ Ольгѣ самыхъ знатныхъ мужей древлянскихъ, такъ какъ и Кіевъ отпуститъ ее въ древлянскую землю съ великимъ почетомъ. Древляне опять повѣрили и послали Ольгѣ сорокъ лучшихъ мужей. Не допустивъ ихъ до Вышгорода, Свенельдъ пригласилъ гостей въ Кіевѣ вымыться въ банѣ, а баню сжегъ вмѣстѣ съ древлянами. Жителямъ же Коростеня послалъ сказать снова отъ имени Ольги: «Иду къ вамъ; наварите побольше меду, чтобы я могла передъ свадьбою справить тризну по моемъ убитомъ мужѣ». И побуждаемая Свенельдомъ, Ольга, вѣрная древнему языческому обычаю кровавой мести, приплыла къ Коростеню въ бѣлой

51) Картина. Гибель древлянскихъ пословъ.

52) Картина. Пріѣздъ княгини Ольги и ея встрѣча древлянскимъ княземъ Маломъ.

вдовьей одеждѣ, сопровождаемая своими дѣвушками и боярынями, причемъ ея ладья была разукрашена царьградскими, золотомъ шитыми, поволоками, будто бы ради ей предстоящей свадьбы. Въ десяткѣ кіевскихъ лодокъ дружина княжеская сопровождала ее. Князь Малъ встрѣтилъ княгиню Ольгу съ поклонами и проводилъ ее на лѣсную опушку, къ могилѣ Игоря. Княгиня поплакала, приказала насыпать высокій курганъ надъ тѣломъ мужа, а затѣмъ ея отроки начали угощать виномъ жителей Коростеня, расположившихся справлять тризну вокругъ кургана, тогда какъ Свенельдъ, потихоньку высадивъ своихъ вооруженныхъ воиновъ недалеко отъ Коростеня, безшумно шелъ по густому лѣсу. «А гдѣ же наши мужи—послы?» спросили древляне.—«Они идутъ за мной»,—отвѣчала Ольга. Затрубилъ рогъ, и дружина Свенельда бросилась на опьянѣвшихъ древлянъ, преградивъ имъ обратный путь въ городъ. Обильно политъ былъ курганъ Игоря древлянской кровью. Княгиня Ольга, ударивъ плетью коня своего, съ душевнымъ трепетомъ поспѣшила ускакать дальше отъ страшныхъ воплей и стоновъ жителей Коростеня, безжалостно перебитыхъ воинами Свенельда до послѣдняго человѣка. Одна изъ боярынь Ольги, язычница, давшая эту мысль Свенельду, напротивъ того, оборачивалась съ восторгомъ на торжество избіенія враговъ Игоря. Торопливо сѣла княгиня Ольга въ первую попавшуюся ей лодку и плыла грустная, молчаливая,—вплоть до Кіева. Въ ея ушахъ стоялъ гулъ тысячной толпы воиновъ и надрывавшіе душу вопли.

53) Картина. Тризна на могилѣ Игоря.

Тѣмъ временемъ маленькій Святославъ, сынъ Ольги и Игоря, находился на попеченіи своего дядьки—кормильца, дружинника новгородскаго Асмунда. Грамотѣ онъ не учился, но зато съ шести лѣтъ: садился

на печенѣжскаго степного коня и управлялъ имъ, какъ старый воинъ, переѣзжалъ черезъ Днѣпръ одинъ на легонькомъ челнокѣ, мѣтко бросалъ въ цѣль маленькое копье изъ тростника и стрѣлялъ изъ дѣтскаго лука. На 8-мъ году сталъ Асмундъ брать своего маленькаго питомца съ собой на охоту, пріучая его къ опасностямъ встрѣчи съ дикимъ, свирѣпымъ звѣремъ. На кабановъ ходилъ онъ и на медвѣдя... Святославъ, кромѣ того, привыкалъ къ виду человѣческой крови, присутствуя на жертвоприношеніяхъ Перуну. Княгиня Ольга, конечно, какъ мать, тревожилась за своего малолѣтняго сына, но не могла противорѣчить Асмунду, зная, что онъ воспитываетъ ея Святослава, какъ подобаетъ для будущаго могучаго князя кіевскаго.

Княгиня сама захотѣла выѣхать осенью на полюдье, собственно, не для сбора дани, а для того, чтобы посмотрѣть, какъ живется въ разныхъ, принадлежащихъ ей, областяхъ бѣднымъ людямъ всей русской земли; для того, чтобы дать имъ праведный судъ и разобрать ихъ ссоры между собою, всѣ ихъ провинности,—безъ пристрастія и обиды.

Во-первыхъ, необходимо было вернуть подъ руку великаго князя кіевскаго бунтовщиковъ древлянъ—ближайшихъ сосѣдей Кіевской области, не желавшихъ платить Кіеву дань. Бунтовщики собрали большое войско и пошли противъ княгини. Тутъ выпалъ первый случай мальчику Святославу обновить новенькую кольчугу, надѣть мѣдный боевой шлемъ и въ руки взять коротенькое копье. Онъ ушелъ впередъ съ Асмундомъ и Свенельдомъ, нѣжно напутствуемый матерью; но, при звукѣ рога, бросился отъ нея къ коню, чтобы поспѣть за своимъ кормильцемъ. Сзади ихъ двинулась вся русская рать. Скоро дружины

54 а) и б) Картины: Маленькій Святославъ на конѣ въ боевыхъ доспѣхахъ.

вражескія смѣшались. Впереди бились богатыри, а Святославъ, съ отважно-горящимъ взглядомъ, крѣпко сжималъ въ рукѣ своей маленькій мечъ. Древляне побѣжали и заперлись въ своихъ городахъ. Тутъ подоспѣла княгиня Ольга и, по существующему преданію, хитро придумала способъ сжечь ей ненавистный, насколько ея мягкое сердце могло ненавидѣть, убившій Игоря Коростень, такъ какъ онъ ни за что не соглашался сдаться, хотя его осаждала русская рать цѣлое лѣто. Она притворилась, что, отомстивъ достаточно древлянамъ за смерть мужа, теперь не наложитъ больше на нихъ тяжелой дани, а проситъ для заключенія мира прислать ей только отъ каждаго дома по три пары воробьевъ и по три пары голубей. Древляне обрадовались такому малому требованію и прислали. «Вотъ вы теперь покорились мнѣ и моему сыну», сказала посланнымъ Ольга, «ступайте обратно, а я отступлю завтра отъ вашего города и пойду домой». Между тѣмъ она, раздавъ птицъ своимъ воинамъ, приказала къ хвосту каждой изъ нихъ привязать по тряпочкѣ съ сѣрой, зажечь ее и отпустить ихъ, какъ только стемнѣетъ. Когда такимъ образомъ ночью голуби воротились въ свои голубятни, а воробьи въ свои стрѣхи, крыши домовъ запылали, и городъ былъ объятъ пламенемъ, что заставило древлянъ спасаться бѣгствомъ оттуда. Ольга приказала брать ихъ въ плѣнъ и убивать, а затѣмъ всю зиму провела въ обширной древлянской землѣ, желая тамъ установить порядокъ, войной нарушенныхъ, отношеній руссовъ съ древлянами, между тѣмъ какъ Асмундъ и Святославъ предавались въ дремучихъ мѣстныхъ лѣсахъ охотѣ за всякой дичью и звѣремъ. Святославъ былъ въ восторгѣ, собственноручно убивъ тамъ въ первый разъ медвѣдя.

55) Картина: Сожженіе Коростеня.

На слѣдующій годъ, оставивъ въ Кіевѣ Святослава, княгиня Ольга отправилась осмотрѣть сѣверныя свои владѣнія и посѣтила родину свою—Псковъ. Разбирая тамъ кротко, мудро и справедливо разные споры жителей и городовъ между собою, она оставила по себѣ въ Псковѣ такую добрую память, что псковитяне долго хранили у себя сани милостивой княгини, облегчившей, насколько возможно, дань ихъ и участь каждаго. Измученный неумѣренными поборами властей, народъ на рѣкѣ Лугѣ встрѣтилъ княгиню Ольгу, какъ избавительницу. Въ Новгородѣ Ольга застала населеніе живущимъ хорошо и богато; но ее поразили раздоры между собою разныхъ «концовъ» этого города: непримиримые и драчливые. Много земель своихъ такъ объѣздила заботливая княгиня и лишь на третій годъ возвратилась въ Кіевъ, гдѣ ее встрѣтилъ выросшій, похорошѣвшій и безпримѣрно мужественный, по словамъ Асмунда, Святославъ. Бодрая, дѣятельная княгиня Ольга, вновь поселившись въ Вышгородѣ, тамъ, по-старому, занялась своими пчельниками, покосами и полями; заботилась о своей дружинѣ; порою сама судила на дворѣ княжескомъ и не боялась больше за сына. Но она чувствовала приближеніе старости, и все больше задумывалась, когда помышляла о своей смерти, надъ приходившимся ей по душѣ царьградскимъ толкомъ, ей поясняемымъ иногда ея любимой боярыней-христіанкой. Наконецъ, Ольга, черезъ нее, рѣшилась призвать къ себѣ христіанскаго кіевскаго священника отца Порфирія, и съ нимъ вступила въ глубокомысленную бесѣду. Бесѣда послѣ того возобновлялась неоднократно, и душа Ольги открылась для христіанской проповѣди. Она собралась принять Св. Крещеніе въ Царьградѣ, отъ самаго византійскаго патріарха, съ

тѣмъ, чтобы ея воспріемникомъ былъ самъ императоръ Константинъ Багрянородный. Среди предводителей дикихъ племенъ, склонныхъ къ принятію христіанской вѣры, давно уже многіе крестились въ Царьградѣ, причемъ императоры соглашались быть воспріемниками вновь обращенныхъ. Христіанство для грековъ служило самымъ дѣйствительнымъ способомъ смягчить нравы неукротимыхъ дикихъ сосѣдей и подчинить ихъ греческому вліянію. Греки старались плѣнить воображеніе язычниковъ красотой своихъ храмовъ и православнаго богослуженія; они любили показывать посламъ русскихъ князей чудный соборъ Св. Софіи и всячески склоняли руссовъ, пріѣзжавшихъ къ нимъ просто съ торговыми цѣлями, къ принятію христіанства съ тѣмъ, чтобы тѣ, возвратясь въ отечество, подъ обаяніемъ новой вѣры, распространяли ее и дома.

Въ 957 году, въ концѣ лѣта, княгиня Ольга двинулась на двадцати ладьяхъ внизъ по Днѣпру, въ Царьградъ, оставивъ русскую землю на попеченіи Свенельда и Святослава. Въ Византіи Ольга, какъ языческая княгиня еще не признанныхъ византійцами за образованный равноправный народъ дикарей-руссовъ, была принята очень сдержанно и надменно, безъ подобающихъ ей, по ея мнѣнію, почестей и ждала довольно долго, пока ей открыли проѣздъ отъ монастыря Св. Мамы къ водянымъ воротамъ въ Царьградъ, а затѣмъ допустили къ Императорскому двору Константина VII. Тамъ она встрѣтила, хотя торжественный, однако нѣсколько высокопарный пріемъ, долженствовавшій ей доказать великое разстояніе, отдѣлявшее сѣверныхъ дикарей отъ царствующаго дома пышной, могущественной Византіи. Раньше всего патріархъ византійскій Ѳеофилактъ, преисполнившись

радостной надеждой распространенія христіанской вѣры во всемъ огромномъ русскомъ народѣ, прислалъ къ княгинѣ Ольгѣ, для испытанія ея знанія основныхъ христіанскихъ истинъ, священника съ приглашеніемъ ей явиться на другой день въ храмъ Св. Софіи, гдѣ должна была совершиться торжественно архіерейская служба во всемъ ея великолѣпіи. Придворныя византійскія дамы собрались тоже на эту службу изъ любопытства увидѣть княгиню-дикарку. Однако, вступивъ съ ней въ разговоръ, онѣ были удивлены ея находчивымъ и, для неграмотной, лишенной всякаго образованія, женщины, необыкновеннымъ умомъ. Пріемъ во дворцѣ ей назначили 9 сентября. Она и тамъ не давала себя въ обиду, насколько смѣлъ переводчикъ вѣрно передавать императору ея отвѣты. Напримѣръ, на его привѣтъ: «Добро пожаловать, княгиня; погости у насъ и узнай нашу вѣру, наши обычаи», она отвѣчала: «Погощу у патріарха, царь, и у Св. Софіи. Я пріѣхала ради святой правды, а не учиться обычаю. Обычай у меня въ Кіевѣ честнѣе здѣшняго». Поднесенныя ей за обѣдомъ на золотомъ блюдѣ, украшенномъ дорогими каменьями, 300 серебряныхъ новыхъ монетъ она гордо велѣла отдать греческимъ гребцамъ и стражѣ. Затѣмъ императоръ передалъ княгиню Ольгу на руки патріарху и согласился на его представленіе, что ему слѣдуетъ быть воспріемникомъ русской княгини отъ купели. Въ теченіе пяти недѣль Ольга ходила въ церковь и обучалась новому для нея закону. Когда ея искусъ кончился, она была крещена самимъ патріархомъ и получила христіанское имя Елены. Крестившись, она заторопилась домой къ себѣ, въ Кіевъ, и тамъ употребила все свое материнское вліяніе на Святослава, чтобы склонить его къ принятію хри-

56) Картина: Крещеніе въ Царь-градѣ княгини Ольги.

57 а) Картина: Царьградскій патріархъ благословляетъ княгиню Ольгу на обратный путь въ Кіевъ.

стіанской вѣры. Однако, напрасно. Молодой, воинственный князь мечталъ только о битвахъ и завоеваніяхъ. Кромѣ того, языческіе жрецы поспѣшили въ отсутствіи Ольги убѣдить его, заодно съ Асмундомъ и Свенельдомъ, что христіанская вѣра годится только для женщинъ со своей проповѣдью любви и мира, а храброму витязю совершенно не подобаетъ быть христіаниномъ. Святославъ почтительно отвѣчалъ матери на ея увѣщанія, что вся дружина будетъ надъ нимъ смѣяться, если онъ приметъ христіанскую вѣру; что ему вовсе не до того, когда надо хазаръ покорить своей власти и сокрушить городъ Великіе Булгары на Камѣ, мѣшающій торговлѣ русскихъ съ Итилемъ.

Княгиня плакала о заблужденіи сына и горячо молилась, чтобы Господь открылъ свѣтъ истины его сердцу. Однако, хотя и принявъ христіанскую вѣру отъ грековъ, Ольга не позволяла первенствовать надъ собой этому народу. Когда императоръ прислалъ просить у нея даровъ и войска себѣ на помощь, она гордо отвѣтила византійскимъ посламъ: «Пускай вашъ царь постоитъ сначала у меня на Почайнѣ столько же, сколько я у него стояла въ Царьградской гавани».

57 б) Картина: Княгиня Ольга тщетно старается склонить сына къ принятію христіанства.

Юный Святославъ еще тѣмъ огорчилъ свою мать, не успѣвшую вполнѣ усвоить понятіе о христіанскомъ равенствѣ, что безъ ея позволенія и вѣдома взялъ себѣ въ жены дочь ея ключницы, хорошенькую Малашу. Кромѣ нея у него было еще двѣ жены изъ княжескаго рода чешскаго и варяжскаго, но очень ему приглянулась молоденькая прислужница его матери въ Вышгородѣ. Ольга не захотѣла оставить въ домѣ рабыню свою на положеніи дочери княгини, и прогнала ее, вмѣстѣ съ родившимся у нея сыномъ Владиміромъ, въ село Будутино, гдѣ несчастная жен-

щина скоро расхворалась и умерла, передавъ сына на руки своего брата, Добрыни Мальковича *). Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, онъ только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походы не бралъ съ собой ни возовъ, ни котловъ, а потому совершалъ ихъ легко, какъ барсъ, со своими храбрыми воинами. Всѣ они такъ же, какъ онъ, не имѣя шатровъ, спали всегда подъ открытымъ небомъ, подложивъ подъ голову сѣдло; питались кониной, но даже не варили ее, или какое другое мясо, а только его пекли на угольяхъ. Когда Святославъ хотѣлъ идти на кого войною, то посылалъ впередъ сказать врагу: «Иду на васъ!» Такъ, онъ ходилъ на Камскихъ болгаръ, обложилъ данью вятичей на Окѣ и побѣдилъ хазаръ при Каспійскомъ морѣ, сначала, овладѣвъ на Дону крѣпостью ихъ Саркеломъ. Тогда печенѣги, оттѣснивъ угровъ къ Дунаю, нахлынули въ Черноморскія степи, и дикая ихъ орда заняла все то же владѣніе разныхъ кочевыхъ ордъ на огромномъ пространствѣ, между Дунаемъ и нижнимъ Дономъ. Съ тѣхъ поръ наемныя ихъ дружины служили то грекамъ-византійцамъ, противъ Дунайскихъ болгаръ и руссовъ, то руссамъ—противъ грековъ. Этотъ свирѣпый народъ внесъ въ Черноморскія области запустѣніе и началъ затруднять связи Днѣпровской Руси съ берегами морей Чернаго и Азовскаго. Однако, онъ все таки не отрѣзалъ еще вполнѣ руссовъ отъ приморскаго побережья, какъ это позже сдѣлали половцы и татары. Отчасти печенѣги служили посредниками въ торговлѣ между Русью и Византіей; сами же доставляли грекамъ быковъ, овецъ и сырыя произведенія своего обширнаго скотоводства.

58) Картина: Конный печенѣгъ.

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи» и разные мелкіе источники.

Скоро вниманіе Святослава было отвлечено отъ Каспійскаго моря и Волги событіями на Дунаѣ.

Славный царь придунайскихъ болгаръ Симеонъ до такой степени укрѣпилъ на Балканскомъ полуостровѣ свое государство и такъ расширилъ его предѣлы, что едва не овладѣлъ самой Византіей. Испуганные византійцы начали тогда напрягать всѣ свои старанія, чтобы подорвать болгарскую силу и, согласно ихъ обыкновенному, коварному образу дѣйствій, принялись тайно натравлять на болгаръ печенѣговъ и угровъ. Съ 912 по 923 годъ Симеонъ четыре раза подступалъ къ Царьграду и два раза бралъ столицу Ѳракіи — Адріанополь, два раза возвращая его обратно грекамъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія онъ особенно сильно сталъ тѣснить Византію, хорошо понимая расшатанность силъ Византійской имперіи, сохранившей только свою внѣшнюю пышность и ложный блескъ. Весной 923 года болгарское войско проникло до самыхъ предмѣстій Константинополя. Ничтожный императоръ Романъ, не видя другого исхода, рѣшился купить у Симеона миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Онъ долженъ былъ лично явиться для этого на свиданіе съ Симеономъ, и миръ былъ заключенъ. Въ одной народной болгарской легендѣ сохранилось преданіе о видѣніи, остановившемъ царя Симеона на его обратномъ пути изъ Царьграда въ Болгарію. Ему явилась тѣнь сѣдого монаха, грознаго вида, съ костылемъ въ рукѣ и бѣлымъ крестомъ на черной рясѣ. Онъ началъ горько упрекать побѣдителя грековъ за миръ, заключенный съ ними, какъ бы пророчествуя о будущемъ полоненіи Балканскаго полуострова мусульманами. Онъ, по преданью, воскликнулъ, согласно переводу легенды въ стихахъ нашимъ поэтомъ Полонскимъ, слѣдующее:

«Что ты сдѣлалъ, царь великій,
Царь славянскихъ христіанъ?
Уступилъ ты тронъ востока
Тяжкой власти мусульманъ?
Мечъ твой былъ въ десницѣ Бога...
Знай же, царь болгарскій, знай:
Опустивъ свой мечъ, ты предалъ,
Ты сгубилъ родимый край!
Вижу я потоки крови,
Бездну ужасовъ и зла;
Отъ Царьграда до Дуная
Замолчатъ колокола...

59) Картина: Видѣніе царя Симеона.

Вскорѣ потомъ, въ 927 году, болгарскій царь Симеонъ умеръ, къ великой радости грековъ, освободившихся отъ неодолимаго своего врага. Его преемники не съумѣли поддержать единеніе всѣхъ славянскихъ племенъ на полуостровѣ и дать отпоръ проискамъ Византіи. Сынъ Симеона, Петръ, не былъ въ силахъ бороться съ представлявшимися ему затрудненіями и отстоять болгарскую независимость. Греческая религія и греческая образованность, проникнувъ въ болгарское царство, породили въ слояхъ его высшаго общества разлагающее подражаніе византійской роскоши. Когда, наконецъ, между царемъ Петромъ и византійскимъ императоромъ Никифоромъ Фокою возникло неудовольствіе изъ-за того, что Византія давала возможность уграмъ врываться въ болгарскія земли, пропуская ихъ черезъ свои владѣнія, Никифоръ Фока, въ 967 году, поручилъ сыну Корсунскаго своего намѣстника, Калокиру, склонить русскаго князя, владѣтеля Тьмутараканскаго, Святослава, къ нападенію на Дунайскихъ болгаръ. Святославъ какъ разъ тогда находился съ дружиной своей въ

60) Картина: Угорскій пастухъ.

*

Тавридѣ. Греки подкупили его золотомъ и льстивыми обѣщаніями. Кіевскій князь собралъ сильную рать и въ 968 году вошелъ на ладьяхъ въ Дунай. Болгары, старавшіеся помѣшать высадкѣ руссовъ, были разсѣяны, а затѣмъ пали многіе города ихъ, не устоявшіе передъ грознымъ натискомъ смѣлыхъ воиновъ Святослава. Въ руки его, между прочимъ, попалъ сильно ему приглянувшійся Переяславецъ, и хорошо укрѣпленный Дористоль. Старый князь Петръ послѣ этихъ событій отъ огорченія умеръ, оставивъ двухъ сыновей: Бориса и Романа. Святославу же такъ понравился завоеванный имъ Переяславецъ, что онъ не хотѣлъ уходить оттуда, говоря, что «въ этомъ городѣ сходится все хорошее: золото, поволоки, вина,— изъ Византіи; кони и серебро—изъ Чехіи и отъ угровъ; мѣха, воскъ, медъ и невольники—изъ родной Руси.

Между тѣмъ печенѣги, узнавъ, что великій князь Кіевскій находится далеко, въ Переяславцѣ, подошли къ Кіеву, гдѣ управляла страною княгиня Ольга, имѣя при себѣ внуковъ, сыновей Святослава: Ярополка съ Олегомъ. Враги окружили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что дружина русская, въ небольшомъ числѣ собравшаяся на другомъ берегу Днѣпра, не могла проникнуть въ него, и жители пришли въ отчаяніе. Необходимо было послать къ ней кого-нибудь, чтобы предупредить ее о неизбѣжности сдачи кіевлянъ печенѣгамъ, если дружина не выручитъ ихъ какъ-нибудь къ утру вооруженной силой. Тогда одинъ мальчикъ-смѣльчакъ вызвался пробраться къ Днѣпру черезъ непріятельскій станъ и переплыть вплавь рѣку. Онъ взялъ въ руки узду, дѣлая видъ, будто потерялъ лошадь; свободно разгуливалъ среди печенѣговъ и на языкѣ ихъ спрашивалъ: «не видалъ ли кто его

61) Картина: Мальчикъ-кіевлянинъ ищетъ лошадь свою въ печенѣжскомъ станѣ.

лошади»? Печенѣги дались въ обманъ. Они приняли мальчика за своего, почему безпрепятственно пропустили его пройти къ рѣкѣ. Когда же онъ, сбросивъ платье, кинулся въ воду, они слишкомъ поздно поняли его хитрость.

62) Картина: Плывущій мальчикъ.

Ни камни, ни стрѣлы, ему не помѣшали доплыть благополучно до лодки, выѣхавшей изъ русскаго стана къ нему навстрѣчу. Начальникъ русской дружины Претичъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, рѣшилъ спасти, во что бы то ни стало, княгиню и молодыхъ князей, зная, что иначе Святославъ его не пощадитъ по своемъ возвращеніи. Когда на разсвѣтѣ кіевляне встрѣтили радостными привѣтствіями и громкими криками лодки съ русскими воинами, плывущія къ нимъ черезъ Днѣпръ, между тѣмъ какъ Претичъ приказалъ громко трубить,— печенѣги вообразили, что пришелъ самъ Святославъ, и бѣжали. Тогда княгиня Ольга съ внуками вышла къ Претичу. Печенѣжскій вождь явился одинъ къ русскому воеводѣ и, узнавъ отъ него, будто дѣйствительно къ Кіеву приближается возвратившійся изъ Болгаріи великій князь, испугался. «Будь мнѣ другомъ», сказалъ онъ Претичу. — «Пожалуй, отвѣчалъ Претичъ». Они подали другъ другу руки, обмѣнялись оружіемъ, и миръ былъ заключенъ. Послѣ того кіевляне послали сказать Святославу, что, пока онъ ищетъ чужой земли, печенѣги чуть-чуть не взяли его столицу, не полонили его мать и дѣтей. Получивъ это извѣстіе, Святославъ сейчасъ воротился въ Кіевъ и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь. Но онъ скоро соскучился дома, и только тяжелая болѣзнь старухи матери задержала его короткое время въ Кіевѣ. Скоро княгиня Ольга скончалась. Похоронилъ ее христіанскій священникъ и надъ ней не справляли языческой тризны.

Пока Святославъ далеко отъ Кіева совершалъ свои славные подвиги на полѣ брани: то облагалъ данью вятичей, то бралъ города и крѣпости у хазаръ, то вступалъ въ бой съ воинственными кавказскими племенами: яссами и косогами,—то, являясь внезапно на берега Дуная, наводилъ ужасъ на болгаръ и грековъ,—не онъ, собственно, а княгиня Ольга по прежнему вѣдала государство. Какъ прежде, она не щадила трудовъ и, посѣщая разныя русскія земли, старалась посадить всюду, при помощи христіанскихъ священниковъ, сѣмена Евангельскаго ученія. Она ставила тамъ кресты, гдѣ христіанская проповѣдь шла успѣшно, и обратившіеся язычники охраняли ихъ, какъ святыню, такъ что кресты эти долго оставались неприкосновенными послѣ смерти Ольги. Однажды въ ея родной области, на берегу рѣки Великой, посреди глухой дубравы, ей возсіялъ, какъ бы, небесный свѣтъ въ трехъ дивныхъ лучахъ. По ея желанію, на этомъ мѣстѣ заложенъ былъ городъ Псковъ съ церковью въ честь Живоначальной Троицы.

63) Картина: Княгиня Ольга въ дубравѣ на берегу рѣки Великой.

На сооруженіе этого храма княгиня Ольга дала много золота. Мы знаемъ уже, что при Ольгѣ находились малолѣтніе внуки ея. Конечно, нельзя было ихъ крестить противъ воли отца, но, тѣмъ не менѣе, княгиня Ольга старалась вложить въ ихъ сердца основныя понятія христіанской вѣры. До описаннаго нами нападенія орды печенѣговъ на Кіевъ, въ отсутствіе Святослава, Ольга жила по крещеніи своемъ еще 12 лѣтъ, являя во всемъ образецъ мудрости и добродѣтели. Подъ вліяніемъ бабки своей, великій князь Ярополкъ, старшій сынъ Святослава, по смерти отца выказалъ снисхожденіе и терпимость къ существованію христіанства въ Кіевѣ, а Владиміръ и самъ склонился къ нему душой во второй половинѣ своей жизни.

По смерти матери, Святославъ посадилъ княжить въ Кіевѣ старшаго сына своего Ярополка, Олега въ землѣ древлянской, а Владиміра въ Новгородѣ. Самъ же ушелъ опять на Дунай, въ Переяславецъ. Болгары затворились и не хотѣли пускать его. Но Святославъ одолѣлъ ихъ въ полдневной сѣчѣ, и занялъ городъ, взявъ въ плѣнъ болгарскаго царя Бориса съ братомъ его Романомъ.

Тогда императоръ Никифоръ-Фока испугался, понявъ свою ошибку. Въ надеждѣ добиться, при помощи Святослава, византійской короны, на его сторону перешелъ греческій военоначальникъ въ Тавридѣ, коварный Калокиръ. Никифоръ-Фока, самъ занявъ византійскій престолъ незаконнымъ путемъ, поспѣшилъ войти въ переговоры съ Болгаріей и началъ приготовляться къ войнѣ съ Святославомъ.

Болгары были крайне раздражены противъ языческой Руси произведенными ею свирѣпствами съ попавшими къ ней въ плѣнъ болгарами. Они охотно приняли предложеніе византійскаго императора общими силами идти на руссовъ, и въ Византію отправили двухъ дѣвицъ царскаго рода, чтобы сочетать ихъ бракомъ съ двумя сыновьями покойнаго императора Романа II-го, предшественника Фоки, отравленнаго своей вѣроломной супругою, императрицею Ѳеофаною, вышедшей послѣ замужъ за полководца Романа II-го:—Никифора. Теперь эта преступная женщина намѣтила себѣ въ мужья его прежняго сподвижника на полѣ битвы и дальняго родственника—Іоанна Цимисхія. Они вмѣстѣ составили заговоръ противъ довѣрчиваго Никифора. Цимисхій, спрятавъ вооруженныхъ людей у него во дворцѣ, однажды, ночью, ворвался съ ними въ спальню къ нему и умертвилъ его; но затѣмъ сейчасъ же послалъ гнус-

ную Ѳеофану на уединенный островъ въ Мраморномъ морѣ.

Одной изъ первыхъ заботъ новаго императора стало изгнаніе изъ Болгаріи побѣдоносныхъ руссовъ. Сначала онъ попытался войти съ ними въ мирные переговоры, но Святославъ далъ такой гордый отвѣтъ и потребовалъ столь огромнаго выкупа за всѣхъ плѣнныхъ, помимо завоеванныхъ имъ городовъ, что война стала неизбѣжной. Нанявъ конныя толпы угровъ и печенѣговъ, Святославъ послалъ ихъ разорять византійскія земли, но они были разбиты подъ городомъ Адріанополемъ полководцемъ Іоанна Вардою Склиромъ, т. е., крѣпкимъ. Іоаннъ Цимисхій сдѣлалъ Адріанополь опорной точкой для своихъ будущихъ военныхъ дѣйствій; тамъ приготовилъ склады оружія и съѣстныхъ припасовъ. Онъ собралъ много мелкихъ судовъ на Дунаѣ и составилъ себѣ отрядъ тѣлохранителей, назвавъ ихъ безсмертными. Передъ выступленіемъ въ походъ противъ руссовъ, Іоаннъ Цимисхій всенародно молился во всѣхъ большихъ храмахъ своей столицы. Изъ Адріанополя онъ послалъ ловко развѣдать, будто бы, для распредѣленія дани, численность непріятеля и состояніе его силъ. Оказалось, что Русь имѣла въ своемъ распоряженіи не болѣе 20 тысячъ войска, и что оно, не ожидая такъ скоро близости непріятеля, вслѣдствіе наступившихъ праздниковъ Пасхи, вело себя столь безпечно, что допустило застигнуть себя врасплохъ подъ стѣнами Великой Преславы. Стоявшій тамъ, подъ начальствомъ воеводы Сфенкела, русскій отрядъ отчаянно бился съ греками и погибъ почти цѣликомъ въ этомъ объятомъ пламенемъ городѣ, послѣ того какъ греки, не въ силахъ вытѣснить храбрецовъ Святослава изъ ихъ убѣжища, дворцоваго, крѣпкаго замка,

начали въ него метать съ разныхъ концовъ разрушительный свой огонь. Сфенкелъ всего съ нѣсколькими людьми, оставшимися въ живыхъ, ушелъ въ городъ Дористоль къ Святославу. Не теряя времени, туда же съ войскомъ своимъ двинулся императоръ, взявъ въ плѣнъ молодого болгарскаго царя Бориса. Полчища угровъ и печенѣговъ покинули Святослава, склоненныя къ тому греческимъ золотомъ. Въ Дористолѣ, чтобы обезопасить себя отъ возмутившихся противъ него болгаръ, онъ велѣлъ казнить до 300 самыхъ знатныхъ гражданъ, а остальныхъ засадилъ въ темницы. Борьба византійцевъ съ руссами подъ Дористолемъ была весьма упорна. Руссы стояли передъ стѣнами города, плотно сомкнувъ свои щиты и копья. Они дрались съ неукротимой яростью и дикимъ крикомъ, считая для себя пораженіе недопустимымъ позоромъ, послѣ всѣхъ предыдущихъ своихъ побѣдъ. Греки же были одушевлены присутствіемъ мужественныхъ вождей и недавнимъ своимъ успѣхомъ.

64) Картина: Русскіе воины въ битвѣ съ греками подъ стѣнами Дористоля.

Іоаннъ, наконецъ, выдвинулъ свою конницу, и руссы, не выдержавъ ея натиска, заперлись въ городѣ. Греки сейчасъ же раскинули станъ свой вокругъ него и окопались. Ладьи ихъ, вооруженныя страшными огнеметательными снарядами, вошли въ Дунай и преградили руссамъ путь отступленія. Руссы, помня несчастную судьбу Игоря, собрали свои суда подъ самыми стѣнами Дористоля, не смѣя приблизиться къ флоту грековъ. Но воины Святослава не прятались за городскими стѣнами и каждый день выходили въ поле сразиться съ непріятелемъ. Русь, приплывшая на судахъ, представляла изъ себя обыкновенную русскую, кольчужную пѣшую рать и страдала отсутствіемъ конницы. Закрывшись до самыхъ ногъ щитами, она грозной, несокрушимой стѣною

шла на врага, пока полководцы Цимисхія стремительнымъ ударомъ конницы и клинообразнымъ строемъ своей пѣхоты, или бросаясь на русскихъ врасплохъ, съ боковъ и тыла, не успѣвали разстроить сомкнутые ряды ихъ, и тѣмъ принудить ихъ къ возвращенію обратно въ городъ. Руссы не обращались, однако, въ бѣгство, а медленно шли, закинувъ за спину свои щиты. Ночью они собирали среди поля сраженія тѣла убитыхъ товарищей и сожигали ихъ на кострахъ, причемъ приносили въ жертву богамъ младенцевъ и пѣтуховъ, опуская ихъ въ Дунай. Убивали съ тою же цѣлью, при погребальныхъ обрядахъ, плѣнниковъ и женщинъ, слѣдовавшихъ въ военныхъ доспѣхахъ за мужьями своими въ кровопролитныя битвы. Одинъ изъ византійскихъ историковъ, Левъ Діаконъ, находился тогда въ Болгаріи вмѣстѣ съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Онъ намъ оставилъ подробное описаніе этой ожесточенной войны Святослава съ греками подъ Дористолемъ. Знаменитый художникъ нашъ Семирадскій на этой картинѣ изобразилъ, по его описанію, на первомъ планѣ возмутительныя убійства и потопленіе младенцевъ воинами язычниками въ Дунаѣ, а далѣе—костры, съ возлагаемыми на нихъ жертвами, и рабовъ гибнущихъ подъ ударами суровыхъ воиновъ Святослава. Направо, надъ кручей берега, старый кудесникъ указываетъ одному изъ воиновъ на струи рѣки, въ которыя тотъ собирается погрузить пѣтуха.

65) Картина: Языческія жертвоприношенія руссовъ въ стѣнахъ Дористоля.

Цимисхій устроилъ осадныя машины, метавшія камни въ городъ. При попыткѣ руссами сжечь ихъ, предупрежденной греческой конницей, русскіе убили руководителя дѣйствій этихъ машинъ, родственника Цимисхія. Въ другой разъ они, сѣвъ на ладьи въ числѣ 2000 человѣкъ, незамѣтно для грековъ собрали въ ближайшихъ селеніяхъ, сколько могли захватить,

муки, хлѣба и разныхъ съѣстныхъ припасовъ, у нихъ истощившихся, а на обратномъ пути успѣли еще истребить отрядъ греческихъ воиновъ, разсыпавшійся безпечно, для водопоя и рубки дровъ, въ окрестномъ лѣсу. Раздосадованный императоръ пригрозилъ своимъ военачальникамъ смертной казнью, если подобная вылазка повторится, и съ тѣхъ поръ греки стали такъ тщательно оберегать пути, ведущіе въ Дористоль, что лишали русскихъ всякой возможности раздобыть себѣ продовольствіе.

Святославъ къ тому времени потерялъ большую часть своей дружины и лучшихъ своихъ воеводъ, какимъ былъ, во-первыхъ, Сфенкелъ. Мѣсто его, когда онъ былъ убитъ, занялъ Икморъ, человѣкъ необычайной силы и роста. Но во время одной изъ вылазокъ, когда онъ яростно поражалъ грековъ, будучи во главѣ отборныхъ воиновъ, на него налетѣлъ конный тѣлохранитель Цимисхія, Анемасъ, отличавшійся тоже большою силой. Онъ поразилъ Икмора мечомъ по шеѣ съ такою мощью, что голова русскаго богатыря упала на землю вмѣстѣ съ правой рукой.

66) Картина: Стычка Икмора съ Анемасомъ.

Послѣ того уныніе проникло въ среду русской рати, несмотря на все ея мужество. Святославъ собралъ на совѣтъ старшихъ дружинниковъ и воеводъ, обдумывая: что дѣлать?—Къ чему намъ послужитъ жизнь, спасенная бѣгствомъ и униженіемъ? Нѣтъ. Если не можемъ добыть побѣды, добудемъ себѣ славной смерти,—сказалъ въ заключеніе Святославъ, и битва возобновилась. Анемасъ заплатилъ жизнью за попытку повторить на Святославѣ ударъ, нанесенный имъ съ такимъ успѣхомъ Икмору; но затѣмъ буря, благопріятная грекамъ, залѣпила глаза воинамъ Святослава; самъ онъ, израненный, едва спасся отъ

67) Картина: Военный совѣтъ, собранный Святославомъ въ Дористолѣ.

плѣна. Въ Дористолѣ насталъ ужасный голодъ, принудившій, наконецъ, кіевскаго великаго князя предложить грекамъ миръ съ тѣмъ, что онъ выдастъ всѣхъ своихъ плѣнниковъ императору и уйдетъ совсѣмъ изъ Болгаріи. Утомленные сами отчаянной борьбою съ руссами, греки охотно приняли миръ; но Святославъ долженъ былъ обязаться съ клятвою на своемъ оружіи богомъ Перуномъ, что онъ не будетъ нападать тоже на греческія владѣнія въ Тавридѣ и другихъ не допуститъ до враждебныхъ дѣйствій тамъ противъ грековъ. На этихъ условіяхъ императоръ согласенъ былъ дать Святославовой рати свободный пропускъ для возвращенія въ отечество. Мирный договоръ былъ заключенъ, со стороны грековъ, отъ имени Іоанна Цимисхія, а также двухъ молодыхъ императоровъ: Василія и Константина. Со стороны же руссовъ первое мѣсто, вслѣдъ за великимъ княземъ, теперь занимало имя Свенельда. При заключеніи договора Святославъ попросилъ о личномъ свиданіи съ греческимъ императоромъ, чтобы у него выговорить для себя обезпеченіе безопаснаго перехода среди ордъ печенѣжскихъ. Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій выѣхалъ на конѣ, въ дорогихъ доспѣхахъ, окруживъ себя отрядомъ столь же блестящихъ вооруженіемъ и доспѣхомъ всадниковъ. Святославъ же сидѣлъ въ ладьѣ и гребъ наряду сь другими гребцами. Онъ былъ средняго роста, статенъ, широкоплечъ и съ мускулистой шеей. Имѣлъ голубые глаза, густыя брови и немного плоскій носъ, подстриженную бородку и длинные усы. По обычаю знатныхъ рускихъ людей, съ его оголенной головы на бокъ спускалась прядь волосъ. Въ одномъ ухѣ носилъ онъ золотую серьгу, украшенную двумя жемчужинами и рубиномъ. Выраженіе его лица было сурово и мрачно.

На плечи его былъ наброшенъ такой же бѣлый плащъ, какой былъ и у его товарищей. Онъ переговорилъ черезъ переводчика съ императоромъ, не выходя изъ ладьи, и отъѣхалъ назадъ. Іоаннъ Цимисхій возвратился въ свою столицу, сопутствуемый плѣннымъ болгарскимъ царемъ Борисомъ. На главной площади онъ приказалъ ему при стеченіи всего народа снять съ себя царскіе знаки: шитую золотомъ и покрытую жемчугами шапку, багряный плащъ и красную обувь. Такимъ образомъ, знаменитое при царѣ Симеонѣ болгарское царство дунайскихъ болгаръ было объявлено простою областью Византійской Имперіи.

68) Картина: Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ.

Не взирая на слабое требованіе и, конечно, притворное ходатайство грековъ о безпрепятственномъ пропускѣ Святослава вверхъ по Днѣпру, печенѣги преградили ему путь у пороговъ. Великій князь не послушалъ благоразумнаго совѣта Свенельда: пройти окольной дорогой въ Кіевъ, и палъ въ отчаянной сѣчѣ съ ними такъ же, какъ большинство его храбрыхъ воиновъ. Малая часть 20-ти тысячной Святославовой рати вернулась на родину съ заслуженнымъ воеводой Свенельдомъ, въ 972 году. Печенѣжскій князь Куря велѣлъ оковать золотомъ черепъ убитаго Святослава и на пирахъ пилъ вино изъ этой чаши.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава I.

Смерть Олега и Ярополка Святославовичей. Великій князь Владиміръ язычникъ.

Послѣ гибели Святослава великокняжескій престолъ кіевскій занялъ старшій сынъ его Ярополкъ, замѣщавшій до сихъ поръ въ Кіевѣ своего отца во время его отсутствія. Второй братъ, отъ другой матери, получилъ себѣ въ удѣлъ Полѣсье, т. е. Древлянскую землю, и сидѣлъ въ городѣ Овручѣ. Меньшому же сыну, отъ рабыни княгини Ольги, Владиміру, Святославъ опредѣлилъ занять, какъ мы уже знаемъ, столъ Новгородскій, гдѣ самъ онъ числился княземъ при отцѣ своемъ Игорѣ. Владиміръ правилъ тамъ, руководимый и охраняемый своимъ кормильцемъ, Добрыней Мальковичемъ. Мы видимъ, что русскіе великіе князья старались имѣть своими намѣстниками по разнымъ областямъ собственныхъ сыновей, или самыхъ ближайшихъ родственниковъ, чтобы крѣпче связать съ городомъ Кіевомъ ему подвластныя племена, вытѣсняя мѣстные княжескіе роды. Кіевскій князь не хотѣлъ ограничиваться только званіемъ старшаго князя, но стремился дѣйствительно стать господиномъ всей Русской земли. Съ этого начи-

нается продолжительная борьба единодержавія съ удѣльнымъ порядкомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, сѣвера съ югомъ, т. е., Новгорода съ Кіевомъ.

Сыновья Святослава не долго жили въ мирѣ между собою. Главнымъ совѣтникомъ Ярополка сталъ, по возвращеніи своемъ изъ Болгаріи, престарѣлый кіевскій воевода—Свенельдъ, тогда какъ «кормильцемъ» Олега былъ воевода Претичъ. Какъ-то случилось, что сынъ Свенельда, Лютъ, въ лѣсу, на охотѣ, поссорился съ пятнадцатилѣтнимъ Олегомъ, и былъ убитъ не то Претичемъ, не то самимъ древлянскимъ княземъ. Съ тѣхъ поръ Свенельдъ сталъ искать предлога вызвать войну между Олегомъ и Ярополкомъ. Онъ смущалъ князя кіевскаго навѣтами, что Олегъ долженъ ему, какъ старшему, платить дань, и кончилось тѣмъ, что въ Кіевѣ собралась вокругъ Ярополка дружина подъ предводительствомъ его кормильца, Блуда, и самого Свенельда, которому было уже за 80 лѣтъ. Олегъ же въ Овручѣ выступилъ противъ своего старшаго брата со своимъ кормильцемъ, Претичемъ. Но ему было трудно справиться съ наступившими въ городъ Овручъ превосходными силами Ярополка: съ такими кіевскими богатырями, какъ Алеша Поповичъ и Андрихъ Добрянковъ.

Первымъ врубился въ ряды Олега Свенельдъ и прямо бросился на своихъ кровныхъ враговъ—Претича съ молодымъ княземъ. Тѣ испугались, и побѣжали обратно къ городу, а вслѣдъ за ними, вся ихъ дружина. Черезъ глубокій ровъ, окружавшій Овручъ, былъ перекинутъ узенькій мостикъ. Когда на немъ столпились воины Олега и Ярополка, то Олегъ и Претичъ оба упали въ ровъ, гдѣ ихъ нашли уже мертвыми, по окончаніи битвы. Кіевляне вторглись въ столицу древлянской области. Ярополкъ горько

69) Картина: Ярополкъ оплакиваетъ смерть убитаго въ битвѣ съ нимъ Олега.

плакалъ надъ трупомъ брата и упрекалъ Свенельда, побудившаго его на такое дѣло.—«Этого ли ты хотѣлъ?» спрашивалъ онъ съ негодованіемъ, указывая ему на бездыханное тѣло древлянскаго князя. Но скоро и самъ онъ палъ отъ руки двухъ норманскихъ воиновъ, по приказанію Добрыни, кормильца новгородскаго князя Владиміра, когда тотъ овладѣлъ Кіевомъ подъ его руководствомъ и съ помощью норманской дружины, набранной имъ въ Скандинавіи.

Въ IX и X столѣтіяхъ на полуостровахъ и островахъ Скандинавскихъ совершался важный переворотъ. Тамъ слагались три сильныя королевства: Швеція, Норвегія и Данія. Тогда всѣ мелкіе владѣтельные князья скандинавскихъ земель, не желая стать простыми подданными королей, начали уходить со своими слугами изъ отечества, чтобы искать счастья за чертой родины, какъ вожди-завоеватели, или же просто въ качествѣ наемныхъ воиновъ. Главныя силы ихъ ушли на западъ—въ Англію и на сѣверъ Франціи. При Балтійскомъ же морѣ, вблизи предѣловъ Руси, появились отряды вооруженныхъ норманъ—наемниковъ. По имени моря Варяжскаго, ихъ стали звать на Руси тоже варягами, какъ прибалтійскихъ славянъ, между тѣмъ какъ славяне эти, съ тѣхъ поръ что родственникъ Рюрика, варягъ Олегъ, началъ княжить въ Кіевѣ, не отличались больше ничѣмъ отъ Роси, и слились съ русскимъ, славянскимъ племенемъ во-едино.

Чтобы держать въ повиновеніи своевольный Новгородъ, кіевскіе князья, подчинивъ себѣ Ильменскій край, водворили въ Новгородѣ, мира ради, наемную, норманскую, иначе варяжскую, дружину, заставивъ городъ содержать ее на свой счетъ съ уплатою 300 гривенъ въ годъ. Значеніе варяго-норманскихъ

Собственность Т. П. Мятлевой.

Князь Ярополкъ оплакиваетъ смерть, убитаго въ битвѣ съ нимъ, брата Олега. *(Къ 96 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Проѣздныя ворота. *(Къ 129 стр.)*

дружинъ на Руси еще усилилось вслѣдствіе междоусобій, возникшихъ въ потомствѣ Игоря. Онѣ явились сильнымъ оружіемъ въ рукахъ наиболѣе властолюбивыхъ князей. Русскіе князья заключали нерѣдко дружественные и родственные союзы съ государствами скандинавскими.

Когда до Новгорода дошелъ слухъ объ убіеніи Ярополкомъ брата Олега и о стремленіи кіевскаго великаго князя наложить дань на Новгородъ съ тѣмъ, чтобы надъ нимъ поставить, на мѣсто князя Владиміра, кіевскаго посадника, было начало лѣта, и городъ опустѣлъ по обыкновенію: кто ушелъ въ Ладогу торговать, кто пустился за море; земледѣльцы отправились на свои пашни; рыбаки принялись за ловлю рыбы, а знаменитые плотники новгородскіе строили лодки на озерѣ Ильменѣ. Обезпокоенный судьбой питомца и племянника своего, Добрыня поспѣшно собралъ новгородское вѣче и началъ склонять новгородцевъ къ дружной защитѣ своей независимости отъ Кіева, въ лицѣ своего молодого князя, съ 9-ти лѣтняго возраста имъ привезеннаго въ Новгородъ. Одной дружины княжеской было бы недостаточно для сопротивленія Ярополку. Но на первомъ мѣстѣ у новгородцевъ стояли ихъ торговыя выгоды, тогда какъ война грозила имъ разореніемъ, и большинство на вѣчѣ рѣшило, что княжескій ли посадникъ, или самъ князь Владиміръ съ кормильцемъ своимъ—расходъ все одинъ и тотъ же, а потому воевать новгородцамъ нечего, въ ущербъ своей торговлѣ, тѣмъ болѣе, что сейчасъ весь народъ разошелся, и самъ богатырь новгородскій, Воробей Стояновичъ, уплылъ на Каму, въ Болгарію, за товарами. Между тѣмъ въ Кіевѣ собралось сорокъ четыре могучихъ богатыря. Хитрый Добрыня сдержалъ свой гнѣвъ и

69 б) Картина: Новгородскіе плотники мастерятъ суда-однодревки.

заявилъ великодушно городу, что, будто, самъ князь Владиміръ не хочетъ, чтобы изъ-за него вышла война на бѣду и горе любимымъ его новгородцамъ; что князь лучше покинетъ скорѣе Новгородъ, чтобы не идти противъ старшаго брата. А самъ про себя Добрыня подумалъ: «погодите вы, плотники; я вамъ такого варяга желѣзнаго насажу въ посадники, что у васъ только кости будутъ трещать»! И сѣвъ въ ладью, онъ уѣхалъ съ княземъ Владиміромъ къ берегамъ Скандинавіи. Три года Владиміръ прожилъ въ Норвегіи, у тамошней королевы Астриды, подружась съ ея сыномъ Олафомъ. Онъ ходилъ на варяжскихъ ладьяхъ за добычей по Варяжскому морю и возвратился, обремененный ею. Добрыня тоже свыкся съ норманскимъ бытомъ: сталъ одѣваться и говорить по-норманскі.

Тѣмъ временемъ Ярополкъ и Блудъ, съ небольшими силами подступивъ къ Новгороду, посадили тамъ новгородскимъ посадникомъ воеводу Икмора съ обязательствомъ, чтобы Новгородъ платилъ Кіеву по 500 гривенъ въ годъ.

Но вотъ норманскій конунгъ, т. е. король, Эрикъ отнялъ престолъ у королевы Астриды и прогналъ ее изъ Норвегіи съ ея братомъ, богатыремъ Сигурдомъ, сыномъ Олафомъ и русскимъ княземъ. У Сигурда было однако много сторонниковъ. Всѣхъ ихъ Владиміръ съ Добрыней Мальковичемъ увели за собою въ Новгородъ. Изъ Ладоги прибѣжали люди и принесли новгородцамъ, какъ громомъ, поразившую ихъ вѣсть, что въ рѣку Волховъ вошли, подъ предводительствомъ князя Владиміра и его дяди, въ огромномъ количествѣ, суда варяговъ; что князь Владиміръ «соколомъ смотритъ», стоя въ передней лодкѣ и опираясь на длинный норманскій мечъ; норманская же

70) Картина: Возвращеніе князя Владиміра въ Новгородъ съ норманскимъ войскомъ.

дружина грозно его окружаетъ, закованная въ желѣзо съ головы до пятокъ. Посадникъ Икморъ не могъ сопротивляться Владиміру, такъ какъ его кіевская дружина, не подозрѣвавшая объ опасности, къ этому времени разбрелась вся по сторонамъ, а при немъ остались воины изъ самыхъ худшихъ. Волей-неволей онъ, во главѣ всѣхъ новгородцевъ, съ почетомъ встрѣтилъ князя Владиміра. За нимъ богатый купецъ новгородскій Путята стоялъ съ хлѣбомъ-солью, привѣтствуя князя льстивою рѣчью: «Солнышко наше красное опять восходитъ; добро пожаловать». Пришлось теперь Новгороду расплачиваться не на шутку; не то, что 300 въ годъ, а по 200 въ мѣсяцъ давать на норманское войско князю Владиміру: на содержаніе прислуги изгнанной изъ отечества королевы Астриды и дружины Олафа. Понялъ Добрыня, глядя на пріунывшихъ жителей Новгорода, что пришло время собрать новую сходку. «Тяжеленька приходится Новгороду дружина варяжская; сердце мое болитъ по немъ», лицемѣрно сказалъ онъ; «надо бы намъ князю поклониться, чтобы онъ отсюда своихъ варяговъ убралъ. Теперь у него своя воля стала; онъ, вѣдь, не маленькій, и своего дядю не очень слушаетъ. Вотъ на Кіевъ пошелъ бы. Да, вѣдь, съ одною норманской дружиной, безъ новгородскаго войска, далеко не уйдешь». Хорошо поняли новгородцы, что не избавиться имъ иначе отъ непріятной обузы—дорого стоющихъ городу заморскихъ гостей, какъ собравъ осенью войско изъ молодцовъ новгородскихъ для подкрѣпленія норманской дружины. Она тогда вмѣстѣ съ ними, по первому пути, двинется осаждать Кіевъ.—«Мы всѣ вздохнемъ свободно, когда орава эта отхлынетъ»,—сказалъ купецъ Путята; а въ Кіевѣ съ норманомъ Сигурдомъ еще поспорятъ рус-

скіе богатыри. Пусть бы они другъ дружку до хвоста съѣли, мы бы только порадовались».

Ранней зимой, въ 980 году, Новгородъ, Волоховскіе пороги, Псковъ, Изборскъ, Ловать и Кривичи поставили князю Владиміру въ войско по 10 тысячъ человѣкъ, и князь, выступая съ большимъ обозомъ изъ Новгорода противъ старшаго брата, послалъ къ нему его бывшаго посадника Икмора сказать: «Владиміръ идетъ на тебя; готовься къ войнѣ». Кіевъ ужасно взволнованъ былъ дерзостью новгородскихъ плотниковъ.—«Пилы имъ въ руки, а не мечи! Ершеѣды эдакіе озерные! На городъ поднялся пригородъ»! кричали гордые кіевляне. Владиміръ съ дружиной и съ войскомъ сперва пошелъ къ Полоцку, что̀ стоялъ на рѣкѣ Полоти, притокѣ Западной Двины,—столицѣ полочанъ. Добрыня послалъ впередъ отроковъ къ Полоцкому князю Рогвольду: сватать за князя Владиміра его дочь Рогнѣду. Рогвольдъ отвѣчалъ, что она уже просватана за князя Ярополка, а потому Владиміру отдана быть не можетъ. Рогнѣда сама отказалась стать женою «сына рабыни». Тогда Сигурдъ ударилъ съ своей желѣзной дружиной на дружину Рогвольда и, какъ траву, начали косить ея храбрыхъ отроковъ длинные мечи варяговъ. Самъ князь Рогвольдъ и двое его сыновей пали въ битвѣ. Юный Владиміръ ворвался въ теремъ Рогнѣды, приготовившей ножъ для ненавистнаго ей заочно рабынича, но, плѣненная его благородной наружностью, она добровольно дала согласіе выйти за него замужъ. Послѣ того Ярополкъ вытѣсненъ былъ изъ Кіева войскомъ князя Владиміра, по существующему преданію, будто бы, при посредствѣ измѣны кормильца своего Блуда, убѣдившаго его, въ страхѣ передъ несокрушимою силой норманскихъ воиновъ, въ особенности

Сигурда, спасаться въ крѣпость Родню, при устьѣ рѣки Роси, такъ какъ кіевляне не будутъ отстаивать его. Но, осажденный тамъ небольшой частью войска Владиміра, безъ битвы уже занявшаго Кіевъ, Ярополкъ со своей дружиной началъ терпѣть такой сильный голодъ, что принужденъ былъ сдаться. Онъ не послушалъ совѣта вѣрнаго своего слуги Варяжко—бѣжать за помощью къ печенѣгамъ, и неосторожно пошелъ съ повинною головой къ брату, предлагавшему ему вступить съ нимъ въ мирные переговоры. У входа въ ставку Владиміра, торжествовавшаго свою побѣду веселымъ пиромъ съ своей дружиной и всѣми кіевскими богатырями, призванными имъ къ столу въ качествѣ первыхъ, лучшихъ гостей, Ярополкъ былъ убитъ изъ засады двумя варяжскими воинами, какъ говорятъ, по тайному приказанію Добрыни, желавшаго видѣть племянника своего единымъ владѣтелемъ всей русской земли. Между тѣмъ варяжскіе наемники возгордились. Они начали считать князя Владиміра своимъ ставленникомъ, и потребовали себѣ дани отъ кіевлянъ. Тогда Добрыня поспѣшилъ самыхъ жадныхъ и безпокойныхъ норманскихъ воиновъ разослать, какъ бы въ награду за ихъ содѣйствіе, по различнымъ городамъ русскимъ, посадниками, соблазняя ихъ легкой наживой, а князь Владиміръ, тѣмъ временемъ, окружалъ себя въ Кіевѣ все большимъ числомъ русскихъ богатырей и сильнымъ русскимъ войскомъ. Сигурдъ, наконецъ, увидѣлъ себя принужденнымъ, по предложенію Добрыни, уѣхать съ своей дружиной—поискать счастья и дѣла въ Греціи. Провожавшіе его въ Царьградъ кіевскіе послы тайно внушили Византійскому императору не оставлять наемныхъ варяговъ вмѣстѣ, а дробить ихъ дружину по разнымъ мѣстамъ ради собственной безопасности.

На радостяхъ о такомъ легкомъ захватѣ великокняжескаго престола и объ уходѣ изъ Кіева буйныхъ варяговъ, ставшихъ ему ненужными, Владиміръ поставилъ на одномъ холмѣ, въ Кіевѣ, новый идолъ Перуна, съ серебряной головой и золотыми усами. Князь Ярополкъ отличался вѣротерпимостью, и при немъ христіанство въ Кіевѣ стало вновь укрѣпляться послѣ гоненія Святослава, когда онъ, приписавъ какой-то свой неудачный походъ распространенію среди народа христіанской вѣры, вдругъ началъ преслѣдовать христіанъ и разорять ихъ храмы. При Владимірѣ теперь тоже, въ началѣ его княженія, поклоненіе идоламъ стало вновь, подъ вліяніемъ, вѣроятно, особенно крѣпкихъ языческихъ нравовъ сѣвера, крайне ревностно совершаться, сопровождаясь нерѣдко кровавыми человѣческими жертвоприношеніями истуканамъ громовержца Перуна и бога солнца, или Дажьбога. Однако нѣтъ сомнѣнія, что въ Кіевѣ, со времени княгини Ольги, шла затаенная, но упорная борьба между язычествомъ и христіанствомъ, причемъ ревнители старой вѣры смотрѣли съ крайнимъ неудовольствіемъ на умножившіяся молитвенныя собранія христіанъ, и въ Кіевѣ тогда появились первые христіанскіе мученики.

71) Картина: Жертвоприношеніе идолу Перуна.

При наступленіи лѣта князь Владиміръ поплылъ воевать вверхъ по Днѣпру со своею кіевскою дружиной, такъ какъ послѣ гибели Святослава и во время междоусобныхъ распрей его сыновей часть покоренныхъ племенъ отложилась отъ Кіева, т. е. перестала платить ему дань, а нѣкоторые сосѣди старались даже расширить земли свои на счетъ Кіевской Руси. Ища верховьевъ Припети (праваго притока Днѣпра), великій князь набрелъ на польскіе города Черевень и Перемышль. Чтобы дать дѣло

своей дружинѣ, онъ не замедлилъ ихъ захватить, вопреки сопротивленію и угрозамъ намѣстниковъ польскаго короля Мечислава. Это было въ 981 году. Вся эта область, отвоеванная Владиміромъ отъ поляковъ—ляховъ, по городу Черевню, получила названіе Червонной Руси.

Возвратившись ранней осенью изъ похода, великій князь Владиміръ велѣлъ отблагодарить Перуна за свои успѣшныя дѣйствія въ чужихъ земляхъ человѣческой жертвой. Кіевляне бросали жребій на своихъ дѣтей, и онъ палъ, по проискамъ одного языческаго жреца, на сына ненавистнаго ему мирнаго кузнеца варяга, христіанина Ѳеодора, обличавшаго слишкомъ смѣло ложь языческихъ вѣрованій. Старѣйшины города пошли къ дому Ѳеодора и настойчиво стали стучаться въ запертую калитку его двора. Онъ вышелъ къ нимъ, но, узнавъ, въ чемъ дѣло, наотрѣзъ отказался выдать сына своего Іоанна на смерть, въ угоду бѣсамъ, — принести его въ жертву бездушнымъ, глупымъ чурбанамъ. Когда старшины возвратились ни съ чѣмъ къ костру, разведенному у подножія Перуна, свирѣпый, мстительный жрецъ изступленными, гнѣвными криками побудилъ дикую толпу язычниковъ топорами разбить заборъ вокругъ дома Ѳеодора и настоять съ угрозами на исполненіи требованія боговъ—чтобы онъ отдалъ сына для принесенія жизни его въ даръ Перуну. Услышавъ смѣлое повтореніе рѣшительнаго отказа твердаго въ убѣжденіяхъ своихъ христіанина исполнить мнимую волю боговъ, причемъ онъ назвалъ ихъ жалкими деревяшками, толпа разъяренныхъ такою дерзостью кіевлянъ насильно вытащила его съ сыномъ на улицу, безпощадно била и поволокла съ поруганіемъ къ кострамъ, гдѣ сынъ былъ зарѣзанъ

72) Картина: Кіевскіе мученики за вѣру Христову.

передъ глазами отца, и оба они сожжены въ даръ Перуну.

Вдоль береговъ Волги, на всемъ ея протяженіи съ верховьевъ до земли Камскихъ болгаръ, лежалъ уже описанный нами Ростово-Суздальскій край, въ то время еще заселенный, по преимуществу, дикими финнами, но гдѣ распространялись мало-по-малу владѣнія русскихъ князей. На его дѣятельную торговлю съ Камской Болгаріей указываютъ находимыя въ этомъ краю арабскія монеты и разныя вещи восточной работы. Въ 985 году великій князь кіевскій Владиміръ предпринялъ походъ противъ Камскихъ болгаръ, вѣроятно, за притѣсненіе ими русскихъ купцовъ, а, можетъ быть, просто, чтобы поживиться на счетъ богатыхъ болгарскихъ городовъ. Однако, дорогой, при видѣ нарядно одѣтыхъ плѣнныхъ болгаръ изъ ихъ передового отряда, и, разузнавъ, что при устьѣ Камы они собрали большое войско, Добрыня Мальковичъ далъ Владиміру благоразумный совѣтъ: сохранить лучше торговыя выгоды отъ добрососѣдской дружбы съ болгарами, такъ какъ подчинить ихъ себѣ наравнѣ съ лапотниками-родимичами все равно не удастся и сжечь каменныя ихъ избы будетъ трудненько. «Такъ что же намъ дѣлать? Неужели возвращаться домой, не вступая въ битву»? спросилъ Владиміръ. «Конечно, нѣтъ», отвѣчалъ хитрый Добрыня, «но пусть наши богатыри: Алеша Поповичъ, Андрихъ Добрянковъ или Рогдай, выйдутъ впередъ помѣряться силами подъ стѣнами болгаръ съ богатырями болгарскими; пусть болгары увидятъ, какихъ людей мы привели съ собою, и заключатъ съ нами крѣпкій миръ для привольной торговли здѣсь родного Новгорода».

Такъ все и вышло, какъ разсчиталъ Добрыня.

Кіевскіе богатыри одолѣли богатырей болгарскихъ, послѣ чего болгары немедленно заключили съ кіевскимъ княземъ Владиміромъ миръ до тѣхъ поръ, пока «не начнетъ камень плавать, а хмѣль тонуть». Они старались склонить Владиміра въ свою мусульманскую вѣру, но тотъ, услышавъ, что у нихъ виноградный сокъ воспрещается, засмѣялся и отвѣчалъ, что такой законъ, какъ не пить вина, для Руси вовсе не подходитъ.

Мы, дѣйствительно, видимъ, что въ мирное время великій князь Владиміръ у себя въ Кіевѣ постоянно пируетъ въ своемъ дворцѣ съ дружиной и русскими богатырями. За круговою чашею весело бесѣдуетъ съ ними; слушаетъ игру на гусляхъ и обсуждаетъ государственныя дѣла. Среди кіевскихъ богатырей двора князя Владиміра находился и всѣмъ намъ извѣстный съ дѣтскаго возраста, знаменитый богатырь русскихъ былинъ—Илья Муромецъ, родомъ изъ земли муромской, изъ села Карачарова сынъ простого крестьянина, совершившій такъ много сказочныхъ подвиговъ. Рядомъ съ нимъ стоятъ: Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ, Михаилъ Потыкъ Ивановичъ и др. Всѣ они составляютъ любимый предметъ древнихъ народныхъ пѣсенъ... «Не сырой дубъ къ землѣ клонится, не бумажные листочки разстилаются; разстилается сынъ передъ батюшкой; проситъ онъ себѣ благословеньица». «Я поѣду въ стольный Кіевъ-градъ помолиться чудотворцамъ кіевскимъ, заложиться за князя Владиміра, послужить ему вѣрой-правдою, постоять за вѣру христіанскую».... поется въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ.

73) Картина: Пиръ у князя Владиміра.

Въ Кіевъ привезъ онъ съ собой побѣжденнаго имъ дорогой страшнаго Соловья-Разбойника... «Заѣзжалъ онъ на широкій дворъ, на широкій дворъ

княженецкій... Скоро онъ шелъ по новымъ сѣнямъ, заходилъ онъ въ гридню во столовую; онъ крестъ кладетъ по писаному, поклонъ ведетъ по ученому; здравствуетъ хлѣбнику князя Владиміра:—«гдѣ есть князь Владиміръ стольно Кіевскій?» —«Князь Владиміръ къ обѣднѣ сшелъ»... Изъ этихъ строкъ древней былины мы видимъ, что ко времени пріѣзда Ильи Муромца къ княжескому двору Владиміръ былъ уже христіанинъ.

«Если мѣнять вѣру, то лучше уже на что-нибудь близкое и хорошо извѣстное», думалъ онъ, отклонивъ предложеніе мусульманъ. Въ дружинѣ княжеской, какъ мы знаемъ, было уже не мало христіанъ греческаго закона. Они бились храбро, когда было нужно, и никогда, въ минуту опасности, не выдавали своихъ; но на пиру были скромны; а, кромѣ того, на женщину они смотрѣли не какъ на рабочій скотъ, а, какъ на человѣка: уважали свою жену и неизмѣнно любили ее, какъ лучшаго друга. Владиміръ же въ своемъ язычествѣ грѣшенъ былъ многоженствомъ худшимъ, чѣмъ его допускалъ мусульманскій обычай, и обижалъ жестоко первую свою жену—полоцкую княжну Рогнѣду, всею душой полюбившую его, не смотря на то, что онъ погубилъ ея отца и братьевъ. Иногда, заѣзжая къ ней въ то село, гдѣ она жила со своимъ маленькимъ сыномъ, онъ пировалъ и бражничалъ, на ея глазахъ, съ другими женами, пренебрегая ея любовью. Она въ отчаяніи разъ хотѣла убить его соннаго, но Владиміръ проснулся. Приказавъ ей облечься въ самое пышное платье, онъ пришелъ къ ней въ комнату съ тѣмъ, чтобы ее, въ отместку, собственноручно зарѣзать. Но мать спасъ сынъ ея Изъяславъ. Выйдя вдругъ изъ-за занавѣски, онъ сказалъ твердо: «Не думай, отецъ,

что ты одинъ здѣсь». Смущенный Владиміръ бросилъ поднятый ножъ и ушелъ. Послѣ того онъ поставилъ въ Полоцкой землѣ городъ Изъяславль и отдалъ его въ удѣлъ Изъяславу, чтобы онъ тамъ жилъ вмѣстѣ съ своею матерью.

74) Картина: Великій князь Владиміръ, Рогнѣда и Изъяславъ.

Княгиня Рогнѣда впослѣдствіи приняла христіанство, а потомъ и монашество. Она скончалась въ иноческомъ чинѣ, подъ именемъ Анастасіи, въ 1000 году.

Постоянная проповѣдь христіанской греческой вѣры, окружавшая Владиміра въ Кіевѣ, заставляла нерѣдко задумываться разгульнаго, грубаго въ своемъ язычествѣ, князя Владиміра надъ свѣтлыми истинами Евангелія. Римскіе законоучители говорили то же, что̀ Владиміръ уже слыхалъ отъ греческихъ проповѣдниковъ, но Римъ былъ ему совершенно чуждъ, и казался ужасно далекимъ, тогда какъ Византія ему была хорошо знакома, и дорога туда была издавна доступна русскимъ. Но, несомнѣнно, особенно важны, для успѣха глубокаго проникновенія византійскаго христіанства въ сердца кіевлянъ, были тѣсныя связи Кіева съ Тьмутараканскимъ княжествомъ, т. е. съ завоеванной имъ страною Черныхъ болгаръ, сосѣдней съ греческой Корсунью. Главный городъ ея имѣлъ своего епископа, и Св. Писаніе частью было уже переведено на болгарско-славянскій языкъ.

Мы уже знаемъ, что русскія племена, съ незапамятныхъ временъ овладѣвъ такой важной торговой жилой, какъ Днѣпръ, устремлялись по его рѣчному бассейну ко всѣмъ крупнымъ сосредоточіямъ международной торговли. Славянскіе переселенцы стремились, по преимуществу, на востокъ, потому что охотникъ встрѣчалъ здѣсь, среди необъятныхъ лѣсовъ, обиліе пушнаго звѣря, меда и воска, между тѣмъ какъ расторопный купецъ доставлялъ этотъ товаръ

на рынки болгаръ или Итиля. Арабы увозили его вглубь Азіи, а сами снабжали славянъ цѣнными для нихъ издѣліями азіатскихъ странъ. Такимъ образомъ, русскія поселенія съ древнѣйшихъ временъ не только что утвердились въ самыхъ предѣлахъ Хазаріи, но цѣпью раскинулись по пути туда изъ средняго Приднѣпровья, т. е. земель сѣверянъ, къ южной Волгѣ, по верховьямъ Донца и Дона. Въ X столѣтіи выходцы изъ сѣверянъ основали при устьѣ Кубани городъ Тьмутаракань на самомъ удобномъ мѣстѣ между Хазаріей и греческими городами въ Тавридѣ, почему этотъ новый городъ быстро разбогатѣлъ и пріобрѣлъ большое торговое значеніе.

Такимъ образомъ, князь Владиміръ, не только въ Кіевѣ окруженный многими христіанами, но имѣвшій въ своемъ владѣніи цѣлую христіанскую область, былъ вполнѣ подготовленъ такъ же, какъ и дружина его, къ принятію христіанства, когда у него возникла война съ греками въ Тавридѣ. Русь не могла, конечно, простить Византіи пораженіе Святослава и отнятіе у него обратно завоеванной имъ Дунайской области. Весьма вѣроятно, что греки, довольные своей побѣдой, пытались вытѣснить Русь съ береговъ Азовскаго моря, чтобы возстановить свое древнее царство Босфора Киммерійскаго. Владиміръ же, съ своей стороны, задумалъ присоединить къ своей Тьмутараканской области и византійскій городъ Корсунь, въ Тавридѣ.

Глава II.

Великій князь Владиміръ - христіанинъ. Новгородцы. Дикіе финны. Борьба Кіевской Руси съ печенѣгами *.

Владиміръ осадилъ Корсунь въ 988 году и рѣшилъ непремѣнно взять этотъ городъ, наотрѣзъ отказавшійся ему сдаться, хотя бы три года пришлось подъ нимъ простоять. Однако измѣна внутри Корсуня греческаго священника Анастаса ускорила дѣло. Онъ пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ привязанною къ ней грамоткой, и въ этой грамоткѣ было указано, къ свѣдѣнію русскихъ воиновъ, мѣсто, гдѣ есть ключи съ чистою питьевой водой, проходящей по трубамъ подъ землей въ городъ. Ихъ стоило только отвести въ сторону, чтобы донять корсунцевъ жаждой. Русскіе такъ и сдѣлали, чѣмъ принудили Корсунь (теперь Херсонесъ-Таврическій) сдаться. Владиміръ далъ между тѣмъ обѣщаніе креститься, если онъ овладѣетъ городомъ. Можно предположить, что священникъ Анастасъ предалъ своихъ согражданъ именно потому, что узналъ о томъ. Но гордый князь не хотѣлъ унижаться смиренной просьбою о крещеніи его въ Царьградѣ (тѣмъ болѣе, помня надменный пріемъ, оказанный тамъ княгинѣ Ольгѣ) ранѣе, чѣмъ послалъ одного изъ корсунскихъ защитниковъ къ императорамъ Василію и Константину сказать имъ, что, если они за него не выдадутъ замужъ сестру свою Анну, онъ пойдетъ на Царьградъ и овладѣетъ имъ. Имперія Византійская тогда находилась въ затруднительномъ положеніи изъ-за воз-

*) Д. И. Иловайскій «Исторія Россіи». Профессоръ Давнаръ-Запольскій: «Русская Исторія въ очеркахъ и статьяхъ». И нѣкоторые мелкіе источники.

станія Дунайскихъ болгаръ и внутреннихъ междоусобій. Императоры отвѣчали уклончиво: что они рады бы выдать сестру свою за него замужъ, но имъ нельзя отдать за язычника христіанку. Тогда Владиміръ выразилъ имъ свое желаніе креститься и потребовалъ, чтобы княгиня Анна пріѣхала къ нему въ Корсунь съ царьградскимъ духовенствомъ. Братья уговорили сестру пожертвовать собою для блага родины и ради распространенія христіанской вѣры среди многочисленныхъ сильныхъ племенъ обширной, могучей Руси. Царевна Анна, изъявивъ имъ согласіе на такую жертву, прибыла въ Корсунь, окруженная сановниками и священствомъ. Получивъ отъ Корсунскаго епископа должное наставленіе въ христіанской вѣрѣ, Владиміръ былъ окрещенъ въ Корсунѣ, въ церкви Св. Василія, нареченный въ святомъ крещеніи тѣмъ же именемъ. Существуетъ преданіе, что у него заболѣли глаза передъ назначеннымъ для крещенія днемъ. Онъ хотѣлъ отложить обрядъ, но, по увѣщанію Анны, не сдѣлалъ этого и, крестившись, получилъ исцѣленіе, послѣ чего воскликнулъ въ радостномъ умиленіи: «Теперь я позналъ Бога истиннаго»! Затѣмъ послѣдовало самое брачное торжество. При видѣ чуда дивнаго исцѣленія своего князя въ святой купели, крестилась и вся дружина Владиміра.

75) Картина: Крещеніе великаго князя Владиміра.

Передъ отъѣздомъ обратно въ Кіевъ Владиміръ построилъ въ Корсунѣ новую церковь на томъ холмѣ, что образовала въ городѣ земля, уносимая потихоньку каждую ночь корсунцами съ землянаго вала, насыпаемаго вокругъ него при осадѣ руссами, по ихъ военному обыкновенію. Теперь, благодаря родственной связи, греки могли заключить съ русскимъ великимъ княземъ выгодный миръ, и получили обратно Корсунскую область.

По инымъ историческимъ свѣдѣніямъ, князь Владиміръ Святой крестился у себя въ Кіевѣ, а не въ Корсунѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ уже ранѣе своего похода туда рѣшилъ принять христіанскую вѣру по православному византійскому толку, послѣ того, какъ послы, отправленные имъ изъ Кіева въ разныя чужія земли для непосредственнаго ознакомленія съ религіозными ихъ обрядами и обычаями, донесли ему, вернувшись въ Кіевъ, что не видали нигдѣ ничего подобнаго православному богослуженію въ Царьградѣ.—«Мы не знали: на небѣ ли мы, или на землѣ»,—разсказывали они великому князю, созвавшему къ себѣ на совѣтъ бояръ и старѣйшинъ кіевскихъ. «Если бы вѣра греческая не была лучше всѣхъ, то Ольга, бабка твоя, не приняла бы ее, а она—мудрѣйшая изъ людей», сказали ему бояре. Кромѣ того, православная вѣра по греческому обряду, какъ мы уже знаемъ, давно распространялась въ Кіевѣ, гдѣ существовалъ христіанскій храмъ Св. Иліи. Мученическая смерть и мужественная твердость въ вѣрѣ христіанина Ѳеодора съ его сыномъ, обреченнымъ, по жребію, быть заколотымъ въ жертву Перуну, произвели не малое впечатлѣніе на Владиміра. Онъ началъ задумываться надъ перемѣной религіи и уничтоженіемъ язычества. Когда цари и высшія духовныя лица сосѣднихъ народовъ о томъ провѣдали, то начали посылать въ Кіевъ своихъ проповѣдниковъ, такъ какъ каждый изъ нихъ желалъ привлечь къ своей вѣрѣ могущественнаго великаго князя русскаго и старался представить ее за лучшую въ его глазахъ. Мы говорили уже, что Владиміръ отвергъ предложеніе ему магометанства, сдѣланное камскими болгарами, возразивъ, на запрещеніе ихъ закономъ вина, что въ винѣ веселье и жизнь; что отъ питья его отказаться

не въ нравахъ русскихъ. Потомъ пришли евреи и начали объяснять заповѣди Моисея; разсказывать о чудесахъ, имъ совершенныхъ въ пустынѣ, по пути въ землю обѣтованную.—«А гдѣ же теперь ваше царство»? спросилъ Владиміръ.—«Господь покаралъ насъ за грѣхи, и разсѣялъ по всей землѣ»,—отвѣчали евреи. «Когда такъ, идите съ миромъ; я не приму вашей вѣры», — былъ имъ отвѣтъ великаго князя. Такъ же и льстивыя рѣчи пословъ римскаго папы не понравились ему. Зато съ греческимъ мудрецомъ, посланнымъ царьградскимъ патріархомъ, Владиміръ долго бесѣдовалъ. Слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и разсматривалъ развернутую передъ нимъ грекомъ картину страшнаго суда съ глубокимъ волненіемъ, такъ же, какъ всѣ присутствовавшіе бояре. Указывая на праведниковъ, онъ произнесъ вздохнувъ: «Хорошо имъ будетъ»!—«Крестись, князь»! воскликнулъ мудрецъ—«и ты тамъ же будешь. Господь милосердъ: Онъ принялъ въ царство небесное раскаявшагося разбойника, казненнаго вмѣстѣ съ Нимъ»! Хотя Владиміръ уже тогда, очевидно, рѣшилъ въ душѣ принять православную вѣру, но онъ изъ гордости не признался въ этомъ греческому монаху. «Мы еще поразмыслимъ» сказалъ онъ, «но я доволенъ тобою». И грекъ уѣхалъ изъ Кіева съ большимъ почетомъ. Старѣйшины и бояре, на томъ основаніи, что, несомнѣнно, всякій будетъ хвалить свое, тогда и дали совѣтъ Владиміру отправить сначала своихъ пословъ изъ кіевлянъ: поразвѣдать на дѣлѣ о различныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ сосѣднихъ народностей, раньше чѣмъ принимать какое-нибудь рѣшеніе. Съ возвращеніемъ ихъ былъ положенъ конецъ колебаніямъ, и торжество православія, такъ или иначе, уже являлось въ то время вопросомъ близкаго будущаго.

76) Картина: Великій князь Владиміръ бесѣдуетъ, окруженный боярами, съ греческимъ мудрецомъ.

Покидая Корсунь *), Владиміръ взялъ съ собою Анастаса и многихъ другихъ священниковъ; увезъ частичку мощей св. Климента, а также запасся церковной утварью, книгами и крестами для возведенія храмовъ въ Кіевѣ.

Хотя съ распространеніемъ христіанства въ Римской имперіи и на Таврическомъ полуостровѣ были истреблены всѣ языческіе кумиры, но это не значило, чтобы вообще всякое изваяніе должно было считаться идоломъ. Хотя языческіе статуи уже, конечно, не получали прежняго поклоненія, но онѣ служили для украшенія городскихъ площадей и улицъ въ видѣ древнихъ боговъ, отожествлявшихъ въ себѣ различныя силы природы, а также изображеній животныхъ: слоновъ, коней и т. п. Многіе города, и также Корсунь, были украшены рядомъ съ статуями христіанскими, какъ, напримѣръ, «Даніила среди львовъ», изваяніями знаменитыхъ гражданъ и императоровъ. Потому Владиміръ изъ Корсуня вывезъ, для украшенія Кіева, приглянувшуюся ему четверку мѣдныхъ коней и четыре мѣдныхъ статуи. Они поставлены были имъ на самой людной площади Кіева—«Бабиномъ Торжкѣ», отчасти изъ подражанія Царьграду, гдѣ красовалась подобная взятой въ Корсунѣ Владиміромъ четверка золоченыхъ коней изъ бронзы, впослѣдствіи оттуда похищенная венеціанцами. И статуи и четверня мѣдныхъ коней погибли въ Кіевѣ, когда онъ попалъ въ руки татаръ.

По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ окрестилъ всѣхъ своихъ дѣтей: началъ сокрушать идоловъ и Перуна велѣлъ, привязавъ къ конскому хвосту, подъ ударами палокъ стащить съ холма, а потомъ бросить въ Днѣпръ. Особые воины были посланы отталки-

76 б) Картина: Сокрушеніе идоловъ.

*) Профессоръ Довнаръ-Запольскій: «Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ».

вать его баграми отъ берега и проводить, такимъ образомъ, до пороговъ. Христіанство было уже такъ сильно въ Кіевѣ, что воля великаго князя почти не встрѣтила сопротивленія. Греческіе священники неутомимо крестили язычниковъ и наставляли въ Христовой вѣрѣ. А чтобы разомъ покончить съ крещеніемъ всего народа, великій князь приказалъ неокрещеннымъ еще кіевлянамъ собраться въ опредѣленное время на берегу Днѣпра, гдѣ былъ совершенъ надъ ними общій обрядъ крещенія—въ 988 году. Когда князь съ духовенствомъ вышли на берегъ, народъ, при чтеніи священниками молитвъ, вступилъ въ рѣчку Почайну. Родители держали младенцевъ своихъ на рукахъ, пока совершалось надъ ними Св. Крещеніе.

76 в) Картина: Крещеніе кіевлянъ въ Днѣпрѣ.

Послѣ того въ Кіевѣ началась дѣятельная постройка Владиміромъ христіанскихъ храмовъ,—особенно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше стояли идолы, дабы освѣтить ихъ свѣтомъ истинной вѣры, а, кромѣ того, изгладить въ народѣ самое воспоминаніе объ идолопоклонствѣ. На мѣстѣ убіенія христіанъ—варяговъ—Ѳеодора и Іоанна, первыхъ кіевскихъ мучениковъ, Владиміръ воздвигъ великолѣпный храмъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Храмъ былъ выстроенъ по византійскому образцу и по правиламъ византійской архитектуры, которая отличалась въ то время особенной роскошью и красотой. Полъ церкви былъ выстланъ мраморомъ, а посреди него находился кругъ, выложенный разноцвѣтными камешками; на него становились князья и священнослужители въ надлежащихъ случаяхъ. Въ эту церковь отданы были княземъ Владиміромъ всѣ привезенные имъ изъ Корсуня иконы, кресты и сосуды церковные. На содержаніе ея Владиміръ установилъ завѣтною грамотой выдавать десятую часть княжескихъ доходовъ, вслѣдствіе чего она и полу-

76 г) Картина: Закладка Св. Владиміромъ Десятинной церкви.

чила названіе «Десятинной» церкви. Рядомъ съ греческимъ духовенствомъ, на Русь въ большомъ количествѣ прибыли изъ Византіи: архитекторы, техники и художники разнаго рода; а также переводчики и переписчики книгъ, пріѣхавъ съ готовыми уже принадлежностями церковнаго богослуженія и необходимыми книгами для назиданія вновь обращаемыхъ. Все это, при нравственной поддержкѣ и денежномъ пособіи отъ великаго князя, создало въ Кіевѣ очень скоро жизненныя условія, благопріятныя, не только для самаго крещенія, но и для утвержденія на Руси византійскаго строя государственно-церковнаго управленія, процвѣтанія въ странѣ монастырей, а также школьно-книжнаго просвѣщенія. Конечно, все это привилось не сразу, и очень надолго еще Россія осталась только лишь внѣшнимъ образомъ превращенной изъ полудикой страны язычниковъ въ страну, будто бы, просвѣтившуюся наукой и христіанскую. Но защищать упорно старыя вѣрованія, отстаивать ихъ отъ вторженія въ нравы и понятія русскихъ византійскаго стройнаго міровоззрѣнія, преисполненнаго благочестивыхъ разсказовъ, трогательныхъ поученій и глубокимъ смысломъ проникнутыхъ притчъ,— было на Руси некому, такъ какъ въ ней не успѣло еще создаться строго-замкнутаго и вліятельнаго сословія языческихъ священнослужителей, или жрецовъ, которые, дорожа въ язычествѣ своими выгодами, имѣли бы за собой достаточно жизненной силы, чтобы вступить съ вліяніемъ Византіи въ непримиримую и успѣшную, хотя до извѣстной степени, нравственную борьбу. Церковь же византійская была, напротивъ, сильна и держалась на глубоко внѣдрившихся въ государственную, такъ же какъ и духовную жизнь страны, крѣпкихъ устояхъ своего общаго

строя и управленія. Она между собой сплочивала неразрывной связью все населеніе обширныхъ византійскихъ владѣній. При пестротѣ народностей, входившихъ въ составъ Византійской имперіи, ихъ принадлежность къ единой греческой церкви замѣняла имъ самосознаніе и единеніе національное. Потому византійская церковь рѣзко клала свой отпечатокъ на всѣ рѣшительно проявленія государственности и образованности своей страны. Съ ней не подъ силу было бороться скудной обрядности, суевѣріямъ и баснословнымъ розсказнямъ о богахъ славянскаго, жалкаго и нелѣпаго, не имѣвшаго никакой опредѣленной, твердой основы, можно сказать—безформеннаго язычества.

Гораздо труднѣе, чѣмъ въ Кіевѣ, было установить христіанскую вѣру въ Новгородѣ, среди Ильменскихъ славянъ, болѣе дикихъ и своевольныхъ, чѣмъ кіевляне. Какъ мы уже знаемъ, они заняли земли вокругъ озера Ильменя и построеннаго ими на рѣкѣ Волховѣ города, въ лучшія времена своего могущества и расцвѣта своей торговли, присвоившаго себѣ названіе Господина Великаго Новгорода. Обширная Новгородская область занимала почти всю сѣверо-западную часть великой русской равнины. Она сначала сплошь была заселена финскими племенами: черемисами, муромой и мордвой. Но славяне вытѣсняли ихъ мало-по-малу и растворяли въ своей сильнѣйшей народности, отчасти, конечно, вооруженной рукой, но въ большей мѣрѣ тоже естественнымъ превосходствомъ своего высшаго умственнаго развитія и успѣхами своей торговли. Вокругъ самаго Новгорода, явившагося, должно быть, первымъ оплотомъ славянъ среди враждебныхъ имъ дикихъ племенъ, лежали собственно новгородскія земли, съ чисто славянскимъ ихъ населеніемъ, какъ въ новгородскихъ пригоро-

77) Картина: Древній Новгородъ.

дахъ, такъ и въ сельскихъ общинахъ, иначе погостахъ, тянувшихъ къ нимъ, т. е. находившихъ, въ случаѣ нападеній врага или взаимныхъ споровъ, защиту и праведный судъ въ ихъ стѣнахъ. Главнымъ пригородомъ новгородскимъ былъ городъ Псковъ. Нѣкоторые участки земель, завоеванныхъ Ильменскими славянами, подъ названіемъ «черныхъ», считались принадлежащими городамъ, и на нихъ могъ селиться всякій, съ условіемъ платить дань городу-собственнику. Другіе распредѣлялись со временемъ по рукамъ частныхъ лицъ, составивъ вотчины новгородскихъ бояръ и купцовъ, а позже—также церквей и монастырей. Проникая въ глубь финскихъ лѣсовъ и захватывая для своего поселенія тамъ все новыя земли вокругъ зарождавшагося первымъ же дѣломъ посреди отвоеванной области укрѣпленнаго города, новгородцы все дальше отодвигали не безопасныя для нихъ волости, хотя подчиненныхъ имъ, но нерѣдко мятежныхъ финновъ, отъ самой своей столицы. Хотя суровый климатъ и неудобная для посѣвовъ почва новгородской страны дѣлали въ ней занятіе земледѣліемъ неудобнымъ, но зато изобиліе рыбныхъ рѣкъ и озеръ, а также густыхъ лѣсовъ, богатыхъ пушными звѣрями, давало возможность вознаградить недостатокъ хлѣба въ этомъ угрюмомъ краю охотой и рыболовствомъ. Кромѣ того, славянъ-поселенцевъ туда привлекала также естественная защита ихъ отъ вторженія внѣшнихъ враговъ въ непроходимыхъ преградахъ топкихъ болотъ и огромныхъ лѣсныхъ пространствъ занимаемой ими области.

Въ городахъ новгородскихъ сосредоточивалась торговля и прибыльныя ремесла: плотничье и кузнечное, которыми бѣдный людъ дополнялъ недостаточность пропитанія отъ земледѣльческаго труда, скудно

вознаграждаемаго сѣверною природой. Земледѣльцы, работавшіе и жившіе на чужой землѣ, съ обязательствомъ платить за это опредѣленный оброкъ владѣльцу, составляли низшій разрядъ населенія новгородскаго и назывались—смердами. Помимо хлѣбопашества, главнымъ занятіемъ ихъ были охота и рыболовство. Они доставляли тѣ дорогіе мѣха, которыми въ то время славился Великій Новгородъ. Купцы и бояре получали ихъ со смердовъ въ видѣ оброка, а, частью, путемъ торговымъ—въ обмѣнъ за соль и желѣзо. Самымъ могущественнымъ сословіемъ въ Новгородской области были, конечно, бояре, имѣвшіе въ постоянномъ распоряженіи своемъ ратныхъ людей своей дружины и при помощи ихъ захватывавшіе въ свою собственность большія имѣнія, гдѣ они распоряжались, какъ полновластные господа, стараясь перенести свое первенствующее вліяніе на всѣ дѣла и въ самый Великій Новгородъ. Но, тѣмъ не менѣе, черные люди, смерды, пользовались совершенно одинаковыми съ ними правами въ общественной, внутренней жизни всей новгородской области, и были людьми совершенно свободными, несмотря на отсутствіе личной земельной собственности. Только они, купцы и бояре жили каждый своей обособленной жизнью, занимали въ Новгородѣ даже свои опредѣленныя улицы. Для рѣшенія же всякихъ дѣлъ, имѣвшихъ значеніе для всего Новгорода или всей Новгородской области, граждане собирались на городскую площадь, куда призывалъ ихъ набатъ особаго колокола, находившагося тамъ для этой цѣли. Каждый имѣлъ право ударить въ колоколъ, чтобы собрать новгородцевъ на площадь для обсужденія какого-нибудь общественнаго вопроса, поясняемаго затѣмъ собранью. Такое собраніе народное называлось «вѣ-

чемъ», а колоколъ, созывавшій его,—вѣчевымъ колоколомъ. Иногда вѣче созывалось по предложенію князя или посадника, т. е. главнаго должностного лица, избираемаго вѣчемъ безсрочно для завѣдыванія текущими дѣлами города. Оно же могло смѣстить его, когда угодно. Въ такомъ случаѣ князь или посадникъ держали къ народу рѣчи и объявляли, какая причина заставила ихъ собирать народъ. Вѣче велось всегда очень шумно и безпорядочно; обыкновенно дѣло рѣшалось крикомъ. Если же люди одного мнѣнія и противоположнаго не могли перекричать другъ друга, то они прямо вступали въ драку между собою. Такъ какъ всѣ вольные жители Новгорода имѣли право придти на вѣчевое собраніе, то весь Новгородъ, такимъ образомъ, принималъ одинаковое участіе въ жизни страны: самъ заключалъ договоры съ другими землями, рѣшалъ войну или миръ. Смѣщеніе посадниковъ такъ же, какъ переизбраніе свергнутыхъ, при такомъ управленіи, происходили часто. Въ другихъ русскихъ земляхъ посадникъ являлся намѣстникомъ князя, но въ Новгородѣ онъ былъ лицомъ, выбраннымъ всѣмъ народомъ, дававшимъ ему по своему желанію большую власть. Новгородскій посадникъ слѣдилъ за правильностью княжескаго суда и ограждалъ своихъ новгородцевъ отъ всякой обиды со стороны ихъ князя. Въ отсутствіе его, посадникъ становился во главѣ войска и при немъ, во время похода, участвовалъ непремѣнно въ руководствѣ ратными силами. Сознавая широту власти и полномочій посадника, новгородцы старались выбирать его изъ среды людей могущественныхъ и достойныхъ, большею частью изъ среды богатыхъ земельныхъ собственниковъ,—бояръ. На содержаніе ему они опредѣляли всегда какіе-нибудь дополнительные доходы

78) Картина: Новгородское вѣче.

съ земель, получавшихъ названіе «посадничьяго поралья», отъ слова «рало», то есть, плугъ. Новгородцы, имѣя въ посадникѣ своего собственнаго избранника, считали всякую ему обиду обидой для всего Новгорода, и готовы были защищать его вооруженной рукой. Кромѣ посадника, представителемъ города и значительнымъ въ немъ лицомъ являлся тысяцкій, избираемый вѣчемъ отдѣльно, для завѣдыванія дѣлами исключительно «черныхъ людей»,—въ отличіе отъ посадника, занятаго боярами и купцами. Кромѣ того, въ Новгородѣ каждый конецъ и даже каждая улица имѣли свое—«уличанское вѣче» и избирали на немъ для рѣшенія дѣлъ своей улицы особыхъ старостъ.

Рядомъ съ боярами, купцами и смердами, въ Новгородѣ существовалъ еще особый разрядъ, такъ называемыхъ, «вольныхъ людей», не принадлежавшихъ ни къ одному изъ этихъ сословій. Они составляли буйную, безпорядочную толпу, всегда готовую на безчинства, и, неприписанные ни къ какой общинѣ, лишены были права участія въ государственной—областной жизни. Зато изъ вольныхъ людей составлялись, на своеобразную службу Великому Новгороду, удалые отряды, такъ называемыхъ, новгородскихъ ушкуйниковъ. Вся новгородская молодежь, любившая войну и опасности смѣлыхъ походовъ, присоединялась къ такимъ отрядамъ, отправлявшимся на ладьяхъ грабить чужія земли. Они въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ покоряли родному городу новыя земли, и, основывая на нихъ укрѣпленныя поселенья, раздвинули далеко предѣлы новгородскихъ владѣній. Одна партія такихъ ушкуйниковъ, или повольниковъ, проплыла по Волгѣ до Камы, зашла въ эту рѣку и, добравшись до рѣки Вятки, поставила тамъ городъ Хлыновъ. Повольники нападали не только на земли

79) Картина: Новгородскіе ушкуйники.

чужихъ народностей, но и на русскихъ, стараясь всегда забрать побольше добычи и плѣнниковъ. Зато они часто гибли, побѣжденные сильнымъ врагомъ, или же вызывали крупныя объясненія между ограбленными ими странами и Великимъ Новгородомъ, иногда чуть не доходившія до войны. Однако, такъ какъ ушкуйники приносили Новгороду не мало выгодъ, а дома жили мирно и честно, то тамъ сквозь пальцы смотрѣли на ихъ продѣлки, и не карали ихъ за разбой.

Какъ ни дорожилъ Великій Новгородъ своимъ вѣчемъ и своею свободой, но все-таки приглашалъ къ себѣ князя. Дѣло въ томъ, что выгоды всего Новгорода требовали, чтобы жизнь шла мирно: купцамъ для торговли прежде всего былъ нуженъ безопасный проѣздъ по странѣ какъ для себя, такъ и для иностранныхъ купцовъ - гостей, пріѣзжавшихъ въ Новгородъ со своими товарами, а между тѣмъ новгородская область окружена была враждебными ей племенами: финскими и литовскими. Война въ древности означала опустошеніе всей страны огнемъ и мечомъ: разоряя имущихъ людей, она всею тяжестью ложилась, во-первыхъ, на черный народъ, а потому понятно, что всѣ новгородцы искали надежной защиты отъ нападенія на нихъ враговъ. Князь былъ особенно опытенъ въ военномъ дѣлѣ, потому что въ тѣ времена князья почти всю свою жизнь проводили въ безпрерывныхъ походахъ, и новгородцамъ необходимъ былъ князь, какъ предводитель ихъ войска. «Когда князь ведетъ свои полки самъ», говоритъ лѣтописецъ, «то войско хорошо бьется, а когда его нѣтъ—то худо». Кромѣ того, у князя всегда была своя собственная дружина, испытанная въ ратномъ дѣлѣ, которая могла по-

служить имъ на случай войны не маловажной поддержкой.

Мы видимъ, дѣйствительно, въ исторіи Новгорода, что его князья совершаютъ постоянно походы на Чудь, т. е. финскія племена, чтобы предупредить ихъ набѣги на новгородскую землю. Новгородцамъ, однако, была такъ дорога ихъ самостоятельность, что они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы закрѣпить ее за собой и поставить въ зависимость отъ нея власть князя. Со смертью Рюрика Новгородъ *) находился въ зависимости отъ Кіева и платилъ дань великому князю, но отъ Святослава, носившаго въ младенческихъ годахъ званіе новгородскаго князя, они потребовали къ себѣ на княженіе малолѣтняго его сына Владиміра, угрожая иначе поискать для себя князя на сторонѣ. Мы уже видѣли, какъ сначала они заставили своего молодого князя искать спасенія отъ Ярополка въ Швеціи, а потомъ помогли ему овладѣть Кіевомъ.

80) Картина: Уничтоженіе идоловъ въ Новгородѣ.

Христіанство трудно и медленно утверждалось въ Новгородѣ; новгородцевъ крестили насильно, давъ имъ священнослужителей такъ же, какъ и епископа, изъ чужой земли, совершенно чуждой новгородскому духу. Новгородъ былъ въ болѣе частыхъ сношеніяхъ съ языческими народами сѣвера, чѣмъ съ христіанской Греціей, и язычество въ немъ успѣло сильнѣе укорениться. Сверхъ того, Новгородъ, гордый своимъ торговымъ значеніемъ и независимостью, неблагопріятно смотрѣлъ на вѣру, распространяемую усердной проповѣдью по приказанію кіевскаго великаго князя. Владиміръ раздѣлилъ русскую землю, въ цер-

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Профессоръ Довнаръ-Запольскій: «Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ». Нѣкоторые мелкіе источники.

ковномъ отношеніи, на восемь епархій: черниговскую, ростовскую, владиміро - волынскую, новгородскую, туровскую, полоцкую и тьмутараканскую. Въ Новгородъ посланъ былъ епископомъ корсунскій священникъ Іоакимъ, но, когда онъ началъ сокрушать идоловъ и строить церкви, городъ заволновался. Язычники, подстрекаемые своимъ жрецомъ Соловьемъ и тысяцкимъ Угоняемъ, упорно отстаивали своихъ боговъ. Домъ Владимірова посадника въ Новгородѣ, Добрыни Мальковича, былъ сожженъ за то, что онъ, при помощи своей дружины, каменныхъ идоловъ побросалъ въ рѣку, а деревянныхъ въ огонь. Тогда Владиміръ послалъ въ Новгородъ съ войскомъ тысяцкаго своего Путяту, и тотъ, захвативъ главныхъ виновниковъ возмущенія, тоже велѣлъ сжечь дома ихъ. Тогда новгородцы должны были покориться силѣ, но многіе, чтобы отъ крещенія уклониться, начали говорить, что они уже крещены. Замѣтивъ этотъ обманъ, епископъ Іоакимъ сталъ надѣвать кресты на дѣйствительно окрещенныхъ, дабы избѣгнуть лжи. Съ тѣхъ поръ вошли въ обычай шейные крестики, надѣваемые при обрядѣ Св. Крещенія.

На самомъ холмѣ, съ котораго Перунъ сброшенъ былъ въ Волховъ, епископъ основалъ церковь Рождества Богоматери. Княземъ въ Новгородѣ Владиміръ посадилъ старшаго сына своего Ярослава. Онъ самъ объѣзжалъ глухія русскія области, гдѣ славяне были окружены темными финскими племенами, и тамъ, заботясь о насажденіи христіанской вѣры, основывалъ города, какъ, напримѣръ: Владиміръ-Волынскій, Ростовъ и Муромъ, гдѣ строилъ церкви, а управленіе этими областями поручалъ своимъ сыновьямъ, посылая съ ними священниковъ.

Глубоко убѣжденный во внутренней силѣ ученья

Христова, онъ запрещалъ, однако, оружіемъ приневоливать къ христіанству грубыхъ язычниковъ.

Въ Ростовѣ, въ глухомъ финскомъ краю, между Окою и Волгой, епископъ Ѳеодоръ и благочестивый молодой князь Борисъ напрасно старались воздѣйствовать на сердца мѣстныхъ жителей... Хотя тамъ построенъ былъ деревянный соборный храмъ въ честь Богоматери, но христіанская вѣра не принималась. Борисъ и Ѳеодоръ должны были удалиться, изгнанные угрозами идолопоклонниковъ, въ поселеніе, изъ котораго потомъ выросъ городъ Суздаль. Въ Муромъ Владиміръ послалъ княжить другого изъ младшихъ своихъ сыновей—князя Глѣба. Къ сѣверовостоку отъ Чернигово-Сѣверскаго княжества, узкой и длинной полосой по Окѣ, вытянулась земля Муромо-Рязанская, на югѣ граничившая съ кочевьями половцевъ, между тѣмъ какъ дальше, на сѣверовостокъ, по Окѣ, для поселенцевъ открывались богатыя лѣсныя пространства, занятыя финскими племенами. Рязанскимъ князьямъ приходилось укрѣплять южную границу, но одновременно они имѣли возможность предѣлы своей земли раздвигать въ областяхъ инородцевъ, финновъ. Въ этой землѣ было два главныхъ города: болѣе древній — Муромъ, въ странѣ Мурома, и позднѣйшій — Рязань. Населеніе въ эти мѣстности шло изъ племенъ сосѣднихъ вятичей, а потомъ и сѣверянъ. Водвореніе христіанства и русско-греческой образованности встрѣтили здѣсь большое препятствіе въ грубости и языческихъ суевѣріяхъ мѣстныхъ финскихъ племенъ.

Горя ревностью къ христіанской истинѣ, великій князь Владиміръ старался просвѣтить ею и сосѣдей. Онъ посылалъ проповѣдниковъ къ Камскимъ болгарамъ, и есть извѣстіе, что четыре князя ихъ

крестились въ Кіевѣ. Старался онъ о распространеніи христіанской вѣры на берегахъ Двины, и въ дальней Біарміи.

Близъ церкви св. Василія Владиміръ завелъ въ Кіевѣ училище для обученія дѣтей грамотѣ, хотя родители ихъ, считая ее чародѣйствомъ, противились этому и оплакивали своихъ дѣтей, отдаваемыхъ по волѣ князя въ первую нашу школу. Изъ Греціи и Дунайской Болгаріи доставлялись въ Кіевъ богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ открывалась народу возможность познать слово Божіе, и послѣ кончины Владиміра образовались изъ самихъ русскихъ просвѣщенные пастыри. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Владиміръ, принявъ христіанскую вѣру, возродился душой, и сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Какъ свѣтъ отъ тьмы, отдѣляется его жизнь до и послѣ крещенія. Въ язычествѣ, преданный страстямъ и жестокій, онъ становится до такой степени милосерднымъ, что, опасаясь грѣха, не рѣшается казнить преступниковъ. Между тѣмъ, хотя по византійскимъ законамъ и обычаямъ, перешедшимъ въ Кіевъ, церкви вмѣнялось въ обязанность, черезъ ея епископовъ, широко проявлять всякаго рода благотворительность, защищать слабыхъ и угнетенныхъ, судъ церковный, принявшій подъ свое вѣдѣніе, вслѣдствіе нежеланія древнихъ христіанъ прибѣгать къ суду язычниковъ, множество разнородныхъ проступковъ и преступленій, даже чисто мірскихъ, среди свѣтскихъ людей, помимо духовныхъ лицъ,—отличался своею суровостью и примѣнялъ, согласно съ гражданскими византійскими установленіями, почти исключительно тѣлесныя наказанія, большею частью съ членовредительствомъ. Такъ, напримѣръ, ограбившему могилу—нанести 300 ранъ, обокравшему церковь —

выколоть глаза и отрѣзать носъ... Потому греческіе епископы, рукополагаемые изъ греческихъ или же болгарскихъ священниковъ въ открывшіяся при Владимірѣ на Руси вышеназванныя епархіи, митрополитомъ, (назначеннымъ тоже изъ грековъ царьградскимъ патріархомъ въ новую его митрополію и жившимъ сначала на югѣ, въ Переяславлѣ), воспротивились чрезмѣрной христіанской милости русскаго великаго князя и предѣла себѣ не знающей любви къ ближнему, загорѣвшейся въ его сердцѣ. Они сказали ему: «ты поставленъ Богомъ на защиту добрымъ, а злымъ на кару, а потому обязанъ казнить разбойниковъ, по справедливомъ обсужденіи вины ихъ». Тогда Владиміръ вернулся къ смертному приговору надъ начавшими умножаться въ странѣ злодѣяніями, но неохотно и осмотрительно. Съ епископами, избираемыми для назначенія въ русскія области, обыкновенно по соглашенію съ кіевскимъ княземъ, Владиміръ совѣщался о томъ, какъ установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Бога, имѣвшихъ свои народные, почитаемые обычаи. На основаніи номоканона греческаго, былъ составленъ имъ при содѣйствіи духовенства русскій церковный уставъ подъ названіемъ «Кормчей книги». Этимъ уставомъ опредѣлялись денежныя средства церкви, область церковнаго суда и кругъ церковнаго вѣдомства. Въ это послѣднее входили сироты, убогіе, рабы, отпущенные на волю, люди, вернувшіеся изъ полона, несчастные, разоренные и беззащитные. Всѣ вопросы о бракѣ, по княжеской грамотѣ, были всецѣло переданы суду христіанской церкви, такъ какъ она внесла въ него совершенно новыя, только что обращеннымъ въ христіанство язычникамъ чуждыя, требованья. Церковныя же власти должны были на-

блюдать за вѣрностью вѣсовъ и мѣръ, что̀ имѣло особенное значеніе въ торговомъ Новгородѣ. Церковь получала на свое содержаніе извѣстную долю доходовъ съ суда и десятую часть податей, платимыхъ князю, а позже—на ея пользу стали поступать богатые вклады благочестивыхъ людей въ монастыри и церкви и, отдаваемыя князьями во владѣнье духовенству, доходныя земли. Древніе князья русскіе такъ же, какъ и все общество, относились къ церкви съ большимъ уваженіемъ, и готовы были въ большинствѣ случаевъ строго слѣдовать ея указаніямъ. Тѣмъ не менѣе, обо всякомъ дѣлѣ, касавшемся земли Русской, Владиміръ совѣтывался съ ея избранными людьми; съ дружиною и боярами онъ совѣтывался, по-прежнему, и о ратномъ дѣлѣ, изыскивая лучшія мѣры для безопасности края. Язычникомъ Владиміръ любилъ войну ради добычи и славы,—христіаниномъ онъ жилъ въ мирѣ съ сосѣдями и брался за мечъ только для огражденія и защиты народа, имѣвшаго въ немъ своего вѣрнаго охранителя. Онъ напримѣръ усердно защищалъ Русь отъ набѣговъ дикихъ печенѣговъ. Для ея охраны съ юга устроилъ много укрѣпленныхъ городовъ по рѣкамъ: Деснѣ, Трубежу, Сулѣ и Стогнѣ; учреждалъ заставы и разъѣздныя станицы для наблюденія за кочевыми ордами, тревожившими русскія земли. Въ степь выдвигались, кромѣ городовъ, съ нарочно туда переведенными на жительство людьми изъ разныхъ мѣстъ, еще особыя земляныя укрѣпленія, замѣтныя до нашихъ дней: такъ называемыя, острожки, по преимуществу располагавшіяся на возвышенныхъ мѣстахъ, или вдоль побережья рѣкъ. Они состояли изъ земляного вала и рва, наполненнаго водою. На вершинѣ вала ставился крѣпкій частоколъ, и насыпались иногда сторожевые курганы. Отдѣльныя укрѣ-

81) Картина: Южная сторожевая станица.

пленья между собой соединялись длинными, такъ называемыми, «змiевыми валами», иногда тянувшимися на десятки верстъ. Часто за первой линiей подобныхъ укрѣпленiй располагалась и вторая, на тотъ случай, если враги прорвутся черезъ первую. Благодаря такому огражденью русской земли со стороны степи, Владимiру удалось отодвинуть печенѣжскiя кочевья верстъ на 40 отъ русской границы съ юга, тогда какъ прежде ихъ раздѣляло разстоянiе всего на одинъ день пути; къ концу княженiя своего Владимiръ увеличилъ его до двухъ дней! Особенно высокими и частыми рядами такихъ укрѣпленiй онъ постарался защитить землю Переяславскую, но безуспѣшно. Она была всегда прежде всѣхъ опустошаема степными кочевниками; теряла много людей, уводимыхъ въ плѣнъ, и цѣлыя стада животныхъ. Объ основанiи города Переяславля на степной печенѣжской границѣ существуетъ слѣдующее преданiе. Разъ напали на Русь печенѣги, и вел. кн. Владимiръ встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Трубежѣ. Стоя другъ противъ друга, враги долго не рѣшались переплыть рѣку. Тогда князь печенѣжскiй подъѣхалъ къ рѣкѣ и предложилъ рѣшить исходъ битвы поединкомъ одного изъ русскихъ богатырей съ богатыремъ печенѣжскимъ. «Если твой одолѣетъ»,—сказалъ онъ,—«не будемъ мы воевать три года, а если нашъ,—то три года будемъ опустошать твою землю». Велѣлъ тогда Владимiръ кличъ кликнуть въ станѣ своемъ: не найдется ли богатыря для борьбы съ печенѣгомъ одинъ на одинъ? Тутъ мы встрѣчаемъ, какъ бы, отголосокъ одной, приведенной ниже, старой былины о богатырѣ русской земли: Микулѣ Селяниновичѣ. У одного старика младшiй сынъ отличался такою силою, что однажды съ досады разорвалъ руками воловью кожу. Когда

Собственность Т. П. Мятлевой.

Прощаніе вел. кн. Владиміра съ проповѣдникомъ римскимъ Бруномъ на рубежѣ печенѣжской степи. *(Къ 130 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Подаянія нищимъ и убогимъ города Кіева по приказанію вел. князя Владиміра Святого. *(Къ 132 стр.)*

Владиміръ ему предложилъ выйти противъ богатыря печенѣжскаго, онъ попросилъ сначала, для испытанія себя, привести быка большого и сильнаго. Его раздразнили каленымъ желѣзомъ. Сынъ старика схватилъ его рукой за бокъ и вырвалъ ему кусокъ кожи съ мясомъ. Но онъ былъ малъ ростомъ, и, когда встрѣтился на другое утро съ высокимъ, страшнымъ на видъ, печенѣжскимъ богатыремъ, тотъ надъ нимъ сталъ издѣваться. Однако русскій богатырь сдавилъ печенѣга руками до смерти и ударилъ его о землю. Тогда печенѣги обратились въ бѣгство, а Владиміръ на радостяхъ тутъ заложилъ городъ Переяславль.

82) Картина: Проѣздныя ворота.

Вышеописанныя огражденья со стороны степи устраивали себѣ тоже впослѣдствіи князья Черниго-Сѣверскіе и Рязанскіе. Проѣздныя ворота въ земляныхъ валахъ и частоколахъ зорко оберегались нарочно къ нимъ приставленною цѣпью ратниковъ. Русь для такихъ городищъ своихъ въ степи, иначе острожковъ, пользовалась могилами знатныхъ мужей, оставшимися тамъ со временъ владычества скиѳовъ и сарматовъ. Частая война съ печенѣгами заставила Владиміра содержать въ Кіевѣ, кромѣ своей дружины, еще наемныхъ норманскихъ воиновъ. Зато на западѣ при немъ царилъ полнѣйшій миръ между восточнымъ славянствомъ и западнымъ, занятымъ, подъ предводительствомъ польскаго короля Болеслава Храбраго, борьбою съ германскимъ императоромъ, желавшимъ привести отъ себя въ зависимость своихъ славянскихъ сосѣдей. Въ Венгріи современникомъ Владиміра былъ король Стефанъ, тоже прославившійся утвержденіемъ христіанства среди своего народа. Западные славяне приняли первоначально христіанство по византійскому обряду, но позже римскіе проповѣдники ихъ привлекли къ западной — римской

церкви. Хотя*) въ тѣ времена раздѣленіе этихъ церквей не породило еще между ними столь враждебной розни, какъ случилось позже, но, тѣмъ не менѣе, римское духовенство, не смотря на то, что восточное православіе окончательно утвердилось въ Русской землѣ послѣ крещенія Владиміра, неоднократно старалось склонить русскихъ князей къ принятію христіанства по иному, западному, ученію, пользуясь родственною связью Владиміра съ королями— польскимъ и чешскимъ. Между тѣмъ одинъ ревностный нѣмецкій проповѣдникъ — нѣкій епископъ Брунъ,—пріѣхалъ изъ Венгріи въ Кіевъ съ цѣлью отправиться оттуда къ печенѣгамъ, чтобы благовѣствовать христіанство среди нихъ. Онъ не хотѣлъ слушать предостереженій радушно принявшаго его великаго князя Владиміра о смертельной опасности такого смѣлаго шага и о полной неподготовленности свирѣпыхъ дикихъ племенъ, поклонявшихся небеснымъ свѣтиламъ и приносившихъ чрезъ своихъ жрецовъ человѣческія жертвоприношенія, къ воспринятію Евангельскихъ истинъ. Тогда Владиміръ, видя, что рѣшеніе его непреклонно, самъ проводилъ его съ войскомъ до укрѣпленныхъ предѣловъ Русскаго государства. На чертѣ военной заставы они разстались. Великій князь съ боярами, сойдя съ коней, стали на одномъ изъ кургановъ, тогда какъ Брунъ со своими спутниками стоялъ на другомъ, держа въ рукахъ крестъ. Онъ пѣлъ прекрасную пѣснь: «Петръ, ты любишь Меня,—паси овецъ Моихъ» и провозглашалъ молитвы. Брунъ провелъ среди язычниковъ печенѣговъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, подвергаясь побоямъ и всякимъ лишеніямъ, причемъ былъ часто

83) Картина: Прощаніе вел. князя съ проповѣдникомъ римскимъ Бруномъ на границѣ земель печенѣжскихъ.

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Профессоръ Довнаръ-Запольскій: «Русская Исторія въ очеркахъ и статьяхъ».

близокъ къ мученической кончинѣ, но его спасали старшины дикарей, потому что онъ являлся среди нихъ, какъ бы ихъ примирителемъ съ русскимъ великимъ княземъ. Бруну все-таки удалось окрестить до 30 человѣкъ, но христіанство не привилось между печенѣгами. Только нѣкоторые изъ нихъ, или искавшіе убѣжища на Руси, или попавшіе въ плѣнъ, принимали крещеніе въ Кіевѣ съ тѣмъ, чтобы поступать на службу къ русскому князю.

Надежды католической церкви привлечь подъ свое вліяніе Русское государство поддерживались тѣмъ, что Владиміръ женилъ племянника своего, Святополка Туровскаго, на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго, а тотъ, въ свою очередь, черезъ зятя, бывшаго по закону прямымъ наслѣдникомъ послѣ Владиміра на кіевскій столъ, какъ родной сынъ его старшаго брата, разсчитывалъ присоединить всю Русь къ польскимъ владѣніямъ. Съ польской княжною пріѣхалъ въ Кіевъ нѣмецкій епископъ Рейнбергъ. Въ то же самое время и папа прислалъ своего посла въ Кіевъ. Владиміръ принялъ ихъ дружелюбно, но, когда Рейнбергъ сталъ склонять Святополка къ латинской вѣрѣ и возстановлять его противъ дяди, Владиміръ посадилъ въ тюрьму и епископа и Святополка. Епископъ оставался въ тюрьмѣ до смерти Владиміра, а Святополкъ, хотя былъ вскорѣ освобожденъ, но лишился удѣла.

Изъ письма Бруна о великомъ князѣ Владимірѣ не видно въ немъ вражды къ западной церкви, хотя онъ и не хотѣлъ принять ея ученія для себя и для своего народа. Латиняне, пріѣзжавшіе въ Россію для торговли, имѣли свои часовни и никакимъ притѣсненіямъ не подвергались. Письмо Бруна представляетъ намъ Владиміра такимъ же гостепріимнымъ, при-

вѣтливымъ, добрымъ княземъ и ревностнымъ христіаниномъ, какимъ мы его знаемъ изъ нашихъ русскихъ лѣтописей и преданій. Всякій бѣдный могъ приходить свободно на княжескій дворъ и получать все, въ чемъ нуждался. Но мало того: «немощные и больные не дойдутъ до двора моего», говорилъ Владиміръ, и повелѣвалъ развозить по городу: мясо, хлѣбъ, рыбу, овощи, бочки съ медомъ и квасомъ. Владиміръ любилъ язычникомъ разнузданное веселье и роскошные пиры. Ставъ христіаниномъ, онъ, оставаясь радушнымъ, ласковымъ, щедрымъ хозяиномъ на такихъ пирахъ, ввелъ въ нихъ особое христіанское благочиніе: во всякій праздникъ и въ дни церковныхъ торжествъ ставились у великаго князя три трапезы: первая—для духовенства, вторая—для нищихъ и убогихъ, третья для бояръ и дружины. Народъ русскій не помнитъ о Владимірѣ язычникѣ, омраченномъ злыми дѣлами и мглой кумирослуженія, но живо сохранилъ свѣтлый образъ Владиміра христіанина: мудраго, добраго и обходительнаго со всякимъ. Онъ далъ не даромъ названіе «Краснаго Солнышка» тому великому князю, что просвѣтилъ Русь христіанскою вѣрою и который потомъ, преданный всею душою святому своему дѣлу, призывалъ на помощь себѣ, къ общей дѣятельности для благотворнаго ея утвержденія по Русской землѣ, всѣ совокупныя ея силы. Народныя былины и пѣсни ярко рисуютъ намъ образъ Владиміра, внѣ историческаго и лѣтописнаго о немъ свидѣтельства. Онѣ представляютъ его намъ всегда, окруженнаго многочисленною толпою гостей, со всѣхъ сторонъ Русской земли стекавшихся къ ласковому князю Владиміру, въ стольный городъ Кіевъ. Это вся Русская земля, собранная вокругъ своего просвѣтителя и живущая одной съ нимъ жизнью. Рядомъ

84) Картина: Подаяніе нищимъ по приказанію великаго князя.

съ Владиміромъ, неустрашимыми защитниками всей Руси, стоятъ христіанскіе, добрые богатыри, готовые на всякій подвигъ для ея пользы и славы. Свѣтла и радостна, полна отваги и беззавѣтной удали эта молодая, недавно начавшаяся жизнь великаго народа; носитъ она еще кое-гдѣ слѣды недавняго язычества, но уже озарена лучами христіанства. Уже христіане могучіе, богатыри, называемые младшими въ отличіе ихъ отъ старшихъ, сказочно мощныхъ образовъ народнаго творчества, до Владиміра Святаго. Они охраняютъ Русь отъ хищниковъ и разбойниковъ; въ художественныхъ яркихъ прообразахъ сказочныхъ повѣствованій борятся съ злыми чудовищами язычества и побѣждаютъ ихъ.

Изображенія: князя Игоря; св. княгини Ольги; кн. Святослава Игоревича и Владиміра Святого.

Глава III.

Былины *).

Мы мимоходомъ упомянули въ предыдущей главѣ о богатыряхъ вообще, находившихся въ Кіевѣ при дворѣ и среди дружины великаго князя Владиміра—еще язычника, а между ними назвали только гораздо позже присоединившагося къ ихъ числу крестьянина Илью Муромца, приведя то мѣсто изъ древнихъ сказаній о немъ, когда онъ съ благословенья родителя ѣдетъ изъ своего родного села Карачаровскаго, Муромской области, на службу къ свѣтлому князю кіевскому—Красному Солнышку, тогда уже христіанину. Но раньше, чѣмъ продолжать вести рѣчь о немъ, послушаемъ сначала пѣсни другого младшаго богатыря, Добрыни Никитича, прежде Ильи прибыв-

85) Картина: Добрыня Никитичъ играетъ на гусляхъ во время пира Владиміра.

*) Сборники русскихъ былинъ: Авенаріусъ, Рябинина и др.

шаго въ Кіевъ къ Владиміру и услаждавшаго на пирахъ великаго князя съ его гостями прекрасной игрой на гусляхъ вмѣстѣ съ своимъ поэтическимъ даромъ красивыхъ сказаній о старинѣ. Онъ пѣлъ, конечно, о старшихъ богатыряхъ, тоже отчасти знакомыхъ намъ по первой части этой же книги, въ ея послѣднемъ выпускѣ. Заговоривъ о значеніи русскихъ богатырей въ Кіевской области, мы уже описали въ немъ встрѣчу между собою двухъ старшихъ богатырей: прообраза лѣсного, охотничьяго и воинственнаго русскаго быта—Вольги Святославовича или Всеславича съ представителемъ земледѣльческихъ русскихъ силъ, Микулой Селяниновичемъ.

Вотъ что поетъ о Вольгѣ Добрыня Никитичъ послѣ того, какъ великій князь Владиміръ Стольно-Кіевскій обратился къ нему во время пира съ такими словами: «Ай же, ты, лихой игрокъ Добрынюшка, распотѣшь-ка мнѣ еще князей да бояровъ; завесели могучихъ богатырей: заведи старинку стародавнюю про того, про старшаго богатыря Вольгу Всеславича».

Какъ повелъ Добрыня по гуселышкамъ, заигралъ напѣвы святорусскіе: «Нарождался на матушкѣ—Святой Руси молодой богатырь Вольга Всеславьевичъ. Только будетъ Вольгѣ полтора часа, говоритъ Вольга будто громъ гремитъ: «Ай, ты, гой еси, сударыня матушка, молодая Марѳа Васильевна; ты не пеленай въ пелену червчатую, не поясай въ поясья шелковые,—пеленай меня, сударыня-матушка, въ крѣпкія латы булатныя, а на буйну голову клади златъ шлемъ; въ праву руку—палицу свинцовую, чтобы вѣсомъ была палица въ триста пудъ». Росъ-подросъ Вольга до пяти годковъ. Какъ пошелъ Вольга по сырой землѣ, — мать сыра земля всколебалася, по темнымъ лѣсамъ звѣри разбѣжалися; по подоблачью

птицы разлеталися, по синю морю рыба разметалася... И пошелъ Вольга Всеславьевичъ обучаться всякимъ хитростямъ-премудростямъ, отъ семи годовъ до двѣнадцати». Премудрость этого богатыря воина и охотника состояла въ тщательномъ изученіи имъ всей одушевленной природы съ цѣлью порабощенія ея себѣ. Онъ пріобрѣлъ, будто бы, способность мгновенно принимать образъ разныхъ птицъ и животныхъ: обертываться и яснымъ соколомъ, и сѣрымъ волкомъ, и туромъ съ золотыми рогами, и малой птичкой.

Когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, онъ собралъ себѣ дружину въ тридцать молодцовъ безъ единаго, самъ сталъ тридцатыемъ и имъ велитъ вить тенета шелковыя, становить ихъ въ темномъ лѣсу на сырой землѣ и ловить въ нихъ куницъ, лисицъ, всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ соболей. Ловили они три дня и три ночи,—не могли поймать ни одного звѣрька. Обернулся тогда Вольга лютымъ звѣремъ, загонялъ въ тенета всякихъ дикихъ звѣрей и черныхъ соболей. Ни медвѣдю, ни волку спуску нѣтъ, да и мелкимъ звѣрюшкомъ не брезговалъ: забиралъ поскакучихъ заюшекъ, бралъ и малыхъ горностаюшекъ. И носила его дружина шубы соболиныя, перемѣнныя шубы-то барсовыя». Потомъ, такимъ же образомъ, изловили они гусей-лебедей, сѣрыхъ уточекъ и малыхъ пташечекъ. «Обернулся Вольга яснымъ соколомъ, полетѣлъ Вольга по подоблачью, заворачивалъ въ сѣти гусей-лебедей, сѣрыхъ уточекъ, малыхъ пташечекъ. Поилъ онъ, кормилъ свою дружинушку; всѣ-то яства у него отборныя, перемѣнныя яства—сахарныя». Потомъ, по приказанію Вольги, брали его дружинники топоры дроворубные, строили суденышко дубовое, ладили теневья шелковыя, вы-

86) Картина: Заворачивалъ въ сѣти гусей—лебедей, сѣрыхъ уточекъ, малыхъ пташечекъ.

ѣзжали на сине море... «Обернулся Вольга рыбой-щучиной, опустился Вольга въ сине море, изъ глубокихъ становъ рыбъ повыпугалъ, заворачивалъ рыбу семжинку, бѣлужинку, дорогую рыбу осетринку». Но вотъ дошелъ до Кіева слухъ, что индійскій царь Салтыкъ Ставрульевичъ снаряжается, стольный Кіевъ градъ взять похваляется: Божьи церкви раззорить, на дымъ пустить». (Что касается до Божьихъ церквей, то это, конечно, было уже позднѣйшее прибавленіе къ былинѣ, со времени распространенія въ Кіевѣ христіанства). Конечно, въ тѣ далекія времена, когда въ народномъ сознаніи сложилась сказочная былина о богатырѣ Вольгѣ Святославичѣ, русскіе не имѣли понятія о томъ, гдѣ находится собственно царство индійское. Представленіе о немъ является, можетъ быть, сохранившимся безотчетно неумирающимъ отголоскомъ доисторическихъ воспоминаній объ азіатской прародинѣ человѣчества. Въ русскихъ сказкахъ точно такъ же обозначаются волшебно-прекрасныя или особенно могущественныя страны: «за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ». Вольга рѣшаетъ съѣздить къ царю Салтыку Ставрульевичу, «про его думу тайную провѣдати: думаетъ ли ѣхать на Святую Русь»? Обернулся онъ туромъ-золотые рога, «первый скокъ—за цѣлу версту скочилъ, а другой скокъ—не могли найти». «Обернулся онъ малой птицей пташицей, садился на царское окошечко и слушалъ рѣчи тайныя». «Говорилъ царь Салтыкъ Ставрульевичъ молодой царицѣ Азвяковнѣ: А поѣду же я на Святую Русь; самому себѣ возьму славный Кіевъ градъ».—«Не бывать тебѣ на Святой Руси, не владѣть тебѣ градомъ Кіевомъ»—говоритъ Вольга. Обернулся волкомъ онъ, перекусалъ на царской конюшнѣ глотки всѣмъ его конямъ; малымъ горно-

87) Картина: Вольга въ царствѣ Индійскомъ у дворца царя Салтыка.

стаюшкой побѣжалъ по подваламъ и перегрызъ тетивы у тугихъ луковъ. У каленыхъ стрѣлъ онъ желѣзцы повынималъ, острыя сабли повыщербилъ, булатныя палицы дугой согнулъ и, вернувшись къ своей хороброй дружинушкѣ, повелъ ее воевать въ царство индійское. И пошли они ходить по царству индійскому: рубятъ и стараго и малаго, оставляютъ въ живыхъ только женскій полъ—красныхъ дѣвушекъ. Отъ руки Вольги тутъ и смерть пришла царю. «Ухватя, ударилъ его Вольга о кирпичатъ полъ,—во крохи расшибъ»...

88) Картина: Смерть царя Салтыка отъ руки Вольги.

Теперь остановимъ подальше наше вниманіе на самомъ излюбленномъ въ русскомъ народѣ, среди старшихъ богатырей, яркомъ, могучемъ образѣ несокрушимаго, благотворнаго отца земледѣлія, Микулѣ Селяниновичѣ. Микула повелъ борьбу съ дикими, темными и злыми силами первобытной природы; въ его лицѣ земледѣльческое, осѣдлое и трудовое начало стирало съ лица земли старый кочевой бытъ южно-русскихъ степей, воплощенный народомъ подъ именемъ сказочнаго Кощея. Микула пришелъ, окруженный своей семьей, по преданью народныхъ былинъ, съ Кавказа, гдѣ среди грозныхъ скалъ и заоблачныхъ высей кавказскихъ горъ, закутанный въ тучи угрюмо лежалъ «выше лѣса стоячаго, что пониже облака ходячаго, уродъ-уродище, Святогоръ богатырь», самый старшій изъ старшихъ. Подъ пятой великана ревутъ живые потоки, надъ буйной его головою снуютъ орлы поднебесные, метели снѣжныя. По ребрамъ, какъ черныя мухи, ползутъ и лѣпятся силы орды переходныя, а онъ, исполинскій богатырь, лежитъ, въ туманныя ризы и тучи закутанный; гнететъ молодчину его, тяготитъ своя сила грузная, мощь богатырская; нѣтъ равнаго силой на свѣтѣ

89) Картина: Сказочный образъ Святогора, стараго исполина-богатыря.

ему, чуть держитъ уродища мать сыра земля. Лишь онъ шелохнулся—по краю всему идетъ стукъ и грохотъ, реветъ буря темная. Затмилося солнце, не видать дня яснаго. Шумятъ лѣса, рѣки кипятъ въ берегахъ. Сыра земля стонетъ, какъ море колышется»...

Съ вершинъ Кавказскихъ горъ Микула богатырь смотритъ на полночь (т. е. сѣверъ), гдѣ вздымается море лѣсовъ первобытныхъ, подъ чей, полный тайны и вѣчнаго мрака, покровъ, еще не ступала нога человѣка. Это міръ чудовищъ лѣсныхъ и воздушныхъ, куда пролагаетъ себѣ свободно дорогу одинъ лишь могучій сынъ солнца, ихъ врагъ роковой: лѣсной царь-огонь; сынъ Перуна — Сухманъ богатырь! (лѣсной пожаръ). Микула замѣтилъ съ нагорныхъ вершинъ, какъ онъ, богатырь, тамъ бродилъ и работалъ, особенно темною ночною порой: «то грозно дымясь подобно вулкану, то бурной рукою иль огненнымъ моремъ разлившись вдали по ночнымъ небесамъ и заревомъ яркимъ покрывши весь сѣверъ»...

Микула со своей семьей, родомъ и племенемъ, спустился въ равнины съ высей Кавказскихъ горъ. Тамъ былина описываетъ еще первобытное состояніе земли, до времени образованія на Днѣпрѣ даже зачатка первыхъ земледѣльческихъ поселеній.... (см. часть I. Выпускъ I). «Съ зыбучихъ болотъ, съ безконечныхъ озеръ курились туманы. Мѣстами остатки огромныхъ костей, не то исполинскихъ какихъ-то чудовищъ, не то прежде жившихъ тутъ богатырей; громадныя толщи сожженныхъ растеній торчали въ оврагахъ, промытыхъ водой, и путь заграждали рѣкамъ быстроводнымъ... Пришельцы встрѣчали чудесныхъ звѣрей: жаръ-птицъ, змѣй крылатыхъ, ужасныхъ драконовъ; въ глубокихъ ложбинахъ, въ заливахъ глухихъ, въ болотныхъ трущобахъ, — еще громоздились стада допотопныхъ чу-

довищъ морскихъ; чешуйчатыхъ гадовъ, гигантскихъ лягушекъ... Мѣстами, средь низменныхъ доловъ пустыхъ, еще копошились, въ грязи известковой засѣвши, стаи морскихъ длинныхъ змѣй, громадныхъ улитокъ, диковинныхъ раковъ»...

Знакомый Кавказъ былъ дорóгой большой племенъ первобытныхъ, идущихъ съ востока; съ одной стороны бѣжитъ берегъ морской, — съ другой протянулись безбрежныя степи... Микула идти могъ, гдѣ прежде прошли его соплеменники, въ первое время. Онъ слышалъ, что родичи гдѣ-то нашли себѣ обширный край, за тремя за рѣками, много земли степной и лѣсной, и туда шелъ по слухамъ. Вошли они въ стéпи. Вдругъ слышитъ Микула глухой гулъ съ полночи (съ сѣвера)... потомъ табуны показались коней. За ними блеснули прибрежья рѣчныя. Послышался топотъ, гамъ, крики людей; мычанье стадъ, скрипъ телѣгъ и кибитокъ. Впереди всѣхъ, какъ соколъ, летитъ молодой богатырь «Колыванъ» неизвѣстный; съ коня, будто туча, густой паръ валитъ; на бронѣ играетъ восходящее солнце... всѣ съ радостью видятъ, что это бѣжитъ къ нимъ родимый ихъ Донъ... Говоритъ, что бѣжитъ изъ степей онъ... что тамъ на полуночи, откуда идетъ онъ, воинственный Донъ, лежитъ край обильный: обширныя степи и пастбища; рѣки, озера, лѣса». «Колыванъ богатырь» — это, какъ бы, князь шумнаго стана и силы бродячей; степныхъ колымагъ и косматыхъ коней. Микула даритъ этихъ пришлыхъ людей, чѣмъ могъ онъ въ то время отъ сельскихъ избытковъ, а Донъ отдарилъ его косяками *) коней и тутъ же, простившись, направился къ морю. Идутъ они дальше и слышатъ: опять несется съ пол-

*) Косякъ: отдѣлъ табуна. Каждый конь съ кобылами и жеребятами образуетъ «косякъ».

ночи еще шумъ сильнѣйшій. Дрожитъ земля—будто подходитъ къ нимъ рать. «Какъ туча, катитъ еще богатырь, Колыванъ неизвѣстный. Дождемъ сыплютъ искры отъ конскихъ копытъ; тяжелые камни гремятъ подъ ногами. Но лишь богатырь показался степной,—всѣ съ радостью видятъ—то Днѣпръ: старинный ихъ тоже соотчичъ родной». Родной Днѣпръ радушно встрѣчаетъ Микулу, потомъ говоритъ, что идетъ онъ съ полночи; что эта страна, откуда идетъ онъ, весьма плодоносна и всякимъ природнымъ богатствомъ полна; лишь край этотъ новый никѣмъ не воздѣланъ. Микула выходитъ къ Днѣпру съ хлѣбомъ-солью, а Днѣпръ даритъ ему шкуры пушныхъ звѣрей.

Какъ мы видимъ, народное творчество олицетворяетъ главныя русскія рѣки въ видѣ богатырей древнѣйшаго времени. И Донъ, и Дунай, и Днѣпръ принимаютъ въ народномъ воображеніи человѣческій образъ; но этихъ богатырей нужно понимать представителями ихъ побережнаго населенія.

При устьѣ Днѣпра Микула вступаетъ въ лѣсистый Гилей (см. часть I, Выпускъ I) — болотистый край, гдѣ царила Эхидна (женщина-змѣя), по преданію грековъ, мать дикихъ скиѳовъ. Передъ вѣщимъ Микулой, какъ синій туманъ, открылося море лѣсовъ первобытныхъ: «лѣса съ лѣсами свиваются, вѣтви по землѣ разстилаются; не пройти Микулѣ, не проѣхати». Тогда онъ—Микула глаголуетъ: «вы лѣса, лѣса дремучіе, встаньте и расшатнитеся, расшатнитеся, раскачайтеся»... И по его Микулину моленію, по его святому терпѣнію, отдѣлялись лѣса отъ сырой земли. А гдѣ лѣса темны моленья не слушаютъ, выйдетъ онъ въ чистое поле, станетъ на востокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. Онъ третъ два полѣна — валитъ дымъ густой, выходитъ изъ дыма съ кудрявой голо-

вой Сухманъ-богатырь: сынъ небеснаго солнца. Микула станетъ съ чашей масла надъ нимъ. Онъ ей надъ огнемъ поливаетъ живымъ,—а самъ заклинаетъ съ отеческой лаской: «Молюся тебѣ, Сухманъ богатырь, зажги темны лѣса; очисти по нимъ дорожку, намъ раствори небеса». «Выходитъ Сухманъ изъ костра на траву, идетъ, поднимаетъ все выше главу, неслышный, чуть видный, къ дремучему лѣсу. Но только вступаетъ подъ сѣнь отъ древесъ, какъ быстро растетъ и беретъ ихъ въ охабку. Шипитъ и трещитъ перепуганный лѣсъ. Идетъ онъ и мечетъ по лѣсу могучія руки. Красное пламя, какъ бурныя волны, растетъ все, растетъ и огненнымъ моремъ бѣжитъ за нимъ слѣдомъ». «Внуки Стрибога (богъ вѣтра), ему помогая, съ визгомъ и гикомъ помчались по чащѣ. Вьются надъ лѣсомъ чудовища-птицы; ползутъ по горящей золѣ и шипятъ ужасные гады»...

«И вотъ, предъ Микулой широко лежитъ, будто темный покровъ, открытое поле. Кой-гдѣ одиноко чернѣютъ стволы обгорѣвшихъ деревъ, какъ мрачные остовы мертвыхъ титановъ, когда-то царившихъ по этимъ мѣстамъ. Лишь красное пламя, чуть видною змѣйкой, порой пробѣжитъ по обугленнымъ пнямъ»... «Весь берегъ Днѣпровскій широко пестрѣлъ толпами идущихъ вдали поселенцевъ, а слѣдомъ за ними ихъ путь зеленѣлъ и золотился желтѣвшею нивой. Съ душевной отрадой Микула глядѣлъ на край благодатный», а дочь его Прія, приклонившись къ отцу на плечо, говоритъ: «Свѣтъ-батюшка мой родной! Посмотри-ка на эти равнины широкихъ луговъ, на эти дубравы и синія воды. Гдѣ мы ни прошли, нигдѣ не встрѣчали такого обилья, такой плодородной, богатой земли. Отсюда пойдемъ мы лѣсными рѣками на Западъ и Сѣверъ; по ихъ берегамъ сыны наши

срубятъ торговые грады. Здѣсь сядетъ въ раздольи весь родъ нашъ святой и будетъ богаче, сильнѣй всѣхъ на свѣтѣ».. «Микула и родъ его племя вошли въ сплошныя равнины страны Приднѣпровской; предъ ними лежалъ край обильной земли, какъ бы ожидавшій ихъ только прибытья, чтобъ сдѣлаться садомъ полуночныхъ странъ и дать отдаленнымъ Микулы потомкамъ прозванье полянъ: въ той самой древнѣйшей странѣ земледѣльцевъ, гдѣ позже гораздо, иль той же порой, столь мало извѣстной, ихъ вѣщіе братья: Кій, Щекъ и Хоривъ, съ молодою сестрой Лебедью, построили Кіевъ»...

Когда водяной богъ, Воданъ, прослышалъ пришествіе къ нему Микулы, онъ сказалъ дѣтямъ своимъ:—«смотрите, подходитъ къ намъ вѣщій Микула, всемірный кормилецъ, владыка земли. Рѣки быстрыя, озера свѣтлыя, заливы широкіе, проливы глубокіе, катите текущія воды быстрѣй... Микула несетъ вамъ вѣкъ новый съ собой, а вашимъ потомкамъ—большія богатства... Микулиной силой и сошкой златой съ небесъ управляютъ безсмертные боги»... Здѣсь встрѣтила ихъ Днѣпра-королевишна: вѣщая жрица, владычица этого дикаго края, что греки считали страной амазонокъ, воинственныхъ дѣвъ, наводившихъ собою страхъ на древнюю Грецію... Онѣ занимались одною войною, и чуждались тихой семейной жизни (смотри Сарматы, Часть I. Выпускъ I). Звѣриная кожа—зимой, покровъ легкій—лѣтомъ, служили имъ одеждой. Ихъ знали давно въ приднѣпровской странѣ и дальше по берегу Чернаго моря, въ горахъ неприступныхъ Кавказа, и, ежели вѣрить сѣдой старинѣ,—ихъ сборный кружокъ былъ родной имъ семьей, а воля царицы имъ высшимъ закономъ. Съ копьемъ обожженнымъ изъ дуба въ рукахъ, съ стрѣлами, съ насаженной

костью въ колчанахъ, въ той легкой одеждѣ на голыхъ плечахъ, онѣ проносились воинственной ратью по темнымъ лѣсамъ, по ложбинамъ степнымъ, въ сосѣднія съ ними и дальнія страны; но горе тому, посягнуть кто бъ посмѣлъ на дѣвственный край ихъ... Онѣ закидали бы того тучею стрѣлъ; иль растерзали бы, какъ хищные звѣри... Микулина дочь ихъ собрала въ кругъ болѣе тѣсный: мирный, семейный, хоть тоже смирить въ нихъ еще не могла характеръ воинскій... Мѣткой стрѣльбою изъ лука сама она могла спорить съ могучимъ Дунаемъ, за что и была поплатиться должна потомъ своей жизнью...

Здѣсь, возлѣ лѣсного Гилея, могъ жить на Днѣпрѣ и страшный тотъ змѣй, собиравшій изъ каждой семьи по дѣвушкѣ, въ видѣ положенной дани. Насталъ, какъ видно, чередъ платить дань и Микулѣ. Край приднѣпровскій послалъ просить его помощи противъ змѣй лютыхъ и тяжкой ихъ дани... Какъ только услышалъ о дани постыдной—«вскипѣлъ страшнымъ гнѣвомъ Микула благой. Предъ нимъ просушались воловьи кожи, Микула съ досады рванулъ ихъ рукой и въ разъ перервалъ ихъ сырьемъ цѣлый ворохъ»... 90) Картина: Гнѣвъ Микулы.

«Межъ тѣмъ по степи уже нѣсколько дней замѣчено было большое движеніе... Вдали появилося полчище змѣй, иль лучше, какихъ то хохлатыхъ чудовищъ, съ цвѣтными хохлами на пестрыхъ башкахъ: въ узорчатой, будто, расписанной кожѣ; съ серьгами во рту и съ серьгами въ ушахъ,—и съ жалами, видомъ подобными копьямъ. Одни извиваясь ползли по землѣ, другіе стояли, подпершись хвостами. Яснѣй всѣхъ виднѣлся у нихъ во главѣ змѣй, самый огромный и самый хохлатый, весь пестрый, съ блестящею въ ухѣ серьгой и съ яркимъ перомъ на хохлѣ—ихъ начальникъ». И первый такъ началъ Микулѣ онъ слово:

«О вѣщій и сильный земли человѣкъ, почто ты пришелъ изъ-за горъ, изъ-за рѣкъ, разрушить въ мѣстахъ сихъ владычество наше? Почто выжигаешь ты наши лѣса? Почто истребляешь ты наши жилища? Отъ вѣка живемъ мы въ мѣстахъ сихъ глухихъ: по темнымъ пещерамъ, дуплистымъ деревьямъ, пьемъ кровь и ѣдимъ супостатовъ своихъ; беремъ себѣ дань по дѣвицѣ съ семейства. Страна эта наша, и въ ней мы владыки».

Микула оперся на посохъ рукой и, давъ кончить Змѣю, ему отвѣчаетъ: «Идите, скажите царю своему, что выходовъ, даней, платить я не буду, а кровныхъ я дщерей не выдамъ ему. А пусть онъ со мною помѣрится силой. Который изъ насъ одолѣетъ въ борьбѣ, тотъ, значитъ, и будетъ владыкою въ краѣ». Но царственный Змѣй въ бой вступить не хотѣлъ. Онъ зналъ про ужасную силу Микулы, «отца земледѣлія», и явно не смѣлъ съ нимъ мѣриться силой. «Тогда Селянинычъ ему закричалъ, что онъ разбросаетъ его логовище. Противиться Змѣю ужъ было нельзя: и вотъ собрался онъ со всей своей силой и вышелъ»... Лишь развѣ во снѣ видалъ родъ Микулинъ подобныхъ чудовищъ... Свои и враги отошли къ сторонѣ, оставивши на серединѣ пространство соперникамъ грознымъ и, не двигаясь, ждали, чѣмъ кончится битва. (Этотъ бой со змѣемъ, знаменующій собой борьбу мирной осѣдлой жизни и христіанства съ дикими кочевыми ордами и съ темной силой язычества, приписывается также другому, позднѣйшему кіевскому богатырю, Кириллѣ Кожемякѣ, какъ очень обыкновенное видоизмѣненіе, по своей главной сущности, одной и той же былины). Микула весь обмотался сырой коноплею, что онъ предъ этимъ еще насмолилъ, «и вотъ началася упорная битва. Змѣй лютый Микулу и жжетъ, и палитъ, и, кажется, вотъ разо-

91) Картина: Бой Микулы со змѣемъ.

рветъ въ мигъ на части, а это съ него конопля лишь летитъ, а онъ самъ, Микула, стоитъ невредимый, да знай себѣ лютаго змѣя долбитъ тяжелою палицей по головищѣ». Змѣй сталъ на послѣдокъ слабѣть подъ тяжелой Микулы рукой, и тихо взмолился: — «Не бей меня на смерть, Микула, раздѣлимъ лучше всю землю и весь свѣтъ подлунный мы поровну»... Микула на то согласился, «что будетъ отнынѣ во вѣкъ нерушимо его достояньемъ и рода его все, что онъ, Селянинычъ, съ потомствомъ своимъ займетъ подъ себя: запашетъ, засѣетъ по доламъ широкимъ, равнинамъ пустымъ, словомъ, къ чему онъ, Микула, приложитъ, хоть часть золотого труда своего, а чего не займетъ онъ и не распашетъ сохой своей, иль не засѣетъ земными плодами,—всей этой пустыней владѣть будетъ Змѣй»...—Условіе это они «утвердили взаимною клятвой, смѣшавши ихъ кровь въ одной общей чашѣ съ виномъ или брагой» (см. Часть I. Выпускъ I. Скиѳы). «Изладилъ Микулушка сошку свою... Впрягъ Змѣя и прямо бороздку повелъ съ угодій днѣпровскихъ на синее море. Какъ разъ поднялся и весь родъ и пошелъ за нимъ, за главою славянскаго міра. Идетъ онъ, Микула, а слѣдомъ за нимъ уже зеленѣетъ широкое поле; желтѣютъ колосья, изъ трубъ вьется дымъ; шумитъ и гудитъ бытъ живой, деревенскій, чернѣетъ земля, поднятая съ травою; валятся деревья по темнымъ лѣсамъ: здѣсь слышится молотъ, тамъ—стукъ топора. Потомъ въ колымагахъ, на тучныхъ волахъ, въ скрипучихъ телѣгахъ, въ холщевыхъ повозкахъ, въ лубочныхъ коробахъ, въ зашитыхъ мѣшкахъ, тянулся обозами скарбъ ихъ домашній. Изъ вьюковъ виднѣлись: хлѣбъ разный въ зернѣ, приборъ ручныхъ мельницъ, длиннѣйшія ступы, ковриги печеной муки на огнѣ, перины, одежды, боль-

шія корчаги, домашняя утварь, оружье, вѣсы, желѣзныя полосы, мѣдныя бляхи... Такъ въ самомъ началѣ онъ шествовалъ много дней, внося первый свѣтъ и начала гражданства, а чуть приспѣвали дни сельскихъ работъ или приходили они къ окончанью, иль начинался весной новый годъ,—тотчасъ же и праздникъ: опашекъ, засѣвокъ, сѣяницъ, овсяницъ, русаліи дни... А гдѣ сельскій праздникъ,—тамъ торгъ и мѣна: село превращалось въ торговое мѣсто. Заботливый трудъ и его тишина смѣнялись шумнымъ, веселымъ движеніемъ. Одни предлагали имъ шкуры звѣрей; другіе на хлѣбъ ихъ мѣняли оружье; иные степныхъ приводили коней; другіе несли мѣдь,—песокъ золотистый. Микула, какъ истый хозяинъ земли, мѣнялъ имъ холстину, хлѣбъ, утварь, одежду»...

«Такъ вѣщій Микула со Змѣемъ дошли до синяго моря. Микула нашъ занялъ огромную область цвѣтущей земли, что родъ его, племя, вспахалъ и засѣялъ». Когда они пришли къ морю и стали его дѣлить, Микула пустилъ Змѣя впередъ, столкнулъ его въ воду и тутъ же убилъ его. Затѣмъ Микула устроилъ свой мирный станъ при Днѣстрѣ, но Днѣстръ извѣстилъ: что отсюда на западъ земля поднялась горбами, что мѣстность слыветъ, хотя и гористой, но во всемъ изобильной, что тамъ живетъ Святогоръ богатырь. Микула съ нимъ не встрѣчался съ сѣдого Кавказа, и рѣшилъ мимо него пройти. Когда онъ вошелъ въ земные горбы, слышитъ великій шумъ. «Мать сыра-земля колышется, темны лѣсушки пошатываются, рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются. Глядитъ, ѣдетъ богатырь выше лѣса стоячаго; головой упирается въ облака ходячія. Не съ кѣмъ ему, Святогору, силой помѣриться, а сила то по жилочкамъ такъ и переливается: трудно отъ силушки, какъ отъ тяжкаго

бремени». «Кабы я тягу нашелъ»,—говоритъ Святогоръ, «я бы всю землю поднялъ». Святогоръ съ Кавказа все догонялъ Микулу и не могъ нагнать его.—«Постой-ка», кричитъ—«дай взглянуть на тебя; что ты несешь за чудную сумку? давно я смотрю на тебя издали: тебѣ, знать, подвластны всѣ силы земли; должно быть, въ тебѣ есть не малая сила. Скажи мнѣ, повѣдай: что ты несешь въ сумкѣ?» Микула нашъ сталъ на пути и стоитъ.—«А вотъ поднимика ее», говоритъ, «тогда и узнаешь, что я несу въ сумкѣ». Самъ снялъ съ себя сумку свою, положилъ на мать сыру-землю и смотритъ, что будетъ? Наѣзжалъ тутъ богатырь въ степи на маленьку сумочку переметную, беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку: она не скрянется; двинетъ перстомъ ее—не сворохнется; хватитъ съ коня руками,—не подымается. Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня, ухватилъ онъ сумочку обѣими руками, поднялъ сумочку повыше колѣнъ—и по колѣна Святогоръ въ землю увязъ, а по бѣлу лицу не слеза, а кровь течетъ. Грузъ тяги земной Святогора сломилъ. Отецъ земледѣлія его побѣдилъ; и спрашиваетъ Микулу Святогоръ: «открой, кто такой ты? Какъ мнѣ тебя звать? по отчеству, роду тебя величать? Повѣдай, что въ этой положено сумкѣ?» — «Изволь», Селянинычъ ему говоритъ.—«скажу тебѣ, кто я: «сырая земля—мать родная моя, затѣмъ то она такъ и любитъ меня. Какъ ты, богатырь, князь древнѣйшихъ племенъ, такъ я земледѣлья князь новыхъ временъ, а въ сумкѣ моей несу тягу земную».—«Что же это за тяга?» «А видишь ли, вотъ: то трудъ мой тяжелый, кровавый мой потъ. Я имъ увлажаю родимую землю. То, видишь, вседневная наша страда, что Богъ наложилъ на мой родъ навсегда, пока людямъ нуженъ хлѣбъ будетъ насущный»...—

92) Картина: Встрѣча богатыря Святогора съ Микулой.

На этомъ разстался Микула со Святогоромъ, богатыремъ ущелій и горъ. Между тѣмъ Селяниновичъ разселилъ свой родъ съ Днѣпра и Дона, съ Днѣстра и Дуная — далеко на Сѣверъ, вплоть до Венедскаго (Варяжскаго) моря. Навстрѣчу Микулѣ съ Полночи (съ сѣвера) идетъ теперь морозъ юный. Такой онъ веселый: «Здорово живете, отколь Богъ несетъ? съ чѣмъ въ нашу родную сторонку идете?» — «Идемъ мы съ Полденъ (съ юга), земледѣльческій родъ; несемъ тишину, трудъ благой и обилье».—Идутъ намъ навстрѣчу по тѣмъ же степямъ и снѣжная Вьюга съ сестрою Мятелью: «Здорово живете, отколь Богъ несетъ, съ чѣмъ въ нашу родную землю идете?» «Идемъ мы съ Полденъ, Селяниныча родъ, несемъ въ страну вашу кровъ теплый, семейный, домашній очагъ»...— «Въ часъ добрый, въ часъ добрый! Богъ въ помочь будь вамъ; идите къ намъ съ миромъ, и мы васъ не тронемъ».—И точно,—своимъ непрестаннымъ трудомъ, спокойнымъ своимъ и веселымъ терпѣньемъ, они торжествуютъ въ томъ мірѣ чужомъ, подъ мертвенной глушью и дикой природой. Морозъ для нихъ стелетъ чрезъ воды мосты; холодная вьюга, мятель снѣговая даютъ еще больше имъ силъ, моготы; а чуть не подъ мочь имъ,—вотъ теплая хата изъ глины съ соломой; въ ней дымный очагъ, вокругъ стѣнъ палати; ложись на нихъ всякій, кто холоду врагъ, да слушай, какъ вьюга хохочетъ и воетъ». Но, вопервыхъ, Микулинъ родъ сѣлъ по цвѣтущимъ берегамъ Дуная, Днѣстра; по Бугу и тихому Дону; по злачнымъ приморскимъ степямъ и свѣтлымъ раздольямъ днѣпровскимъ. «Куда онъ ни ставилъ селенья свои,—все чуяло тотчасъ его приближенье. Съ первой его бороздой, лѣсъ пятился въ долы,—гора расползалась, болота бѣжали въ овраги съ водой;

зима даже образъ теряла суровый... Старѣйшинамъ рода во всемъ былъ почетъ особый въ народѣ; изъ нихъ избирались князья, воеводы и судьи; но каждый родъ зорко, ревниво стоялъ за міръ свой отдѣльный, свой міръ самобытный, и чтобы въ край его вольный никто не дерзалъ вносить свой законъ, или чуждый обычай. И это же самое стало зерномъ грядущихъ тѣхъ смутъ и кровавыхъ усобицъ, что долгое время терзали потомъ, какъ алчные звѣри, міръ древній, славянскій».

Помимо цѣлаго ряда такихъ богатырскихъ образовъ, народное творчество воспѣваетъ въ своихъ былинахъ, подъ названіемъ «удалыхъ полѣницъ», должно быть, какъ живой отголосокъ преданія древности о воинственныхъ амазонкахъ (смотри Часть I, Выпускъ I, Глава V, Сарматы) и богатыршъ, превосходившихъ часто силой своей такъ же, какъ ловкостью въ боевыхъ упражненіяхъ, самыхъ могучихъ богатырей. Между ними первое мѣсто заняли дочки и внучки великаго, добраго богатыря земли, только что нами здѣсь приведеннаго во весь ростъ,—Микулы. Вокругъ великаго князя Владиміра-Краснаго Солнышка сошлись всѣ силы земли и цвѣтъ богатырства: изъ Руси, изъ ближайшихъ степей, изъ дали, изъ-за моря синяго,—Богъ вѣсть откуда. «Кто славился чудной своей красотой, кто ловкой ухваткой своей богатырской; иные искусной и мѣткой стрѣльбой, иль непомѣрной чудовищной силой. Владиміръ, князь ласковый, жаловалъ ихъ: кого—златой гривной, кого—съ плеча шубой; кого—чѣмъ другимъ изъ сокровищъ своихъ; а кто къ нему ближе, того городами». Однако самъ вѣщій Микула, хозяинъ земли, всегда жилъ по селамъ, среди полей мирныхъ и милой семьи, внѣ всякихъ вліяній изъ Кіева-града.

Сказанье рисуетъ его всегда за вѣщею сошкой, иль тягой земною, съ сумой за плечами, и онъ никогда не требовалъ мѣста себѣ возлѣ князя. Князь же Владиміръ вѣрныхъ слугъ своихъ и русскихъ богатырей разсылалъ на разныя службы, отдавъ міръ земной на ихъ попеченіе. Кого пошлетъ на заставы, «стоять противъ ратей и чудищъ степныхъ; кого въ орды дальни, сбирать тамъ получки и выходы-дани; кого съ сватовствомъ въ сосѣднія страны ему за невѣстой»... Такъ онъ послалъ въ Литву просватать ему королевскую дочь, красавицу Апраксію, одного изъ богатырей своихъ, въ сказочномъ образѣ Дуная Ивановича, «что въ послахъ бывалъ и многое множество чужихъ земель видалъ». Дунай Ивановичъ проситъ въ товарищи себѣ Добрынюшку Никитича, что и роду хорошаго, и умѣетъ съ людьми рѣчь вести. Король литовскій сначала было обидѣлся, что князь Владиміръ младшую дочь его сватаетъ, когда старшая еще не замужемъ, и грозилъ засадить посла въ погреба глубокіе, но, увидя богатырскую силу Дуная Ивановича, когда тотъ въ гнѣвѣ разбилъ кулакомъ дубовый столъ, и узнавъ, что товарищъ его, Добрыня Никитичъ, оставшійся на королевскомъ дворѣ при коняхъ, одинъ положилъ уже нѣсколько тысячъ народу, что «изъ конца въ конецъ онъ по двору поскакиваетъ, на всѣ стороны дубинкою помахиваетъ», король испугался. По его приказанію мамушки да нянюшки отомкнули тридевять замочковъ златоверхаго терема молодой Апраксіи королевишны, и отецъ поспѣшилъ отпустить ее на святую Русь, во замужество за князя Владиміра. Добрыня Никитичъ съ Дунаемъ Ивановичемъ, посадивъ красавицу на добра коня, къ головѣ хребтомъ, между тѣмъ какъ Дунаюшка сѣлъ къ головѣ лицомъ, выѣхали въ чистое

поле, гдѣ ихъ настигла темная ночка. «Когда они пораздернули во пути-дороженькѣ палатку полотняную и заходили во палатку опочивъ держать, въ ноженки поставили добрыхъ коней, въ головы—копья долгомѣрныя, по правой рукѣ—сабли острыя, по лѣвой рукѣ—палицы тяжелыя», то вдругъ заслышали погоню богатырскую. «Услыхали посвистъ по змѣиному; услыхали покрикъ по звѣриному».

Тогда садится Добрынюшка на добра коня къ головѣ лицомъ, сажаетъ съ собой красну дѣвицу къ головѣ хребтомъ и спѣшитъ отвезти невѣсту на святую Русь, во стольный Кіевъ-градъ, къ ласковому князю ко Владиміру. Дунай же Ивановичъ остается во чистомъ полѣ съ богатыремъ побиться да поратиться. «Какъ не двѣ тутъ горушки скатилися, съѣхались два могучихъ богатыря; пріударили во палицы булатныя, палицы въ рукахъ ихъ преломилися; пріударили во сабли остры,—остры сабли притупилися». Но когда пріударили въ копья долгомѣрныя, вышибъ тутъ Дунай Ивановичъ изъ сѣдла лихаго супротивничка, самъ едва лишь усидѣлъ въ сѣдлѣ. Оказалось, что это была старшая сестра Апраксіи, Настасья Королевична. На вопросъ Дуная Ивановича: «А по что ты ѣздишь по чисту-полю? полѣницей удалою полякуешь?»—она отвѣчаетъ: «А поляковать я ѣзжу во чисто поле, поискать себѣ да супротивничка: а кто меня побьетъ во чистомъ полѣ, за того мнѣ и замужъ идти»....

Приглянулась Настасья Королевична Дунаю Ивановичу, и повѣнчались обѣ сестры въ одинъ день въ одной церкви. Когда прибыли они во стольный Кіевъ-градъ, Владиміръ князь съ Апраксіей Королевичной «уже къ вѣнцу идетъ»...

Конечно, этому сказочному повѣствованію, гдѣ

языческое многоженство Владиміра припутывается къ его христіанскому образу, нельзя придавать историческое значеніе. Мы уже знаемъ подробно всѣ обстоятельства христіанской женитьбы князя Владиміра. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ отослалъ отъ себя всѣхъ прежнихъ языческихъ своихъ женъ и, конечно, не позволялъ себѣ многоженства.

Прослѣдивъ дальнѣйшее теченіе только́ что приведенной нами былины, мы видимъ, что удалая полѣница,—какъ бы позднѣйшій видъ древне-сарматской амазонки: Настасья Королевична, во время двѣнадцатидневнаго свадебнаго пированія при дворѣ Владиміра, состязается съ молодымъ мужемъ своимъ Дунаемъ Ивановичемъ въ мѣткой стрѣльбѣ изъ лука и побѣждаетъ его. «Выходилъ съ ней Дунай во чисто-поле, полагалъ колечико серебряно на свою ли на головку молодецкую, понаставилъ свой булатный ножъ; отошла Настасья Королевична отъ Дуная на пятьсотъ шаговъ, брала въ ручки тугой лукъ разрывчатый; налагала стрѣлочку каленую; пропустила сквозь колечко серебряно, по тому по острію ножовому. Раскололась стрѣлочка каленая на двѣ равныхъ половиночки, обѣ вѣсомъ и на взглядъ ровны; покатились по обѣ стороны, не сронили съ головы колечика». Дунай Ивановичъ попытался такъ же выстрѣлить, но до трехъ разъ не попалъ въ колечко серебряно на головушкѣ Настасьи Королевичны. Тогда разгорѣлось ретиво сердце у хмѣльнаго Дунаюшки Иванова, и воскликнулъ онъ, обратясь къ стрѣлѣ: «Ай же, ты, стрѣла любимая. Ужъ пади ты не на воду, не на землю, попади-ка ты Настасьѣ да во бѣлу грудь». Стали его увѣщавать князья да бояре и княгинюшка Апраксія; взмолилась къ нему и молода жена: «Кланялась въ землю, убивалася, горючими

93) Картина: Богатырь Дунай пускаетъ стрѣлу въ Натасью Королевичну.

слезами умывалася. Озадорился Дунай, не слушаетъ. Спѣла у туга лука тетивочка; угодила стрѣлочка каленая молодой Настасьѣ да во бѣлу грудь»...

Тогда запечалился Дунай, расплакался, говоритъ самъ таковы слова: «гдѣ головкой пала лебедь бѣлая, тамъ пади головкой и ясенъ соколъ». Вынималъ изъ ноженъ саблю острую, становилъ въ сыру-землю тупымъ концомъ, падалъ самъ на саблю ретивымъ сердцемъ, и отъ крови отъ Дунаевой потекла, будтобы, Дунай-рѣка»...

94) Картина: Смерть Дуная-богатыря.

Какъ жену самого пѣвца-гусляра, удалого, болѣе всѣхъ располагающаго къ себѣ богатыря Добрыни Никитича, мы встрѣчаемъ полѣницу-богатырицу, дочь Микулы Селяниновича,—Настасью Микуличну.

Первый подвигъ Добрыни состоитъ тоже въ его побѣдоносномъ бою со Змѣемъ-Горынчищемъ, на него налетѣвшимъ какъ грозовая туча, пока онъ купался въ Бугай рѣкѣ. Змѣй этотъ, о 12 головахъ и о 3-хъ хоботахъ, говоритъ Добрынѣ: «Захочу теперь, Добрыню я огнемъ сожгу; захочу теперь—Добрыню съѣмъ-сожру». Онъ угналъ коня Добрыни, взялъ на берегу все его вооруженіе и сыплетъ на Добрыню искрами горючими, жжетъ его тѣло бѣлое. «Пріужахнулось сердце богатырское. Поглядѣлъ Добрынюшка по бережку и увидалъ свой тяжелый шлемъ». Быстро схватилъ онъ его и, наполнивъ тремя пудами песку, ударилъ имъ поганую Змѣю со всей досадушкой великою; поотшибъ ей три хобота изъ двѣнадцати; повалилъ Змѣю съ размаху на сыру-землю; повскочилъ ей на груди колѣнками, отшибить ей хочетъ остальные хоботы. Но Змѣй сталъ молить о пощадѣ и предложилъ Добрынѣ положить между ними заповѣдь великую, нерушимую: «не ѣзжать тебѣ, Добрынюшка, во чисто-поле, не топтать моихъ

дѣтенышей, змѣенышей. Не летать и мнѣ, Змѣѣ, къ вамъ на святую Русь, не носить въ полонъ народу христіанскаго». Поддался Добрынюшка на рѣчь лукавую, положилъ со Змѣей заповѣдь великую и спустилъ изъ-подъ колѣнъ проклятую. Поднялась вверхъ Змѣя подъ «облака, пролетѣла прямо да на Кіевъградъ. Увидала тамъ князеву племянницу: молоду Забаву, дочь Путятичну, что повышла съ мамками, да съ няньками погулять во зеленомъ саду; припадала лютая къ сырой землѣ, ухватила князеву племянницу въ хобота свои змѣиныя, унесла съ собой на гору Сорочинскую, во пещерушки свои змѣиныя». И вотъ, огорченный похищеніемъ любимой племянницы, князь Владиміръ стольно-Кіевскій, когда узналъ отъ богатыря Алеши Поповича, что Добрыня уже дрался-ратился со змѣищемъ Горынчищемъ и съ нимъ заключилъ братскій договоръ, нарушенный Змѣемъ, возговорилъ, обратившись къ нему во время пира:— «Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ младъ, ты садись-ка на добра коня, поѣзжай ка на ту гору Сорочинскую, къ пещерушкамъ змѣинымъ, добывай-ка мнѣ любимую племянницу — молодую Забаву Путятичну... И ложился спать Добрыня съ вечера, утрышкомъ вставалъ ранешенько, выводилъ за уздицу тесьмяную на широкій дворъ добра коня. Ѣдетъ днемъ Добрынюшка по красну солнышку, ѣдетъ ночью онъ по свѣтлу мѣсяцу; въѣхалъ на ту гору Сорочинскую, сталъ топтать поганыхъ змѣенышей. Подточили тутъ змѣеныши у добра коня копытушки... Сталъ онъ прочь отъ ногъ змѣенышей отряхивать, притопталъ всѣхъ до единаго. И сходилъ Добрыня съ добра коня, облачался во доспѣхи крѣпкіе; бралъ во праву руку саблю острую, полагалъ подъ бѣлую пазушку палицу тяжелую, булатную»... «Какъ ни тѣни

94 б) Змѣй-Горынчищъ похищаетъ княжну Забаву Путятичну.

95) Картина: Бой Добрыни Никитича со Змѣемъ Горынчищемъ.

темныя затемнѣли, какъ ни тучи черныя попадали, какъ летитъ сама змѣя Горынчище».—«Ай же, ты, змѣя проклятая», отвѣчаетъ ей Добрыня на ея укоры, зачѣмъ онъ потопталъ ея дѣтенышей-змѣенышей, «ты зачѣмъ летѣла черезъ Кіевъ-градъ, унесла у насъ Забаву—дочь Путятичну?» Не хотѣла отдавать Змѣя своей добычи безъ «драки-кровопролитьеца», и вступила съ Добрынею въ великій бой. Бились-ратились они тутъ двое суточекъ... а не можетъ одолѣть Змѣю Добрынюшка. Вспомнилъ онъ про свою плеточку семи шелковъ; «бралъ во праву руку плеточку, лѣвою поймалъ Змѣю поганую, преклонилъ ее къ сырой землѣ, билъ той плеточкой шелковою, отрубилъ тогда змѣѣ всѣ хоботы, разрубилъ ее на мелки частички, и пошла съ востока внизъ до запада, вокругъ Добрыни, кровь Змѣиная»... «Онъ желѣзныя подпоры прочь откидывалъ, мѣдные затворы вонъ отвинчивалъ, проходилъ въ пещерушки змѣиныя. Проходилъ въ пещерушки змѣиныя (а сидитъ тамъ полоновъ-то много множество); проходилъ къ послѣдней, ко двѣнадцатой,—только тутъ нашелъ Забавушку Путятичну, къ стѣнѣ руками врозь приковану. Со стѣны снималъ онъ красну-дѣвушку... выводилъ съ пещерушекъ змѣиныхъ... И садился тутъ Добрыня на добра коня и садилъ съ собою красну дѣвушку, говорилъ ей таковы слова:—«Ай же ты, Забава, дочь Путятична, для тебя съ Змѣей бился-ратился. Мы поѣдемъ ка теперь во Кіевъ-градъ, къ твоему ко дядюшкѣ любимому, къ ласковому князю ко Владиміру»... Дорогою повстрѣчался имъ Алеша Поповичъ, и наѣхали они вмѣстѣ на «бродучій слѣдъ ископыть да лошадиную». «Видно ископыть то богатырская: вся земля изрыта, проворочена; полны рытвины колодцы ключевой воды». Говоритъ Добрыня—

96) Картина: Добрыня Никитичъ освобождаетъ изъ плѣна Забаву Путятичну.

сынъ Никитиничъ: «Ай же ты, Алешенька Левонтьевичъ; возьми ка Забаву—дочь Путятичну, отвези ка во Кіевъ-градъ, ко ласковому князю ко Владиміру». Самъ поѣхалъ этимъ бродомъ лошадиньимъ и нагналъ во чистомъ полѣ богатыря-полѣницу. «Какъ ударилъ палицей булатною полѣницу въ буйну-голову,—усидѣла полѣница, не сворохнется и назадъ то на Добрыню не оглянется. А стоитъ во чистомъ полѣ могучій сырой дубъ,—сырой дубъ въ объемъ во человѣческій. Наѣзжаетъ Добрынюшка на сырой дубъ, расшипилъ весь сырой дубъ по листиньямъ. Возвращается Добрынюшка Никитичъ младъ, нагоняетъ полѣницу онъ удалую. Какъ ударилъ онъ полѣницу въ буйну голову, на Добрыню полѣница оглянулася, говоритъ сама да таковы слова: «Я то думала, комарики покусываютъ; анъ то русскіе богатыри пощелкиваютъ». «И хватила за желты кудри Добрынюшку. Сдернула Добрынюшку съ коня долой и спустила во глубокъ мѣшокъ, во кожаный. Говоритъ ей добрый конь, провѣщился: «Ай же ты, моя хозяюшка любимая, молода Настасья, дочь Микулична. Не могу везти я двухъ богатырей... Вынимала тутъ Настасья, дочь Микулична, изъ мѣшка, изъ кожанца, богатыря, говоритъ сама да таковы слова: если старъ богатырь—голову срублю; если младъ богатырь—въ полонъ возьму; если мнѣ въ любовь придетъ—замужъ пойду. Какъ взглянула на млада Добрынюшку,—полюбился ей Добрынюшка, понравился». Говоритъ ему удалая полѣница: «Дочка я Микулы Селяниновича,—молода Настасья, дочь Микулична. А поѣхала во чисто поле поляковать, поискать себѣ да супротивничка. Какъ возьмешь меня, Добрыня, во замужество, сдѣлаешь со мною заповѣдь великую — отпущу тебя, Добрыня, я во живности; не возьмешь

меня,—въ ладонь складу, другой прижму, — сдѣлаю тебя въ овсяный блинъ». Отвѣчаетъ ей Добрыня: «Ахъ ты, молода Настасья, дочь Микулична, — ты спусти меня, Добрыню, да во живности, сдѣлаю съ тобой я заповѣдь великую и приму съ тобой да по злату вѣнцу»...

Другая, старшая дочь Микулы Селяниновича, богатырица Василиса Микулична, замужемъ за торговымъ гостемъ черниговскимъ, Ставромъ Годиновичемъ. Разъ какъ то на пиру у кіевскаго князя онъ похвастался, что молодая его жена всѣхъ князей да бояровъ продастъ и выкупитъ, а самого Владиміра съ ума сведетъ.

Владиміру то слово не слюбилося, и онъ приказалъ посадить Ставра Годиновича ровно на шесть лѣтъ въ свои погреба холодные за его рѣчи неучливыя,—на овесъ да на воду. Когда узнала о томъ во Черниговѣ Василиса Микулична, закричала она во всю голову: «Ай же вы, мои служанки вѣрныя, вы бѣгите ко мнѣ скорешенько, вы рубите ка мнѣ косы русыя, вы несите ка мнѣ платьица посыльныя, да сѣдлайте ка коня мнѣ богатырскаго». «Накрутилась Василиса во платьи цвѣтныя, назвалась посломъ съ Золотой Орды, грознымъ посломъ Василіемъ Микуличемъ. Набрала дружинушки храбрыя и поѣхала посломъ ко Кіеву, къ ласковому князю ко Владиміру. Сталъ изъ Кіева посолъ выспрашивать: «Ай и гой же вы, удалы добры молодцы! Вы куда поѣхали? Куда васъ Богъ несетъ?» Говорятъ ему послы таковы слова: «Мы изъ дальней де земли, изъ Золотой Орды, отъ грозна царя-собаки Калина; а поѣхали ко городу ко Кіеву, къ ласковому князю Владиміру взять всѣ дани выходы невыплаты за немного, немало,—за двѣнадцать лѣтъ, что за всякій годъ да

97) Картина: Ставра Годиновича бросаютъ на шесть лѣтъ въ погреба холодные.

по три тысячи»... «А и больно тутъ Владиміръ запечалился; покидалися всѣ, пометалися; улицы метутъ, да ставятъ ельничекъ, передъ воротами ждутъ посланничка отъ грозна царя, собаки Калина. Пріѣзжалъ посолъ на княженецкій дворъ, соскочилъ посолъ, да съ добра коня,—у дверей не спрашивалъ придверниковъ, прямо шелъ въ палаты бѣлокаменны... Говоритъ грозно послу Владиміръ князь: «Ты садись ка съ нами за дубовый столъ, отдохни съ широкой со дороженьки»... Говоритъ въ отвѣтъ ему грозенъ посолъ: «недосугъ сидѣть послу разсиживать. Какъ я самъ посолъ Василій да Микуличъ сынъ, взять себѣ хочу въ супружество молоду твою любимую племянницу, что по имени Забаву, дочь Путятичну». Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій: «Я пойду съ племянницей подумаю». Спрашивалъ племянницу, вывѣдывалъ: «Ты пойдешь ли за того грозна посла, собаки-царя Калина?» Отвѣчаетъ Забава Путятична: «А не быть же тому грозну послу; быть женщинѣ. Знаю я примѣты всѣ по женскому: какъ по уличкѣ идетъ—что уточка плыветъ, а по горенкѣ — ступаетъ почастенечко»... Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій: «Я пойду посла да провѣдаю, — буде онъ не молодецъ, а женщина, не пойдетъ онъ по мужски боротися». Говорилъ самъ таковы слова: «молодой Василій, ты, Микуличъ сынъ, не угодно ли съ борцами да потѣшиться, на широкомъ на дворѣ да поборотися». Середи двора борцы становятся, на борьбу на рукопашку сходятся. Молодой Васильюшка, Микуличъ сынъ, какъ возьметъ во праву руку трехъ борцовъ, да какъ возьметъ во лѣву руку трехъ другихъ борцовъ, столкнетъ ихъ вмѣстѣ, да раскинетъ врозь, а седьмого то смахнетъ въ середочку. На землѣ лежатъ всѣ семь борцовъ,

98) Картина: Пріѣздъ посла Василисы Микуличны ко Владиміру.

не могутъ встать... Выводилъ Владиміръ тутъ двѣнадцать молодцовъ стрѣльцовъ, славныхъ все могучіихъ богатырей; спрашиваетъ Василія Микулича: «Не угодно ли съ стрѣльцами да потѣшиться, изъ туга лука стрѣлять, да за цѣлу версту?» Говоритъ посолъ Васильюшка Владиміру: «Ужъ потѣшу тебя я, князя—Солнышка»; какъ беретъ во рученьку во лѣвую стрѣлочку каленую, булатную, вытягиваетъ тугой лукъ да за ухо... взвыла да пошла стрѣла каленая,—всѣ тутъ сильные, могучіе богатыри бросились, будто угорѣлые. Хлестнетъ стрѣлка по сыру дубу, изломала дубъ во черенья ножевыя. Плюнулъ князь Владиміръ, да и прочь пошелъ. Приказалъ принесть дощечку шахматну, понаставить золоты тавленочки,—говоритъ послу да таковы слова: «Не угодно ли со мной самимъ потѣшиться, поиграть во шахматы заморскія. Ты поставь ка на дощечку дани-выходы, самъ я, князь, поставлю стольный Кіевъ-градъ». Посолъ и тутъ игру повыигралъ,—шахъ и матъ, да и тавлейки подъ доску. Говоритъ ему Вдадиміръ князь: «Ты изволь меня, посолъ, взять головой съ женой». Посолъ отвѣчаетъ, что ему не надобно ни князя съ княгинею, ни града Кіева, а хочетъ онъ взять замужъ за себя Забаву Путятичну. Не сталъ больше слушать племянницы обрадованный Владиміръ князь и зачали справлять свадебку—заводили столованіе—почестенъ пиръ. Но посолъ вдругъ закручинился, запечалился,—говоритъ, что ему на разумѣ что-то не весело, попросилъ веселыхъ гусельщиковъ. Однако никому изъ нихъ не удалось развеселить посла, и говоритъ опять посолъ Васильюшка: «а и гдѣ же здѣсь живетъ во Кіевѣ молодой торговый гость черниговскій, что по имени, Ставеръ да сынъ Годиновичъ? Про него идетъ молва великая, что куда гораздъ играть

въ гуселышки». Не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла; посылаетъ за Ставромъ Годиновымъ. Выводили съ погребовъ Ставра Годинова, приводили на почестенъ пиръ. Сталъ Ставеръ гуселышки налаживать, сталъ ко стрункѣ струночку натягивать. Говоритъ посолъ, да таковы слова: «Гой еси ты, князь Владиміръ стольно-Кіевскій, мнѣ твоихъ не надо данейвыходовъ. Ты пожалуй ка меня веселымъ молодцемъ, молодымъ Ставромъ Годиновымъ». Не смѣлъ Владиміръ разгнѣвить посла, отдавалъ Ставра послу съ рукъ на руки. Сѣли они на добрыхъ коней, поѣхали во чисто поле посмотрѣть дружинушку хоробрую. Шелъ посолъ Василій во бѣлой шатеръ,—сокрутился Василисой въ платья женскія. Здравствуешь, Ставеръ Годиновичъ, а теперь ты меня не знаешь ли? Отвѣчаетъ тутъ Ставеръ Годиновичъ: «Здравствуешь, моя любимая семеюшка, молодая Василиса, дочь Микулична». Воротились въ стольный Кіевъ-градъ къ ласковому князю ко Владиміру. Говоритъ Забава, дочь Путятична: «Ай же ты, мой дядюшка, Владиміръ князь! Чуть вѣдь смѣху не надѣлалъ ты по всей Руси, чуть не отдалъ дѣвицы за женщину». Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій ясны очи утопилъ въ кирпичатъ полъ, самъ проговорилъ да таковы слова: «ты Ставеръ да сынъ Годиновичъ зналъ похвастать молодой женой: всѣхъ съумѣла здѣсь она продать да выкупить, а меня Владиміра съ ума свести»...

При такомъ, выше нами описанномъ, представленіи народномъ о старшемъ русскомъ богатырѣ Микулѣ Селяниновичѣ, при несокрушимой силѣ земли и крестьянства въ его могучемъ образѣ такъ же, какъ въ богатырскихъ подвигахъ его дочерей,—понятно, что Добрыня Никитичъ пѣсней своей на пиру

Владиміра, про того, про деревенскаго богатыря Микулу Селяниновича, пристыдилъ Алешу Поповича, когда этотъ, наименѣе располагающій къ себѣ богатырь древне-русскихъ былинъ, изворотливый, спѣсивый и лукавый красавецъ, началъ укорять Добрыню Никитича за то, что Добрыня, восхищенный небывалыми подвигами вновь пріѣхавшаго ко двору Владиміра крестьянскаго сына Ильи Муромца, проситъ его побрататься съ нимъ. «Въ своемъ ли ты умѣ, Добрынюшка», говоритъ онъ ему, — «самъ изъ роду ты, Добрыня, изъ боярскаго; я, Алешенька, изъ стараго поповскаго, а ему никто не знаетъ роду-племени; принесло его невѣсть откудова, назвался крестьянскимъ сыномъ изъ-подъ Мурома, да чудитъ у насъ во Кіевѣ, уродствуетъ». «А какъ замолкнулъ молодой Добрынюшка, окончивъ пѣсню свою про Микулу Селяниновича, и положилъ на лавку гусельцы звончатыя, воспрогóворилъ Владиміръ стольно-Кіевскій: «Ай ты, славный загусельщикъ, нашъ Добрынюшка, пилъ допрежь ты чарочку заздравную, а теперь повыпей-ка забавную: во-первыхъ за то, что распотѣшилъ насъ, во-вторыхъ за то, что ко стыду привелъ смѣлаго Алешеньку Поповича»; на скамьѣ сидитъ Алеша, не сворохнется, утопивъ глаза завидливы въ дубовый столъ».

Славу самого Алеши Поповича составляетъ его побѣда надъ злою, темною силой въ образѣ богатыря Тугарина Змѣевича. Повстрѣчалась ему «калика перехожая», т. е. богатырь, постоянный странникъ, прообразъ отжившаго на Руси кочевого быта: «лапотки на немъ семи шелковъ, подковыренныя чистымъ серебромъ; передокъ унизанъ краснымъ золотомъ; шуба соболиная да долгополая, шляпа земли греческой; шелепуга подорожная (т. е. плеть) чебурац-

каго свинцу налита въ тридцать пудъ. Говоритъ калика перехожая, что видѣлъ за рѣкою молода Тугарина Змѣевича. Въ вышину то онъ, Тугаринъ, 3-хъ саженъ, промежъ плечъ то у него коса сажень, промежъ глазъ то калена стрѣла. Конь крылатый, подъ Тугаринымъ, какъ лютый звѣрь; изъ хайлища то огнемъ пышетъ, изъ ушей то дымъ столбомъ валитъ!»

Сталъ просить Алеша Поповичъ, чтобы обмѣнялся платьемъ съ нимъ калика перехожая. «Не отказывалъ калика перехожая, далъ ему свое онъ платьеце каличее, надѣвалъ самъ платье богатырское. Наряжается Алешенька каликою; взялъ еще въ запасъ чингалище булатное (кинжалъ) и пошелъ навстрѣчу чудовищу. Какъ завидѣлъ его Тугаринъ, сынъ Змѣевичъ младъ, заревѣлъ, собака, зычнымъ голосомъ, имъ придрогнула дубравушка зеленая. «Ай ты, гой еси, калика перехожая. Не слыхалъ ли ты? да не видалъ ли гдѣ млада Алешу Поповича? Я бъ Алешу закололъ копьемъ, спалилъ огнемъ». Говоритъ Алешенька каликою: «Подъѣзжай ко мнѣ поближе ты, ко старчищу, не слыхать мнѣ отъ дали-то, что ты говоришь». Подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ, сынъ Змѣевичъ младъ. Какъ сверстался младъ Алеша съ Тугариномъ, шелепугою ему по головѣ хлестнулъ. Буйну голову Тугарину разбилъ-расшибъ; повалилъ собаку на сыру землю, самъ вскочилъ ему на черну грудь... А и взмолился Тугаринъ, сынъ Змѣевичъ младъ: «Гой еси, калика перехожая! ты не самъ ли есть Алешенька Поповичъ младъ? Если ты Алеша,— побратаемся». Въ тѣ поры Алешенька врагу не вѣровалъ, отрубилъ ему онъ буйну голову»...

99) Картина: Бой Алеши Поповича съ Тугаринымъ Змѣевичемъ.

Нравственный обликъ Алеши Поповича рисуетъ слѣдующій его поступокъ съ женою Добрыни Ни-

китича, Настасьей Микуличной. Послалъ великій князь Владиміръ богатыря Добрыню на заставы «противъ Невѣжи черна ворона (т. е. степныхъ вражескихъ полчищъ) очищать дороги прямоѣзжія, постоять за него, за князя за Владиміра; за сиротъ, за вдовъ, да за несчастныхъ женъ. Одѣвается Добрыня, снаряжается; въ тороки кладетъ онъ калены стрѣлы и садится на добра коня. Какъ сошла тутъ на широкій дворъ скорешенько молода Настасья, дочь Микулична, припадала къ стремячку булатному, стала спрашивать его, вывѣдывать: «Миленькій Добрынюшка Никитичъ младъ! Ты далече ли ѣдешь? Куда путь держишь? Скоро ли ждать тебя да подождать велишь? Скоро ли велишь въ окошечко посматривать?» Отвѣчалъ Добрыня любимой женѣ: «Ожидай Добрыню съ поля три года. Три года прождешь, другіе три подожди. Какъ исполнится тому всѣ шесть годовъ, и Добрыня твой не возворотится, — поминай тогда Добрынюшку убитаго, и тебѣ Настасья воля вольная. Не ходи ты только за единаго, за того за бабьяго насмѣшника, за Алешеньку Поповича: онъ, собака, мнѣ названный братъ, а названный братъ, вѣдь, паче роднаго. Только видѣли Добрыню сидючи, а не видѣли Добрыню ѣдучи. Не дорожкой онъ поѣхалъ, не воротами; черезъ стѣну онъ махнулъ да городовую. Съ холмика на холмикъ перепрядывалъ; рѣки да озера перескакивалъ: широки раздолья промежъ ногъ пускалъ... Денечекъ за денечкомъ, будто, дождь дождитъ; недѣлька за недѣлькой — какъ трава растетъ, а годочекъ за годочкомъ — какъ соколъ летитъ. И проходитъ тому времени всѣ шесть годовъ; отъ Добрынюшки ни вѣсти нѣтъ, ни повѣсти. И вотъ привозитъ имъ Алеша Поповичъ нерадостную вѣсть, что побитъ лежитъ Добрыня во чистомъ полѣ:

100) Картина: Отъѣздъ на заставы Добрыни Никитича.

*

буйная головка поразломана; очи ясныя повыклевали вороны»...

Сталъ Настасьѣ Микуличнѣ совѣтовать самъ Владиміръ князь: «Ужъ тебѣ ли жить да молодой вдовой. Ты поди замужъ за богатыря Алешеньку Поповича». Не дается на слова Настасьюшка и сама такой отвѣтъ держитъ: «Выполнила мужнину я заповѣдь, прождала Добрыню цѣлыхъ шесть годовъ. Выполню и женскую я заповѣдь: буду ждать другіе шесть годовъ». Черезъ шесть лѣтъ пріѣзжалъ опять Алешенька Леонтьевичъ съ невеселой вѣсточкой: что побитъ Добрыня во чистомъ полѣ, а и косточки то порастасканы. Пораздумалась Настасья, поразмыслилась и пошла за Алешу Поповича. Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ по третій день, а сегодня имъ идти ко церкви Божіей, принимать съ Алешей по злату вѣнцу...

По бѣлу-снѣгу порошенькѣ, не бѣлый заюшка проскакиваетъ, — добрый молодецъ наѣзжаетъ съ поля, въ перегонъ гонитъ... Ѣдетъ не дорожкой, не воротами, ѣдетъ черезъ стѣну городовую... прямо ко придворью ко вдовиному... Онъ коня пускаетъ непривязана, самъ идетъ въ палаты бездокладочно... Въ ту пору въ своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ мать Добрыни, пречестна вдова Афимья Александровна, подъ окошечко садилась подъ косящато; плакала старушенька да съ причетью: «Ахъ, тому ли ужъ двѣнадцать лѣтъ назадъ закатилось наше красно-солнышко». Добрыня не сразу открывается матери и говоритъ сначала, что отъ Добрыни онъ ей поклонъ привезъ. Та не вѣритъ и, упрекая его за то, что онъ надъ ней насмѣхается, разсказываетъ пріѣзжему, какія вѣсти привезъ имъ Алеша Поповичъ, и какъ молода Настасья, дочь Микулична, за того за братца

мужнина замужъ пошла, какъ идетъ у нихъ пиръ ужъ по третій день, а сегодня имъ принимать по злату вѣнцу. Велѣлъ Добрыня, какъ бы по приказу пославшаго его, названнаго брата — Добрынюшки, принести ему гуселышки яровчаты, на которыхъ самъ Добрынюшка поигрывалъ; «на ноженьки-сапоженьки зеленъ сафьянъ; на плечи шубеньку соболиную; на голову шапочку пушистую. Самъ онъ бралъ дубину сорока пудовъ и пошелъ на тотъ почестенъ пиръ, на свадебку. Отъ дверей придверниковъ отталкивалъ, смѣло проходилъ въ палаты княженецкія... Положилъ гуселышки яровчаты на свои колѣна молодецкія, учалъ-почалъ струночки налаживать, учалъ-почалъ по струночкамъ похаживать. Говоритъ княгиня новобрачная, молода Настасья, дочь Микулична: «Какъ игралъ такой игрой мой прежній мужъ: прежній мужъ мой, молодой Добрынюшка». Добрыня сѣлъ насупротивъ Настасьи Микуличны: наливалъ ей полну чару зелена вина, опущалъ въ чару свой злаченъ перстень. Молода Настасья, дочь Микулишна, выпивала чарочку до донышка: къ устамъ ея сахарнымъ прикатился тотъ злаченъ перстень, и узнала она въ немъ перстень, коимъ въ церкви Божіей съ Добрыней обручалася. Выходила вонъ изъ-за столовъ дубовыхъ, пала мужу къ рѣзвымъ ногамъ. «Ты прости, прости меня, моя державушка, что наказа твоего я не послушалась, за Алешеньку Поповича замужъ пошла». Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ: «Не дивуюсь разуму я женскому,—я дивуюсь братцу своему названному: отъ жива мужа жену беретъ». И Алешенька Леонтьевичъ палъ Добрынѣ къ рѣзвымъ ногамъ: «Ты прости, прости меня, названный братецъ мой, что садился я къ твоей ко молодой женѣ, ко Настасьи, дочери Микуличнѣ». Добрыня отвѣчаетъ:

101) Картина: Возвращеніе Добрыни Никитича.

«Ты слезилъ мою родитель - матушку, ты скорбилъ лицо ей бѣлое; тяжелешенько она по сынѣ плакала. Этой то вины мнѣ не простить тебѣ». Ухватилъ онъ тутъ Алешу за желты кудри одной рукой: въ другой рукѣ гусельки яровчаты: сталъ по гриднѣ по столовой съ нимъ похаживать, за желты кудри его поваживать, звонкими гуселышками да охаживать. Сталъ Алешенька поохивать, да отъ буханья не слышно было оханья. А какъ отпустилъ Добрыня братца изъ бѣлыхъ рукъ, бралъ за праву ручку молоду жену, цѣловалъ въ уста сахарныя да повелъ въ свои палаты бѣлокаменны... Смотритъ та честна вдова старушенька: какъ не зоренька румяная поразсвѣла, какъ не звѣзды частыя разсыпались,—какъ свѣтелъ мѣсяцъ въ горенкѣ поразсвѣтилъ»...

Первое мѣсто среди русскихъ сказочныхъ богатырей, народнымъ воображеніемъ собранныхъ вокругъ великаго князя Владиміра Красное Солнышко, несмотря даже на то, что ихъ дѣйствія и обстановка ихъ подвиговъ часто относятся, какъ бы, къ другому, позднѣйшему времени и противорѣчатъ точнымъ историческимъ даннымъ,—занимаетъ, конечно, самый извѣстный, любимый въ народѣ богатырь Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ, изъ села Карачарова. До тридцати лѣтъ онъ въ избѣ лежалъ безъ рукъ, безъ ногъ, какъ бы силъ набирался; день и ночь Богу молился—«всполошится, только опомнится, какъ заслышитъ вѣсти отъ странниковъ про того Соловья-Разбойника, что дорогу залегъ на Кіевъ градъ. Во снѣ и въявь ему тотъ разбойникъ представляется; не даетъ окаянный молиться. Остался разъ дома совсѣмъ одинъ, когда вся семья его на работы ушла, «очищать пожню отъ дубья-колодья». Идутъ мимо его окошечка нища братія, калики перехожіе, и говорятъ ему: «Ай же ты, Илья

Муромецъ, крестьянскій сынъ, возставай-ка на рѣзвы ноги, отворяй-ка ворота широкія, подавай-ка каликамъ напиться»... Илья Муромецъ силу попробовалъ: «тронетъ правую ногу—поднимается, тронетъ лѣвую—поднимается, и возставалъ Илья на рѣзвы ноги, отворялъ ворота широкія, впускалъ каликъ во храмину; взялъ тогда братину въ полтора ведра, наливалъ братину пивомъ крѣпкіимъ, подносилъ каликамъ перехожіимъ. Отпивали калики перехожіе, подавали назадъ Ильѣ Муромцу: «а испей-ка, Илья, ты послѣ насъ». Принималъ отъ каликъ Илья Муромецъ, испивалъ братину за единый духъ... И возговорятъ калики перехожіе: «что теперь ты чуешь въ себѣ, Илья»? Бьетъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ: «Чую здравье въ себѣ великое». Говорятъ калики перехожіе: «А подай-ка, ты, намъ еще испить». Взялъ Илья братину больше прежняго, наливалъ братину пивомъ крѣпче прежняго, подносилъ каликамъ перехожіимъ. Отпивали калики перехожіе, подавали назадъ Ильѣ Муромцу: «а испей-ка еще ты послѣ насъ». Испивалъ онъ братину за единый духъ.—«Что теперь ты чуешь въ себѣ, Илья?»—«Слышу силушку въ себѣ великую». Говорятъ ему калики перехожіе: «Будешь ты, Илья, великъ богатырь, на бою тебѣ смерть не писана. Ты постой-ка за вѣру христіанскую; бейся-ратися съ силой невѣрною. Не ходи только драться-ратиться съ могучимъ Святогоромъ-богатыремъ; не бейся и съ родомъ Микулинымъ: его любитъ матушка сыра-земля. Не ходи еще на Вольгу Всеславича. Онъ не силой возьметъ, такъ хитростью-мудростью. А теперь доставай-ка себѣ коня, коня добраго, коня богатырскаго»... Тутъ калики ушли—потерялися, и пошелъ Илья къ родителямъ»...

102) Картина: Илья Муромецъ и калики перехожіе.

103) Картина: Илья Муромецъ собирается изъ дому добывать себѣ коня богатырскаго.

Мы уже говорили, какъ Илья Муромецъ испро-

силъ благословенія у отца своего Ивана Тимоѳеевича ѣхать въ славный стольный Кіевъ-градъ, послужить князю Владиміру вѣрой-правдою, постоять за вѣру христіанскую. Упоминали тоже про то, какъ подъ городомъ Черниговымъ встрѣтилась Ильѣ Муромцу сила великая степной орды во главѣ съ тремя ея царевичами. Подступили они къ Чернигову, обложили городъ кругомъ. Мужички въ Черниговѣ Богу молятся; каются, да пріобщаются; съ бѣлымъ свѣтушкомъ прощаются. Илья не захотѣлъ тугой лукъ натягивать, палицу, копье свое кровавити. Сырой дубъ беретъ онъ въ три обоймени, изъ земли повыдернулъ, повывернулъ,—сталъ сырымъ дубомъ по силушкѣ погуливать. Гдѣ махнетъ, — тамъ силы улица; отмахнется—часты площади. Стали звать его къ себѣ благодарные черниговцы воеводою: «ты суди суды намъ правильно, будемъ всѣ тебя мы слушати». Говоритъ имъ въ отвѣтъ Илья Муромецъ: «не дай, Господи, съ холопа дѣлать барина, съ барина холопа; съ палача попа; воеводу дѣлать съ богатыря. Не хочу идти къ вамъ воеводою; укажите мнѣ дорогу прямоѣзжую во стольный во Кіевъ-градъ». Говорятъ ему черниговцы: «Ай же ты, удалый добрый молодецъ, прямоѣзжая дорожка заколодѣла. А стоятъ тамъ три заставушки великія. Первая застава—грязь топучая, корба зыбучая, а другая—воръ сидитъ на трехъ дубахъ да на семи сукахъ—Соловей-Разбойникъ... Какъ засвищетъ онъ по соловьиному, зашипитъ, разбойникъ, по змѣиному, закричитъ, собака, по звѣриному, — темны лѣсушки къ землѣ всѣ преклоняются, а что есть людей, то всѣ мертвы лежатъ... Третья ли заставушка великая—домъ стоитъ у Соловья Разбойника на семи дубахъ, да на семи верстахъ. Какъ живетъ тамъ молода жена Соловьева, съ тремя до-

104) Картина: Илья Муромецъ и черниговцы.

черьми родимыми,—мимо не пройти ни конному, ни пѣшему»... «Какъ не буйны вѣтрушки завѣяли, какъ поѣхалъ тутъ удалой добрый молодецъ не окольною дорожкой, прямоѣзжею. Ѣдетъ прямо къ Соловьину гнѣздышку. Соловей Разбойникъ отъ дали услышалъ добра молодца. Какъ засвищетъ онъ по соловьиному, зашипитъ да по змѣиному, закричитъ да по звѣриному, мать сыра-земля продрогнула,—на конѣ сидитъ Ильюша, не сворохнется, на головушкѣ кудерышки не стряхнутся. Подъѣхалъ Илья подъ самое гнѣздо Соловьиное. Удивляется разбойникъ; буйну голову изъ гнѣзда своего повысунулъ... Полетѣла стрѣлочка каленая, попала Соловью разбойнику подъ правый глазъ, вылетѣла во лѣво ухо; покатился со гнѣзда онъ, что овсяный снопъ. Подхватилъ его Ильюша на бѣлы руки, налагалъ съ тетивочки шелковенькой петельку ему на буйну голову, пристегнулъ той петелькой ко стремени и повезъ съ собой по чисту полю. Подъѣхалъ Илья къ третьей заставѣ—ко дому Соловьиному. Около двора идетъ желѣзный тынъ, а на каждой тычинѣ по маковкѣ, по головушкѣ по богатырской. Тамъ живетъ молода жена Соловьева: Акулина-дочь Дудентьевна, и живутъ съ ней ея дѣтушки, три дочери Соловьевы. Какъ глядятъ онѣ въ окошечко косящато и принимаютъ сначала Илью за батюшку родимаго, что везетъ мужичищу деревенщину у булатнаго у стремени прикована, кверху ноженьки, а внизъ головушка. Но прибѣгала Акулина Дудентьевна, по поясъ въ окошечко бросалася, закричала жалкимъ голосомъ: «Ѣдетъ мужичище-деревенщина, на конѣ на богатырскоемъ, везетъ государя-батюшку у булатна стремени прикована, кверху ноженьки, внизъ головушка. Поднимите подворотеньку чугунную, да убейте на

105) Картина: Раненый Ильей Муромцемъ Соловей Разбойникъ.

106) Картина: Илья Муромецъ везетъ плѣннаго Соловья Разбойника.

107) Картина: Пріѣздъ Ильи Муромца на третью заставу,—къ дому Соловья Разбойника.

проѣздѣ въ воротахъ его». Осадилъ Илья назадъ коня, — пролетѣла мимо подворотенька. Тогда жена и дѣти Соловья Разбойника стали выкупать его подарками: выносили Ильѣ золотой казны три тысячи, предлагали скатна-жемчугу. Но отвѣчалъ имъ Илья Муромецъ: «Мнѣ подарочковъ неправедныхъ не надобно, и не выдамъ я вамъ батюшки-разбойника. Я свезу его во Кіевъ градъ, на вино пропью, да на калачъ проѣмъ»... Какъ пріѣхалъ Илья Муромецъ въ Кіевъ, на княжій дворъ Владиміра, и разсказалъ о своихъ подвигахъ, не повѣрилъ ему Алеша Поповичъ, и говоритъ Владиміру: «Гой ты, ласковое солнышко, Владиміръ-Князь, во глазахъ дѣтина завирается, во глазахъ надъ нами насмѣхается»... Когда же самъ князь, а за нимъ всѣ богатыри и бояре вышли на широкій дворъ посмотрѣть на прикованнаго къ стремени Соловья-Разбойника, онъ чуть не убилъ на смерть ихъ своимъ посвистомъ. За это Илья Муромецъ пустилъ ему въ грудь стрѣлу, а Владиміръ стольно-Кіевскій воспроговорилъ: «Благодарствуемъ, удалой Илья Муромецъ, что избавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя. Нареку тебѣ я имячко по новому, будь ты первый богатырь во Кіевѣ, да живи у насъ отнынѣ по вѣку».

Захотѣлось Ильѣ Муромцу посмотрѣть, узнать Святогора славнаго богатыря,—почто не съѣзжаетъ онъ на матушку сыру землю, не является къ нимъ, русскимъ богатырямъ. И поѣхалъ онъ на Святыя горы. Въѣзжаетъ на нихъ и услышалъ великій шумъ. Всколебалась мать сыра-земля; замутились быстры рѣченьки. Видитъ Илья: на добромъ конѣ ѣдетъ шагомъ богатырь-гора, ростомъ выше дерева стоячаго, головою въ небо упирается, ѣдетъ самъ подремливаетъ сидючи. «Что за чудо»? говоритъ Илья—«богатырь да

108) Картина: Илья Муромецъ нагоняетъ Святогора-богатыря.

на конѣ заснулъ? Могъ бы выспаться и во бѣломъ шатрѣ. Знать не русскій богатырь то, а невѣрный есть». И ударилъ Илья палицей крѣпко на крѣпко по плечамъ могучимъ богатыря. Богатырь ѣдетъ, не оглянется, да подремливаетъ сидючи.—«Видно худо его ударилъ я», думаетъ Илья Муромецъ, и еще разъ ударяетъ палицей по плечамъ могучіимъ богатыря крѣпко на крѣпко, плотно на плотно. Пробудился тутъ богатырь отъ сна и проговорилъ таковы слова: «до-больна кусаютъ мухи русскія», расправилъ руку богатырскую и положилъ Илью Муромца вмѣстѣ съ конемъ въ глубокъ карманъ. Конь подъ Святогоромъ началъ спотыкаться, и на вопросъ его: «чего идешь да спотыкаешься? али невзгоду надо мной вѣдаешь?»—отвѣчаетъ человѣчьимъ голосомъ: «Все возилъ я одного богатыря, а теперь вожу третьи суточки двухъ сильныхъ богатырей, да еще третьяго, коня богатырскаго». Вынималъ богатырь Илью изъ кармана вонъ и его спрашивалъ: «кто ты есть такой, удалой, добрый молодецъ?» Повѣдалъ Илья Святогору, кто онъ есть таковъ, богатырь Кіевскій, и крестами они обмѣнялися, назвались братьями крестовыми. Стали вмѣстѣ разъѣзжать-гулять по Святымъ горамъ и наѣхали на диво дивное: осередь пути великій гробъ стоитъ,—краснымъ золотомъ обложенъ весь, повыложенъ, а на крышкѣ подпись да подписана: «на кого состроенъ сей великій гробъ, на того онъ и поладится». Гробъ пришелся по Святогору, когда онъ легъ въ него и прикрылся дубовой крышкой. Но крышка эта по произволенью Божію сейчасъ же срослась съ гробомъ, и Святогоръ, не смотря на всѣ усилія свои, не смогъ приподнять ее. Сказалъ онъ Ильѣ: «Бери ты мой славный богатырскій мечъ, разруби-ка крышку острымъ мечемъ». Но не могъ Илья съ сырой земли

Святогорова меча поднять. Тогда говоритъ ему Святогоръ: «Ты послушай ка, мой меньшій братъ: наклонись ко крышкѣ ко гробовой; припади ко малой щелочкѣ, дуну на тебя я духомъ богатырскимъ». И почуялъ Илья, какъ въ немъ силы втрое противъ прежняго прибавилось: приподнялъ съ земли онъ богатырскій мечъ; сталъ рубить по крышкѣ по гробовой; отъ ударовъ отъ великихъ искры сыплются, а куда ударитъ богатырскій мечъ,—тамъ желѣзный обручъ ставится. Воззывалъ богатырь Святогоръ опять: «душно, душно мнѣ, мой меньшій братъ. Ты руби ка вдоль по крышкѣ по гробовой». Рубитъ Илья вдоль по крышкѣ по гробовой: отъ ударовъ искры сыплются, а куда ударитъ богатырскій мечъ,—тамъ желѣзный обручъ ставится». Въ послѣдній разъ говоритъ Святогоръ: «А теперь прощай, мой меньшій братъ. Видно, тутъ мнѣ Богъ и смерть судилъ. Богатырскій мечъ возьми себѣ»...

109) Картина: Илья Муромецъ рубитъ по гробовой доскѣ мечемъ Святогора.

Не нравилось Ильѣ Муромцу жить среди веселыхъ пировъ при дворѣ великаго князя Владиміра, въ Кіевѣ. Тянулъ его къ себѣ богатырскій міръ борьбы и опасностей. Отправился онъ на заставы стоять вмѣстѣ съ дружиною князя и другими богатырями. Простояли они три года и ничего въ чистомъ полѣ не видали: «мимо нихъ никто пѣхотой не прохаживалъ, на добромъ конѣ никто да не проѣзживалъ, птица—черный воронъ не пролетывалъ: сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ». Но на четвертый годъ увидали они на дорогѣ прямоѣзжей, середи дороги ископыть,—ископыть великую во полъ печи. Стали ископыть досматривать; ископыть могуча, богатырская. Говоритъ Добрыня таковы слова: «Что мы на заставушкѣ устояли? что мы на заставушкѣ углядѣли? Богатырь могучій вѣдь проѣхалъ мимо насъ. Наибольшему Ильѣ

Муромцу челомъ не билъ, грошей придорожныхъ въ казну не клалъ». И вотъ передъ ними явился степной великанъ-жидовинъ изъ земли хазарской. Увидѣвши русскихъ богатырей, онъ прямо направилъ коня на заставу. Тогда поѣхалъ Илья навстрѣчу ему, чтобы проучить дерзкаго жидовина, имъ, богатырямъ, оказавшаго такое пренебреженіе. Пришелся какъ разъ по Ильѣ супостатъ. Пожалуй другимъ съ великаномъ не сладить. Они долго бились. Взмахнувши неловко рукой, Илья вдругъ поскользнулся и палъ на колѣно. Но матерь-земля Ильѣ Муромцу втрое прибавила силы; вскочилъ онъ на рѣзвыя ноги, хватилъ прямо въ грудь жидовина; стиснулъ крѣпко его и подкинулъ подъ небо; рухнулъ хазаринъ безъ силъ, и отсѣкъ Илья ему головищу,—воткнулъ ее на копье и шагомъ поѣхалъ къ заставѣ. А самъ только вымолвилъ: «ну головища! сколько ни ѣзжу я въ полѣ,—экаго чуда еще не наѣзживалъ»...

110) Картина: Побѣда Ильи Муромца надъ жидовиномъ-хазаромъ.

Въ другой разъ, охраняя заставу, какъ посмотрѣлъ Илья Муромецъ изъ кулака молодецкаго,—увидалъ на полѣ чернизину; догоняетъ онъ добра молодца. Хороша управа молодецкая; хороши доспѣхи богатырскіе. Конь подъ молодцемъ — какъ лютый звѣрь, а шеломъ на молодцѣ—какъ жаръ горитъ. Съ лѣва стремени борзой выжлецъ бѣжитъ; на правомъ плечѣ ясенъ соколъ сидитъ; по одной рукѣ ли соловей летитъ, по другой ли жавороночекъ,—перенашиваютъ свисты съ уха на ухо; улещаютъ, спотѣшаютъ добра молодца. Самъ сидитъ онъ на добромъ конѣ да тѣшится: боевую палицу беретъ одной рукой, какъ перомъ играетъ лебядинымъ. Вверхъ кидаетъ палицу подъ облако, на лету подхватываетъ на бѣлы руки, не допускаетъ до сырой земли; мечетъ острое копье въ поднебесье, говоритъ самъ похваляется:

111) Картина: Богатырь Сокольникъ похвальщикъ.

«Какъ легко мнѣ вертѣть острымъ копіемъ, такъ же будетъ мнѣ легко вертѣть Ильею Муромцемъ». Говоритъ ему Илья Муромецъ: «что ты рано похваляешься? не уловя птицы, теребишь ее? Пріударимъ ка во палицы булатныя, силушки другъ у друга поотвѣдаемъ».

Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися,—два могучихъ богатыря съѣзжалися; пріударили во палицы булатныя, били другъ друга да по бѣлымъ грудямъ, били другъ друга да не жалѣючи, палицы во кольцахъ попригнулися, копья во гивьяхъ поломалися, другъ друга они не ранили, только оба изъ сѣделъ попадали. Стали биться плотнымъ боемъ—рукопашкою; другъ съ другомъ ломалися, водилися съ вечера до полуночи, съ полуночи до бѣла свѣта. . Вотъ нахвальщикъ подъ Ильей лежитъ; видитъ молодецъ, пришелъ конецъ ему... а Илья стоитъ, молодца допрашиваетъ: «коего отца ты, коей матушки? Какъ тебя да именемъ зовутъ, величаютъ по отечеству?» Отвѣчаетъ Ильѣ побѣжденный богатырь, что онъ сынъ «полѣницы-бабы Лототырки, и зовутъ его Сокольникомъ». Онъ оказался крестникомъ Ильи Муромца, и тотъ хотѣлъ пощадить его,—но, когда, прекративъ бой, онъ заснулъ богатырскимъ сномъ на двѣнадцать дней, похвальщикъ Сокольникъ попытался вѣроломно его прикончить рогатиной. Вѣрный конь разбудилъ Илью Муромца во время ржаньемъ и топаньемъ. Тогда, увидѣвъ надъ собою съ рогатиной своего крестника, Илья Муромецъ гнѣвно схватилъ его за желты кудри и разорвалъ на части...

Приведемъ еще одинъ изъ главныхъ подвиговъ Ильи Муромца, когда собака, злодѣй, да Калинъ царь задумалъ думушку недобрую: «захотѣлъ разорить стольный Кіевъ-градъ, чернедь-мужичковъ повыру-

бить, церкви Божія на дымъ пустить, князю Солнышку голову срубить. Собираетъ силы съ сорока земель, да съ сорока царей, съ каждымъ силы по сту тысячей. Не дошелъ до Кіева 15 верстъ, становился съ силой у быстра Днѣпра; ярлыки писалъ да скорописчаты. А въ тѣхъ во ярлыкахъ написано: чтобы по всему по славну Кіеву Владиміръ князь съ Божіихъ церквей чудный крестъ повыснималъ, во церквахъ бы сдѣлалъ стойла лошадиныя; было бъ гдѣ стоять добрымъ конямъ татарскіимъ... *) Видитъ тутъ Владиміръ стольно-Кіевскій, дѣло-то великое, не малое. Посмотрѣлъ въ окошечко косящато, какъ стоитъ у батюшки быстра-Днѣпра Калинъ царь со своею силушкою невѣрною; а той силы на чистомъ полѣ не видать ни краюшка ни бережка; а знаменьевъ на чистомъ полѣ будто лѣсу крупнаго, жароваго. Устрашился Солнышко-Владиміръ князь — закручинился да запечалился, но и тутъ выручилъ Илья Муромецъ. «Одѣвалъ тогда доспѣхи крѣпкіе, бралъ съ собою палицу булатную, во-другихъ, копье да долгомѣрное, въ-третьихъ, тугой лукъ да калены стрѣлы. Бралъ еще шалыгу подорожную и садился на добра коня. Выѣзжалъ онъ во чисто поле, посмотрѣлъ на силушку поганую. Долгіимъ весенніимъ денечикомъ сѣру звѣрю силы не обрыскати, сѣрой птицѣ да вокругъ не облетати... На высоку гору Илья поднимается, конца краю силѣ насмотрѣть не

112) Картина: Илья Муромецъ сокрушаетъ силу татарскую.

*) Въ этомъ подвигѣ Ильи Муромца, такъ же какъ въ былинѣ о Ставрѣ Годиновичѣ и многихъ мѣстахъ другихъ древнихъ былинъ, мы видимъ смѣшеніе различныхъ временъ и событій русской исторіи вокругъ одного излюбленнаго въ народной памяти образа: Владиміра Красное Солнышко. Онъ, проходя черезъ столѣтія въ свободномъ пестромъ народномъ творчествѣ, не знающемъ для себя препонъ и законовъ, становится уже лицомъ не строго жизненнымъ, историческимъ, но условнымъ сосредоточіемъ народныхъ вымысловъ и преданій.

могъ. Не ясенъ соколъ съ подъ облака напущается на гусей, на лебедей, на малыхъ уточекъ: святорусскій богатырь да Илья Муромецъ напущается на силу на татарскую; заѣзжаетъ прямо во середочку, сталъ татаровей конемъ топтать, сталъ поганыхъ копіемъ колоть, подорожною шалыгою помахивать, будто зелену траву косить. Побилъ силушки уже безъ счету, а все будто силушки не убыло... Поспѣшили на помощь къ Ильѣ двѣнадцать другихъ русскихъ богатырей; заѣзжали они съ правой руки, заѣзжалъ самъ Илья съ лѣвой руки. Разгорѣлись сердца ихъ богатырскія, стали бить-рубить они татаровей, стали прижимать ихъ съ двухъ сторонушекъ. О тѣла поганыя, татарскія, иступились сабли острыя, расщепились копья долгомѣрныя, изломались палицы тяжелыя. Захватилъ Илья тутъ за ноги татарина, сталъ кругомъ татариномъ помахивать: гдѣ махнетъ—тамъ улица татаровей; гдѣ отмахнется—съ переулками. Самъ татарину да приговаривалъ: «а и крѣпокъ же татаринъ—не изломится; а и жиловатъ-собака—не изорвется». Только то словечко вымолвилъ—оторвалась голова татарская, угодила голова по силѣ вдаль, бьетъ и ломитъ ихъ, всѣхъ въ конецъ губитъ, достальные на побѣгъ пошли, сами говорятъ да заклинаются: «а не дай намъ, Богъ, видать русскихъ людей. Неужто всѣ таковы во Кіевѣ»...

113) Картина: Илья Муромецъ — сталъ кругомъ татариномъ помахивать.

На этомъ мы остановимся въ передачѣ подвиговъ Ильи Муромца по народному представленію о его богатырскомъ образѣ, предполагая, что этотъ образъ уже достаточно ярко обрисовался предъ глазами читателей. Упомянемъ для заключенія этого краткаго обзора русскихъ былинъ, объединившихся вокругъ князя Владиміра-Красное Солнышко, еще объ одномъ только богатырѣ—Михайлѣ Потыкѣ.

Какъ ѣздилъ онъ съ Ильей Муромцемъ и Добрынюшкой Никитичемъ за сине море, гдѣ покоряли они языки невѣрные, прибавляли земельки святорусскія, то настрѣлялъ еще дорогой ко княжему столу гусей-лебедей, да малыхъ уточекъ. Посылаетъ его опять Владиміръ князь ко морю синему, къ тихимъ заводямъ, чтобъ настрѣлялъ онъ еще гусей-лебедей, да перелетныхъ уточекъ къ его обѣду княжескому. Поѣхалъ Михаилъ Потыкъ и ему посчастливилось: привалила птица ко крутому бережку. А какъ хотѣлъ онъ уже ѣхать въ обратный путь, увидалъ плыветъ колода бѣлодубовая, на колодѣ—бѣлая лебедушка. Черезъ перышко лебедушка вся изъ золота, а голова краснымъ золотомъ увивана,—скатнымъ жемчугомъ поизнасажена. Вынимаетъ Потыкъ изъ налушни тугой лукъ, вынимаетъ изъ колчана калену стрѣлу, налагаетъ на тетивочку шелковую—завыли рога у туга лука. Какъ провѣщится тутъ лебедь бѣлая: «Не стрѣляй въ меня, Михаилъ Потыкъ, сынъ Ивановичъ, я не есть, вѣдь, лебедь бѣлая, а я есть, вѣдь, красна дѣвица, Авдотья Лиходѣевна, королевична Подолянка. Не убей-ка ты меня, Подолянки, а возьми ты меня въ замужество». Поднималась тутъ отъ моря синяго на своихъ на крыльяхъ лебединыихъ; вылетала на крутой берегъ лебедушкой, обернулась душой красной дѣвицей, и говоритъ Михайлѣ лебедь бѣлая—Авдотья Лиходѣевна: «не цѣлуй ты меня красной дѣвицы, я, вѣдь, роду есть невѣрнаго; какъ свезешь меня во стольный Кіевъ-градъ, приведешь во вѣрушку крещеную; во церкви Божіей мы съ тобою повѣнчаемся и тогда съ тобой нацѣлуемся». «И повезъ ее Михаилъ Потыкъ, сынъ Ивановичъ, во стольный Кіевъ-градъ, заходили тамъ въ матушку—во церковь Божію, низко кланя-

лись попамъ соборніимъ, чтобы дали имъ обрученіе съ красной дѣвицею. А попы тому дѣлу радошны, скоро дѣвицу крестили да молитвами, обрученье дали ей съ Михайлушкой, а и тутъ же повѣнчали ихъ. Молодые Богу помолилися, ко святымъ иконамъ приложилися, клали вмѣстѣ заповѣдь великую: кто изъ нихъ да напередъ помретъ, то другому съ нимъ во гробъ живому лечь, во сыру землю идти да на три мѣсяца»...

И не много же у нихъ житья было. Черезъ полтора года Марія—Лебедь Бѣлая вдругъ къ полуночи разболѣлася, а ко утру и преставилась. Закричалъ Михайла во всю голову: «Гой еси вы, братцы мои названные: Илья Муромецъ Ивановичъ, а и ты, Добрынюшка Никитичъ младъ. Надо мнѣ исполнить заповѣдь великую, надо во гробъ живому лечь съ покойницей; стройте-ка домовище великое, чтобы можно было стоя спать, можно было бы и сидя сѣсть, а, при времячкѣ, и лежа лечь. Да кладите хлѣба-соли со водицею, чтобъ запасу было на три мѣсяца»... «Собирались попы да дьяконы, погребали тѣло Марьино, опускали во могилу глубокую,—опускался въ сыру землю за тѣломъ мертвымъ и Михайла Потыкъ Ивановичъ; бралъ съ собой клещи желѣзныя; трое прутьевъ да желѣзныхъ, да еще три мѣдныхъ. А его тѣ братцы названные клали хлѣба соли со водицею; клали свѣчи воску яраго да ладану; надъ могилой деревянный крестъ поставили, желтыми песками позасыпали, только мѣсто для веревочки оставили, и была веревочка привязана къ колоколу соборному. И сидитъ Михайла Потыкъ, сынъ Ивановичъ, съ полудня въ могилѣ по полуночи; ради страху ли, добывъ огня, зажигаетъ свѣчи воску яраго. Какъ приходитъ время полуночное,—подползла тутъ

114) Картина: Богатырь Михаилъ Потыкъ въ могилѣ съ молодой женой своей Маріей Лебедью.

змѣя да подземельная, увидала тутъ Михайла съ молодой женой, возвеселилась да возрадовалась: «А и буду же я ныньче сытая: есть одно ли тѣло мертвое, а другое ли живое человѣческое». Но Михайло вынималъ клещи желѣзныя, захватилъ въ клещи змѣю проклятую, зачалъ сѣчь злодѣйку прутьями желѣзными . . . Поклонилася ему змѣя, взмолилася: «не сѣки меня змѣю ты на умертвіе, а спусти меня змѣю ко морю синему, дамъ тебѣ я заповѣдь великую: принести тебѣ воды живой, оживить тебѣ жену красавицу». Говоритъ ей въ отвѣтъ Михайла Потыкъ Ивановичъ: «Ай же, ты, змѣя лукавая. Ты отдай-ка мнѣ въ залогъ змѣенышей». Отдала ему змѣя въ залогъ змѣенышей, принесла ему живой воды. Пораздернулъ Михайла Потыкъ на двое змѣеныша; какъ приложитъ въ одно мѣсто по старому, разъ брызнетъ — сросся онъ, въ другой разъ — зашевелился онъ. Молодую Марію Лебедь Бѣлую, — разъ брызнетъ—въ ней кровь заиграла, въ другой разъ брызнетъ—зашевелилася, въ третій разъ брызнетъ — повыстала, говоритъ: «фу-фу-фу! долго же я спала». Отвѣчаетъ Михаилъ Потыкъ Ивановичъ: «Безъ меня ты бы вѣкъ спала» и за веревочку ударилъ въ колоколъ... Стали разрывать могилу наскоро, опускали лѣстницы великія. Возстаетъ на бѣлый свѣтъ Михайлушка, молоду жену самъ за рукавъ ведетъ, съ братцами названными цѣлуется»...

Заключительная глава I-го выпуска II-ой части *).

При занятіи Кіевскаго стола Владиміръ Великій, помимо всѣхъ прочихъ женъ своихъ, женился въ

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи» и разные мелкіе источники.

язычествѣ еще на вдовѣ старшаго брата своего— Ярополка, убитаго по приказанію Добрыни Мальковича его наемниками - скандинавами. У Ярополка былъ уже тогда сынъ Святополкъ, оставшійся старшимъ въ родѣ по смерти первенцевъ князя Владиміра: Вышеслава — въ Новгородѣ и Изъяслава, сына Рогнѣды. Послѣ нихъ шли отъ языческихъ женъ: Ярославъ, Всеволодъ, Мстиславъ, Станиславъ и Святославъ; а отъ гречанки Анны родились, уже въ христіанской вѣрѣ, двое любимыхъ сыновей князя Владиміра: Борисъ и Глѣбъ. Считая Бориса, какъ старшаго сына отъ его христіанскаго, законнаго брака, наслѣдникомъ Кіевскаго стола, Владиміръ, хотя далъ ему область Ростовскую, а Глѣбу Муромскую, но ихъ обоихъ держалъ при себѣ, въ Кіевѣ. Ярославъ былъ посаженъ имъ въ Новгородъ по смерти Вышеслава; Всеволодъ—въ землѣ Волынской, съ ея столицей Владиміромъ; Святославъ въ Древлянской; Мстиславъ получилъ область Тьмутараканскую, Святополкъ—городъ Туровъ на рѣкѣ Трубежѣ. При такомъ обычномъ раздѣлѣ русскихъ земель между сыновьями великаго князя кіевскаго, единство Русскаго государства поддерживалось лишь подчиненіемъ всѣхъ русскихъ княжествъ старшей среди нихъ, Кіевской области. Въ иныхъ краяхъ еще существовали, лишь внѣшнимъ образомъ признававшіе надъ собой старшинство великаго князя кіевскаго, прежніе мѣстные князья; а въ иныхъ, гдѣ уже не было такихъ князей, Владиміръ сажалъ своего намѣстника. Однако славянскія племена, имѣвшія въ областяхъ своихъ сколько-нибудь значительные города, не довольствовались намѣстникомъ, иначе посадникомъ, а хотѣли управляться князьями, хотя бы зависимыми отъ Кіева. Владиміръ очень подвинулъ

впередъ объединеніе разныхъ племенъ и областей подъ властью единаго княжескаго славяно-варяжскаго рода Игоревичей, или, если считать отца Игоря, новгородскаго князя Рюрика, то рода Рюриковичей,— тѣмъ, что онъ еще при жизни своей, размѣщая всюду по русской землѣ своихъ собственныхъ сыновей, ослаблялъ этимъ значеніе многихъ мѣстныхъ князей и старшинъ. Великій князь-отецъ изъ своего стольнаго города наблюдалъ за ихъ управленіемъ и, оставаясь верховнымъ судьей, а также военачальникомъ всѣхъ областей, требовалъ себѣ оттуда исправной, имъ самимъ назначенной, дани. Мы уже видали, какъ Святополкъ былъ посаженъ въ тюрьму и лишенъ удѣла за свою попытку возмутиться противъ Владиміра при поддержкѣ польскаго короля и, вслѣдствіе его козней, вмѣстѣ съ епископомъ Рейнбергомъ. Со времени своего брака съ царевной Анной, Владиміръ все время оставался самымъ вѣрнымъ союзникомъ Византіи и помогалъ ей въ борьбѣ съ внѣшними ея врагами. Императоръ Василій II—Болгаробойца въ продолжительной своей войнѣ съ возставшими противъ грековъ Дунайскими болгарами, имѣвшими во главѣ себя храбраго вождя Самуила, обязанъ своимъ успѣхомъ помощи русскихъ дружинъ.

Обратимъ, кстати, наше вниманіе, мимоходомъ, на судьбу Болгаріи послѣ побѣды Іоанна Цимисхія надъ Святославомъ. Болгаре опустошительными набѣгами продолжали разорять грековъ и поселялись на византійскихъ земляхъ. Только Василій II, въ началѣ XI вѣка, окончательно усмирилъ ихъ послѣ цѣлаго ряда своихъ походовъ въ Болгарію. Наиболѣе сильное пораженіе онъ нанесъ имъ при горѣ Волотисма. Много болгаръ, ненавистныхъ грекамъ за ихъ

упорное сопротивленіе и набѣги, тогда попало въ плѣнъ къ императору византійскому: Василій II имъ отомстилъ безпримѣрно-жестокой казнью: онъ приказалъ ослѣпить 15 тысячъ плѣнниковъ и надъ каждою сотнею ослѣпленныхъ поставилъ въ руководители по одному кривому болгарину, чтобы они, одноглазые, отвели на родину своихъ соотечественниковъ. Страшное шествіе двинулось въ дальній путь по снѣжнымъ пустынямъ, изнемогая отъ жажды и голода. Тысячи этихъ страдальцевъ погибли въ пути, и только жалкая горсть нѣкогда сильнаго, угрожавшаго грекамъ, воинства достигла предѣловъ родной страны, наводя ужасъ на ея жителей. Русь неразсчетливо помогла грекамъ противъ своихъ соплеменниковъ, славянъ-болгаръ.

115) Картина: Шествіе изъ византійскаго плѣна ослѣпленныхъ болгаръ.

Въ союзѣ съ греками руссы дѣйствовали тоже и на Таврическомъ полуостровѣ.

Во второй половинѣ X вѣка, когда хазарское царство ослабло подъ напоромъ аланъ, печенѣговъ и руссовъ, кавказскіе хазары, или черкесы, возвратили себѣ самостоятельность и отдѣлились отъ турко-хазаръ каспійскихъ. Тогда, въ половинѣ XI вѣка, начались войны Руси и грековъ съ черкесскими князьями Георгіемъ Чулой и Редедею. Кіево-русскіе князья, чтобъ за собою упрочить обладаніе Тьмутараканскимъ княжествомъ, не разъ должны были возобновлять борьбу съ хазарами Кавказа, при устьѣ рѣки Кубани, называвшимися яссами и косогами, а иногда съ сосѣдями ихъ, аланами кавказскихъ предгорій, нынѣшними осетинами. (Существуетъ предположеніе, что позднѣйшая хусарская, а потомъ гусарская конница получила своё названье отъ этихъ черкесовъ-хазаръ, часть которыхъ ушла съ уграми въ Венгрію. Такъ же, должно быть, уланы произошли отъ аланъ съ

отличительнымъ ихъ оружіемъ, копьемъ: тогда какъ хазары владѣли кривою саблей.)

Держа при себѣ въ Кіевѣ наемныя дружины варяговъ-норманъ, или скандинавовъ, русскіе князья со временъ Владиміра Святаго стали вступать въ родственные и дружескіе союзы съ скандинавскими королями. Королевичъ норвежскій Олафъ, въ юности подружившись съ Владиміромъ, во время ихъ пребыванія съ Добрыней Мальковичемъ при дворѣ его матери, воспитывался потомъ въ Кіевѣ и сталъ однимъ изъ лучшихъ военноначальниковъ великаго князя Владиміра. Впослѣдствіи онъ, послѣ многихъ бѣдствій и приключеній, принявъ крещеніе, овладѣлъ норвежскимъ престоломъ, прогналъ сидѣвшаго на немъ ярла, т. е. витязя, Эрика, и началъ вводить христіанство въ своемъ королевствѣ. Тогда Эрикъ, изгнанный изъ Норвегіи, напалъ на сѣверо-западные предѣлы Руси, овладѣлъ городомъ Ладогой и отсюда четыре года грабилъ новгородскія волости, ведя войну съ Владиміромъ. Но потомъ долженъ былъ все-таки удалиться. Городъ Ладога вообще служилъ главнымъ пристанищемъ для норманов, плававшихъ въ новгородскій край для торговли, ради пріобрѣтенія здѣсь дорогихъ мѣховъ и восточныхъ тканей. Иногда тѣ же купцы превращались въ морскихъ разбойниковъ и грабили русскія земли. Восточные берега Балтійскаго моря, населенные эстами и корелами, служили мѣстомъ главнаго столкновенія между норвежскими конунгами и русскими князьями при сборѣ дани съ этихъ безпомощныхъ мирныхъ племенъ. Норманскіе мореходы первые проложили морской путь къ самымъ сѣвернымъ берегамъ восточной Европы, теперь Россіи. Мы уже знаемъ изъ II-го выпуска I-ой части, что торговцы ихъ и разбойники огибали Норвегію, т. е.

западную часть скандинавскаго полуострова, входили въ Бѣлое море, а затѣмъ въ устье Сѣверной Двины, гдѣ находилась древняя, нами уже описанная, Біармія.

Русская дружина, всею душою преданная великому князю Владиміру, ревновала его къ норманскимъ наемникамъ, жившимъ рядомъ съ ней въ Кіевѣ. Вслѣдствіе этого подъ конецъ жизни своей, Владиміръ оказывалъ имъ уже гораздо меньше милостей. Но его охлажденье къ нимъ было вызвано еще тѣмъ, что, опираясь на ихъ поддержку въ Новгородѣ, сынъ его Ярославъ, князь новгородскій, вдругъ отказалъ отцу въ уплатѣ слѣдуемой съ него дани. При своей отдаленности и подвижномъ промышленномъ населеніи, Новгородскій край всегда тяготился своей зависимостью отъ южной Руси и подчиненіемъ великому князю кіевскому. Наемная сила норманъ, содержимая имъ на счетъ новгородцевъ для обузданія дикаго и безпокойнаго населенія сѣвера, служила въ рукахъ удѣльнаго князя сильнымъ орудіемъ постоянной борьбы съ старшимъ княземъ кіевскимъ. Самъ князь Владиміръ обязанъ былъ норманамъ своимъ успѣшнымъ захватомъ Кіева, и Ярославъ пошелъ по стопамъ отца. Онъ укрѣпилъ свое постоянное общеніе съ Скандинавіей и пріобрѣлъ друзей между вождями нормановъ, женившись на дочери шведскаго короля Олафа—рѣшительной, гордой и умной Ингигердѣ. Она выговорила себѣ въ удѣлъ, при вѣнчаніи съ Ярославомъ, городъ Ладогу, согласно преданію основанный на берегу Ладожскаго озера княземъ Рюрикомъ, и побудила его еще при жизни отца отложиться отъ Кіева, чтобы сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ обширной области Новгородской.

Но главнымъ образомъ Ярослава вооружило про-

тивъ отца предпочтеніе, оказываемое имъ передъ старшимъ сыномъ одному изъ двухъ младшихъ его сыновей, Борису. Владиміръ, какъ было сказано, считалъ этого сына такъ же, какъ его брата Глѣба, рожденныхъ отъ греческой царевны Анны, болѣе законными и знатными по рожденію, чѣмъ другіе его сыновья—отъ разныхъ языческихъ матерей. Распредѣливъ своихъ сыновей по удѣламъ, Владиміръ держалъ при себѣ Бориса, явно желая ему передать послѣ смерти своей кіевское княженіе. Этимъ онъ возбудилъ противъ себя въ Новгородѣ старшаго сына, и тотъ пересталъ выплачивать отцу дань. Такъ же былъ недоволенъ пристрастнымъ отношеніемъ къ князю Борису Владиміра, старшій его племянникъ, Святополкъ, считавшій себя старшимъ въ родѣ, и законнымъ наслѣдникомъ кіевскаго престола. Владиміръ былъ, конечно, крайне разгнѣванъ и огорченъ возмущеніемъ Ярослава. Съ обѣихъ сторонъ начались ратныя приготовленія. Владиміръ приказывалъ: „теребить“ путь и мостить мосты. Но старый великій князь, раньше уже болѣвшій вслѣдствіе многихъ трудовъ и походовъ въ теченіе своей жизни, такъ сильно заболѣлъ отъ огорченія, что слегъ въ своемъ любимомъ селѣ Берестовѣ, и никакія старанія иноземныхъ врачей не могли отсрочить его кончины.

Одновременно съ вѣстью о возстаніи Ярослава, съ сѣвера,—съ юга при шла вѣсть о нападеніи печенѣговъ. Владиміръ послалъ противъ нихъ рать подъ начальствомъ своего любимца Бориса, князя ростовскаго, уже назначеннаго имъ при жизни наслѣдникомъ кіевскаго престола. Но его отсутствіе помогло Святополку, по законно принадлежавшему ему праву старшинства передъ всѣми другими братьями, первому овладѣть великокняжескимъ пре-

столомъ въ Кіевѣ, какъ только умеръ дядя его.

Когда Владиміръ Великій скончался въ селѣ Берестовѣ, лѣтомъ 1016 г., бояре, желая скрыть его смерть до возвращенія князя Бориса, гонцами уже извѣщеннаго о безнадежномъ состояніи здоровья отца, завернули въ коверъ тѣло великаго князя и спустили его сквозь проломленный полъ на веревкахъ, чтобъ отвезти тайно покойнаго великаго князя въ кіевскую Десятинную церковь. Однако ловкій, коварный и раболѣпный прислужникъ Святополка, горбатый Путша, сейчасъ разузналъ о кончинѣ Владиміра и донесъ о ней своему господину.

Святополкъ прискакалъ немедленно въ Кіевъ изъ Вышгорода, откуда давно слѣдилъ, при помощи Путши, за ходомъ болѣзни дяди,—и сѣлъ на престолъ великокняжескій, несмотря на нелюбовь къ нему кіевлянъ, хорошо освѣдомленныхъ о томъ, что кіевскій столъ завѣщанъ Владиміромъ молодому князю Борису. Въ походѣ съ нимъ была вся кіевская дружина, и надлежало еще подождать ея рѣшенія: кого изъ двоюродныхъ братьевъ она признаетъ кіевскимъ княземъ?.

Между тѣмъ, тѣло великаго князя Владиміра-Красное Солнышко было заключено въ мраморную гробницу, поставленную въ Десятинной церкви, рядомъ съ гробницей его супруги Анны. На погребеньи весь народъ—отъ боярина до послѣдняго простолюдина—оплакивалъ отъ всей души своего знаменитаго, щедраго, мудраго князя, распространившаго на Руси свѣтъ христіанства и давшаго ему долголѣтній внутренній миръ вмѣстѣ съ побѣдами надъ врагами.

По преданію, Владиміръ Святославичъ родился, какъ и Святая Ольга, въ Псковской же области, на

лѣвомъ берегу рѣки Черехи, впадающей въ рѣку Великую, подлѣ деревни Будникъ. Здѣсь находится большой булыжный камень. И вотъ на этомъ мѣстѣ, будто бы, родился отъ ключницы Малуши князь Владиміръ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ камня по сіе время замѣтны фундаменты построекъ и хорошо сохранившійся четырехугольный, искусственно вырытый прудъ.

Конецъ I-го выпуска II-ой части.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стран.

Начало русской лѣтописи, по И. Е. Забѣлину, Д. И. Иловайскому и В. Ключевскому 5

Картины: 1) Статуя Нестора,—Антокольскаго.

Несторъ 12

Картины: 2) Несторъ у окна надъ книгой. 3) Изображеніе Ярослава Мудраго. 4) Видъ современной Кіево-Печерской лавры. 5) Къ схимнику передъ битвой.

Древній Кіевъ 21

Картины: 6) Мамонтъ. 7) Видъ современнаго Кіева. 8) Княжеская охота. 9) Древній видъ Софійскаго собора по рисунку XVII вѣка. 10) Развалины Десятинной церкви. 11) Рождественская церковь, построенная Петромъ Могилой, изъ остатковъ Десятинной въ 1635 г. 12) Развалины Золотыхъ воротъ. 13) Софійскій соборъ въ современномъ видѣ. 14) Древняя икона Божьей Матери, предъ которой молился застигнутый убійцами инокъ князь Игорь Ольговичъ. 15) Древнія фрески Кирилловскаго монастыря: 1) св. Кириллъ проповѣдуетъ правую вѣру, 2) св. Кир. учитъ царя, 3) св Кир. учитъ въ соборѣ. 16) Современный видъ Михайловскаго монастыря. 17) Видъ горы Щековицы. 18) Памятникъ Владиміра Святаго. 19) Становище угровъ.

Бытъ древнихъ Кіевскихъ великихъ князей въ ихъ боевой и ежедневной жизни 33

Картины: 20) Съѣздъ князей русскихъ на общее совѣщанье. 21) Божій судъ. 22) Крестное цѣлованіе князей. 23) Нарушеніе договора, скрѣпленнаго крестнымъ цѣлованіемъ. 24) Сторожевые посты. 25) Полюдье. 26) Княжескій обозъ. 27) Обрядъ всажденія на коня великаго князя. 28) Свадьба. 29) Привѣтствіе князей при встрѣчѣ между собою на дорогѣ. 30) Играющій гусляръ. 31) Скоморохи и музыканты. 32) Изображенія на древней лѣстницѣ Софійскаго собора. 33) Старинное изображеніе совѣщанія князя съ дружиной. 34) Русскій дружинникъ. 35) Раненый воевода. 36) Прощаніе. 37) На сторожѣ. 38) Русскіе витязи-богатыри.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Начало русской исторіи.

Глава I.

Великій князь Олегъ 51

Картины: 39) Прибытіе князя Олега въ Кіевъ. 40) Орда угровъ въ степи. 41) Олегъ подъ стѣнами Царьграда. 42) Встрѣча князя Олега съ кудесникомъ. 43) Тризна надъ могилой Олега.

Глава II.

Стран.

Великій князь Игорь 63

Картины: 44) Мѣсто рожденія Святой Ольги. 45) Древній Изборскъ. 46) Островъ Шацкой. 47) Княжна Ольга перевозитъ князя Игоря черезъ рѣку. 48) Ольгинъ Ключъ. 48а) Битва руссовъ съ хазарами между Дономъ и Волгой. 48б) Греки метаютъ огонь въ русскія суда. 49) Клятва Игоря и его дружины. 50) Смерть Игоря.

Глава III.

Княгиня Ольга Святая и ея сынъ, великій князь Кіевскій—Святославъ 71

Картины: 51) Гибель древлянскихъ пословъ. 52) Пріѣздъ княгини Ольги и ея встрѣча древлянскимъ княземъ Маломъ. 53) Тризна на могилѣ Игоря. 54) Маленькій Святославъ на конѣ въ боевыхъ доспѣхахъ. 55) Сожженіе Коростеня. 56) Крещеніе въ Царь-градѣ княгини Ольги. 57) Царьградскій патріархъ благословляетъ княгиню Ольгу на обратный путь въ Кіевъ. 58) Конный печенѣгъ. 59) Видѣніе царя Симеона. 60) Угорскій пастухъ. 61) Мальчикъ-кіевлянинъ ищетъ лошадь свою въ печенѣжскомъ станѣ. 62) Плывущій мальчикъ. 63) Княгиня Ольга въ дубравѣ на берегу рѣки Великой. 64) Русскіе воины въ битвѣ съ греками подъ стѣнами Дористоля. 65) Языческія жертвоприношенія руссовъ въ стѣнахъ Дористоля. 66) Стычка Икмора съ Анемасомъ. 67) Военный совѣтъ, собранный Святославомъ въ Дористолѣ. 68) Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава I.

Смерть Олега и Ярополка Святославовичей. Великій князь Владиміръ—язычникъ. 94

Картины: 69) Ярополкъ оплакиваетъ смерть убитаго въ битвѣ съ нимъ Олега. 70а) Новгородскіе плотники мастерятъ суда-однодревки. 70б) Возвращеніе князя Владиміра въ Новгородъ съ норманскимъ войскомъ. 71) Жертвоприношеніе идолу Перуна. 72) Кіевскіе мученики за вѣру Христову. 73) Пиръ у князя Владиміра. 74) Великій князь Владиміръ, Рогнѣда и маленькій Изъяславъ.

Глава II.

Великій князь Владиміръ - христіанинъ. Новгородцы. Дикіе финны. Борьба Кіевской Руси съ печенѣгами . . . 109

Картины: 75) Крещеніе великаго князя Владиміра. 76) Великій князь Владиміръ бесѣдуетъ, окруженный боярами, съ греческимъ мудрецомъ. 76б) Сокрушеніе идоловъ. 76в) Крещеніе кіевлянъ въ Днѣпрѣ. 77) Древній Новгородъ. 78) Новгородское вѣче. 79) Новгородскіе ушкуйники. 80) Уничтоженіе идоловъ въ Новгородѣ. 81) Южная сторожевая станица. 82) Проѣздныя ворота. 83) Прощаніе вел. князя съ проповѣдникомъ римскимъ Бруномъ на границѣ земель печенѣжскихъ. 84) Подаяніе нищимъ по приказанію великаго князя. Изображенія: князя Игоря; св. княгини Ольги; кн. Святослава Игоревича и Владиміра Святого.

Глава III.

Стран.

Былины 133

Картины: 85) Добрыня Никитичъ играетъ на гусляхъ во время пира Владиміра. 86) Заворачивалъ въ сѣти гусей—лебедей, сѣрыхъ уточекъ, малыхъ пташечекъ. 87) Вольга въ царствѣ Индійскомъ у дворца царя Салтыка. 88) Смерть царя Салтыка отъ руки Вольги. 89) Сказочный образъ Святогора, стараго исполина-богатыря. 90) Гнѣвъ Микулы. 91) Бой Микулы со змѣемъ. 92) Встрѣча богатыря Святогора съ Микулой. 93) Богатырь Дунай пускаетъ стрѣлу въ Настасью Королевичну. 94) Смерть Дуная-богатыря. 95) Бой Добрыни Никитича со Змѣемъ Горынчищемъ. 96) Добрыня Никитичъ освобождаетъ изъ плѣна Забаву Путятичну. 97) Ставра Годиновича бросаютъ на шесть лѣтъ въ погреба холодные. 98) Пріѣздъ посла Василисы Микуличны ко Владиміру. 99) Бой Алеши Поповича съ Тугаринымъ Змѣевичемъ. 100) Отъѣздъ на заставы Добрыни Никитича. 101) Возвращеніе Добрыни Никитича. 102) Илья Муромецъ и калики перехожія. 103) Илья Муромецъ собирается изъ дому добывать себѣ коня богатырскаго. 104) Илья Муромецъ и черниговцы. 105) Раненый Ильей Муромцемъ Соловей Разбойникъ. 106) Илья Муромецъ везетъ плѣннаго Соловья Разбойника. 107) Пріѣздъ Ильи Муромца на третью заставу,—къ дому Соловья Разбойника. 108) Илья Муромецъ нагоняетъ Святогора-богатыря. 109) Илья Муромецъ рубитъ по гробовой доскѣ мечемъ Святогора. 110) Побѣда Ильи Муромца надъ жидовиномъ-хазаромъ. 111) Богатырь Сокольникъ нахвальщикъ. 112) Илья Муромецъ сокрушаетъ силу татарскую. 113) Илья Муромецъ—сталъ кругомъ татариномъ помахивать. 114) Богатырь Михаилъ Потыкъ въ могилѣ съ молодой женой своей Маріей Лебедью.

Заключительная глава I-го выпуска II-ой части . . 179

Картины: 115) Шествіе изъ византійскаго плѣна ослѣпленныхъ болгаръ.

Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны, примѣненныя къ широкой возможности пояснять ихъ картинами для волшебнаго фонаря, соотвѣтственно съ наиболѣе яркими мѣстами чтеній, но составляющія и помимо такого рода картинъ общедоступную книгу обо всемъ прошломъ нашего дорогого отечества.

Часть II.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

и

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПОСЛѢ УБІЕНІЯ КІЕВСКИХЪ ПЕРВЫХЪ ХРИСТІАНСКИХЪ КНЯЗЕЙ АСКОЛЬДА И ДИРА, СО ВРЕМЕНИ ВОКНЯЖЕНІЯ ВЪ СТОЛИЦѢ ДРЕВНИХЪ ПОЛЯНЪ ВАРЯЖСКАГО КНЯЗЯ ОЛЕГА.

Выпускъ II.

КІЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

До кончины Владиміра Мономаха, въ 1125 г.

Составлено Т. П. Мятлевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сvнодальная Типографія.
1911.

Feci, quod potui; faciant meliora potentes!

(Сдѣлалъ, что могъ; пусть, кто можетъ, дѣлаетъ лучше!)

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I.

Святополкъ Окаянный *).

Войско князя Бориса, не встрѣтивъ въ пути печенѣговъ, возвращалось уже домой и стояло станомъ недалеко отъ Переяславля, на рѣкѣ Альтѣ, впадающей въ притокъ Днѣпра — Трубежъ, когда гонцы изъ Кіева принесли молодому князю грустную вѣсть о смерти его отца и о томъ, что Святополкъ уже захватилъ власть въ свои руки. Узнавъ объ этомъ, дружина кіевская—всѣ богатыри ея и начальники—стала торопить князя скорѣй возвращаться въ Кіевъ, чтобы прогнать оттуда двоюроднаго брата и самому занять кіевскій столъ, какъ отцовское, ему завѣщанное, наслѣдіе. Святополку съ его небольшой дружиной нельзя было бы удержаться въ Кіевѣ ни минуты противъ боевыхъ силъ, собранныхъ въ станѣ князя Бориса. Но онъ, благочестивый и чуждый честолюбивыхъ замысловъ, не хотѣлъ междоусобія, почему твердо сказалъ, что не подниметъ никогда руки на старшаго брата, для него заступившаго мѣсто отца. Не понимая его христіанскихъ, великодушныхъ чувствъ и раздраженная

1) Картина: Святополкъ Окаянный.

*) Матеріалъ собранъ въ трудахъ Д. И. Иловайскаго, В. Ключевскаго, Н. Костомарова, Н. Карамзина, М. Грушевскаго, В. Ляскоронскаго и разныхъ мелкихъ источникахъ, давшихъ отрывками подходящія свѣдѣнія для пополненія этой книги.

Мѣстами сдѣланы почти прямыя выписки изъ сочиненій вышеназванныхъ авторовъ, приведенныя лишь въ послѣдовательную связь, согласно ходу здѣсь выдвигаемыхъ основныхъ событій и постепенно въ нихъ развивающейся исторіи русской народности.

ими, дружина такъ же, какъ всѣ ратные люди, тогда покинула его станъ, считая, что ей въ немъ нечего дѣлать. Они разбрелись, кто къ Святополку, кто къ удалому Мстиславу Тьмутараканскому, оставивъ своего князя съ немногочисленной кучкой отроковъ у рѣки Альты. Тамъ, вполнѣ беззащитнымъ и предающимся искренней горести застали его гонцы Святополка, пріѣхавшіе съ льстивыми предложеніями, какъ будто, увеличить его ростовскій удѣлъ, пока князь Борисъ, оставаясь на мѣстѣ, раздумывалъ, идти ли ему сейчасъ же къ себѣ, или сначала поѣхать въ Кіевъ—на поклонъ къ старшему брату и чтобы приложиться къ гробу отца? Царственный, молодой, стройный красавецъ, съ яснымъ и быстрымъ взглядомъ, печально слушалъ лживыя рѣчи гадкаго, безобразнаго горбуна Святополка, Путши, и обѣщалъ на другой день, снявъ свой шатеръ, тронуться въ Кіевъ. Сопровождавшіе Путшу воины Святополка, Толецъ и Еловитъ, послѣ обильнаго угощенія ихъ отроками Бориса, ночью, во время общаго сна, вооруженные пробрались въ шатеръ молодого князя, гдѣ застали его еще не спящимъ, такъ какъ онъ пѣлъ молитвы, склонясь на колѣна передъ иконой. Убійцы внезапно вбѣжали въ палатку и закололи копьями князя Бориса, а также его преданнаго слугу Георгія, когда тотъ впросонкахъ, услышавъ шумъ, схватился за мечъ, чтобы защитить своего господина. Затѣмъ всѣ пріѣхавшіе гонцы Святополка разомъ напали на прибѣжавшихъ въ смятеніи безоружныхъ отроковъ молодого князя и перерѣзали ихъ. Алая кровь покрыла траву вокругъ бездыханно лежавшихъ тѣлъ. Убійцы начали грабить ихъ, и одинъ между ними не содрогнулся срѣзать кривымъ ножомъ голову слуги Бориса, Георгія, что-

2) Картина: Убійство князя Бориса гонцами Святополка.

бы снять золотую цѣпь съ его шеи. Путша торопилъ ихъ, однако, въ обратный путь.

Не смѣя показать кіевлянамъ тѣло убитаго князя, Святополкъ приказалъ похоронить его въ Вышгородѣ, подлѣ церкви св. Василія. Должно быть, слѣдуя ближайшему примѣру тестя своего Болеслава Храбраго, добившагося единовластія въ Польшѣ тѣмъ, что онъ частью изгналъ, частью же ослѣпилъ всѣхъ своихъ братьевъ, Святополкъ, вслѣдъ за Борисомъ, рѣшилъ убить и единоутробнаго его брата Глѣба, находившагося въ своей Муромской области.

Съ этою цѣлью онъ отправилъ къ нему гонца сказать: будто Владиміръ боленъ и хочетъ видѣть его. Глѣбъ поспѣшилъ въ Кіевъ съ немногочисленною дружиной. Дорогой повредилъ себѣ ногу, но не желая остановиться продолжалъ путь отъ Смоленска водою. Недалеко отъ этого города Ярославъ Новгородскій, предупрежденный сестрой Предиславой Владиміровной о злодѣйскихъ замыслахъ Святополка противъ всѣхъ братьевъ, извѣстилъ Глѣба о смерти отца и объ угрожавшей ему опасности. Но уже было поздно. Пока Глѣбъ, набожный и чувствительный подобно Борису оплакивалъ вмѣстѣ съ отцомъ и любимаго брата, ища утѣшенья въ молитвѣ, явились убійцы, подосланные Святополкомъ. Они побудили собственнаго повара Глѣба,—родомъ торчина—умертвить своего господина и князя въ угоду Святополку. Послѣ того его тѣло, положенное по приказанію бездушныхъ убійцъ между двумя выдолбленными кусками дерева, было зарыто въ лѣсу, на берегу Днѣпра.

3) Картина: Глѣбъ на Днѣпрѣ подъ Смоленскомъ застигнутъ вѣстью о смерти отца и брата.

Лишивъ такимъ образомъ жизни двухъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, Святополкъ не задумался убить и третьяго, ближайшаго къ нему по старшинству брата,

Святослава древлянскаго, чтобы тотъ какъ-нибудь не сталъ ему поперекъ дороги. Святославъ хотѣлъ ускакать съ двумя преданными друзьями къ венгерскому королю, чтобы спастись отъ руки свирѣпаго братоубійцы, но горбунъ Путша съ тремя товарищами гнался за нимъ неутомимо въ Карпатскихъ горахъ. Святославъ былъ сынъ дочери скандинавскаго короля Мальфрида, и въ немъ во время этой погони сказалась вдругъ царская, благородная кровь. Онъ сдержалъ своего коня и, вынувъ мечъ изъ ноженъ, одинъ повернулся лицомъ къ врагамъ, оставивъ друзей своихъ, не внимавшихъ его призыву, скакать безопасно дальше. Когда убійцы приблизились къ нимъ, онъ рубился съ ними такъ отважно и ловко, что повалилъ уже трехъ изъ нихъ, когда подлый Путша нанесъ ему смертельный ударъ въ шею, заѣхавъ сзади.—«Перебью своихъ братьевъ» думалъ опьяненный своими убійствами Святополкъ, «и стану одинъ на Руси княжить». Однако остальныхъ братьевъ Путша совѣтовалъ пока не трогать. Всеволодъ Волынскій дружилъ съ королемъ венгерскимъ, и тотъ бы не далъ его въ обиду. Станиславъ смоленскій былъ заранѣе извѣщенъ о грозившей ему опасности своей хитрой матерью Аделаидой, ѣздившей безуспѣшно въ Кіевъ передъ смертью Владиміра Святаго съ просьбой о присоединеніи Витебска къ бѣдному смоленскому удѣлу. Князь Судиславъ псковской жилъ подъ защитой могучаго своимъ союзомъ съ норманами, непокорнаго новгородскаго князя Ярослава, теперь, сейчасъ же по полученіи имъ изъ Кіева отъ Предиславы страшныхъ извѣстій о преступленіяхъ Святополка, рѣшившаго обратить противъ него рать, имъ собранную для борьбы съ отцомъ изъ-за дани и независимаго существованія Новгорода.

4) Картина: Борьба князя Святослава съ убійцами.

Встрѣча сѣверной рати съ южною произошла на рѣкѣ Днѣпрѣ, подъ городомъ Любечемъ. Святополкъ, кромѣ своего войска, привелъ еще полчища нанятыхъ имъ печенѣговъ. Долго стояли другъ противъ друга со своими войсками на противоположныхъ сторонахъ рѣки два враждующихъ между собой родственныхъ русскихъ князя, не рѣшаясь ее перейти, а только обмѣниваясь пренебрежительными насмѣшками и грубой бранью.—«Эй, вы, плотники! что вы пришли со своимъ хромоногимъ княземъ? Мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы»! кричали кіевляне, такъ какъ Ярославъ былъ хромъ и, хотя очень ловко ѣздилъ верхомъ, но ходилъ, опираясь на палку. Оскорбленные новгородцы сказали Ярославу: «Завтра же мы перейдемъ на ту сторону, а кто не пойдетъ съ нами, того убьемъ». Начинались уже заморозки. Печенѣги, союзники Святополка, тщетно прождавъ три мѣсяца, когда новгородцы съ норманами начнутъ переправляться къ нимъ съ луговой стороны Днѣпра, наконецъ увидѣли себя принужденными уйти въ мѣстность за однимъ изъ озеръ, между которыми стоялъ Святополкъ со своей дружиной, такъ какъ они нуждались въ пастбищѣ для своихъ коней, а кормъ вблизи Днѣпра уже весь былъ вытоптанъ. Выслушавъ заявленіе новгородцевъ, Ярославъ съ величайшею тишиной переправилъ ночью своихъ ратныхъ людей черезъ Днѣпръ, повязавъ имъ головы бѣлыми полотенцами, чтобы отличить ихъ отъ враговъ, и велѣлъ ударить врасплохъ на кіевлянъ. Святополкъ, тѣмъ временемъ цѣлую ночь пировалъ среди своихъ приближенныхъ. Новгородцы оттолкнули ладьи отъ берега, чтобы никому нельзя было воротиться, и началась злая сѣча. Въ смятеніи кіевляне, прижатые Ярославомъ къ озеру, бросились отступать по тон-

5) Картина: Новгородцы тѣснятъ воиновъ Святополка, тонущихъ въ озерѣ на тонкомъ льду.

кому льду къ печенѣгамъ, и почти всѣ перетонули. Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, къ своему тестю, польскому королю Болеславу Храброму, а Ярославъ сѣлъ на кіевскій столъ, въ 1017 году.

Сестры его, Мечислава и Предислава, радостно встрѣтили родного своего брата, такъ какъ при Святополкѣ имъ жилось въ Кіевѣ очень плохо. Польскій король былъ бы радъ вмѣшаться для своихъ выгодъ въ междоусобіе на Руси, но въ это время онъ былъ занятъ войной съ германскимъ императоромъ Генрихомъ II, не замедлившимъ предложить свой союзъ Ярославу для совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій противъ него. Князь Владиміро-Волынскій Всеволодъ привезъ съ собой въ Кіевъ посла отъ германскаго императора съ предложеніемъ соединить ихъ силы въ борьбѣ съ Болеславомъ Храбрымъ. Онъ, съ своей стороны, просилъ Ярослава идти наказать Святополка, призвавъ къ нимъ на помощь еще Мстислава Тьмутараканскаго, оставленнаго въ покоѣ братоубійцей вслѣдствіе отдаленности его удѣла. Хотя Ярославъ, согласился принять союзъ германскаго императора, но его первая попытка осадить польскій городъ Берестье кончилась неудачей, и Генрихъ II, терпя пораженія отъ Болеслава, предпочелъ заключить съ нимъ миръ. Весной 1018 года Ярославъ, на рѣкѣ Бугѣ, сошелся съ войскомъ самого польскаго короля. Храбрый его воевода Будый похвалялся, что, переправившись черезъ Бугъ, онъ изрубитъ скоро рати враговъ, какъ капусту. Но во время обычной между двумя станами перебранки передъ началомъ битвы Будый своими насмѣшками надъ чрезвычайной тучностью Болеслава вызвалъ его нападеніе раньше, чѣмъ кіевляне съ норманами были готовы къ бою.—«Вотъ мы проткнемъ щепкой твое толстое брюхо!»—кричалъ онъ. Тогда

Болеславъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ бродъ черезъ рѣку, а за нимъ переправилось все его войско. Нападеніе было такъ внезапно и сильно, что Ярославъ не успѣлъ приготовиться къ его отпору, былъ разбитъ на голову, и бѣжалъ обратно въ Новгородъ съ братомъ Всеволодомъ, сопровождаемый только двумя прислужниками. Святополкъ же опять вернулся въ Кіевъ, куда вмѣстѣ съ нимъ, побѣдителемъ въѣхалъ Болеславъ Храбрый. Въѣзжая въ столицу Русскаго государства, польскій король задорно и съ торжествомъ ударилъ по кіевскимъ воротамъ, окованнымъ золотомъ, своей саблей, вслѣдствіе чего ея клинокъ получилъ зазубрину. Этой зазубриной долго гордились польскіе короли. Польская рать была размѣщена частью въ Кіевѣ, по домамъ кіевлянъ; частью въ другихъ русскихъ городахъ, отягощая своимъ пребываніемъ жителей, а Болеславъ началъ распоряжаться въ русской землѣ, какъ ея завоеватель, причемъ держалъ въ полномъ повиновеніи волѣ своей Святополка. Ярославъ оставилъ въ Кіевѣ богатую казну и много всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Поляки зажили тамъ, заставляя кіевлянъ даромъ кормить себя и поить. Уходить отъ такого житья домой они вовсе не торопились. Князь Святополкъ, однако, очень былъ недоволенъ своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ Кіевѣ, и безсильно сердился на самоуправство польскаго короля, вовсе не ожидая того оборота, какое приняло дѣло его водворенія Болеславомъ Храбрымъ вторично на столѣ кіевскомъ. Польскій король взялъ въ Кіевѣ подъ стражу, находившихся тамъ сестеръ Ярослава, но послалъ къ нему въ Новгородъ Кіевскаго епископа съ предложеніемъ освободить ихъ, если онъ ему вернетъ имъ плѣненную дочь его: жену Святополка.

6) Картина: Въѣздъ въ Кіевъ тучнаго короля польскаго Болеслава Храбраго и Святополка.

Ярославъ, между тѣмъ, огорченный до крайней степени понесеннымъ имъ пораженіемъ на рѣкѣ Бугѣ, хотѣлъ покинуть Новгородъ и отплыть въ Скандинавію, по примѣру отца своего Владиміра. Но посадникомъ въ Новгородѣ былъ тогда сынъ Добрыни Мальковича, Коснятинъ. Онъ подговорилъ новгородцевъ не отпускать отъ себя Ярослава, и тѣ, разрубивъ его ладьи, рѣшили на вѣчѣ: идти за нимъ противъ братоубійцы, въ Кіевъ; дать ему денегъ и войска для новой войны съ нераскаяннымъ Святополкомъ.

Тѣмъ временемъ, среди гражданъ кіевскихъ поднялся сильный ропотъ на ненасытную жадность и своеволіе ихъ постояльцевъ-поляковъ. Между ними и русскими начали возникать крупныя ссоры. Наконецъ, въ вербную пятницу, по тайному наущенію двухъ старыхъ любимцевъ князя Владиміра, постельничаго Могута и ловчаго Владивоя, русское сердце которыхъ не могло дольше вынести творящагося передъ ихъ глазами безчинства поляковъ и дерзкаго ихъ насилія, наглые гости во всѣхъ русскихъ домахъ и городахъ были ночью, всѣ до единаго, одновременно перебиты, пока жена Святополка, княгиня Болеслава, отпущенная изъ новгородскаго заточенія, въ ночной тишинѣ совѣщалась съ епископомъ Рейнбергомъ о томъ, какъ они скоро начнутъ на мѣста русскихъ православныхъ священниковъ сажать римскихъ ксендзовъ.

Князь Святополкъ очень радъ былъ узнать на другое утро объ этомъ ночномъ избіеніи овладѣвшихъ Кіевомъ поляковъ, хотя лицемѣрно плакалъ о нихъ передъ Болеславомъ. Тѣмъ временемъ Ярославъ уже выступилъ противъ него съ 30-ю тысячами новгородскихъ ратниковъ и двумя тысячами варяговъ-нормановъ. Болеславъ, видя, что нельзя больше вла-

ствовать въ Кіевѣ, имѣя теперь подъ рукой только одну небольшую кучку тѣлохранителей, жившихъ съ нимъ на одномъ дворѣ—и нельзя, тѣмъ болѣе, отразить нападеніе Ярослава, велѣлъ скорѣе сложить на возы кіевскую казну и поспѣшилъ уѣхать домой, обремененный добычей, причемъ удержалъ за собой и города Червонной Руси (Галиціи), завоеванные Владиміромъ. Прослышавъ о приближеніи Ярослава, Святополкъ сталъ собирать въ Кіевѣ войско для борьбы съ нимъ, но кіевляне шли не охотно на призывъ Святополка, такъ какъ не любили его. Богатыри кіевскіе и вовсе не захотѣли къ нему явиться. Когда Ярославъ подошелъ къ Кіеву, кіевская дружина вся побросала оружіе и приняла его, какъ своего законнаго князя. По совѣту Путши, Святополкъ бѣжалъ въ степи, чтобъ вновь тамъ искать помощи печенѣговъ. Всю осень и зиму онъ скитался съ кочевниками въ войлочныхъ ихъ кибиткахъ, пока не встрѣтился, наконецъ, весной съ Ярославомъ на берегу той же рѣчки Альты, гдѣ былъ убитъ, по его приказанію, князь Борисъ. Передъ битвою Ярославъ молилъ Бога объ отомщеніи новому Каину. Бой завязался ожесточенный, какого еще не было на Руси: рубились мечами, схватывая другъ друга за руки; кровь ручьемъ лилась по удольямъ на полѣ битвы. Наконецъ, Святополкъ къ вечеру былъ побѣжденъ, и бѣжалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ простыхъ воиновъ. Онъ скакалъ всю ночь безъ остановки: на него напалъ такой страхъ, что онъ, какъ Каинъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и ему все казалось, что его настигаетъ вражеская погоня. Наконецъ, у него сдѣлался жаръ и бредъ; онъ не могъ ни усидѣть на конѣ, ни идти. Воины понесли его, уложивъ на носилки, но, какъ только они хотѣли гдѣ-либо оста-

7) Картина: Предсмертный недугъ среди поля и лихорадочныя видѣнія Святополка-братоубійцы.

новиться для отдыха, онъ, томимый видѣніями, кричалъ: «бѣгите со мной! За нами гонятся!»... хотя никого не было видно. Святополкъ умеръ дорогой въ Польшу, въ пустынномъ мѣстѣ, среди поля; но въ народной памяти, вмѣстѣ съ прозваніемъ Окаяннаго, о немъ сохранилось преданіе: «что земля разверзлась подъ нимъ и поглотила братоубійцу».

ГЛАВА II.

Ярославъ Мудрый.

Только по смерти Святополка, Ярославъ утвердился прочно на столѣ кіевскомъ со своею супругою Ингигердою, при Св. Крещеніи названною Ириною. Однако, оставивъ въ своемъ личномъ владѣніи удѣлы всѣхъ, Святополкомъ убитыхъ, братьевъ, собственную его область, Туровскую, и Волынскую землю Всеволода, павшаго на далекомъ Мурманскомъ сѣверѣ въ войнѣ съ королемъ шведскимъ Олафомъ,— онъ возбудилъ этимъ неудовольствіе племянника своего, князя полоцкаго Брячислава, внука великаго князя Владиміра и Рогнѣды. Такъ какъ его отецъ Изъяславъ былъ старше Ярослава, то онъ потребовалъ отъ дяди присоединенія къ своей Полоцкой области, по меньшей мѣрѣ, Новгорода и, получивъ, конечно, отказъ, пошелъ брать этотъ городъ, съ дружиной своею, силою, пригласивъ къ себѣ въ союзники норвежскаго витязя Эймунда, одного изъ тѣхъ, что ходилъ съ Ярославомъ въ Кіевъ на Святополка и Болеслава Храбраго. Но Эймундъ ненавидѣлъ шведскаго короля Олафа, и покинулъ Ярослава изъ-за того, что тотъ, женившись на его дочери

Ингигердѣ и горячо любя свою жену, во всемъ слѣдовалъ ея внушеніямъ. Онъ же коварными наущеніями возбудилъ кроткаго Брячислава противъ родного дяди, указывая на то, что князь псковскій Судиславъ уже посаженъ въ тюрьму за свое желаніе сравняться правами съ Новгородомъ, навсегда освобожденнымъ отъ дани Кіеву грамотой Ярослава, въ которой Ярославъ, цѣня услуги, оказанныя ему новгородцами въ его борьбѣ съ Святополкомъ, признавалъ полную самостоятельность Великаго Новгорода. Эта грамота легла въ основаніе всѣхъ вольностей новгородскихъ, и, заключая въ дальнѣйшемъ договоры съ князьями, новгородцы требовали, чтобы новый князь жилъ съ ними «по старинѣ», то есть, по «грамотамъ Ярославовымъ».

Эймундъ смѣялся надъ трусливой покорностью старшему брату Станислава смоленскаго и пошелъ за Брячиславомъ къ Новгороду со своими норманами, готовый поддерживать его въ битвѣ съ ратью великаго князя кіевскаго. Брячиславъ ограбилъ Новгородъ и взялъ въ плѣнъ многихъ новгородцевъ, но Ярославъ догналъ его на обратномъ пути у рѣки Судомы, отбилъ новгородскихъ плѣнниковъ и отнялъ награбленную добычу.

Вмѣстѣ съ мужемъ, во главѣ дружины Ярослава, выступила, верхомъ на бѣломъ конѣ, отважная Ингигерда, одушевляя своимъ присутствіемъ кіевлянъ. Ее охранялъ, всей душой преданный Ярославу, испытанный въ битвахъ, честный и доблестный воевода, бояринъ Вышата, впослѣдствіи лучшій другъ игумена Кіево-Печерскаго монастыря Ѳеодосія.

Ярославъ не ожидалъ, чтобы полоцкій князь пошелъ прямо въ Новгородъ, думая встрѣтиться съ нимъ на берегу Западной Двины. Узнавъ о своей

ошибкѣ, онъ сталъ спѣшить до изнеможенія, чтобы нагнать противника, пока тотъ еще не успѣлъ разорить его любимаго города, вмѣстѣ съ тѣмъ говоря, не безъ нѣкотораго злорадства:—«вотъ, пусть увидитъ Новгородъ, каково оставаться ему безъ князя, на своей волѣ».

Какъ ни сильна была духомъ княгиня Ингигерда, но женская слабость сказалась въ ней во время преслѣдованія, день и ночь, Брячислава, почти безъ сна и отдыха. Уже въ виду непріятеля она лишилась силъ и, сойдя съ коня, упала подъ деревомъ, сбросивъ шлемъ, а также свою тоненькую кольчугу. Здѣсь, подъ защитою одного Вышаты и десяти отроковъ, нашелъ ее съ отрядомъ своимъ Эймундъ, пока Ярославъ добивалъ подъ Новгородомъ полки бѣжавшаго Брячислава, застигнутаго врасплохъ его нападеніемъ, и отбиралъ у врага богатый обозъ изъ добычи, уже награбленной имъ въ новгородскихъ стѣнахъ такъ же, какъ захваченныхъ тамъ плѣнниковъ. Это происходило въ 1021 году. Эймундъ, оберегавшій тылъ полочанъ, увидѣвъ издали, что все пропало, повернулъ скорѣе обратно къ Полоцку. Ингигерда проснулась при его появленіи и, въ одну минуту вооружившись, была уже на конѣ. Она вступила смѣло въ борьбу съ норвежцемъ, стараясь легкимъ своимъ мечемъ ударить его прямо въ лицо. Эймунду же выгодно было взять ее живьемъ для полученія съ Ярослава выкупа, а потому онъ поразилъ подъ нею только ея коня и затѣмъ взялъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ пѣшимъ Вышатою, не имѣвшимъ времени овладѣть тоже своимъ конемъ. Десять отроковъ, конечно, одни не могли ничего сдѣлать съ закаленной въ бояхъ норманской дружиной.

8) Картина: Спящая Ингигерда и Эймундъ, норвежскій витязь.

Князь Ярославъ, гордый своей побѣдой, при-

Собственность Т. П. Мятлевой.

Въѣздъ въ Кіевъ тучнаго польскаго короля Болеслава Храбраго и Святополка *(Къ 11 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Спящая Ингигерда и Эйсмундъ, норвежскій витязь. *(Къ 16 стр.)*

шелъ въ отчаяніе, не найдя своей молодой супруги на мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ *). Но, когда Эймундъ потребовалъ за Ингигерду и за Вышату непомѣрнаго выкупа золотомъ, вмѣстѣ съ Новгородомъ въ придачу для Брячислава, самъ побѣжденный и уже раскаявшійся въ своемъ возмущеніи князь Брячиславъ, обрадованный случаемъ заключить миръ съ могучимъ дядей, котораго все же привыкъ почитать за старшаго въ родѣ, разсердился на норвежскаго союзника, и заявилъ ему, что онъ «теткою не торгуетъ»; онъ удовлетворился полнымъ прощеніемъ своего поступка со стороны Ярослава, выдачей ему всѣхъ полоцкихъ плѣнниковъ и присоединеніемъ города Витебска отъ владѣній умершаго только-что Станислава къ полоцкому удѣлу. Въ знакъ своего смиренія, онъ лично велъ подъ уздцы коня Ингигерды, возвращая ее дядѣ, и Ярославъ, примирившись съ нимъ, цѣловалъ ему крестъ на томъ, что всѣ вины его позабыты. Послѣ того родственнымъ пиромъ въ Полоцкѣ миръ этотъ праздновался болѣе двухъ недѣль.

9) Картина: Примиреніе между полоцкимъ княземъ и Ярославомъ.

Мать умершаго Станислава смоленскаго, Аделаида, вѣчно клянчившая что-нибудь въ Кіевѣ и притворявшаяся несчастной, обездоленною судьбой, выпросила себѣ тысячу провожатыхъ, чтобы ѣхать на Донъ, въ Тьмутаракань, къ другому, старшему сыну своему, Мстиславу «Чермному», непобѣдимому богатырю, грозѣ хазаръ и косоговъ.

Греческій императоръ предложилъ ему уничтожить державу хазарскаго кагана въ Тавридѣ соединенными силами. Хитрые греки искали дружбы хазаръ, пока тѣ были сильны, и старались ихъ погубить теперь, когда они были ослаблены русскими князь-

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Различные мелкіе источники; отдѣльныя свѣдѣнія и разсказы.

ями, со времени Аскольда,—во-первыхъ, а во-вторыхъ, — печенѣгами; также кавказскими племенами: яссами и косогами. Греческій вождь Андроникъ присталъ къ берегамъ Тавриды, въ 1016 году, и въ союзѣ съ дружиной князя Мстислава взялъ въ плѣнъ, во время перваго же сраженія, хазарскаго кагана Георгія Чулу. Послѣ этого греки овладѣли Тавридой, и пала хазарская держава въ Европѣ, хотя азіатская, на берегу Каспійскаго моря, продолжала еще существовать до XII столѣтія. Русскій князь не получилъ въ Тавридѣ ничего, кромѣ денежной платы отъ грековъ и благодарности на словахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Мстиславъ объявилъ войну кавказскимъ «косогамъ»,—своимъ безпокойнымъ, хищнымъ сосѣдямъ на востокѣ,—теперешнимъ черкесамъ.

10) Картина: Единоборство Мстислава съ Редедею.

Онъ вступилъ съ могучимъ косожскимъ княземъ Редедею, въ единоборство, чтобъ тѣмъ рѣшить окончательно исходъ предстоявшей битвы, какъ это было прежде въ обычаѣ. Редедя палъ, поверженный на землю русскимъ княземъ. Мстиславъ закололъ его ножомъ, послѣ чего, по условію, овладѣлъ всѣмъ его имуществомъ и наложилъ на косоговъ дань. Въ память этой побѣды, онъ, по возвращеніи въ Тьмутаракань, построилъ въ этомъ городѣ храмъ во имя Пресвятой Богородицы, слѣдуя данному имъ въ душѣ обѣщанію, когда ему трудно пришлось одно мгновеніе отъ Редеди.

Между тѣмъ, безпокойная, сребролюбивая мать князя Тьмутараканскаго, недовольная тѣмъ, что смоленскій удѣлъ не остался за ней послѣ смерти младшаго сына, а былъ присвоенъ себѣ Ярославомъ, какъ остальныя, лишившіяся своего князя русскія области, — сейчасъ же послѣ пріѣзда своего въ Тьмутаракань начала побуждать, хотя воинственнаго, но добродушнаго и не завистливаго Мсти-

слава, потребовать силой отъ великаго князя кіевскаго раздѣла поровну русскихъ земель между братьями. Мстиславъ, по лѣтописнымъ извѣстіямъ «краснолицый и плотный тѣломъ, съ большими глазами, отважный, щедрый къ дружинѣ», послушался совѣта матери, очень довольной успѣхомъ козней своихъ, и повелъ въ Кіевъ болгаро-русскую свою дружину вмѣстѣ съ черкесской конницей. Ярослава какъ разъ, въ это время, не было дома: онъ только-что, простившись съ княгиней Ириной-Ингигердой, дивившейся безпредѣльной обширности его владѣній, уѣхалъ въ языческій еще Суздаль, гдѣ, по причинѣ неурожая, возникъ мятежъ. Языческіе волхвы, воспользовавшись народнымъ голодомъ, хотѣли упрочить надъ нимъ свое вліяніе, и указали народу на какихъ-то старухъ, яко бы, чаровницъ и колдуній, навлекшихъ бѣдствіе на страну своимъ колдовствомъ. Тогда суевѣрные дикари бросились убивать обвиненныхъ ими старухъ. Ярославъ приказалъ этихъ волхвовъ—обманщиковъ заточить въ темницу, а нѣкоторыхъ казнить. Къ счастью, купцы изъ Камской Болгаріи привезли много хлѣба, и съ прекращеніемъ голода мятежъ самъ собою утихъ. Это было въ 1024 году. И вотъ, когда Ярославъ, захвативъ съ собою, для просвѣщенія темнаго суздальскаго народа, больше священниковъ, нежели дружины, (такъ какъ, по византійскимъ правиламъ, язычниковъ вразумляли не смертоноснымъ оружіемъ, а только проповѣдью христіанства и силою убѣжденія)—перевалилъ изъ Днѣпра въ Оку, а отъ Оки пошелъ глухимъ лѣсомъ вверхъ по рѣкѣ Москвѣ, впадавшей въ Клязьму, въ Кіевъ вдругъ прискакали изъ Переяславля гонцы, посланные посадникомъ великаго князя, сказать, что «Мстиславъ, князь Тьму-

11) Картина: Языческіе волхвы обвиняютъ старухъ въ колдовствѣ.

тараканскій, идетъ на Кіевъ съ громаднымъ воинствомъ и подступилъ уже къ Переяславлю, что съ нимъ косоги, хазары и печенѣги, и что Кіеву передъ нимъ, пожалуй, не устоять». Тогда Янъ Вышата, вѣрный слуга Ингигерды, сейчасъ же собралъ на совѣтъ кіевскую дружину и рѣшилъ вмѣстѣ съ ней, что весь Кіевъ встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, противъ Мстислава, только чтобы не выдать ни въ какомъ случаѣ княгини Ирины до возвращенія Ярослава. Княгиня Ирина, въ мелкой кольчугѣ, золотомъ шлемѣ и съ мечемъ въ рукѣ, стала сама во главѣ своей норвежской дружины, расположившейся у воды, когда полчища князя Мстислава заколыхались на луговой сторонѣ Днѣпра. При ней, какъ всегда, неотлучно былъ воевода Вышата. Вдругъ съ вражеской стороны отчалилъ одинъ, въ дрянномъ челнокѣ, какой-то воинъ въ бѣлой рубашкѣ, съ ножомъ у пояса и безъ шапки, такъ что на его темени, среди коротко остриженной головы, ясно былъ видѣнъ длинный, висячій чубъ, а въ лѣвомъ ухѣ его сверкала на солнцѣ золотая серьга съ жемчужиной и двумя рубинами. Это былъ самъ князь Мстиславъ. Онъ назвалъ себя Вышатѣ, подошедшему къ берегу и спросилъ: что онъ за птица?—«Я воевода княгини Ирины,—вотъ я кто. А тебѣ что надо? второй Святополкъ»? отозвался Вышата. «Ну, Святополка ты самъ проглоти», отвѣчалъ Мстиславъ,—«и узнай, что вся южная часть Руси, съ Кіевомъ,—моя собственность. Ярославъ же пускай себѣ оставляетъ Новгородъ со всей сѣверной половиной».—«Ну, это дѣло князя: что вздумаетъ онъ, то пусть тебѣ и отдастъ», отвѣчалъ воевода Вышата; «силой же Кіева тебѣ не взять. Понялъ»?—«Такъ выходи со мною бороться, коли ты такой бойкій»! отозвался съ лодки Мстиславъ:

«одолѣю я—Кіевъ мой, а одолѣешь ты—твоя будетъ Тьмутаракань».—«Я тутъ ничѣмъ не распоряжаюсь въ отсутствіе князя и безъ согласія моей княгини», отвѣчалъ твердо Вышата,—«вотъ, кстати, она приближается; скажи ей самой, что надо». Княгиня, блистая своей поразительной красотой, подскочила къ Вышатѣ, чтобы узнать отъ него, въ чемъ дѣло, и съ кѣмъ онъ разговариваетъ. Вспыхнувъ гнѣвомъ, она затѣмъ выѣхала впередъ къ челноку, по мелководью, пока вода въ Днѣпрѣ не достигла колѣнъ ея коня, и дрожащимъ голосомъ, обнаживъ свой легкій мечъ, закричала Мстиславу: «Тебѣ здѣсь надо единоборства? Ты пришелъ сюда искать косожскаго Редедю? Такъ возьми мечъ и выходи. Я постою сама за право твоего старшаго брата. Скорѣй нападай, пока нѣтъ хозяина въ Кіевѣ. Можетъ быть, съ женщиной у тебя хватитъ храбрости драться. Не даромъ выждалъ ты, когда князя нѣтъ, и напалъ, какъ тать». Вышата вошелъ тоже въ воду и сталъ на Днѣпрѣ, подлѣ княгини. Мстиславъ молчалъ, ослѣпленный красотой Ингигерды.—«Княгиня, вели Днѣпру остановиться: онъ меня сноситъ, и не даетъ смотрѣть на тебя»,—произнесъ онъ, наконецъ, восторженно.—«Я тебя буду ждать съ мечемъ и въ кольчугѣ», воскликнула гнѣвно княгиня; потомъ повернула лошадь и въѣхала обратно на берегъ. Оттуда она, съ горы, обернулась, чтобы оглядѣть войско Мстислава, и его самого увидѣла въ челнокѣ, не спускавшаго съ нея глазъ. Она погрозила ему мечемъ и вернулась въ Кіевъ, гдѣ начала-было, на самомъ дѣлѣ, готовиться къ поединку съ Мстиславомъ, но воевода Вышата рѣшительно остановилъ ее. Онъ сказалъ непреклонно, что, покуда живъ, не допуститъ такого безумнаго единоборства съ богатыремъ, одолѣвшимъ Редедю.

12) Картина: Княгиня Ингигерда на берегу Днѣпра переговаривается съ обступившимъ войсками Кіевъ, Мстиславомъ Тьмутараканскимъ.

Мстиславъ, конечно, и самъ не думалъ обнажать свой тяжелый мечъ противъ очаровавшей его красавицы. Попросивъ вторичнаго свиданья съ Ингигердой на берегу Днѣпра, онъ сказалъ ей, что съ нею драться для него было бы одно и то же, какъ если бы онъ вступилъ въ бой съ щебетуньей ласточкой, принесшей въ душу его весну, и что, если Эймундъ съ нею бился, то онъ «баранъ»! А потому, не принимая ея смѣлаго вызова, онъ не тронетъ, однако, Кіева, а, пожелавъ имъ счастья, уйдетъ отъ береговъ Днѣпра, несмотря на совершенный имъ сюда дальній походъ изъ Тьмутаракани. Дѣйствительно, въ тотъ же день непріятель пропалъ въ степи. Вмѣсто Кіева Мстиславъ овладѣлъ Любичемъ и Черниговомъ.

13) Картина: Битва въ Листовенѣ между Мстиславомъ и Ярославомъ съ его норманами.

Между тѣмъ Ярославъ, извѣщенный о нападеніи на него Мстислава, поспѣшно собралъ рать изъ новгородцевъ и наемныхъ варяговъ, пришедшихъ къ нему подъ начальствомъ своего знатнаго витязя Якуна, или Гакона. Мстиславъ встрѣтился съ нимъ недалеко отъ Чернигова, въ мѣстечкѣ Листовена и напалъ на него въ одну темную бурную ночь, выставивъ противъ страшныхъ норманскихъ воиновъ храброе чернигово-сѣверское ополченіе. Онъ самъ бился, какъ въ старину Илья Муромецъ: «Куда махнетъ, враги лягутъ улицами; гдѣ отмахнется—то переулочками».

Ярославъ былъ побѣжденъ и спасся съ Якуномъ обратно въ Новгородъ, такъ какъ не смѣлъ возвратиться въ Кіевъ. Онъ не повѣрилъ брату, когда тотъ прислалъ ему сказать, что, признавая его старшинство, не тронетъ Кіева, и рѣшился въѣхать въ свою столицу только съ вновь, на сѣверѣ, собраннымъ, сильнымъ войскомъ. Но княгиня Ирина не согласилась оставить Кіевъ и не поѣхала на призывъ

мужа, увѣренная въ своей безопасности отъ нападенія Мстислава, желавшаго искренно помириться съ братомъ. Когда, наконецъ, успокоенный Ингигердой въ своихъ сомнѣніяхъ на этотъ счетъ, Ярославъ прибылъ въ покинутую столицу русской земли, ему пришлось ѣхать, какъ побѣжденному, въ станъ Мстислава, гдѣ между братьями заключенъ былъ миръ, больше не нарушавшійся,—въ 1025 году. Они рѣшили положить Днѣпръ опредѣленной чертой своихъ владѣній, причемъ всѣ земли на востокъ отъ Днѣпра перешли къ Мстиславу, и его мать, добившись цѣли—своей, переѣхала опять на житье въ свой любимый Смоленскъ, гдѣ скончалась въ глубокой старости, все продолжая жаловаться на бѣдность. Мстиславъ избралъ своей столицей Черниговъ и заложилъ тамъ церковь Спаса. Находясь съ этихъ поръ въ тѣсной, искренней дружбѣ, братья общими силами воевали съ внѣшними врагами Руси. Они отобрали обратно отъ ляховъ, завоеванные Владиміромъ святымъ и отнятые Болеславомъ Храбрымъ у кіевскаго великаго князя, Червенскіе города,—при его преемникѣ, королѣ Мечиславѣ III-мъ—между ними Ярославъ взялъ еще пограничный съ Галиціей городъ Бельзъ.

Пользуясь слабостью польскаго короля и неустройствами Польши, Ярославъ съ Мстиславомъ ходили воевать внутрь этой сосѣдней, имъ враждебной, страны, откуда вывели на берега рѣки Роси множество плѣнниковъ, населивъ ими вновь тамъ заложенные города и крѣпости.

Захворавъ на охотѣ, въ 1036 году Мстиславъ умеръ бездѣтнымъ, и всѣ свои земли завѣщалъ Ярославу. Его похоронили торжественно въ Десятинной церкви.

Ужасный для враговъ, онъ оставилъ по себѣ добрую память милостивымъ отношеньемъ къ народу.

Судиславъ псковскій за предъявленное имъ требованіе раздѣла русскихъ земель и освобожденія Пскова отъ дани Кіеву, былъ посаженъ Ярославомъ въ темницу. Такимъ образомъ, за исключеніемъ полоцкаго удѣла, великій князь кіевскій сталъ единодержавнымъ властителемъ русской земли, что водворило въ ней тишину внутри и придало ей силу для отраженія внѣшнихъ враговъ.

Своихъ сыновей Ярославъ размѣстилъ по разнымъ землямъ, назначивъ имъ удѣлы, причемъ входило въ обычай старшаго водворять въ землѣ новгородской, пока это правило не уступило силѣ народнаго выбора. Только любимаго своего сына, Всеволода, Ярославъ держалъ при себѣ, хотя назначилъ ему для княженія близкій къ Кіеву Переяславль, присоединивъ къ этому удѣлу отдаленную ростовскую область. Сынъ Всеволода, отъ второй жены его, дочери византійскаго императора Константина Мономаха, Владиміръ Мономахъ,—тринадцати лѣтъ, черезъ землю вятичей былъ отправленъ отцомъ въ Ростовъ.

Въ годъ смерти Мстислава, когда Ярославъ опять отлучился въ Новгородъ водворять тамъ на княженіе своего старшаго сына Владиміра, печенѣги, въ большомъ количествѣ переплывъ Днѣпръ, подступили опять къ самому Кіеву, съ цѣлью разграбить его. Кіевскій тысяцкій и вѣрный оберегатель княжескаго семейства, Янъ Вышата, смѣло встрѣтилъ ихъ на стѣнахъ города и отбивалъ отважно одинъ за другимъ всѣ бѣшеные ихъ приступы, сопровождавшіеся дикимъ воемъ и визгомъ, причемъ кіевляне уничтожали дикарей тысячами. Когда Ярославъ при-

шелъ со свѣжими войсками на выручку Кіева, то произошла рѣшительная, большая битва. Соединенными силами новгородцевъ, варяговъ и кіевлянъ Ярославъ нанесъ печенѣгамъ такое страшное пораженіе, что съ тѣхъ поръ лѣтопись не упоминаетъ больше о печенѣжскихъ набѣгахъ.

На мѣстѣ этого послѣдняго сраженія съ печенѣгами Ярославъ заложилъ новый храмъ, во имя Св. Софіи. Затѣмъ началась постройка каменныхъ стѣнъ гораздо обширнѣе прежнихъ. Съ этихъ поръ городъ началъ рости, украшаться и богатѣть.

Умноженіе епископскихъ каѳедръ потребовало установленія главной каѳедры надъ всѣми ими, или ихъ митрополіи. Ярославъ положилъ ей начало вмѣстѣ съ основаніемъ храма Св. Софіи. Первымъ митрополитомъ при немъ является Ѳеопемтъ, освящавшій въ 1039 г. Десятинную церковь, вновь перестроенную Ярославомъ. Въ 1044 г. Ярославъ, по ревности къ христіанской вѣрѣ, совершилъ странный обрядъ, приказавъ выкопать изъ земли и крестить кости дядей своихъ: Олега и Ярополка, а потомъ схоронить въ Десятинной Церкви.

У Ярослава и Ингигерды уже подросли три красавицы дочери: стройныя, голубоокія и свѣтлокудрыя, къ которымъ скоро начали пріѣзжать изъ разныхъ странъ женихи. Сыновей же было у нихъ еще четыре, кромѣ Владиміра новгородскаго: Изъяславъ, Всеволодъ, Вячеславъ и Игорь.

При Ярославѣ Русь увеличилась пріобрѣтеніемъ новыхъ земель и данниковъ, между прочимъ, на сѣверо-западѣ, въ земляхъ финскихъ и литовскихъ племенъ. Уже Владиміръ Великій покорилъ дикое племя ятвяговъ, и вся земля при Балтійскомъ морѣ, называвшаяся Ливоніей, ему платила дань. Междоусо-

біе его сыновей не надолго вернуло этимъ языческимъ странамъ ихъ независимость, но еще до смерти Мстислава Ярославъ ходилъ неоднократно войной на Чудь и утвердилъ свое господство къ западу отъ Чудскаго озера, гдѣ построилъ въ 1031 году городъ Юрьевъ, по своему христіанскому имени. А спустя 10 лѣтъ онъ послалъ въ ту же сторону своего сына Владиміра новгородскаго для завоеванія другого финскаго племени, Ямь, жившаго недалеко отъ Финскаго залива Варяжскаго, т. е. Балтійскаго, моря.

Кстати здѣсь мы необходимо должны остановить наше вниманіе на судьбѣ и дальнѣйшемъ развитіи быта этихъ племенъ финской народности и Литвы, уже описанныхъ нами на своемъ мѣстѣ въ первыхъ стадіяхъ ихъ исторической жизни, такъ какъ они вошли почти цѣликомъ, плотью и кровью, въ составъ Русскаго государства, осѣвъ на пространствѣ его сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ областей. Мы уже знаемъ ихъ происхожденіе и глубокій основной корень во тьмѣ давно прошедшихъ временъ, ихъ внѣшній обликъ до X вѣка. Посвятимъ теперь нѣсколько страницъ обозрѣнію ихъ со времени вокняженія въ Кіевѣ великаго князя Владиміра Святаго, какъ ближайшихъ сосѣдей Руси со стороны Полоцка, Новгорода и Пскова.

Принѣманская Литва дѣлилась на Верхнюю, или Собственную Литву, жившую по среднему Нѣману и рѣкѣ Виліи, и на Нижнюю, или Жмудь, обитавшую въ Приморскомъ краѣ, между низовьями Нѣмана и Виндавой. Однако, по языку эти обѣ части Литвы составляли одну семью, тогда какъ литовскіе народцы, жившіе далѣе къ сѣверу, являлись уже другою вѣтвью той же литовской семьи, и носили общее имъ названіе: латышей или летовъ. Они занимали уголъ

между Балтійскимъ моремъ и Рижскимъ заливомъ; жили на лѣвой сторонѣ Западной Двины и на правой до рѣки Аа, даже нѣсколько глубже, на землѣ, сопредѣльной съ финнами. На западъ отъ Принѣманской Литвы находилась третья ея вѣтвь—Прусская: между нижнимъ Нѣманомъ и нижней Вислой. Извѣстно, что Нѣманъ при устьѣ своемъ назывался Русью. Между тѣмъ какъ Собственная Литва и страна латышей соприкасались съ славяно-русскимъ міромъ, Пруссія находилась въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ славяно-ляхами, или Польшей. Съ юга къ Нѣманской Литвѣ и пруссамъ примыкалъ народъ, который по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ можно было назвать четвертой литовской вѣтвью, а именно, «ятвяги». Они занимали область глухихъ непроходимыхъ пущъ, орошаемыхъ правыми притоками Западнаго Буга и лѣвыми Нѣмана. Такимъ образомъ «ятвяги» врѣзывались клиномъ между русскими и польскими славянами.

Средневѣковые и позднѣйшіе историки изображаютъ коренныхъ литвиновъ людьми крѣпкаго тѣлосложенія, съ бѣлою кожей, румянымъ овальнымъ лицомъ и голубыми глазами. Въ домашнемъ быту они были добродушны и гостепріимны, но, выходя изъ мирнаго состоянія, въ войнахъ съ сосѣдями являлись народомъ суровымъ и хищнымъ; въ IX и X-мъ столѣтіяхъ они еще были дикими звѣроловами. Дремучія пущи Литвы изобиловали множествомъ рогатаго, пушного и всякаго звѣря, каковы: медвѣди, вепри, лоси, зубры, лисицы и т. п. Изъ древеснаго дупла литвины добывали медъ дикихъ пчелъ. Рѣчки и озера ихъ питали рыбою. Мѣстами они уже занимались земледѣліемъ, употребляя въ упряжку воловъ и взрывая землю дубовымъ обож-

женымъ сошникомъ. Какъ отголосокъ степныхъ скитаній отдаленныхъ временъ и древней сарматской крови, въ литвинѣ жила особенная любовь къ коню. Кони литовскіе хотя были малорослы, но отличались выносливостью. Литва продолжала употреблять въ пищу конское мясо; пила не только кобылье молоко, но и теплую конскую кровь. Она была разсѣяна небольшими поселками въ своихъ лѣсахъ и жила въ земляныхъ или бревенчатыхъ хижинахъ, освѣщаемыхъ только лучинами, и съ отверстіями, затянутыми звѣриной кожей намѣсто оконъ. Неизвѣстны литовскіе города этого времени. Самая природа страны—непроходимые лѣса и болота, служили лучшей защитой ея отъ вторженія непріятеля. Однако, все же остатки валовъ и городищъ указываютъ на существованіе земляныхъ укрѣпленій. Литовское племя «куроновъ», жившее по Балтійскому побережью, у Рижскаго залива, было извѣстно морскимъ разбоемъ. Но, тѣмъ не менѣе, промышленные люди, пробиравшіеся въ Литву съ славянскаго поморья, завели съ нею правильныя сношенья для обмѣна своихъ товаровъ на звѣриныя шкуры, мѣха и воскъ. Кромѣ того, привлекало ихъ большое количество янтаря въ приморской части Пруссіи. Мѣстные князья, или военноначальники, назывались въ Литвѣ, какъ намъ извѣстно, кунигасами. Литва управлялась отчасти ими, отчасти вѣчемъ своихъ старшинъ. Плѣненныхъ на войнѣ обращали въ рабовъ. Что касается до литовской языческой вѣры, то основой ея, какъ и всюду, являлось почитаніе различныхъ явленій природы. Самое грозное ихъ божество, соотвѣтствовавшее Перуну славянъ, олицетворяло собой огонь и носило названіе Перкунаса. Огнепоклонство литвиновъ выражалось неугасимо горѣвшими передъ его идолами ко-

страми. Этотъ священный огонь назывался Зничъ и находился подъ вѣдѣніемъ особой богини. Жреческое сословіе въ Литвѣ было болѣе сильно и вліятельно, чѣмъ у славянъ. Бога подземнаго царства литвины изображали старцемъ съ сѣдой бородой и съ головой, почему-то небрежно повязанной кускомъ полотна. Перкунасъ же изображался крѣпкимъ мужемъ съ кремневымъ молотомъ или стрѣлой въ рукѣ. Дубъ считался преимущественно деревомъ Перкунаса, и потому святилища его располагались обыкновенно посреди дубовой рощи. Главнѣйшее изъ нихъ находилось въ Пруссіи, въ мѣстности Ромово, пока нѣмцы не разорили здѣсь это святилище, послѣ чего литовцы перенесли его сначала на Нѣманъ, а позже—въ городъ Вильно. Тамъ, подъ вѣтвями священнаго дерева, стояли идолы двухъ упомянутыхъ выше боговъ и еще третьяго: бога воды, представляемаго подъ видомъ водянаго ужа съ мужской головой. Предъ ними горѣлъ неугасимый костеръ. Огонь для него добывался изъ кремня, находившагося въ рукахъ Перкуна, а если онъ угасалъ, то наблюдавшіе за нимъ жрецы, особенно чистой жизни, подвергались безпощадной казни сожженіемъ. Подлѣ святилища жилъ верховный литовскій жрецъ, называвшійся Криве-Кривэйто. Высшіе жрецы, или «криве», имѣли значеніе народныхъ судей и наблюдали за простыми жрецами своего округа—войделотами. Жрецы отличались одеждою отъ другихъ литвиновъ. Ихъ дѣломъ было наставлять народъ въ правилахъ вѣры, лѣчить больныхъ, гадать о будущемъ и заклинать недобрыхъ духовъ. Войделоты имѣли право жениться, тогда какъ кривэ оставались безбрачными. Жезлъ особаго вида былъ знакомъ ихъ достоинства. Передъ нимъ преклонялись простые и знатные люди.

14) Картина: Священная роща съ идолами трехъ литовскихъ боговъ, озаренныхъ огнемъ костровъ.

Криве-Кривэйто, достигши глубокой старости, самъ иногда приносилъ себя въ жертву богамъ за грѣхи народа, торжественно сожигаемый живьемъ на кострѣ изъ священнаго дерева, что, конечно, поддерживало въ народѣ уваженіе къ жреческому сословію. Въ концѣ X-го вѣка архіепископъ чешскій Войтехъ, или Адальбертъ, отправился подъ покровительствомъ польскаго короля Болеслава Храбраго проповѣдывать Евангеліе литовскимъ племенамъ, жившимъ по берегу Балтійскаго моря. Съ двумя спутниками онъ попалъ нечаянно въ заповѣдную рощу, куда иноземцы не смѣли ходить подъ страхомъ смерти. Старшій жрецъ первый ударилъ христіанскаго проповѣдника въ грудь, а другіе его докончили. Для выдачи тѣла мученика пруссы потребовали съ Болеслава Храбраго столько серебра, сколько оно вѣсило.

15) Картина: Убіеніе Адольберта язычниками въ Литвѣ.

Въ 1109 г. такая же мученическая кончина постигла католическаго священника Бруна, гостившаго въ Кіевѣ у Владиміра Святаго по пути съ крестомъ и Евангеліемъ въ печенѣжскія степи. Оттуда онъ направился въ языческую Литву. Тогда Болеславъ Храбрый предпринялъ зимою походъ въ глубь Пруссіи. Ледъ, покрывавшій болота и озера, представлялъ изъ себя въ это время года прочный мостъ для движенія польскаго войска. Оно разрушило Ромово и сокрушило тамъ идоловъ, перебивъ жрецовъ. Болеславъ наложилъ дань на пруссовъ, сжегъ много селеній въ странѣ ихъ и съ торжествомъ возвратился домой. Послѣ такого удара язычеству, мѣстопребываніе Кривэ-Кривэйто, вмѣстѣ съ святилищемъ, было перенесено въ Принѣманскую Литву, на устье рѣки Дубиссы—праваго притока Нѣмана. Кромѣ жрецовъ у литвиновъ существовали жрицы—войделотки. Со-

храняя цѣломудріе подъ угрозой смерти, онѣ должны были поддерживать священный огонь передъ женскими божествами; а, кромѣ того, занимались тоже прорицаньями и лѣченіемъ. Помимо животныхъ, какъ конь, быкъ и козелъ, литвины приносили въ жертву своимъ богамъ плѣнниковъ и дѣтей, когда хотѣли имъ выразить особенно горячую благодарность или смягчить ихъ гнѣвъ. Литвины, какъ и славяне, вѣрили, что загробное существованіе похоже на ихъ земную жизнь, и что тамъ будетъ такое же отношеніе между слугами и господами, потому они на костеръ умершаго возлагали всю его домашнюю обстановку съ избранными рабами и рабынями, охотничьими собаками и соколами. Тѣни покойниковъ часто представлялись воображенію литвиновъ въ полномъ вооруженіи, на крылатыхъ коняхъ. Погребеніе сопровождало всегда торжество съ большимъ количествомъ пива и меду.

Бѣдность дикой Литвы побуждала ее иногда предпринимать мелкіе набѣги на богатыхъ сосѣдей, какъ Русь и Польша. Но эти сосѣди, въ свою очередь, начали тѣснить Литву: одни—съ юга, другіе—съ востока. Одновременно и христіанство стало со всѣхъ сторонъ вторгаться въ литовскіе предѣлы. Мы сказали уже, что, по свидѣтельству нашей лѣтописи, Владиміръ Святой, еще ранѣе Ярослава Мудраго, ходилъ въ Литву воевать съ ятвягами, и вся, такъ называемая, Ливонія ему платила дань.

16) Картина: Военноплѣнный.

Ливоніей назывался собственно Прибалтійскій край, имѣвшій своею сѣверною границей Финскій заливъ; восточной же Чудское озеро съ рѣкой Наровой. Литовское племя латышей, здѣсь соприкасавшееся съ Чудью на южной ея границѣ, гдѣ ея племена носили названіе эстовъ, тѣснило ихъ дальше къ сѣверу, от-

части мѣшаясь съ ними, что дало новую разновидность мѣстныхъ народцевъ: именно «ливовъ», жившихъ на нижнемъ теченіи Двины и по морскому берегу, отъ Пернавы на югъ, до другой «куронской» рѣчки Аа. Куроны изъ себя представляли такую же смѣсь литовской и финской крови; жили въ Приморьѣ дальше на западъ. Они сохранили больше черты литовской народности, тогда какъ ливы скорѣе склонялись къ финнамъ по своимъ нравамъ, обычаямъ и языку; были такъ же упрямы, какъ и они; носили одежду темнаго цвѣта и отличались расположеніемъ къ морскому разбою. Ливонскіе и куронскіе пираты наносили не малый вредъ торговому судоходству на Балтійскомъ морѣ.

Мѣстность между Западною Двиною и Чудскимъ озеромъ изобилуетъ красивыми озерами среди красивыхъ долинъ и возвышенностей верхняго теченія рѣки Аа. Но почва въ Ливоніи каменистая, а морской берегъ, покрытый зыбучимъ пескомъ не имѣетъ удобныхъ гаваней. Рѣки, текущія здѣсь въ Балтійское море, мелководны. При устьѣ одной изъ нихъ, Эмбахъ, Ярославъ-Юрій и построилъ городъ Юрьевъ, иначе Дерптъ: по туземному названію ранѣе бывшаго на этомъ мѣстѣ финскаго населенія. Будучи сосѣдями эстовъ, новгородцы и псковичи совершали неоднократно удачные набѣги на земли ихъ и рядомъ съ добычей, челядью и скотомъ, брали укрѣпленные городки туземцевъ, между которыми особенную извѣстность получилъ Оденпэ, иначе—Медвѣжья Голова, находившійся нѣсколько южнѣе Юрьева, на одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ уголковъ Ливоніи. По свидѣтельству лѣтописи, перевѣсъ въ борьбѣ съ населеніемъ этихъ дикихъ языческихъ странъ съ Вел. Кн. Владиміра и Ярослава Мудраго, оставался долгое

время на сторонѣ русскихъ дружинъ, проникавшихъ въ глубь литовскихъ земель и бравшихъ тамъ дань не только звѣриными шкурами, но съ бѣднѣйшихъ жителей— лыкомъ, березовою корой, желудями и вѣниками.

Въ половинѣ XI вѣка *) кіевскіе князья успѣли очертить своимъ мечомъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ довольно широкій кругъ земель, которыхъ средоточіемъ оставался Кіевъ. Въ составъ населенія ихъ, кромѣ пришлыхъ славянъ, входили: финскія племена и Чудь прибалтійская, Весь бѣлозерская, Меря ростовская и Мурома по низовью Оки. Среди этихъ-то дикарей-инородцевъ выросли русскіе города: Муромъ, Ростовъ, Бѣлозерскъ, а на берегу Волги Ярославъ поставилъ городъ, названный его языческимъ именемъ «Ярославлемъ».

Отъ Валдайскаго или Алаунскаго плоскогорія, въ сѣверо-западной его части, почва постепенно понижается на сѣверъ и сѣверо-западъ, къ берегамъ Финскаго залива, а далѣе снова возвышается и переходитъ въ гранитныя скалы Финляндіи, съ ихъ отрогами, ведущими къ Бѣлому морю. Вся эта полоса была когда-то покрыта глубокимъ ледянымъ слоемъ; вода, въ теченіе тысячелѣтія накопившаяся отъ таянья льда, наполнила всѣ ея впадины и образовала здѣсь безчисленныя озера. Среди нихъ Ладожское и Онежское могутъ быть скорѣй названы внутренними морями, чѣмъ озерами, по своей обширности и глубинѣ. Они соединяются между собой, а также съ озеромъ Ильменемъ и Балтійскимъ моремъ, такими многоводными рѣками, какъ Свирь, Волховъ и Нева. Восточную грань этой великой озерной области составляютъ: рѣка Онега, озера: Лаче, Воже, Бѣлое и Кубенское. Далѣе на востокъ, до самыхъ

*) Д. И. Иловайскій «Исторія Россіи».

Уральскихъ горъ, идетъ полоса низкихъ широкихъ хребтовъ или уваловъ. Они прорѣзываются Сѣверной Двиной, Печорой и Камой съ ихъ многочисленными притоками. Увалы эти составляютъ водораздѣлъ между лѣвыми притоками Волги и рѣками Ледовитаго океана. Обѣ эти полосы: озерную и каменистыхъ уваловъ покрываютъ неизмѣримые хвойные лѣса, смѣняющіеся на сѣверѣ мелкимъ кустарникомъ и, наконецъ, переходящіе въ дикія безпріютныя тундры, т. е., низменныя, болотистыя пространства, однообразныя, подернутыя мохомъ и проходимыя только въ зимнее время, когда онѣ скованы бываютъ морозомъ.

Южная половина этого сѣвернаго пространства имѣетъ почву песчано-глинистую, при полномъ раздольи для вѣтровъ, дующихъ съ Ледовитаго океана. Однако, предпріимчивые, дѣятельные новгородцы съумѣли себѣ подчинить эту скупую природу: внести въ нее жизнь и движеніе. Но прежде, нежели новгородская Русь распространила здѣсь свои поселенія и промышленность, вся сѣверо-восточная часть Россіи уже была заселена народами обширной финской семьи. Древняя Русь имѣла для финновъ другое общее имя: она называла ихъ Чудью. По преимуществу это названіе относилось къ тѣмъ финнамъ, что жили по западную сторону Чудскаго озера, иначе озера Пейпусъ,—эстамъ, и по восточную—«Водь». Кромѣ того, была чудь Заволоцкая, обитавшая отъ озера Ладожскаго и Онежскаго до Сѣверной. Двины. Къ ней примыкало и финское племя: «Весь», жившее близъ Бѣлоозера, распространяясь на югъ, по Шекснѣ и Мологѣ, и на юго-западъ, до Верхняго Поволжья. Сѣверо-западная часть Заволоцкой чуди называлась еще «карелами». Одно карельское племя, жившее

по лѣвому берегу рѣки Невы носило названіе Ижоры. Карелы оттѣснили далѣе на сѣверъ въ тундры и скалы, соплеменный себѣ дикій народецъ лопарей. Часть ихъ, оставшись на прежнихъ мѣстахъ, смѣшалась съ карелами. Западные финны, жившіе въ странахъ между Балтійскимъ и Бѣлымъ моремъ, до Верхней Волги, отличались особенно свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ, кожи и глазъ, почему Русь въ своихъ пѣсняхъ издавна ихъ называла Чудь бѣлоглазая. По обѣимъ сторонамъ Волги, особенно между нею и Клязьмой, притокомъ Оки, обитало финское племя мерянъ. На нижней Окѣ оно называлось, муромой. Между Окою и Волгой, страною древнихъ буртасовъ, жила Мордва, дѣлясь на два племени: Эрзу и Мокшу. При крутомъ поворотѣ Волги жили черемисы. На сѣверъ отъ этихъ поволжскихъ финновъ широко разселились по рѣчнымъ областямъ Камы, съ притокомъ Вяткой, и Сѣверной Двины, съ Вычегдой, пермское племя зырянъ и вотяковъ. Далѣе на сѣверо-востокъ встрѣчаемъ Югру, уже упомянутую нами въ предыдущихъ выпускахъ, тоже вѣтвь финской народности, жившую по рѣкѣ Печорѣ и по обоимъ склонамъ Уральскаго хребта. Теперь она извѣстна подъ именемъ вогуловъ и вотяковъ. Сюда заходили издавна новгородцы, привлекаемые на Сѣверную Двину обиліемъ пушного звѣря въ областяхъ по теченью ея и сосѣднихъ съ нею большихъ судоходныхъ рѣкъ: Вычегды, Камы и Печоры. Вооруженной рукой они собирали тамъ дань, гдѣ могли, и достигали сѣвернаго Урала, ведя мѣновую торговлю съ Югрой (см. выпускъ II-ой I-ой части). Несмотря на высокія горы и пропасти, преграждавшія путь предпріимчивымъ новгородцамъ и занесенныя къ тому же глубокимъ снѣгомъ, они, по нѣкоторымъ смутнымъ

17) Картина: Типъ лопаря.

18) Картина: Типъ финна.

извѣстіямъ переваливали черезъ Уральскій хребетъ и доходили до рѣки Оби. Съ сѣверо-восточныхъ окраинъ Европы, кромѣ цѣнныхъ мѣховыхъ товаровъ, привозилось еще золото и серебро изъ рудниковъ Урала и Алтая, гдѣ остались слѣды древнѣйшей ихъ разработки, въ уже описанныхъ нами ранѣе чудскихъ копяхъ (см. I-ый выпускъ I-ой части). Торговыя сношенія, конечно, распространяли среди туземцевъ вліяніе новгородцевъ,—особенно сильное между промышленными зырянами по рѣкѣ Вычегдѣ. Однако, сборъ дани встрѣчалъ нерѣдко ожесточенное сопротивленіе, преимущественно со стороны угрскаго племени, отличавшагося воинственнымъ духомъ, имѣвшаго укрѣпленныя поселенія и жившаго подъ управленіемъ своихъ родовыхъ князей, ревнивыхъ къ охраненію своей власти и самобытной народности. Вѣтвь эта считается предками угровъ, вытѣсненныхъ изъ своей родины турецкими кочевниками. Послѣ долгаго скитанія въ западномъ направленіи по степямъ южной Руси, она при помощи нѣмцевъ покорила себѣ славянскія земли средняго Дуная. Въ южномъ Пріуральѣ кочевало башкирское племя, впослѣдствіи отатарившееся.

На самый же крайній сѣверъ, къ берегу Ледовитаго океана, въ область древнихъ гиперборeевъ, (см. I-ый выпускъ I-ой части) былъ оттѣсненъ съ Урала народъ самоѣдскій—нѣчто среднее между монгольскимъ и финскимъ корнемъ. Русская исторія застаетъ сѣверныя финскія племена на очень низкой ступени бытового развитія: они жили чуть не въ пещерахъ, питались травою и тухлой рыбой, скитаясь за стадами оленей, которыя ихъ кормили и одѣвали. Однако, ихъ соплеменники—финны поволжскіе и прибалтійскіе—жили уже большими селами въ бревенчатыхъ избахъ; занимались звѣринымъ промы-

19) Картина: Самоѣдъ.

сломъ и пчеловодствомъ; промѣнивали себѣ у русскихъ и Камо-булгарскихъ торговцевъ, посѣщавшихъ ихъ земли, за шкуры пушныхъ звѣрей, разныя украшенія и предметы утвари. При всей своей дикости, финскія племена издревле были извѣстны своимъ кузнечнымъ ремесломъ, т. е. обработкой металловъ. Скандинавскія саги (пѣсни) прославляютъ финскіе мечи, приписывая имъ волшебную силу, такъ какъ ковавшіе ихъ кузнецы вмѣстѣ съ тѣмъ слыли за колдуновъ. Впрочемъ, памятники, находимые въ финской землѣ, и самый языкъ ихъ показываютъ, что слава ихъ ковачей должна быть отнесена къ мѣдному вѣку, т. е. къ искусству обрабатывать мѣдь, а не ковать желѣзо (см. выпускъ I-ый, часть I-ая). Послѣднее искусство принесено на сѣверъ позже, народами, болѣе одаренными. Финское племя не лишено плодовитаго воображенія, на что указываютъ ихъ красивые и богатые содержаніемъ вымыслы. Но необщительное и непредпріимчивое, отдаленное отъ образованныхъ странъ, оно не могло создать самобытнаго государства. Изъ среды финскихъ племенъ выдается племя зырянское или пермское, отличавшееся больше другихъ способностью къ промышленнымъ предпріятіямъ. Оно населяло (уже извѣстную намъ изъ 2-го выпуска 1-ой части) древнюю богатую страну—Біармію. Въ религіи финновъ, должно быть вслѣдствіе гнета ихъ невеселой пустынной природы, преобладаютъ недобрыя, грозныя божества, требующія себѣ, для умилостивленія ихъ, большаго количества кровавыхъ жертвъ. Они представлялись воображенію финновъ въ видѣ неодушевленныхъ предметовъ, стихійныхъ силъ и различныхъ животныхъ. Они, напримѣръ, поклонялись каменьямъ и медвѣдямъ. Только нѣкоторые ихъ идолы

имѣютъ грубое подобіе человѣка. Ихъ жрецы, или шаманы, находились на самой низкой ступени развитія. Они вызывали духовъ,—воздушныхъ и подземныхъ—бѣшеными кривляньями, сопровождая ихъ дикими звуками. Это финское, въ одномъ общемъ понятіи, грозное, недоброе божество, особенно рѣзко выраженное на востокѣ, получило у финновъ названіе Керемети. Въ глубинѣ лѣсной чаши закалывались, для подношенія ему посредствомъ сжиганія, овцы, коровы и лошади, причемъ половина ихъ мяса съѣдалась финнами, запиваясь приготовляемымъ на этотъ случай одурманивающимъ напиткомъ. Финны управлялись старшинами своихъ племенъ и родовъ. Въ пѣсняхъ своихъ они сохранили воспоминанія о древней борьбѣ кареловъ съ лопарями. Воспѣваемые ими герои, подвиги свои совершали не ловкостью или силой, а чарами волшебства. Такъ и въ этой борьбѣ старый Вейнемейненъ—великій чародѣй и въ то же время вдохновенный слагатель рунъ (пѣсней),—тоже искусный игрокъ на «кантелэ» (музыкальный инструментъ, похожій на арфу или бандуру). Его товарищи одинаково обладаютъ даромъ волшебства: какъ кузнецъ Ильмариненъ, молодой поэтъ Лименкейменъ. Ихъ противники, въ свою очередь, борятся съ ними вѣщими словами, заклятіями и другими силами колдуновъ. Сборникъ финскихъ народныхъ сказаній извѣстенъ подъ названіемъ Калевалы. Финны скоро подпали зависимости болѣе развитыхъ сосѣднихъ народовъ. Многія изъ ихъ племенъ уже при началѣ русской исторіи платятъ дань новгородской Руси, но, тѣмъ не менѣе, во времена первыхъ русскихъ князей они являлись опасными ихъ врагами въ Полоцкѣ, Новгородѣ и Псковѣ.

20) Картина: Финскій шаманъ.

21) Картина: Идольское молебище.

22) Картина: Изъ Калевалы.

Княженіе Ярослава ознаменовалось тоже по-

слѣднимъ большимъ походомъ русскаго флота на Византію, въ 1043 году, когда дружескія связи съ нею, въ царствованіе безпечнаго и преданнаго однимъ удовольствіямъ Константина Мономаха, были нарушены безнаказаннымъ убійствомъ греками одного изъ почтеннѣйшихъ русскихъ купцовъ, или гостей, въ Византіи. Ярославъ снарядилъ судовую рать, подъ начальствомъ своего старшаго сына Владиміра съ воеводой Вышатой. Императоръ Константинъ Мономахъ, видя свои мирныя предложенія отклоненными слишкомъ высокими требованіями Владиміра, лично сталъ во главѣ византійскаго флота и загородилъ русскимъ ладьямъ доступъ къ Царьграду. Послѣдовали битвы на морѣ, и грекамъ, съ помощью огнеметательныхъ ихъ снарядовъ, удалось снова сжечь часть русскихъ судовъ, чѣмъ были приведены въ замѣшательство всѣ другія. Многія русскія ладьи были бурей выброшены на береговыя скалы и потерпѣли крушеніе, причемъ чуть не погибъ самъ князь Владиміръ. Шесть тысячъ человѣкъ русской рати, спасшейся на берегъ послѣ крушенія своихъ судовъ, рѣшили идти домой «горою», то есть сухимъ путемъ, и во главѣ ихъ сталъ, выйдя на берегъ изъ своей ладьи, доблестный воевода Вышата, дабы они не пускались въ трудный, опасный путь безъ опытнаго вождя. Владиміръ же благополучно вернулся съ остальною дружиною къ берегамъ Днѣпра на уцѣлѣвшихъ судахъ.

Громадныя силы грековъ окружили шедшаго «горой» Вышату и его пѣшихъ воиновъ близъ города Варны. Но русскіе не хотѣли сдаться. Они храбро, упорно бились, пока Вышата не потерялъ сознанія, получивъ тяжелую рану. Его привезли въ Царьградъ и съ нимъ пригнали восемьсотъ обезору-

женныхъ русскихъ воиновъ, оставшихся на свое горе въ живыхъ послѣ побоища. Жестокіе греки, по своему излюбленному обычаю, ослѣпили всѣхъ своихъ плѣнниковъ простымъ сапожнымъ ножемъ. Такимъ же способомъ лишенъ былъ зрѣнія и несчастный Вышата, пожертвовавшій собою, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ дружиной. За то, 24 корабля, посланные императоромъ Константиномъ въ погоню за княземъ Владиміромъ, были почти всѣ истреблены окружившими ихъ ладьями русскихъ, тоже забравшими съ собой въ плѣнъ много народу. Когда, черезъ три года, миръ съ Византіей былъ возобновленъ, греки вернули на родину всѣхъ слѣпцовъ, въ 1046 г., и между ними Вышата вернулся въ Кіевъ, уже совсѣмъ старикомъ, послѣ перенесенныхъ имъ въ плѣну страданій. Сѣдой, какъ снѣгъ, онъ ходилъ сгорбившись, не выпуская клюки изъ рукъ, но духомъ все-таки оставался бодръ и принималъ охотно участіе въ празднествахъ при дворѣ великаго князя. Для скрѣпленія мирнаго договора съ греками Ярославъ женилъ любимаго своего сына Всеволода на греческой царевнѣ, дочери императора Константина Мономаха. А свою сестру Марію онъ выдалъ, въ 1043 году, замужъ за польскаго короля Казиміра, сына Мечислава II, и та, перейдя въ католичество, среди поляковъ стала извѣстна подъ именемъ Доброгнѣвы. Сестра же Казиміра выбрала себѣ въ мужья брата Всеволода, Изъяслава. Ради этихъ родственныхъ связей Ярославъ помогъ Казиміру усмирить возставшую противъ власти его славянскую страну Мазовію, а Казиміръ утвердилъ за нимъ Червенскіе города.

23) Картина: Морское сраженіе князя Владиміра Ярославича съ греками.

Время княженія Ярослава было временемъ дѣятельныхъ и дружескихъ сношеній руссовъ съ нор-

манами Скандинавіи. Бракъ съ шведской принцессой и помощь, оказанная варяжскими дружинами Ярославу въ завоеваніи имъ кіевской области, особенно возвысили ихъ почетъ при дворѣ русскаго великаго князя. Мы видимъ, что знатные скандинавы, даже принцы и короли, находятъ себѣ надежный пріютъ на Руси. Такъ, напримѣръ, норвежскій король Олафъ Святой, женатый на сестрѣ Ингигерды и лишенный престола датскимъ королемъ Канутомъ Великимъ, убѣжалъ въ Кіевъ съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ Магнусомъ и тамъ былъ принятъ съ большою почестью. Послѣ его погибели въ битвѣ съ датчанами, въ 1030 г., при попыткѣ, не безъ помоши Ярослава, вернуть себѣ престолъ, Магнусъ воспитывался съ дѣтьми великаго князя кіевскаго наравнѣ съ ними, а позже, когда вельможи норвежскіе пожалѣли о томъ, что допустили изгнаніе изъ своей страны своего собственнаго королевскаго дома, онъ, при русской поддержкѣ, возвратился въ отечество, чтобы тамъ занять наслѣдственный свой престолъ.

Младшій братъ Олафа Святого, Гаральдъ Смѣлый, по рожденію своему конунгъ Мурманской земли при Бѣломъ морѣ, нѣкоторое время служилъ въ варяго-норманской дружинѣ Ярослава. Полюбивъ его дочь Елизавету, онъ просилъ ея руки, но, будучи тогда безземельнымъ, нищимъ изгнанникомъ, не былъ принятъ въ зятья Ярославомъ. Огорченный его отказомъ, онъ уѣхалъ въ Царьградъ искать богатства и славы на византійской службѣ. Тамъ, къ этому времени, появились тоже наемные норманскіе воины, приходившіе изъ Руси и очень цѣнимые византійскими императорами за свою отвагу, а также за неизмѣнную вѣрность разъ принятымъ на себя условіямъ. Съ тѣхъ поръ о Гаральдѣ Смѣломъ на-

чали слагаться пѣсни, восхваляющія его военные подвиги, свѣтлый умъ и внѣшнее обаяніе. Всюду одерживая побѣды, онъ бралъ для грековъ города въ Азіи, Африкѣ и Сициліи; ходилъ въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Но среди всѣхъ далекихъ походовъ не могъ забыть о русской княжнѣ, и свои чувства къ ней излагалъ въ пѣсняхъ, слагаемыхъ имъ самимъ о своей любви и тоскѣ по русской дѣвѣ, его презирающей.

Однако, онъ сталъ теперь богатъ, и его имя было покрыто военной славой. Его племянникъ Магнусъ занялъ норвежскій престолъ. Ему ничего не мѣшало бросить жизнь изгнанника и бездомнаго искателя приключеній. Онъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ получилъ, наконецъ, руку Елизаветы, а послѣ смерти Магнуса, павшаго въ битвѣ съ врагами, въ 1047 году Гаральдъ наслѣдовалъ норвежскій престолъ.

Провожая Елизавету въ Норвегію, Ингигерда умерла въ Новгородѣ, дорогою простудившись. Скоро послѣ нея умеръ старикъ Вышата.

Въ этихъ родственныхъ, дружескихъ связяхъ Игорева дома съ норманами—варягами и въ томъ высокомъ положеніи, какое заняли на Руси храбрые, знатные иноземцы, при Владимірѣ Святомъ и Ярославѣ, часто призываемые кіевскими князьями на помощь себѣ для борьбы съ внѣшними ихъ врагами, или другъ противъ друга, надо искать начало и значеніе прочно установившейся, но, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ русскихъ историковъ, ложно-исторической басни о призваніи новгородомъ варяжскихъ принцевъ норманской крови, для водворенія на Руси порядка, и о прямомъ происхожденіи отъ нихъ всего кіевскаго великокняжескаго русскаго рода

Рюриковичей, между тѣмъ какъ онъ идетъ отъ прибалтійскихъ славянъ-варяговъ, но отнюдь не отъ нормановъ, шведовъ или норвежцевъ.

24) Картина: Отъѣздъ княжны Анны во Францію.

Кромѣ родства съ государями Византіи, Польши и Скандинавіи, Ярославъ заключалъ такіе же кровные союзы съ другими европейскими странами. Его вторая дочь, Анна, была выдана за Генриха 1-го, короля французскаго, и ея сынъ Филиппъ царствовалъ во Франціи, причемъ имѣлъ такое великое уваженіе къ матери, что она свое имя подписывала вмѣстѣ съ нимъ на всѣхъ государственныхъ бумагахъ до 1075. Третья дочь, Анастасія, была женой короля венгерскаго Андрея I.

Нѣмецкіе лѣтописцы говорятъ о бракѣ двухъ нѣмецкихъ принцессъ съ русскими князьями, должно быть, Вячеславомъ и Игоремъ Ярославичами.

Двѣ англійскія принцессы искали убѣжища при дворѣ Ярослава. Вообще, кіевскій великій князь занималъ тогда далеко не послѣднее мѣсто между могучими европейскими государями.

Однако, великое значеніе Ярослава въ русской исторіи основано не столько на его удачныхъ войнахъ и внѣшнихъ связяхъ, сколько на его трудахъ по внутреннему устройству русской земли.

Въ этомъ отношеніи, во-первыхъ, достойна вниманія его дѣятельность на пользу христіанской Церкви.

Митрополиты кіевскіе, поставленные царьградскимъ патріархомъ, хотя избирались среди духовенства греческаго, но были, какъ надо предполагать, происхожденія болгарскаго, такъ какъ, при полномъ незнаніи ими славянскаго языка, невозможна была бы ихъ дѣятельность на Руси. Первые наши епископы и многіе священники были, по всей вѣро-

ятности, тоже изъ болгаръ: они приносили съ собою славяно-болгарскіе переводы богослужебныхъ книгъ. Но духовенство, пришедшее къ намъ изъ Византіи такъ же, какъ прежде существовавшее въ кіевской крещеной Руси, сдѣлалось недостаточнымъ съ распространеніемъ христіанства и съ построеніемъ храмовъ во всѣхъ русскихъ областяхъ. Возрастала потребность въ собственныхъ русскихъ служителяхъ церкви, въ наставникахъ вѣры, вполнѣ понятныхъ народу и къ нему близкихъ, способныхъ бороться съ язычествомъ въ русскихъ земляхъ, еще коснѣвшихъ въ грубомъ идолопоклонствѣ. Уже Владиміръ приказывалъ силою отдавать дѣтей отъ невѣжественныхъ родителей въ книжное обученіе, чтобы изъ нихъ приготовить священнослужителей Ярославъ продолжалъ дѣло отца своего, и поручалъ церковнослужителямъ обучать дѣтей грамотѣ. Въ Новгородѣ онъ устроилъ училище, заключавшее въ себѣ 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и народныхъ старшинъ. Ярославъ вообще отличался особенною приверженностью къ книжному дѣлу. Онъ собиралъ писцовъ для списыванія болгарскихъ рукописей, причемъ иногда поручалъ переводить прямо съ греческаго. При Ярославѣ и при его поддержкѣ, на Руси начали распространяться монастыри, а однимъ изъ главныхъ занятій монастырей того времени было списыванье различныхъ благочестивыхъ книгъ и древнихъ лѣтописей. Самъ Ярославъ на досугѣ трудился надъ такимъ списываніемъ и собственноручно имъ переписанныя священныя книги принесъ въ даръ имъ построенному, какъ намъ уже извѣстно, подъ Кіевомъ въ 1037 г. на память побѣды надъ печенѣгами, храму Св. Софіи. Храмъ этотъ былъ имъ великолѣпно украшенъ стѣнною

25) Картина: Ярославъ испытываетъ грамотность русскихъ дѣтей.

26) Картина: Монахъ лѣтописецъ у себя въ келіи.

живописью и дорогими, чудными образами работы лучшихъ византійскихъ художниковъ.

Почти одновременно съ церковью Св. Софіи въ Кіевѣ, была построена Ярославомъ въ Новгородѣ церковь того же имени. Это былъ деревянный храмъ о 13-ти куполахъ, поставленный епископомъ Іоакимомъ не берегу рѣки Волхова. Когда онъ сгорѣлъ, сынъ Ярослава, Владиміръ новгородскій, заложилъ новый Софійскій соборъ, уже каменный, вмѣстѣ съ епископомъ Лукою Жидятою, въ 1045 году. Этотъ соборъ тоже былъ разукрашенъ, какъ кіевскій, греческими художниками. Строитель его, Владиміръ Ярославовичъ, скоро умеръ послѣ его окончанія и былъ тамъ похороненъ. Кромѣ того, Ярославъ построилъ въ Кіевѣ женскій монастырь св. Ирины въ честь Ингигерды. Такимъ образомъ, построеніе христіанскихъ храмовъ повело за собою пересажденіе въ Россію искусства и мастерства Византіи. При Ярославѣ пріѣхали къ намъ и церковные пѣвцы изъ Греціи, научившіе русскихъ осьмигласному пѣнію. Перенявъ вмѣстѣ съ обрядами и уставами греческой церкви ея праздники и почитаніе святыхъ, русская церковь рано начала прославлять память собственныхъ своихъ сподвижниковъ. Между ними первое мѣсто по времени и почитанію принадлежитъ двумъ братьямъ: князьямъ Борису и Глѣбу. Сказанія о нихъ служили однимъ изъ любимыхъ предметовъ чтенія въ древней Руси, а потому до насъ дошли въ очень многихъ спискахъ. Останки Глѣба, заключенныя между двумя колодами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребывали въ лѣсу, на мѣстѣ его убіенія. Но, когда Ярославъ окончательно утвердился въ Кіевѣ, то велѣлъ перевезти ихъ въ Вышгородъ, чтобы похоронить рядомъ съ Борисомъ, близъ церкви св. Василія. Черезъ нѣсколько лѣтъ

въ населеніи вышгородскомъ поднялась молва о разныхъ странныхъ явленіяхъ, происходившихъ на мѣстѣ погребенія двухъ братьевъ. О нихъ донесли Ярославу вышгородскія власти. «Нелѣпо такимъ свѣтильникамъ быть подъ землей», сказали они. Тогда великій князь, бояре, митрополитъ Іоаннъ и духовенство, въ сопровожденіи толпы народа, съ крестами, отправились къ Вышгороду, гдѣ при пѣніи псалмовъ и молитвъ вырыли изъ земли гробъ мучениковъ и на время поставили ихъ въ часовнѣ, а на мѣстѣ, тогда же случайно сгорѣвшаго деревяннаго храма св. Василія Ярославъ повелѣлъ воздвигнуть другой деревянный храмъ во имя св. Бориса и Глѣба, гдѣ на видномъ мѣстѣ поставить икону съ изображеніемъ св. мучениковъ. Митрополитъ Іоаннъ освятилъ этотъ храмъ, и по его окончаніи, раки святыхъ были перенесены сюда изъ часовни, въ присутствіи Ярослава и всего кіевскаго духовенства, 24 іюля, въ день убіенія князя Бориса. Митрополитъ поставилъ священниковъ и дьяконовъ для новой церкви, а великій князь отдѣлилъ десятую часть вышгородской дани для содержанія храма и его причта. Молва о чудесахъ, совершавшихся у гробовъ мучениковъ, привлекла къ нимъ богомольцевъ со всей Россіи, а русскіе князья съ особымъ усердіемъ чтили память Бориса и Глѣба, видя въ нихъ покровителей и заступниковъ всего княжескаго ихъ рода.

Со временъ Владиміра Святаго и распространенія на Руси христіанства, въ Византію начали отправляться вслѣдъ за княжескими послами, торговцами и военными людьми, русскіе люди, движимые желаніемъ посѣтить святыя мѣста, поклониться святымъ угодникамъ и пробраться дальше, въ страну, гдѣ жилъ и училъ Спаситель, гдѣ Онъ принялъ крестную смерть за грѣшниковъ. Тогда уже началось

русское паломничество. Возвращаясь на родину, паломники приносили разсказы о славныхъ греческихъ монастыряхъ, о святости грековъ, монаховъ-подвижниковъ, на востокѣ. Суровая жизнь ихъ въ постѣ и молитвѣ привлекала къ себѣ сердца первыхъ христіанъ. Строгій уставъ Аѳонской обители сдѣлался для нихъ предметомъ усерднаго подражанія. Подъ вліяніемъ*) монастырей на Руси съ принятіемъ ею христіанства сложилось представленіе, что человѣкъ можетъ угодить Богу больше всего изнуреніемъ плоти, удаленіемъ отъ себѣ подобныхъ и отреченіемъ отъ земныхъ благъ. Образцомъ богоугоднаго человѣка сдѣлался отшельникъ, отрѣшившійся отъ всякой связи съ людьми; въ примѣръ высокой христіанской добродѣтели ставили затворниковъ, добровольно сидѣвшихъ въ кельѣ или пещерѣ, питавшихся самой скудной и грубой пищей. Согласно такому воззрѣнію, если Божье долготерпѣнье щадило грѣшный міръ, достойный кары за всѣ свои пороки и беззаконія, то этимъ онъ былъ обязанъ именно заступничеству тѣхъ подвижниковъ, которые отреклись отъ него и презрѣли его широкій путь со всѣми временными наслажденіями. Они молились за грѣшный міръ, и въ этомъ состояла ихъ служба обществу человѣческому. Въ тѣ времена, когда духовная дѣятельность вращалась почти исключительно въ религіозной области или же находилась, по крайней мѣрѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ религіи, понятно, что монастырь сдѣлался школою для народа; монахи были его наставниками. Понятіе объ отреченіи отъ міра, удрученіи плоти и монастырскомъ житіи пришли къ намъ, конечно, разомъ съ крещеніемъ изъ Византіи.

27) Картина: Будущій инокъ.

*) Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніи ея главнѣйшихъ дѣятелей».

Уже при Владимірѣ начались зачатки монашескаго житія. Обычай выкапывать пещеры и поселяться въ нихъ въ видахъ спасенія души возникъ впервые въ Египтѣ и существовалъ на всемъ востокѣ. Горячихъ ревнителей христіанской вѣры не удовлетворяло спокойное житье въ русскихъ монастыряхъ, надѣляемыхъ ихъ строителями, князьями, щедрыми подаяньями, разными преимуществами и угодьями, изобильными всякимъ природнымъ богатствомъ. Таковъ былъ основатель знаменитой Кіево-Печерской Лавры Антоній. Онъ былъ родомъ изъ города Любеча; пошелъ паломникомъ на Аѳонъ и тамъ, плѣнившись образомъ жизни монаховъ, упросилъ игумена постричь его. Возвратясь въ Россію въ послѣдніе годы княженія Ярослава, онъ поселился одинъ на берегу Днѣпра, среди холмовъ, обросшихъ лѣсомъ, не далеко отъ села Берестова, въ небольшой пещерѣ, выкопанной для себя еще митрополитомъ кіевскимъ Иларіономъ, до полученія имъ этого сана, когда онъ былъ священникомъ въ селѣ Берестовѣ и сюда приходилъ молиться въ уединеніи. Тамъ онъ вкушалъ черезъ день только хлѣбъ да воду. Окрестные жители стали стекаться къ Антонію, услыхавъ о его святомъ отшельничествѣ, чтобы получить отъ него благословеніе. Другіе тоже себѣ вырывали пещеры съ нимъ рядомъ и получали отъ него постриженіе. Такимъ образомъ вокругъ Антонія собралась мало-по-малу небольшая монашеская братія. Иноки выкопали особую пещеру, гдѣ устроили церковь и въ ней отправляли богослуженіе.

28) Картина: У монастырскаго колодца.

Великій князь Ярославъ только до извѣстной степени допускалъ зависимость русскаго священства отъ Царьградскаго патріарха. Дорожа своей княжеской властью, онъ и въ церковныхъ дѣлахъ оставлялъ за собой рѣшеніе главныхъ вопросовъ. Когда,

Собственность Т. П. Мятлевой.

Языческіе волхвы обвиняютъ старухъ въ колдовствѣ. *(Къ 19 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Пиръ у Святослава II и св. Ѳеодосій. *(Къ 91 стр.)*

въ концѣ его княженія, нужно было поставить въ Кіевѣ новаго митрополита, между тѣмъ какъ онъ находился въ разладѣ съ византійскимъ правительствомъ, имъ былъ созванъ соборъ изъ русскихъ епископовъ для поставленія, по его указанію, кіевскимъ митрополитомъ только что упомянутаго священника изъ села Берестова, Иларіона, такъ какъ онъ, кромѣ благочестія, отличался еще книжной ученостью, и былъ однимъ изъ нашихъ первыхъ ученыхъ писателей. Иларіонъ является, такимъ образомъ, первымъ митрополитомъ въ Кіевѣ чисто-русскаго происхожденія.

Великіе князья Владиміръ и Ярославъ опредѣлили на пользу духовенства, кромѣ извѣстной доли своихъ княжьихъ доходовъ, еще часть денежной прибыли съ судопроизводства, такъ какъ подчинили епископамъ, какъ мы уже знаемъ, разбирательство нѣкоторыхъ тяжбъ и проступковъ.

Ярославъ, прозванный Мудрымъ, пользуется въ исторіи славой перваго русскаго законодателя *). Ему приписываютъ древнѣйшій сводъ русскихъ узаконеній, извѣстный подъ именемъ Русской Правды. Этотъ великій князь, какъ было сказано выше, отличался особой любовью къ книжному просвѣщенію и, окружая себя писцами, заставлялъ ихъ, кромѣ простого списыванія уже готовыхъ славяно-болгарскихъ книгъ, переводить съ греческаго творенія отцовъ Церкви такъ же, какъ историческія, византійскія записи. Объ усердіи Ярослава къ успѣхамъ русской словесности свидѣтельствуетъ покровительство, оказанное имъ такому даровитому писателю, какъ митрополитъ кіевскій Иларіонъ, котораго письменныя произведенія

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей».

отличались красивымъ языкомъ и толковымъ изложеніемъ. Въ нихъ замѣтно стремленіе къ поученію и утвержденію русскихъ людей въ правилахъ христіанской восточной церкви. До насъ дошло нѣсколько изъ его сочиненій. Между ними, «Ученіе о Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ», соединенное съ исповѣданіемъ вѣры и похвалою князю Владиміру, направлено, преимущественно, противъ еврейства, проникавшаго въ Кіевъ изъ тьмутараканскихъ русскихъ владѣній, сосѣднихъ съ іудейской Хазаріей. «...Уже не капища сограждаемъ», восклицаетъ одушевленно митрополитъ Иларіонъ, «но церкви Христовы зиждемъ. Уже не крови жертвъ вкушая, погибаемъ, но Христовой пречистой крови вкушая, спасаемся». Описывая крещеніе Кіева, онъ представляетъ передъ нами такую картину: «церкви поставляются, идолы сокрушаются, иконы святыхъ являются; монастыри стали на горахъ; апостольская труба и Евангельскій громъ огласили всѣ города; ѳиміамъ, возносимый къ Богу, освятилъ воздухъ; мужи и жены, малые и большіе,—всѣ люди, наполнивъ церкви, возславили Бога». Похвалу князю Владиміру Иларіонъ оканчиваетъ похвалою своему покровителю Ярославу, довершившему дѣло, начатое его отцомъ. Изъ сочиненій Иларіона мы тоже видимъ, какъ уже съ самаго водворенія христіанской религіи на Руси православное духовенство поддерживаетъ, въ противоположность римскому, священное значеніе княжеской власти, находя въ ней опору своему собственному высокому положенію. Оно не посягаетъ на господство мірское и смиряется передъ главою государства.

Въ томъ, что касается Русской Правды, или перваго записаннаго собранія древнѣйшихъ русскихъ законовъ, то они прежде всего ограждаютъ имуще-

ственную и личную безопасность, какъ первую необходимость, сколько-нибудь, благоустроеннаго людского общества: «Русская Правда» опредѣляетъ пени (т. е. плату) и наказанія за преступленія противъ собственности и личности, т. е. воровство, убійство, побои, увѣчье и т. п. Узаконенія эти, отчасти, уже встрѣчаются въ договорахъ съ греками Олега и Игоря. Ярославъ же, извѣстный своею любовью къ земскому устроенію такъ же, какъ къ книжному дѣлу, велѣлъ, повидимому, собрать вмѣстѣ, прежде него сложившіяся правила и обычаи, составлявшіе основаніе русскаго законодательства, и создать изъ нихъ письменный сборникъ для руководства судьямъ. Статьи Русской Правды въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ *), дѣлятся по своему заглавію на Судъ, или Уставъ Ярославль Володимиричъ, и на Уставъ Володимиръ Всеволодовичъ, такъ какъ Русская Правда, во всей ея полнотѣ, есть сводъ разновременныхъ частичныхъ сводовъ, до насъ дошедшихъ различными изложеніями. Русскую Правду собственно Ярослава составляютъ древнѣйшіе статьи свода, воспроизводящія правовой порядокъ временъ этого князя.

29) Картина: Ярославъ законодатель.

Въ древности личная безопасность каждаго обезпечивалась преимущественно обычаемъ родовой мести. Съ принятіемъ христіанства, уже Владиміръ Великій колебался между смертною казнью и денежной вирой (штрафомъ, пеней). Ярославъ въ первой статьѣ Русской Правды дозволяетъ родовую месть только самымъ ближайшимъ родственникамъ,—иначе виновникъ долженъ уплатить семьѣ за убійство виру.

Русская Правда, хотя понимала отвѣтственность за преступленіе не только передъ потерпѣвшимъ, но

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». В. Ключевскій: «Курсъ Русской Исторіи». Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ».

*

и передъ обществомъ въ лицѣ князя, однако, не столько нравственную, сколько имущественную. Отличая личное оскорбленіе, т. е. обиду, нанесенную дѣйствіемъ самому лицу, отъ ущерба, причиненнаго его имуществу, Русская правда все же и вредъ тѣлесный, рану или увѣчье, разсматривала закономъ съ точки зрѣнія хозяйственнаго ущерба. Она строже наказывала за отсѣченіе руки, чѣмъ за отсѣченіе пальца, потому что безрукій становился болѣе, чѣмъ безпалый, неспособнымъ къ труду, т. е. къ пріобрѣтенію имущества. При господствѣ родовой мести, возмездіе держалось правила: «жизнь за жизнь», а при Владимірѣ Святомъ и Ярославѣ оно могло быть выражено словами: «гривна за гривну». Неприкосновенность собственности обезпечивалась въ законѣ свободою человѣка. Такъ, сельскій рабочій, получившій при наймѣ отъ хозяина деньги впередъ, съ обязательствомъ ихъ отработать, превращался въ холопа или раба за попытку убѣжать отъ хозяина, не расплатившись.

По Русской Правдѣ, во главѣ всей русской земли стоялъ великій князь кіевскій, заботившійся о земскомъ строѣ, установлявшій судъ и расправу. О всѣхъ важныхъ дѣлахъ онъ совѣтовался со своей старшей дружиной, причемъ въ вопросахъ земскихъ преобладающій голосъ имѣлъ тысяцкій, т. е. главный земскій сановникъ, назначавшійся изъ среды самыхъ почетныхъ бояръ и помогавшій въ управленіи князю. Мѣстомъ для суда служилъ княжій дворъ, а въ областныхъ городахъ—дворъ его намѣстника. Судъ производилъ самъ князь лично, или его посадникъ.

Въ покоренныхъ городовыхъ областяхъ, намѣстники или посадники, подобные оставленному Олегомъ для управленія захваченнымъ имъ Смоленскомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи свою собственную дру-

жину, пріобрѣли большую самостоятельность,—настолько, что кіевскій князь считался среди нихъ только старшимъ владѣтелемъ, и сталъ носить отличительное названіе великаго князя.

Народъ раздѣлялся на четыре сословія: крупныхъ землевладѣльцевъ, дружину княжескую, и бояръ, свободныхъ жителей городовъ и селъ, иначе смердовъ или людинъ, и холоповъ, т. е. порабощенныхъ слугъ.

Смердами назывались хлѣбопашцы княжей земли, такъ сказать, государственной, не принадлежавшіе никому, и ни отъ кого независимые.

За убійство смерда, а также младшаго простого дружинника, платилось 40 гривенъ, тогда какъ за боярина и за всякаго, вообще, княжаго мужа, считая его личныхъ слугъ, платилось вдвое дороже, такъ какъ при помощи ихъ князья правили своими княжествами и обороняли ихъ отъ враговъ.

Начало рабству въ Россіи, какъ и вездѣ, положила война. Плѣнныхъ обращали въ рабовъ и продавали наравнѣ со всякой добычей. Свободный же человѣкъ становился холопомъ, когда купленъ былъ при послухахъ, т. е. свидѣтеляхъ, женился на не свободной, безъ особаго договора съ ея господиномъ, или, такимъ же образомъ, не рядясь, шелъ въ ключники. За убійство собственнаго холопа платы не полагалось, а за чужого уплачивалась хозяину его стоимость, да пеня въ казну: 12 гривенъ.

Надо замѣтить, что для металлическихъ русскихъ денегъ образцомъ послужилъ арабскій «диргемъ», серебряная монета VIII и X вѣка, величиной съ нашъ полтинникъ, но только тоньше его. Такая монета въ русскомъ денежномъ оборотѣ получила названіе «куны». Цѣлые клады ея до сихъ поръ раскрываются

30) Картина: Древнія русскія деньги.

въ приднѣпровьѣ, а въ городѣ Муромѣ найденъ рѣдкій кладъ въ 11 тысячъ такихъ монетъ. Свою монету русскіе начали чеканить при Владимірѣ Святомъ, въ небольшомъ количествѣ. Прежде, какъ мы уже знаемъ, звонкую денежную монету замѣняли мѣха, и вслѣдствіе того установилось опредѣленное рыночное отношеніе диргемовъ и ихъ частей къ мѣховымъ цѣнностямъ, отъ которыхъ онѣ получали свое названіе... Въ кладахъ, рядомъ съ цѣльными диргемами, находили множество ихъ частей, половинокъ и мельче, какъ, напримѣръ, въ кладѣ подъ Рязанью, рядомъ съ 15 цѣльными монетами, до 900 кусочковъ. Это подало поводъ къ предположенію, что у насъ просто рѣзали и крошили диргемы для полученія мелкой размѣнной монеты. Гривна представляла изъ себя видъ продолговатаго слитка: приблизительно съ фунтъ серебра, и въ себѣ включала 25 кунъ.

Кромѣ полныхъ холоповъ, было еще сословіе наймитовъ или закуповъ, т. е. работниковъ, нанимавшихся на извѣстный срокъ, или селившихся на земляхъ частныхъ собственниковъ. Если работникъ убѣгалъ, забравъ деньги впередъ, то его за безчестіе обращали въ холопа. Воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія ночью, «могъ быть убитъ, какъ песъ», сказано въ Русской Правдѣ,—«но, если обиженный его связалъ, то долженъ былъ представить на княжій дворъ, для суда. Кромѣ свидѣтелей, иначе «послуховъ или видаковъ», на судѣ требовалась присяга. Разбой, конокрадство и поджигательство влекли за собою тюрьму и лишеніе правъ на имущество. Княжьи слуги, помогавшіе князю производить судъ и расправу, носили названіе «ябедниковъ». Они получали въ награду часть присужденной виновнымъ пени. Особенная забота видна о коняхъ: если кто только

сядетъ на чужого коня безъ разрѣшенія хозяина,— платитъ ему 5 гривенъ. За сожженіе чужого гумна, или усадьбы, виновный не только платилъ пострадавшему за всю его потерю, но его домъ отдавался на разграбленіе княжіимъ слугамъ, а самъ онъ лишался свободы. Платили за перекопаніе пашенной межи и бортной, т. е. по пчеловодному промыслу, за стеску бортнаго знака на дуплахъ, гдѣ роились чужія пчелы, за порчу чужой звѣроловной сѣти и т. п. Русская Правда опредѣляетъ законы и для торговли. Тѣлесному наказанію подвергались только холопы, не имѣвшіе права носить при себѣ оружіе.

Надо замѣтить, что древніе свободные россіяне не терпѣли никакихъ тѣлесныхъ наказаній. Виновникъ платилъ или жизнью, или вольностью, или деньгами. Законы русскіе были кратки и, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ грубы, но безусловно достойны людей твердыхъ, великодушныхъ и боявшихся рабства болѣе, нежели смерти.

Слишкомъ большая, почти исключительно, денежная оцѣнка права, чести и справедливости въ Русской Правдѣ придаетъ ей нѣсколько мелочный и черствый оттѣнокъ. Но въ основаніи ея законовъ мы встрѣчаемъ ту силу торговаго города съ его вѣчемъ, которая оказала наиболѣе могущественное дѣйствіе на установленіе необходимаго для нея, во-первыхъ, государственнаго и общественнаго порядка. Село въ Русской Правдѣ остается на заднемъ планѣ, и огражденію сельской собственности отведено очень немного короткихъ статей въ позднѣйшей части этого свода узаконеній.

Различая русское населеніе по сословіямъ, Русская Правда дѣлитъ его и по областямъ, разумѣя подъ именемъ русскаго или русса жителя только

южной Руси, въ особенности приднѣпровья. Жителя сѣверныхъ областей, въ особенности земли новгородской, она зоветъ общимъ именемъ славянина.

31) Картина: Судъ Божій.

Когда двѣ тяжущіяся стороны недовольны бывали приговоромъ суда и не могли придти къ мирному соглашенію, то, съ дозволенія князя, рѣшали тяжбу свою мечомъ. Противники дрались въ присутствіи своихъ родственниковъ, и побѣжденный отдавалъ себя на волю побѣдителя.

Но, впрочемъ, христіанская церковь сильно возстала противъ такого языческаго обычая и вывела его мало-по-малу.

Владиміръ Великій особымъ уставомъ учредилъ отдѣльный церковный судъ, безъ вмѣшательства въ него бояръ и городскихъ судей. Вообще же у насъ духовенство устроилось по византійскому образцу. Духовному суду, какъ мы видѣли, подлежали міряне, виновные въ такихъ поступкахъ противъ общественной нравственности, какъ незаконное нарушеніе брака, оскорбленіе родителей, оскорбленіе женщины, а также за колдовство или отступничество отъ ученія церкви.

Русская Правда Ярослава внесла христіанскія начала въ русскую жизнь, до тѣхъ поръ державшуюся языческими обычаями, лишь слегка приправленными міровоззрѣніями христіанства. Церковный судъ все-таки нѣсколько углубилъ и расширилъ понятіе о преступленіи мыслью о грѣхѣ, какъ о нравственной несправедливости, рядомъ съ хозяйственнымъ убыткомъ. До извѣстной степени, онъ вносилъ въ наказаніе мѣры нравственно-исправительнаго воздѣйствія. Съ первой минуты своего водворенія на Руси, христіанская церковь стала разбивать до основанія безъ того уже распадавшійся родовой союзъ и на его обломкахъ строить союзъ семейный, ею освящаемый.

Во время княженія первыхъ русскихъ князей, принявшихъ христіанство, оно, уже процвѣтавшее въ главныхъ сосредоточіяхъ русской земли, далеко еще не утвердилось во всей странѣ, и при распространеніи Евангельскаго ученія, духовныя лица находили себѣ естественную поддержку въ княжеской власти, а потому содѣйствовали, какъ мы сказали, еще большему ея укрѣпленію, между тѣмъ какъ священство римское вступило отъ лица папы, какъ бы намѣстника на землѣ Іисуса Христа, въ непримиримую вражду съ государственной свѣтской властью. Духовенству русскому не мало пришлось потрудиться надъ искорененіемъ языческихъ суевѣрій, даже и въ тѣхъ областяхъ ея, гдѣ населеніе внѣшнимъ образомъ приняло христіанство. Но, тѣмъ не менѣе, христіанская вѣра смягчала нравы самою сущностью своего ученія о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, и прекращеніемъ кровавыхъ жертвъ, приносимыхъ Перуну. Ведя за собою грамотность и развитіе книжной словесности, византійское православіе создало среди русскаго населенія людей, способныхъ понимать высшія духовныя цѣли жизни; а православная церковь, своими непреложными правилами объединяя и очищая народныя вѣрованія, подчиняла раздробленныя части Руси прямому воздѣйствію одинаковой образованности и могущественно способствовала сліянію всѣхъ племенъ восточныхъ славянъ въ одно цѣлое, въ одну великую русскую народность.

32) Картина: Ярославъ Мудрый.

Глава III.

Сыновья Ярослава.

Ярославъ Мудрый соединилъ въ своемъ владѣніи почти всѣ русскія земли. Но онъ сдѣлалъ это не для того, чтобы водворить на Руси единодержавіе, въ тѣ времена рѣшительно невозможное, при полномъ отсутствіи въ русскихъ умахъ представленія о Руси, какъ объ одномъ цѣльномъ владѣніи, т. е. государствѣ, но для того, чтобы укрѣпить всю княжескую власть за своимъ семействомъ. Государственное начало и единеніе разныхъ земель на Руси держалось тѣмъ *), что онѣ находились подъ управленіемъ «одного рода», и что сидѣвшій въ Кіевѣ великій князь считался старшимъ надъ всѣми другими князьями русскими. Завѣщать всю русскую землю одному сыну Ярославъ не могъ и не имѣлъ на то никакого права. Другіе братья и родственники съ оружіемъ въ рукахъ возстали бы противъ такого распоряженія, не соотвѣтствовавшаго тогда ни понятіямъ ихъ, ни нравамъ. Но Ярославъ, подобно отцу и дѣду, еще при жизни своей раздавалъ сыновьямъ въ управленіе, или намѣстничество, свои земли. Мы уже видѣли, что его сынъ Владиміръ княжилъ, какъ старшій, въ Новгородѣ; но онъ случайно умеръ до смерти отца, и его малолѣтній сынъ Ростиславъ вслѣдствіе этого обстоятельства неповинно лишился наслѣдія отца, перешедшаго по старшинству къ его дядѣ — брату Владиміра — Изъяславу. Когда Изъя-

*) В. Ключевскій: «Курсъ Русской Исторіи».

славъ сѣлъ затѣмъ, въ 1054 г., на столѣ кіевскомъ, то удержалъ Новгородъ за собою такъ же, какъ землю древлянскую, бывшую его удѣломъ до вокняженія его въ Новгородѣ. Великій князь кіевскій старался всегда присоединить къ своимъ владѣніямъ новгородскую область и такимъ образомъ у него въ рукахъ сосредоточивались оба конца рѣчного торговаго пути въ «Греки».

Чѣмъ старше былъ князь, тѣмъ лучше и богаче волость ему доставалась. Раздѣлъ основывался на семейномъ старшинствѣ князя въ связи съ доходностью волостей. Такъ, великокняжескій Кіевъ былъ богатѣйшимъ городомъ на Руси, какъ средоточіе русской торговли. Западные писатели XI вѣка склонны были даже преувеличивать богатство и населенность этого города. Одинъ изъ нихъ, Адамъ Бременскій, называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя. За Кіевомъ, по своему значенію и богатству, слѣдовалъ Черниговъ, затѣмъ Переяславль. Князья-родичи не являются постоянными неподвижными владѣльцами областей, доставшихся имъ по раздѣлу, но съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ князей идетъ передвижка. Младшіе родичи, слѣдовавшіе за умершимъ, передвигались съ младшаго стола на старшій, изъ волости въ волость. Въ этой очереди выражалась мысль о нераздѣльности общаго княжескаго владѣнія Русской землей: Ярославичи начали владѣть ею, не раздѣляясь, а «передѣляясь»,— чередуясь по старшинству.

Четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, по смерти отца, сѣлъ въ Смоленскѣ, а пятый, Игорь—во Владиміръ-Волынскѣ, построенномъ Владиміромъ Св. на рѣкѣ Лукѣ, притокѣ Буга.

Когда, въ 1057 году, Вячеславъ умеръ, старшіе

Ярославичи, несмотря на то, что у него былъ сынъ Борисъ, перевели въ Смоленскъ Игоря изъ Волыни, а на его мѣсто въ Волынь посадили своего обездоленнаго племянника, сына Владиміра.

Отъ XI до конца XII столѣтія русскіе князья не переставали выражать мысль, что вся совокупность ихъ, весь родъ Ярослава, долженъ владѣть наслѣдіемъ дѣдовъ нераздѣльно, поочередно. Такой своеобразный порядокъ княжескаго владѣнія на Руси установился со смерти Ярослава. Не было ни единичной верховной власти, ни преемства по завѣщанному наслѣдію. Ярославичи не дѣлили достоянія отцовъ и дѣдовъ на постоянныя доли. Они владѣли ими по очереди старшинства. Вся Русская земля представляла изъ себя тоже лѣствицу областей, по степени ихъ значенія и доходности. Наверху лѣствицы лицъ всего Ярославова рода стоялъ старшій изъ князей—великій князь кіевскій. Это старшинство давало ему, кромѣ обладанія лучшей волостью, еще извѣстныя права и преимущества передъ младшими родичами, у него «ходившими въ послушаніи». Онъ носилъ званіе великаго, т. е. старшаго князя, названнаго отца своихъ братьевъ. «Быть въ отца мѣсто», это древнее правовое и законное положеніе поддерживало единство княжескаго рода при его областномъ распаденіи. Великій князь надѣлялъ землями младшихъ родичей и разбиралъ ихъ споры. Такой порядокъ не имѣетъ себѣ примѣра во всей исторіи остальныхъ европейскихъ народовъ; его можно назвать за время XI и XII столѣтій «очереднымъ», въ отличіе отъ позднѣйшаго «удѣльнаго»—XIII и XIV столѣтій. Въ этомъ своеобразномъ складѣ княжескаго владѣнія слѣдуетъ различать: «право владѣнія», принадлежавшее цѣлому

роду Ярослава, и «порядокъ владѣнія», по извѣстной очереди, для осуществленія этого права. Первые русскіе князья видѣли въ себѣ не столько владѣтелей и правителей Русской страны, сколько ея охранителей, обязанныхъ блюсти русскую землю и рать имѣть, т. е. вести войну съ «погаными». За это они отъ нея «кормились». Кормъ былъ ихъ правомъ, а оборона земли—обязанностью, служившей источникомъ этого права. Какъ, по степени старшинства, князь въ правѣ былъ получить наиболѣе доходную волость, такъ, по той же степени старшинства, онъ обязанъ былъ охранять наиболѣе угрожаемую извнѣ область, ибо тогда степенью старшинства измѣрялись какъ владѣльческое право, такъ и оборонительная способность князя. Въ то время дѣйствительно степень доходности областей соотвѣтствовала ихъ нуждѣ во внѣшней оборонѣ, потому что и то, и другое зависѣло отъ ихъ близости къ степи: къ степнымъ врагамъ Руси и къ лежащимъ за степью торговымъ рынкамъ. Отношеніе старшинства для первоначальнаго управленія страною представляли изъ себя простѣйшую форму, какую можно снять съ тѣснаго семейнаго круга отца съ дѣтьми: отецъ долженъ идти впередъ сыновей; старшій братъ впереди младшихъ. Эту простую форму стало, конечно, мудрено прилагать позже, когда Ярославовъ родъ распался на множество вѣтвей.

Когда въ княжеской семьѣ явилось много сверстниковъ, то и трудно сдѣлалось распознать, кто кого старше, и кто какъ кому доводится, особенно потому, что князья обыкновенно женились рано и умирали поздно. Большая часть княжескихъ усобицъ XI и XII столѣтій происходила, обыкновенно, именно отъ столкновенія старшихъ племянниковъ съ

младшими дядьями. Князья не умѣли выработать способа точно опредѣлять старшинство, который бы разрѣшалъ всѣ спорные случаи въ семейныхъ и родовыхъ отношеніяхъ. Это неумѣніе и вызвало рядъ условій, мѣшавшихъ мирному примѣненію «очереднаго» порядка владѣнія. Конечно, сколько-нибудь строго-установленное, обязательное отношеніе и дѣйствительно мощная власть не могли получиться изъ такого простого, чисто-нравственнаго источника, какъ понятіе названнаго отца. Каждый младшій родичъ, областной князь, считалъ себя въ правѣ противиться великому князю кіевскому, когда находилъ его дѣйствія неправильными—«неотеческими». По призыву великаго князя нерѣдко устраивались княжескіе съѣзды для обсужденія общихъ дѣлъ, напримѣръ, вопросовъ законодательныхъ, взаимныхъ отношеній князей и средствъ защиты русской земли отъ внѣшнихъ враговъ. Но эти съѣзды никогда не соединяли всѣхъ наличныхъ князей, и никогда не было точно опредѣлено значеніе ихъ постановленій. Не только князья, отсутствовавшіе на съѣздѣ, не считали для себя обязательнымъ его рѣшеніе, но даже и участники въ немъ дѣйствовали, подъчасъ, по своему усмотрѣнію, вопреки постановленію съѣзда. Князьямъ навязывалась общность дѣйствій безъ указанія твердо установившагося порядка ихъ отношеній. Однако, хотя не существовало государственнаго единства, но зато образовывалось единство земское и народное, чему помогалъ въ разныхъ сторонахъ жизни очередной порядокъ княжескаго владѣнія, въ которомъ верховная власть, какъ мы уже говорили, принадлежала роду, а не лицамъ. Мѣсто, унаслѣдованное въ цѣлой цѣпи родичей дѣтьми отъ отца, получило названіе

ихъ «отчины». Позже, отчина получила значеніе земельное, и «отчиной» сыновей стала область, которой владѣлъ ихъ отецъ. Такъ какъ порядокъ рожденій не соотвѣтствовалъ порядку смертей, то, когда у князя отецъ умиралъ раньше дѣда, у внука не оставалось въ родовой цѣпи отецкаго мѣста, такъ какъ въ ней не стоялъ болѣе его отецъ. Онъ становился княземъ-сиротой, или «изгоемъ», бездольнымъ внукомъ и, какъ бы, недорослемъ, теряя участіе въ очередномъ владѣльческомъ порядкѣ. Старшіе родичи выдѣляли ихъ изъ своей среды, «выкидывали изъ очереди». Эти князья-сироты становились отрѣзанными ломтями въ княжескомъ родѣ.

Такова была участь Ростислава Владиміровича.

Когда, въ 1060 г., умеръ смоленскій князь Игорь Ярославичъ, тоже оставивши сыновей, Ростиславъ считалъ себя въ правѣ перемѣститься, въ свою очередь, изъ Волыни въ Смоленскъ; но дядья его подѣлили смоленскую область между собою. Тогда разгнѣванный Ростиславъ, оставивъ Волынь, убѣжалъ въ отдаленную Тьмутаракань собирать тамъ силы для мести.

Онъ овладѣлъ этимъ удѣломъ при помощи наемныхъ ратниковъ, прогнавъ оттуда Глѣба, сына Святослава черниговскаго. Святославъ *), третій сынъ Ярослава, взялъ себѣ въ удѣлъ, кромѣ завѣщаннаго ему отцомъ Чернигова, почти всѣ земли на востокъ отъ Днѣпра и, въ числѣ ихъ, Тьмутаракань. Слѣдующій за нимъ братъ, любимецъ Ярослава, Всеволодъ, получилъ южный Переяславль на рѣкѣ Трубежѣ и все верхнее поволжье, т. е. землю ростово-

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». М. Грушевскій: «Очеркъ Исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава». Нѣкоторые мелкіе источники.

32 б) Картина: Предсмертное наставленіе Ярослава Мудраго своимъ сыновьямъ.

суздальскую. Ярославъ передъ смертью увѣщевалъ своихъ сыновей жить въ любви и дружбѣ, имѣя старшаго брата «на мѣсто отца», и предрекалъ иначе гибель русской землѣ, собранной воедино великимъ трудомъ ихъ прадѣдовъ. Сыновья Ярослава, конечно, тѣснѣе были между собою связаны, рожденные въ христіанствѣ, отъ одной матери, чѣмъ сыновья Владиміра, дѣти разныхъ языческихъ его женъ. Мы дальше увидимъ, что три оставшихся въ живыхъ старшихъ брата сначала и довольно долго дѣйствуютъ дружно, по взаимному соглашенію, почитая, до нѣкоторой степени, старшинство Изъяслава, несмотря на то, что этотъ князь, при недостаткѣ самостоятельности и твердости въ своемъ характерѣ, не могъ лично имѣть настоящаго преобладанія надъ младшими братьями. Былъ еще живъ одинъ изъ сыновей Владиміра Святого, князь псковской Судиславъ, посаженный Ярославомъ въ темницу за свои притязанія на независимость Пскова. Но, измученный заключеніемъ въ теченіе 20 лѣтъ, старикъ не думалъ уже о своихъ правахъ на старшинство между князьями. Освобожденный въ 1159 г. племянниками подъ условіемъ навсегда отказаться отъ этихъ правъ, онъ умеръ въ монастырѣ.

Волость кіевскаго великаго князя Изъяслава занимала, съ присоединеніемъ къ ней теперь волынской и части смоленской области, всѣ земли по рѣкѣ Припети съ ея притоками, а также дальше, въ верховьяхъ Буга и по Днѣстру, съ впадающей въ него рѣчкой Саной. Обезземеленные племянники, сыновья умершихъ въ молодости младшихъ князей, Игоря и Вячеслава, въ началѣ княженія Изъяслава были еще слишкомъ малы для предъявленія своихъ законныхъ правъ, такъ что, при тѣсномъ союзѣ

Сраженіе древне-словянскаго племени «даковъ» съ римлянами. *(Къ 25 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Жестокія насилія аваръ надъ словянами. *(Къ 51 стр.)*

между собою трехъ старшихъ братьевъ, Русь первые года по смерти Ярослава Мудраго пользовалась внутреннимъ миромъ. Печенѣги послѣ нашествія своего на Кіевъ, въ 1034 г., и понесеннаго отъ Ярослава пораженія не безпокоили больше русскихъ и не пытались проникнуть за ихъ предѣлы. Они, вообще, ослабѣли и подались на западъ подъ сильнымъ давленіемъ съ востока торковъ, между тѣмъ какъ этихъ степныхъ кочевниковъ стали тѣснить, въ свою очередь, изъ-за Волги половцы. Въ 1060 г. братья-Ярославичи, въ союзѣ съ полоцкимъ княземъ Всеславомъ, на лошадяхъ и ладьяхъ, сами предприняли въ первый разъ наступательный походъ въ степи и прогнали торковъ дальше на юго-западъ, къ Дунаю. Плѣнниковъ русскіе разселили по городамъ областей: кіевской и переяславской. Тогда же мѣсто торковъ въ южно-русскихъ степяхъ заняли половцы, не замедлившіе напасть на Переяславль и Кіевъ.

Первый подалъ примѣръ междоусобія, какъ мы сказали уже, Ростиславъ Владиміровичъ, отнесенный, по рѣшенію Изъяслава, въ разрядъ изгоевъ. Онъ, при помощи молодого Вышаты, сына посадника Изъяславова въ Новгородѣ, Остроміра, погибшаго въ одномъ изъ походовъ своихъ на чудь, набралъ себѣ вольную дружину изъ новгородцевъ, очень любившихъ его отца, а затѣмъ пополнилъ ее на далекомъ югѣ отрядами изъ воинственныхъ племенъ Кавказа. Черниговскій князь Святославъ воротилъ снова удѣлъ своему, изгнанному Ростиславомъ, робкому сыну Глѣбу. Но едва онъ ушелъ съ войскомъ своимъ обратно, какъ Ростиславъ завладѣлъ вторично тьмутараканской областью, принадлежавшей къ черниговскому удѣлу, и съ тѣхъ поръ княжилъ тамъ до

самой смерти своей, въ теченіе всего двухъ лѣтъ. Кратковременное княженіе храбраго Ростислава было грозно для всѣхъ враждебныхъ россамъ сосѣдей: коссоги ему платили дань, а коварные греки рѣшили извести его обманомъ. Одинъ изъ ихъ начальниковъ, подольстившись къ русскому князю, отравилъ его во время пира, въ 1066 г., пока тотъ съ дружиной пилъ за здоровье гостя. Князь Ростиславъ былъ погребенъ въ каменномъ храмѣ Пресвятой Богородицы, построенномъ Мстиславомъ Владиміровичемъ послѣ его единоборства съ Редедею.

По смерти Ростислава, граждане Тьмутаракани, должно быть, любившіе своего прежняго князя, молодого, кроткаго Глѣба, послали къ Святославу, въ Черниговъ, пословъ, съ просьбою отпустить его къ нимъ опять на княженіе. Святославъ охотно согласился; но потомъ онъ отослалъ оттуда Глѣба княжить въ Новгородъ, посадивъ въ Тьмутаракани на его мѣсто другого своего сына, Романа. Тамъ памятникомъ княженія Глѣба осталась каменная плита съ высѣченной на ней надписью о томъ, что князь Глѣбъ, въ 1068 г. мѣрилъ по льду проливъ между городами Корчевымъ и Тьмутараканью, причемъ насчиталъ 14000 саж.

Почти въ одно время съ Ростиславомъ, противъ Ярославичей возмутился другой, не менѣе безпокойный, молодой полоцкій князь: сынъ умершаго въ 1044 г. Брячислава,—какъ преданіе говоритъ, жестокій, но храбрый Всеславъ. Не довольствуясь своею родовою областью, онъ пытался овладѣть Новгородомъ и Псковомъ, причемъ въ Новгородѣ ограбилъ храмъ Св. Софіи. Соединенными силами Ярославичи, взявъ полоцкій городъ Минскъ и наведя ужасъ на его жителей, одолѣли Всеслава въ упорной битвѣ

на берегахъ рѣчки Немизы, посреди сугробовъ еще не стаявшаго, въ Мартѣ мѣсяцѣ, снѣга. Глубокій окровавленный снѣгъ, усѣянный трупами, помѣшалъ погонѣ за бѣжавшимъ Всеславомъ. Вслѣдъ за его пораженіемъ сдался и пограничный городъ полоцкой области—Витебскъ. Братья союзники переждали въ немъ распутицу, а потомъ ушли подъ Смоленскъ и, расположившись тамъ станомъ на берегу Днѣпра, послали грамоту къ князю Всеславу, призывая его къ себѣ для мирныхъ переговоровъ. Но полоцкій князь, не довѣряя дядямъ своимъ, при обычномъ въ тѣ времена вѣроломствѣ и часто жестокомъ предательствѣ, послалъ къ нимъ впередъ духовника своего, отца Андрея, дабы князья-побѣдители прежде поцѣловали крестъ въ томъ, что ему не сдѣлаютъ никакого зла. Изъяславъ, Святославъ и Всеволодъ, безъ колебанія, на крестѣ присягнули въ искренности своихъ добрыхъ намѣреній относительно возмутившагося племянника, обласкали посланнаго имъ священника и отпустили его обратно, въ полной увѣренности, что князю Всеславу не грозитъ въ станѣ ихъ ни малѣйшей опасности. Отецъ Андрей вернулся съ духовнымъ сыномъ своимъ въ началѣ іюня. Не доѣзжая Смоленска, они подплыли на ладьѣ къ берегу, противъ шатра Изъяслава. Священникъ первый ступилъ на землю, держа высоко надъ головою тотъ самый крестъ, что̀ цѣловали изъ его рукъ князья, давая клятву забыть вражду свою съ полоцкимъ княземъ. За нимъ вышелъ Всеславъ съ двумя малолѣтними сыновьями. Изъяславъ пошелъ изъ своего шатра навстрѣчу племяннику и отцу Андрею; но, между тѣмъ, его ближайшій бояринъ и совѣтникъ, Тука, уже успѣлъ убѣдить слабохарактернаго великаго князя въ необходимости, хотя бы не убивая

Всеслава, задержать его, однако, у себя плѣнникомъ. Онъ отобралъ изъ дружины, для нападенія на гостя, шесть самыхъ рослыхъ воиновъ и готовилъ въ шатрѣ веревки, пока Изъяславъ дружески обнималъ и цѣловалъ племянника, осѣняемый крестомъ обрадованнаго примиреніемъ родственниковъ отца Андрея. Идя впереди ихъ къ ставкѣ великаго князя, священникъ громко благодарилъ Бога, сподобившаго его быть посредникомъ между ними и сѣнью креста покрыть ихъ злую вражду. Радость его была недолга. За распахнувшимися полами шатра, Всеслава ждали вооруженные воины. Не проливая крови его, согласно полученному приказу, они повалили несчастнаго князя на землю, а затѣмъ быстро связали его по рукамъ и ногамъ. Положенный на телѣгу, онъ увезенъ былъ въ одно мгновенье къ Днѣпру, на приготовленную для отправки его въ Кіевъ барку. Потрясенный всѣмъ происшедшимъ передъ его глазами, священникъ, едва опомнившись отъ изумленія, осыпалъ клятвопреступника негодующими упреками и заклиналъ прекратить мерзкое беззаконіе. «Ты червь и рабъ, пренебрегающій Господомъ Богомъ. Горе, горе тебѣ»! воскликнулъ онъ. Изъяславъ приказалъ двумъ изъ своихъ воиновъ сейчасъ же свезти его обратно въ Полоцкъ. Когда тѣ, взявъ священника за руки, повлекли его на ладью къ Днѣпру, великій князь вернулся въ шатеръ свой. До него еще донеслись изъ ладьи слова священника: «Никуда ты не свезешь своей совѣсти, и еще испытаешь на себѣ гнѣвъ Господень». Въ Кіевѣ князь Всеславъ посаженъ былъ въ прорубь вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями.

33) Картина: Великій князь Изъяславъ возвращается въ свой шатеръ.

Божье наказанье, призванное отцомъ Андреемъ на голову Изъяслава, не замедлило проявить себя въ

набѣгѣ на русскую землю дикихъ, неукротимыхъ половцевъ, занявшихъ къ этому времени въ южнорусскихъ степяхъ мѣсто, ими вытѣсненныхъ оттуда къ западу печенѣговъ и торковъ, иначе узовъ. Узы въ союзѣ съ хазарскими каганами, въ IX столѣтіи, стали тѣснить изъ-за Волги и Дона печенѣговъ, ослабленныхъ побѣдоносной борьбою съ ними русскихъ великихъ князей, Владиміра и Ярослава. Послѣ понесеннаго ими подъ Кіевомъ пораженія, въ 1036 году, продолжавшіяся еще несогласія между ними совсѣмъ сломили ихъ силы. Сначала они въ большинствѣ были вынуждены покинуть кочевья свои за Дономъ, частью затерялись тамъ среди узовъ, отъ нихъ отличаясь только короткимъ платьемъ, безъ рукавовъ. Они разсѣялись по степямъ и старались сосредоточиться въ степяхъ приднѣпровскихъ. Но узы-торки перешли Донъ, тѣснимые съ востока, какъ мы уже сказали, другимъ кочевымъ народомъ,— половцами, и на Днѣпрѣ столкнулись опять съ печенѣгами. Печенѣги храбро сражались съ пришлыми узами и держались противъ нихъ стойко, пока не пошли войной другъ противъ друга: важнѣйшій ханъ печенѣжскій Турахъ и главный народный старшина, прославленный своими подвигами въ борьбѣ съ узами, Кегенъ. Кегенъ, сопровождаемый своими приверженцами, убѣжалъ за Дунай отъ соперника и отдался подъ покровительство греческаго императора Константина Мономаха, принявъ на себя обязательство защищать греческіе предѣлы отъ собственныхъ соплеменниковъ. Тогда узы побѣдили кочевавшихъ по берегамъ Днѣпра печенѣговъ, и тѣ мало-по-малу всѣ ушли для мирнаго поселенія за Дунай, на отведенныхъ имъ императоромъ византійскимъ, значительно опустѣвшихъ послѣ истребительныхъ войнъ

Василія Болгаробойцы, болгарскихъ земляхъ. Однако, господство узовъ въ южно-русскихъ степяхъ длилось недолго. Во-первыхъ, ихъ потѣснили съ сѣвера, какъ мы уже видѣли, соединенными силами, русскіе князья; а съ востока, по собственнымъ ихъ слѣдамъ, надвинулись на нихъ орды половцевъ. Съ ними, какъ съ болѣе тогда еще отдаленными отъ русскихъ предѣловъ хищниками, вступилъ въ союзъ противъ торковъ, въ 1055 году, переяславскій князь Всеволодъ. Онъ самъ по себѣ въ этомъ году побѣдоносно воевалъ съ торками, до совмѣстнаго наступательнаго на нихъ похода всѣхъ трехъ Ярославичей, въ 1060 г. Однако, Русь ничего не выиграла съ паденіемъ могущества узовъ-торковъ и печенѣговъ, когда ихъ мѣсто въ черноморскихъ степяхъ заняли куманы-половцы. Разгромивъ торковъ, они въ слѣдующемъ же году ворвались въ переяславскую область Всеволода и разграбили ее, побѣдивъ русскаго князя, а въ 1068 году появились снова. Три брата Ярославовича соединили свои дружины и дали половцамъ битву подъ самымъ Переяславлемъ, на берегу рѣчки Альты, гдѣ былъ убитъ князь Борисъ Святополкомъ. Они не выдержали, однако, натиска дикихъ ордъ, и побѣжали: Святославъ—въ Черниговъ, а Изъяславъ съ Всеволодомъ, опасавшимся оставаться въ Переяславлѣ,—въ Кіевъ. Половцы распустили свои загоны по русской землѣ для грабежа.

Кіевляне были возмущены бѣгствомъ своего князя, собрали на торговой площади, въ нижнемъ городѣ, самовольное вѣче и требовали оттуда у Изъяслава оружія для борьбы съ грознымъ врагомъ. Когда Изъяславъ отказалъ имъ въ ихъ шумномъ требованіи, они взбунтовались. Часть недовольныхъ кіевскихъ гражданъ кинулась къ прорубу освобо-

ждать Всеслава, какъ князя болѣе смѣлаго и предпріимчиваго, а другая—ко двору княжескому, гдѣ толпа начала кричать и препираться съ великимъ княземъ. Малодушный Изъяславъ испугался, и вмѣстѣ съ братомъ Всеволодомъ оставилъ Кіевъ. Это случилось на другой день послѣ праздника Воздвиженія Креста Господня, поруганнаго Изъяславомъ, и къ защитѣ котораго прибѣгнулъ освобожденный теперь Всеславъ.

Говоря о древнихъ порядкахъ на Руси, необходимо различать: порядокъ княжескихъ отношеній и «земскій» порядокъ въ ней. Послѣдній имѣлъ свои особыя основы и опоры.

Земля звала къ себѣ князей для внѣшней своей обороны *); нуждалась больше въ ихъ саблѣ, чѣмъ въ государственномъ управленіи. Земля жила, во внутренней своей жизни, своими мѣстными, всюду довольно однообразными, распорядками. Князь не прикрѣплялся къ мѣсту владѣнія: онъ приходилъ и уходилъ. Областное населеніе, естественно, искало мѣстной силы, вокругъ которой оно могло бы сосредоточиться. И этой силой были главные города областей. По мѣрѣ того, какъ между князьями умножились и развились междоусобныя войны, усиливалось значеніе волостныхъ городовъ, и населеніе ихъ рѣшало волостныя дѣла, собираясь на вѣча. Эти вѣча со времени борьбы Ярослава со Святополкомъ, въ 1015 г., все громче начинаютъ шумѣть, дѣлаясь повсемѣстнымъ явленіемъ и вмѣшиваясь въ отношенія между князьями. Князья должны были считаться съ этою силой, входить съ ней въ сдѣлки и заключать договоры, опредѣлявшіе тотъ порядокъ, какого дер-

*) В. Ключевскій: «Курсъ Русской Исторіи».

жались мѣстные князья въ своей дѣятельности по управленію областью. Такимъ образомъ, власть мѣстныхъ князей является до нѣкоторой степени ограниченной вѣчами областныхъ городовъ.

Очередной порядокъ княжескаго владѣнія поддерживалъ и усиливалъ общеземское значеніе сосредоточія Руси—города Кіева. Удобства жизни тамъ, честь старшинства, церковное значеніе этого города, дѣлали его завѣтной мечтой для каждаго князя. Хотя Всеславъ полоцкій прокняжилъ въ Кіевѣ всего семь мѣсяцевъ и бѣжалъ оттуда, какъ мы увидимъ, обратно въ свой родной Полоцкъ, но, все-таки, по преданію, уже всю жизнь не могъ позабыть Кіева.

Доля этихъ княжескихъ чувствъ къ Кіеву сообщалась и населенію всѣхъ русскихъ земель, даже самыхъ дальнихъ. Тамъ сидѣлъ старшій князь русской страны. Оттуда шли всѣ добрые княжескіе походы въ степь на поганыхъ. Тамъ жилъ высшій пастырь церкви, митрополитъ, и находились всѣ наиболѣе чтимыя святыни Русской земли.

Такъ какъ каждый взрослый князь получалъ отъ своихъ родичей особую волость, то и самыя отдаленныя захолустья превращались въ мелкія княжества, гдѣ появлялся свой стольный городъ, украшавшійся храмами и дворами боярскими, рядомъ съ княжескимъ,—на образецъ все того же Кіева. Такимъ образомъ, въ разные углы Руси вносилась общая обстановка жизни: тѣ же понятія, вкусы и житейскія отношенія. Перелетныя птицы Русской земли, князья съ дружинами, разносили всюду сѣмена образованности, какая росла и процвѣтала въ Кіевѣ. А потому, хотя въ современной Россіи осталось очень мало слѣдовъ старой кіевской Руси, съ ея постоянною неурядицей и нападеніями изъ степей «поганыхъ»,

34) Картина: Стольный городъ.

но, между тѣмъ, древній Кіевъ составляетъ предметъ самыхъ задушевныхъ, поэтическихъ и религіозныхъ народныхъ воспоминаній. Народная поговорка: «языкъ до Кіева доведетъ» означаетъ не то, что невѣдома дорога къ Кіеву, а, наоборотъ, что всякій укажетъ туда дорогу, такъ какъ всѣ дороги на Руси приводятъ къ нему. Народъ не чтитъ и не любитъ такъ ни одной изъ русскихъ столицъ, позже смѣнившихъ Кіевъ.

Первоначальный «очередной порядокъ» княжескаго владѣнія вызывалъ собою къ дѣйствію цѣлый рядъ связей, сцѣплявшихъ части русской земли въ одно бытовое, земское цѣлое. Онъ устанавливалъ между ними невольное общеніе: всюду пробуждалъ одинаковые помыслы и заботы. Благодаря передвиженію князей изъ волости въ волость, всѣ части земли невольно и незамѣтно смыкались, какъ звенья цѣпи. Смѣна князей въ одной волости чувствительно отзывалась на другой. Тотъ или иной князь придетъ со своею дружиною и боярами, станетъ съ ними суды судить и ряды рядить, и всякія грамоты записывать. Такимъ образомъ, княжескій круговоротъ втягивалъ въ себя мѣстную жизнь и не давалъ волостямъ слишкомъ обособляться. Онѣ пріучались внимательно слѣдить за тѣмъ, что происходило въ сосѣднихъ земляхъ. Благодаря очередному порядку княжескаго владѣнія, создавалось общее настроеніе, въ которомъ первоначально сказывалось, можетъ быть, только чувство одинаковыхъ затрудненій, но которое перерабатывалось въ сознаніе взаимной связи между всѣми частями Русской земли. Очередной порядокъ княжескаго владѣнія, заставляя князей постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто, дѣлалъ столь же подвижной и княжескую дружину. Когда

князь, въ свой чередъ, переходилъ съ худшаго стола на лучшій, его боярамъ и слугамъ выгодно было слѣдовать за нимъ, покидая прежнюю волость. Когда же князя, вслѣдствіе усобицъ, съ лучшаго стола пересаживали на худшій, его дружинѣ выгоднѣй было покинуть его, чтобъ остаться въ прежней волости. Единство княжескаго рода позволяло дружиннику переходить отъ князя къ князю, а единство земли—изъ волости въ волость, не дѣлаясь измѣнникомъ. Такъ очередной порядокъ княжескаго владѣнія пріучалъ дружину мѣнять волости, какъ ихъ мѣняли князья; мѣнять и князей, какъ они мѣняли волости. Землевладѣніе боярское еще развивалось слабо и не составляло главнаго дохода служилыхъ людей. Дружинники продолжали принимать дѣятельное участіе въ торговыхъ оборотахъ и получали отъ своихъ князей жалованье деньгами, называвшимися тогда, повторяемъ, «кунами», отъ дорогого куньяго мѣха, такъ какъ у древнихъ народовъ средней и сѣверной полосы Россіи, какъ мы уже говорили, мѣха замѣняли деньги. Гривна кунъ служила самымъ крупнымъ серебрянымъ мѣновымъ знакомъ на древнерусскомъ рынкѣ. Такимъ образомъ дружинное военное сословіе, можетъ быть, еще въ большей степени, чѣмъ духовенство, являлось подвижнымъ носителемъ мысли о нераздѣльности Русской земли и о ея земскомъ единствѣ.

Не надѣясь найти *) поддержку противъ мятежнаго населенія Кіева въ подвластныхъ ему западныхъ областяхъ: въ Волынѣ, Полоцкѣ, земляхъ древлянъ и дреговичей, Изъяславъ съ своей семьей бѣжалъ въ

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». М. Грушевскій: «Очеркъ Исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава». Нѣкоторые мелкіе источники.

Польшу, къ своему родственнику, королю польскому Болеславу Смѣлому. Его мать была одной изъ сестеръ Ярослава Мудраго, какъ мы уже знаемъ, выданная своимъ братомъ за короля польскаго Казиміра, между тѣмъ какъ самъ Изъяславъ былъ женатъ на дочери того же Казиміра, сестрѣ Болеслава Смѣлаго.

Кіевляне, тѣмъ временемъ, освободили Всеслава и поставили его своимъ княземъ, а дворъ и сокровища Изъяслава были разграблены буйной чернью.

Но не Всеславъ съ кіевскими полками избавилъ Русь отъ грабежа половецкихъ отрядовъ, не онъ вступилъ съ ними въ новую битву, какъ того требовали кіевляне отъ Изъяслава,—а Святославъ черниговскій мужественно повелъ противъ главныхъ силъ дикарей свою трехтысячную дружину и разметалъ ихъ на берегахъ рѣки Сновы, захвативъ въ плѣнъ предводителя, такъ что Всеволодъ могъ безопасно вернуться въ свой переяславскій удѣлъ. Всеславъ занималъ великокняжескій столъ только семь мѣсяцевъ. Польскій король, выговоривъ себѣ опять въ награду у Изъяслава, за свою помощь, Червенскіе (галиційскіе) русскіе города, пошелъ самъ съ нимъ въ походъ противъ Всеслава, въ 1068 г. Хотя Всеславъ принялъ начальство надъ кіевлянами, но, не имѣя ни притязанія, ни надежды утвердиться прочно на столѣ кіевскомъ наперекоръ Ярославичамъ, тайкомъ бѣжалъ изъ Бѣлгорода отъ кіевской рати въ свой родной Полоцкъ, оставивъ Кіевъ безъ князя.

«Лютымъ звѣремъ умчался онъ въ полночь, повитый синею мглою», сказано въ лѣтописи.

Тогда кіевляне, возвратившись домой, послали пословъ къ Святославу и Всеволоду, съ просьбою, чтобы тѣ пришли защитить отъ поляковъ Кіевъ. Въ особенности они имѣли при этомъ въ виду Свято-

слава, прославленнаго своей недавней побѣдой надъ половцами. «Нельзя намъ безъ князя быть», говорилъ народъ на вѣчѣ, «какъ можно безъ князя»! Но Святославъ, на этотъ разъ, не рѣшился воспользоваться предложеніемъ кіевлянъ занять кіевскій столъ, можетъ быть, въ виду подступавшаго съ Изъяславомъ къ Кіеву войска,—а только обѣщалъ имъ заступиться за нихъ вмѣстѣ съ Всеволодомъ передъ старшимъ братомъ, потребовать отъ него, чтобы онъ вошелъ въ городъ мирно и безъ насилій. Дѣйствительно, младшіе братья послали сказать Изъяславу: «Не води ляховъ въ Кіевъ. Если ты хочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола». Изъяславъ понялъ, что братья его намѣрены защищать Кіевъ съ оружіемъ въ рукахъ, и не посмѣлъ ослушаться. Но, тѣмъ не менѣе, онъ отрядилъ сына своего Мстислава съ передовой дружиной вступить въ городъ раньше себя, и тотъ все-таки, многихъ кіевскихъ гражданъ избилъ и ослѣпилъ, мстя за освобожденіе Всеслава. Несмотря на такую жестокость и вѣроломство, угнетенные неудачей своей, растерявшіеся кіевляне покорно вышли навстрѣчу законному своему великому князю, и тогда Изъяславъ вторично занялъ великокняжескій престолъ кіевскій, въ 1069 году.

При поддержкѣ поляковъ прогнавъ Всеслава изъ Полоцка, онъ посадилъ тамъ княжить старшаго своего сына Мстислава, а затѣмъ, въ томъ же году, когда умеръ Мстиславъ,—Святополка. Польскій король оставался нѣкоторое время въ Кіевѣ со своимъ войскомъ, какъ можно предположить, отчасти по просьбѣ самого Изъяслава, не довѣрявшаго еще полной покорности кіевлянъ, а, отчасти, наслаждаясь привольной жизнью въ богатомъ Кіевѣ. Но недо-

вольные этимъ постоемъ у нихъ наглыхъ чужеземцевъ, русскіе стали по одиночкѣ и втихомолку убивать поляковъ въ такомъ количествѣ, что Болеславъ II-ой какъ нѣкогда Болеславъ Храбрый, поспѣшилъ уйти изъ Кіева, занявъ по пути часть Червонной Руси въ награду за свою помощь. Между Червонными городами крѣпкій Перемышль оказалъ ему упорное сопротивленіе.

Неугомонный Всеславъ полоцкій, изгнанный изъ своего удѣла, напалъ опять на Новгородъ, гдѣ въ это время княжилъ Глѣбъ Святославичъ, и разорилъ его. Отбитый затѣмъ новгородцами, онъ успѣлъ, однако, по смерти Мстислава Изъяславича, вернуть себѣ отъ брата его Святополка наслѣдственный свой удѣлъ.

Хотя онъ не разъ лишался этого удѣла за 57 лѣтъ своего княженія, съ 1044 до 1101 года, но, тѣмъ не менѣе, оставилъ своимъ наслѣдникамъ родовую область не только въ цѣлости, но и расширенной до самыхъ крайнихъ предѣловъ, какихъ когда-либо достигало полоцкое княжество. Въ него вошли къ тому времени, кромѣ волости Витебской, всѣ земли древнихъ дикихъ дреговичей, то есть значительная часть пространства сосѣднихъ земель, нынѣшнихъ бѣлорусскихъ губерній: какъ-то Минской и Могилевской. Оно касалось тоже современной намъ губерніи Ковенской и Прибалтійской области. Полоцкъ въ торговлѣ соперничалъ съ Псковомъ и Новгородомъ. Литва ему платила дань. Имя этого города упоминается въ скандинавскихъ пѣсняхъ, такъ называемыхъ, сагахъ. Жизнь воинственнаго Всеслава была полна, по преданію, невѣроятными, многими приключеніями, такъ что современники считали его даже за чародѣя, придавая особенную таинственную

и волшебную силу повязкѣ, всегда носимой имъ, для прикрытія какой-то язвы, на головѣ. Князю Всеславу наслѣдовалъ его старшій сынъ Борисъ. Ему приписываются, такъ называемые, «Борисовы Камни» на Западной Двинѣ, съ высѣченнымъ на нихъ именемъ князя. Назначеніе этихъ камней загадочно, но теперь историки видятъ въ нихъ памятникъ предпріятій этого полоцкаго князя по устройству воднаго, торговаго сообщенія. Онъ, вѣроятно, очистилъ русло Западной Двины отъ опасныхъ для судовъ камней, въ изобиліи преграждавшихъ ея теченіе. Но съ большими камнями тогдашнее инженерное искусство справиться не могло, и князь ограничился тѣмъ, что выбилъ надпись на нихъ въ память своихъ работъ.

Св. Евфросинья, полоцкая княжна, мощи которой нынѣ были торжественно перенесены изъ Кіево-Печерской Лавры въ ея родной Полоцкъ, была внучка Всеслава, дочь его младшаго сына: Святослава—Георгія.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава I *).

Кіево-Печерская Лавра и великій князь Святославъ II.

Раньше, чѣмъ продолжать наше повѣствованіе о событіяхъ на Руси, связанныхъ съ постояннымъ соперничествомъ русскихъ удѣльныхъ князей между собою и внѣшними войнами ихъ съ сосѣдями, необходимо отмѣтить, во время княженія Изъяслава, одно событіе первой важности для всего склада духовно-нравственной жизни народа, пустившее глубоко въ нѣдрахъ народныхъ корни, могучаго и вѣтвистаго дерева древняго христіанства. Много кровавыхъ золъ и тяжелыхъ бѣдствій умиротворило оно подъ своей благотворной сѣнью; много дало плода и вскормило святыхъ христіанскихъ чувствъ; создало вѣрный пріютъ для мятущихся, въ поискахъ чистаго подвига, смиренныхъ, скорбящихъ душъ, отъ неправдъ міра.

Я говорю о появленіи близъ села Берестова, въ пещерѣ митрополита Иларіона, св. подвижника Антонія и объ основаніи вокругъ него зачатка будущей Кіево-Печерской Лавры. Мы упомянули уже въ немногихъ словахъ объ этомъ событіи, разска-

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей».

зывая о послѣднихъ годахъ жизни Ярослава Мудраго. Слава святой, подвижнической жизни отшельника Антонія не замедлила обратить на себя вниманіе Изъяслава. Великій князь самъ приходилъ къ подвижнику, чтобы принять отъ него благословеніе. Но между ними скоро возникъ разладъ по той причинѣ, что, увлеченный примѣромъ св. Антонія, вопервыхъ, сынъ одного изъ ближнихъ бояръ великаго князя поступилъ, противъ воли отца, въ число монашеской братіи, окружившей Антонія,—принявъ имя Варлаама; а затѣмъ, и его любимый домоправитель Ефремъ послѣдовалъ тому же примѣру. Разгнѣванный Изъяславъ приказалъ-было сослать въ заточеніе печерскихъ иноковъ; но его удержала отъ такого поступка жена его, благочестивая полька, предвѣщая бѣдствіе для страны при удаленіи изъ нея монаховъ.

Отецъ Варлаама, однако, не успокоился на такомъ оборотѣ дѣла и, только видя, что сынъ, насильно имъ возвращенный домой, вновь одѣтый въ боярское платье, не принимаетъ пищи, но сидитъ молча и неподвижно, какъ будто бы въ ожиданіи смерти, отпустилъ его обратно въ пещеры черезъ три дня, причемъ всѣ домашніе, провожая Варлаама, горько рыдали, тогда какъ монахи, выйдя ему навстрѣчу, съ радостью прославляли Бога. Св. Антоній поставилъ этого самаго Варлаама игуменомъ надъ умножившейся монашеской братіей, когда прежній игуменъ Никонъ ушелъ въ Тьмутаракань, между тѣмъ какъ самъ, любя уединеніе, затворился въ пещерѣ. При Варлаамѣ иноки, черезъ св. Антонія, попросили у Изъяслава отдать имъ гору надъ ихъ пещерами, для постройки храма. Изъяславъ предоставилъ имъ эту гору, и тогда иноки на ней основали

Собственность Т. П. Мятлевой.

Смерть князя Изъяслава на Нѣжатинской нивѣ. *(Къ 98 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Тонущій князь Ростиславъ Всеволодовичъ въ виду половецкой погони. *(Къ 113 стр.)*

монастырь, до сихъ поръ сохранившій названіе Печерскаго монастыря. Они построили деревянную церковь, а вокругъ — келіи и оградили ихъ тыномъ. Около этого времени Изъяславъ, въ крещеніи Дмитрій, основалъ въ Кіевѣ монастырь св. Дмитрія, богато его одаривъ, и туда назначилъ игуменомъ Варлаама, изъ печерской обители, уже знаменитой въ народѣ святостью своей братіи. Тогда Антоній поставилъ тамъ другого игумена, главнаго устроителя Кіево-Печерской Лавры, св. Ѳеодосія.

Когда, нарушивъ крестное цѣлованіе, Изъяславъ посадилъ въ прорубъ Всеслава, св. Антоній со своею печерской братіей глубоко скорбѣлъ о такомъ поступкѣ великаго князя кіевскаго и порицалъ его вслухъ, называя клятвопреступникомъ. Изъяславъ, вернувшись изъ Польши и вторично занявъ кіевскій столъ, былъ въ такомъ гнѣвѣ на всѣхъ сторонниковъ князя Всеслава, что, вопреки обѣщанію, данному братьямъ, простить кіевлянамъ ихъ возмущеніе противъ него, сталъ казнить въ тюрьмахъ невинныхъ и виноватыхъ. Св. Антоній опять поднялъ свой обличительный голосъ. Изъяславъ сдѣлалъ попытку заставить его замолчать угрозами черезъ совѣтника своего, боярина Туку. Но это не помогло. «Моя убогая пещера—подъ ногами у князя Изъяслава», прислалъ свой отвѣтъ св. Антоній: онъ можетъ насъ всѣхъ здѣсь засыпать, но совѣсть свою и гробовою землей не засыплетъ, а если и впредь не потерпитъ, чтобы она возвышала свой голосъ, то не человѣкомъ будетъ, а хищнымъ звѣремъ. Если мы, смиренные иноки, не станемъ говорить правды, то свѣтъ не устоитъ». Тогда Изъяславъ, въ своей ярости, вознамѣрился погубить св. подвижника, но, къ его досадѣ, князь Святославъ черниговскій пре-

дупредилъ это новое злодѣяніе старшаго брата, похитивъ ночью св. Антонія изъ его пещеры и поселивъ его у себя, въ Черниговѣ. Здѣсь онъ доставилъ св. Антонію безопасный пріютъ и часто съ нимъ бесѣдовалъ....

Св. Ѳеодосій родился недалеко отъ Кіева, въ городкѣ Васильевѣ, а потомъ жилъ съ родителями своими въ Курскѣ *). Онъ обнаружилъ рано высокое свое призваніе: любовь къ труду, дома и въ полѣ, несмотря на то, что принадлежалъ къ именитому роду,—а также охоту къ обученію грамотѣ. Онъ не терпѣлъ блестящихъ одеждъ и вмѣстѣ съ рабами ходилъ работать въ такомъ же платьѣ, какъ и они. Мать его была женщина очень крутого нрава, еще не твердая въ христіанствѣ, и притѣсняла сына за его удаленіе отъ мірскихъ заботъ; а когда онъ, однажды, присталъ къ паломникамъ, отправлявшимся къ святымъ мѣстамъ, и тайкомъ ушелъ изъ дому, поддаваясь душевному своему влеченію, она его била безъ всякой жалости и надѣла на него временно кандалы, чтобы онъ не сбѣжалъ опять. Била она его и за то, что онъ, получивъ свободу, сталъ печь просфоры для церкви, изо дня въ день посѣщая церковную службу,—за то, что сдѣлалъ себѣ самъ, при помощи кузнеца, вериги и носилъ ихъ всегда подъ одеждой. А обнаружилось это случайно, во время пира, возымѣвшаго особое расположеніе къ благочестивому юношѣ, курскаго воеводы, пока Ѳеодосій ему прислуживалъ, по его указанію, въ чистой рубахѣ, и когда выступили на ней пятна крови. Въ глухомъ, второклассномъ городѣ Курскѣ, не было еще въ то время ни одного монастыря. Для жи-

34 б) Св. Ѳеодосій въ отрочествѣ наказанный своею матерью.

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей».

телей, хотя крещеныхъ, пріемы монашества казались странными и непривычными. Наконецъ, руководствуясь изреченіемъ изъ Евангелія, что «кто не оставитъ отца или мать, чтобы идти вслѣдъ за мной, не достоинъ меня»,—Ѳеодосій твердо рѣшился уйти окончательно въ монастырь и постричься въ монахи. Приставъ къ одному обозу съ товарами, онъ дошелъ до Кіева, гдѣ услыхалъ о спасавшемся въ уединенной пещерѣ св. Антоніи, и къ нему явился одинъ изъ первыхъ просить постриженія. Антоній благословилъ его на постригъ, послѣ чего Ѳеодосій, сдѣлавшись инокомъ, ревностно предался труду и молитвамъ печерскихъ подвижниковъ. Мать розыскала его здѣсь только черезъ четыре года и съ большимъ трудомъ добилась, при посредствѣ св. Антонія, свиданія съ сыномъ, но, видя, что всѣ мольбы ея, чтобы онъ возвратился домой, остаются тщетными, послѣдовала совѣту Ѳеодосія—самой постричься въ ближайшемъ женскомъ монастырѣ св. Николая, на могилѣ князя Аскольда, чтобы имѣть возможность видѣть иногда сына.

Поставленный св. Антоніемъ въ игумены Кіево-Печерскаго монастыря, когда Варлаамъ былъ переведенъ, по желанію великаго князя, игуменомъ въ кіевскій монастырь св. Димитрія, Ѳеодосій всей братіи подавалъ примѣръ непрерывной дѣятельности, изнуренія плоти и строгаго поста. Онъ всѣмъ служилъ, носилъ воду, таскалъ дрова; первымъ приходилъ въ церковь къ богослуженію и уходилъ послѣднимъ. Онъ озаботился введеніемъ среди нея опредѣленнаго монастырскаго устава по образцу знаменитаго византійскаго монастыря св. Ѳеодора Студита, прославленнаго своею борьбою за почитаніе иконъ во время гоненія на нихъ, въ VIII и IX столѣтіяхъ, и своимъ очень

*

суровымъ уставомъ. Студитскій монастырь сдѣлался тоже пріютомъ для русскихъ иноковъ и паломниковъ, въ особенности для тѣхъ, что занимались списываніемъ церковныхъ книгъ. Въ Студитскомъ монастырѣ проживалъ нѣкоторое время печерскій инокъ Ефремъ, вышеупомянутый домоправитель великаго князя Изъяслава. Съ его помощью Ѳеодосій досталъ полный списокъ Студитскаго устава и ввелъ его въ Печерскомъ монастырѣ. Никому не позволялъ онъ имѣть никакой собственности, а если находилъ что-либо лишнее въ кельѣ монаха, то бросалъ въ огонь. Первоначально печерскіе иноки кормились скудными приношеніями окрестныхъ жителей и своимъ трудомъ, какъ то: плели копытца, т. е. обувь, и клобуки на продажу въ городъ. Но, мало-по-малу, князья и бояре, какъ было уже сказано, начали приходить въ святую обитель за благословеніемъ, принося дары. Вошедшему въ славу монастырю начали жертвовать недвижимыя имущества: земельныя угодья, даже цѣлыя села. Великій князь Изъяславъ особенно полюбилъ Ѳеодосія: онъ его къ себѣ призывалъ, и самъ запросто пріѣзжалъ къ нему въ обитель. Къ Ѳеодосію обращались мірскіе люди съ просьбой о заступленіи передъ князьями или судьями, и онъ помогалъ имъ своимъ ходатайствомъ.

Между тѣмъ прошло 20 лѣтъ со времени построенія Ярославомъ Мудрымъ въ Вышгородѣ деревянной церкви памяти св. мучениковъ Бориса и Глѣба, гдѣ хранилась ихъ мощи. Такъ какъ она пришла въ ветхость, то Изъяславъ повелѣлъ соорудить близъ старой церкви другую, новую, и 2-го мая 1072 года произошло торжественное перенесеніе въ нее св. мощей. Къ этому торжеству съѣхались въ Вышгородъ всѣ три брата Ярославичи со своими дѣтьми и

боярами. А вокругъ митрополита Георгія собрались епископы изъ ближайшихъ епархій, а также игумены кіевскихъ монастырей съ ихъ чернецами. Въ числѣ игуменовъ находился знаменитый Ѳеодосій Печерскій. Когда освятили новую церковь, князья сами подняли на свои плечи деревянную раку князя Бориса и понесли ее, предшествуемые митрополитомъ и духовенствомъ, съ кадилами и свѣчами. Въ новой церкви мощи князя Бориса открыли и, приложившись къ нимъ, помѣстили въ каменную гробницу, а такъ какъ мощи Глѣба уже покоились въ тяжеломъ гробу изъ камня, то его поставить пришлось на сани,—ихъ же тащить веревками. Согласно сказанію, тѣлеса обоихъ князей оставались вполнѣ нетлѣнными, и отъ нихъ исходило благоуханіе. Послѣ обѣдни братья-князья устроили веселый пиръ повелѣвъ роздать богатую милостыню убогимъ.

35) Картина: Перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба.

Въ теченіе 18 лѣтъ послѣ смерти отца *), сыновья Ярослава жили въ дружбѣ между собою, но, съ возвращеніемъ Изъяслава въ Кіевъ, доброе ихъ согласіе пошатнулось. Видя въ 1069 году княземъ въ Новгородѣ, до сихъ поръ принадлежавшемъ всегда великому князю кіевскому, Глѣба Святославича тьмутараканскаго, мы можемъ заключить, что Святославъ захватилъ Новгородъ въ свои руки во время пребыванія Изъяслава въ Польшѣ, или что онъ уступленъ былъ брату Изъяславомъ вмѣсто отнятаго имъ у Всеслава Полоцка. Во всякомъ случаѣ, когда Всеславъ вернулъ себѣ Полоцкъ, то Изъяславу обидно стало быть лишеннымъ Новгорода, и, по совѣту Туки, онъ рѣшилъ сблизиться со своимъ старымъ врагомъ, предпріимчивымъ, ловкимъ и опытнымъ въ войнѣ,

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». М. Грушевскій: «Очеркъ Исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава».

полоцкимъ княземъ, чтобы отнять Новгородъ у Святослава. Провѣдавъ объ этихъ проискахъ, Святославъ призвалъ къ себѣ на помощь любимаго брата: добраго, справедливаго Всеволода, и они вмѣстѣ, предупредивъ нападеніе старшаго брата, въ союзѣ съ Всеславомъ, прогнали его изъ Кіева. Изъяславъ тамъ не имѣлъ никакой поддержки въ земскихъ людяхъ и гражданахъ. Кіевляне давно его не любили за нерадѣніе къ общему благу, лѣнь и лицемѣріе, принявъ его къ себѣ снова послѣ бѣгства Всеслава лишь въ силу необходимости. А онъ усилилъ ихъ нелюбовь къ себѣ буйнымъ вступленіемъ своего сына Мстислава въ Кіевъ съ передовымъ отрядомъ, и своимъ жестокимъ преслѣдованіемъ всѣхъ, кого онъ только подозрѣвалъ въ сочувствіи къ своему полоцкому племяннику. Мы видѣли, что Святославъ увезъ къ себѣ въ Черниговъ отъ гнѣва брата св. Антонія; къ нему спасались и всѣ другіе, притѣсненные въ Кіевѣ, сторонники обиженнаго Всеслава.

Когда уже въ 1069 году кіевляне призывали къ себѣ на княженіе Святослава, то теперь, тѣмъ болѣе, этого храбраго князя окружало въ Черниговѣ много приверженцевъ и почитателей его отваги въ борьбѣ съ хищными половцами. Они побуждали князя занять кіевскій столъ, увѣряя его въ полномъ и несомнѣнномъ къ нему сочувствіи кіевлянъ. Четыре года тому назадъ Святославъ отказался отъ приглашенія кіевлянъ въ пользу старшаго брата, отчасти, какъ мы сказали, въ виду грознаго польскаго войска. Но теперь ихъ отношенія были уже не тѣ, а Кіевомъ овладѣть предстояло почти безъ всякой борьбы. Потому, Изъяславъ ушелъ заблаговременно, пока братья еще не успѣли явиться въ Кіевъ, забравъ съ собою свои сокровища и очень много имущества.

Онъ опять отправился къ Болеславу Смѣлому, ища защиты, но Болеславъ въ это время велъ войну съ Чехіей, и не желалъ больше вступаться за права дяди. Существуетъ извѣстіе, что, воспользовавшись богатствами, привезенными Изъяславомъ, онъ хотѣлъ-было начать военныя дѣйствія противъ Кіева, но былъ удержанъ мирными переговорами съ сыномъ Всеволода, Владиміромъ Мономахомъ, получившимъ себѣ въ удѣлъ пограничный съ Польшею городъ Туровъ. Тогда поляки прогнали отъ себя докучнаго родственника. Обобранный Изъяславъ обратился за помощью и правосудіемъ въ Майнцъ, къ нѣмецкому императору Генриху IV. Изъ небольшихъ остатковъ своей казны онъ поднесъ ему кое-какіе подарки драгоцѣнными сосудами и тканями, показавшимися главѣ нѣмецкаго государства при дикой скудости собственной его казны, очень роскошными; а, кромѣ того, обѣщалъ Генриху признать свою отъ него зависимость, если тотъ поможетъ ему овладѣть снова кіевскимъ великокняженіемъ. Подобное возмутительное, со стороны русскаго князя, жалкое обѣщаніе, конечно, указываетъ на робкую душу и мелкое своекорыстіе Изъяслава. Но Генрихъ IV слишкомъ былъ занятъ дома борьбой съ непокорными ему владѣтельными князьями, чтобы принять дѣйствительно дѣятельное участіе въ его раздорахъ съ братьями. Онъ ограничился тѣмъ, что отправилъ отъ себя въ Кіевъ посольство съ угрозами Святославу пойти на него войной, если онъ не вернетъ Кіевъ старшему брату. Но во главѣ посольства находился нѣкій Бухартъ, князь Трирскій, братъ жены умершаго Вячеслава Ярославича. Ласково принятый Святославомъ и щедро имъ одаренный, онъ, еще раньше того, когда провожалъ сестру подъ вѣнецъ, плѣнив-

шійся широкой, веселой жизнью на Руси, уладилъ дѣло. Дары Святослава привели нѣмцевъ въ восторгъ и недоумѣніе, а о старшемъ братѣ онъ не хотѣлъ ничего даже говорить съ послами. Генриху не было никакой охоты наживать себѣ такого могущественнаго врага, да, кромѣ того, находясь въ дружбѣ съ чехами, онъ не могъ разсчитывать на свободный пропускъ черезъ польскія земли. Не добившись ничего ровно отъ Генриха и наскучивъ унылымъ житьемъ въ Майнцѣ, казавшимся ему послѣ Кіева убогою деревушкой, Изъяславъ рѣшилъ,—все по совѣту того же хитраго, изворотливаго Туки, прибѣгнуть къ заступничеству знаменитаго въ исторіи соперника, по силѣ власти,—нѣмецкаго императора Генриха IV; его заклятаго врага,—римскаго папы Генриха VII. Онъ отправилъ въ Римъ самого Туку, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Ярополкомъ, причемъ, чтобы добиться цѣли, не постыдился предложить папѣ русское подданство, съ переходомъ народа русскаго отъ царьградскаго патріарха подъ покровительство западной католической церкви. Папа прельстился такимъ обѣщаніемъ, бывшимъ его завѣтной, гордой мечтой, и, радуясь случаю показать свою верховную власть надъ земными владыками, послалъ милостивую грамоту Изъяславу за его отреченіе отъ нечестивыхъ обрядовъ греческихъ, вмѣстѣ съ укоромъ польскому королю за его поступокъ съ русскимъ великимъ княземъ. Но въ это же время Святославъ и Всеволодъ вступили въ открытый союзъ съ Болеславомъ Смѣлымъ. Въ 1076 г., ихъ юные сыновья: Владиміръ Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ, и Олегъ Святославичъ, княжившій во Владимірѣ-Волынскѣ, пришли къ нему на помощь съ русской дружиной, противъ его враговъ-чеховъ. Чехи, узнавъ о томъ,

испугались, и поспѣшили заключить миръ съ Болеславомъ, уплативъ ему денежный выкупъ. Но князья русскіе мира этого не признали, когда польскій король хотѣлъ ихъ ни съ чѣмъ отослать обратно: они постояли за свою честь, и такъ разорили Чехію, что чешскій король Вратиславъ послалъ къ русскимъ князьямъ особыхъ пословъ просить мира, причемъ столько же заплатилъ имъ, сколько польскому королю. Тогда они, помирившись, ушли домой. Болеславъ Смѣлый не могъ простить Олегу и Мономаху подобной дерзкой самостоятельности по отношенію къ его бывшимъ врагамъ, когда онъ съ ними уже примирился. Тутъ подоспѣла грозная папская грамота. Испуганный и оскорбленный польскій король отвернулся тогда отъ своихъ прежнихъ союзниковъ, и протянулъ опять дружески руку несчастному дядѣ. Разсчеты Туки увѣнчались успѣхомъ къ великой радости Изъяслава.

36) Картина: Изображеніе великаго князя Святослава II.

Дѣятельный, способный правитель, великій князь Святославъ II занималъ около трехъ лѣтъ кіевскій столъ, собравъ въ своихъ рукахъ большую часть волостей, но, сохранивъ при этомъ дружескія отношенія съ Всеволодомъ, подчинившимся добровольно его старшинству. Онъ предоставилъ ему за то управленіе всею черниговской областью. Его сынъ, Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, въ продолженіе всего княженія Святослава II служилъ ему, какъ старшему князю, и, по его порученію, ходилъ противъ чеховъ на помощь полякамъ.

Святославъ овладѣлъ Кіевомъ, опираясь на сочувствіе къ нему большинства населенія кіевской области. Однако, онъ встрѣтилъ полное неодобреніе со стороны духовенства, въ тѣ времена охранявшаго особенно строго начала нравственности и справедливости. Св. Ѳеодосій смѣло сталъ на защиту поруган-

ныхъ правъ старшаго брата; не хотѣлъ видѣться съ нимъ и съ Всеволодомъ; открыто порицалъ Святослава черезъ приходившихъ къ нему бояръ и писалъ ему обличительныя посланія,—за что Святославъ, однажды, въ порывѣ гнѣва пригрозилъ подвижнику заточеніемъ.

Ѳеодосій ни мало не испугался его угрозъ: «для меня это самое лучшее въ жизни», сказалъ онъ; «чего мнѣ страшиться? разлучаться-ли мнѣ съ дѣтьми и селами? терять-ли имущество и богатства? Нагими пришли мы въ міръ, нагими и выйдемъ изъ него». Только просьбы бояръ великаго князя, совмѣстно съ просьбами печерскихъ иноковъ, смягчили въ его устахъ слова суроваго осужденія. Онъ согласился принять Святослава въ монастырѣ съ подобающей честью и долго бесѣдовалъ съ нимъ, стараясь кроткими увѣщаніями склонить его къ примиренію съ братомъ. Мы видимъ здѣсь ярко выраженное «духовное» преобладаніе въ русской жизни самостоятельныхъ, независимыхъ правъ представителей церкви надъ первенствующими, въ мірскихъ дѣлахъ, княжескими правами. Русскій народъ нравственно подчинялся, вмѣстѣ съ князьями своими, превыше всего чистымъ и непреклоннымъ требованіямъ священства. Но это не было непримиримой борьбою двухъ верховныхъ властей на одной и той же государственной почвѣ, съ обыденной, мірской точки зрѣнія, и полной соблазна побѣдой папы, отпускающаго грѣхи за деньги, какъ это имѣло мѣсто въ исторіи западнаго католичества.

Святославъ съ тѣхъ поръ сталъ часто бывать въ Печерскомъ монастырѣ, чтобъ наслаждаться бесѣдой съ праведнымъ великимъ мужемъ, какимъ явился теперь въ его глазахъ игуменъ Ѳеодосій. Св.

Ѳеодосій тоже посѣщалъ великаго князя въ его дворцѣ и, однажды, заставъ у него веселый пиръ съ игрою на гусляхъ, спросилъ, печально опустивъ голову: «Такъ же ли будетъ и на томъ свѣтѣ»? Святославъ тотчасъ же велѣлъ прекратить веселье. Онъ былъ человѣкъ, рядомъ съ своей воинственностью, очень начитанный и просвѣщенный; наполнялъ свои клѣти книгами и «проливалъ», по старинному лѣтописному выраженію, «медъ писанія на своихъ приближенныхъ». Кромѣ того, его усердіе къ церкви примирило съ нимъ кіевское духовенство.

37) Картина: Пиръ у Святослава и св. Ѳеодосій.

Святославъ началъ строить въ Вышгородѣ каменную церковь во имя св. Бориса и Глѣба, и, съ благословенія св. Антонія; при немъ былъ заложенъ св. Ѳеодосіемъ знаменитый Печерскій храмъ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы. Великій князь Святославъ подарилъ для церкви мѣсто на Берестовомъ полѣ и пожертвовалъ сто гривенъ золотомъ на постройку. Онъ самъ копалъ рвы подъ фундаментомъ этого храма, и Ѳеодосій съ братіей неутомимо дѣлилъ труды греческихъ мастеровъ. Св. Антоній скончался въ 1073 году, а вслѣдъ за нимъ разнемогся и Ѳеодосій. Умирая, онъ благословилъ великаго князя Святослава II-го, пришедшаго къ нему съ сыномъ Глѣбомъ, и завѣщалъ ему имѣть попеченіе о монастырѣ. Игуменомъ же вмѣсто себя поставилъ одного изъ своихъ учениковъ—Стефана. Св. Ѳеодосій скончался 3 мая 1074 года и былъ погребенъ въ той же пещерѣ, что инокомъ ископалъ себѣ собственными руками. Имѣя большую склонность такъ же, какъ и великій князь Святославъ II-ой, къ книжному дѣлу, онъ, помимо обличительныхъ писемъ къ нему, до насъ не дошедшихъ, оставилъ нѣсколько поученій, обращенныхъ имъ къ братіи монастырской: о мило-

стынѣ, любви къ Богу, терпѣніи въ трудахъ и т. д. Въ нихъ св. Ѳеодосій вооружается противъ пьянства, распущенныхъ нравовъ и суевѣрій, оставшихся отъ язычества.

Вмѣстѣ съ посланіями и наставленіями для утвержденія христіанскаго благочестія, въ книжной русской словесности стали являться сказанія о различныхъ русскихъ подвижникахъ и угодникахъ, дополнявшія переводныя жизнеописанія общехристіанскихъ святыхъ: западно-европейскихъ, а особенно греческихъ. Разсказы, первоначально печерскихъ иноковъ по преимуществу, о такихъ мужахъ, какъ высоко чтимые ими основатели Печерскаго монастыря, св. Антоній и Ѳеодосій, скоро сдѣлались любимымъ предметомъ чтенія и списыванія въ древней Руси. Тотъ духъ, какой проявилъ Ѳеодосій въ жизни своей и устройствѣ монастыря, надолго оставался въ его обители. За нимъ появился цѣлый рядъ подвижниковъ, которыхъ дѣянія записывались и передавались изустно. Спасеніе удобнѣе казалось затворнику, оторванному отъ міра, тогда какъ общеніе съ людьми вводило въ грѣхъ. Сочинителемъ житія преподобнаго Ѳеодосія былъ знаменитый въ русской исторіи инокъ Печерской лавры временъ игуменства тамъ Стефана, лѣтописецъ Несторъ. Житіе это изложено имъ прекраснымъ языкомъ: толково и вдохновенно. Хотя Несторъ не зналъ Ѳеодосія лично, но монастырь былъ еще полонъ живыми воспоминаніями о немъ и разсказами о его выдающейся дѣятельности. Своей любовью къ книжнымъ занятіямъ, примѣромъ и поощреніемъ въ нихъ, св. Ѳеодосій содѣйствовалъ тому развитію письменности, какое въ Печерскомъ монастырѣ мы встрѣчаемъ преимущественно передъ другими русскими монастырями. Въ пре-

38) Картина: Въ молитвенномъ уединеніи.

39) Картина: Лѣтописецъ Несторъ у себя въ келіи.

дисловіи къ житію Ѳеодосія Несторъ замѣчаетъ, что «Господь сподобилъ его уже ранѣе написать о житіи, убіеніи и чудесахъ свв. мучениковъ Бориса и Глѣба».

39 б) Картина: Могила Нестора въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Великій князь Святославъ II умеръ въ 1076 г. отъ зараженія крови вслѣдствіе неудачнаго надрѣза одного изъ мучившихъ его нѣсколько лѣтъ подрядъ болѣзненныхъ вередовъ. Хотя великій князь Святославъ II, самый умный и дѣятельный среди сыновей Ярослава, по своей жизни и управленію въ Кіевѣ, безспорно является крупною историческою личностью, но въ глазахъ общества, несмотря на свою набожность и книголюбіе, онъ все же остался насильникомъ, человѣкомъ несправедливымъ, и первенство его рода кончилось съ его смертью. Онъ даже похороненъ былъ въ своемъ родномъ Черниговѣ, а не въ Кіевѣ, какъ чужой, пришлый князь черниговскій, а не кіевскій.

Изъ современниковъ преподобнаго Ѳеодосія вмѣстѣ съ нимъ подвизалось въ Печерскомъ монастырѣ нѣсколько иноковъ, тоже сдѣлавшихся потомъ предметомъ монастырскихъ сказаній и вошедшихъ впослѣдствіи въ сборникъ житій святыхъ печерскихъ подвижниковъ. Много разсказывается чудеснаго объ ихъ необыкновенномъ постничествѣ, терпѣніи и борьбѣ со злыми духами, ихъ искушавшими. Назовемъ между ними Исаакія Затворника. Онъ былъ купцомъ, но роздалъ все свое имѣніе нищимъ и сталъ молиться цѣлыми днями въ тѣсной пещерѣ. Однажды, какъ говоритъ преданіе, ночью, къ нему явились бѣсы въ образѣ ангеловъ и заставили его Христовымъ именемъ поклониться себѣ. Забывъ осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, Исаакій исполнилъ ихъ повелѣніе и подпалъ тотчасъ подъ вліяніе бѣсовъ. Они наполнили его келію и надругались надъ

40) Картина: Искушеніе св. Исаакія Затворника.

нимъ, а потомъ онъ нѣсколько лѣтъ лежалъ, пораженный параличемъ, безъ языка; оправившись, наложилъ на себя юродство и всякаго рода лишеніями освободилъ свою душу изъ когтей дьявола.

Печерскіе подвижники стали предметомъ подражанія для иноковъ всѣхъ другихъ монастырей. Печерская обитель снабжала русскія области священнослужителями: епископами и архимандритами, преимущественно передъ другими монастырями. Нѣкоторые печерскіе иноки приняли мученическій вѣнецъ христіанской проповѣдью среди язычниковъ, какъ св. Кукша, крестившій много народу среди дикихъ вятичей.

Русскимъ князьямъ пришлось вести особенно упорную борьбу съ ними. Русскому завоеванію не легко было проникнуть въ ихъ непривѣтливую лѣсную страну, такъ какъ черезъ нее не пролегалъ ни одинъ торный, судовый путь. Здѣсь сходились одни верховья рѣкъ, текущихъ въ разныя стороны. Походы русскихъ князей въ эту глухую мѣстность предпринимались только въ зимнее время.

Святославъ *) оставилъ послѣ себя пять сыновей: Глѣба, Олега, Давида, Романа и Ярослава. Одна рѣдкая рукопись, извѣстная подъ названіемъ Святославова Сборника или Изборника, сохранила намъ полуистертое современное изображеніе этихъ князей, вмѣстѣ съ родителями. Князь Святославъ, какъ книголюбецъ, приказывалъ списывать для себя разныя славяно-болгарскія рукописи, и до насъ дошелъ въ подлинникѣ переписанный для него въ 1073 году сборникъ разныхъ статей, преимущественно религіознаго содержанія.

41) Картина: Семья Святослава на одномъ изъ листовъ Изборника.

Надъ изображеніемъ на одномъ изъ листовъ Изборника Святослава II-го съ семьей его, составляю-

*) П. Н. Полевой: «Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта».

щаго величайшую драгоцѣнность, какъ памятникъ нашей живописи XI столѣтія, написаны золотомъ имена изображенныхъ лицъ. Повыше, подъ этими именами, другая надпись: «желаніе сердца моего, Господь, не презри, но прими насъ всѣхъ и помилуй».

Маленькій Ярославъ поставленъ передъ матерью и, по неясности изображенія, почти сливается съ ея фигурою, тогда какъ изображеніе княгини до такой степени закрываетъ собою фигуру князя Давида, что видна только высокая оконечность его шапки. Всѣ сыновья представлены въ цвѣтныхъ кафтанахъ, спускающихся ниже колѣнъ и подпоясанныхъ золотымъ кушакомъ, въ клобукахъ, или шапкахъ съ мѣховою опушкой и синимъ закругленнымъ верхомъ. На ногахъ у всѣхъ красные сафьяновые сапоги. Клобукъ самого Святослава имѣетъ верхъ болѣе низкій и, повидимому, золотой; кромѣ того, у него поверхъ кафтана наброшенъ зеленый плащъ съ золотой каймой, епанча или корзно, на правомъ плечѣ застегнутая пряжкою съ дорогимъ камнемъ. Изъ-подъ плаща виденъ кафтанъ зеленаго цвѣта съ красной каймой на подолѣ и золотыми нарукавниками. Сапоги зеленаго цвѣта. Сыновья всѣ безбородые, а самъ Святославъ, обладающій круглымъ, красивымъ лицомъ, имѣетъ густые усы и подстриженную бороду. У княгини вокругъ головы, на плечахъ и шеѣ лежитъ покрывало, спускающееся однимъ концомъ на правую сторону. На ней одѣто длинное верхнее платье желтовато-краснаго цвѣта съ большимъ отложнымъ воротникомъ, золотымъ поясомъ и широкими рукавами, подъ которыми видны золотыя поручи нижняго кафтана. Изъ-подъ подола съ каймою замѣтны только концы красноватой обуви.

Къ княженію Глѣба Святославича въ Новгородѣ

Великомъ *) относится разсказъ о появившемся тамъ языческомъ колдунѣ, или волхвѣ, начавшемъ смущать еще нетвердое въ христіанской вѣрѣ новгородское населеніе мнимыми чудесами и хулою на христіанство. Это было въ 1071 году. Новгородская чернь подняла мятежъ и хотѣла убить епископа. Епископъ облекся въ ризы, взялъ крестъ, вышелъ къ народу и сказалъ: «кто вѣруетъ волхву, пусть идетъ за нимъ, а кто почитаетъ крестъ, пусть слѣдуетъ за мной». Князь Глѣбъ съ дружиной стоялъ подлѣ епископа. Спрятавъ топоръ подъ плащемъ, онъ подошелъ къ волхву и спросилъ его: «Знаешь ли, что будетъ завтра?»—«Знаю»—отвѣчалъ онъ. «А знаешь ли, что будетъ сегодня?»—«Я сотворю великія чудеса».—Тогда князь Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвымъ. Мятежъ сразу утихъ, и толпа разошлась по домамъ. Глѣбъ вскорѣ погибъ въ какомъ-то походѣ противъ сѣверной чуди. Братъ его Олегъ былъ Святославомъ посаженъ, какъ мы сказали уже, во Владиміръ-Волынскѣ.

42) Картина: Новгородскій князь Глѣбъ Святославичъ обличаетъ языческаго волхва передъ толпою его мятежныхъ сторонниковъ.

Глава II.

Престарѣлый великій князь кіевскій Всеволодъ и начало подвиговъ его сына Владиміра Мономаха **).

1 Января 1077 года въ Кіевѣ сѣлъ на княженіе братъ Святослава, Всеволодъ; но не надолго, такъ какъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ по его вокняженіи на Волыни явился съ польскими вспомогательными

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи».

**) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». М. Грушевскій: «Очеркъ Исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава». Нѣкоторые мелкіе источники.

войсками изгнанный князь Изъяславъ. Осторожный, миролюбивый Всеволодъ уступилъ ему великокняжескій столъ безъ битвы и, слабый самъ по себѣ, Изъяславъ вступилъ съ братомъ въ тѣсный союзъ противъ воинственныхъ Святославичей съ тайной цѣлью отомстить имъ за обиду, нанесенную ему ихъ покойнымъ отцомъ. Кіевское населеніе, видя уступчивость и покорность старшему брату Всеволода, покорно приняло въ третій разъ на княженіе Изъяслава. Новые союзники занялись передѣломъ всѣхъ волостей, причемъ князь Всеволодъ, въ вознагражденіе за уступку Кіева Изъяславу, къ своимъ владѣніямъ присоединилъ Черниговъ съ прилежащими областями, отнявъ, такимъ образомъ, у сыновей Святослава отцовское ихъ наслѣдіе. Сынъ его Владиміръ получилъ Смоленскъ вмѣсто Турова, а Олегъ Святославичъ выведенъ былъ изъ Волыни, присоединенной такъ же, какъ Туровъ и Новгородъ, къ кіевской области, потому что эти удѣлы принадлежали ранѣе Изъяславу. Глѣбъ Святославичъ тогда уже умеръ, и Изъяславъ посадилъ въ Новгородѣ сына своего Святополка, въ крещеніи Михаила. Олегъ Святославичъ, лишенный Владиміра на Волыни, взамѣнъ не получилъ ничего. За многочисленной семьей Святослава теперь остались только двѣ волости: тьмутараканская и муромо-рязанская. Въ Тьмутаракани сидѣлъ Романъ, а Олегъ не поѣхалъ въ Муромъ, но, въ 1078 году, бѣжалъ къ брату, чтобы собраться силами для борьбы противъ захвата дядей. Тамъ въ союзъ съ нимъ вступилъ еще обездоленный племянникъ: сынъ рано умершаго Вячеслава Ярославича, князя смоленскаго—Борисъ Вячеславичъ.

43) Картина: Изображеніе вел. князя Изъяслава Ярославича.

Обиженные князья призвали себѣ на помощь половцевъ изъ глубины степей и пошли съ ними въ

Черниговъ, чтобы прогнать оттуда Всеволода. Всеволодъ былъ разбитъ при рѣкѣ Сожицѣ и, вынужденный покинуть Черниговъ, потерялъ въ битвѣ много ближнихъ бояръ, послѣ чего обратился за помощью къ Изъяславу. Изъяславъ выразилъ брату готовность положить голову за его обиду; собралъ немедленно большое войско и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ противъ мятежныхъ племянниковъ. Владиміръ Всеволодовичъ, изъ Смоленска, поспѣшилъ тоже на помощь къ отцу. Они осадили Черниговъ. Преданный семьѣ Святослава, городъ мужественно оборонялся, несмотря даже на отсутствіе въ его стѣнахъ Олега съ Борисомъ, такъ какъ тѣ, этимъ временемъ, набирали въ южныхъ степяхъ новыя орды половцевъ. Когда князья показались вдали съ толпами наемниковъ, Изъяславъ, Всеволодъ и Владиміръ, бросивъ осаду Чернигова, пошли къ нимъ навстрѣчу. Видя превосходство ихъ силъ, Олегъ хотѣлъ-было уклониться отъ битвы, но пылкій Борисъ готовъ былъ идти сражаться съ одной своей дружиной, и воспротивился отступленію. Враги сошлись недалеко отъ Чернигова, на «Нѣжатинской нивѣ», какъ названо это мѣсто въ лѣтописи, и Борисъ палъ въ этой сѣчѣ, кончившейся побѣдой Всеволода, послѣ чего Олегъ ушелъ обратно въ Тьмутаракань. Но зато Всеволодъ тутъ потерялъ брата, дѣйствительно, не пожалѣвшаго своей головы ради его спасенія. Когда Изъяславъ стоялъ среди пѣшихъ полковъ, какой-то непріятельскій всадникъ наскочилъ на него и поразилъ копьемъ такъ, что великій князь палъ мертвымъ. Тѣло его похоронили въ кіевской Десятинной церкви. Это случилось въ 1078 году. Теперь Всеволодъ сѣлъ великимъ княземъ въ Кіевѣ по своему полному праву: какъ послѣдній изъ Ярославичей и старшій въ родѣ, а черниговъ-

44) Картина: Смерть князя Изъяслава на Нѣжатинской нивѣ.

скій удѣлъ передалъ своему сыну, по прозванію, Мономаху.

Не въ первый разъ уже приводимъ мы здѣсь имя этого знаменитаго князя русской земли, выдающагося между всѣми удѣльными князьями конца XI-го и начала XII-го вѣка: по своимъ нравственнымъ качествамъ, кипучей дѣятельности и высокому умственному развитію. Раньше, чѣмъ перейти къ описанію цѣлаго ряда его военныхъ подвиговъ и добродѣтельныхъ, великодушныхъ поступковъ, остановимся мимолетно на его дѣтствѣ и ранней юности.

Онъ родился*) въ 1053 году, еще при жизни великаго дѣда своего Ярослава. Его мать была греческая царевна: дочь византійскаго императора Константина Мономаха. Сама тонко воспитанная при византійскомъ Дворѣ, она постаралась дать сыну въ руководители людей разумныхъ и образованныхъ. Кромѣ того, его отецъ, Всеволодъ Ярославичъ, любимый сынъ Ярослава Мудраго, былъ человѣкъ очень начитанный, хорошо владѣвшій пятью языками и отъ природы добраго, мягкаго нрава. Кротость и ласка вмѣстѣ съ познаніями книжными благотворно питали и окружали дѣтство князя Владиміра. А благодаря тому, что князь Всеволодъ Ярославичъ долго княжилъ въ пограничномъ, со стороны южно-русскихъ степей, городѣ Переяславлѣ, Владиміръ съ юности долженъ былъ познакомиться, силою обстоятельствъ, съ безпокойной военной жизнью на юго-восточной окраинѣ русской земли. Уже въ 13 лѣтъ, по его собственному свидѣтельству, онъ началъ про-

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей». М. Грушевскій: «Очеркъ Исторіи Кіевской земли послѣ смерти Ярослава». В. Г. Ляскоронскій: «Владиміръ Мономахъ» и нѣкоторые мелкіе источники.

*

ходить трудную школу жизни, полной невзгодъ и лишеній, такъ какъ время сидѣнія Всеволода княземъ въ Переяславлѣ было обильно всякими тревожными перемѣнами въ Русской землѣ, походами противъ враговъ и нападеніями ихъ на его область. Надо было упорно отстаивать край и находить неистощимыя средства для постоянной борьбы со степными кочевниками, сдѣлавшими Переяславль, какъ бы, первопутьемъ себѣ для дальнѣйшихъ походовъ въ русскія земли. Къ переяславскому удѣлу, на сѣверо-востокѣ, принадлежали суздальско-владимірскія земли и еще юношей Владиміръ ходилъ съ дружиной черезъ владѣнія вятичей, по порученію отца, въ Ростовъ, а затѣмъ дважды—въ Смоленскъ. Участіе его изъ Турова въ движеніи на западъ вызвано было польскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла русскаго государства.

Изгнаніе Изъяслава изъ Кіева породило прочную дружбу и тѣсный союзъ между Всеволодомъ и Святославомъ. Ихъ единеніе явилось настолько могущественнымъ, что они уже были въ силахъ не только обороняться сами, но оказать, какъ мы видѣли, вооруженной рукой поддержку полякамъ противъ враговъ ихъ, чеховъ и нѣмцевъ, послѣ того какъ Владиміръ Мономахъ успѣшно провелъ, по порученію великаго князя Святослава II-го, мирные переговоры съ польскимъ королемъ Болеславомъ Смѣлымъ. Въ 1071 году русскіе князья возвратились домой изъ похода въ Чехію, взявъ съ побѣжденныхъ чеховъ богатую дань. По возвращеніи Изъяслава въ Кіевъ, Владиміръ Мономахъ переведенъ былъ, какъ мы знаемъ, изъ Турова, присоединеннаго вмѣстѣ съ Волынью къ кіевской области, въ удѣлъ смоленскій, важный своимъ мѣстоположеніемъ, одинаково недалеко отъ

богатаго Новгорода и неспокойнаго Полоцка. При вокняженіи въ Кіевѣ Всеволода, этотъ вел. князь отдалъ младшему сыну Изъяслава, Ярополку, Туровъ, вмѣстѣ съ землею владиміро-волынской, а Святополкъ Изъяславичъ остался въ Новгородѣ.

Половцы безпрестанно нападали на черниговосѣверскую область, и никакой съ ними союзъ не могъ быть проченъ, во-первыхъ, потому что они не стѣснялись нарушать договоры, а, во-вторыхъ, разбивались на орды подъ предводительствомъ разныхъ хановъ. Когда одни мирились съ русскимъ княземъ, другіе устраивали набѣгъ на русскія земли.

Но Владиміръ Мономахъ воевалъ съ ними, насколько возможно было, успѣшно. Когда двое половецкихъ вождей опустошили окрестности города Стародуба, Владиміръ, пригласивши на помощь третьяго, разбилъ ихъ, а потомъ разъсѣялъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ еще другую орду, освободивъ русскихъ плѣнниковъ, уводимыхъ половцами въ ихъ степныя становища, или вѣжи. 45) Картина: Орда надвигается.

На сѣверѣ, врагами Владиміра Мономаха были полоцкіе князья. Князь Всеславъ напалъ на Смоленскъ, остававшійся во власти Владиміра и послѣ того, какъ отецъ отдалъ ему Черниговъ.

Въ отомщеніе за это, Владиміръ повелъ половцевъ въ полоцкія владѣнія и разорилъ городъ Минскъ. Расправлялся онъ тоже съ вятичами, не желавшими подчиниться власти русскихъ князей, и ходилъ войной на вождя этой народности, Ходоту, съ сыномъ.

Вятичи, какъ извѣстно, были восточные сосѣди родимичей, жившихъ по рѣкѣ Сожи, и говорили съ ними однимъ нарѣчіемъ. Рѣка Сожь представляла кратчайшій путь между Кіевомъ и Смоленскомъ— слѣдовательно, покореніе этой области было очень

важно для кіевскихъ великихъ князей. Небольшой притокъ Сожи, рѣчка Пищана, ознаменована побѣдою воеводы Владиміра Великаго, извѣстнаго подъ названіемъ Волчій хвостъ, надъ родимичами. Область рѣки Сожи начиналась къ сѣверу отъ города Любеча. Земля родимичей ровная, песчано-глинистая, обильная болотами и сосновымъ лѣсомъ. Эти болота узкими полосами тянутся иногда на десятки верстъ,—но рѣка Сожь, несмотря на свои мели, была судоходна: она текла по лѣсной долинѣ, покрытой заливными лугами и озерами. Завоеваніе земли родимичей Русью совершилось, повидимому, не ранѣе X вѣка. Еще позднѣй подчинились ей вятичи: даже въ началѣ XII вѣка мы видимъ у вятичей господство туземныхъ князей и языческой вѣры. Лѣтопись намъ даетъ мало извѣстій о борьбѣ руссовъ съ вятичами; мы знаемъ только, что путь Владиміра Мономаха въ свой ростовскій удѣлъ, куда его посылалъ отецъ, княжившій въ Переяславлѣ, былъ опаснымъ путемъ, лежавшимъ сквозь враждебное Руси и непокорное племя.

Сыновья Святослава, попрежнему, не были приняты во вниманіе при распредѣленіи удѣловъ, и продолжали съ оружіемъ въ рукахъ предъявлять Всеволоду свои княжескія права. Романъ тьмутараканскій съ новыми толпами половцевъ пошелъ на помощь Олегу, чтобы добыть Черниговъ, но Всеволодъ подкупилъ половецкихъ вождей, и тѣ заключили миръ съ кіевскимъ великимъ княземъ. Они измѣнили возставшимъ противъ своихъ дядей братьямъ—племянникамъ, и убили Романа на его обратномъ пути въ отдаленную Тьмутаракань. Олегъ же былъ схваченъ въ 1079 году хазарами и выданъ грекамъ, сославшимъ его на островъ Родосъ, въ Эгейскомъ

морѣ (омывающемъ восточные берега Греціи). Греки, конечно, были въ союзѣ съ врагами русскаго князя, опасаясь имѣть въ немъ такого же безпокойнаго и воинственнаго сосѣда, какимъ прежде былъ Ростиславъ, коварно убитый ими. Въ Византіи въ то время царствовалъ престарѣлый Никифоръ Ватаніатъ, принудившій къ отреченію отъ престола сына Константина IX Мономаха, жестокосердаго императора Михаила. Олегъ два года жилъ въ заточеніи. Извѣстный русскій паломникъ, игуменъ Даніилъ, при описаніи своего хожденія въ Іерусалимъ, разсказываетъ о пребываніи законнаго наслѣдника тьмутараканской области Олега Святославича на одномъ изъ греческихъ острововъ. Великій князь Всеволодъ послалъ въ Тьмутаракань своего посадника Ратибора, но онъ тамъ распоряжался недолго. Въ слѣдующемъ же году сюда явились новые искатели удѣловъ, изгои: Давидъ Игоревичъ и Володарь Ростиславичъ. Они прогнали Ратибора, и завладѣли Тьмутараканью. Припомнимъ, что одинъ изъ младшихъ сыновей Ярослава, рано умершій Игорь, получилъ въ удѣлъ отъ отца Владиміръ-Волынскій и уже по смерти Вячеслава, князя смоленскаго, переведенъ былъ Изъяславомъ въ Смоленскъ. Теперь его старшій сынъ Давидъ хотѣлъ получить законное свое наслѣдіе, данное ихъ роду дѣдомъ, и просилъ въ Кіевѣ объ этомъ Всеволода; но, увидя, что всѣ домогательства его безплодны, уѣхалъ въ Тьмутаракань.

У князя изгоя Ростислава Владиміровича оказалось три безземельныхъ сына: Рюрикъ, Василько и Володарь, прибывшій въ Тьмутаракань съ Давидомъ.

Когда старый византійскій императоръ Никифоръ Ватаніатъ, лишившій престола императора Михаила съ тѣмъ, чтобы занять его мѣсто, былъ, въ

свою очередь, свергнутъ своимъ полководцемъ Алексѣемъ Комненомъ, въ 1081 году воцарившимся въ Византіи, обстоятельства измѣнились въ пользу плѣненнаго Олега Святославича. Греки выпустили его на свободу, и въ 1083 году онъ вернулся въ Тьмутаракань, откуда выгналъ Давида съ Володаремъ, не сдѣлавъ имъ зла, но зато отомстилъ жестоко предавшимъ его хазарамъ, казнивъ безпощадно главныхъ своихъ враговъ между ними.

Въ великой досадѣ на свое изгойство, Давидъ Игоревичъ спустился на ладьяхъ со своею дружиною къ устью Днѣпра и началъ тамъ грабить торговый городокъ Олешье, гдѣ греки складывали свои товары и оставляли большія суда, предназначенныя для плаванія по Азовскому морю. Этимъ онъ наносилъ страшный ударъ исконной торговлѣ Кіева съ греками, безъ которой Кіевъ терялъ все свое значеніе и богатство. Князь Всеволодъ былъ въ отчаяніи. Онъ послалъ немедленно для переговоровъ съ Давидомъ стараго совѣтника своего Никифора. «Если мнѣ возвратятъ отцовское добро, то я оставлю Олешье», сказалъ Давидъ, «а если нѣтъ, то я, сидя здѣсь, задушу Кіевъ». «Но во Владимірѣ, на Волыни, уже сидитъ князь Ярополкъ Изъяславичъ; онъ стережетъ польскую границу и на своихъ хлѣбахъ содержитъ Рюрика и Василька Ростиславичей; нельзя у него отнимать земли. Если даже твое требованіе, по своей сущности, справедливо, то его, всеравно, невозможно исполнить. Великій князь теперь предлагаетъ тебѣ взять Дорогобужъ. Отказавшись отъ его мирнаго предложенія и сидя здѣсь, ты хотя, конечно, сдѣлаешь много зла кіевской области, но и себѣ увидишь мало добра. Здѣсь мѣсто пустое, земля—сыпучій песокъ, а кругомъ половцы. Греки

сюда не пойдутъ, пока путь по Днѣпру не свободенъ. Лучше возьми Дорогобужъ», увѣщевалъ мятежнаго князя Никифоръ. Князь Давидъ понялъ, что онъ говоритъ справедливо, и согласился принять себѣ въ удѣлъ Дорогобужъ Волынскій, обѣщая выпустить плѣнныхъ грековъ и уйти изъ Олешья. Но тѣмъ временемъ Рюрикъ съ Василькомъ, жившіе у Ярополка Изъяславича на хлѣбахъ, вдругъ пропали и возвратились черезъ два дня, въ соединеніи съ третьимъ братомъ своимъ, Володаремъ, набравшимъ на своемъ пути изъ Тьмутаракани три сотни половцевъ, повиновавшихся ему, какъ хану. Испуганный Ярополкъ бѣжалъ къ дядѣ, въ Кіевъ, съ жалобой на Ростиславичей, и великій князь Всеволодъ приказалъ Владиміру Мономаху выгнать мятежныхъ князей изъ удѣла племянника. Владиміръ легко исполнилъ этотъ приказъ со своей закаленной въ походахъ ратью, но Ростиславичи расположились станомъ за стѣнами волынской столицы, принудивъ Ярополка, бѣжать въ пограничный съ Польшею городокъ Броды и требовали себѣ въ удѣлъ Червенскіе города, хотя и взятые снова Болеславомъ Смѣлымъ въ награду за помощь, оказанную имъ Изъяславу, но возвращенные послѣ Русью, благодаря смутамъ въ Польшѣ. Они указывали на то, что Давидъ Игоревичъ получилъ на Волыни Дорогобужъ, а имъ хотѣлось занять Теребоволь и Перемышль. Владиміръ Мономахъ цѣлый годъ велъ переговоры съ ними, сносясь то въ Кіевѣ со своимъ отцомъ, то въ выше названномъ, пограничномъ съ Польшею городкѣ Бродахъ,—съ Ярополкомъ. Дважды ходилъ онъ въ Галицію защищать Ярополка, пока, наконецъ, не водворилъ его снова во Владимірѣ-Волынскѣ. Ростиславичи заявили однако князю Владиміру Мономаху,

что до тѣхъ поръ не будетъ покоя въ русской землѣ, пока всѣхъ изгоевъ не посадятъ князьями, и они получили, наконецъ, въ 1084 году, то, чего добивались. Но Ярополкъ лишенъ былъ при этомъ не малой части своей прежней области. Въ великой злобѣ, онъ пригрозилъ тогда своротить весь Кіевъ въ Днѣпръ и, взявъ съ собою жену и мать, бѣжалъ въ Польшу, чуть не захваченный въ плѣнъ Владиміромъ Мономахомъ съ Давидомъ Игоревичемъ. Тогда во Владимірѣ на Волыни великимъ княземъ сѣлъ Давидъ Игоревичъ, въ тѣсной дружбѣ съ братьями Ростиславичами. Ярополкъ, однако, одумался, и поѣхалъ мириться съ Владиміромъ Мономахомъ. «Я только исполняю, согласно уставу нашему, волю великаго князя кіевскаго», сказалъ Владиміръ. «Онъ же обязанъ крѣпко смотрѣть, чтобы между князьями усобицъ не было,—иначе половцы разнесутъ русскую землю прахомъ». Тогда Ярополкъ просилъ вернуть ему Владиміръ-Волынскій, обѣщая поцѣловать крестъ князю Всеволоду, что онъ не пойдетъ на него войною. Давидъ принужденъ былъ снова вернуться въ Дорогобужъ. Но онъ отправился раньше на совѣщаніе съ Ростиславичами: «что ему теперь дѣлать?» Ростиславичи не поддержали его неудовольствія на указъ великаго князя кіевскаго; но посовѣтовали ему, отложивъ враждебные замыслы противъ Владиміра Мономаха и Ярополка, лучше заслужить народную любовь усмиреніемъ половцевъ и поляковъ. Особенно Василько ставилъ ему въ примѣръ отважнаго, крѣпкаго и справедливаго Мономаха.—«Дѣло не въ городахъ, гдѣ мы сидимъ», замѣтилъ онъ, «а земля русская того князя всѣхъ выше передъ другими поставитъ, который больше добра ей сдѣлаетъ; больше побьетъ ея враговъ.

Вотъ, посмотри теперь: кто миръ устраиваетъ между князьями?—Владиміръ Мономахъ. Кто половцевъ бьетъ? все онъ же. И ты увидишь, что Кіевъ, по смерти Всеволода, не выпуститъ его отъ себя,—захочетъ, чтобъ онъ былъ кіевскимъ княземъ, помимо сыновей Изъяслава». Давидъ уѣхалъ ни съ чѣмъ, сердитый на Мономаха и Василька. А между тѣмъ младшій изъ Ростиславичей говорилъ сущую правду: нельзя было не удивляться неутомимости и предпріимчивости Владиміра въ это время. Среди общей сумятицы и борьбы личныхъ выгодъ, онъ стоялъ одинъ на высотѣ своего призванія. Враги грозили со всѣхъ сторонъ, но Владиміръ поспѣвалъ всюду, гдѣ нужна была его помощь въ защиту праваго дѣла или предѣловъ родины отъ нападенія внѣшнихъ враговъ. Онъ ходилъ, по порученію отца, на сѣверъ — оборонять Новгородъ отъ притязаній неугомоннаго князя Всеслава, и усмирилъ Полоцкъ, «тянувшій врознь». На югѣ—онъ неустрашимо преслѣдовалъ половцевъ. Предупреждая ихъ грабежи и разсѣивая ихъ отряды, онъ съ ними воюетъ уже на собственной ихъ землѣ и съ такимъ успѣхомъ, что половцы удалялись съ трепетомъ страха въ самую глубь своихъ степей, заслышавъ гулъ надвигавшихся къ югу русскихъ полковъ, предводимыхъ Владиміромъ Мономахомъ. Они коней своихъ напоить не смѣли тамъ, гдѣ недавно хозяйничали, какъ дома. Молодой Ростиславъ Всеволодовичъ тоже сталъ принимать участіе въ походахъ старшаго брата и вмѣстѣ съ нимъ брать въ полонъ князей половецкихъ, врываться въ ихъ укрѣпленныя вѣжи (то есть, мѣстечки). Легче дышалось русской землѣ; затихъ громкій стонъ русскихъ плѣнниковъ подъ дикія пѣсни кочевниковъ въ южныхъ степяхъ Руси.

46) Картина: Княжая конница.

Глава III *).

Междоусобія на Руси младшихъ удѣльныхъ князей въ роду Ярослава Мудраго: внуковъ его и правнуковъ. Смерть великаго князя Всеволода. Святополкъ II-Михаилъ, великій князь кіевскій. Войны съ половцами. Крестное цѣлованіе въ Любечѣ.

Нелѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда Давида Игоревича изъ столицы Волыни въ Дорогобужъ, Ярополкъ, жаркимъ днемъ, лежа на возу, на соломѣ, возвращался домой изъ Звенигорода, гдѣ чинилъ судъ и расправу. Возлѣ него, на конѣ, съ обнаженной саблей, ѣхалъ одинъ изъ отроковъ его, Нерадецъ. Дорогою князь, при подсчетѣ имъ собраннаго съ суда дохода, разгнѣвался на этого отрока такъ, что ударилъ его бичомъ. Тогда Нерадецъ вонзилъ ему саблю въ грудь и ускакалъ. Остальные отроки окружили раненнаго, но, видя, что онъ, захлебнувшись кровью, скончался, повернули возъ къ Кіеву, гдѣ тѣло убитаго князя встрѣчено было Всеволодомъ съ почетомъ. Давидъ Игоревичъ, обогнавъ печальный поѣздъ съ убитымъ княземъ, первый извѣстилъ Всеволода о преступленіи Нерадца, а послѣ его похоронъ, ни на шагъ не отходя отъ великаго князя, добился того, что ему снова отдали для княженія столь желанную имъ Владиміро-Волынскую область. Нерадецъ былъ схваченъ Рюрикомъ Ростиславичемъ и казненъ. Присоединенный Всеволодомъ къ Владиміро-Волынской области городъ Туровъ, въ наслѣдіе отъ Ярополка, получилъ братъ его: Святополкъ Изъяславичъ, переселившійся

47) Картина: Убійство князя Владиміро-Волынскаго Ярополка Изъяславича — Нерадцемъ.

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ». М. Грушевскій: «Очеркъ Исторіи Кіевской земли послѣ смерти Ярослава». В. Г. Ласкоронскій: «Владиміръ Мономахъ» и разные мелкіе источники.

туда изъ Новгорода, чтобы быть ближе къ Кіеву по смерти стараго дяди. Исполняя просьбу новгородцевъ, не желавшихъ быть управляемыми посадникомъ Святополка, Всеволодъ назначилъ въ Новгородъ княземъ малолѣтняго еще внука своего: сына Владиміра Мономаха, Мстислава Владиміровича.

Новгородъ особенно больно чувствовалъ послѣдствіе княжескихъ счетовъ и споровъ. При частыхъ смѣнахъ князей въ Кіевѣ, князья часто мѣнялись и въ Новгородѣ. Менѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ со смерти Ярослава, въ Новгородѣ смѣнилось шесть князей. Эти смѣны сопровождались большими неудобствами для городского управленія, и Новгородъ сталъ раздумывать, какъ бы ему завести своего особаго князя.

Княженіе въ Кіевѣ Всеволода было несчастливо, ознаменованное постоянными распрями князей между собою, какъ ни старался ихъ примирить Мономахъ, и особенно частыми нападеніями на русскую землю половцевъ. Въ 1085 году Владиміръ опять разбилъ ихъ на Поросьи, у мѣстечка Красна. Онъ былъ правой рукой и надежной опорой отца, ему поручившаго защищать русскую землю. Престарѣлый и больной Всеволодъ самъ мало занимался княжескими дѣлами. Онъ довѣрялъ управленіе кіевской областью своимъ тіунамъ, грабившимъ населеніе. Кромѣ того, наступила страшная засуха съ лѣсными пожарами, и чрезвычайный моръ истребилъ много народу. Болгары Камскіе напали на землю муромскую и разорили Муромъ. Всеволодъ умеръ въ 1093 году и погребенъ былъ въ Софійскомъ храмѣ, тамъ же, гдѣ и отецъ его Ярославъ.

Въ годы княженія князя Всеволода былъ оконченъ и освященъ храмъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы, въ Печерскомъ монастырѣ. Въ 1089 г.,

въ игуменство Іоанна, началось росписаніе и приготовлялись мозаичныя украшенія этого храма, исполненныя художниками царьградскими. Его предшественникъ: игуменъ Стефанъ, черезъ три года оставилъ Печерскій монастырь по причинѣ какихъ-то неудовольствій и основалъ недалеко новый монастырь, Кловскій, а потомъ рукоположенъ былъ епископомъ во Владиміръ-Волынскій. Тѣло св. Ѳодосія, остававшееся 17 лѣтъ въ пещерѣ, было теперь перенесено въ новый храмъ и положено въ правомъ притворѣ.

Съ построеніемъ Успенскаго храма Кіево-Печерской лавры связано много чудесныхъ сказаній. Первымъ жертвователемъ на него былъ норвежскій князь Шимонъ, находившійся на службѣ у русскаго князя Всеволода. Существуетъ преданіе, что, тяжело раненный въ битвѣ съ половцами на рѣкѣ Альтѣ, Шимонъ вдругъ увидѣлъ передъ собою, въ воздухѣ, церковь, которая уже являлась ему однажды въ опасности, когда онъ бѣжалъ изъ Скандинавіи, преслѣдуемый своимъ дядей Якуномъ. Ему былъ тогда голосъ при переѣздѣ его черезъ Балтійское море—что эта церковь создастся преподобнымъ Антоніемъ и Ѳеодосіемъ—онъ же будетъ похороненъ въ ней. Придя, къ преп. Ѳеодосію—Шимонъ сталъ у него просить обѣщанія, что его душа дастъ ему благословеніе не только въ этой жизни, но и за предѣлами гроба. Когда Ѳеодосій хотѣлъ уклониться отъ исполненія его просьбы, онъ сказалъ непреклонно: «Отче, не изыду отъ тебя: дай мнѣ на письмѣ свое благословеніе». Ѳеодосій далъ ему молитву, какую теперь влагаютъ въ руки покойникамъ. Съ этихъ-то поръ вошелъ на Руси обычай влагать въ руки покойникамъ рукописаніе.

48) Картина: Видѣніе князя Шимона.

Теперь на полѣ битвы, послѣ горячей молитвы, князь Шимонъ вдругъ почувствовалъ себя исцѣлен-

нымъ и возвратился благополучно въ Кіевъ, гдѣ, вручилъ св. Антонію, на постройку церкви, свой золотой драгоцѣнный поясъ и такой же вѣнецъ съ большого Распятія — единственныя сокровища, захваченныя имъ при бѣгствѣ съ родины. Св. Антоній призвалъ игумена Ѳеодосія и, указывая на него, сказалъ, что это онъ воздвигнетъ церковь. Шимонъ, бывшій католикомъ, принялъ православную вѣру, и былъ нареченъ св. Антоніемъ Симономъ, вмѣсто Шимона».

Когда, еще снаряжаясь только на половцевъ вмѣстѣ съ Изъяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, Шимонъ пришелъ къ св. Антонію за благословеніемъ, слѣдуя въ этомъ примѣру благочестивыхъ русскихъ князей и дружинниковъ: получать благословеніе иноковъ передъ ратными подвигами, — преподобный Антоній сказалъ ему: «Многіе падутъ отъ острія меча и потонутъ въ водѣ, но ты останешься спасенъ: тебѣ суждено лежать въ Печерской церкви, которая здѣсь построится».

49) Картина: Благословеніе на ратный подвигъ.

По смерти своей князь Всеволодъ оставилъ, кромѣ Владиміра Мономаха сына Ростислава и нѣсколько дочерей. Изъ нихъ младшая, Анна, или Янка, какъ она названа въ лѣтописи, еще дѣвицей постриглась, по призванію, въ монахини и основала женскій монастырь св. Андрея, извѣстный подъ названіемъ Янчина монастыря. Другая—Евпраксія, выданная замужъ въ Германіи, въ 1089 г. овдовѣвъ, вступила вторично въ бракъ съ германскимъ императоромъ Генрихомъ IV-мъ, тоже тогда вдовцомъ. Но это былъ человѣкъ настолько жестокій, развратный и грубый, что она отъ него убѣжала въ тосканскую область, къ маркграфинѣ Матильдѣ, и та выхлопотала для нея у папы Урбана II-го разводъ. Тогда она, возвратившись въ Кіевъ, постриглась тоже и,

скончавшись въ 1109 году, погребена была въ Печерскомъ монастырѣ. Всеволодомъ же былъ основанъ въ Кіевѣ монастырь Выдубецкій, иначе Всеволожь.

По смерти Всеволода, старшинство, вмѣстѣ съ высокимъ правомъ на кіевскій столъ, безспорно принадлежало единственному изъ оставшихся въ живыхъ сыновей Изъяслава—Святополку II-Михаилу, и Владиміръ Мономахъ, несмотря на желаніе кіевлянъ имѣть его своимъ княземъ, не сталъ нарушать междоусобной войной правъ Святополка. Онъ вызвалъ его изъ Турова, а самъ уѣхалъ въ Черниговъ.

50) Картина: Изображеніе князя Святополка-Михаила.

Святополкъ II-ой обнаружилъ съ перваго шага свою неспособность къ мудрому управленію русскими землями. Онъ вызвалъ сейчасъ же разорительное нашествіе на ея предѣлы, шедшихъ уже походомъ на Кіевъ половцевъ. Въ 1092 году половцы снова въ огромномъ количествѣ появились въ предѣлахъ переяславскаго княжества и стали жечь русскіе города, попадавшіеся имъ на пути, чтобъ отомстить Владиміру Мономаху, зная, что онъ находится въ Кіевѣ, при больномъ, слабомъ отцѣ. Провѣдавъ о смерти великаго князя Всеволода, они послали пословъ къ Святополку съ мирными предложеніями, при условіи, само собой разумѣется, разныхъ требованій. Святополкъ, не послушавъ предостереженій старыхъ бояръ, приказалъ заключить половецкихъ пословъ подъ стражу, и только, когда половцы, вслѣдъ за тѣмъ, начали еще неистовѣй опустошать русскую землю, онъ, имѣя при себѣ всего 800 отроковъ, испугался, и сталъ просить помощи у Владиміра Мономаха. Хотя Владиміръ былъ противъ войны съ половцами въ данное время, совѣтуя Святополку заключить миръ, однако, тотчасъ же тронулся со своей дружиною изъ Чернигова для поддержки великаго князя

Собственность Т. П. Мятлевой.

Василько, Давидъ и Святополкъ на дорогѣ изъ Любеча. *(Къ 122 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Бояре и князья, окруженные толпой народа, везутъ въ новый храмъ мощи св. Бориса и Глѣба. *(Къ 136 стр.)*

и призвалъ соединиться съ собою своего брата Ростислава. На рѣкѣ Стугнѣ Святополкъ - Михаилъ снова не внялъ совѣту Владиміра войти съ половцами, до рѣшительной битвы, въ переговоры, вслѣдствіе неравенства силъ ихъ. Но онъ, по желанію кіевской молодежи, переправилъ свои полки черезъ рѣку навстрѣчу половцамъ, а когда ихъ дикая, неукротимая сила ударила на его дружину, та обратилась въ бѣгство. Затѣмъ половецкой ордою сломлены были также дружины Владиміра Мономаха и князя Ростислава, причемъ Ростиславъ утонулъ въ разлившейся рѣкѣ Стугнѣ. Владиміръ, рискуя собственной жизнью, безуспѣшно старавшійся спасти брата, съ разбитой дружиной, печально вернулся въ Черниговъ. Тѣло утонувшаго привезли въ Кіевъ и похоронили въ храмѣ Св. Софіи. Его смерть преданіемъ приписана Божьему наказанію за жестокій поступокъ съ печерскимъ инокомъ, старцемъ Григоріемъ, предсказавшимъ ему, на вопросъ князя, какою смертію умретъ онъ? — смерть отъ воды. Ростиславъ въ гнѣвѣ приказалъ, будто бы, бросить инока въ Днѣпръ.

51) Картина: Тонущій князь Ростиславъ Всеволодовичъ, въ виду половецкой погони и Владиміръ Мономахъ.

Половецкіе передовые отряды доходили въ своихъ разнузданныхъ грабежахъ до Вышгорода. Святополкъ - Михаилъ, убѣжавшій въ Кіевъ, пытался снова сразиться съ половцами, но былъ разбитъ ими на - голову. Половцы увели съ собою въ полонъ жителей многихъ сожженныхъ ими селъ и городовъ.

Въ слѣдующемъ, 1094 году, Святополкъ—Михаилъ ради того, чтобы заключить прочный и болѣе выгодный миръ съ сильнѣйшимъ изъ половецкихъ хановъ, Тугорканомъ, женился на его дечери. Въ томъ же году Олегъ Святославичъ тьмутараканскій явился съ толпами половцевъ подъ Черниговомъ,

чтобы отнять его у Владиміра Мономаха, какъ наслѣдственный свой удѣлъ. Владиміръ Мономахъ, не успѣвшій оправиться послѣ битвы при Стугнѣ, не былъ готовъ къ борьбѣ, и послѣ восьми дней обороны сдалъ Черниговъ Олегу, «какъ его отца мѣсто»,—дабы не продолжать напрасно кровопролитія,—послѣ чего, подъ прикрытіемъ небольшой дружины, прошелъ съ семьей сквозь половецкія полчища въ свой родной Переяславль.

Значеніе города Переяславля для всей Руси было очень велико. Мы помнимъ приведенное въ 1 выпускѣ 2-ой части преданіе объ его возникновеніи. (См. стр. 128.) Онъ служилъ главнымъ оплотомъ русскихъ земель съ юго-востока, со стороны кочевыхъ ордъ. Кромѣ того, русскіе князья стремились сдѣлать Переяславль средоточіемъ христіанства для всей юго-восточной окраины, гдѣ особенно сильно еще держалось язычество, сюда заносимое и здѣсь питаемое языческой вѣрой кочевниковъ. Отсюда слово Христово, вмѣстѣ съ русскимъ оружіемъ, должно было идти вглубь степей и прокладывать путь къ распространенію русскихъ владѣній. Пока Переяславль былъ ввѣренъ попеченію Владиміра Мономаха, во время княженія его отца въ Черниговѣ и позже, за малолѣтствомъ брата,—онъ тщательно приводилъ въ порядокъ дѣла внутри княжества, а въ наиболѣе важныхъ, открытыхъ для вторженія враговъ, мѣстахъ, порубежныхъ съ половцами, построилъ укрѣпленія, настолько непріятныя для кочевниковъ, что они всячески старались ихъ уничтожить. По водвореніи въ Черниговѣ лучшаго друга половцевъ, Олега Святославича, положеніе Владиміра Мономаха въ Переяславлѣ было довольно шаткимъ, такъ какъ отъ кіевскаго великаго князя, женатаго на ханской до-

52) Картина: На вышкѣ крѣпости.

чери и трепетавшаго передъ половцами, нечего было ожидать стойкой поддержки. Половцамъ, между тѣмъ, необходимо было ослабить переяславскую землю, лежавшую на пути изъ степей въ Черниговъ и хорошо укрѣпленную. Съ этой цѣлью они въ большомъ количествѣ неожиданно появились, въ 1095 году, въ окрестностяхъ Переяславля подъ предводительствомъ двухъ князей: Илтаря и Китана. Они послали пословъ къ застигнутому врасплохъ Владиміру, будто, съ мирными предложеніями, но за этотъ миръ, зная объ отсутствіи сильныхъ войскъ подъ рукою у князя Владиміра въ это время, просили богатой дани. Владиміръ, не видя иного исхода, согласился впустить Илтаря съ отборнымъ отрядомъ въ Переяславль, для мирныхъ переговоровъ, а, кромѣ того, послалъ предварительно въ станъ Китана, остановившагося съ небольшою дружиною подъ стѣнами Переяславля, малолѣтняго сына своего Святослава съ его кормилицею, въ залогъ безопасности половецкаго предводителя и сопровождавшихъ его воиновъ. Они, конечно, хотѣли высмотрѣть, сколько возможно взять съ города, и убѣдились сами въ скудной съ него добычѣ. Илтарь былъ принятъ для угощенія ближайшимъ совѣтникомъ Владиміра Мономаха, еще служившимъ вѣрой и правдой его отцу,—бояриномъ Ратиборомъ. Пока они пировали въ домѣ его, нѣкій Славята, посолъ изъ Кіева, отъ Святополка II-го, уговорилъ Мономаха не стѣсняться въ своемъ образѣ дѣйствій относительно половцевъ, такъ какъ они, съ своей стороны, не разъ нарушали клятвы, даваемыя ими русскимъ князьямъ. Ратиборъ поддержалъ его совѣты, и они, напоивъ съ вечера до безчувствія Илтаря, ночью тайно послали въ объятый безпечно сномъ станъ хана Китана человѣкъ двадцать дружины кня-

жеской, подъ начальствомъ ловкаго и отважнаго, превосходнаго стрѣлка изъ лука, богатыря Ивана Кучка. Тотъ выкралъ, во-первыхъ, сына Владиміра изъ шатра Китана, собственноручно прирѣзавъ соннаго хана, безъ малѣйшаго шума, такъ же, какъ двухъ сторожей. А вслѣдъ затѣмъ, двадцать дружинниковъ вырѣзали въ кибиткахъ и остальныхъ половецкихъ воиновъ, не давъ имъ проснуться, такъ что въ Переяславлѣ не было слышно ни звука этого, въ силу необходимости совершеннаго, вѣроломнаго и предательскаго убійства.

53) Картина: Пріемъ Ратиборомъ половецкихъ пословъ.

Четверо изъ тѣлохранителей Илтаря не пили ни капли вина и стерегли его безопасность. Ратиборъ рано утромъ пригласилъ всѣхъ своихъ гостей въ теплую избу, гдѣ накрылъ столъ съ заманчивыми питьями и яствами. Тамъ онъ захлопнулъ за ними дубовую дверь на тяжелыхъ засовахъ и черезъ разобранный потолокъ приказалъ дружинникамъ перестрѣлять поганыхъ. Его сынъ Олегъ Ратиборовичъ первый вонзилъ стрѣлу въ грудь Илтаря. Плѣнники метнулись къ окнамъ, но тамъ встрѣтили ихъ острія копій. Послѣ того, отрубленныя головы Китана и Илтаря послали въ орду, оставшуюся безъ предводителей своихъ—хановъ, а потому уже не опасную. Орда зашумѣла, заволновалась и потянулась обратно въ степь. Дружина Владиміра Мономаха тутъ перебила немало отсталыхъ и захватила сотни двѣ лошадей. Послѣ того, ожидая мести со стороны половцевъ, Святополкъ II съ Владиміромъ Мономахомъ соединили свои войска и, чтобы предупредить опасность, сами на нихъ напали. Они разбили половецкій отрядъ при рѣкѣ Голтвѣ, причемъ взяли много скота, верблюдовъ и лошадей, а затѣмъ вернулись обратно. Олегъ отказался явиться на помощь къ двоюроднымъ братьямъ и выдать имъ сына Илтаря; не захотѣлъ

тоже подчиниться призыву его великимъ княземъ въ Кіевъ, для суда надъ нимъ братьевъ за такіе враждебные русскимъ князьямъ поступки. Тогда князья, видя, что онъ состоитъ явно въ союзѣ съ половцами, врагами Руси, пошли на него войною. Осажденный въ Стародубѣ, Олегъ смирился и просилъ у князей снисхожденія за свою вину. Ему даровали миръ подъ условіемъ, чтобы онъ непремѣнно явился на княжескій совѣтъ въ Кіевъ. Изгнанный изъ Чернигова, онъ удалился въ муроморязанскую область. Въ это время половцы осадили Переяславль, и Владиміръ Мономахъ со Святополкомъ поспѣшили на выручку этого города. Русское войско такъ тихо переправилось черезъ Днѣпръ, у Заруба, что половцы о томъ не узнали. На рѣкѣ Трубежѣ они потерпѣли полное пораженіе, причемъ былъ убитъ тесть Святополка, Тугорканъ.

Между тѣмъ, въ городѣ Муромѣ княжилъ сынъ Владиміра Мономаха, Изъяславъ. Онъ не захотѣлъ уступить своего удѣла Олегу Святославичу, прибывшему изъ Чернигова. Тогда Олегъ съ рязанцами напалъ на него и силою овладѣлъ, сначала—Муромомъ, а потомъ—всѣмъ суздальско-владимірскимъ краемъ. Въ муромской волости въ то время еще господствовало язычество. Край былъ населенъ народомъ финскаго племени, мурома, и держался во власти русскихъ князей только подъ страхомъ дружины. Въ Ростовѣ и Суздалѣ, наоборотъ, славяно-русское населеніе прочно уже пустило корни свои на финской почвѣ.

Изъяславъ былъ убитъ въ бою. Братъ Изъяслава, Мстиславъ Владиміровичъ, — молодой князь новгородскій, — очень любимый въ Новгородѣ, крестникъ Олега, поспѣшно бросился туда съ вой-

скомъ и выгналъ крестнаго отца своего изъ захваченныхъ имъ земель. Онъ такъ потѣснилъ его, что Олегъ сталъ просить мира. Послѣ того, Мстиславъ въ письмѣ къ отцу, какъ истинный христіанинъ, ходатайствовалъ за Олега, чтобы онъ простилъ этому князю зло, причиненное имъ ихъ семьѣ. Владиміръ Мономахъ, глубоко огорченный преждевременной смертью сына, послалъ Олегу письмо, проникнутое высокимъ духомъ чистаго христіанства и скорбью много уже на своемъ вѣку испытавшаго, много надъ чѣмъ съ наболѣвшимъ сердцемъ помыслившаго человѣка. Въ этомъ письмѣ онъ скорбитъ за всю русскую землю, гибнущую отъ постоянныхъ раздоровъ своихъ дѣтей, и, приводя примѣры смиренія Спасителя, убѣждаетъ Олега оставить гордость земную и прекратить вражду. «Богу извѣстно», писалъ Мономахъ, «что я добра желаю отечеству своему и братьямъ. Не болѣзнь и не крайность заставляютъ меня говорить такимъ образомъ, но душа и совѣсть, для меня дорогія больше всего на свѣтѣ».

Между тѣмъ коварный Олегъ, послѣ заключеннаго имъ съ Мстиславомъ мира, опять, было, появился съ дружиной своей на Клязьмѣ, надѣясь напасть врасплохъ на Мстислава, но тотъ съ новгородцами, ростовцами и бѣлоозерцами поспѣшилъ навстрѣчу къ нему и разбилъ его на берегахъ рѣки Колокши, впадающей въ Клязьму. Тѣснимый, затѣмъ, войсками Мстислава и еще другого сына Владиміра, Вячеслава, привезшаго ему письмо отца, буйный черниговскій князь, наконецъ, принужденъ былъ смириться.

Когда возникавшіе между князьями споры о старшинствѣ и порядкѣ владѣнія разрѣшались оружіемъ въ рукахъ, то этотъ способъ рѣшенія спор-

ныхъ вопросовъ соотвѣтствовалъ судебному поединку въ тяжбахъ между частными лицами.—«Богъ промежъ нами будетъ», «Богъ насъ разсудитъ», такъ объявлялись всегда междоусобныя войны. Но иногда эти споры рѣшались мирными договорами князей на съѣздахъ.

Владиміръ Мономахъ предложилъ всѣмъ князьямъ, измученнымъ постоянною между собой войною и нападеніями половцевъ, съѣхаться въ городѣ Любечѣ, чтобы здѣсь окончательно сговориться насчетъ отношеній другъ къ другу, а также совмѣстныхъ дѣйствій противъ ордъ половецкихъ. Князья согласились и, въ 1097 году, устроили въ Любечѣ полюбовно свои дѣла на томъ, что—«каждый да держитъ отчину свою», т. е. сыновья каждаго Ярославича должны владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ ихъ отецъ по раздѣлу Ярослава. А такъ какъ на съѣздѣ собрались всѣ дѣти отцовъ, между которыми раздѣлена была русская земля по волѣ Ярослава, то легко было возстановить этотъ раздѣлъ и въ новомъ поколѣніи князей: между внуками Ярослава. Распредѣливъ между собою земли, князья поцѣловали крестъ въ знакъ обѣщанія свято хранить заключенный здѣсь договоръ. Отсюда они разъѣхались по домамъ. Удѣлы черниговскій и муромо-рязанскій были возвращены Святославичамъ: Давиду, Олегу и Ярославу. Владиміръ Мономахъ за собою закрѣпилъ земли переяславскую и ростово-суздальскую, Давидъ Игоровичъ остался княжить во Владиміро-Волынской области. Ростиславичи: Володарь и Василько (Рюрикъ умеръ) сохранили Червенскіе города –Перемышль и Теребовль. Всѣ князья обязались вооружиться противъ того, кто бы вздумалъ теперь нарушить братское соглашеніе.

54) Картина: Съѣздъ князей въ Любечѣ.

Здѣсь необходимо отмѣтить и подчеркнуть, что съ окончательнымъ переселеніемъ въ Черниговъ Олега Святославича и утвержденіемъ за родомъ Святослава, Любечевскимъ рѣшеніемъ, чернигово-сѣверской области, въ нашей лѣтописи не упоминается больше о тьмутараканскомъ княжествѣ. Можно догадываться, что тьмутараканскій край, въ концѣ XI и въ теченіе XII-го столѣтія, былъ, наконецъ, оторванъ отъ остальной Руси половецкой ордою. Въ своихъ набѣгахъ половцы уже не довольствовались просто опустошеніемъ русскихъ земель, но осаждали и жгли города, такъ что жители самаго значительнаго на Поросьѣ города Юрьева совсѣмъ покинули его на сожженіе половцамъ. Укрѣпленный военный рубежъ съ половецкими землями, устроенный Ярославомъ и его сыновьями, былъ уничтоженъ половцами и отодвинутъ къ рѣкѣ Стугнѣ, бывшей нашимъ предѣломъ въ южныхъ степяхъ при великомъ князѣ Владимірѣ Святомъ.

Чернигово-сѣверскіе князья, однако, долго не забывали о тьмутараканскомъ удѣлѣ и неоднократно старались вернуть себѣ эту область, на что явно указываетъ знаменитая древне-русская былина: «Слово о полку Игоревѣ». Но о ней рѣчь впереди.

Любечскій съѣздъ подчеркнулъ упорное стремленіе отдѣльныхъ княжескихъ родовъ къ обособленности въ своихъ удѣлахъ и, узаконивъ его, далъ тѣмъ твердую почву для дальнѣйшаго роста въ русской исторіи удѣльно-вѣчевого порядка. Старанія кіевскихъ великихъ князей собрать вокругъ Кіева, подъ единою его властью, всѣ русскія земли были пресѣчены въ самомъ корнѣ своемъ постановленіемъ Любеческаго съѣзда.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ *).

Глава I.

Ослѣпленіе Василька. Борьба русскихъ князей между собою за Владиміръ-Волынскій. Съѣздъ въ Витичевѣ и примиреніе ихъ. Побѣды надъ половцами.

Миръ между князьями послѣ крестнаго цѣлованія на Любеческомъ съѣздѣ длился очень недолго. Завистливый Давидъ Игоревичъ тяготился сосѣдствомъ Ростиславичей, забывъ про прежнюю дружбу съ ними, и недоволенъ былъ тѣмъ, что они владѣли частью волынской области. Онъ воспользовался бѣгствомъ отрока Нерадца, убившаго Ярополка дорогой изъ Звенигорода въ Перемышль, къ умершему теперь Рюрику, и той случайностью, что Василько Ростиславичъ собралъ вокругъ себя большія силы изъ торковъ и половцевъ для войны съ Польшей, чтобы обвинить его передъ Святополкомъ въ тайномъ стремленіи овладѣть Владиміромъ-Волынскимъ, при помощи Владиміра Мономаха, рѣшившаго захватить Кіевъ. Изъ Любеча Василько, Давидъ Игоревичъ и Святополкъ-Михаилъ ѣхали вмѣстѣ, при чемъ Василько замѣтилъ, что Давидъ шепчется всю дорогу съ великимъ княземъ, но былъ далекъ отъ подозрѣнія чего-либо худого для себя, послѣ братскаго

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». М. Грушевскій: «Очеркъ Исторіи Кіевской земли послѣ смерти Ярослава». П. Костомаровъ: «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ». В. Г. Ляскоронскій: «Владиміръ Мономахъ».

крестнаго цѣлованія. Онъ переправился черезъ Днѣпръ съ своимъ обозомъ у Выдубецкаго монастыря и тамъ, спокойно поужинавъ, ночевалъ въ своемъ лагерѣ. Святополкъ не повѣрилъ сначала Давиду, но тотъ сталъ пугать его умерщвленіемъ Ярополка и повторялъ: «Пока Василька не схватимъ, ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ—во Владимірѣ». Тогда Святополкъ испугался и утромъ послалъ къ Васильку просить, чтобы онъ остался погостить въ Кіевѣ и отпраздновать съ ними день его имянинъ: 8-го ноября. Василько отказывался, говоря, что ему дома грозитъ польская рать. «Вотъ, видишь», шепталъ Давидъ, «онъ спѣшитъ захватить твои волости: Туровъ и Пинскъ». Святополкъ-Михаилъ опять послалъ къ Васильку съ просьбой, чтобы онъ, хотя на короткое время, къ нему заѣхалъ. Тогда Василько сѣлъ на коня и съ немногими слугами поѣхалъ въ Кіевъ. Существуетъ извѣстіе, будто, одинъ изъ младшихъ дружинниковъ предупредилъ его объ опасности, но Василько не повѣрилъ, помня крестное цѣлованіе, и произнесъ въ отвѣтъ:—«Да будетъ воля Господня». Въ гридницѣ (комнатѣ) у Святополка сидѣлъ Давидъ, мрачно потупивъ взоры. Затѣмъ, подъ какимъ-то предлогомъ, они оба вышли. Тогда на Василька напали воины и заключили его въ оковы. Святополкъ II, не рѣшаясь принять на себя всю отвѣтственность за злодѣяніе надъ Василькомъ, собралъ совѣтъ изъ бояръ вмѣстѣ съ кіевскими старшинами и сообщилъ имъ про клевету Давида. Тѣ отвѣчали уклончиво, что великій князь долженъ беречь свою голову, а что, если Давидъ солгалъ, то пусть отвѣтитъ за свою ложь передъ Богомъ. Ходатайства за Василька монастырей не имѣли успѣха.

55) Картина: Василько, Давидъ и Святополкъ по дорогѣ изъ Любеча.

Давидъ посовѣтовалъ Святополку ослѣпить Василька, на что великій князь, послѣ нѣкотораго раздумья, согласился. Узника отвезли въ Звенигородъ и остановились съ нимъ въ одной избѣ. Тамъ Василько увидѣлъ Святополкова пастуха, торка родомъ, точившаго ножъ. Онъ понялъ, что этотъ ножъ для него и, не помня себя отъ ужаса, вскочилъ съ мѣста, гремя цѣпями. Но тутъ вошли конюхи Давида и Святополка, повалили на землю князя, несмотря на его богатырское сопротивленіе и, положивъ ему на грудь двѣ доски, сѣли на нихъ, чтобы онъ не могъ шевелиться. Затѣмъ торчинъ со звѣрской жестокостью ослѣпилъ его. Послѣ ослѣпленія Василька повезли во Владиміръ-Волынскій, гдѣ преступный Давидъ приставилъ 30 воиновъ сторожить его подъ начальствомъ двухъ княжескихъ отроковъ: Улана и Колька. Всю дорогу несчастный князь страшно мучился и желалъ себѣ смерти.—«Богъ наказалъ меня за мою гордость», сказалъ онъ смиренно, сидя подъ стражей,—«я ничего не помышлялъ противъ братьевъ, но думалъ себѣ стяжать большую славу въ войнѣ съ поляками и половцами».

56) Картина: Василько въ ожиданіи приговора надъ нимъ великаго князя.

57) Картина: Ослѣпленіе Василька.

Всѣ князья пришли въ искренній, глубокій ужасъ, узнавъ объ ослѣпленіи Василька. — «Никогда въ нашемъ родѣ не было такого дѣла»! восклицали они съ прискорбіемъ. Владиміръ Мономахъ, соединившись съ Давидомъ и Олегомъ Святославичами, сейчасъ же пошелъ на Кіевъ съ тѣмъ, чтобы лишить Святополка кіевскаго стола. Онъ пылалъ справедливымъ негодованіемъ. Но, когда войско союзныхъ князей собиралось уже переправиться черезъ Днѣпръ, отъ кіевлянъ явилась къ Владиміру его мачеха, вторая жена покойнаго князя Всеволода, Анна, и митрополитъ Николай. Они умо-

58) Картина: Встрѣча подъ Кіевомъ Владиміра Мономаха съ мачехой и митрополитомъ.

ляли князей не губить русскую землю новою междоусобной бранью. Тронутый ихъ увѣщаніями, чтя высокій санъ Николая и супругу отца своего, Владиміръ согласился на миръ съ тѣмъ, чтобы Святополкъ-Михаилъ самъ пошелъ на Давида и наказалъ его за коварную клевету.

Между тѣмъ, Володарь Ростиславичъ, братъ Василька, началъ уже войну съ Давидомъ и принудилъ его выдать ему ослѣпленнаго брата. Слѣпой Василько жаждалъ мести. Война возгорѣлась снова. Святополкъ медлилъ исполнить свое обѣщаніе наказать Давида, но, наконецъ, пошелъ на него, въ 1099 году. Осажденный во Владимірѣ-Волынскомъ и обманутый въ своей надеждѣ получить помощь отъ польскаго короля Владислава-Германа, одареннаго Святополкомъ, Давидъ принужденъ былъ сдать городъ великому князю и удовольствоваться небольшой, оставленной ему, волостью. Но Святополкъ, ободренный такимъ успѣхомъ, вздумалъ использовать случай пріобрѣсти для Кіева всю сосѣднюю съ нимъ благодатную волынскую область, выгнавъ оттуда Володаря со слѣпымъ Василькомъ. Володарь, предупреждая нападеніе, вышелъ противъ кіевскаго князя и взялъ съ собою слѣпого брата. Враги встрѣтились на урочищѣ, называемомъ «Рожново поле». Передъ началомъ битвы выступилъ слѣпой Василько съ крестомъ въ рукѣ и кричалъ, обращая рѣчь къ Святополку: «вотъ крестъ, который ты цѣловалъ передъ тѣмъ, какъ отнялъ у меня зрѣніе. Онъ разсудитъ насъ»! Ростиславичи побѣдили, и Святополкъ бѣжалъ во Владиміръ.

59) Картина: Василько передъ боемъ съ Святополкомъ II-мъ.

Тогда общая выгода и опасность соединили, казалось, непримиримыхъ враговъ. Давидъ, призвавъ на помощь половцевъ, подъ предводительствомъ знаменитаго хана ихъ Боняка, пошелъ противъ Свя-

тополка, заодно съ Ростиславичами. Святополкъ же, съ своей стороны, вступилъ въ союзъ съ угрскимъ или венгерскимъ королемъ Коломаномъ, ставшимъ на рѣкѣ Вагрѣ, около Перемышля. Бонякъ взялъ на себя распредѣленіе боевыхъ силъ и пустилъ впередъ воеводу своего Альтунопу. Угры стояли заставами. Альтунопа, напавъ на первую, пустилъ стрѣлы и обратился въ притворное бѣгство. Бонякъ съ двухъ сторонъ устроилъ засады изъ своихъ половцевъ. Онъ напалъ сзади на преслѣдовавшихъ Альтунопу угровъ, а Альтунопа тогда лицомъ повернулся къ нимъ. Тутъ подоспѣлъ Давидъ, стоявшій подъ стягомъ со своею дружиной, посрединѣ. Бонякъ, такимъ образомъ, сбилъ угровъ въ мячъ, по выраженію лѣтописи: «какъ соколъ сбиваетъ галокъ». Угры бѣжали и много ихъ перетонуло въ рѣкахъ Вагрѣ и Санѣ.

60) Картина: Битва Ростиславичей и Давида Игоревича съ Святополкомъ II и венгерскимъ королемъ Коломаномъ.

Въ Августѣ 1100-го года князья собрались на новый съѣздъ, въ городѣ Витичевѣ, чтобы разсудить дѣло Давида Игоревича, и онъ тоже явился на этотъ съѣздъ. Владиміръ Мономахъ, Святополкъ, Олегъ и Давидъ Святославичи, переговоривъ между собою и со своими боярами, сказали Давиду Игоревичу: «Не даемъ мы тебѣ стола владимірскаго, потому что ты бросилъ ножъ между нами. Мы не дѣлаемъ тебѣ никакого зла: ступай, садись въ Бужскѣ и Острогѣ. Святополкъ даетъ тебѣ въ придачу Дубно и Чартарыйскъ. Владиміръ же Мономахъ, Олегъ и Давидъ Святославичи, по 200 гривенъ». Опальный князь долженъ былъ подчиниться рѣшенію братьевъ. Владиміръ-Волынскій остался за Святополкомъ, который далъ Давиду Игоревичу еще городъ Дорогобужъ, гдѣ тотъ впослѣдствіи скончался. Потомъ князья послали къ Володарю такое слово: «Возьми къ себѣ Василька, будетъ вамъ на двоихъ Перемышль. Хоти-

те—живите вмѣстѣ, а не хотите—отпусти Василька къ намъ; мы будемъ его кормить». Володарь съ гнѣвомъ принялъ такое рѣшеніе. Святополкъ-Михаилъ и Святославичи задумали выгнать Володаря съ Василькомъ изъ ихъ волости и пригласили помочь имъ Владиміра Мономаха, уѣхавшаго на Волгу, въ сѣверныя свои земли. Но Владиміръ имъ наотрѣзъ отказалъ. «Я не могу преступить крестное цѣлованіе», отвѣчалъ онъ.

Святополку, какъ кіевскому князю, хотѣлось власти надъ Новгородомъ, и онъ задумалъ посадить туда своего сына, обѣщая Мстиславу, взамѣнъ Новгорода, Владиміръ-Волынскій. Но, когда Мономахъ вызвалъ для этого сына своего въ Кіевъ, новгородцы явились туда вслѣдъ за любимымъ княземъ и сказали: «Намъ далъ Мстислава Всеволодъ; мы его вскормили. Если у сына Святополка двѣ головы, то посылай его. Мы не хотимъ Святополка».

Какъ Любеческій съѣздъ порѣшилъ споръ о Черниговѣ, такъ Витичевскій прекратилъ междоусобіе за волынскую область. Водворивъ, наконецъ, миръ на русской землѣ, князья послушали убѣжденій Владиміра Мономаха, и общими силами обратились теперь противъ дикихъ половцевъ. Въ 1096 году, пока великій князь Святополкъ-Михаилъ, въ союзѣ съ Владиміромъ Мономахомъ, вели войну противъ Олега Святославича, свирѣпый ханъ Бонякъ разорялъ правый берегъ Днѣпра и опустошилъ окрестности Кіева, причемъ обратилъ въ пепелъ великокняжескій дворъ въ Берестовѣ. А когда половцы, подъ предводительствомъ другого своего хана Куря, были разбиты наголову Владиміромъ Мономахомъ и Святополкомъ подъ Переяславлемъ, Бонякъ, воспользовавшись отсутствіемъ войска въ Кіевѣ, чуть не

61) Картина: Половецкій набѣгъ.

ворвался въ городъ. Онъ бросился, между прочимъ, грабить Печерскій монастырь, откуда въ страхѣ бѣжали всѣ иноки, и пытался поджечь храмъ Успенія Богородицы; но, услыхавъ о прибытіи Святополка съ его побѣдоносной ратью, исчезъ въ степяхъ.

Подобныя нападенія половцевъ повторялись изъ года въ годъ, а оборонительная война съ ними почти ни къ чему не служила.

Благодаря стараніямъ Владиміра Мономаха, князья, въ началѣ XII-го столѣтія, предприняли дружное наступательное движеніе противъ нихъ, какъ разъ совпавшее съ другимъ вооруженнымъ движеніемъ на востокъ,— западно-европейскихъ народовъ, противъ турецкаго племени турокъ - сельджуковъ, вышедшаго изъ-за Каспійскаго моря, изъ азіатскихъ степей, и завоевавшаго Малую Азію вмѣстѣ съ Святою землей, на ея западномъ берегу. Славные побѣдоносные походы русскихъ князей въ половецкія степи, подъ начальствомъ Владиміра Мономаха, идутъ въ исторіи рядомъ съ первымъ крестовымъ походомъ западныхъ рыцарей, ради освобожденія Палестины изъ подъ владычества турокъ-магометанъ.

62) Картина: Крестовый походъ западныхъ рыцарей.

Въ 1103 году князья съѣхались, по настоянію Владиміра Мономаха, на лѣвомъ берегу Днѣпра, у Долобскаго озера, для обсужденія времени общаго выступленія ихъ въ походъ противъ половцевъ. Рѣшили идти немедленно, несмотря на весеннее время сельскихъ работъ, въ виду того, что половчане всеравно пашни растопчутъ, а смердовъ (т. е. крестьянъ) перебьютъ стрѣлами.

63) Картина: Съѣздъ князей у Долобскаго озера.

Олегъ Святославичъ, старый другъ половцевъ, отговорился отъ участія въ этомъ походѣ болѣзнью; но его братъ Давидъ и всѣ другіе князья пошли, не исключая даже и князя полоцкаго Давида, сына

умершаго Всеслава. Приготовляясь къ битвамъ послѣ четырехдневнаго похода въ ладьяхъ, а затѣмъ, пѣшимъ и коннымъ строемъ,—до половецкихъ кочевьевъ, князья со своими дружинами предавались усерднымъ молитвамъ, а половецкіе ханы, въ свою очередь, съѣхались на совѣщаніе: «просить ли мира, или сразиться съ русскими»? Мнѣніе самоувѣренныхъ предводителей взяло верхъ, и половцы выслали своего храбраго военачальника Альтунопу съ передовымъ отрядомъ навстрѣчу русскимъ войскамъ. Альтунопа былъ окруженъ и убитъ въ проигранной имъ битвѣ. Затѣмъ, 4 апрѣля, сошлись главныя силы русскихъ и половцевъ, уже павшихъ духомъ. Они скоро побѣжали подъ натискомъ русскихъ полковъ, потерявъ въ сраженіи до 20-ти своихъ князьковъ, а сильнѣйшій ихъ ханъ Бельдюзъ былъ захваченъ въ плѣнъ и, несмотря на предлагаемый имъ богатый выкупъ, за многократное, вѣроломное нарушеніе договоровъ, преданъ смертной казни въ станѣ Владиміра Мономаха.

Русскіе разорили многія половецкія «вѣжи», т. е. селенія, и, съ великою честью вернувшись въ свои города, привели съ собою большую добычу: конями, верблюдами и другимъ скотомъ, не говоря о множествѣ плѣнниковъ.

Плѣнники, по тогдашнему русскому праву, какъ мы сказали уже, обращались въ рабовъ. Князья и бояре начали въ это время искусственно заселять ими свои частныя земли. Ослѣпленный князь Василько въ своемъ несчастіи каялся, что имѣлъ намѣреніе покорить болгаръ дунайскихъ, съ тѣмъ, чтобы поселить ихъ въ своемъ Теребовольскомъ княжествѣ. Лѣтописецъ XII вѣка, разсказывая объ удачномъ вторженіи того или другого князя въ чу-

жую волость, обыкновенно оканчиваетъ свой разсказъ замѣчаніемъ, что побѣдители воротились «ополонившись челядью и скотомъ». Во время междоусобій князья примѣняли обычай обращенія плѣнныхъ въ челядь, т. е. въ холоповъ своихъ, и къ собственнымъ соотечественникамъ.

Въ X и XI вѣкѣ челядь, на ряду съ мѣхами, была главнымъ предметомъ вывозной русской торговли.

Попытка свирѣпаго Боняка отомстить русскимъ князьямъ за ихъ блистательную побѣду не удалась. Святополкъ и Владиміръ, соединившись на этотъ разъ съ Олегомъ черниговскимъ, такъ неожиданно захватили половцевъ на берегу рѣки Сулы, у Переяславля, въ 1107 году, что тѣ, не успѣвъ опомниться, были разбиты наголову, въ Успеньевъ день, храмовой праздникъ Печерскаго монастыря. Святополкъ прямо поѣхалъ туда благодарить Бога за побѣду, и тамъ монастырская братія привѣтствовала его съ великой радостью. Въ 1106 году Святополкъ посылалъ свои полки противъ половцевъ, напавшихъ на Поросье, подъ предводительствомъ двухъ Вышатичей: Путяты и 90-лѣтняго уже Яна, друга св. Ѳеодосія Печерскаго, въ томъ же году умершаго. Они нагнали враговъ у Дуная, побили ихъ и отобрали большой полонъ.

Послѣ своей рѣшительной побѣды надъ Боняком на рѣкѣ Сулѣ, русскіе князья заключили миръ съ половецкими ханами и, для закрѣпленія его, Владиміръ Мономахъ женилъ на дочери одного изъ нихъ своего сына Юрія, получившаго позже прозваніе Долгорукаго. Также и Олегъ Святославичъ сосваталъ дочь другого хана своему сыну Святославу. Но, такъ какъ, попрежнему, ни брачные союзы, ни мирные договоры не прекратили половецкихъ набѣ-

говъ, то Владиміръ Мономахъ опять убѣдилъ рус-
скихъ князей совершить новый, большой походъ
общими силами, чтобы разгромить половецкія вѣжи
въ самыхъ степяхъ задонскихъ. Въ 1111 году, со-
единившіеся князья выступили со своими полками
въ еще болѣе раннее время, чтобы совершить поход
до начала лѣтняго зноя, очень тяжелаго въ южно-
русскихъ степяхъ. Черезъ шесть недѣль они достиг
ли береговъ Дона, гдѣ расположены были у полов
цевъ ихъ зимовники и становища главныхъ хановъ
Снявъ съ возовъ свои воинскіе доспѣхи, княжескі
полки, въ боевомъ порядкѣ, двинулись брать поло
вецкіе города, причемъ священники, по распоряже
нію Владиміра Мономаха, шли впереди съ пѣніем
тропарей. Жители городовъ, желавшихъ спасти сво
жилища отъ разоренія, выходили навстрѣчу русско
му войску съ поклонами, поднося князьямъ вино
рыбу. Въ Страстной понедѣльникъ, 14 марта, русскі
одолѣли снова окружившихъ ихъ густою стѣною полов
цевъ. Сѣча была упорная, но стремительный натиск
Владиміра Мономаха рѣшилъ побѣду. На этотъ раз
половцы объясняли свое пораженіе тѣмъ, что какіе
то свѣтлые воины носились, будто бы, надъ христі
анскимъ войскомъ и помогали чудесно русским
войскамъ во время сраженія. Снова съ огромной до
бычей по словамъ лѣтописца, и громкой славой, обле
тѣвшей всѣ европейскія страны, вернулись русскі
изъ похода.

64) Картина: Половцы, выходящіе изъ своихъ городовъ навстрѣчу побѣдоноснымъ русскимъ князьямъ.

Въ апрѣлѣ 1113 года скончался великій княз
Святополкъ-Михаилъ. Его похоронили въ кіевскомъ
отстроенномъ имъ, Златоверхомъ Михайловскомъ мо
настырѣ. Послѣ смерти его, спорный вопросъ
старшинствѣ между князьями и правѣ на кіевскі
столъ былъ рѣшенъ народнымъ голосомъ въ польз

Владиміра Мономаха, на дѣлѣ давно уже старшаго среди нихъ. Граждане кіевскіе собрались на вѣче и послали въ Переяславль, къ Владиміру, просить его на кіевскій столъ. Пока князь Владиміръ медлилъ, задумываясь надъ старшинствомъ Святославичей, въ Кіевѣ начались безпорядки. Чернь начала грабить дворы евреевъ, купившихъ себѣ у Святополка II-го разныя преимущества и ставшихъ причиною нищеты многихъ въ качествѣ жадныхъ ростовщиковъ. Тогда лучшіе граждане снова послали сказать Владиміру: «Князь, иди скорѣй, иначе ты отвѣчать будешь передъ Богомъ за еще большее зло, если мятежники начнутъ грабить монастыри и нападутъ на Дворъ вдовой великой княгини». Въ отвѣтъ на это Владиміръ поспѣшилъ въ Кіевъ, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ митрополитомъ съ епископами и всѣмъ народомъ. Мятежъ сейчасъ же утихъ.

ГЛАВА II.

Владиміръ Мономахъ—великій князь кіевскій *).

Владиміръ Мономахъ достигъ уже 60-ти-лѣтняго возраста, когда занялъ кіевскій столъ, благодаря личнымъ своимъ заслугамъ и неусыпнымъ заботамъ о благѣ народа.

65) Картина: Изображеніе князя Владиміра Мономаха.

Первымъ бракомъ онъ былъ женатъ на дочери англійскаго короля Гарольда, Гидѣ, и отъ нея имѣлъ старшаго сына Мстислава, новгородскаго князя, женатаго на Христинѣ, дочери шведскаго короля. Двѣ его

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». В. Ключевскій. «Курсъ русской Исторіи». В. Г. Ляскоронскій: «Владиміръ Мономахъ». М. Грушевскій: «Очеркъ исторіи Кіевской земли послѣ смерти Ярослава».

*

внучки были выданы замужъ за скандинавскихъ принцевъ, а одна изъ дочерей Мстислава Владиміровича была женой Ярослава, сына Святополка II-го,—князя владиміро-волынскаго. Такъ какъ слава о доблестяхъ, умѣ и величіи Владиміра Мономаха достигла сосѣднихъ странъ, то ихъ владѣтели спѣшили породниться съ кіевскимъ великимъ княземъ: старый венгерскій король Коломанъ женился на дочери Мономаха, Ефиміи, хотя скоро отослалъ ее обратно къ отцу, подъ вліяніемъ ревности. А другая его дочь, Марія, была отдана замужъ за греческаго царевича Леона, сына византійскаго императора Романа Деогена, лишившагося престола за время своего пребыванія въ плѣну у турокъ-сельджуковъ и замученнаго своими придворными по возвращеніи на родину. Леонъ же палъ въ Дористолѣ отъ руки убійцъ, подосланныхъ къ нему полководцемъ византійскаго императора Никифора Ватаніата, Алексѣемъ Комненомъ, при попыткѣ овладѣть нѣсколькими болгарскими городами, въ 1116 г., тогда какъ Алексѣй Комненъ силою захватилъ византійскій престолъ. Владиміръ Мономахъ, вступившись за права внука своего Василія, или Василька—маленькаго сына Леона, послалъ одного изъ своихъ сыновей—Вячеслава, съ сыномъ боярина Ратибора, Ѳомою, взять Дористолъ. Но вскорѣ, за неуспѣхомъ осады этого города, Владиміръ заключилъ съ греками миръ, возвратившій имъ опять всѣ болгарскіе города. Дружескія отношенія Руси съ Византіей затѣмъ на столько возстановляются, что въ 1122 году Владиміръ Мономахъ снова выдаетъ внучку свою, другую дочь князя Мстислава Владиміровича, за греческаго царевича. Василько Леоновичъ, взятый на воспитаніе въ Кіевъ, позже погибъ въ одной изъ междоусобныхъ войнъ русскихъ князей.

Лѣтопись изображаетъ Владиміра Мономаха, какъ примѣрнаго, лучшаго русскаго князя. Онъ миритъ враждующихъ, соблюдаетъ свято крестное цѣлованіе, набоженъ, справедливъ, гостепріименъ и превосходитъ всѣхъ воинской доблестью. Но, тѣмъ не менѣе, и во время его великокняженія, происходили междоусобныя войны въ земляхъ полоцкой и владиміро-волынской. Полоцкіе князья, потомки оскорбленной изгнаніемъ первой жены Владиміра Святого, Рогнѣды, и обдѣляемые при раздѣлахъ русскихъ земель, ненавидѣли потомковъ Ярослава. Они не хотѣли никогда признавать надъ собой старшинства великаго князя кіевскаго. Глѣбъ, старшій сынъ Всеслава, подобно отцу своему, нападалъ на сосѣднія волости, чтобы расширить удѣлъ свой, и Владиміръ Мономахъ, послѣ двукратнаго противъ него похода, наконецъ, взялъ непокорнаго князя въ плѣнъ. Тотъ скоро умеръ въ Кіевѣ.

Въ томъ, что касается Владиміра-Волынска, то княжившій тамъ Ярославъ Святополковичъ, женатый на одной изъ внучекъ Владиміра Мономаха, поссорившись съ ней, отослалъ ее отъ себя домой, а потомъ, угрожаемый за такую обиду великимъ княземъ, бѣжалъ къ своему шурину, польскому королю Болеславу Кривоустому, женатому на его сестрѣ. Поляки всегда охотно поддерживали междоусобія среди русскихъ князей. А, кромѣ того, Стефанъ II, венгерскій король, лично привелъ полки свои на помощь Ярославу.

Въ отсутствіе Ярослава, княземъ во Владимірѣ-Волынскомъ сѣлъ мужественный сынъ Владиміра Мономаха, Андрей Владиміровичъ. Ярославъ подступилъ къ стѣнамъ этого города съ многочисленнымъ ополченіемъ изъ поляковъ, венгровъ и русскихъ. Но война эта скоро кончилась, такъ какъ Ярославъ,

66) Картина: Смерть Ярослава Святополковича подъ стѣнами Владиміро-Волынска.

неосторожно оставивъ свой лагерь и разъѣзжая одинъ вблизи городскихъ воротъ съ громкимъ требованіемъ, чтобы отворили ему ихъ, былъ убитъ изъ засады ударами копій, въ 1123 году.

Въ числѣ союзниковъ Ярослава находились на этотъ разъ злые враги поляковъ,—князья Червонной Руси, Ростиславичи: Володарь и Василько. Особенно Володарь, князь Перемышля, разорялъ часто польскія области, приводя съ собою наемныя орды половцевъ и вступая въ союзъ съ нѣмцами — поморянами, а также съ пруссами.

67) Картина: Плѣненіе князя Володаря Петромъ Властомъ во время охоты.

Болеславъ Кривоустый тщетно старался смирить Володаря, пока одинъ изъ польскихъ вельможъ, Петръ Властъ, притворившись обиженнымъ королемъ, не перешелъ лицемѣрно на службу къ безпокойному русскому князю и не захватилъ его въ плѣнъ, врасплохъ, на охотѣ. Лишь за огромный выкупъ удалось сыну его, Владимірку, выкупить отца изъ польскаго плѣна. Володарь же, кромѣ того, принужденъ былъ дать обязательство, что не только не будетъ больше вступать въ союзъ съ врагами поляковъ, но долженъ имъ помогать въ борьбѣ противъ нихъ.

Во время княженія своего въ Кіевѣ, Владиміръ Мономахъ лично уже не ходилъ воевать съ сосѣдями, а посылалъ въ эти походы своихъ мужественныхъ сыновей. Такъ, Мстиславъ съ новгородцами и псковичами совершилъ большой походъ въ землю ливонской чуди, на озерѣ Пейпусъ, гдѣ взялъ ея городъ Оденпе, или Медвѣжью голову, въ 1116 году. Въ томъ же году Ярополкъ Владиміровичъ, съ однимъ изъ князей черниговскихъ, ходилъ по слѣдамъ предковъ своихъ за Донъ, гдѣ русскіе погромили половцевъ и аланъ, или косоговъ, при чемъ Ярополкъ

женился на плѣненной имъ красивой аланской княжнѣ (черкешенкѣ). Съ этого года и до конца жизни Мономаха половцы совсѣмъ прекратили свои набѣги на русскія земли. Внукъ Владиміра Мономаха Всеволодъ счастливо совершилъ походъ въ Финляндію, а другой сынъ его—Юрій, князь ростово-суздальскій, ходилъ на судахъ Волгою въ земли камскихъ булгаръ и воротился съ большою добычей, въ 1120 году. Владиміру Мономаху приписываютъ основаніе впослѣдствіи стольнаго города Владиміра, въ землѣ ростово-суздальской, куда онъ часто ѣздилъ. Вообще, какъ всѣ великіе государственные дѣятели, Владиміръ Мономахъ прославился не одними военными доблестями. Въ связи съ народнымъ движеніемъ противъ евреевъ въ Кіевѣ, онъ обратилъ вниманіе на ужасныя злоупотребленія ростовщиковъ и ограничилъ безбожное возрастаніе процентовъ. Онъ тоже нѣсколько измѣнилъ, сообразуясь съ нуждами современной ему жизни, судебникъ Ярослава Мудраго, Русскую Правду; дополнилъ ее новыми узаконеніями. Какъ на одно изъ слѣдствій очередного порядка княжескаго владѣнія, мы уже указали на извѣстное обобщеніе житейскихъ отношеній въ разныхъ концахъ Руси XI и XII вѣка. А такъ какъ эти отношенія строятся и приводятся въ движеніе личными чувствами и понятіями, то, если они, при всемъ своемъ разнообразіи, находятся все же въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи между собою и складываются въ стройный порядокъ, то, значитъ, въ чувствахъ и понятіяхъ извѣстнаго времени есть нѣчто общее, или примиряющее, нѣчто такое, что признается всѣми за обязательное. Изъ этого вырабатываются грани и правила частныхъ взаимоотношеній, а совокупность ихъ даетъ законы, вылившіеся у насъ въ сборникѣ Русской Правды.

Владиміръ Мономахъ устроилъ мостъ черезъ Днѣпръ, расширилъ укрѣпленія Новгорода Великаго и городъ Ладогу обнесъ каменною стѣной. При немъ былъ доконченъ въ Вышгородѣ каменный храмъ имени св. мучениковъ Бориса и Глѣба, начатый Святославомъ II Черниговскимъ въ 1076 г., а затѣмъ достроенный и расписанный сыномъ его Олегомъ Святославичемъ въ 1115 г. 1 мая опять собрался въ Вышгородѣ большой съѣздъ и стеченіе народа было громадное при вторичномъ торжественномъ перенесеніи мощей св. братьевъ мучениковъ въ новую церковь послѣ ея освященія митрополитомъ и епископами. Изъ князей находились тутъ кромѣ Владиміра Мономаха съ его сыновьями, — князья Олегъ и Давидъ Святославичи,—тоже въ сопровожденіи своихъ сыновей. Храмъ былъ съ большимъ благолѣпіемъ богослуженія освященъ 1 мая на Ѳоминой недѣлѣ, а по окончаніи церковной службы, его строитель Олегъ Святославичъ угощалъ духовенство и родственниковъ своихъ богатымъ пиромъ. На другой день, въ недѣлю женъ мѵроносицъ, когда отпѣта была заутреня одновременно въ общихъ церквахъ старой и новой, приступили къ перенесенью мощей. Раку св. Бориса поставили на «возила» и повезли сами князья съ боярами, причемъ опять имъ предшествовало духовенство въ полномъ составѣ своемъ— отъ митрополита до священниковъ и черноризцевъ съ заженными свѣчами. Любопытно, что вокругъ князей и бояръ, окружавшихъ святыню, — несли «воръ»—т. е. огорожу изъ жердей, чтобъ защитить ихъ отъ давки, но толпа была такъ велика, что «воръ»—поломали. Тогда Владиміръ Мономахъ приказалъ бросать въ толпу деньги и куски поволокъ, чтобы очистить дорогу. На протяженіи всего пути

68) Картина: Бояре и князья окруженные толпой народа везутъ въ новый храмъ мощи св. муч. Бориса и Глѣба.

народъ взывалъ: «кіріэ элейсонъ» т. е., Господи, помилуй! и всѣ плакали отъ радости.

Такимъ же образомъ перевезли въ новый храмъ и мощи св. Глѣба.

Кромѣ того, особенно почитая память этихъ святыхъ, Владиміръ Мономахъ соорудилъ прекрасную церковь на самомъ мѣстѣ убіенія князя Бориса, на берегу рѣки Альты.

Подобно своему дѣду и прадѣду, онъ хлопоталъ о томъ, чтобы соединить какъ можно болѣе областей въ рукахъ своего потомства, и въ качествѣ великаго князя кіевскаго ему удалось еще разъ собрать подъ владѣніемъ одного дома многія русскія волости.

Владиміръ Мономахъ былъ чрезвычайно строгъ въ исполненіи своихъ обязанностей, какъ правитель русской земли. Онъ обращалъ особое вниманіе на участь низшихъ слоевъ народа, стараясь, по возможности, облегчить въ странѣ бѣдствія нищеты, и заботился о сиротахъ. Въ основаніе человѣческой жизни онъ полагалъ не земную славу, не богатство и почести, но совершенство нравственное, чистоту духа и совѣсти, такъ какъ только это даетъ душевный покой, а вмѣстѣ съ тѣмъ, крѣпость для перенесенія невзгодъ, съ твердой вѣрой въ лучшія времена. Мономахъ постоянно проводилъ свое время въ трудѣ, научая и другихъ дѣлать такъ же. Онъ не труда боялся, а праздности.

Владиміръ Мономахъ съ юности былъ неустрашимымъ, страстнымъ охотникомъ. Онъ любилъ русскаго человѣка, съ его русской душой, и могучую красоту русской природы. Въ своемъ поученіи дѣтямъ онъ говоритъ, между прочимъ: «Я вязалъ дикихъ коней, по 10-ти и 20-ти заразъ. Дважды туръ

(дикій быкъ) металъ меня на своихъ рогахъ вмѣстѣ съ конемъ. Одна лось топтала меня, а другая бодала. Вепрь сорвалъ мечъ съ бедра; медвѣдь схватилъ зубами подкладъ у колѣна; барсъ вскочилъ ко мнѣ на бедра и повалилъ коня вмѣстѣ со мною. Но Богъ хранилъ меня невредимымъ».

Будучи самъ краснорѣчивымъ писателемъ, Владиміръ Мономахъ много содѣйствовалъ распространенію книжнаго просвѣщенія и успѣхамъ письменности. При немъ былъ составленъ игуменомъ Выдубецкаго Михайловскаго монастыря, даровитымъ и опытнымъ въ книжномъ дѣлѣ Сильвестромъ, одинъ изъ нашихъ первыхъ связныхъ и правильныхъ сводовъ всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій, подъ названіемъ: «Повѣсти временныхъ лѣтъ», спорно приписываемый нѣкоторыми ему, а нѣкоторыми Нестору. Но независимо отъ названія своего труда, онъ былъ безусловно замѣчательнымъ лѣтописцемъ своего времени. Михайловскій монастырь, на крутомъ берегу Днѣпра, въ сосѣдствѣ съ Печерскимъ монастыремъ, былъ основанъ отцомъ Мономаха, Всеволодомъ, почему пользовался особеннымъ уваженіемъ въ его потомствѣ. Владиміръ Мономахъ не только поощрялъ составленіе лѣтописи, но, вѣроятно, и самъ помогалъ автору сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній.

69) Картина: Видъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ.

По образцу византійскихъ жизнеописателей, тогда стали составлять житія русскихъ людей, уважаемыхъ за святость жизни и смерти. Жизнеописаніемъ основателей Кіево-Печерской Лавры положено было печерскимъ инокомъ преподобнымъ Несторомъ начало Патерика, или сборника житій печерскихъ святыхъ. Въ это время написаны были житія св. Ольги и св. Владиміра монахомъ Іаковомъ. Отъ современника Мономаха, кіевскаго митрополита Никифора,

родомъ грека, осталось одно «Слово» и три «Посланія» противъ католиковъ. Тогда уже окончательно образовалось раздѣленіе церкви христіанской на западную и восточную, причемъ греки старались привить русскимъ свою ненависть къ католичеству. Другой современникъ Мономаха, игуменъ Даніилъ, совершилъ путешествіе въ Іерусалимъ и оставилъ послѣ себя описаніе этого путешествія.

Въ лѣтопись, между прочимъ, включено было великодушное примирительное письмо Владиміра Мономаха Олегу Святославичу и «Поученіе дѣтямъ».

Въ томъ, что касается Печерскаго монастыря, мы помнимъ, что въ это время онъ потерпѣлъ разореніе отъ половцевъ, но скоро оправился и продолжалъ богатѣть, благодаря щедрымъ вкладамъ князей и бояръ. Знатный норвежецъ Симонъ, имя котораго тѣсно связано, въ княженіе Всеволода, съ построеніемъ Печерскаго храма, какъ уже было о томъ разсказано, племянникъ того князя Якуна, что помогалъ Ярославу Мудрому въ его борьбѣ съ Мстиславомъ тьмутараканскимъ, былъ погребенъ въ этой обители. Сынъ же его, Георгій, ростовскій тысяцкій, прислалъ, какъ говорятъ, пятьсотъ гривенъ серебра и пятьсотъ золота, чтобъ оковать серебромъ и золотомъ раку св. Ѳеодосія. Князь полоцкій Глѣбъ Всеславичъ, взятый въ плѣнъ Владиміромъ Мономахомъ, далъ вклада въ Печерскій монастырь до семисотъ гривенъ серебра и до ста гривенъ золота. Когда онъ умеръ, въ 1119 г., то былъ тоже погребенъ въ Печерской обители. Его жена, дочь Ярополка Изъяславича, убитаго Нерадцомъ, переживъ мужа на сорокъ лѣтъ, завѣщала монастырю пять селъ съ челядью и все свое движимое имущество.

Изъ Кіево-Печерской лавры вышла значительная часть древне-русскихъ писателей; она намъ дала выдающихся представителей письменности на поприщѣ государственнаго и церковнаго быта, свидѣтельствующихъ о тѣхъ твердыхъ устояхъ нравственныхъ и многостороннихъ способностяхъ, какими одарила природа русскій народъ. Глубокое религіозное чувство, заставлявшее русскаго человѣка, въ періодъ языческій, приносить кровавыя жертвоприношенія языческимъ идоламъ, теперь очищенное свѣтомъ ученія христіанскаго, обратило его къ подвигамъ самоистязанія и смиренія, но сознательнымъ, дѣятельнымъ, не разрывающимъ всѣхъ связей съ міромъ. Кіево-Печерскіе подвижники и писатели старались вліять на улучшеніе нравственности и отношеній между князьями.

Въ виду же дѣятельнаго общенія и родственныхъ связей князей съ государями европейскими, русскіе іерархи всячески старались оградить русскихъ князей отъ вліянія папства и латинской вѣры. Митрополитъ Никифоръ посвятилъ Владиміру Мономаху цѣлое посланіе объ отличіяхъ Римской церкви отъ Православной. Почти въ одно время съ Повѣстью временныхъ лѣтъ Выдубецкаго игумена Сильвестра, написано произведеніе другого игумена, нами сейчасъ упомянутаго Даніила. Хотя въ XI вѣкѣ Палестина находилась подъ властью турокъ-сельджуковъ, русскіе паломники проникали туда и терпѣли тамъ притѣсненія. Когда крестоносцы, рыцари запада, въ XII-мъ столѣтіи завоевали Святую Землю и основали тамъ Латинское королевство, число христіанскихъ, и между ними русскихъ, паломниковъ, само собою разумѣется, увеличилось. Хотя занятые борьбой съ другимъ турецкимъ народомъ, половцами, русскіе наши князья не участвовали въ крестоносныхъ походахъ противъ

70) Картина: Взятіе Іерусалима западными рыцарями крестоносцами въ 1099 г.

невѣрныхъ, но они всею душой сочувствовали великому движенію въ Палестину западныхъ христіанъ. Даніилъ посѣтилъ Святую Землю съ цѣлой дружиной русскихъ паломниковъ. Онъ съ похвалой отзывается о королѣ Іерусалимскомъ Бальдуинѣ, оказавшемъ ему вниманіе и позволившемъ ему возложить на Гробъ Господень кадило за русскихъ князей и за всю Русскую землю. Даніилъ въ своемъ сочиненіи упоминаетъ о пребываніи на островѣ Родосѣ плѣненнаго греками князя Олега Святославича. Пользуясь пріютомъ въ Лаврѣ св. Саввы, Даніилъ тамъ записалъ имена русскихъ князей: Святополка-Михаила, Владиміра Мономаха, Олега и Давида Святославичей, для молитвы о здравіи ихъ.

Владиміръ Мономахъ умеръ въ 1125 году, 74-хъ лѣтъ отъ роду, во время одной поѣздки въ свой родной Переяславль, гдѣ онъ наблюдалъ за постройкой вышеупомянутой церкви, на берегу рѣки Альты. Его похоронили рядомъ съ отцомъ, въ кіевскомъ Софійскомъ соборѣ, при всенародномъ плачѣ. Въ наставленіе дѣтямъ своимъ онъ оставилъ общеизвѣстное, замѣчательное для того времени, поученіе, въ которомъ онъ убѣждаетъ ихъ жить въ согласіи, больше всего имѣть страхъ Божій; не поддаваться лѣни, не полагаться на воеводъ, но за всѣмъ смотрѣть самимъ; любить женъ, хотя не давать имъ надъ собою власти; стараго человѣка чтить, какъ отца, а молодого,—какъ брата. Соблюдать строго крестное цѣлованіе и безпристрастное правосудіе. «Что знаете», пишетъ онъ, «того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Гостей и пословъ чтите, если не дарами, то питьемъ и брашномъ, такъ какъ они распускаютъ въ чужихъ земляхъ добрую и худую славу».

Онъ вовсе не велитъ князьямъ казнить смертью кого бы то ни было: «Если бы даже преступникъ и былъ достоинъ смерти, то все же не слѣдуетъ губить души», пишетъ онъ. Онъ заповѣдуетъ дѣтямъ учиться, приводя въ примѣръ своего отца Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкамъ. Относительно войны завѣщаетъ не предаваться въ походѣ пирамъ и сну и, проходя съ войскомъ по русскимъ землямъ, ни въ какомъ случаѣ не дозволять дѣлать вредъ жителямъ въ селахъ и портить хлѣбъ въ поляхъ.

71) Картина: Завѣщаніе Владиміра Мономаха дѣтямъ на смертномъ одрѣ.

Владиміръ Мономахъ не превозносился своею славой: добро творилъ врагамъ своимъ; раздавалъ щедро имущество свое нищимъ. Можно предположить, что былины народныя, приведенныя въ 1-ой части и сложившіяся вокругъ Владиміра Красное Солнышко, относились, отчасти, и къ Владиміру Мономаху, что въ народной творческой памяти, въ народныхъ пѣсняхъ эти два лица слились въ одно. Такъ, по Новгородской лѣтописи, въ 1118 году Владиміръ Мономахъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, княжившимъ въ Новгородѣ, за безпорядки и грабежи, посадилъ въ Кіевѣ въ погребъ сотскаго—купца Ставра съ нѣсколькими его соумышленниками. А среди былинъ княженія князя Владиміра Святаго мы привели былину о Ставрѣ-гостѣ, Владиміромъ заключенномъ въ тюрьму и освобожденномъ оттуда его женою, переодѣтой въ мужское платье.

Имя Владиміра Мономаха было до того уважаемо его потомками, что впослѣдствіи составилось сказаніе о томъ, будто византійскій императоръ прислалъ ему знаки царскаго достоинства, вѣнцы и бармы, почему, нѣсколько столѣтій спустя, московскіе государи вѣнчались вѣнцомъ, который назвали шапкою Мономаха.

При чтеніи лѣтописей, повѣствующихъ о дѣяніяхъ Владиміра Мономаха, невольно видишь передъ собою величавый образъ могучей личности этого князя: его суровое, но ласкающее и чарующее лицо, съ задумчивымъ взоромъ; гордую княжескую осанку. Много бѣдъ вынесла его голова; много несчастій видѣли его глаза; много выстрадала на своемъ вѣку его любящая душа. Глубокія морщины покрыли его мужественное чело; рубцы незажившихъ ранъ испещрили тѣло. Тяжести и лишенія всякаго рода убѣлили раннею сѣдиной его волосы и согнули стройный когда-то станъ. Всѣхъ походовъ на половцевъ онъ совершилъ 83 большихъ, а малыхъ—и не упомнить. Миръ съ ними заключалъ 19 разъ. Неоднократно онъ бился съ врагами въ рядахъ простыхъ воиновъ и спалъ на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ. Но, несмотря ни на что, его сердце не переставало биться горячей любовью къ родинѣ. Россію любилъ онъ прежде и больше всего.

Конецъ II-го выпуска II-ой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I.

Стран.

Святополкъ Окаянный *) 5

Картины: 1) Святополкъ Окаянный. 2) Убійство князя Бориса гонцами Святополка. 3) Глѣбъ на Днѣпрѣ подъ Смоленскомъ застигнутъ вѣстью о смерти отца и брата. 4) Борьба князя Святослава съ убійцами. 5) Новгородцы тѣснятъ воиновъ Святополка, тонущихъ въ озерѣ на тонкомъ льду. 6) Въѣздъ въ Кіевъ тучнаго короля польскаго Болеслава Храбраго и Святополка. 7) Предсмертный недугъ среди поля и лихорадочныя видѣнія Святополка братоубійцы.

Глава II.

Ярославъ Мудрый 14

Картины: 8) Спящая Ингигерда и Эймундъ, норвежскій витязь. 9) Примиреніе между полоцкимъ княземъ и Ярославомъ. 10) Единоборство Мстислава съ Редедею. 11) Языческіе волхвы обвиняютъ старухъ въ колдовствѣ. 12) Княгиня Ингигерда на берегу Днѣпра переговаривается съ обступившимъ войсками Кіевъ, Мстиславомъ Тьмутараканскимъ. 13) Битва въ Листовенѣ между Мстиславомъ и Ярославомъ съ его норманами. 14) Священная роща съ идолами трехъ литовскихъ боговъ, озаренныхъ огнемъ костровъ. 15) Убіеніе Адольберта язычниками въ Литвѣ. 16) Военноплѣнный. 17) Типъ лопаря. 18) Типъ финна. 19) Самоѣдъ. 20) Финскій шаманъ. 21) Идольское молебище. 22) Изъ Калевалы. 23) Морское сраженіе князя Владиміра Ярославича съ греками. 24) Отъѣздъ княжны Анны во Францію. 25) Ярославъ испытываетъ грамотность русскихъ дѣтей. 26) Монахъ лѣтописецъ у себя въ келіи. 27) Будущій инокъ. 28) У монастырскаго колодца. 29) Ярославъ законодатель. 30) Древнія русскія деньги. 31) Судъ Божій. 32) Ярославъ Мудрый.

Глава III.

Сыновья Ярослава 58

Картины: 32б) Предсмертное завѣщаніе Ярослава Мудраго сыновьямъ своимъ. 33) Великій князь Изъяславъ возвращается въ свой шатеръ. 34) Стольный городъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава I.

Кіево-Печерская Лавра и великій князь Святославъ II. 79

Картины: 35) Перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба. 36) Изображеніе великаго князя Святослава II. 37) Пиръ у Святослава и св. Ѳеодосій. 38) Въ молитвенномъ уединеніи. 39) Лѣтописецъ Несторъ у себя въ келіи. 40) Искушеніе св. Исаакія Затворника. 41) Семья Святослава на одномъ изъ листовъ Изборника. 42) Новгородскій князь Глѣбъ Святославичъ обличаетъ языческаго волхва передъ толпою его мятежныхъ сторонниковъ.

Глава II.

Стран

Престарѣлый великій князь кіевскій Всеволодъ и начало подвиговъ его сына Владиміра Мономаха 9

Картины: 43) Изображеніе вел. князя Изъяслава Ярославича. 44) Смерть князя Изъяслава на Нѣжатинской нивѣ. 45) Орда надвигается. 46) Княжая конница.

Глава III.

Междоусобія на Руси младшихъ удѣльныхъ князей въ роду Ярослава Мудраго: внуковъ его и правнуковъ. Смерть великаго князя Всеволода. Святополкъ II Михаилъ, великій князь кіевскій. Войны съ половцами. Крестное цѣлованіе въ Любечѣ. 10

Картины: 47) Убійство князя Владиміро-Волынскаго Ярополка Изъяславича—Нерадцемъ. 48) Видѣніе князя Шимона. 49) Благословеніе на ратный подвигъ. 50) Изображеніе князя Святополка- Михаила. 51) Тонущій князь Ростиславъ Всеволодовичъ, въ виду половецкой погони и Владиміръ Мономахъ. 52) На вышкѣ крѣпости. 53) Пріемъ Ратиборомъ половецкихъ пословъ. 54) Съѣздъ князей въ Любечѣ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава II.

Ослѣпленіе Василька. Борьба русскихъ князей между собою за Владиміръ-Волынскій. Съѣздъ въ Витичевѣ и примиреніе ихъ побѣда надъ половцами 12

Картины: 55) Василько, Давидъ и Святополкъ по дорогѣ изъ Любеча. 56) Василько въ ожиданіи приговора надъ нимъ великаго князя. 57) Ослѣпленіе Василька. 58) Встрѣча подъ Кіевомъ Владиміра Мономаха съ мачехой и митрополитомъ. 59) Василько передъ боемъ съ Святополкомъ II-мъ. 60) Битва Ростиславичей и Давида Игоревича съ Святополкомъ II и венгерскимъ королемъ Коломаномъ. 61) Половецкій набѣгъ. 62) Крестовый походъ западныхъ рыцарей. 63) Съѣздъ князей у Долобскаго озера. 64) Половцы, выходящіе изъ своихъ городовъ навстрѣчу побѣдоноснымъ русскимъ князьямъ

Глава I.

Владиміръ Мономахъ—великій князь кіевскій *). . . 13

Картины: 65) Изображеніе князя Владиміра Мономаха. 66) Смерть Ярослава Святополковича подъ стѣнами Владиміро-Волынска. 67) Плѣненіе князя Володаря Петромъ Властомъ во время охоты. 68) Бояре и князья, окруженные толпой народа, везутъ въ новый храмъ мощи св. муч. Бориса и Глѣба. 69) Видъ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ. 70) Взятіе Іерусалима западными рыцарями крестоносцами въ 1099 г. 71) Заявленіе Владиміра Мономаха дѣтямъ на смертномъ одрѣ.

Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны, примѣненныя къ широкой возможности пояснять ихъ картинами для волшебнаго фонаря, соотвѣтственно съ наиболѣе яркими мѣстами чтеній, но составляющія и помимо такого рода картинъ общедоступную книгу обо всемъ прошломъ нашего дорогого отечества.

Часть II.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА

и

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПОСЛѢ УБІЕНІЯ КІЕВСКИХЪ ПЕРВЫХЪ ХРИСТІАНСКИХЪ КНЯЗЕЙ АСКОЛЬДА И ДИРА, СО ВРЕМЕНИ ВОКНЯЖЕНІЯ ВЪ СТОЛИЦѢ ДРЕВНИХЪ ПОЛЯНЪ ВАРЯЖСКАГО КНЯЗЯ ОЛЕГА.

Выпускъ III.

КІЕВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Отъ вокняженія въ Кіевѣ сына Владиміра Мономаха Мстислава I до смерти князя Андрея Боголюбскаго, въ 1175 г.,

со включеніемъ Слова о Полку Игоревѣ.

Составлено Т. П. Мятлевой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сѵнодальная Типографія.
1911.

PRINTED IN RUSSIA.

Feci, quod potui; faciant meliora potentes!

(Сдѣлалъ, что могъ; пусть, кто можетъ, дѣлаетъ лучше!)

Трудъ этотъ посвящается авторомъ

Его Императорскому Высочеству

Наслѣднику Цесаревичу

и

Великому Князю

Алексѣю Николаевичу.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I-ая.

Великіе князья кіевскіе: Мстиславъ I и Ярополкъ Мономаховичи. Всеволодъ-Гавріилъ Мстиславичъ, князь новгородскій и псковской. Захватъ Кіева черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ и время его княженія.

По смерти Владиміра Мономаха, его старшій сынъ Мстиславъ, князь новгородскій, согласно завѣщанію отца, безпрепятственно занялъ кіевскій столъ, такъ какъ оставшіеся въ живыхъ, незначительные по удѣламъ своимъ, князья изъ прямого потомства Святополка II Михаила, годились ему по возрасту въ сыновья, и не думали мечтать о Кіевѣ. А княжившій въ Черниговѣ младшій братъ Святославичей, миролюбивый, непредпріимчивый Ярославъ удовольствовался старшинствомъ среди князей чернигово-сѣверской области, и не добивался кіевскаго стола. Владиміръ Мономахъ, конечно, могъ надѣяться, что его воля будетъ уважена кіевлянами, но, помимо того, онъ, какъ князь—народолюбецъ, уважавшій всегда мнѣніе народа, надо предполагать, заранѣе уже представилъ мѣстному населенію старшаго сына, какъ своего наслѣдника на столѣ кіевскомъ. Мстиславъ Владиміровичъ, воспитанный въ трудовой школѣ Владиміра Мономаха, былъ вполнѣ способенъ поддер-

Картина: Изображеніе вел. кн. Мстислава Владиміровича.

---

*) Матерьялъ собранъ въ трудахъ Д. И. Иловайскаго, В. Ключевскаго, П. Полевого, Н. Костомарова, Н. Карамзина, М. Грушевскаго и въ разныхъ мелкихъ источникахъ, давшихъ отрывками подходящія свѣдѣнія для пополненія этой книги.

жать значеніе великаго князя кіевскаго на той высотѣ, на какую оно было поставлено его отцомъ. Онъ давно уже былъ извѣстенъ мужествомъ своимъ и великодушіемъ; унаслѣдовалъ отъ Владиміра Мономаха ревностную любовь къ общему благу и твердость, соединенную съ чувствительностью души. Только однажды онъ имѣлъ слабость оставить безъ наказанія и допустить возмутительное насиліе одного изъ своихъ младшихъ родичей—Всеволода Ольговича черниговскаго надъ его дядей Ярославомъ, за которымъ Мстиславъ, принимая кіевскій столъ, обѣщалъ отстоять черниговское княженіе, вообще объявивъ себя покровителемъ всѣхъ утѣсненныхъ князей. Всеволодъ Ольговичъ выгналъ изъ Чернигова стараго дядю и самъ занялъ черниговскій столъ, не имѣя на то никакого права. Ярославъ удалился въ Муромъ и обратился оттуда въ Кіевъ за обѣщанною поддержкой. Опасаясь мести Мстислава, Всеволодъ Ольговичъ, по несчастному примѣру отца своего, призвалъ къ себѣ на помощь половцевъ. Этотъ дикій народъ, между тѣмъ, уже хотѣлъ воспользоваться кончиной Владиміра Мономаха, чтобы привлечь на свою сторону для грабежа Переяславля, мирно вокругъ него кочевавшихъ, торковъ. Но переяславскій князь, братъ Мстислава—Ярополкъ Владиміровичъ, узналъ во-время объ ихъ намѣреніи; приказалъ торкамъ въѣхать въ городъ, а самъ съ одной переяславской дружиною, не дождавшись помощи братьевъ, ударилъ на половцевъ и разбилъ ихъ, множество потопивъ въ рѣкахъ. А теперь онъ перехватилъ половецкихъ пословъ, отправленныхъ къ Всеволоду Ольговичу съ тѣмъ, чтобы извѣстить его объ ихъ приближеніи для соединенія съ его войсками противъ великаго князя кіевскаго. Половцы, не дождавшись своихъ пословъ обратно, по-

боялись дальше идти, и возвратились въ степи. Тогда Всеволодъ Ольговичъ, женатый на дочери Мстислава, сложилъ оружіе, но, подкупивъ самыхъ вліятельныхъ изъ бояръ кіевскихъ, сталъ молить великаго князя простить ему его вину и не лишать черниговскаго стола, разъ имъ уже занятаго. Приготовлявшійся къ походу Мстиславъ поддался просьбамъ и увѣщаньямъ дочери, поддержаннымъ еще духовенствомъ, въ лицѣ игумена Андреевскаго монастыря—Григорія, любимца покойнаго Владиміра Мономаха, конечно, весьма уважаемаго Мстиславомъ. Онъ говорилъ: — «Государь, лучше преступить клятву, чѣмъ убивать христіанъ. Не бойся грѣха,—мы беремъ его на свою душу». Тогда Мстиславъ примирился съ Всеволодомъ, а обиженный Ярославъ, лично пріѣхавшій изъ Мурома въ Кіевъ искать защиты, увидя себя безсильнымъ отстоять свое право, вернулся въ глушь своихъ муромо-рязанскихъ земель, гдѣ княжилъ потомъ до смерти. Однако, Мстиславъ послѣ всю жизнь каялся въ своемъ несправедливомъ поступкѣ.

Вѣроятно, его прямымъ послѣдствіемъ было временное пріобрѣтеніе Кіевомъ новой области—такъ называемаго Посемья. Вторымъ по значенію городомъ черниговской области и второю судовою пристанью, на пересѣченномъ оврагами и лощинами правомъ, высокомъ берегу притока Днѣпра, Десны,—былъ хорошо укрѣпленный Новгородъ-Сѣверскъ. Около него располагались загородныя княжьи села и дворы, изобильные челядью, погребами съ медами и виномъ, гумнами со стогами всякаго жита и домашнимъ скотомъ. На рѣчкѣ Рохнѣ паслись княжескіе табуны въ нѣсколько тысячъ коней и матокъ. Еще выше, по правой сторонѣ Десны, находился удѣльный городъ Трубчевскъ. Судоходство на Деснѣ начиналось отъ города Брянска, т. е. тамъ, гдѣ среди лѣсовъ и дебрей владѣнія сѣ-

верянъ сходились съ землею вятичей. Главный притокъ Десны съ лѣвой стороны—это Семь, и Посемье принадлежало къ Новгородъ-Сѣверскому удѣлу младшей линіи Ольговичей, т. е. потомковъ Святослава Ярославича. На верховьяхъ Семи, на крутомъ правобережномъ ея возвышеніи, находился городъ Путивль. Далѣе по Семи находились удѣльные города Новгородъ-Сѣверской области, какъ напримѣръ Рыльскъ и Курскъ. Населеніе курской области, обитавшее на украйнѣ съ хищными кочевниками, преимущественно передъ другими сѣверянами, отличалось бодрымъ, воинственнымъ духомъ и своею удалой конницей. Однако оно не пренебрегало и хозяйственной дѣятельностью, значительно обогащаясь ею, благодаря черноземной почвѣ и умѣренному теплу. Начавъ говорить о Новгородъ-Сѣверской области, упомянемъ еще мимоходомъ о крѣпкомъ городкѣ Стародубѣ, гдѣ рѣчка Вобля впадаетъ въ одинъ изъ правыхъ притоковъ Десны.

Въ это время родъ Мономаха владѣлъ большей частью Руси. Изъ братьевъ Мстислава Ярополкъ, какъ мы видѣли, княжилъ въ южномъ Переяславлѣ, Вячеславъ—въ Туровѣ, Андрей—во Владимірѣ-Волынскомъ, Юрій—въ землѣ Ростово-Суздальской. Сыновья его получили: старшій, Всеволодъ — Новгородъ, Изъяславъ—Курскъ, а Ростиславъ — Смоленскъ. Слѣдуя начинаніямъ отца, Мстиславъ задумалъ пріобрѣсти для своего рода еще область полоцкую, чего напрасно хотѣли дѣды его. Часть ея, съ городомъ Минскомъ, была уже завоевана Владиміромъ Мономахомъ. Но, тѣмъ не менѣе, полоцкіе князья-Всеславичи не подчинялись старшинству князя кіевскаго и пытались отвоевать себѣ Минскъ обратно. Тогда Мстиславъ, приведя въ движеніе силы многихъ князей, ихъ побудилъ одновременно съ четырехъ сторонъ войти въ

полоцкія владѣнія. Черниговскіе князья между ними пошли на призывъ великаго князя, и полоцкая земля, въ 1129 г., подверглась разгрому соединенныхъ дружинъ. Полочане смирились волей-неволей и, вмѣсто неугоднаго Мстиславу князя Давида Всеславича, полоцкій столъ занялъ князь Рогвольдъ. Но онъ скоро умеръ, и уже черезъ годъ полочане снова отказали великому князю въ повиновеніи, не пожелавъ принять участіе въ походѣ Руси на половецкаго хана. Тогда разгнѣванный Мстиславъ, управившись съ половцами, захватилъ въ плѣнъ большинство полоцкихъ князей и отправилъ ихъ съ семьями къ своему родственнику, византійскому императору Іоанну Комнену. Полоцкимъ княземъ онъ посадилъ сына своего Изъяслава, переведеннаго туда изъ Курска. Полоцкіе же князья, поступивъ на греческую службу, отличались въ походахъ противъ арабовъ Палестины, иначе сарацинъ.

1) Картина: Арабы въ Палестинѣ.

Мстиславъ, по примѣру отца, много воевалъ съ половцами, и воеводы его загнали этихъ враговъ русской земли, согласно свидѣтельству нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводовъ, не только за Донъ, но и за Волгу. Защита вновь имъ пріобрѣтенныхъ земель полоцкаго Пинско-Туровскаго Полѣсья приводила его на западѣ въ столкновеніе съ Литвою, и онъ самолично руководилъ походомъ противъ нея, въ огражденіе Изъяслава отъ ея хищныхъ набѣговъ. Онъ вывелъ оттуда множество плѣнниковъ.

Жители Полѣсья дѣлились на два племени южнорусскаго корня: древлянъ и дреговичей, занимавшихъ область сѣверныхъ притоковъ Припети. Они представляли собой уже переходъ къ сѣвернымъ племенамъ полочанъ и кривичей. Населеніе, затерянное среди непроходимыхъ пущъ и болотъ, угнетенное вѣчной заботой о добываніи себѣ насущнаго пропи-

танія, никогда не имѣло въ русской исторіи обособленнаго государственнаго значенія. Въ южной части своей Полѣсье, естественно, тяготѣло къ Кіеву, такъ какъ всѣ его текучія воды въ себя поглощаетъ Припеть, впадающая въ Днѣпръ недалеко отъ Кіева. Полѣсьяне туда посылали водой на продажу: лодки, лыко, мочало, ободья, деготь и пр., а также медъ и звѣриныя шкуры. Дремучіе, влажные лѣса, многочисленныя озера, рѣчки и болота, какъ бы, еще напоминаютъ о томъ, что когда-то вся эта мѣстность была подъ водою. Главный городъ Полѣсья Овручъ, близъ рѣки Ужа, окруженъ глубокими и крутыми оврагами. Курганъ подлѣ города прозванъ «Могилой Олега» (Святославича), погибшаго въ войнѣ съ братомъ своимъ Ярополкомъ подъ самымъ Овручемъ. Конечно, ни одна русская область не представляла такого раздолья для княжеской охоты, какъ полѣсскія трущобы, гдѣ въ изобиліи водились медвѣди, лоси, зубры, рыси, лисицы и другіе лѣсные звѣри. Однако, охота возможна была только въ зимнее время, когда болота и топи покрывались надежнымъ слоемъ льда. Поднимаясь вверхъ по теченью Припети, встрѣчаемъ важнѣйшую ея пристань: Туровъ. Онъ лежалъ въ самомъ сосредоточьи Полѣсья и былъ стольнымъ городомъ особаго, туровскаго удѣла. Къ нему принадлежалъ городъ Пинскъ, на Пинѣ, притокѣ Припети. Въ сѣверной части туровскаго Полѣсья, въ землѣ дреговичей, наиболѣе извѣстнымъ удѣльнымъ городомъ былъ Случескъ, на рѣкѣ Случѣ, самомъ значительномъ лѣвомъ притокѣ той же рѣки. Расположенный на пограничной чертѣ съ кривской землей, онъ подвергался нападеніямъ князей полоцкихъ. Западная часть земли дреговичей и пинской области принадлежала уже къ Полѣсью волынскому.

2) Картина: Княжеская охота.

3) Картины: Въ нѣдрахъ лѣса: а) и в).

Мстиславъ очень любилъ свой бывшій сѣверный новгородскій удѣлъ, гдѣ онъ женился, еще при Владимірѣ Мономахѣ, на дочери одного боярина—Дмитрія Завидича. Для защиты любимаго края, онъ посылалъ сыновей своихъ воевать съ безпокоившей новгородскія земли чудью. Его замѣнилъ въ Новгородѣ старшій сынъ—Всеволодъ-Гавріилъ.

Князь Всеволодъ-Гавріилъ *) родился и провелъ свои дѣтскіе годы въ Новгородѣ. Тамъ онъ близко усвоилъ духъ Христова ученія и пріучился въ молитвѣ находить для себя душевный покой среди постоянныхъ смутъ новгородскихъ. Отличаясь кротостью, онъ любилъ чтеніе и занимался списываньемъ священныхъ книгъ. Сдѣлавшись княземъ буйнаго Новгорода, Всеволодъ понялъ, что новгородская область, прежде всего, нуждается во внутреннемъ мирѣ, и рѣшилъ всѣ силы свои положить на пользу родной страны, чтобы удалить съ помощью церкви ея житейскія неустройства. Въ 1118 г. Мстиславъ былъ отозванъ отцомъ своимъ изъ Новгорода въ Переяславль. Заступивъ его мѣсто, Всеволодъ началъ, вопервыхъ, стараться о благолѣпіи новгородскихъ храмовъ и о торжественности богослуженія. Онъ пожертвовалъ въ монастырь св. Георгія серебряное блюдо, чтобъ въ него били на обѣдъ игумена, и построилъ при немъ новую церковь. Другому, Юрьевскому монастырю, онъ пожертвовалъ цѣлый погостъ съ людьми, конями и лѣсомъ, гдѣ были борти и ловища. Въ 1122 г. онъ женился на дочери черниговскаго князя Николая Святоши, а затѣмъ вскорѣ былъ принужденъ выступить въ походъ противъ безпокой-

*) Источники: Житіе св. князя Всеволода-Гавріила. Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Н. Карамзинъ: Исторія Государства Россійскаго. М. Грушевскій: Очеркъ Кіевской земли послѣ смерти Ярослава Мудраго».

ныхъ своихъ сосѣдей, финскаго племени—ямь. Онъ побѣдилъ враговъ, несмотря на всѣ препятствія въ дикой, холодной странѣ, и воздалъ за свою побѣду благодареніе Богу въ соборѣ Св. Софіи новгородской. Въ 1127 г. Всеволодъ, въ честь своего сына Іоанна, построилъ великолѣпный храмъ во имя Іоанна Предтечи. Когда же юный княжичъ умеръ, онъ назначилъ богатое содержаніе этому храму на поминъ его души. Князь Всеволодъ запрещалъ кому бы то ни было вмѣшиваться въ церковные суды; заповѣдывалъ не дѣлать этого ни дѣтямъ своимъ, ни внукамъ, ни намѣстникамъ, ни тіунамъ. По обычаю того времени равныя части въ наслѣдствѣ получали лишь дѣти знатныхъ людей, у смердовъ же все имущество переходило къ сыновьямъ, а дочерямъ выдавали только приданое. Всеволодъ, однако, приказывалъ: «Если послѣ кого-нибудь останутся сыновья и дочери, то какъ сыновьямъ, такъ и дочерямъ слѣдуетъ изъ всего имущества по равной части».

Въ 1128 г. надъ Новгородомъ разразилось страшное бѣдствіе: отъ жестокаго холода по всей области вымерзли озими, а глубокій снѣгъ пролежалъ до 30-го апрѣля, такъ что вода затопила нивы, и земледѣльцы увидали на своихъ поляхъ, вмѣсто зелени, непроходимую грязь. Въ Новгородѣ не было хлѣбныхъ запасовъ. Хлѣбъ сталъ страшно дорогъ. Народъ питался мякиной, березовою корой, мохомъ и липовымъ цвѣтомъ. Изнуренные голодомъ, люди были похожи на привидѣнія. Мертвыми падали они на дорогахъ и улицахъ. Родители продавали въ рабство иноземнымъ купцамъ дѣтей, чтобы не видѣть ихъ голодной смерти. Здѣсь-то выступилъ благочестивый князь со своей широкой благотворительностью. Онъ щедрой рукой раздавалъ милостыню. Всѣ болящіе и скорбящіе стре-

4) Картина: Голодъ въ Новгородѣ.

мились къ княжескому двору, причемъ никто не отходилъ отъ князя, не получивъ желаемой помощи. «Много слезъ отеръ князь у своихъ несчастныхъ гражданъ»—говоритъ лѣтопись,—«и стала пуста княжеская казна отъ щедрой раздачи милостыни».

Дѣятельной заботой и неутомимыми трудами добраго князя страна скоро оправилась. Годъ спустя, Всеволодъ уже снова успѣшно отражалъ со своимъ войскомъ набѣги хищныхъ чудскихъ племенъ, обращаясь въ молитвѣ къ Богу съ такими словами: «Ты поставилъ меня охранять вѣрныхъ служителей Имени Твоего, и я съ сокрушеньемъ сердца долженъ вынимать мечъ мой на ихъ защиту». Съ 1132 г. начался для князя Всеволода цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній, почти не прекращавшихся до самой его кончины.

Переяславскій князь Ярополкъ еще при жизни отца получилъ себѣ въ удѣлъ Переяславль, совмѣстно съ Мстиславомъ, причемъ, исполняя волю Владиміра Мономаха, братья заключили между собой договоръ, что послѣ Ярополка Переяславль должны наслѣдовать дѣти Мстислава. Такъ какъ владѣтель этого города считался наслѣдникомъ кіевскаго стола, то главный смыслъ такой передачи Переяславля былъ тотъ, что кіевскій столъ переходилъ къ потомству Мстислава, а не къ его младшимъ братьямъ, что возбудило, конечно, ихъ сильное неудовольствіе и дало поводъ къ долгимъ междоусобіямъ. Мстиславъ Владиміровичъ, въ крещеніи Ѳеодоръ, умеръ пятидесяти шести лѣтъ отъ роду, въ 1132 г. Его похоронили въ Ѳеодоровомъ монастырѣ, имъ основанномъ, въ Кіевѣ.

Не только сочувственное, но даже восторженное воспоминаніе о князѣ Мстиславѣ кіевскаго лѣтописца намъ даетъ право предполагать, что Мстиславъ пользовался большой народной любовью. Онъ пра-

вилъ съ кротостью, отличался великодушіемъ и сердечною простотой, кромѣ того, унаслѣдовалъ отъ отца внимательное отношеніе къ нуждамъ и желаніямъ земства. Онъ былъ послѣднимъ изъ кіевскихъ вел. князей, умѣвшихъ своимъ значеніемъ среди родичей поддержать единство русской земли, тогда какъ развѣтвившееся потомство Владиміра Святаго и многія области, разбросанныя на огромномъ пространствѣ русской страны, стремились уже къ обособленной политической жизни. Понятіе о старшинствѣ запутывается; разныя поколѣнія въ семьѣ Мономаховичей, послѣ смерти Мстислава, соперничаютъ другъ съ другомъ. Кіевъ начинаетъ переходить изъ рукъ въ руки, утрачивая, мало-по-малу, свое первенствующее положеніе между русскими городами, и дяди съ племянниками все чаще спорятъ за старшинство. Въ кіевской и новгородской лѣтописяхъ Мстиславу, какъ и Владиміру Мономаху, придается титулъ «Великаго».

Наслѣдовавъ послѣ смерти брата кіевскій столъ, Ярополкъ II, согласно своему договору съ нимъ, призвалъ на мѣсто себя въ Переяславль изъ Новгорода князя Всеволода-Гавріила Мстиславича.

Картина: Изображеніе Ярополка II Владиміровича.

Всеволодъ не могъ ослушаться, и, снарядившись въ путь, вошелъ въ указанный ему городъ, но въ тотъ же день вынужденъ былъ удалиться, дабы избѣгнуть противнаго его нраву междоусобія, такъ какъ младшіе дяди его, Юрій и Андрей, выступили съ сильнымъ войскомъ къ Переяславлю, чтобы оружіемъ отстоять право своего старшинства на этотъ удѣлъ.—«Могу ли я поднять руку на единокровныхъ своихъ?» — говорилъ князь Всеволодъ недовольной дружинѣ, когда они возвращались обратно въ Новгородъ. — «И безъ того на совѣсти нашей лежитъ цѣлая бездна грѣховъ». Однако, обиженные новго-

родцы не допустили больше къ себѣ князя Всеволода, говоря:—«Не хотѣлъ жить съ нами—иди же теперь, куда вздумалъ». Такимъ образомъ онъ вдругъ остался,—не по своей волѣ покинувъ Новгородъ,—безъ пристанища. Но, когда черезъ нѣсколько времени новгородскіе пригороды подверглись жестокому нападенію чуди, новгородцы раскаялись, что лишили себя защиты мужественнаго князя, и снарядили пословъ—его звать на помощь. Всеволодъ простилъ имъ нанесенное ему оскорбленіе и опытною рукой повелъ противъ враговъ новгородское войско.

Между тѣмъ, Ярополкъ прогналъ брата своего Юрія Владиміровича, князя ростово-суздальскаго, изъ Переяславля и отдалъ его другому сыну Мстислава, Изъяславу. Но тогда младшіе сыновья Владиміра Мономаха, Юрій и Андрей владиміро-волынскій, выставили передъ Ярополкомъ права старшаго между ними, послѣ него, Вячеслава Туровскаго—и сообща возстали противъ несправедливости договора съ Мстиславомъ о престолонаслѣдіи. Тогда Ярополкъ, видя себя принужденнымъ въ угоду братьямъ признать ихъ старшинство и отказаться отъ обѣщанія, даннаго имъ Мстиславу, заставилъ Изъяслава Мстиславича покинуть Переяславль, уступивъ его князю Вячеславу Владиміровичу. Въ вознагражденіе онъ получилъ волость Турова, какъ дополненіе къ Минску, и богатые подарки отъ Ярополка.

Изъяславъ сначала, какъ будто бы, примирился съ утратой завиднаго для всѣхъ удѣла. По порученію Ярополка онъ ѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ строптивые новгородцы вдругъ отказались платить великому князю обычную дань *). И его увѣщанія тамъ произвели желательное воздѣйствіе.

*) Съ завоеванной ими во многихъ мѣстахъ современной Архангельской области новгородцы платили еще особую дань, называвшуюся—«печерской».

Бездарному и малодушному Вячеславу не по силамъ пришлось управленіе безпокойной переяславской волостью. Ему скоро надоѣло, въ ожиданіи кіевскаго стола, сидѣть въ этомъ скудномъ и всегда угрожаемомъ съ юга городѣ. Онъ оставилъ его и вернулся въ Туровъ вопреки увѣщаніямъ Ярополка. Тогда Переяславль занялъ слѣдующій по старшинству между братьями Мономаховичами Юрій Суздальскій, обѣщавъ Изъяславу Мстиславичу, взамѣнъ Турова, свой сѣверный удѣлъ, но, между тѣмъ, оставилъ себѣ часть ростово-суздальской области. Тогда Изъяславъ, потерявъ терпѣніе, воспылалъ гнѣвомъ противъ дядей и заключилъ союзъ съ Всеволодомъ Ольговичемъ черниговскимъ, стремившимся вернуть черниговской области утраченные ею города по рѣкѣ Семи съ удѣломъ Изъяслава Мстиславича—Курскомъ. Они вошли въ соглашеніе съ половцами, но поторопились до ихъ прихода начать войну съ Мономаховичами, такъ что Ярополкъ съ Юріемъ и Андреемъ успѣли разорить окрестныя земли Чернигова. Однако, самаго города, гдѣ засѣлъ Всеволодъ, почему-то, они брать не стали, въ сущности не желая, должно быть, кровопролитія и надѣясь достаточно напугать Всеволода. Это было въ ноябрѣ 1134 г. Князь Изъяславъ въ это время предпринялъ походъ изъ Новгорода, гдѣ княжилъ братъ его Всеволодъ Мстиславичъ, въ ростово-суздальскій удѣлъ своего соперника—Юрія Владиміровича. Новгородъ радъ былъ присоединиться къ племянникамъ противъ дядей, чтобы идти войной на ростово-суздальскую область, такъ какъ у новгородцевъ съ суздальцами происходили частые споры за пограничныя земли и дань, ими собираемую съ сѣверной чуди. Однако, въ Новгородѣ нашлись и

противники этой войны, почему тамъ возникли бурныя вѣча, во время которыхъ, по установившемуся обычаю, спорившія стороны, въ дополненіе къ словесной стычкѣ, сбрасывали другъ друга съ Волховскаго моста въ рѣку. Большинство, желавшее войны, одолѣло, и новгородцы подъ предводительствомъ князя Всеволода-Гавріила выступили въ походъ. Однако, участіе ихъ въ распрѣ Мстиславичей съ Мономаховичами кончилось неудачей. Новгородцы потерпѣли отъ суздальцевъ полное пораженіе на Ждановой горѣ и воротились въ 1134 г. домой, потерявъ въ битвѣ посадника своего Иванко. Битва эта произошла въ нынѣшней Владимірской губ. во время жестокихъ зимнихъ мятелей, 26 января. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Ярополкъ былъ разбитъ черниговскими князьями на берегахъ рѣки Супоя. Плѣнивъ знатнѣйшихъ бояръ, Ольговичи взяли и знамя великаго князя. Сынъ дочери Владиміра Мономаха Маріи и супруга ея, греческаго царевича Леона, Василько, былъ въ числѣ убитыхъ. Когда побѣдители, овладѣвъ потомъ нѣсколькими городами кіевской области, стали на берегахъ рѣчки Лыбеди, Ярополкъ, уже готовый къ защитѣ Кіева и вторичной битвѣ, ужаснулся, однако, новаго кровопролитія и предложилъ князьямъ заключить миръ. По этому миру Всеволодъ Ольговичъ добился цѣли своей: Курскъ и еще нѣкоторые важнѣйшіе города Посемья отошли снова отъ переяславскаго княженія къ черниговскому. Онъ состоялся на берегу рѣки Десны въ 1139 г. Князь Изъяславъ Мстиславичъ получилъ владиміро-волынскій удѣлъ, такъ какъ Ярополкъ перевелъ княжившаго тамъ брата своего Андрея въ Переяславль, снова отозвавъ оттуда Юрія суздальскаго. Между тѣмъ полочане, воспользовавшись отсутствіемъ Изъяслава, выгнали

5) Кулачный бой на Новгородскомъ вѣчѣ.

изъ своей земли брата его Святополка и признали княземъ своимъ вернувшагося тогда изъ Царьграда сына Рогвольда, Василько.

Когда, такимъ образомъ, сыновья Мстислава помирились съ дядьями своими, родовое соперничество Мономаховичей съ потомками Святослава Ярославича и его сыновей снова вступило въ силу. Князь новгородскій Всеволодъ Мстиславичъ, конечно, и новгородцевъ склонялъ на свою сторону противъ черниговскихъ Ольговичей.

Однако, въ Новгородѣ его враги теперь взяли верхъ, и на общемъ вѣчѣ съ Псковомъ и Ладогой рѣшили его лишить стола новгородскаго, ставя ему въ вину неудачу похода въ суздальскія владѣнія, а въ Новгородъ на княженіе призвать брата Всеволода Ольговича, Святослава. Всеволодъ Мстиславичъ *) былъ заключенъ со всѣмъ семействомъ подъ стражу на княжескомъ дворѣ и, какъ всегда, терпѣливо переносилъ свое несчастіе. Черезъ два мѣсяца его отпустили, и онъ нашелъ пріютъ въ Вышгородѣ, у Ярополка. Его приверженцы въ Новгородѣ, а особенно въ Псковѣ, благодарные ему за его славныя побѣды надъ хищной чудью, глубоко сожалѣли о добромъ князѣ. Они хотѣли убить Святослава Ольговича «стрѣлою», а когда это не удалось имъ, то убѣдили Всеволода пріѣхать изъ Вышгорода въ Псковъ, гдѣ дѣйствительно граждане встрѣтили его съ большимъ почетомъ. Новгородцы, узнавъ объ этомъ, подняли жестокій мятежъ и разграбили въ Новгородѣ домъ приверженцевъ Всеволода-Гавріила. Однако, псковичи обнаружили твердую рѣшимость его защищать. Они

*) Источники: Житіе св. князя Всеволода-Гавріила. Д. И. Иловайскій: Исторія Россіи. Н. Карамзинъ: Исторія Государства Россійскаго.

завалили дороги, ведущія къ Пскову изъ Новгорода, и новгородское ополченіе, подъ предводительствомъ Святослава Ольговича, съ половцами и курянами, увидѣвъ трудность пути, вернулось обратно. Такимъ образомъ, псковичи впервые получили своего особаго князя, что составляло давно предметъ ихъ желаній. Хотя Всеволодъ-Гавріилъ не болѣе года прокняжилъ въ Псковѣ, но, тѣмъ не менѣе, его управленіе надолго осталось въ народной памяти. Онъ всего себя отдалъ нуждамъ угнетенныхъ и бѣдняковъ: творилъ ежедневно судъ и расправу, призиралъ странниковъ, помогалъ болящимъ. Незадолго до своей кончины онъ, видя ветхость деревяннаго собора Св. Троицы, построеннаго еще св. княгиней Ольгою, заботливо перестроилъ его и воздвигъ недалеко новый храмъ Благовѣщенья Пр. Дѣвы Маріи, а близъ Кремлевской стѣны соорудилъ храмъ въ честь св. Димитрія Солунскаго, въ немъ приготовивъ мѣсто для своего погребенія. Въ четвергъ, на масляницѣ, въ 1137 г., онъ почувствовалъ приближеніе смерти, простился съ вѣрнымъ народомъ и пріобщился. Весь городъ—духовные и міряне, старцы и малыя дѣти, нищіе и болящіе—неутѣшно плакали о своемъ благодѣтелѣ. Существуетъ преданіе, что, когда раскаявшіеся новгородцы захотѣли взять къ себѣ тѣло своего князя, слишкомъ поздно понявъ, какого правителя они въ немъ лишились, то гробницу почившаго не могли стронуть съ мѣста. Тогда, согласно его завѣщанію, нетлѣнные останки благочестиваго князя были положены въ храмѣ св. Димитрія. А подлѣ поставили его оружіе—мечъ съ латинской надписью: «чести своей никому не отдамъ», и щитъ, къ сожалѣнью, затерянный. Черезъ 55 лѣтъ князь Всеволодъ-Гавріилъ, будто, явился во снѣ одному почтенному мужу

6) Картина: Храмъ Св. Троицы въ Псковѣ.

7) Картина: Явленіе ангела правителю римскаго города Солуня Дмитрію, брошенному въ темницу за проповѣдь Слова Божія.

*

и ему поручилъ передать свое желаніе клиру, чтобы мощи его перенесли въ соборъ Св. Троицы. Это было исполнено при псковскомъ князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ, въ 1193 г. Псковское княженіе послѣ Всеволода-Гавріила наслѣдовалъ изгнанный изъ Полоцка братъ его—Святополкъ Мстиславичъ.

Въ своемъ нападеніи на Псковъ Святославъ Ольговичъ, не довольствуясь помощью брата своего, князя курскаго Глѣба, вмѣстѣ съ нимъ призвалъ и свирѣпыхъ половцевъ, такъ что, храбро отстоявъ городъ свой и князя Всеволода-Гавріила, псковичи, въ то же время, спасли и всю сѣверную Русь отъ разоренія половецкой ордою. Князь новгородскій скоро былъ жестоко наказанъ за это свое покушеніе такъ безпощадно отомстить псковичамъ, не жалѣя русской земли.

Призвавъ*) къ себѣ въ князья одного изъ Ольговичей, новгородцы тѣмъ самымъ себя объявили врагами Мономаховичей, т. е. князя кіевскаго, смоленскаго и ростово-суздальскаго. Начавъ вслѣдствіе этого страдать отъ недостатка хлѣба съ прекращеніемъ его подвоза изъ вышеназванныхъ областей, они прогнали Святослава Ольговича съ безчестіемъ и призвали на новгородскій столъ старшаго сына Юрія суздальскаго—Ростислава, послѣ чего заключили миръ съ великимъ княземъ и псковитянами. Чтобы себя обезпечить отъ мести Ольговичей, новгородцы оставили у себя въ залогъ жену Святослава и нѣсколькихъ изъ его бояръ. Горестный Святославъ, разлученный съ женой, былъ на пути въ Черниговъ захваченъ въ плѣнъ жителями смоленской области

*) Источники: М. Грушевскій: «Очеркъ исторіи кіевской земли послѣ смерти Ярослава Мудраго». Н. Карамзинъ: Исторія Государства Россійскаго. Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи».

и запертъ въ монастырѣ, такъ какъ въ то время Ольговичи снова уже вели войну съ Мономаховичами. Въ 1138 г. эти безпокойные князья опять напали вмѣстѣ съ половцами на переяславскую область, гдѣ княжилъ Андрей Владиміровичъ, и пожгли много селеній на берегахъ рѣки Сулы. Не получивъ поддержки отъ братьевъ, уже распустившихъ войско, въ надеждѣ на миръ, Андрей Владиміровичъ покинулъ Переяславль, оставивъ его въ добычу врагамъ. Узнавъ о плѣненіи Святослава, Ольговичи еще болѣе ожесточились и стали какъ тигры свирѣпствовать въ южной Россіи, угрожая осадить Кіевъ. Они не хотѣли довольствоваться своей наслѣдственной областью и не могли равнодушно видѣть на столѣ кіевскомъ родъ Мономаха. Но Ярополкъ уже успѣлъ снова собрать сильное войско и подступилъ къ Чернигову. Къ нему на помощь явились, кромѣ братьевъ его и племянниковъ, князья: полоцкій—Василько и галицкій—Владимірко, сынъ Володаря, объединившій въ одно самостоятельное княжество земли Руси на юго-западѣ и сдѣлавшій ихъ средоточіемъ городъ Галичъ, на правомъ, возвышенномъ берегу Днѣстра. Съ нимъ пришло около тысячи конныхъ торковъ, иначе берендѣевъ, и венгры дали ему на помощь отрядъ своихъ воиновъ. Черниговцы ужаснулись, а Всеволодъ Ольговичъ, зная человѣколюбіе Ярополка, сталъ его умолять о заключеніи мира. Великодушный Ярополкъ дѣйствительно внялъ его мольбамъ и, не воспользовавшись превосходствомъ силъ своихъ, возвратился въ Кіевъ, взявъ только клятву съ Всеволода, что онъ не возобновитъ своихъ враждебныхъ дѣйствій. Послѣ этого мира, заключеннаго близъ города Моравійска, Ярополкъ III, князь крайне добрый и человѣколюбивый, скончался въ Кіевѣ, 18 февраля 1139 г.

Слѣдующій за нимъ братъ, Вячеславъ туровскій поспѣшилъ занять Кіевъ. Но онъ не пользовался ни любовью, ни уваженіемъ въ своемъ родѣ, а, кромѣ того, извѣстенъ былъ недостаткомъ мужества и слабоволіемъ. Потому предпріимчивый, честолюбивый черниговскій князь Всеволодъ Ольговичъ неожиданно появился подъ стѣнами Кіева и зажегъ его Копыревъ конецъ. Вячеславъ туровскій, уклонившись отъ борьбы съ нимъ, ушелъ въ свой удѣлъ. Всеволодъ съ торжествомъ занялъ тогда великокняжескій столъ: задалъ великолѣпный пиръ боярамъ и гражданамъ Кіева, одѣлилъ щедро церкви и монастыри, накормилъ нищихъ, дабы расположить къ себѣ духовенство и населеніе. Захватъ Кіева Всеволодомъ основывался лишь на силѣ и быстротѣ нападенія, предупредившаго осуществленіе кѣмъ-либо изъ братьевъ или сыновей Мстислава Владиміровича ихъ законныхъ правъ.

Картина: Изображеніе вел. князя Всеволода Ольговича.

Къ большому неудовольствію брата Игоря, Всеволодъ отдалъ Черниговъ не ему, а сыну покойнаго дяди своего Давида—Владиміру. Другому изъ сыновей его,—Изъяславу, онъ приказалъ вмѣстѣ съ галицкими князьями идти войной на области—туровскую и владиміро-волынскую. Самъ же напалъ на Андрея Владиміровича, въ Переяславлѣ, требуя, чтобы онъ перешелъ княжить въ Курскъ. Но Андрей рѣшительно отказался исполнить его желаніе и уступить свой наслѣдственный удѣлъ Святославу Олеговичу. Онъ обратилъ въ бѣгство дружину этого князя и побѣдой надъ нимъ заставилъ Всеволода отказаться отъ своихъ притязаній.

Гордый князь Владимірко галицкій тоже не захотѣлъ быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ великаго князя кіевскаго и вступилъ въ дружествен-

ный союзъ съ Изъяславомъ Мстиславичемъ вмѣсто того, чтобы биться съ нимъ. Не въ его видахъ было способствовать присоединенію снова сосѣдней съ нимъ владиміро-волынской области къ Кіеву. Тогда благоразумный Всеволодъ, желавшій согласить свое честолюбіе съ государственной тишиной, поспѣшилъ принять миролюбивыя предложенія Изъяслава Мстиславича съ Вячеславомъ и обѣщалъ оставить обоихъ въ покоѣ, не трогая ихъ наслѣдственныхъ областей. Но въ это время изъ Суздаля Юрій шелъ въ Смоленскъ, къ Ростиславу Мстиславичу, надѣясь войти черезъ него въ соглашеніе съ Изъяславомъ, и звалъ новгородцевъ на помощь для борьбы съ Всеволодомъ. Однако, думая больше о выгодахъ мирной торговли, нежели о чести Мономахова дома, новгородцы не захотѣли вооружиться. Разсерженный Юрій отозвалъ изъ Новгорода своего сына Ростислава и отнялъ у новгородцевъ городъ Торжокъ. Съ Изъяславомъ Мстиславичемъ, довѣрившимся дружелюбію Всеволода, онъ не сошелся въ мысляхъ, и они, послѣ посѣщенія его Изъяславомъ въ Суздалѣ, разстались врагами. Новгородцы не приняли къ себѣ княземъ сына Всеволодова, Святослава, прогнали отъ себя вторично послѣ ухода Ростислава Юрьевича и брата его Святослава Олеговича, но просили себѣ князя изъ рода Мономаха, — Святополка или Владиміра Мстиславичей.

Женатый на дочери Мстислава 1-го, Всеволодъ Олеговичъ тѣмъ легче привлекъ на свою сторону ея братьевъ противъ дядей и въ особенно тѣсный союзъ вступилъ съ храбрымъ и даровитымъ владиміро-волынскимъ княземъ Изъяславомъ Мстиславичемъ. Въ угоду ему и женѣ своей, онъ согласился пустить Святополка Мстиславича княжить въ Нов-

городъ, гдѣ уже снова сидѣлъ, призванный непостоянными новгородцами сынъ Юрія Владиміровича—Ростиславъ. Но, узнавъ о приближеніи Святополка псковскаго, они сначала заключили Ростислава подъ стражу, а потомъ отпустили его вторично къ отцу. Вскорѣ послѣ этого Изъяславъ имѣлъ выше упомянутое неудачное свиданіе съ Юріемъ суздальскимъ и съ своимъ братомъ Ростиславомъ смоленскимъ. Тутъ же онъ пировалъ въ Новгородѣ на свадьбѣ Святополка съ княжной моравской—родственницей богемскаго короля Владислава.

Новгородъ на время успокоился; его купеческія суда привозили изъ-за моря иноземные товары въ Россію. Въ 1142 г. новгородцы мужественно отразили флотъ шведскаго короля, выѣхавшаго на разбой съ шестьюдесятью ладьями. Финляндцы, дерзнувъ грабить Ладожскую область, были побиты жителями ея и данниками новгородцевъ,—карелами.

Въ это же время, къ общему огорченію, скончался въ Переяславлѣ добрый и мужественный князь Андрей Владиміровичъ. Вячеславъ, будучи его наслѣдникомъ, немедленно выѣхалъ туда, по призыву Всеволода Олеговича, назначившаго Туровъ своему сыну Святославу. Тогда Игорь и Святославъ Олеговичи объявили ему войну, страшно недовольные тѣмъ, что, давъ удѣлъ своему сыну, Всеволодъ не хочетъ предоставить имъ ни Новгородъ-Сѣверска, ни земли вятичей. Они заключили союзъ съ двоюродными братьями, князьями черниговскими, сыновьями Давида, и, оружіемъ стараясь пріобрѣсти себѣ выгодные удѣлы, напали на переяславскую область, какъ хищные половцы, предавая огню мирныя села. Они травили поля, захватывали вездѣ скотъ и товары. Робкій Вячеславъ бездѣйствовалъ въ Пе-

реяславлѣ, ожидая поддержки Всеволода изъ Кіева и своихъ храбрыхъ племянниковъ. Изъяславъ съ Ростиславомъ не замедлили поспѣшить къ нему на помощь изъ Волыни и Смоленска. Всеволодъ ему прислалъ отрядъ печенѣжской конницы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, призвалъ изъ монастырской келіи печерскаго подвижника, одного изъ сыновей своего дяди Давида Святославича, Николая Святошу, дабы онъ уговорилъ братьевъ своихъ прекратить войну. Увѣщанія Николая Святоши произвели желательное воздѣйствіе на Давидовичей; но они снова были крайне обижены тѣмъ, что Вячеславъ, предпочитая для себя болѣе безопасный и спокойный Туровъ, вернулся туда, по соглашенію съ Всеволодомъ и Изъяславомъ, занявшимъ Переяславль, между тѣмъ какъ сынъ Всеволода переведенъ былъ въ Владиміръ Волынскій. Можно предположить по ненарушимо дружескимъ отношеніямъ Изъяслава съ Всеволодомъ, что Всеволодъ обѣщалъ послѣ смерти своей передать кіевскій столъ Изъяславу, и одновременно Изъяславъ заключилъ договоръ съ Вячеславомъ о совмѣстномъ наслѣдованіи кіевскаго стола.—«Братъ нашъ», роптали Ольговичи, «окружилъ себя своими, ненавистными намъ, шурьями и дружитъ съ ними, намъ не давая ни одного богатаго города». Однако, ихъ старанія поссорить Всеволода съ Мстиславичами оставались тщетны. Великій князь не слушалъ злословія и хотѣлъ внутренняго спокойствія. Хотя Всеволодъ Олеговичъ продержался въ Кіевѣ до самой смерти, но, занятый постоянно заботой о своей безопасности, при тонкомъ разсчетѣ ссорить между собой своихъ родичей и сыновей Мстислава съ дядьми ихъ, онъ не могъ уже продолжать оказывать прежняго, неотразимаго вліянія князя кіевскаго на остальныя, даже самыя отда-

ленныя, области русской земли. На сѣверо-востокѣ начали жить своей обособленной государственной жизнью земли—ростово-суздальская и рязанская. На сѣверѣ Новгородъ пріобрѣлъ право призывать на свой столъ князей изъ той или другой княжеской вѣтви по своему усмотрѣнію, а посадниковъ у себя издавна ставилъ по своей волѣ. На сѣверо-западѣ полоцкая земля, съ возвращеніемъ собственныхъ князей, окончательно выдѣлялась изъ общаго состава Руси; а на юго-западѣ тоже совершенно особая жизнь складывалась въ Галиціи. Желая прекратить наслѣдственную вражду между потомствомъ Рогнѣды и Ярослава Мудраго, Всеволодъ женилъ сына своего на дочери князя полоцкаго-Василько, а Изъяславъ Мстиславичъ выдалъ дочь свою за Рогвольда Борисовича. Среди веселья, на свадебныхъ пиршествахъ, Всеволодъ убѣдилъ князей возстать общими силами на гордаго князя галицкаго—Владиміра, ставшаго послѣ смерти брата своего Ростислава и сыновей ослѣпленнаго Василька единовластнымъ правителемъ въ Галичѣ. Онъ собирался изгнать сына Всеволода изъ владиміро-волынской области и возвратилъ великому князю крестную или присяжную грамоту въ знакъ объявленія войны.

8) Картина: Приготовленіе къ вѣнцу.

Карпаты искони составляли прочную грань между средней и восточной Европою. Объ ихъ вершинахъ и склонахъ, какъ о гнѣздѣ разселенія доисторической, первобытной славянской народности, мы уже своевременно и достаточно говорили. Галицкая земля раскинулась на сѣверо-восточныхъ отрогахъ Карпатскихъ горъ, орошаемыхъ многочисленными притоками Вислы, Днѣстра и Прута. Эта возвышенная страна, богатая всякаго рода естественными произведеніями растительнаго, животнаго и минеральнаго царства,

являлась едва ли не самымъ благодатнымъ краемъ древней Руси и особенно славилась своими соляными копями. Она занимала выгодное положеніе между Волынью и Кіевомъ, съ одной стороны; Венгріей, Византіей и Польшей, съ другой. Населеніе ея составляла вѣтвь южно-русскаго племени, носившаго въ древности имя хорватовъ. Отъ Венгерскаго королевства Галицію отдѣляли лѣсистыя скалы и горныя ущелья, замыкаемыя крѣпкими русскими городами, какъ напримѣръ: Коламыя, въ верхнемъ теченіи Прута, извѣстная своею солью. Въ сѣверной части Галиціи находились на рѣкѣ Санѣ: Перемышль, отнятый у ляховъ Владиміромъ Св., и Ярославль; Теребоволь на Серетѣ, лѣвомъ притокѣ Днѣстра, на пограничной чертѣ съ Волынью и тутъ же Звенигородъ—удѣлъ ослѣпленнаго Василька. Освобожденный изъ польскаго плѣна, Володарь умеръ въ 1124 г. Воспользовавшись смертью родного брата и двухъ двоюродныхъ, Владимірко соединилъ въ своихъ рукахъ оба удѣла: теребовольскій и перемышльскій, а столицу свою утвердилъ, какъ уже было сказано, въ Галичѣ. Много ума и ловкости было нужно, чтобъ укрѣпить и расширить княжество, окруженное со всѣхъ сторонъ сильными врагами, какими были: на западѣ-венгры и поляки, а на востокѣ—русскіе князья соперники. Борьба Мономаховичей съ Ольговичами изъ за кіевскаго стола представила для Владимірка удобный случай не только освободиться совсѣмъ отъ подчиненія Кіеву, но и завладѣть нѣсколькими сосѣдними волынскими городами. Утвердившись на кіевскомъ столѣ, Всеволодъ велѣлъ сыну Святославу вмѣстѣ съ Изъяславомъ Давидовичемъ и княземъ Владиміркомъ галицкимъ идти умиротворять Польшу, гдѣ краковскій князь и король Владиславъ II, отецъ зятя Всеволода, Боле-

слава Высокаго, женатаго на его дочери Звениславѣ, ссорился съ меньшими братьями—сыновьями польскаго короля Болеслава Кривоустаго, имѣвшими на своей сторонѣ польскихъ вельможъ и духовныхъ сановниковъ. Польскій король Болеславъ III Кривоустый, скончавшійся въ 1139 г., успѣшно воевалъ съ чехами и далъ отпоръ притязаніямъ Германской имперіи на зависимость отъ нея Польши. Онъ знаменитъ своею борьбой съ языческими племенами поморскихъ славянъ, противъ которыхъ предпринималъ походы въ союзѣ съ датчанами. Ему удалось утвердить среди нѣкоторыхъ изъ нихъ христіанскую церковь. Завоеваніемъ Поморья Болеславъ Кривоустый вознаградилъ себя за потерю Червонной Руси и Моравіи. Женатый на дочери русскаго князя Святополка—Михаила, онъ себя считалъ вправѣ вмѣшиваться, когда представлялась къ тому возможность, въ дѣла Руси на пользу его потомства.

Въ благодарность за оказанную ему помощь Владиславъ тоже помогалъ Всеволоду въ его борьбѣ съ Владиміркомъ галицкимъ, не смотря на то, что русскіе вывели изъ польскихъ земель плѣнниками множество мирныхъ ляховъ. Только уже послѣ смерти Всеволода, Владиславъ окончательно былъ изгнанъ братьями своими изъ Польши. Водворившаяся въ ней удѣльная система ослабила ея государственное значенье и слишкомъ на полтора столѣтія задержала распространеніе польскихъ предѣловъ на востокъ, такъ что сосѣднія русскія княжества, особенно Волынь и Галиція, въ теченіе этого времени могли развиваться безъ особой помѣхи со стороны Польши.

Въ 1144 г. Всеволодъ Ольговичъ съ братьями и Мономаховичами, а также съ наемными половцами, выступилъ въ походъ противъ князя Владимірка, не-

довольнаго вокняженіемъ въ Волыни Святослава Всеволодовича. Соединясь съ воеводою новгородскимъ и польскимъ герцогомъ Владиславомъ, они пошли къ Теребовлю. Услышавъ грозную вѣсть, Владимірко призвалъ къ себѣ на помощь дядю венгерскаго короля Гейзы. Обѣ рати сошлись подъ Звенигородомъ. Но, вмѣсто того, чтобы вступить съ непріятелемъ въ битву, Всеволодъ хитро обманулъ его и, зайдя Владимірку въ тылъ, отрѣзалъ его отъ Перемышля и Галича. Тогда, не имѣя надежды сбить многочисленное войско съ неприступнаго мѣста, Владимірко вступилъ въ переговоры съ братомъ Всеволода—Игоремъ, обѣщая ему помочь наслѣдовать кіевскій столъ отъ старшаго брата, если онъ помиритъ его съ Всеволодомъ. Всеволодъ тайно уже обѣщалъ Игорю это наслѣдіе, только скрывалъ свое обѣщаніе, чтобы не нарушать добрыхъ отношеній съ Мстиславичами. Теперь Игорь сказалъ ему:—«Ты, вѣдь, хочешь сдѣлать меня наслѣдникомъ кіевскаго стола, такъ оставь же мнѣ благодарнаго, могущественнаго союзника». Тогда Всеволодъ обнялъ галицкаго князя, какъ друга, и заключилъ съ нимъ миръ, лишь подъ условіемъ уплаты ему 1400 гривенъ серебра, добросовѣстно имъ раздѣленныхъ съ союзниками.

Однако, скоро война возобновилась. Изъ рода Володаря у Владимірка оставался въ живыхъ одинъ племянникъ: звенигородскій князь Иванъ Ростиславичъ. Недовольные строгостью и самовластіемъ Владимірка, галичане вздумали посадить его своимъ княземъ, пока Владимірко былъ на охотѣ. Эта попытка ихъ, однако, не удалась. Иванъ Ростиславичъ, осажденный Владимиркомъ, бѣжалъ изъ Галича въ Кіевъ, къ Всеволоду. А Владимірко, заставивъ галичанъ себѣ отворить ворота, жестоко казнилъ зачинщиковъ мя-

тежа, звенигородскій же удѣлъ племянника взялъ себѣ,—послѣ чего въ галицкой землѣ утвердилось полное единовластіе. Всеволодъ предпринялъ второй походъ противъ Владимірка для защиты правъ нашедшаго у него убѣжище Ивана Ростиславича. Но, на этотъ разъ, собранная имъ рать, вслѣдствіе сильной распутицы, съ трудомъ добралась до Звенигорода и сожгла только внѣшній его острогъ. Подъ угрозами воеводы Владимірка, граждане Звенигорода, несмотря на все желаніе свое вернуть себѣ прежняго князя, отчаянно оборонялись, потушили пожаръ и отбили всѣ приступы. Чувствуя себя, кромѣ того, больнымъ, Всеволодъ отступилъ и скоро вернулся въ Кіевъ.

9) Картина: Осада города на Руси въ древнія времена.

Въ 1145 г. Всеволодъ Ольговичъ открылъ свои карты. Вѣроятно, въ ожиданіи близкой смерти, онъ счелъ нужнымъ заранѣе объявить свое завѣщаніе, имѣвшее нѣкоторый вѣсъ при распредѣленіи княжескихъ столовъ.

Для этой цѣли имъ собраны были въ Кіевѣ всѣ наиболѣе значительные князья южной Руси, которымъ онъ объявилъ, что, по примѣру Владиміра Мономаха и Мстислава I-го, хочетъ еще при жизни своей привести ихъ къ присягѣ своему преемнику, брату Игорю. Обманутый въ надеждахъ своихъ, Изъяславъ Мстиславичъ, хотя и многое замышлялъ, но счелъ за лучшее отложить свои притязанія до болѣе удобнаго времени, а пока поцѣловалъ крестъ вмѣстѣ съ другими Игорю, какъ будущему великому князю. Однако, эту присягу не подкрѣпляло народное расположеніе, что и сказалось сейчасъ послѣ смерти Всеволода. Захватъ имъ Кіева былъ очень непріятенъ кіевлянамъ, и они покорились ему, только чтобъ не подвергать страну разоренію. За время же княженія Всеволода, Ольговичи

черниговскіе не только не съумѣли пріобрѣсти расположеніе кіевлянъ, но еще болѣе оттолкнули ихъ отъ себя. Народъ былъ сердитъ на княжескихъ тіуновъ, а кіевское боярство роптало на преобладаніе черниговскихъ пришлыхъ бояръ. Въ 1146 г., хворая, Всеволодъ приказалъ отвезти себя въ Вышгородъ, гдѣ надѣялся получить облегченіе у мощей св. Бориса и Глѣба. Тамъ онъ и скончался. Его похоронили въ храмѣ этихъ любимыхъ русскихъ святыхъ, братьевъ-мучениковъ. Всеволодомъ былъ заложенъ въ Кіевѣ, за Подоломъ, по дорогѣ въ Вышгородъ, монастырь во имя св. Кирилла, гдѣ сохранилась до нашего времени древняя стѣнопись, изображающая событія изъ житія святаго, нами уже указанная, въ 1-мъ выпускѣ 2-ой части нашей исторіи.

10) Картина: Изображеніе древней стѣнописи.

Всеволодъ былъ князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобія, отчасти государственными благодѣяніями. Достигнувъ престола кіевскаго, онъ хотѣлъ тишины: управлялъ съ твердостью и любилъ справедливость. Онъ былъ лучшимъ княземъ изъ всего мятежнаго рода Олега Святославича.

Когда Игорь, согласно завѣщанію брата и присягѣ всѣхъ остальныхъ князей, занялъ кіевскій столъ, кіевляне, собравшись на Подолѣ, послали звать Игоря къ себѣ на вѣче. Святославъ Ольговичъ поѣхалъ впередъ спросить народъ, въ чемъ собственно дѣло? и чего они хотятъ?—«Правосудія!» отвѣчалъ народъ.—«Тіуны Всеволодовы угнетали слабыхъ. Ратша опустошилъ Кіевъ, а Тудоръ—Вышгородъ. Дайте намъ клятву, что вы сами будете насъ судить, или изберете вмѣсто себя достойнѣйшихъ». Тогда Игорь и Святославъ поцѣловали крестъ на томъ, что великій князь будетъ соблюдать правду. Но все же

чернь не успокоилась, а пошла грабить домъ ненавистнаго Ратши, и Святославъ съ дружиной едва могъ возстановить порядокъ. Такое начало не предвѣщало ничего хорошаго. Игорь значительно уступалъ въ дарованіяхъ старшему брату, а, кромѣ того, не исполнилъ даннаго слова, и хищники оставались тіунами. Сторонники Мономаховичей, во главѣ со старыми кіевскими боярами, послали звать на кіевскій столъ Изъяслава Мстиславича (въ крещеніи Пантелеймона). Изъяславъ выступилъ изъ Переяславля съ благословенія епископа переяславскаго и у Заруба перешелъ Днѣпръ. Здѣсь соединились съ нимъ обитатели Поросья,—такъ называемые «Черные Клобуки». Это были остатки печенѣговъ и торковъ, поселенныхъ прежними князьями по рѣкѣ Роси, съ обязанностью оберегать кіевскіе предѣлы отъ степныхъ дикарей. Черными Клобуками они прозваны вслѣдствіе своихъ высокихъ бараньихъ шапокъ. Иначе ихъ называли еще берендѣями.

Едва показались полки Изъяслава, какъ кіевская рать, расположившаяся особо отъ княжескихъ дружинъ, на урочищѣ, называвшемся Олеговою Могилой, перешла на ихъ сторону. Но, несмотря на эту измѣну, братья князья — Игорь, Святославъ и съ ними сынъ Всеволода, — смѣло вступили въ битву. Однако, ихъ дружины попали въ неудобное мѣсто, пересѣченное оврагами и болотами. Черные Клобуки имъ заѣхали въ тылъ, а Изъяславъ ударилъ въ бокъ. Святославъ Ольговичъ одинъ успѣлъ перебраться за Днѣпръ и уйти въ свой Новгородъ-Сѣверскъ. Великій князь Игорь во время бѣгства увязъ въ болотѣ и взятъ былъ въ плѣнъ. Его отослали въ Переяславль, гдѣ заключили въ монастырскій порубъ. Святославъ Всеволодовичъ укрыл-

Собственность Т. П. Мятлевой.

Голодъ въ Новгородѣ. *(Къ 12 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Свиданіе князя Юрія Суздальскаго въ Москвѣ съ Святославомъ Олеговичемъ и его сыномъ. *(Къ 38 стр.)*

ся въ кіевскомъ монастырѣ св. Ирины. Представленный Изъяславу, онъ былъ обласканъ имъ, какъ сынъ его родной сестры и принятъ въ Кіевѣ на правахъ равныхъ съ собственными его сыновьями.

Соперничество князей изъ-за кіевскаго стола неизбѣжно заставляло ихъ дѣлать разныя поблажки страстямъ и порывамъ толпы, чтобъ за собой упрочить народное расположеніе, а потому кіевляне начали проявлять необузданное своеволіе и заодно съ побѣдителями принялись грабить имущество разбогатѣвшихъ дружинниковъ Всеволода и Игоря. Такъ началось недолговременное, но обильное событіями княженіе Изъяслава Мстиславича въ Кіевѣ, съ 1146—1154 г.

Глава II-ая.

Вокняженіе въ Кіевѣ Изъяслава Мстиславича. Черниговскіе князья и убійство Игоря Ольговича въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ. Борьба Изъяслава II съ Юріемъ Владиміровичемъ суздальскимъ и старый князь Вячеславъ Владиміровичъ. Князь галицкій Владимірко, союзникъ Юрія Долгорукова *).

По вокняженіи Изъяслава въ Кіевѣ, старый князь Вячеславъ Владиміровичъ, помня свой уговоръ съ племянникомъ, поспѣшилъ проявить и свои великокняжескія права, самовольно отдавъ волынскій удѣлъ, гдѣ княжилъ Святославъ Всеволодовичъ, другому племяннику своему, Владиміру Андреевичу. Но Изъяславъ хотѣлъ оставить Волынь за собою, и

*) Источники: М. Грушевскій: «Очеркъ кіевской земли послѣ смерти Ярослава Мудраго». Н. Карамзинъ: «Исторія государства Россійскаго». Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи».

не торопился осуществить свое обѣщаніе по отношенію къ старому дядѣ. Онъ очень разсердился на самоуправство увлекшагося своей радостью Вячеслава: отнялъ Волынь у Владиміра, а его самого перевелъ изъ Турова въ Пересопицу, такъ какъ Туровъ назначилъ въ удѣлъ сыну своему—Ярославу. Острый вооруженный споръ о старшинствѣ въ княжескихъ родахъ русской земли особенно рѣзко выразился упорной борьбой за кіевскій столъ между братомъ Мстислава I-го — Юріемъ суздальскимъ и его сыномъ Изъяславомъ Мстиславичемъ. Юрій суздальскій себѣ получилъ союзника въ лицѣ князя Новгородъ-Сѣверскаго, Святослава Олеговича. Этотъ князь призывалъ его на кіевскій столъ при условіи освобожденія изъ плѣна и монастырскаго поруба брата своего Игоря. Прежде онъ пригласилъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, черниговскихъ князей—Изъяслава и Владиміра Давидовичей, общими силами заступиться за Игоря. Но эти князья опасались, что Игорь, освободившись, потребуетъ себѣ Чернигова, а потому бездѣйствовали. Имъ хотѣлось и у Святослава Олеговича отнять Новгородъ-Сѣверскій. Тогда Святославъ, по гибельному обычаю древне-русскихъ князей, обратился, во-первыхъ, къ помощи своихъ степныхъ сосѣдей—половцевъ. Онъ въ юности былъ женатъ на дочери одного уже умершаго хана, — и два его брата прислали ему тотчасъ же 300 всадниковъ. Различные, обдѣленные старшими родичами, младшіе князья, тоже къ нему примкнули — и, между ними, вышеупомянутый Иванъ Ростиславичъ, племянникъ галицкаго князя Владимірка, прозванный Берладникомъ.

Кстати, замѣтимъ здѣсь, что рѣка Днѣстръ служила главнымъ жизненнымъ нервомъ и торговымъ

путемъ для всей галицкой земли, соединяя ее съ Чернымъ моремъ. Особенно много сплавлялось по ней судовъ, нагруженныхъ солью, важнѣйшимъ, какъ мы сказали, произведеніемъ нагорной Галиціи, которымъ она, между прочимъ, снабжала Кіевъ. Ниже Галича, по Днѣстру, лежали многіе города, большей частью, на лѣвой, низменной сторонѣ рѣки, называемой Понизьемъ (теперь Подольемъ) въ отличіе отъ нагорной стороны—Перемышльской. Оно лежало на пограничьи съ половецкой степью. На югѣ галицкія поселенья, или зависимыя отъ Галича, встрѣчались тоже по притокамъ Дуная: Пруту и Серету, до самыхъ Дунайскихъ устьевъ, соприкасаясь, такимъ образомъ, съ землями болгаръ и волоховъ. Залегавшая здѣсь полустепная полоса нерѣдко служила воротами для кочевниковъ во время ихъ набѣговъ въ придунайскія области, а потому, конечно, была мало населена. Изъ городовъ ея наиболѣе извѣстенъ Берладъ, между Прутомъ и Серетомъ; а на самомъ Дунаѣ лежалъ торговый городъ: Малый Галичъ (нынѣ Галацъ), служившій складочнымъ мѣстомъ товаровъ, шедшихъ изъ Руси, Венгріи, Болгаріи и Византіи. Эта южная полоса со столицей своей Берладомъ иногда составляла отдѣльный удѣлъ Галицкой земли.

Иванъ Ростиславичъ тамъ княжилъ, изгнанный изъ Звенигорода. Сохранилась грамота, данная имъ болгарскимъ купцамъ на Черномъ морѣ въ 1134 г. Въ этой грамотѣ онъ—князь Берладскій, освобождаетъ названныхъ купцовъ отъ мыта (пошлины) при складѣ привозимыхъ ими товаровъ въ Маломъ Галичѣ. Но при вывозѣ ихъ, купленныхъ въ земляхъ русской, венгерской и чешской, они должны платить мытъ.

*

Вотъ этотъ Иванъ Берладникъ вступилъ на службу Святослава Олеговича съ отрядомъ южнорусской вольницы, такъ какъ городъ Берладъ, между прочимъ, служилъ притономъ болгарскимъ и русскимъ бѣглецамъ. Но самымъ главнымъ и важнымъ по своему значенію союзникомъ Святослава явился князь ростово-суздальскій Юрій Владиміровичъ. Хорошо понимая это, Изъяславъ Мстиславичъ постарался отвлечь вниманіе и силы Юрія въ другую сторону. Онъ поспѣшилъ послать гонца въ Рязань, къ своему другу, князю рязанскому Ростиславу Ярославичу, двоюродному брату Святослава Олеговича,— съ просьбой, чтобъ тотъ напалъ на сосѣднюю съ нимъ землю суздальскую. Рязанскій князь исполнилъ эту просьбу, и Юрій повернулъ отъ Козельска обратно, пославъ для борьбы съ Изъяславомъ своего сына Іоанна съ малымъ отрядомъ. Между тѣмъ, братья Давидовичи уже осадили Новгородъ-Сѣверскій. Но всѣ ихъ приступы были отбиты, такъ что они, въ досадѣ, грабили только окрестныя села съ богатыми хозяйственными запасами Ольговичей и угоняли огромные табуны ихъ коней. Осада ими Путивля была также безуспѣшна, пока не пришелъ съ своими полками самъ князь Изъяславъ Мстиславичъ. Ему, какъ великому князю, граждане Путивля открыли ворота съ тѣмъ, чтобы онъ жителей не отдавалъ въ полонъ ратнымъ людямъ. Святославъ Ольговичъ, посовѣтовавшись съ своими союзниками, рѣшилъ уйти изъ Новгородъ-Сѣверска въ брянскіе лѣса и въ Карачево, чтобы тамъ ожидать прихода Юрія суздальскаго. Тогда Изъяславъ Давидовичъ, боясь упустить изъ рукъ двоюроднаго брата, одинъ, налегкѣ, безъ обоза, взявъ у великаго князя часть его дружины, съ 300-ми конныхъ воиновъ помчался

11) Картина: Ночью въ степи.

въ Карачевъ. Но тамъ потерпѣлъ постыдное пораженіе отъ Святослава и ни съ чѣмъ вернулся къ великому князю. Разбивъ его отрядъ, Святославъ ушелъ дальше, въ землю вятичей, находившуюся въ зависимости отъ князей черниговскихъ, между тѣмъ какъ Изъяславъ Мстиславичъ самъ пошелъ къ Карачеву. Онъ не сталъ, однако, преслѣдовать князя Новгородъ-Сѣверскаго по лѣснымъ дебрямъ и возвратился въ Кіевъ.

12) Картина: Лѣсныя дебри (художника Шишкина).

Черниговскіе князья изгнали Святослава Олеговича изъ Брянска и Козельска; не постыдились подкупать вятичей, чтобы тѣ постарались убить гонимаго ими князя. Друзья начали оставлять его, и въ числѣ ихъ былъ Иванъ Берладникъ. Онъ не захотѣлъ болѣе съ нимъ скитаться; взялъ плату за свою службу и перешелъ къ смоленскому князю. Только князь Владиміръ рязанскій, племянникъ дружественнаго Изъяславу Ростислава Ярославича, и сынъ Юрія—Іоаннъ, усердно дѣлили его труды и безпокойство. Святославъ глубоко, неутѣшно скорбѣлъ, когда послѣдній скончался. Князь суздальскій, одолѣвъ рязанскаго князя, союзника Изъяслава, предпринялъ походъ на новгородскую и смоленскую волости, гдѣ княжили тоже братья Мстиславичи. Пославъ весною 1147 г. на помощь Святославу хорошо вооруженную бѣлоозерскую дружину, Юрій поручилъ ему разорить смоленскую область по рѣкѣ Протвѣ. И Святославъ оттуда вывелъ большой полонъ, а потомъ началъ тѣснить Давидовичей, подкрѣпленный свѣжими силами ему родственныхъ половецкихъ хановъ. Тогда черниговскіе князья отступили къ Чернигову. По приглашенію князя суздальскаго, Святославъ отправился на свиданіе съ нимъ во вновь построенный Юріемъ среди глухихъ лѣ-

совъ городокъ Москву. Онъ выросъ на берегу рѣки Москвы, на мѣстѣ села Кучкова, принадлежавшаго одному боярину Кучка, казненному за какую-то дерзость Юріемъ. Потомъ, однако, онъ женилъ сына Андрея на дочери того боярина, отличавшейся красотой. Потому Москва долгое время именовалась Кучковомъ. Находилась она на пограничной чертѣ владѣній: черниговскихъ, суздальскихъ и рязанскихъ. Святославъ Олеговичъ впереди себя послалъ своего сына—Олега, и тотъ привезъ князю суздальскому въ подарокъ красивую шкуру барса. Свиданіе князей сопровождалось веселыми пирами, причемъ гость и его дружина были щедро одѣлены подарками. Укрѣпивъ свой союзъ съ княземъ суздальскимъ, Святославъ изъ Москвы воротился въ землю вятичей. На помощь ему Юрій прислалъ съ дружиной другого сына своего, Глѣба. Кромѣ того, вмѣстѣ съ новыми толпами половцевъ подъ его стяги пришли вольные ратники изъ южно-русскихъ степей, такъ называвшіеся тогда «бродники»: несомнѣнно, предшественники знаменитыхъ впослѣдствіи казацкихъ дружинъ.

13) Картина: Свиданіе Юрія князя суздальскаго въ Москвѣ съ Святославомъ Олеговичемъ и его сыномъ.

Давидовичи, увидѣвъ, что Святославъ отбираетъ у нихъ вятскую землю, прогнавъ ихъ посадниковъ изъ Брянска и Мценска, рѣшили вступить съ нимъ въ переговоры черезъ его племянника Святослава Всеволодовича. Оставленный Изъяславомъ при войскѣ Давидовичей, онъ, хотя и обласканный великимъ княземъ кіевскимъ и получившій отъ него хорошія волости, все же поддался родственнымъ чувствамъ. Еще ранѣе того онъ имѣлъ сношенія съ дядей Святославомъ, тайно его извѣщая о всѣхъ движеніяхъ непріятельскихъ войскъ. Тѣмъ временемъ, князь-узникъ Игорь Олеговичъ сильно заболѣлъ въ порубѣ

Переяславскаго монастыря и едва живой былъ оттуда выпущенъ Изъяславомъ для того, чтобы принять схиму въ кіевскомъ Ѳеодоровомъ монастырѣ. Потому онъ болѣе не былъ опасенъ братьямъ Давидовичамъ, своимъ правомъ на столъ въ Черниговѣ, какъ отрекшійся отъ земного міра. Они возвратили Святославу всѣ земли, у него ими отнятыя, и сговорились схватить Изъяслава Мстиславича, вѣроломно его заманивъ къ себѣ на восточный берегъ Днѣпра. Съ этою цѣлью посланы были отъ нихъ гонцы въ Кіевъ звать великаго князя на помощь.

Тѣмъ временемъ, Изъяславъ II сдѣлалъ попытку внести въ русскую Церковь болѣе независимое отношеніе къ Византіи. Онъ созвалъ въ Кіевъ епископовъ и поручилъ имъ поставить митрополитомъ инока пещернаго зарубскаго монастыря Климента Смолятича, отличавшагося своей книжной ученостью. Однако, мнѣнія епископовъ раздѣлились. Часть ихъ утверждала, что имъ нельзя поставить митрополита безъ благословенія царьградскаго патріарха. Особенно не соглашались на это епископы: смоленскій—Мануилъ—родомъ изъ грековъ, и новгородскій Нифонтъ, за что они и подверглись гоненію со стороны великаго князя. Климентъ Смолятичъ все же провозглашенъ былъ митрополитомъ въ Кіевѣ, получивъ благословеніе головою св. Климента, привезенной Владиміромъ-Красное солнышко изъ Корсуни. Распустивъ соборъ и возобновивъ мирный договоръ съ половцами, Изъяславъ Мстиславичъ предполагалъ насладиться спокойствіемъ, ничего не зная о вѣроломствѣ Давидовичей. Но, когда тѣ прислали къ нему гонцевъ за помощью противъ Юрія, онъ немедленно рѣшилъ отправиться на ихъ зовъ, не слушая возраженій старшихъ своихъ бояръ, совѣтовавшихъ ему

остерегаться черниговскихъ князей, всегдашнихъ враговъ рода Мономаха. Его не остановило даже противодѣйствіе собраннаго имъ вѣча, отказавшаго ему въ своемъ согласіи на этотъ походъ противъ Мономаховича, для поддержки Давидовичей. Изъяславъ, желавшій во что бы то ни стало доканать Юрія съ Святославомъ, все же не измѣнилъ своего намѣренія и, легко набравъ подъ свои стяги отрядъ добровольцевъ, извѣстивъ брата Ростислава смоленскаго, чтобы тотъ выступалъ противъ Юрія и явился къ нему на помощь въ суздальской области, покинулъ Кіевъ. Онъ сдалъ управленіе имъ на руки брата—Владиміра Мстиславича, до своего возвращенія.

Однако, на чернигово-сѣверской сторонѣ Днѣпра Изъяславъ, благодаря одному боярину кіевскому—Улѣбу, скоро узналъ объ измѣнѣ Давидовичей, что его побудило сосредоточить силы свои въ ихъ владѣніяхъ на югѣ, вмѣсто того, чтобы продолжать свой походъ на сѣверъ. Онъ вынудилъ черниговскихъ князей признаться, что они цѣловали крестъ Святославу Олеговичу, какъ будто по той причинѣ, что очень жалѣли Игоря, находящагося въ плѣну у Изъяслава, послѣ чего, глубоко возмущенный, послалъ гонцовъ въ Кіевъ за подкрѣпленіемъ для своей небольшой дружины и немногочисленнаго отряда вольныхъ ратниковъ изъ кіевлянъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ походъ. Онъ легкомысленно приказалъ главному своему послу объявить всенародно у собора Св. Софіи объ измѣнѣ князей черниговскихъ въ такихъ выраженіяхъ, чтобы живѣй возбудить въ кіевлянахъ ихъ старую ненависть къ потомкамъ Олега и Давида Святославичей. Подобная мѣра, имъ принятая ради большей вѣрности и быстроты выступленія кіевлянъ на помощь къ своему великому князю, повлекла за собой

14) Картина: Волненіе кіевлянъ на площади храма Св. Софіи при извѣстіи объ измѣнѣ князей черниговскихъ.

весьма нежелательныя послѣдствія. Одинъ человѣкъ среди заволновавшагося народа вдругъ выкрикнулъ, что какъ при Изъяславѣ Ярославичѣ, недобрые люди, въ его отсутствіе, выведя Всеслава полоцкаго изъ поруба, посадили его на кіевскій столъ, такъ и теперь можетъ то же случиться съ Игоремъ Ольговичемъ, врагомъ ихъ князя, который даже не въ порубѣ сидитъ, а въ монастырѣ св. Ѳеодора.—«Прежде убьемъ его, а потомъ пойдемъ на князей черниговскихъ!»—закончилъ онъ. Рѣчь эта была искрою, брошенною на порохъ. Тщетно князь Владиміръ Мстиславичъ убѣждалъ народъ, что Игорь находится подъ крѣпкой стражей,—кіевляне его не слушали. Митрополитъ и тысяцкій Лазарь одинаково не могли удержать толпу. Она съ крикомъ отъ Софійской площади повалила прямо въ Ѳеодоровскій монастырь. Владиміру Мстиславичу, за тѣснотой, на мосту не удалось на конѣ опередить народъ, и онъ поскакалъ спасать князя Игоря къ монастырю въ объѣздъ. Но, когда подъѣхалъ къ его воротамъ, уже было поздно: толпа влекла за собой князя схимника, заставъ его на молитвѣ въ келіи. Съ него была сорвана не только иноческая мантія, но и свита. Молодой князь, соскочивъ съ коня, прикрылъ несчастнаго собственнымъ корзномъ. Проходя мимо двора старой вдовствующей княгини-матери своей, Владиміръ, съ помощью одного боярина Михаила, отнялъ-было Игоря у обезумѣвшихъ кіевлянъ, сорвавшихъ въ схваткѣ съ шеи Михаила золотой крестъ вмѣстѣ съ цѣпью, и, бросившись во дворъ, заперъ ворота. Однако, это не спасло злосчастнаго князя инока: разсвирѣпѣвшая толпа выломила ворота и чуть не убила самого князя Владиміра, пытавшагося защитить Игоря отъ побоевъ. Къ ногамъ страдальца привязали веревку и потащили

15) Картина: Убіеніе князя инока Игоря.

его на княжій дворъ, гдѣ и прикончили. Затѣмъ положили трупъ на телѣгу и отвезли на Подолъ, а тамъ бросили на Торговой площади. Это черное дѣло происходило въ пятницу, 19 сентября 1147 г.

Изъяславъ былъ въ отчаяніи, когда узналъ о совершившемся злодѣяніи. Со слезами онъ жаловался дружинѣ, что его обвинятъ въ этомъ убійствѣ, какъ совершившемся по его, будто бы, наущенію. Печальный, онъ возвратился въ Кіевъ, но не рѣшился тамъ наказать зачинщиковъ своевольной, жестокой расправы, боясь народнаго неудовольствія.

Послѣ этого, война съ Ольговичами и Давидовичами еще продолжалась нѣкоторое время. Курскъ, гдѣ княжилъ сынъ Изъяслава—Мстиславъ, и еще нѣкоторые другіе города по рѣкѣ Семи, добровольно поддались находившемуся при войскѣ Святослава сыну Юрія, Глѣбу, такъ какъ жители ихъ не хотѣли обнажать меча противъ Мономахова рода. Но, тѣмъ не менѣе, Святославъ и Глѣбъ не могли склонить ни одного города остальной кіевской области къ измѣнѣ великому князю. Заслышавъ, что онъ идетъ, соединившись съ ратями Ростислава смоленскаго и Вячеслава туровскаго, овладѣвая черниговскими городами, и, между прочимъ, взявъ самый крѣпкій изъ нихъ—Всеволожь, Святославъ съ Давидовичами отступилъ въ Черниговъ, между тѣмъ какъ Глѣбъ Юрьевичъ занялъ удѣльный городъ отца — Остеръ. Изъяславъ осадилъ его тамъ и заставилъ смириться, а затѣмъ сталъ близъ Чернигова, на Олеговомъ полѣ, предлагая врагамъ своимъ битву. Но тѣ не рѣшались принять ее, пока Изъяславъ не направился къ городу Любечу, гдѣ находились всѣ ихъ запасы. На этотъ разъ ему помогали и полки венгерскіе. Не видя иного исхода, чернигово-сѣверскіе князья и

Святославъ Всеволодовичъ, въ союзѣ съ князьями рязанскими, соединенными силами двинулись противъ него. Но необычайная въ серединѣ зимы оттепель съ сильнымъ дождемъ прервала сраженіе въ самомъ началѣ. Днѣпръ тронулся, и Изъяславъ Мстиславичъ едва успѣлъ переправиться со своимъ войскомъ на другой берегъ его, а послѣдовавшіе за нимъ венгры во множествѣ потонули на подломившемся льду. Между тѣмъ Юрій суздальскій оставался на сѣверѣ, только тревожа Новгородъ, но не идя на помощь Глѣбу съ его союзниками. Напрасно эти князья, тѣснимые Изъяславомъ, послали къ нему посольство съ упрекомъ, что онъ оставляетъ враговъ обращать въ пепелъ ихъ города по Днѣпру и за Десною, вопреки крестному цѣлованію—и предупредили его, что, если онъ не поможетъ имъ, то они прибѣгнутъ къ великодушію сильнѣйшаго непріятеля. Юрій опять прислалъ на помогу черниговскимъ князьямъ другого сына своего, бывшаго новгородскаго князя Ростислава. Но тотъ, гнушаясь ихъ вѣроломствомъ и не желая идти войной противъ Мономахова дома заодно съ ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не имѣя удѣла на сѣверѣ у отца, предался Изъяславу. Есть извѣстіе, что Изъяславъ самъ склонилъ его къ этому, когда онъ шелъ къ Чернигову изъ суздальской области, а потому принялъ его крайне ласково и ему отдалъ въ удѣлъ бывшіе города Святослава Всеволодовича. Такъ же склонялъ онъ раньше къ союзу съ собою и Глѣба Юрьевича, но тотъ задался неосуществившеюся мечтой—самостоятельно овладѣть Переяславлемъ. По другому извѣстію лѣтописи, Ростиславъ перешелъ на службу въ Кіевъ, уже по заключеніи мира съ Изъяславомъ чернигово-сѣверскими князьями, съ цѣлью воспользоваться тамъ недовольствомъ нѣ-

16) Картина: Сраженіе между Изъяславомъ и чернигово-сѣверскими князьями, прерванное ненастьемъ.

которыхъ кіевлянъ существующимъ порядкомъ вещей, чтобы образовать изъ нихъ партію сторонниковъ для отца. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же году, 1142, Ростиславъ былъ обвиненъ въ возбужденіи берендѣевъ и кіевлянъ противъ Изъяслава. Испугавшись молвы объ этомъ, Изъяславъ безъ суда лишилъ Ростислава его удѣла и съ позоромъ прогналъ его обратно къ отцу. Вернувшись домой, обиженный Ростиславъ объявилъ Юрію, будто его желаетъ себѣ въ князья вся кіевская земля и Черные Клобуки. Тѣмъ временемъ Изъяславъ уже заключилъ миръ въ Черниговѣ съ Давидовичами, Святославомъ Ольговичемъ и сыномъ покойнаго вел. кн. Всеволода. Они дали клятву оставить злобу на Изъяслава и цѣловали крестъ заодно съ нимъ блюсти русскую землю. Послѣ того Изъяславъ обратилъ оружіе на опаснѣйшаго и главнаго своего врага: Юрія суздальскаго, продолжавшаго у него отнимать новгородскую дань. Оставивъ брата Владиміра въ Кіевѣ, а сына Мстислава въ Переяславлѣ, онъ пошелъ сначала въ Смоленскъ, къ Ростиславу Мстиславичу, и тамъ, между веселыми пиршествами, сопровождавшимися обмѣномъ подарками, изъ предметовъ торговли юга и сѣвера, обсудилъ съ братомъ военныя дѣйствія. Поручивъ всю рать смоленскому князю, онъ ему приказалъ идти къ берегамъ Волги, къ устью Медвѣдицы, а самъ пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ теперь княжилъ уже не братъ его—Святополкъ, утратившій любовь народную и переведенный имъ въ Владиміръ-волынскій, а сынъ—юный Ярославъ. Граждане встрѣтили внука Мономаха съ живѣйшей радостью. Послѣ обѣдни въ Софійскомъ храмѣ, Изъяславъ задалъ народу великолѣпный пиръ. А на другой день, когда ударили въ вѣчевой колоколъ, великій князь воскликнулъ передъ

17) Картина: Ударили въ вѣчевой колоколъ.

собраніемъ псковитянъ и новгородцевъ: «Братья! князь суздальскій оскорбилъ Новгородъ. Оставивъ столицу русскую, я прибылъ защищать васъ. Хотите войны—мечъ въ рукѣ моей. Хотите мира—вступимъ въ переговоры».—«Войны, войны»! закричалъ народъ, и ратники одѣли шлемы. Тогда Изъяславъ при устьи Медвѣдицы соединился съ братомъ, ведя за собою войско не только Новгорода и Пскова, но тоже союзныхъ съ ними карелъ. Князья же черниговскіе въ землѣ вятичей выжидали, кому будетъ благопріятствовать военное счастье. Села и города запылали на берегахъ Волги, въ области ростово-суздальской, до Углича и Мологи. Новгородцы разорили окрестности Ярославля. Однако, война кончилась безъ сраженія изъ-за весенней распутицы, заставившей Изъяслава прекратить наступленіе. Онъ съ торжествомъ вернулся въ Смоленскъ, а потомъ—въ Кіевъ, куда привелъ, въ знакъ своей побѣды, семь тысячъ плѣнниковъ. Именно во время этого продолжительнаго его отсутствія, Ростиславъ Юрьевичъ, имъ оставленный охранять въ Бужскѣ границы кіевской области, былъ уличенъ въ обольщеніи берендѣевъ вмѣстѣ съ другимъ мѣстнымъ населеніемъ, имѣя цѣлью захватъ Кіева въ свои руки. Возмущенный подобной неблагодарностью, Изъяславъ отнялъ у него все оружіе и коней, заковалъ въ цѣпи его дружину и, не желая выслушивать его оправданій, посадилъ въ лодку съ тремя людьми для отъѣзда изъ Кіева, не давъ ему никакихъ судовъ. Юрій суздальскій оскорбился безчестьемъ сына гораздо больше, чѣмъ разореніемъ своей области, и, наконецъ, выступилъ въ походъ противъ Изъяслава. Состоя въ родствѣ съ половецкими ханами, онъ на югѣ заключилъ съ ними союзъ и подступилъ во главѣ своей рати къ южному Пе-

реяславлю. Это было въ концѣ іюля 1149 г. Въ Переяславлѣ находились князья Владиміръ и Святополкъ Мстиславичи. Изъяславъ самъ поспѣшилъ на его защиту. Братья Давидовичи остались вѣрны клятвѣ своей въ Черниговѣ, но Святославъ Ольговичъ, искренно любившій убитаго Игоря, не могъ отказаться отъ новаго благопріятнаго случая мести за его смерть, считая ее своимъ священнымъ долгомъ, и выѣхалъ съ своей дружиной на встрѣчу Юрію. Святославъ Всеволодовичъ сдѣлалъ то же въ угоду дядѣ. Юрій, выказывая умѣренность, послалъ сказать Изъяславу, что онъ удовольствуется Переяславлемъ для своего сына. Но Изъяславъ не шелъ на уступки, и задержалъ посла, не давъ отвѣта. Онъ построилъ свои полки, готовясь къ бою. Началась перестрѣлка; а потомъ Изъяславъ, замѣтивъ, что Юрій отступаетъ, устремился впередъ и началъ сраженіе при закатѣ солнца. Онъ проигралъ его. Берендѣи первые побѣжали, за ними—черниговская дружина Изъяслава Давидовича, потомъ—кіевляне. Переяславцы измѣнили и перешли на сторону Юрія. Изъяславъ съ трудомъ пробился сквозь полкъ Святослава Олеговича. Онъ не могъ удержаться въ Кіевѣ, и бѣжалъ въ Владиміръ-Волынскій, захвативъ съ собою семью и митрополита Климента. Ростиславъ Мстиславичъ, пришедшій тоже къ нему на помощь, вернулся въ Смоленскъ. Иванъ Берладникъ его покинулъ, чтобъ перейти на службу къ Юрію суздальскому.

Сдѣлавшись великимъ княземъ, Юрій оставилъ Владиміра Давидовича въ Черниговѣ, а Святославу Олеговичу отдалъ Посемье съ Курскомъ и другими его городами, и также область дряговичей, зависимую отъ Кіева. Своихъ сыновей онъ посадилъ князьями около Кіева: Ростислава въ Переяславлѣ,

Андрея въ Вышгородѣ и Бориса въ Бѣлгородѣ. Глѣбъ получилъ пограничный со степью городъ Каневъ, а Василій—Суздаль. Старый князь Вячеславъ, болѣе не довѣряя ласковымъ предложеніямъ племянника о совмѣстномъ великокняженіи, былъ на сторонѣ Юрія. Однако Изъяславъ не примирился со своей участью. Онъ обратился изъ Владиміра-Волынска за помощью: къ венгерскому королю Гейзѣ II-му, женатому на его сестрѣ—Ефросиньи, къ королю польскому Болеславу Кудрявому и чешскому—Владиславу II-му. Они ему не отказали въ своей поддержкѣ, причемъ короли польскій и чешскій явились сами во главѣ своего войска. Однако, иноземные эти союзники, узнавъ, что Юрій соединился съ кн. Вячеславомъ въ Пересопицѣ, и что Владимірко галицкій идетъ къ нему на помощь, не захотѣли начинать битвы, а принялись уговаривать Изъяслава примириться съ дядей, увѣряя, что одинаково желаютъ добра и той и другой сторонѣ. Затѣмъ, они охотно исполнили требованіе Юрія и ушли изъ русской земли, чтобы оставить соперниковъ на свободѣ уладить свои дѣла. Однако, когда они удалились, Юрій отвергъ мирныя предложенія Изъяслава, отъ него требовавшаго, если не самой столицы для себя, или для старшаго его брата, то, во всякомъ случаѣ, утвержденія за нимъ области Владиміро-Волынской и всѣхъ даней Великаго Новгорода, такъ какъ онъ предпочиталъ постыдному миру гибель. Юрій же имѣлъ надежду отнять всѣ владѣнія у племянника.

Военныя дѣйствія начались подъ волынскимъ городомъ Луцкомъ, храбро оборонявшимся, имѣя во главѣ войскъ своихъ князя Владиміра Мстиславича. Здѣсь показалъ впервые свою доблестную отвагу князь Андрей Юрьевичъ. Изъ воротъ города вышелъ

навстрѣчу суздальцамъ отрядъ пѣхоты, имѣвшей въ числѣ своихъ воиновъ наемныхъ нѣмцевъ. Пылкій Андрей со своей дружиной, не дожидаясь братьевъ, ударилъ на стрѣлявшую по нимъ пѣхоту и заставилъ ее повернуть обратно. Но, увлекшись преслѣдованіемъ, очутился среди непріятеля, далеко отъ своихъ, съ двумя только отроками. Подъ нимъ конь былъ раненъ; копье его сломалось, а съ городской стѣны дождемъ сыпались камни. Одинъ изъ отроковъ былъ убитъ. Какой-то нѣмецъ уже занесъ на князя рогатину, прошедшую сквозь сѣдельную луку, но Андрей мечомъ счастливо отразилъ ударъ. Конь едва вынесъ изъ битвы всадника и тутъ же палъ передъ станомъ Юрія, радостно встрѣтившаго съ остальными сыновьями и братомъ Вячеславомъ чудесно спасшагося Андрея. Вѣрнаго своего коня Андрей приказалъ похоронить торжественно на берегу рѣки Стыри. Отрѣзанный отъ нея непріятельскими войсками, Луцкъ не могъ дольше выдерживать осады. Тутъ князь Владимірко галицкій явился между дядею и племянникомъ ходатаемъ мира. Онъ вовсе не желалъ, чтобы князь кіевскій захватилъ Волынь. Вячеславъ и Андрей поддержали его посредничество, чтобъ положить конецъ междоусобію, и миръ былъ заключенъ въ Пересопицѣ, гдѣ Изъяславъ сидѣлъ съ дядьями своими и двоюродными братьями «на одномъ коврѣ». Онъ сложилъ съ себя достоинство великаго князя, а Юрій передалъ его Вячеславу. Послѣдствіемъ мира явились свадебные пиры: одна дочь Юрія — Ольга вышла за Ярослава Владиміровича галицкаго, а другая—за сына Святослава Олеговича—Олега, между тѣмъ какъ дочь Святослава была уже замужемъ за сыномъ Ростислава Мстиславича смоленскаго.

18) Картина: КнязьАндрей Юрьевичъ подъ стѣнами Луцка.

19) Картина: Свадебное пиршество.

Однако, скоро мирный договоръ, вынужденный обстоятельствами, былъ нарушенъ обѣими сторонами. Подъ тѣмъ предлогомъ, что тихій и слабый Вячеславъ за собой не удержитъ русской столицы, Юрій посадилъ его княжить въ Вышгородѣ, тогда какъ въ Пересопицу, бывшій его удѣлъ, послалъ княжить Глѣба. Кіевляне не поладили съ Юріемъ и тайкомъ стали звать Изъяслава обратно на кіевскій столъ. Будучи корыстолюбивъ, Юрій, кромѣ того, не возвратилъ Изъяславу съ его дружиной, вопреки договору, ихъ имущества въ волостяхъ кіевской и переяславской. Тогда Изъяславъ взялъ снова Луцкъ, выгналъ Глѣба изъ Пересопицы и съ малочисленною дружиною появился на берегахъ Днѣпра для соединенія съ берендѣями. Смущенный неожиданною опасностью, Юрій бѣжалъ въ Городецъ-Остеръ, за Днѣпръ. Но торжество Изъяслава было непродолжительно. Его сынъ Мстиславъ не могъ взять Переяславля, мужественно защищаемаго Ростиславомъ и Андреемъ Юрьевичами, а онъ самъ осажденъ былъ въ 1150 г. съ двухъ сторонъ въ Кіевѣ. Къ Юрію примкнули снова чернигово-сѣверскіе князья, и рать Владимірка галицкаго съѣхалась съ ними подъ кіевскими стѣнами. Союзники поздоровались, не слѣзая съ коней.

20) Картина: Договоръ князя Изъяслава Мстиславича съ дядею Вячеславомъ о совмѣстномъ княженіи въ Кіевѣ.

Изъяславъ въ отчаяніи предлагалъ снова старику дядѣ занять великокняжескій столъ. Вячеславъ, смягченный раскаяніемъ племянника, ему простилъ его вѣроломство и далъ на помощь ему противъ Юрія свою дружину. Но та не подоспѣла во время къ Изъяславу изъ Вышгорода, а берендѣи съ кіевлянами, пустивъ всего нѣсколько стрѣлъ въ галичанъ, разсѣялись, устрашась ихъ грозной силы. Изъяславъ напрасно старался остановить бѣгущихъ, готовъ былъ умереть на мѣстѣ. Молилъ и проклиналъ оробѣв-

21) Картина: Отчаяніе Изъяслава Мстиславича среди своего бѣгущаго войска.

шихъ воиновъ. Онъ принужденъ былъ оставить Кіевъ и бѣжать въ область волынскую, на укрѣпленные берега рѣки Горыни. Возвративъ Кіевъ Юрію, на обратномъ пути Владимірко галицкій взялъ нѣсколько волынскихъ городовъ и выгналъ изъ Дорогобужа Изъяславова сына Мстислава. Юрій, боясь новаго предпріятія со стороны Изъяслава, поручилъ охранять область волынскую надежнѣйшему изъ своихъ сыновей, Андрею, и далъ ему съ этою цѣлью въ удѣлъ Пересопицу. Андрей *) вполнѣ оправдалъ на этомъ посту довѣріе своего отца и съ нимъ воевать Изъяславъ не рѣшился. Но меньшой братъ его, Владиміръ Мстиславичъ, послѣ двукратной поѣздки въ Венгрію и женитьбы на родственницѣ венгерскаго короля, склонилъ Гейзу II послать на помощь Изъяславу 10,000 отборныхъ воиновъ. Когда онъ привелъ ихъ съ собою, князь Изъяславъ опять нетерпѣливо двинулся къ Кіеву, гдѣ его ждала дружина Вячеслава и съ нимъ союзные берендѣи. Владимірко галицкій за нимъ слѣдовалъ по пятамъ и хотѣлъ, соединясь съ Андреемъ, перерѣзать ему дорогу.— «Впереди у насъ непріятель, а за нами другой»,— говорили Изъяславу его бояре. «Теперь не время страшиться», отвѣчалъ онъ. «Достигнетъ ли насъ Владимірко, встрѣтимъ ли Юрія,—мы сразимся». Изъяславъ нигдѣ не медлилъ, но едва войско его оставило за собой рѣчку Ушъ, какъ легкій отрядъ Владимірка галицкаго показался на другой сторонѣ ея. Самъ онъ вмѣстѣ съ Андреемъ Юрьевичемъ стоялъ за лѣсомъ, въ ожиданіи своей главной рати. Но Изъяславъ счастливо избѣгъ нападенія ихъ воен-

*) Источники: М. Грушевскій: «Очеркъ исторіи Кіевской земли послѣ смерти Ярослава Мудраго». Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Н. Карамзинъ: «Исторія Государства Россійскаго».

ной хитростью. Онъ зажегъ въ своемъ станѣ ночью большіе костры, а самъ снялся съ мѣста и быстро ушелъ впередъ, отрядивъ Владиміра Мстиславича внезапнымъ нападеніемъ взять укрѣпленный Бѣлгородъ, гдѣ княжилъ сынъ Юрія — Борисъ, дабы онъ не успѣлъ предупредить отца объ опасности. Владиміръ засталъ Бориса безпечно пирующимъ въ сѣняхъ своего дворца. Однако, мытникъ, таможенный приставъ, успѣлъ переметать мостъ, ведущій въ городъ черезъ рѣку Иртень. Борисъ услыхалъ звукъ непріятельскихъ трубъ и ускакалъ къ отцу. Владиміръ Мстиславичъ тогда безпрепятственно вошелъ въ городъ, гдѣ Изъяславъ оставилъ его стеречь Владимірка галицкаго. Извѣщенный сыномъ о приближеніи Изъяслава, Юрій едва успѣлъ бѣжать за Днѣпръ, въ тотъ же Городецъ-Остеръ.

22) Картина: Неожиданное появленіе Владиміра Мстиславича подъ стѣнами Бѣлгорода.

Изъяславъ свободно вступилъ въ обрадованный его возвращеніемъ Кіевъ и отправился прямо въ Софійскій храмъ воздать благодареніе Богу за свою удачу. А потомъ на Ярославовомъ дворѣ онъ роскошно угостилъ своихъ добрыхъ союзниковъ—венгровъ и ему преданныхъ кіевлянъ. Народъ, ликуя, съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристанія ловкихъ венгерскихъ всадниковъ.

23) Картина: Скачка венгерскихъ наѣздниковъ.

Галицкій князь разсердился на сыновей Юрія суздальскаго за то, что они не сумѣли отстоять Кіева за своимъ отцомъ и проглядѣли рать Изъяслава. Онъ возвратился въ Галичъ, дорогою вымогая со встрѣчныхъ городовъ откупы серебромъ.

Миролюбивый Вячеславъ вступилъ на великокняжескій столъ только по имени, усыновивъ Изъяслава и предоставивъ ему все управленіе. Его старшій сынъ—Мстиславъ получилъ себѣ въ удѣлъ Переяславль. Венгры ушли домой, щедро одаренные

*

дорогими сосудами, греческими поволоками, одеждами и конями.

Неугомонный Юрій соединился съ черниговосѣверскими князьями и, подкрѣпленный еще дикой ордою половцевъ, сталъ напротивъ Кіева. Сначала завязалось ратоборство на рѣкѣ: съ двухъ сторонъ выѣзжали воины на ладьяхъ и бились. Дѣло происходило лѣтомъ 1151 г.

24) Картина: Боевыя ладьи Изъяслава сражаются на Днѣпрѣ съ ладьями Юрія суздальскаго.

Изъяславъ искусно устроилъ свои ладьи: гребцы были сверху закрыты досчатой палубой, на которой стояли стрѣлки въ броняхъ и метали стрѣлы. А рулевыхъ было на каждой по двое: одинъ на носу, другой на кормѣ, такъ что ладья могла ходить и взадъ и впередъ, не поворачивая. Изъяславъ слѣдовалъ за Юріемъ вдоль Днѣпра и не давалъ ему переправиться чрезъ Витичевскій бродъ. Тогда Юрій послалъ одного изъ сыновей съ частью дружины и съ половцами дальше внизъ по Днѣпру къ Зарубскому броду, при устьѣ Трубежа. Еще ниже Заруба, достопримѣчательнаго своимъ пещернымъ монастыремъ, находилась, при устьи Роси, послѣдняя кіевская крѣпость Каневъ (на мѣстѣ древней Родни). Половцы, поднявъ щиты и копья, на коняхъ бросились въ рѣку, а русскіе поплыли на ладьяхъ. Охранявшій Зарубскій бродъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ воеводы Изъяслава—Шварна, обратился въ бѣгство. Тогда Изъяславъ Мстиславичъ, съ братомъ Ростиславомъ Смоленскимъ, дядею Вячеславомъ и своимъ союзникомъ изъ черниговскихъ князей Изъяславомъ Давидовичемъ, отступилъ къ Кіеву. Ему пришли опять помогать Черные Клобуки съ Поросья, не уступавшіе половцамъ въ хищности. Изъяславъ ихъ поставилъ въ дебряхъ, вблизи Олеговой Могилы.

25) Картина: Переправа рати Юрія и половцевъ черезъ Днѣпръ.

Гдѣ-то около Роси, на одномъ изъ ея притоковъ, лежалъ городъ Торческъ, бывшій средоточіемъ кіевскихъ торковъ, или Черныхъ Клобуковъ. Они получили это названіе отъ своего любимаго головного убора, высокихъ бараньихъ шапокъ чернаго цвѣта. Верхи этихъ шапокъ дѣлались иногда изъ какой-либо цвѣтной ткани и свѣшивались набокъ (какъ потомъ у казаковъ). Ихъ смуглыя лица окаймлялись черными усами и бородою. Наиболѣе знатные носили широкіе шелковые кафтаны персидскаго покроя. Черные Клобуки жили въ возвышенной плоскости, между рѣками Стугной и Росью, а также къ югу отъ послѣдней—приблизительно до рѣки Тясьмина. Эта полустепная мѣстность, богатая тучными пастбищами, вполнѣ соотвѣтствовала ихъ потребностямъ и привычкамъ кочевого народа. Главное ихъ имущество состояло изъ табуновъ коней, большихъ стадъ овецъ и рогатаго скота. Они продолжали отчасти жить въ открытомъ полѣ подвижными вѣжами, или селеніями изъ войлочныхъ кибитокъ, но имѣли тоже становища, огороженныя валами, куда они собирали семьи свои и стада въ военное время. Въ опасныхъ же случаяхъ укрывались подъ защиту русскихъ городовъ Поросья. Но, кромѣ Поросья, кочевыя полчища Черныхъ Клобуковъ тянулись и на восточной сторонѣ Днѣпра, въ украйнахъ земель переяславской и чернигово-сѣверской. Эти служилые инородцы древней Руси являются иногда подъ разными именами: берендичей, берендѣевъ, торковъ и другими, обозначающими обыкновенно отдѣльныя названія разныхъ племенъ и родовъ. Черные Клобуки поселены были въ южныхъ предѣлахъ Руси съ обязанностью быть ея передовыми конными стражами отъ соплеменныхъ имъ

26) Картина: Черные Клобуки.

половцевъ. Черные Клобуки естественно подвергались неотразимому вліянію русской народности и постепенному съ ней сліянію. Въ большинствѣ, они еще сохранили язычество; но при смѣшеніи съ Русью между ними стало водворяться и христіанство.

Скрещеніе Руси съ этими инородцами положило начало нашимъ казакамъ и черкесамъ изъ таврическихъ и прикавказскихъ хазаръ, въ разное время селившихся на русскихъ украйнахъ, особенно во время угнетенія ихъ родины половцами и во время паденія древне-русскаго Тьмутараканскаго княжества.

Когда Юрій суздальскій подступилъ къ Кіеву, братъ его Вячеславъ послалъ ему сказать: «Я былъ уже бородатъ, когда ты родился. Хочешь ли ты лишить меня старшинства?» Хотя Юрій остался непреклоненъ, но, потерпѣвъ неудачу въ нѣсколькихъ сшибкахъ съ полками Изъяслава, поспѣшилъ отступить для скорѣйшаго соединенія съ княземъ галицкимъ, имъ вновь призваннымъ къ себѣ на помощь. Тѣмъ временемъ, князь Мстиславъ Изъяславичъ послалъ сказать отцу, шедшему вслѣдъ за Юріемъ, что онъ ведетъ многочисленныя толпы венгровъ, уже перешедшихъ карпатскія горы. Изъяславъ, однако, не могъ дожидаться ихъ и вступилъ съ Юріемъ въ битву ранѣе, чѣмъ тотъ успѣлъ соединиться съ галицкимъ княземъ за рѣкой Стугномъ и за валами, ограждавшими кіевскую землю отъ степныхъ кочевниковъ въ чистомъ полѣ, по рѣкѣ Рутѣ, одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ Роси. Видя невозможность переправиться чрезъ Рутъ со всѣмъ обозомъ, Юрій вынужденъ былъ повернуть лицомъ къ наступавшему непріятелю. Рано утромъ забили въ бубны и затрубили въ трубы. Старшій сынъ Юрія—Рости-

славъ уже умеръ, и его сынъ Андрей повелъ въ битву полки отца. Хотя Изъяславъ былъ сильно раненъ, такъ что упалъ съ коня, побѣда все же осталась на его сторонѣ. Половцы Юрія обратились въ бѣгство, и много воиновъ изъ его дружины перетонуло въ Рутѣ. Въ числѣ ихъ былъ князь черниговскій Владиміръ Давидовичъ, сражавшійся въ рядахъ его полковъ противъ брата, находившагося въ войскѣ Изъяслава Мстиславича. Когда по окончаніи боя Изъяславъ, придя въ себя, поднялся съ земли, одинъ изъ воиновъ его ударилъ мечомъ по шлему съ изображеніемъ Св. Пантелеймона, не признавъ въ немъ своего князя. Тогда Изъяславъ снялъ шлемъ и назвалъ себя окружавшимъ его воинамъ-побѣдителямъ. Обрадованные кіевляне подняли кверху руки и провозгласили: «Киріе, элеисонъ», т. е., Господи, помилуй»!

27) Картина: Раненный Изъяславъ на полѣ битвы.

Изъяславъ Давидовичъ съ тѣломъ оплакиваемаго имъ брата поспѣшилъ въ Черниговъ, гдѣ предалъ его погребенію, а самъ сѣлъ на черниговскій столъ. Святославъ Всеволодовичъ, посланный впередъ дядей, чтобы занять для него Черниговъ, на перевозѣ чрезъ Десну узналъ объ этомъ и воротился назадъ. Тогда Святославъ Олеговичъ поспѣшилъ въ свой Новгородъ-Сѣверскій. Юрій же спасся въ Переяславлѣ. Владимірко галицкій, услыхавъ о пораженіи Юрія, пошелъ обратно домой, между тѣмъ какъ Мстиславъ Изъяславичъ навстрѣчу ему велъ угровъ (венгровъ)—для поддержки отца. Около Дорогобужа онъ остановился и задалъ своимъ союзникамъ пиръ. Владимірко подстерегъ его и, дождавшись, когда охмелѣвшіе угры заснули, перебилъ всѣхъ. Мстиславъ едва успѣлъ ускакать съ собственною дружиной. Тогда Изъяславъ II поспѣ-

28) Картина: Нападеніе князя Владимірка на Мстислава Изъяславича ночью и гибель хмѣльнаго отряда венгровъ.

шилъ расправиться съ Юріемъ и, обступивъ его въ Переяславлѣ, они съ Вячеславомъ потребовали, чтобы онъ немедленно ушелъ въ Суздаль, подъ тѣмъ условіемъ, что Переяславль останется за его сыномъ. Юрій не имѣлъ средствъ сопротивляться и вынужденъ былъ принять эти условія. Однако, когда осада была снята, только одинъ князь Андрей Юрьевичъ, гнушаясь вѣроломства, уѣхалъ на сѣверъ. Юрій же медлилъ уходить, тайно входя въ сношенія съ половецкими ханами и княземъ галицкимъ. Подъ угрозою новаго нападенія на него великаго князя онъ удалился въ свой Городецъ-Остеръ. Между тѣмъ, Святославъ Ольговичъ заключилъ отдѣльный договоръ съ Изъяславомъ Давидовичемъ и, укрѣпивъ за собою Новгородъ-Сѣверскъ, долженъ былъ отступиться отъ Юрія, чтобъ перейти на сторону его племянника. Юрій былъ осажденъ въ Остерѣ великимъ княземъ съ его союзниками и, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, покинутый недавними друзьями, увидѣлъ себя принужденнымъ смириться. Онъ удалился въ наслѣдственный свой удѣлъ, уступивъ Переяславль Мстиславу Изъяславичу и оставивъ въ Городцѣ сына Глѣба. Но Изъяславъ скоро отнялъ у Юрія и это прибѣжище въ южной Руси: сжегъ тамъ всѣ деревянныя зданія, даже самыя церкви, и сравнялъ крѣпость съ землей.

Окончивъ счеты съ главнымъ врагомъ, Изъяславъ II уговорился съ другомъ своимъ, венгерскимъ королемъ Гейзой, отомстить хитрому князю Владимірку за себя и за избіеніе имъ сонныхъ венгровъ. Самъ венгерскій король со своими братьями Ладиславомъ и Стефаномъ, въ сопровожденіи всего двора, выѣхалъ встрѣтить кіевскаго великаго князя, который велъ за собой многочисленное, стройное

29) Картина: Встрѣча Изъяслава II съ венгерскимъ королемъ Гейзой подъ Перемышлемъ.

войско. Они сошлись на берегу рѣки Саны и дружески обнялись. Галицкій князь ихъ ожидалъ у Перемышля и былъ разбитъ. Изъяславъ одушевилъ передъ битвой полки свои слѣдующими словами: «Братья и дружина! Наши отцы всегда славились мужествомъ. Нынѣ ли уронимъ честь свою передъ глазами иноплеменныхъ союзниковъ? Нѣтъ! Мы явимъ себя достойными ихъ уваженія»... Побѣжденный Владимірко, на своемъ борзомъ конѣ, пронесся въ городъ сквозь ряды угровъ и Черныхъ Клобуковъ. Онъ лукаво повелъ изъ Перемышля переговоры съ Гейзой, напоминая ему о помощи, имъ когда-то оказанной его отцу Бѣлѣ Слѣпому въ войнѣ противъ ляховъ и притворяясь смертельно раненнымъ. Подкупивъ главныхъ совѣтниковъ Гейзы, онъ выговорилъ себѣ, вопреки возраженіямъ Изъяслава, заключеніе мира на томъ условіи, что онъ вернетъ великому князю кіевскому у него имъ отнятые волынскіе города. Однако, онъ этого условія не исполнилъ, нарушивъ крестное цѣлованіе, и еще надсмѣялся надъ посломъ Изъяслава, бояриномъ Петромъ Бориславичемъ, къ нему пріѣхавшимъ съ договорными крестными граматами. Когда бояринъ съѣзжалъ съ княжескаго двора, на своихъ коняхъ, не получивъ ни подводы, ни корма, Владимірко шелъ къ вечернѣ по переходамъ, соединявшимъ съ дворцомъ Спасскую церковь. Увидѣвъ оттуда посла, онъ, издѣваясь надъ нимъ, сказалъ окружающимъ: «Вотъ и поѣхалъ русскій мужъ, побравши всѣ волости». Возвращаясь послѣ церковной службы обратно во дворецъ, на этомъ же самомъ мѣстѣ онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно, какъ будто, кто ударилъ его по плечу и, принесенный въ горницу, въ ту же ночь скончался. Тогда гонецъ изъ Галича настигъ Петра Бо-

30) Картина: Побѣжденный Владимірко прорывается сквозь вражескіе полки въ Перемышль.

31) Картина: Галицкій князь Владимірко надсмѣхается надъ посломъ князя Изъяслава.

риславича на первомъ его ночлегѣ и позвалъ обратно въ городъ. Не зная, въ чемъ дѣло, Петръ былъ очень удивленъ, когда, войдя въ сѣни дворца, увидѣлъ слугъ княжихъ въ черныхъ плащахъ, а молодого сына Владимірка, Ярослава, сидящимъ на отцовскомъ мѣстѣ въ черной мантіи и клобукѣ. Хотя Ярославъ, прозванный Осмомысломъ, со слезами на глазахъ сообщилъ боярину о смерти отца и послалъ съ нимъ Изъяславу выраженія своей покорности, онъ все же, подобно отцу, не вернулъ ему волынскихъ городовъ. Потому Изъяславъ въ слѣдующемъ 1153 г. предпринялъ новый походъ въ галицкую землю, сопровождаемый меньшими князьями и Черными Клобуками. Битва произошла на берегахъ рѣки Серета, подъ городомъ Теребовлемъ. Изъяславъ перешелъ эту рѣку, воспользовавшись густымъ туманомъ. Сынъ и братья его не могли устоять передъ натискомъ галичанъ, но великій князь одолѣлъ на другомъ крылѣ. Онъ взялъ верхъ хитростью, обманомъ поднявъ галицкіе стяги. Собравшіеся подъ нихъ галичане всѣ были захвачены въ плѣнъ и въ большомъ количествѣ казнены. На томъ, однако, дѣло и кончилось. Послѣ того Изъяславъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ женился уже во второй разъ на одной черкесской княжнѣ; но въ слѣдующемъ, 1154 г., онъ скончался и былъ похороненъ рядомъ съ отцомъ въ монастырѣ св. Ѳеодора. Изъяславъ II заслужилъ любовь кіевлянъ своей беззавѣтной удалью, щедростью и привѣтливостью. Мужественный и дѣятельный, онъ всего болѣе искалъ любви народной, для чего часто пировалъ съ гражданами и говорилъ на вѣчахъ, желая, чтобы народъ охотно служилъ ему и его враговъ считалъ своими собственными. Раздѣливъ престолъ съ добродушнымъ и слабымъ дядею, Изъяславъ обходился съ

32) Картина: Галичане, поддавшись обману, сбѣгаются къ стягамъ среди войска врага.

нимъ, какъ добрый и нѣжный сынъ. Одинъ бралъ на себя труды и опасности, но приписывалъ ему честь побѣдъ своихъ. Готовый умереть за Кіевъ, Изъяславъ воздерживался иногда отъ пролитія крови за личныя свои обиды. Такъ, онъ не вступился за сына Ярослава, когда новгородцы его изгнали среди внутреннихъ своихъ раздоровъ, призвавъ на новгородскій столъ Ростислава Мстиславича смоленскаго; только перевелъ Ярослава княземъ во Владиміръ-Волынскій, гдѣ умеръ князь Святополкъ Мстиславичъ. Такъ же не мстилъ онъ полочанамъ за то, что они въ 1151 г. свергли съ престола зятя его, Рогвольда Бориславича, избравъ на его мѣсто князя минскаго, Ростислава Глѣбовича.

По смерти Изъяслава, кіевскимъ великимъ княземъ остался Вячеславъ, но населеніе сознавало необходимость для него соправителя. А такъ какъ Вячеславъ еще при жизни старшаго своего племянника усыновилъ Ростислава, то кіевляне ждали къ себѣ на освободившійся столъ, не кого другого, какъ князя смоленскаго и новгородскаго. Однако, ранѣе его пріѣзда Кіевомъ пытался овладѣть князь черниговскій Изъяславъ Давидовичъ. Онъ прибылъ къ кіевскому перевозу подъ предлогомъ желанія поклониться гробу умершаго Изъяслава. Но Вячеславъ съ Мстиславомъ Изъяславичемъ его не пустили въ Кіевъ, помня захватъ его Всеволодомъ Олеговичемъ. Для обезпеченія себя со стороны князей чернигово-сѣверскихъ, Вячеславъ, по совѣту бояръ и Мстислава, вошелъ въ сношеніе съ Святославомъ Всеволодовичемъ, ему поручивъ постеречь Кіевъ до прибытія Ростислава Мстиславича, съ намекомъ на хорошее вознагражденіе. Святославъ Всеволодовичъ тайкомъ отъ дядей дѣйствительно явился въ Кіевъ. Тогда Изъя-

славъ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ послали звать Юрія суздальскаго на великокняжескій столъ. Между тѣмъ Ростиславъ Мстиславичъ пріѣхалъ въ Кіевъ и заключилъ съ Вячеславомъ такой же рядъ, какой существовалъ между нимъ и его старшимъ братомъ. А Святославъ Всеволодовичъ за свою услугу получилъ Туровъ и Пинскъ.

Юрій суздальскій, еще при жизни Изъяслава, готовился къ новому междоусобію и стоялъ съ дружиною въ землѣ вятичей у Козельска. Его сынъ Глѣбъ осадилъ съ половцами Переяславль, но Мстиславъ Изъяславичъ его отразилъ отъ этого города, а Ростиславъ перешелъ Днѣпръ, когда внезапная смерть Вячеслава, во время пира, его заставила вернуться въ Кіевъ для его погребенія. Похоронивъ старца въ Софійскомъ соборѣ и безкорыстно раздавъ все имѣніе дяди монастырямъ, церквамъ и нищимъ, Ростиславъ вернулся къ своему войску и, не слушая благоразумнаго совѣта старшихъ бояръ—лучше остаться въ Кіевѣ для своего утвержденія тамъ болѣе прочно, чѣмъ идти въ землю черниговскую, подступилъ къ Чернигову, гдѣ потребовалъ отъ Изъяслава Давидовича клятвеннаго признанія себя великимъ княземъ. Но Изъяславъ, ожидая помощи отъ Юрія суздальскаго, не пожелалъ вести съ Ростиславомъ мирныхъ переговоровъ, а соединился съ дружиною Глѣба Юрьевича и съ половцами, расположившись боевымъ станомъ на берегахъ рѣки Бѣлоуса. Устрашенный множествомъ половцевъ, Ростиславъ малодушно сдался и объявилъ Изъяславу Давидовичу, что, больше всего желая мира, онъ уступаетъ ему Кіевъ и Переяславль. Тогда возмущенный князь переяславскій Мстиславъ Изъяславичъ, поворотивъ коня, покинулъ робкаго дядю и удалился въ Луцкъ. Все войско Ростислава пришло въ разстрой-

ство. Свирѣпые половцы рубили и гнали бѣгущихъ, причемъ самъ князь Святославъ Всеволодовичъ попался въ плѣнъ, а Ростиславъ спасся въ Смоленскъ, лишась и княженія новгородскаго, такъ какъ новгородцы уже успѣли выгнать оставленнаго имъ Ростиславомъ сына его Давида и призвать на новгородскій столъ Мстислава Юрьевича. Кіевлянамъ пришлось покориться князьямъ-побѣдителямъ и просить ихъ защиты отъ буйства половцевъ. Изъяславъ Давидовичъ на короткое время занялъ кіевскій столъ, отдавъ Переяславль Глѣбу Юрьевичу. Но Юрій уже приближался съ войскомъ и, помирившись въ Смоленскѣ съ Ростиславомъ Мстиславичемъ, простивъ, по ходатайству дяди, Святославу Всеволодовичу его вѣроломство, потребовалъ отъ Изъяслава Давидовича, чтобъ онъ оставилъ Кіевъ. Побуждаемый къ уступкѣ Юрію кіевскаго стола Святославомъ Ольговичемъ и не встрѣчая сочувствія себѣ въ кіевлянахъ, Изъяславъ покорился своей судьбѣ и благоразумно вернулся въ Черниговъ. Тогда Юрій осуществилъ, наконецъ, давнишнюю свою мечту и неоспоримо остался великимъ княземъ въ Кіевѣ уже до самой смерти, утвердившись тамъ въ 1155 г.

Сыновей своихъ Юрій опять посадилъ княжить вокругъ себя. На этотъ разъ онъ отдалъ Вышгородъ Андрею, Переяславль—Глѣбу, Борису—Туровъ, а Васильку землю торковъ и берендѣевъ, т. е. Поросье. Опасаясь пылкаго Мстислава Изъяславича, Юрій отнялъ его удѣлъ Пересопицу, а потомъ вздумалъ отнять и Луцкъ. Его союзникомъ въ этомъ дѣлѣ является вмѣстѣ съ княземъ галицкимъ, Ярославомъ Осмомысломъ,—вѣроятно, изъ своекорыстныхъ разсчетовъ,—князь Владиміро-Волынскій, Владиміръ Мстиславичъ. Осада Луцка, однако, не удалась. Пока Мстиславъ

Изъяславичъ отправился искать союзниковъ себѣ въ Польшу, братъ его Ярославъ отбилъ непріятеля. Юрій предпочелъ отступить, угрожаемый съ другой стороны враждебнымъ ему Изъяславомъ Давидовичемъ черниговскимъ и половцами, обиженными на него за то, что его сынъ Василько, въ союзѣ съ берендѣями, жестоко ихъ наказалъ за набѣгъ на Поросье. Юрій боялся крайне опаснаго для него союза князя черниговскаго съ сыновьями Изъяслава Мстиславича, а потому поспѣшилъ примириться съ ними. Онъ пригласилъ въ Кіевъ смоленскаго князя, кроткаго Ростислава Мстиславича, съ тѣмъ, чтобы имъ совмѣстными силами отстоять кіевскій столъ отъ притязаній рода Святослава черниговскаго: Ольговичей и Давидовичей. Когда Ростилавъ пріѣхалъ, проводивъ въ Кіевъ и жену Юрія, ѣхавшую къ мужу съ дѣтьми изъ Суздаля, они вступили между собой въ соглашеніе о передачѣ кіевскаго стола, послѣ смерти Юрія, Ростиславу Мстиславичу. Потомъ онъ послалъ гонцовъ въ волынскую землю, призывая къ себѣ сыновей Изъяслава съ клятвеннымъ обѣщаніемъ забыть свою вражду съ ихъ отцомъ. При посредствѣ Ростислава смоленскаго, Юріемъ принятаго съ великой честью, это примиреніе между нимъ и внуками его состоялось, и, въ свою очередь, сыновья Изъяслава Мстиславича помирились съ дядей Владиміромъ. Владиміръ Мстиславичъ и Ярославъ Изъяславичъ Луцкій явились съ своими полками въ Кіевъ на дружескій призывъ Юрія. Но Мстиславъ остерегся его и не пріѣхалъ. Тогда Юрій ему послалъ крестную грамоту въ доказательство искренней своей любви. Предусмотрительность Юрія оказалась весьма благотворной для его дѣлъ на востокѣ и югѣ. Соединенныя имъ въ Кіевѣ силы, еще подкрѣпленныя помощью отъ

Ярослава галицкаго, произвели надлежащее впечатлѣніе на его враговъ. Половцы, цѣлой ордой нахлынувшіе въ переяславскую область, поспѣшили уйти по добру по здорову обратно въ степь. А Изъяславъ Давидовичъ, на угрозу Юрія—пойти противъ него войной, если онъ не прекратитъ свои враждебные замыслы, долженъ былъ отвѣтить, хотя временною, покорностью и даже выдалъ дочь свою за сына Юрія, Глѣба.

Наступившею послѣ того на Руси тишиной воспользовался князь Андрей Юрьевичъ, не любившій юга и всей душою стремившійся домой на сѣверъ, въ удѣлъ свой, небольшой городокъ—Владиміръ, на рѣкѣ Клязьмѣ, основанный Владиміромъ Мономахомъ. Тайкомъ онъ бѣжалъ изъ Вышгорода, похитивъ при этомъ у мѣстнаго женскаго монастыря икону Пр. Богородицы, привезенную изъ Царьграда и будто написанную самимъ Евангелистомъ Лукою. Она почиталась народомъ, какъ чудотворная, и Андрей задумалъ даровать суздальской землѣ святыню, почитаемую въ южной Руси.

Однако, мирная тишина среди русскихъ князей продолжалась недолго. Мстиславъ Изъяславичъ, съ своей стороны, не пославшій дѣду своему — Юрію отвѣтной крестной грамоты, выгналъ Владиміра Мстиславича изъ столицы волынской земли и самъ водворился во Владиміръ - Волынскѣ. Безуспѣшно обратившись за помощью въ Венгрію, Владиміръ Мстиславичъ сталъ искать защиты со стороны оскорбленнаго такимъ самоуправствомъ Мстислава великаго князя Юрія. Юрій, дѣйствительно, выступилъ въ походъ противъ внука съ Черными Клобуками, разсчитывая въ Волыни соединиться съ галицкимъ княземъ. Пользуясь случаемъ, онъ хотѣлъ отвоевать во-

лынскую область для своего другого племянника, Владиміра Андреевича, какъ обѣщалъ его отцу. Однако, походъ этотъ былъ неудаченъ. Мстиславъ упорно сопротивлялся, и десять дней кровь напрасно лилась подъ стѣнами Владиміръ-Волынска.

Сынъ Андрея Владиміровича безуспѣшно старался напомнить гражданамъ о великодушномъ и справедливомъ правленіи своего отца, обѣщая слѣдовать его примѣру. Раненный стрѣлою въ горло, онъ удалился, и Юрій его вознаградилъ Пересопицей съ Дорогобужемъ на берегахъ рѣки Горыни. Въ это же время Юрій получилъ новую обиду въ Новгородѣ, откуда новгородцы, сторонники князя смоленскаго, изгнали сына его, Мстислава Юрьевича, одолѣвъ торговую сторону рѣки Волхова, вооружившуюся за Мстислава. Мстиславъ ночью бѣжалъ, узнавъ о приближеніи сыновей Ростислава, и князь смоленскій два дня спустя въѣхалъ въ Новгородъ и тамъ водворилъ порядокъ. Юрій на югѣ, въ Каневѣ, велъ переговоры съ половцами, продолжавшими опустошать берега Днѣпра своими набѣгами, не давая себя обезоружить ни ласкою, ни подарками. При посредствѣ чернигово-сѣверскихъ князей, Изъяслава Давидовича и Святослава Олеговича, онъ вступилъ съ ними въ новый союзъ. Изъяславъ Давидовичъ ихъ призвалъ на помощь противъ племянника своего, сына убитаго Владиміра Давидовича,—Святослава, у него захватившаго города по рѣкѣ Деснѣ. Но Святославъ Владиміровичъ отдался подъ защиту Ростислава смоленскаго. Изъяславъ же Давидовичъ не хотѣлъ съ нимъ ссориться, ища себѣ друзей противъ Юрія, такъ какъ не могъ безъ зависти видѣть его великимъ княземъ кіевскимъ. Потому онъ оставилъ въ покоѣ племянника и вступилъ въ союзъ съ Мстиславомъ Изъяславичемъ, приготов-

Собственность Т. П. Мятлевой.

Князь Андрей Боголюбскій подъ стѣнами города Луцка. *(Къ 48 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Скачка венгерскихъ всадниковъ въ Кіевѣ. *(Къ 51 стр.)*

лявшимся идти на дѣда. Святославъ Ольговичъ отказался присоединиться къ нимъ, не желая нарушать крестное цѣлованье. Но Ростиславъ Мстиславичъ счелъ нужнымъ поддержать племянника, сильный тѣснымъ союзомъ, недавно имъ заключеннымъ съ князьями рязанскими. Онъ отрядилъ на югъ съ полкомъ своего сына Романа. Мстиславъ Изъяславичъ двинулся къ Кіеву изъ Владиміра-Волынска; Изъяславъ Давидовичъ собирался идти изъ Чернигова. Къ своему счастью, старый князь Юрій не дожилъ до угрожавшей ему съ трехъ сторонъ страшной опасности. Онъ ночью занемогъ послѣ одного пира у боярина своего Петрилы и черезъ пять дней умеръ.

Князь Юрій Владиміровичъ прозванъ былъ Долгорукимъ, за свое стремленіе овладѣть Кіевомъ изъ далекаго Суздаля. Онъ отличался отъ своего соперника Изъяслава Мстиславича полнымъ отсутствіемъ великодушія и благородства въ поступкахъ. Въ немъ не замѣтно ни дальновидности, ни государственнаго ума. Лѣтопись обвиняетъ его въ недостаткѣ смѣлости и въ своекорыстіи. Мы видѣли, что онъ оставлялъ безъ защиты въ большой опасности своего союзника Святослава Олеговича. Потомъ хотѣлъ выдать скованнымъ своему зятю, Ярославу Осмомыслу, его врага, Ивана Берладника, скитавшагося по разнымъ землямъ и находившагося нѣкоторое время на службѣ у князя суздальскаго. Ивана привезли уже въ Кіевъ изъ Суздаля для выдачи Ярославу, но тутъ за него вступилось духовенство, и, внявъ увѣщанію митрополита, Юрій его отправилъ обратно въ Суздаль. Но по дорогѣ туда Изъяславъ Давидовичъ отнялъ его у суздальцевъ и пріютилъ въ Черниговѣ. Несмотря, однако, на отрицательныя свойства своего нрава, Юрій Владимі-

ровичъ знаменитъ въ исторіи образованіемъ сѣверо-восточнаго края древней Руси, гдѣ онъ провелъ свои молодые годы. Онъ распространилъ тамъ христіанскую вѣру; строилъ церкви на берегахъ рѣки Нерли, въ Суздалѣ и Владимірѣ, умноживъ число священниковъ,—въ то время единственныхъ учителей благонравія и просвѣтителей разума среди мѣстнаго населенія. Онъ открылъ пути въ дремучихъ лѣсахъ, оживилъ пустыни человѣческою дѣятельностью, основалъ новыя селенія и города, какъ: Москва, Юрьевъ Польскій и Переяславль Залѣсскій (въ 1152 г.). Кіевляне до конца сохранили свое нерасположеніе къ князю Юрію Долгорукому и его суздальцамъ, жаднымъ до всякихъ поборовъ. Какъ только онъ умеръ, они бросились грабить дворы его дружинниковъ и бояръ, причемъ умертвили многихъ. Тѣло Юрія было погребено въ берестовской обители Спаса.

Глава III *).

Захватъ Кіева черниговскимъ княземъ Изъяславомъ Давидовичемъ. Судьба обездоленнаго князя Галицкаго Ивана Берладника. Вокняженіе въ Кіевѣ князя смоленскаго Ростислава Мстиславича при помощи владиміро-волынскаго князя Мстислава Изъяславича. Черниговскій князь Святославъ Олеговичъ. Вмѣшательство князя суздальскаго Андрея Юрьевича. Время княженія Ростислава Мстиславича въ Кіевѣ. Полоцкая земля. Святославъ Ростиславичъ въ Новгородѣ. Смерть Ростислава. Вокняженіе на столѣ кіевскомъ Мстислава Изъяславича. Удачный походъ на половцевъ южно-русскихъ князей. Измѣна среди нихъ Мстиславу. Разграбленіе и униженіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ.

Кіевскій столъ поспѣшилъ опять захватить черниговскій князь Изъяславъ Давидовичъ, отдавъ свой Черниговъ князю Новгородъ-Сѣверскому, Святославу Олеговичу, тогда какъ новгородъ-сѣверскій

*) Источники: М. Грушевскій. «Очеркъ Кіевской земли послѣ смерти Ярослава Мудраго». Н. Карамзинъ: «Исторія Государства Россійскаго». Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи».

удѣлъ перешелъ къ Святославу Всеволодовичу. Князь Мстиславъ Изъяславичъ не только не противодѣйствовалъ вокняженію въ Кіевѣ Изъяслава Давидовича, но способствовалъ его примиренію съ Святославомъ Олеговичемъ, когда между ними возникла ссора изъ-за попытки Изъяслава оставить за собой черниговское владѣніе, его поручивъ племяннику Святославу Владиміровичу. Одобривъ, затѣмъ, раздѣлъ ихъ, согласно которому Изъяславъ удержалъ въ своихъ рукахъ только нѣсколько городовъ черниговской области, Мстиславъ уѣхалъ обратно въ свой Владиміръ-Волынскъ. Онъ не могъ разсчитывать прочно обосноваться въ Кіевѣ, не имѣя достаточно силъ и средствъ для борьбы съ многочисленными соперниками, какими являлись на обладаніе Кіевомъ, помимо Изъяслава Давидовича, Святославъ Олеговичъ, Ростиславъ и Андрей Мстиславичи, а, вопервыхъ, Андрей Юрьевичъ суздальскій, если бы онъ добровольно не предпочелъ родного сѣвера, гдѣ Ростовъ и Суздаль, вопреки завѣщанію Юрія, предназначавшаго города эти младшимъ своимъ сыновьямъ, единодушно его избрали княземъ всей ростово-суздальской области. Тѣмъ не менѣе, Изъяславъ Давидовичъ, вѣроятно, желая на всякій случай пріобрѣсти себѣ друга въ лицѣ Владиміра Мстиславича, находившагося въ неладахъ съ племянникомъ, отправился добывать ему волость въ Туровѣ, отнятую у Бориса Юрьевича княземъ Юріемъ Ярославичемъ, внукомъ Святополка-Михаила. Несмотря на поддержку князя смоленскаго, галицкаго и нѣкоторыхъ другихъ князей, походъ кончился неудачею. Юрій въ теченіе 20 недѣль мужественно оборонялся, а въ станѣ его враговъ случился сильный падежъ коней отъ какой-то заразы.

*

Судя по захвату Изъяславомъ Давидовичемъ, еще при жизни Юрія, князя Ивана Берладника изъ рукъ суздальцевъ, можно предполагать, что онъ имѣлъ какіе-то виды на Галичъ и разсчитывалъ подчинить своему вліянію Ярослава Осмомысла, угрожая ему соперникомъ. Но этотъ его разсчетъ оказался ошибочнымъ. Хотя Ярославъ и послалъ ему вспомогательный отрядъ при его походѣ на Туровъ, но затѣмъ, усмотрѣвъ нерасположеніе къ кіевскому великому князю другихъ князей, какъ, напримѣръ, Олеговичей, все еще недовольныхъ на Изъяслава за то, что онъ удержалъ въ своихъ рукахъ часть черниговской области, началъ вмѣсто заискиванья добиваться выдачи ему Берладника. Въ этомъ требованіи своемъ онъ заручился впередъ поддержкой всѣхъ самыхъ главныхъ и сильныхъ русскихъ князей, а также польскихъ властителей и венгерскаго короля. Всѣ они присоединили свои посольства къ послу галицкому, явившемуся отъ Ярослава въ Кіевъ. Но Изъяславъ выказалъ предъ ними необычайную твердость, и отказался выдать Ивана Берладника. Тотъ покинулъ Кіевъ и съ помощью половцевъ началъ грабить рыболовныя суда галичанъ на Дунаѣ, безуспѣшно пытаясь, несмотря на сочувствіе простого народа, захватить въ свои руки Понизье. Потомъ Изъяславъ Давидовичъ его пригласилъ обратно въ Кіевъ. Ярославъ Осмомыслъ, обезпокоенный и раздраженный такимъ вызывающимъ поведеніемъ Изъяслава, предложилъ заключить съ собою союзъ для похода въ Кіевъ Мстиславу Изъяславичу, такъ какъ тому тоже было бы очень невыгодно, если бы Изъяславъ Давидовичъ посадилъ въ Галичѣ княземъ своего друга—Ивана Берладника. Къ этому союзу присоединился и другой волынскій князь Владиміръ

Андреевичъ. Въ виду такой опасности, Изъяславъ Давидовичъ поспѣшилъ примириться съ черниговскимъ княземъ Святославомъ Ольговичемъ, предлагая ему за содѣйствіе города, но, такъ какъ ихъ, естественно, соединяли общія выгоды и родовая близость, то Святославъ Ольговичъ отозвался немедленно на его просьбу о помощи, за нее не требуя никакого вознагражденія. Изъ Владиміра-Волынска къ Изъяславу приходили вѣсти, что враги его собираются идти на Кіевъ; изъ Галича народный голосъ къ себѣ призывалъ Берладника, обѣщая отступиться отъ Ярослава. Изъяславъ счелъ за лучшее самому выступить въ Галичъ, чѣмъ ожидать нападенія на себя въ Кіевѣ. Но Святославъ Ольговичъ возставалъ противъ того, чтобы двоюродный братъ его начиналъ войну въ пользу чужого человѣка и обѣщалъ свою помощь только на случай защиты Изъяслава въ Кіевѣ отъ его противниковъ. Упрямый Изъяславъ не послушалъ его совѣта и съ нимъ опять поссорился, отвѣтивъ ему гнѣвной угрозой изгнанья его обратно въ Новгородъ-Сѣверскъ. Оставшись, такимъ образомъ, безъ союзниковъ, онъ послалъ своего племянника Святослава Владиміровича въ степь за дикими половцами. Тѣмъ временемъ, Мстиславъ Изъяславичъ съ братомъ Ярославомъ, Владиміромъ Андреевичемъ и галицкимъ полкомъ, уже вошелъ въ Бѣлгородъ. Дождавшись половцевъ, Изъяславъ осадилъ его тамъ. Осажденные вошли въ сношеніе съ Черными Клобуками, находившимися при войскѣ Изъяслава Давидовича, но очень любившими отца Мстислава. Они предложили свои услуги сыну его; зажгли ночью станъ Изъяслава и съ крикомъ помчались къ Бѣлгороду. Изъяславъ такъ упалъ духомъ отъ ихъ измѣны, что сейчасъ же бѣжалъ—

33) Картина: Измѣна Черныхъ Клобуковъ Изъяславу Давидовичу.

и не въ Кіевъ, гдѣ не разсчитывалъ больше на хорошій пріемъ, а въ черниговскій городъ Гомель. Половцы въ такомъ же ужасѣ бросились переправляться назадъ, черезъ Днѣпръ, и много ихъ потонуло, много побито было Черными Клобуками. Мстиславъ безпрепятственно вошелъ въ Кіевъ—22 декабря 1158 г. Еще только собираясь въ походъ на Изъяслава, Мстиславъ и его родичи послали сказать Ростиславу смоленскому, что ищутъ кіевскаго стола только для него согласно его уговору съ Юріемъ суздальскимъ. Мстиславъ не могъ разсчитывать на дальнѣйшую поддержку себя Ярославомъ Осмомысломъ, если бы онъ сталъ кіевскимъ великимъ княземъ, такъ какъ тому не было вовсе разсчета хлопотать объ усиленіи ближайшаго своего сосѣда. Съ вокняженіемъ же Ростислава, онъ надѣялся, по примѣру отца, сохранить за собою все управленіе, предоставивъ Ростиславу пустое именованіе. Но Ростиславъ на эту внѣшнюю почесть совсѣмъ не льстился и оказался не столь сговорчивымъ и не столь бездарнымъ, какъ Вячеславъ. Онъ отвѣчалъ, что сядетъ въ Кіевѣ только «на свою волю» и подъ условіемъ, чтобы другіе князья повиновались ему, какъ отцу. Кромѣ того, онъ отказался исполнить требованіе Мстислава о возвращеніи въ Кіевъ его отцомъ поставленнаго митрополита Климента, такъ какъ считалъ избраніе его незаконнымъ. Однако, въ виду того, что митрополитъ Константинъ, соперникъ Климента, поносилъ Изъяслава Мстиславича, Ростиславъ согласился призвать изъ Царьграда новаго митрополита, а старецъ Константинъ уѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ скоро скончался, завѣщавъ тѣло свое отдать на съѣденье псамъ. Поддержавъ, такимъ образомъ, свое достоинство передъ племянниками, Ростиславъ Мстиславичъ принялъ кіев-

скій столъ въ самый день Пасхи, въ 1159 г., оставивъ княжить въ Смоленскѣ своего старшаго сына Романа, тогда какъ другой сынъ его, Рюрикъ, былъ взятъ имъ съ собою въ Кіевъ. Кіевляне встрѣтили Ростислава Мстиславича съ великой честью и радостью. Изъяславъ Давидовичъ, считая Святослава Ольговича главнымъ виновникомъ своего бѣдствія, отнялъ у него землю вятичей, полонилъ жителей одного мѣстечка, бывшаго собственностью княгини черниговской, и нападалъ на Курскъ.

Лѣтописное извѣстіе о походѣ Изъяслава II Мстиславича противъ Святослава Ольговича новгородъ-сѣверскаго, въ 1146 г., и отступленіе этого послѣдняго въ землю вятичей впервые обнаруживаетъ ихъ принадлежность къ черниговскому княженію. Вмѣстѣ съ русскимъ владычествомъ начала утверждаться здѣсь и христіанская Церковь. Извѣстны подвиги кіево-печерскаго инока Кукши. Онъ съ ученикомъ своимъ Никономъ проповѣдывалъ здѣсь слово Божіе; крестилъ многихъ язычниковъ и смертью мученика запечатлѣлъ торжество христіанства въ началѣ XII столѣтія. Однако, вятичи еще долго приносили жертвы старымъ богамъ въ чащахъ своихъ лѣсовъ, сожигали на большихъ кострахъ знатныхъ покойниковъ и насыпали надъ ними курганы. Изъ вятскихъ городовъ назовемъ, какъ наиболѣе извѣстные: Мценскъ, на рѣчкѣ Зушѣ, и Козельскъ, на крутомъ берегу Жиздры, притокѣ Оки, посереди овраговъ и хвойныхъ лѣсовъ.

Поведеніе двоюроднаго брата заставило Святослава Олеговича сблизиться съ княземъ кіевскимъ. Онъ заключилъ союзъ съ Ростиславомъ Мстиславичемъ въ городѣ Моравійскѣ, куда они съѣхались въ 1160 г., и, будучи въ юности непріятелями, теперь

34) Картина: Заключеніе дружескаго союза между Ростиславомъ Мстиславичемъ и Святославомъ Ольговичемъ.

заключили между собою тѣсную дружбу: согласились дѣйствовать общими силами противъ Изъяслава Давидовича и клялись умереть другъ за друга. При этомъ они обмѣнялись подарками въ знакъ взаимной любви. Ростиславъ одарилъ Святослава дорогими мѣхами и рыбьими зубами (какъ назывались тогда моржевые клыки), а Святославъ привелъ ему трехъ борзыхъ коней съ коваными сѣдлами и подарилъ, какъ нѣкогда черезъ сына Олега Юрію суздальскому въ Москвѣ,—красивую шкуру барса.

Ростиславъ, послѣ этого, дѣятельно помогалъ Святославу въ его борьбѣ съ Изъяславомъ Давидовичемъ, поддержанный и Ярославомъ галицкимъ, конечно, изъ личныхъ его видовъ. Съ этой борьбою связано, должно быть, и взятіе берладниками Олешья по наущенью князя Ивана Берладника, желавшаго, вѣроятно, помочь своему покровителю. Ростиславъ вообще обнаружилъ особенную заботливость объ охранѣ торговаго пути по Днѣпру въ Кіевъ для безопасности русскихъ купцовъ, привозившихъ товары изъ Византіи, и пріазовскихъ, торговавшихъ съ Тавридой, а также съ краемъ вокругъ Азовскаго моря. Первые носили названіе «гречниковъ», а вторые—«залозниковъ». Южнорусскіе берладники, незадолго до смерти своего бывшаго князя Ивана занимавшіеся вообще разбоемъ на сушѣ и на морѣ, разграбили при устьи Днѣпра складочное мѣсто товаровъ, вывозимыхъ изъ Греціи,—Олешье. Такой грабежъ наносилъ чувствительный ударъ русской торговлѣ съ Греціей, и Ростиславъ тотчасъ же послалъ противъ берладниковъ судовую рать. Она настигла грабителей и отняла у нихъ греческіе товары. Кромѣ того, надлежало еще отразить набѣгъ хищныхъ половцевъ. Олегъ Святославичъ въ черниговской области, а

дружина галицкая, князья волынскіе и берендѣи—на западномъ берегу Днѣпра, ихъ побили и гнали до самой границы степи. Но, тѣмъ временемъ, другая орда ихъ, нанятая Изъяславомъ Давидовичемъ, во главѣ съ нимъ, осадила Черниговъ. Святославъ Олеговичъ съ племянникомъ, княземъ сѣверскимъ, едва успѣли приготовиться къ оборонѣ и звали на помощь къ себѣ войска Ростислава. Но кіевляне, помнившіе попытку чернигово-сѣверскихъ князей заманить и предать Изъяслава Мстиславича, довѣряя искренней дружбѣ Святослава Олеговича, не довѣряли его легкомысленному племяннику, такъ что тотъ, для успокоенія ихъ, прислалъ въ Кіевъ заложникомъ своего сына. Изъяславъ Давидовичъ, устрашенный полками великокняжескими, бѣжалъ-было въ степи; но, услыхавъ затѣмъ, что неосторожный Святославъ Ольговичъ отпустилъ союзниковъ, между тѣмъ какъ самъ заболѣлъ, онъ возвратился съ своими половцами. Черниговскій князь, однако, успѣлъ вернуть кіевлянъ и, хотя, правда, былъ боленъ, но вышелъ въ поле и мужественно отразилъ враговъ. Изъяславъ отомстилъ страшнымъ опустошеніемъ смоленской области, гдѣ далъ волю грабить и убивать своимъ наемникамъ-половцамъ. Но, видя превосходство силъ своихъ противниковъ, онъ сталъ искать союза Андрея суздальскаго.

Не заботясь о Россіи южной, Андрей желалъ господствовать въ сѣверной единовластно, и потому присвоить себѣ новгородскую область, изгнавъ оттуда сыновей Ростислава: Святослава—изъ самой столицы ея, а Давида изъ Торжка. Въ виду этихъ своихъ стремленій, Андрей вступился за Изъяслава и помолвилъ дочь свою за его племянника, Святослава Владиміровича, осаждаемаго въ своемъ городѣ

Вщижѣ княземъ черниговскимъ, причемъ сыновья великаго князя, Романъ и Рюрикъ, Святославъ Всеволодовичъ съ своимъ братомъ Ярославомъ, полочане и галицкая дружина сражались подъ его стягами. Услышавъ, однако, что сильное войско Андрея идетъ отразить ихъ отъ Вщижа, съ полками муромскими,—Святославъ черниговскій снялъ осаду, клятвенно обязавъ племянника чтить его, какъ старшаго въ родѣ. Андрей встрѣтился съ Изъяславомъ въ Волокѣ-Ламскомъ, гдѣ они пировали на свадьбѣ. Потомъ онъ вынудилъ новгородцевъ принять къ себѣ княземъ сына умершаго Ростислава Юрьевича. Давидъ Ростиславичъ смоленскій былъ вынужденъ оставить Торжокъ, а Святославъ, заключенный сначала подъ стражу въ Ладогѣ, оттуда тоже вернулся въ родной Смоленскъ. Хотя великій князь очень досадовалъ на Андрея, однако не сталъ ему мстить новымъ кровопролитіемъ, желая спокойствія. Удовлетворившись тогда пріобрѣтеніемъ Новгорода, Андрей суздальскій не былъ больше расположенъ враждовать съ Ростиславомъ. Зато Изъяславъ Давидовичъ себѣ нашелъ единомышленника въ лицѣ непостояннаго Святослава Всеволодовича. Сторону ихъ вмѣстѣ съ нимъ приняли нѣкоторые кіевскіе и черниговскіе бояре, желавшіе неустройства ради своихъ личныхъ выгодъ. Кромѣ того, Олегъ Святославичъ, посланный отцомъ въ Кіевъ, гдѣ Ростиславъ готовился угостить его, повѣрилъ клеветникамъ, увѣрившимъ его, будто великій князь замышляетъ его посадить въ темницу, и, не предупреждая отца, присоединился вслѣдствіе этого несправедливаго наговора къ Изъяславу Давидовичу съ двоюроднымъ братомъ. Бояре Святослава Олеговича смутили и его тоже навѣтами, будто Ростиславъ тайно предлагалъ Черниговъ Изъяславу. Но, тѣмъ не менѣе,

онъ не захотѣлъ принять участіе въ войнѣ противъ своего друга. Сначала Изъяславъ подступилъ къ Переяславлю, надѣясь привлечь на свою сторону Глѣба Юрьевича, но, не успѣвъ въ этомъ, удалился. Потомъ, подкрѣпленный множествомъ половцевъ, онъ въ теченіе зимы переправился черезъ Днѣпръ выше Кіева и ворвался въ Подолъ, огороженный высокимъ тыномъ. Половцы зажгли дома и привели мечами своими въ ужасъ жителей Кіева. Ростиславъ, по совѣту дружины, оставилъ свою столицу и скрылся въ крѣпости Бѣлгорода, куда Мстиславъ Изъяславичъ и галичане пришли къ нему на помощь. Изъяславъ бѣжалъ.

Преслѣдуя его, одинъ непріятельскій всадникъ расшибъ ему саблей голову. Великій князь и Мстиславъ, найдя его плавающимъ въ крови, не могли удержать слезъ искренней горести. Изъяславъ попросилъ пить. Ему дали вина, и несчастный князь, отвѣтивъ своимъ врагамъ благодарнымъ взглядомъ, скончался. Сохранилось преданіе, что въ битвахъ онъ обыкновенно носилъ власяницу своего брата, Николая Святоши, а въ этотъ злосчастный для него день, почему-то, ея не надѣлъ. Утративъ въ Изъяславѣ Давидовичѣ своего вѣрнаго покровителя, злополучный галицкій князь, Иванъ Берладникъ, уѣхалъ въ Грецію, гдѣ въ городѣ Ѳессалоникѣ былъ отравленъ, будто по проискамъ Ярослава Осмомысла.

35) Картина: Смерть Изъяслава Давидовича.

Ростиславъ возвратился въ Кіевъ, такимъ образомъ, во второй разъ обязанный велико-княжескимъ столомъ помощи Мстислава Изъяславича. На основаніи этого, тотъ, повидимому, счелъ себя въ правѣ снова потребовать отъ него кое-какихъ уступокъ и уѣхалъ домой разгнѣванный, получивъ отказъ. Въ Волыни Мстиславъ сталъ приглашать къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Ростислава князя Владиміра Андрее-

вича. Однако, не встрѣтивъ себѣ сочувствія съ его стороны, отложилъ свои воинственныя намѣренія и, вступивъ въ мирные переговоры съ великимъ княземъ, присоединилъ къ владѣніямъ своимъ Торческъ, Бѣлгородъ и пограничный съ степью Каневъ. Меньшому своему брату—Владиміру Мстиславичу—Ростиславъ предоставилъ Треполь. Въ годъ смерти Изъяслава Давидовича, Ростиславъ примирился съ черниговo-сѣверскими князьями—въ 1161 г., и, когда, въ 1164 г., скончался Святославъ Олеговичъ, онъ былъ такъ огорченъ его смертью, что хотѣлъ-было, по примѣру Николая Святоши, постричься въ монахи. Но его духовникъ напомнилъ ему о лежащихъ на немъ обязанностяхъ великаго князя, и онъ тогда отказался отъ своего намѣренія. Ростиславъ вообще былъ крайне благочестивъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе Великимъ постомъ пріобщаться еженедѣльно, а по воскресеніямъ угощалъ у себя печерскихъ монаховъ съ ихъ игуменомъ--Поликарпомъ. Черниговскій столъ наслѣдовалъ Святославъ Всеволодовичъ, и, когда у нихъ произошли пререканія изъ-за волостей съ Олегомъ Святославичемъ, Ростиславъ посредничалъ между ними, такъ какъ Олегъ Святославичъ, женатый прежде на дочери Юрія суздальскаго, овдовѣвъ, женился на дочери Ростислава, между тѣмъ какъ сестра его вышла замужъ за Ярослава Изъяславича. Къ этому времени Ростиславъ уже уладился на сѣверѣ съ Андреемъ Юрьевичемъ, который, годъ спустя послѣ того, какъ прогналъ его сыновей изъ новгородской области, согласился на возвращеніе княземъ въ Новгородъ Святослава Ростиславича смоленскаго и предоставилъ Кіеву новгородскую дань. Тогда въ Смоленскѣ сѣлъ княжить опять другой сынъ Ростислава—Романъ.

Въ 1164 г. на новгородскую землю снова

напали шведы, давно пытавшіеся овладѣть ключомъ сѣвернаго торговаго пути въ Русь Ладогой и побережьемъ Финскаго залива. До сихъ поръ ихъ внутреннія дѣла, съ прекращеніемъ древней королевской династіи и возникновеніемъ борьбы между язычествомъ и христіанствомъ, не оставляли имъ времени для внѣшнихъ войнъ; а въ 1164 г. подъ Ладогой явился шведскій флотъ въ количествѣ 55 продолговатыхъ судовъ, съ низкимъ бортомъ и длиннымъ носомъ. Ладожане съ посадникомъ своимъ Нѣжатою заперлись въ крѣпости и до тѣхъ поръ отбивали приступы непріятеля, пока на помощь къ нимъ не пришла новгородская судовая рать съ княземъ Святославомъ и посадникомъ Захаріемъ. Тогда шведы потерпѣли полное пораженіе и ушли, потерявъ 43 корабля.

36) Картина: Осада Ладоги шведскими судами.

Южная Русь на-время успокоилась. Ростиславъ съ честью носилъ достоинство кіевскаго князя. Не обладая особенными дарованіями государя и полководца, онъ внушалъ къ себѣ уваженіе своею честностью и справедливостью. Онъ дѣйствительно былъ первымъ между равными и обладалъ неоспоримымъ вліяніемъ во всѣхъ областяхъ русской земли, кромѣ ея сѣверо-восточнаго края. Только однихъ владѣтелей полоцкихъ онъ никакъ не могъ успокоить.

Исторія полоцкой земли, послѣ возвращенія князей изъ греческаго заточенія, крайне темна и сбивчива. Видно только, что смуты въ южной Руси помогли ей окончательно освободиться отъ кіевской зависимости. Когда Мономаховичи изъ Смоленска, Кіева и Волыни стали тѣснить потомковъ Всеслава, полочане, естественно, вступили въ союзъ съ ихъ соперниками—черниговскими князьями и, при ихъ помощи, защищали свою самостоятельность. Однако, недоста-

токъ внутренняго единенія между князьями полоцкими и строптивое отношеніе къ нимъ населенія не дали полоцкой землѣ окрѣпнуть для надвигавшейся на нее борьбы съ Литвою и нѣмцами. Главный полоцкій столъ сталъ предметомъ непримиримыхъ распрей между потомками знаменитаго князя Всеслава. Изгнаніе въ Грецію перепутало ихъ родственные счеты. Всякій порядокъ наслѣдованія старшинства, державшійся еще строго въ другихъ русскихъ областяхъ, здѣсь былъ вполнѣ нарушенъ. Старшинство это, кромѣ того, мало почиталось младшими родичами. Ни одинъ полоцкій князь со времени возвращенія Всеславичей изъ византійскаго плѣна на столъ ихъ прадѣдовъ, до самаго нашествія татаръ, не выдѣлился по какимъ-либо качествамъ своей личности. Рядомъ съ ослабленіемъ княжеской власти развивалось въ Полоцкѣ народоправленіе, стремившееся подчинить своимъ рѣшеніямъ младшіе города. Особенно ярко выдѣлилась въ полоцкой исторіи этого времени борьба двухъ внуковъ Всеслава, двоюродныхъ братьевъ: Рогвольда Борисовича полоцкаго и Ростислава Глѣбовича минскаго. Въ 1151 г. Ростиславъ, безо всякаго на то законнаго права, отнялъ полоцкій столъ у Рогвольда, женатаго на дочери Изъяслава II кіевскаго, и потому находившагося въ нѣкоторомъ подчиненіи у Мономаховичей. Освободившись изъ-подъ стражи, Рогвольдъ, въ 1159 г., обратился съ просьбою о защитѣ къ Святославу Олеговичу черниговскому, и ему удалось съ помощью его войска вернуть себѣ нѣсколько волостей, послѣ чего онъ водворился въ городѣ Друцкѣ. Непостоянные полочане, измѣнивъ Ростиславу, стали опять звать къ себѣ Рогвольда и покушались убить Ростислава Глѣбовича. Но Ростиславъ былъ объ этомъ

во-время предупрежденъ и, уѣхавъ въ Минскъ къ брату Володарю, оттуда напалъ на занявшаго снова полоцкій столъ Рогвольда. Рогвольду помогъ, по свойству, дядя его жены, Ростиславъ смоленскій, но за это выговорилъ у него присоединеніе къ смоленской области Витебска. Несмотря, однако, на его помощь, Володарь Глѣбовичъ нанесъ въ 1162 г. такое пораженіе Рогвольду подъ Городцемъ, набравъ войско въ Литвѣ, что тотъ не посмѣлъ воротиться въ Полоцкъ, а ушелъ въ свой удѣльный Друцкъ. Верстахъ въ 20-ти отъ города Орши, по дорогѣ въ Минскъ, лежитъ въ полѣ красноватый валунъ. На немъ высѣченъ шестиконечный крестъ съ подставкой и надписью вокругъ него: «Господи, помози сыну Борисову». Помянутый камень находится на землѣ, принадлежащей Друцскому удѣлу. Достойно примѣчанія, что, кромѣ Рогвольдова камня, сохранилось еще нѣсколько подобныхъ камней въ руслѣ Западной Двины. На нѣкоторыхъ надписи невозможно разобрать. Немного ниже города Дисны, въ самой порожистой части этой рѣки, возвышается посреди нея гранитный сѣрый валунъ съ изображеніемъ такого же креста и надписью: «Господи, помози рабу твоему Борису». По всей вѣроятности, этотъ камень принадлежитъ къ памятникамъ княженія отца Рогвольда, старшаго изъ сыновей Всеслава.

Послѣ вышеописанныхъ событій мы видимъ на полоцкомъ столѣ одного изъ правнуковъ знаменитаго Всеслава: Всеслава же Васильковича. Онъ находился въ полной зависимости отъ смоленскихъ князей, вслѣдствіе поддержки, какую они оказывали ему въ отношеніяхъ его съ сосѣдями и въ борьбѣ съ другими полоцкими князьями. Потерпѣвъ пораженіе отъ городецкаго князя, Володаря Глѣбовича, Всеславъ принужденъ былъ искать убѣжища въ Ви-

тебскѣ, у Давида Ростиславича. Защищая переправу черезъ Двину, тотъ поджидалъ для рѣшительной битвы своего брата—Романа. Но раньше, чѣмъ Романъ пришелъ, дружинѣ Володаря послышался какой-то шумъ, похожій на приближеніе рати, и она, въ страхѣ, бѣжала, вообразивъ себя въ западнѣ между двумя врагами. Послѣ того Всеславъ возвратился благополучно въ Полоцкъ—въ 1167 г.

Но, тяготясь своей зависимостью отъ смолянъ и не мирясь съ уступкой Витебска, полочане стали опять искать союза съ Черниговомъ и Литвою.

37) Картина: Тревога на сторожевомъ посту.

На югѣ половцы, столько разъ призываемые самими князьями русскими для разграбленія враждебныхъ имъ областей, возобновляли изъ года въ годъ свои разорительные набѣги. Въ 1159 г. ихъ разбилъ, въ союзѣ съ галичанами, волынскій князь города Луцка—Ярославъ Изъяславичъ. Но въ 1161 г. они опять вторглись въ Поросье и захватили черноклобуцкія вѣжи, по рѣкѣ Руту. Черные Клобуки, однако, отбили полонъ и сами взяли 500 человѣкъ плѣнныхъ. Кромѣ того, пользуясь усобицами, половцы нападали на торговые караваны. Такъ, въ 1167 г. они начали грабить гречниковъ, и Ростиславъ посылалъ ополченіе, подъ начальствомъ боярина своего Владислава Ляха, для ихъ охраны. Въ слѣдующемъ году полки чуть не всѣхъ южнорусскихъ князей, по приглашенію Ростислава, ходили къ Каневу и здѣсь стояли долгое время, угрожая половцамъ, пока не прошли караваны гречниковъ и залозниковъ.

Лѣтомъ, въ 1168 г., Ростиславъ Мстиславичъ предпринялъ лично путешествіе въ Новгородъ, чтобы уладить недоразумѣнія между сыномъ и новгородцами. Дорогой, вверхъ по Днѣпру и Сожѣ въ Смоленскъ, онъ имѣлъ свиданіе съ своимъ зятемъ, кня-

земъ Новгородъ-Сѣверскимъ — Олегомъ, и дочерью. Согласно обычаю того времени, они обмѣнялись подарками и угощали другъ друга. Затѣмъ Ростиславъ продолжалъ свой путь. Уже за 300 верстъ отъ Смоленска, какъ знакъ особой любви этого города къ своему бывшему князю, его встрѣтили лучшіе городскіе мужи; а потомъ чуть не весь городъ вышелъ его провожать, вмѣстѣ съ княземъ Романомъ и его дѣтьми, причемъ граждане принесли ему очень много всякихъ даровъ. Ростиславъ не доѣхалъ до Новгорода, заболѣвъ въ Торопцѣ. Онъ вызвалъ Святослава съ лучшими людьми Новгорода на свиданіе къ себѣ въ Великіе Луки и тамъ заставилъ новгородцевъ поцѣловать крестъ Святославу, что они не будутъ искать себѣ иного князя. Повернувъ затѣмъ обратно къ Смоленску, Ростиславъ умеръ, недалеко отъѣхавъ къ югу, въ Зарубѣ, удѣлѣ своей сестры Рогнѣды. Ростиславъ Мстиславичъ былъ послѣдній великій князь кіевскій, сохранившій за собой значеніе главнаго звена между многочисленными потомками Владиміра Великаго и между отдѣльными частями Руси. Его старшинство признавали всѣ остальные удѣльные князья. Послѣ же его смерти значеніе кіевскаго стола быстро и окончательно рушится.

38) Картина: Встрѣча князя Ростислава Мстиславича въ Смоленскѣ.

Мы знаемъ, что Ростиславъ Мстиславичъ въ 1160 г. призвалъ изъ Греціи новаго митрополита— Ѳеодора, взамѣнъ соперника, изгнаннаго Юріемъ суздальскимъ Климента Смолятича,—Константина. Однако, Ѳеодоръ умеръ чрезъ три года, и тогда великій князь, желая отдать справедливость достоинствамъ святителя Климента, вознамѣрился возвратить ему санъ кіевскаго митрополита, для чего послалъ за нимъ въ Грецію одного изъ своихъ бояръ. Но тотъ въ Олешьѣ встрѣтился уже съ новымъ митро-

политомъ Іоанномъ, поставленнымъ въ Кіевъ царьградскимъ патріархомъ безъ согласія великокняжескаго. Ростиславъ былъ весьма недоволенъ этимъ,— однако, смягченный дружескимъ письмомъ византійскаго императора Мануила и его дорогими дарами, принялъ греческаго іерарха, съ однимъ условіемъ: чтобы впредь императоръ и патріархъ не избирали митрополитовъ Россіи безъ воли ея государей. Епископу новгородскому Іоаннъ позволилъ именоваться архіепископомъ. Этотъ митрополитъ, умершій незадолго до кончины великаго князя, славился своей ученостью, и, слыша о желаніи римскаго папы Александра III знать особенности ученія нашей церкви, написалъ ему ласковое письмо въ защиту ея уставовъ.—«Не понимаю», писалъ Іоаннъ, «какъ могутъ римляне именовать насъ лже-христіанами? Мы же считаемъ ихъ своими братьями, хотя и видимъ, что они во многомъ заблуждаются».

Сравнивъ ученія обѣихъ церквей и доказавъ согласіе православной вѣры съ апостольскими завѣтами, Іоаннъ горячо убѣждалъ папу возстановить древнее единство среди христіанъ и выражалъ желаніе, чтобы братская любовь обитала въ сердцахъ ихъ.

Хотя Ростиславъ оставилъ послѣ себя нѣсколькихъ сыновей, отличавшихся честолюбіемъ и отвагой, кіевляне все же призвали на великокняжескій столъ Мстислава Изъяславича, а двоюродные братья признали его старшинство безъ спора, такъ же, какъ дядя ихъ, младшій братъ Изъяслава II—Владиміръ Мстиславичъ. По родовымъ и отчиннымъ счетамъ, права на кіевскій столъ, кромѣ названныхъ князей, имѣли еще: князь черниговскій Святославъ Всеволодовичъ и суздальскій—Андрей Юрьевичъ; но ни кіевское населеніе, ни потомки Мономаха не имѣли никакого

желанія призывать того или другого въ Кіевъ. Владиміръ Мстиславичъ не пользовался уваженіемъ въ народѣ такъ же, какъ среди своихъ родичей. Мстиславъ же, дважды посадившій Ростислава Мстиславича на кіевскій столъ, наслѣдникъ отцовской славы и привязанности народной, являлся естественнымъ преемникомъ Ростиславу. Князья укрѣпили согласіе между собой крестнымъ цѣлованіемъ, и, увѣренный въ своемъ выборѣ, Мстиславъ спокойно заканчивалъ свои дѣла въ Волыни, пославъ на время для управленія Кіевомъ своего племянника Василька Ярополковича съ новымъ тіуномъ. Но чрезъ нихъ онъ узналъ, что его родичи заключили между собой уговоръ: требовать отъ Мстислава волостей для себя «по своей волѣ». Владиміръ Мстиславичъ хотѣлъ Поросья; Владиміръ Андреевичъ — Берестья, а Ярославъ Изъяславичъ-Владиміра-Волынска. Ихъ обѣщали поддержать Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи.

Тогда, не склонный вовсе къ уступкамъ, Мстиславъ Изъяславичъ вошелъ въ сношеніе съ польскими князьями и Ярославомъ галицкимъ. Подкрѣпленный полками ихъ, онъ двинулся къ Кіеву противъ заговорщиковъ.

Дорогой къ нему присоединились Черные Клобуки. Мстиславъ ихъ отправилъ впередъ съ братомъ своимъ Ярополкомъ. Испуганный этимъ грознымъ нашествіемъ, Владиміръ Мстиславичъ поспѣшилъ удалиться изъ даннаго ему въ удѣлъ Ростиславомъ Треполя въ Вышгородъ, къ Ростиславичамъ. Когда, вслѣдъ за Ярополкомъ, въ Кіевъ вступилъ Мстиславъ, все населеніе вышло къ нему навстрѣчу. Ярославъ Изъяславовичъ предпочелъ помириться съ братомъ, хотя Владиміра-Волынска не получилъ, а остался въ Луцкѣ. Мстиславъ направился къ Выш-

городу, гдѣ засѣли его противники. Послѣ ожесточенныхъ схватокъ, осажденные начали переговоры о волостяхъ и согласились на томъ, что Давидъ получитъ Вышгородъ, а Рюрикъ-Овручъ. Такимъ образомъ это сосредоточіе древлянской земли опять становилось особымъ удѣломъ. Отъ Владиміра Мстиславича Мстиславъ потребовалъ вторичной присяги, сказавъ ему:—«Еще не обсохли уста твои, цѣловавшія крестъ мнѣ въ истинномъ дружествѣ, какъ ты нарушилъ клятву». Но Владиміръ Мстиславичъ, поцѣловавъ крестъ и во второй разъ, не постыдился сейчасъ же послѣ склонить на свою сторону берендѣевъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ его удѣломъ Трепольемъ. Не удовлетворившись великодушно прибавленнымъ ему Мстиславомъ городомъ—Котельницей, онъ предложилъ своимъ прежнимъ союзникамъ продолжать, при помощи вѣроломныхъ берендѣевъ, враждебныя дѣйствія противъ Мстислава. Однако, тѣ были возмущены его безстыдствомъ, и отказались, а Давидъ Ростиславичъ выдалъ его коварныя предположенія Мстиславу. Берендѣи, увидѣвъ, что ихъ союзникъ покинутъ всѣми боярами и другими князьями, не захотѣли больше воевать за него, и пустили ему въ грудь двѣ стрѣлы.

Стыдясь самого себя, отверженный княземъ Дорогобужскимъ Владиміромъ Андреевичемъ и Давидомъ Ростиславичемъ, боясь справедливой мести племянника,—Владиміръ Мстиславичъ бѣжалъ къ Андрею суздальскому. Но даже Андрей не захотѣлъ его видѣть, хотя и пріютилъ у себя, повелѣвъ ему жить въ рязанской землѣ, у князя Глѣба Ярославича, находившагося отъ него въ зависимости. Онъ принялъ еще другого изгнанника, имъ поставленнаго новгородскаго князя, Святослава Ростиславича. Новгородцы,

рѣшивъ, что они освободились со смертью Ростислава Мстиславича отъ ему данной клятвы: «себѣ не искать иного князя помимо сына его», составили заговоръ прогнать его отъ себя, и, когда Святославъ, провѣдавъ о такомъ умыслѣ ихъ, бѣжалъ въ Великіе Луки, новгородцы ему объявили, что не хотятъ его больше имѣть своимъ княземъ, причемъ заставили покинуть городъ ихъ. Святославъ спасся отъ непріязни новгородцевъ въ суздальскую область, ища защиты Андрея, а по пути, въ отмщеніе имъ, сжегъ Торжокъ. Князь же смоленскій Романъ Ростиславичъ, заступившись за брата, выжегъ Луки. Могущественный Андрей дѣйствовалъ въ пользу изгнанника заодно съ Романомъ и Всеславомъ полоцкимъ. Однако, новгородцы, во главѣ съ умнымъ посадникомъ своимъ Якуномъ, упорствовали въ своемъ нежеланіи принять Святослава, а тотъ черезъ два года умеръ.

Тѣмъ временемъ великій князь кіевскій, водворивъ благополучно спокойствіе внутри страны, созвалъ всѣхъ родичей въ Кіевъ и горячею рѣчью о защитѣ русской земли отъ кровавыхъ набѣговъ половцевъ, отъ ихъ постояннаго, неисправимаго вѣроломства, воодушевилъ съѣхавшихся князей предпринять общими силами, по примѣру предковъ, походъ въ южнорусскую степь. Мы уже видѣли, что Ростиславъ два раза посылалъ отряды для охраны торговыхъ каравановъ. Но Мстиславъ не хотѣлъ ограничиться одной обороной, а перешелъ къ наступательной борьбѣ съ половцами. Въ 1169 г. князь Святославъ Всеволодовичъ черниговскій и Олегъ Святославичъ сѣверскій, Романъ, Давидъ и Рюрикъ Ростиславичи, Глѣбъ Юрьевичъ переяславскій съ братомъ своимъ Михаиломъ и даже совсѣмъ больной Ярополкъ Изъяславичъ, скончавшійся въ этомъ походѣ,—выступили

со своими дружинами въ половецкую степь. Девять дней шло войско степью, тѣмъ же путемъ, какимъ ходилъ Владиміръ Мономахъ въ 1103 и 1152 г. къ нижнему теченію Днѣпра. Половцы передъ ними бѣжали, бросая въ страхѣ свои кибитки и семьи. Русскіе князья ихъ настигли у Чернаго лѣса, множество перебили и взяли въ плѣнъ. Берендѣи же гнали ихъ до Оскола. Не понеся никакихъ потерь и набравши много добычи, русскіе съ торжествомъ возвратились въ Кіевъ. Однако, не удовольствовавшись такимъ успѣхомъ и опасаясь, какъ бы половцы не возобновили, тѣмъ не менѣе, грабежа на Днѣпрѣ торговыхъ каравановъ и еще съ большею силою, ради мести, онъ предложилъ волынскимъ и кіевскимъ князьямъ, причастнымъ къ выгодамъ этой торговли, пойти еще разъ къ Каневу для охраны торговцевъ, двигающихся по греческому пути. Князья согласились и ожидали въ Каневѣ караваны гречниковъ, а также залозниковъ, готовые защитить ихъ отъ нападенія половцевъ. Но тутъ произошла ссора между Мстиславомъ II-мъ и Ростиславичами изъ-за наговоровъ на великаго князя бояръ, удаленныхъ Мстиславомъ за то, что ихъ слуги покрали его коней и перепятнали своимъ тавромъ. Но главной причиной разрыва ихъ послужило то, что новгородцы просили у Мстислава себѣ въ князья его сына Романа. Неосторожно исполнивъ ихъ просьбу, Мстиславъ вооружилъ окончательно противъ себя Ростиславичей. Романъ же, естественно, явился мстителемъ новгородцевъ за разореніе ихъ областей: сжегъ смоленскій городъ Торопецъ и воевалъ съ полочанами.

Съ другой стороны, дорогобужскій князь Владиміръ Андреевичъ покинулъ Мстислава, разгнѣванный за то, что, несправедливо требуя себѣ отъ него новыхъ городовъ, получилъ отказъ. Онъ началъ тогда

сношенія съ Андреемъ суздальскимъ, пользуясь тѣмъ, что отецъ Андрея далъ обѣщаніе его отцу о немъ заботиться. Андрей же суздальскій только ждалъ удобнаго случая, чтобы изгнать изъ Кіева сына Изъяслава II-го—непримиримаго врага его отца, и очень радъ былъ новымъ раздорамъ, возникшимъ среди южнорусскихъ князей. Кромѣ того, онъ счелъ личной обидой покровительство, оказанное Мстиславомъ, сопротивлявшимся его желанію, новгородцамъ. Многіе изъ прежнихъ союзниковъ Мстислава теперь отъ него отступились. Съ Андреемъ же заключили союзъ, кромѣ брата его, князя переяславскаго—Глѣба, Владиміра Андреевича дорогобужскаго, Ростиславичей и князя полоцкаго, обиженныхъ Романомъ Мстиславичемъ, еще князья новгородъ-сѣверскіе. Святославъ Всеволодовичъ черниговскій, добиваясь Кіева для себя, не пожелалъ способствовать въ добываніи его Андрею Юрьевичу. Тотъ велъ съ собою еще дружины ему покорныхъ князей, рязанскаго и муромскаго. Соединенная эта рать пошла къ Кіеву подъ начальствомъ сына Андрея—Мстислава и воеводы—Бориса Жидиславича. Союзники должны были соединиться въ Вышгородѣ, гдѣ тогда княжилъ Давидъ Ростиславичъ. Это грозное ополченіе многихъ князей шло съ разныхъ сторонъ къ Днѣпру, между тѣмъ какъ Мстиславъ ничего не вѣдалъ, и послалъ вѣрнаго ему Михаила Юрьевича съ отрядомъ берендѣевъ въ Новгородъ. Тотъ попалъ въ плѣнъ къ Ростиславичамъ вмѣстѣ съ нѣсколькими новгородскими купцами. Мстиславъ едва успѣлъ призвать берендѣевъ и торковъ, когда враги стояли уже подъ стѣнами города. Ярославъ изъ Луцка пошелъ къ нему на помощь, но не поспѣлъ. Союзное войско остановилось у Кирилловскаго монастыря и на второй недѣлѣ Ве-

ликаго поста обложило Кіевъ. Три дня продолжалась упорная борьба осаждающихъ и осажденныхъ. Черные Клобуки измѣнили Мстиславу. У него не хватилс силъ бороться съ многочисленными полками враговъ и онъ бѣжалъ изъ Кіева, куда, уже безпрепятственно вступили суздальцы со своими союзниками. Побѣжденный Мстиславъ встрѣтилъ по пути во Владиміръ-Волынскъ брата, шедшаго къ нему на помощь, и вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ свой волынскій удѣлъ.

Чего никогда не бывало прежде, Кіевъ,—столица и сердце русской земли; ея гордость и слава съ древнихъ временъ,—былъ отданъ на разграбленіе. Особенно въ немъ усердствовали Черные Клобуки, измѣнившіе Мстиславу Изъяславичу. Вождь суздальской рати поступилъ такъ жестоко съ Кіевомъ потому, что хорошо зналъ предначертанія своего отца, не собиравшагося жить въ этой столицѣ южной Руси. Андрей Юрьевичъ не любилъ никогда южнорусскихъ земель, терзаемыхъ постоянными распрями князей и набѣгами степныхъ ордъ. Его гораздо болѣе привлекалъ сѣверо-восточный край своей тишиной и покорностью. Въ грабежѣ частныхъ домовъ и церквей смольняне, суздальцы и сѣверяне не отставали отъ дикихъ берендичей. Забираемы были иконы, ризы и колокола, благо на то очевидно, было дано разрѣшеніе. Иначе, Мстиславъ Андреевичъ, конечно, могъ бы унять своихъ союзниковъ. По предварительному наказу отца, онъ перевелъ на кіевскій столъ изъ южнаго Переяславля своего дядю—Глѣба. Князь же Андрей предпочелъ остаться въ своемъ удѣльномъ Владимірѣ на Клязьмѣ. Съ этой минуты, когда Владиміръ былъ предпочтенъ Кіеву, ясно обозначился поворотъ въ исторической жизни Россіи: сосредоточіе ея перешло съ юга на сѣверо-востокъ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

ГЛАВА I *).

Кіевская земля въ XII в. Переяславская область. Южно-русская степь и половцы. Галицкій князь Ярославъ Осмомыслъ. Земля Волынская.

Руководящая сила народнаго хозяйства—внѣшняя торговля, приносила Руси большія богатства. Денежные знаки обращались въ изобиліи. Не говоря о серебрѣ, въ оборотѣ было много гривенъ золота. Въ половинѣ XI вѣка смоленскій князь получалъ одной дани, помимо другихъ доходовъ, 3000 гривенъ кунъ, т. е. сумму въ 150 тысячъ р. Сынъ нормана Шимона, основателя Успенскаго храма въ Кіево-Печерской Лаврѣ, служившій тысяцкимъ у князя Юрія Долгорукаго, чтобы оковать гробъ препод. Ѳеодосія, пожертвовалъ 500 ф. серебра и 50 ф. золота. Если судить о Руси этого времени по быту высшихъ классовъ населенія, то можно предположить въ ней большіе успѣхи какъ жизненнаго довольства, такъ и общественнаго просвѣщенія. Пользуясь приливомъ заморскихъ богатствъ въ торговые города Руси, господствующій классъ нарядно одѣлся; создалъ себѣ привольную жизнь и просторно обстроился въ нихъ.

*) Источники: В. Ключевскій: «Курсъ Русской Исторіи». М. Грушевскій: «Очеркъ Кіевской земли послѣ смерти Ярослава Мудраго». Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Гр. Толстого и Кондакова: «Русскія древности». П. Н. Полевой: «Очеркъ Русской Исторіи въ памятникахъ быта».

До сихъ поръ въ старинныхъ могилахъ и кладахъ южной Руси находятъ относящіяся къ тѣмъ временамъ золотыя и серебряныя вещи, часто художественной работы. Богатства кіевской Руси привлекали въ нее заморскихъ художниковъ. Уцѣлѣвшіе остатки храмовъ этого времени поражаютъ глазъ мастерствомъ своихъ фресокъ (стѣнной живописи). Мы показывали уже образцы такой росписи Кирилловскаго монастыря, построеннаго кіевскимъ княземъ Всеволодомъ Олеговичемъ, и говорили о красотѣ собора во имя Св. Софіи, сооруженнаго Ярославомъ Мудрымъ. Весь этотъ храмъ, въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ, украшенъ былъ сверху до низу богатѣйшей мозаикой (мусіей). Все остальное пространство его, не исключая столбовъ, простѣнковъ и лѣстницъ, было покрыто фресковой живописью. Прямо противъ западныхъ входныхъ дверей храма, изъ-за низкаго иконостаса, взгляду каждаго прежде, какъ и теперь должно было представляться величественное мозаическое изображеніе Божіей Матери, получившее въ настоящее время среди богомольцевъ названіе: «Нерушимой Стѣны» за свою дивную долговѣчность, послѣ всѣхъ невзгодъ, перенесенныхъ храмомъ въ разныя времена его восьми-вѣкового существованія. Первое мѣсто, по важности и значенію въ ряду Кіево-Софійскихъ мозаикъ, принадлежитъ, конечно, этой иконѣ Божіей Матери Нерушимой Стѣны. Пресвятая Дѣва стоитъ въ молитвенномъ положеніи, съ воздѣтыми кверху руками, въ хитонѣ голубаго цвѣта, перепоясанная узкимъ червленнымъ поясомъ. На головѣ у нея золотистый покровъ. Онъ опускается складками съ обѣихъ сторонъ до колѣнъ. Не менѣе важно находящееся подъ иконою Нерушимой Стѣны изображеніе Тайной Вечери. Оно занимаетъ все про-

39) Картина: Икона Божіей Матери „Нерушимой стѣны".

странство алтарнаго выступа, отъ одного угла до другаго. Св. Трапеза покрыта багряною матеріей съ золотыми кругами и цвѣтами. На серединѣ ея золотой, четырехконечный крестъ. На лѣвой сторонѣ стоитъ дискосъ съ раздробленнымъ на немъ хлѣбомъ; на правой лежитъ копіе. Два ангела по сторонамъ Трапезы осѣняютъ ее золотыми рипидами. Возлѣ ангеловъ, при обѣихъ сторонахъ Трапезы, находятся два изображенія Спасителя. Изъ нихъ одно обращено въ правую, другое въ лѣвую, отъ Трапезы, сторону. Оба изображенія въ золотыхъ хитонахъ, поверхъ которыхъ наброшены голубыя хламиды. Они почти одинаковы. На картинѣ вы видите лѣвую часть изображенія Тайной Вечери. Здѣсь Спаситель подаетъ одною, правою, рукой св. хлѣбъ, а лѣвую руку протягиваетъ, какъ бы, для поддержки подаваемаго. Къ Нему подходятъ апостолы, въ числѣ шести, одинъ за другимъ, съ преклоненнымъ, благоговѣйнымъ видомъ и съ раскрытыми дланями для принятія предлагаемаго хлѣба. Первый, ближайшій къ Спасителю, апостолъ держитъ обѣ руки одну надъ другой, какъ принимаютъ обыкновенно благословеніе отъ духовнаго отца. Всѣ апостолы одѣты въ свѣтлые, почти бѣлые, хитоны, поверхъ которыхъ накинуты хламиды. Надъ этой половиной изображенія Тайной Вечери находится надпись черными буквами на греческомъ языкѣ: «Пріимите, ядите: сіе есть Тѣло мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ».

40) Картина: Правая сторона Тайной Вечери въ Софійскомъ соборѣ.

На правомъ, отъ трапезы, изображеніи Спаситель подаетъ другимъ шести апостоламъ золотую чашу. Надъ этой стороной такими же черными буквами надпись: «Пійте отъ нея вси» и т. д.

Третье замѣчательное мозаическое изображеніе Софійскаго собора это Благовѣщеніе Божіей Матери,

раздѣленное на двѣ же части. Въ одной изъ этихъ частей Пресвятая Дѣва представлена на золотомъ, узорчатомъ, четырехугольномъ подножіи. Одежда ея состоитъ изъ синяго хитона. Головной покровъ, такого же цвѣта, большими складками спускается до колѣнъ. Складки эти, ниспадающія съ лѣвой руки, украшены богатой золотой бахромою. Поручи золотыя съ крестами; обувь красная, съ золотыми полосками. На головѣ и персяхъ три звѣзды. Вокругъ головы вѣнецъ означенъ синею полосою. Въ лѣвой, нѣсколько приподнятой, рукѣ Она держитъ продолговатый клубокъ красной пряжи. Отъ этого клубка виситъ на ниткѣ другой такой же точно клубокъ, служащій вмѣсто веретена и поддерживаемый правой рукою. Въ другой части той же иконы, благовѣствующій архангелъ представленъ, какъ бы, идущимъ навстрѣчу Божіей Матери: ликъ его обращенъ къ лику Пресв. Дѣвы. На немъ бѣлый хитонъ, а поверхъ наброшена короткая хламида. Поручи у него золотыя. На челѣ родъ ленты, концы которой свободно вьются въ воздухѣ, выходя изъ-за ушей. Простертая къ Богоматери правая рука его тоже приподнята, а въ лѣвой держитъ онъ красную лилію.

41) Картина: Пресвятая Дѣва съ красной пряжей въ рукѣ.

Росписи стѣнъ Софійскаго собора:

Что касается до фресковой росписи стѣнъ собора, то правый его алтарь—иначе діаконникъ—даетъ въ этомъ родѣ толковую лицевую повѣсть священныхъ событій, начиная съ Іоакима и Анны до цѣлованія Елизаветы. Вотъ, Рождество Пр. Богородицы: Анна возлежитъ на ложѣ со спинкой; три женщины подносятъ ей подарки. Бабка и прислужница купаютъ младенца въ лохани. Вотъ—Введеніе во храмъ Дѣвы Маріи. На этой картинѣ, внутри алтаря, она же изображена получающей отъ прилетѣвшаго къ ней ангела пищу.

42а) Картина: Рождество Пресвятой Богородицы.

42б) Введеніе во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи.

Придѣлъ апостола Петра расписанъ событіями изъ жизни апостола, какъ напримѣръ: Изведеніе его изъ темницы. Придѣлъ св. Великомученика Георгія украшенъ мастерской росписью, слѣдующей древнему преданію о его мученіяхъ. Вотъ, онъ въ кипящей смолѣ и угляхъ, причемъ два азіатскихъ прислужника черпаками обливаютъ его смолою. Великомученикъ молится, воздѣвая руки, и, молясь, не чувствуетъ мукъ. Фресковая живопись, кромѣ алтарей, сосредоточена еще на сводахъ и стѣнахъ поперечнаго перекрестья, куда продолжался возвышенный помостъ для клира. Здѣсь роспись представляетъ событія жизни и страсти Христа: напримѣръ, Христосъ передъ Каіафой, и нѣкоторыя картины изъ ветхаго завѣта. Три отрока въ пещи огненной.

43) Картина: Роспись придѣла апостола Петра.

44) Картина: Роспись придѣла великомуч. Георгія.

45) Картина: Роспись событій изъ жизни Христа.

46) Картина: Фреска: три отрока въ пещи огненной.

Кромѣ памятниковъ искусства, извѣстія XI и XII вѣковъ говорятъ о знакомствѣ тогдашнихъ русскихъ князей съ иностранными языками, объ ихъ любви читать и собирать книги, о заведеніи ими училищъ, о вниманіи, какое они оказывали приходившимъ изъ Греціи и западной Европы ученымъ людямъ. Помощью переводной письменности выработался книжный русскій языкъ, развилась собственно русская литература, и русская лѣтопись въ XII вѣкѣ, по мастерству изложенія, не уступаетъ западно-европейскимъ историкамъ. Однако, главную основу благосостоянія кіевской Руси составляло рабовладѣніе. Русскій купецъ того времени всюду неизмѣнно является съ главнымъ своимъ товаромъ—челядью. Военные походы скопляли въ рукахъ высшаго класса русскаго общества множество челяди. Наполнивъ ею свои городскія подворья, богатые люди сбывали излишекъ за море. Управленіе и торговля давали имъ столько житейскихъ выгодъ, что они прежде мало думали о

землевладѣніи. Признаки частной земельной собственности на Руси являются не ранѣе XI вѣка. Тогда господствующіе слои общества стали сажать челядь на землю и примѣнять рабовладѣніе къ землевладѣнію. Такими собственниками являются князья и члены семействъ ихъ, «княжіи мужи» и, наконецъ, церковныя учрежденія—монастыри и епископства. Въ XII вѣкѣ извѣстія лѣтописныя говорятъ о селахъ «съ челядью». Челядь уже составляла тогда, повидимому, необходимую принадлежность частнаго землевладѣнія: свѣтскаго и церковнаго, крупнаго, или мелкаго. Самая идея о правѣ собственности на землю была, какъ бы, развитіемъ мысли о правѣ собственности на холопа: эта земля моя, потому что люди, ее обрабатывающіе, мои рабы. Такъ возникла боярская древне-русская вотчина. Мы знаемъ, что общей военной привычкой древне-русскихъ князей было: вторгнувшись въ враждебную область, ее разорить и набрать тамъ, какъ можно больше, плѣнныхъ.

Со времени Ярослава, Поросье является хорошо заселенной страной. Здѣсь было смѣшанное населеніе: рядомъ съ плѣнниками - ляхами, сажаемыми въ этой мѣстности Ярославомъ, тутъ же селились русскіе выходцы, торки и печенѣги, примкнувшіе къ Руси для борьбы съ половцами. Эти мирные инородцы вели полукочевой образъ жизни: лѣтомъ они бродили по сосѣднимъ степямъ со своими стадами и вежами, т. е. шатрами или кибитками, а зимой, или на время опасности, укрывались въ свои укрѣпленныя становища и города по Роси, составлявшіе сторожевыя военныя поселенія по степной границѣ. Русскіе, въ отличіе отъ дикихъ половцевъ, звали ихъ «свои поганые». Въ концѣ XI столѣтія Поросье стало отдѣльною епархіей, которой каѳедра находилась въ Юрьевѣ, на Роси, городѣ, построен-

номъ Ярославомъ и названномъ такъ же по его имени, какъ сѣверный городъ Дерптъ (Юрьевъ), на рѣчкѣ Эмбахѣ. Обитатели Поросья жили въ постоянной тревогѣ отъ набѣговъ изъ степи. Въ 1109 г. Юрьевцы подверглись новому нападенію и, наскучивъ постоянной опасностью со стороны половцевъ, всѣ ушли въ Кіевъ, а половцы сожгли опустѣлый городъ. Великій князь Святополкъ-Михаилъ построилъ тогда для переселенцевъ новый городъ на Днѣпрѣ, пониже Кіева, «Святополчъ». И скоро сюда опять стали стекаться бѣглецы со степной границы.

Еще бо̀льшія опасности переживала, тоже сосѣдняя со степью, переяславская земля, находившаяся къ югу отъ черниговской области и называвшаяся Украйною. По тамошнимъ рѣкамъ, Трубежу, Сулѣ и Хоролю, ежегодно происходили неоднократныя столкновенія Руси съ половцами, такъ что въ продолженіе XII вѣка эта мѣстность постепенно пустѣла. Городъ Переяславль, доставшійся по раздѣлу Ярослава I-го его сыну Всеволоду вмѣстѣ съ ростово-суздальскою землей, представлялся, какъ бы, вторымъ столомъ послѣ Кіева въ родѣ Мономаховичей. Кіевскіе князья старались держать на переяславскомъ столѣ, для защиты отъ половцевъ, наиболѣе храбрыхъ князей среди своихъ родственниковъ. При князѣ Юріи Долгорукомъ этотъ удѣлъ очутился снова въ однѣхъ рукахъ со столомъ ростово-суздальскимъ, но уже съ явнымъ преобладаніемъ послѣдняго. Юрій отдалъ Переяславль сыну своему Глѣбу. А когда тотъ, при Андреѣ Боголюбскомъ, занялъ кіевскій столъ, Переяславль перешелъ къ сыну Глѣба—Владиміру.

Переяславская земля, на сѣверѣ, была ограничена рѣками Семью и Остромъ; на западѣ—нижнимъ теченіемъ рѣки Десны и лѣвымъ берегомъ Днѣпра, до

устья Сулы. А отсюда ея предѣлы шли по рѣкѣ Хоролю, притоку Псела; пересѣкая Пселъ и Ворсклу, простирались до верхняго Донца. Съ этой стороны, т. е. на югѣ и востокѣ, она сливалась со степью, отъ которой слегка отдѣляла ее линія земляныхъ валовъ, издавна насыпанныхъ Русью для защиты отъ кочевниковъ. Этотъ валъ, шедшій по теченію Хорола, называется въ лѣтописи «Шоломя». Постоянныя опасности отъ дикихъ кочевниковъ заставляли жителей искать убѣжища внутри городовъ, и мѣшали процвѣтанію земледѣлія. Для защиты отъ нихъ Русь выдвигала, какъ мы уже говорили, на югъ городки, связанные между собой валами и сторожевыми заставами, пользуясь съ этой цѣлью крутыми берегами рѣкъ, оврагами, могильными курганами и лѣсными дебрями. Князья переводили сюда жителей изъ другихъ русскихъ областей и военноплѣнныхъ. Кромѣ сторожевыхъ русскихъ дружинъ, пограничную степную линію русскихъ владѣній оберегали конные торки и берендѣи. Самъ южный Переяславль расположился въ низменномъ, ровномъ углу, образуемомъ рѣкою Трубежомъ и его притокомъ, ознаменованнымъ мученическою кровью св. Бориса,—Альтою. Владиміръ Мономахъ здѣсь построилъ каменный храмъ во имя святыхъ Бориса и Глѣба,—но его, увы! сожгли въ 1154 г. половцы во время борьбы за Кіевъ князя Ростислава Мстиславича съ Изъяславомъ Давидовичемъ. Кромѣ Владиміра Мономаха, строительной дѣятельностью въ Переяславлѣ отличался епископъ этого города, монахъ Кіево-Печерской Лавры—Ефремъ. Изъ городовъ переяславской области, такъ называемый Остерскій Городецъ,—всегда служилъ пристанищемъ Юрію суздальскому во время его борьбы съ Изъяславомъ II-мъ.

См. картина Часть II Выпускъ I. № 82. Проѣздныя ворота.

47) Картина: Конный русскій развѣдчикъ XII столѣтія.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Переправа рати Юрія Суздальскаго и половцевъ черезъ Днѣпръ. *(Къ 52 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Черные Клобуки. *(Къ 26 стр.)*

Южно-русская *) степь до устьевъ Дона изъ себя представляетъ равнину, понижающуюся къ морю. Она не только не страдаетъ безводьемъ, но ее прорѣзываютъ величественныя рѣки съ многочисленными притоками. Почва ея состоитъ преимущественно изъ пластовъ чернозема, а подпочва—изъ каменныхъ породъ, заставляющихъ рѣки дѣлать мѣстами крутые загибы, или загромождающихъ ихъ теченье глыбами камня, т. е. порогами. Въ сѣверной части степной полосы обнаруживаютъ себя, на берегахъ рѣкъ и болотъ, мѣловыя горы, бѣлѣющія среди зеленыхъ луговъ. Въ области же Донца и Міуса залегаютъ пласты каменнаго угля. Наносы песку или глины загораживаютъ устья рѣкъ, мѣшая ихъ свободному выходу въ море: образуютъ лиманы и песчаныя косы. Мѣстами почва пропитана солью и пораждаетъ соляныя озера. Берега степныхъ рѣкъ изобилуютъ камышомъ, тростникомъ и кустарникомъ. Степи оживаютъ весной, когда покрываются свѣжей зеленью и серебристымъ ковылемъ; лѣтомъ же отъ знойнаго солнца и вѣтра злаки всѣ высыхаютъ, заглушаясь бурьяномъ. Лиственные лѣса встрѣчались тогда въ большомъ изобиліи по верховьямъ Донца и Дона.

48) Картина: Въ камышахъ.

Половцы жили родами, соединявшимися для набѣговъ въ большія орды. Во главѣ ихъ стояли наслѣдственные князья, или ханы. Половецкія семьи ютились въ круглыхъ войлочныхъ кибиткахъ—шатрахъ, которые легко разбирались и перевозились съ мѣста на мѣсто, образуя временныя становища половцевъ, или вежи. Половцы подвигались все дальше на сѣверъ, весною и лѣтомъ, по мѣрѣ истощенія для ихъ стадъ подножнаго корма; зимою же уходили

Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи».

снова на югъ, къ морскимъ берегамъ. Половцы, кочевавшіе ближе къ Азовскому морю, назывались у русскихъ—Лукоморскими. Степи тогда предоставляли кочевникамъ многочисленныхъ дикихъ коней, составлявшихъ главный предметъ ихъ охоты. Помимо лошадей, богатство ихъ заключалось въ стадахъ рогатаго скота, овецъ и верблюдовъ. Они любили пить кобылье молоко и теплую кровь убитыхъ животныхъ. Ѣли сырое мясо даже лисицъ и волковъ, хомяковъ и сусликовъ. Въ половецкихъ вежахъ, конечно, скоплялось много награбленнаго имущества, — золотомъ, серебромъ и дорогими одеждами. Но въ особенности они цѣнили плѣнниковъ. Вежи ихъ, послѣ удачныхъ набѣговъ, наполнялись истерзанными, исхудалыми христіанами, босыми, почти нагими, съ оковами на рукахъ и ногахъ. Дрожа отъ холода, голодные и усталые, они со слезами на глазахъ сообщали другъ другу о мѣстахъ своей родины. Половцы продавали простыхъ русскихъ плѣнниковъ таманскимъ и корсунскимъ евреямъ, откуда тѣ отправлялись преимущественно на мусульманскій востокъ. Предоставляя домашнія работы женщинамъ и рабамъ, мужское населеніе половцевъ занималось почти исключительно войной, охотой и наѣздничествомъ. Особенное пристрастіе имѣли половцы къ дорогому вооруженію. Они не жалѣли золота для покупки у сосѣднихъ народовъ лучшихъ, цѣнныхъ доспѣховъ и конской сбруи. Ими употреблялись въ военное время, кромѣ лука со стрѣлами: копья, сабли, щиты и аварскіе шлемы. Обычную же одежду ихъ составляли бараньи полушубки (такъ называемые «кожухи»), а также кафтаны изъ верблюжьей или овечьей шерсти; у богатыхъ иногда—шелковые и другихъ, болѣе цѣнныхъ, тканей. Вслѣдствіе частыхъ браковъ ханскихъ доче-

49) Картина: Русскіе плѣнники въ половецкой ордѣ.

50) Картина: Половецкіе воины.

рей съ русскими князьями, наружность половцевъ мало-по-малу утрачивала свой, хотя не слишкомъ рѣзкій у нихъ, азіатскій широколицый и узкоглазый типъ. Половцы поклонялись вѣтрамъ и водѣ; приносили жертвы изъ домашнихъ животныхъ своему верховному божеству; имѣли своихъ жрецовъ—гадателей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не выказывали большой ревности къ своей религіи и были очень вѣротерпимы. Нѣкоторые знатные половецкіе выходцы охотно принимали крещеніе, поступая на русскую службу. Постоянная борьба со степью немало поддерживала отвагу и предпріимчивость русскихъ князей съ ихъ дружинами. Она налагала особенный воинственный отпечатокъ на жителей южной и юго-восточной украйны, развивала въ нихъ удаль и молодечество. Половецкая орда, несмотря на свою многочисленность, не могла достигнуть большого успѣха въ своемъ движеніи на Русь, потому что тоже не имѣла единства и была разбросана на большомъ пространствѣ. Даже во время войны и грабежа, ханы не всегда дѣйствовали согласно. Внося нѣкоторыя черты грубости въ сопредѣльное русское населеніе, половцы, въ свою очередь, несомнѣнно, подвергались еще большему вліянію со стороны своихъ русскихъ сосѣдей. Мало-помалу съ конца XII столѣтія замѣтно ослабѣваетъ ихъ дикая сила.

Половецкая орда распространилась и на сѣверозападную часть Тавриды, гдѣ она заняла кочевья своихъ предшественниковъ, печенѣговъ; вошла въ столкновеніе съ византійцами, нерѣдко ихъ заставляя платить себѣ дань и товарами откупаться отъ своихъ грабежей. Наиболѣе извѣстные греческіе города въ этой сторонѣ были: Херсонесъ, Инкерманъ, Ѳеодосія, Символонъ — нынѣшняя Балаклава и др. Здѣсь мѣ-

шались обрывки разныхъ народностей кромѣ грековъ, какъ-то: остатки готовъ, болгары, хазары, или черкесы, и евреи, соперничавшіе въ торговлѣ съ греками, но принужденные уступить свое первенство итальянцамъ, генуэзцамъ и венеціанамъ. Въ теченіе XII вѣка черноморскую торговлю постепенно забрали въ руки купцы изъ Генуи,—приморскаго города сѣверной Италіи. Они начали устраивать свои поселенія на восточной сторонѣ Таврическаго полуострова, пока, итальянцы же, венеціане, образовавшіе въ это время самостоятельную республику на сѣверномъ берегу Адріатическаго моря, не явились соперниками ихъ вліянію при Азовскомъ и Черномъ морѣ. Мы говорили уже, что съ появленіемъ половцевъ порвалась связь русскихъ черниговскихъ князей съ ихъ древнимъ Тьмутараканскимъ удѣломъ, — сосѣднимъ съ греческими владѣніями, а потому имѣвшимъ немаловажное для нихъ значеніе. Византійскіе императоры, пользуясь удаленіемъ изъ этого края русскихъ, старались вернуть себѣ и восточныя, черноморскія пріазовскія земли, въ глубокой древности процвѣтавшія подъ ихъ господствомъ. Потому императоръ Мануилъ Комненъ въ 1170 г. заключилъ договоръ съ генуэзцами, открывавшій имъ свободный доступъ во всѣ порты Чернаго моря за исключеніемъ Таматархи, дабы имъ закрыть путь на Азовское побережье изъ Корчева, или Русіи, нынѣшней Керчи. Греческая Церковь, хотя и преобладала въ этомъ Тьмутараканскомъ краю, но съ большой примѣсью язычества, такъ какъ хазары — черкесы, иначе коссоги, покорившіе себѣ Черныхъ болгаръ и властвовавшіе силою своего оружія въ пріазовскихъ земляхъ, до покоренія ихъ русскими князьями, снова воспрянули духомъ, переставъ надъ собой чувствовать грозный

русскій мечъ. Они принесли съ собой изъ кавказской Аланіи обычай кровомщенія. Драки и нападенія были такъ часты, что сельскіе жители отправлялись на полевыя работы или на рубку дровъ не иначе, какъ всѣмъ селомъ, и вооруженные. Между тѣмъ, воскресенье пользовалось такимъ почетомъ, что въ этотъ день можно было ходить безопасно среди своихъ враговъ безоружнымъ, и также велико было благоговѣніе, внушаемое крестомъ. Во время путешествія, видъ его охранялъ беззащитнаго человѣка лучше, чѣмъ мечъ и стрѣла. Вышеуказанныя аланскія прикавказскія племена сдѣлались особенно безпокойны послѣ того, что вернули себѣ независимость отъ турко-хазарской державы, войдя сначала, какъ мы это видѣли, въ ея составъ и даже давъ ей свое названіе. Хазарская держава мало-по-малу распалась и ослабѣла. Ея могущество было потрясено русскими князьями и печенѣгами, такъ что къ концу XII вѣка на нижней Волгѣ встрѣчается только ничтожный остатокъ ея, вѣроятно, платившій дань властителямъ степей—половцамъ.

51) Картина: Черкесы-косоги (нынѣшніе осетины).

52) Картина: Разбой косоговъ на берегу Каспійскаго моря.

Съ половины *) XII вѣка становятся замѣтны признаки запустѣнія кіевской Руси-Приднѣпровья, подъ вліяніемъ трехъ неблагопріятныхъ условій: половецкихъ набѣговъ, княжескихъ междоусобій и угнетенія низшаго класса русской народности,—обрабатывающихъ землю холоповъ-смердовъ. Рѣчная полоса по Днѣпру съ его притоками пустѣетъ съ этого времени, и ея населеніе исчезаетъ куда-то. Святославъ Олеговичъ черниговскій, княжившій въ 1159 г. въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и потомъ въ Черниговѣ съ семью ближайшими къ нему городами, говорилъ, что въ го-

*) Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». В. Ключевскій: «Курсъ Русской Исторіи».

родахъ этихъ, а между ними, въ старинномъ, богатомъ когда-то, городѣ Поднѣпровья—Любечѣ, живутъ только псари да половцы. Кіевская Русь, пустѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣла. Внѣшніе торговые обороты ея все болѣе стѣснялись кочевниками, преграждавшими русскимъ купцамъ рѣчные пути ихъ къ Черному морю. Подъ гнетомъ такихъ постоянныхъ тревогъ и опасностей возникало сомнѣніе въ возможности жить при подобныхъ условіяхъ. Русь истощилась въ средствахъ борьбы съ дикарями. Никакими мѣрами и договорами нельзя было сдержать ихъ хищничества, бывшаго ихъ привычнымъ промысломъ. Когда князья съ такой цѣлью женились на ханскихъ дочеряхъ,—тесть продолжалъ грабить область своего русскаго зятя, безъ всякаго вниманія къ ихъ родству. Дружинамъ въ пограничныхъ со степью областяхъ приходилось чуть не постоянно держать своихъ коней за поводъ, въ ожиданіи похода.

Лѣтописью упоминается, какъ образъ, созданный въ народныхъ вымыслахъ этою изнурительною борьбою, богатырь особаго рода: нѣкій Демьянъ Куденевичъ, будто-бы жившій въ Переяславлѣ-Русскомъ въ половинѣ XII вѣка. Онъ со слугой и пятью молодцами выѣзжалъ, согласно сказанью, на цѣлое войско и обращалъ его въ бѣгство. Однажды, онъ выѣхалъ такъ на половецкую рать совсѣмъ одинъ, безъ шлема и панцыря; перебилъ множество половцевъ, но и самъ, будучи изстрѣленъ непріятелемъ, чуть-живой воротился въ городъ. Такихъ «хоробровъ», подвиги коихъ, очевидно, преувеличены въ приведенномъ сказаніи, звали тогда «людьми божьими». До смерти Мономахова сына Мстислава I, въ 1132 г., Русь еще съ успѣхомъ отбивала половцевъ отъ своихъ границъ и даже иногда удачно проникала въ самую глубь

половецкихъ степей, но послѣ смерти этого дѣятельнаго Мономаховича, ей, очевидно, становилось не подъ силу сдерживать напоръ кочевниковъ, и она начинала отступать передъ ними.

Вотъ какія важныя неустройства скрывались въ глубинѣ русскаго общества подъ блестящей поверхностью кіевской жизни, и какія бѣдствія на него надвигались со стороны. Низшіе рабочіе слои населенія, уступившіе мѣсто свое мирнымъ половцамъ и княжескимъ дворовымъ людямъ, отливали въ двухъ направленіяхъ — двумя противоположными струями. Одна струя направлялась на западъ, за Западный Бугъ, въ область верхняго Днѣстра и верхней Вислы, въ глубь Галиціи и Польши. И южно-русское населеніе, такимъ образомъ, возвращалось въ давно забытыя мѣста, покинутыя его предками еще въ VII вѣкѣ. Слѣды отлива въ эту сторону обнаруживаются на судьбѣ двухъ окрайныхъ княжествъ древней Руси: галицкаго и волынскаго. Мы изъ предшествующихъ событій видѣли, что галицкое княжество, принадлежавшее одной изъ младшихъ линій Ярославова рода, уже въ концѣ XII вѣка дѣлается однимъ изъ самыхъ сильныхъ и вліятельныхъ на юго-западѣ. Сынъ Владимірка Ярославъ Осмомыслъ, до самой смерти своей, владѣлъ галицкою землей спокойно и безъ соперниковъ. Мы видѣли, что во время борьбы Юрія Долгорукаго съ Изъяславомъ Мстиславичемъ онъ, будучи женатъ на дочери перваго, сначала держалъ его сторону, но потомъ, вслѣдствіе ссоры съ женой, когда Юрій умеръ, перешелъ на сторону Изъяслава II. Его полки участвовали въ общихъ южно-русскихъ ополченіяхъ противъ половцевъ, при князѣ кіевскомъ Ростиславѣ Мстиславичѣ, но онъ не ходилъ самъ во главѣ ихъ, а посылалъ воеводъ. Своимъ умнымъ

правленіемъ и заботами о благосостояніи Червонной Руси Ярославъ пріобрѣлъ общее уваженіе современниковъ и прозваніе Осмомысла. При немъ страна наслаждалась долгимъ внутреннимъ миромъ, что, конечно, способствовало процвѣтанію ея торговли, промышленности и земледѣлія. Галицкій княжескій домъ, кромѣ торговыхъ сношеній съ Византіей, имѣлъ еще родственныя дружескія связи съ царствовавшей тогда императорской семьей—Комненовъ. Императоръ Мануилъ нуждался въ союзѣ съ галицкимъ княземъ противъ тревожившихъ его съ сѣвера угровъ. Миръ и внутренняя тишина Червонной Руси въ это время были нарушены только домашними раздорами Ярослава, въ которыхъ близкое и дѣятельное участіе принимало, усилившееся при единовластномъ князѣ, галицкое боярство. За отсутствіемъ младшихъ родичей, галицкій князь всю свою землю держалъ посредствомъ бояръ: исключительно они являются воеводами его рати и намѣстниками городовъ. Онъ необходимо долженъ былъ дорожить расположеніемъ старшей дружины, всячески ее ласкать и награждать. При такихъ условіяхъ, въ ней постепенно образовались и рѣзко выдѣлились нѣкоторые роды, наиболѣе вліятельные и богатые. Примѣры большого значенія вельможной знати при короляхъ въ Польшѣ и Венгріи побуждали тоже галицкое боярство искать для себя широкихъ правъ, рядомъ съ сильной властью. Ярославъ возвысилъ при дворѣ своемъ родъ нѣкоего Чагра, такъ какъ, живя не въ ладу съ женой, имѣлъ пристрастіе къ одной женщинѣ изъ этого рода, нѣкой Анастасіи. Ольга же Юрьевна съ сыномъ Владиміромъ въ 1172 г. бѣжала въ Польшу. За ней послѣдовали нѣкоторые бояре, во главѣ съ Коснятинымъ Сѣрославичемъ. Войдя оттуда въ сношенія со своими

единомышленниками въ Галиціи, они произвели въ Галичѣ переворотъ. Анастасья была сожжена на кострѣ, какъ колдунья, возмутившимися гражданами, а ея сынъ заточенъ въ темницу. Ярослава, послѣ того, заставили присягнуть, что онъ будетъ жить хорошо съ женою. Тогда Ольга съ Владиміромъ возвратились въ Галичъ. Однако, домашнее согласіе, конечно, не могло уже быть возстановлено.

53) Картина: Галицкіе бояре тащатъ на костеръ колдунью Анастасью.

Волынская земля занимала область верхней Припети и ея важнѣйшихъ правыхъ притоковъ. По очертаніямъ и особенностямъ своей природы, Волынь не отдѣлялась ничѣмъ отъ земли собственно кіевской, и лежащіе между ними удѣлы причислялись то къ волынскому, то къ кіевскому княженію, смотря по ходу событій. На западѣ, Волынь граничила непосредственно съ Польшей, по среднему теченію Западнаго Буга и верхнему Вепря: правыхъ притоковъ Вислы. Полоса между Западнымъ Бугомъ и Вепремъ называлась Украйной. На сѣверѣ, волынская земля сливалась съ вышеописаннымъ Пинскимъ Полѣсьемъ, схожая съ нимъ по природѣ своей сѣверной части: низменной, лѣсной и болотистой. Здѣсь находился важнѣйшій городъ волынской земли, Владиміръ-Волынскій, основанный княземъ Владиміромъ Красное Солнышко. Этотъ городъ нѣкогда слылъ первѣйшимъ въ древней Руси по своей красотѣ и обширности. Онъ былъ хорошо укрѣпленъ: имѣлъ глубокіе рвы, двойные валы и толстыя, деревянныя стѣны. Князь Мстиславъ Изъяславичъ построилъ здѣсь великолѣпный Успенскій соборъ, взамѣнъ древняго, ветхаго, и былъ погребенъ тамъ. Остатки собора указываютъ на прекрасную стѣнную живопись и византійскую архитектуру. На большомъ торговомъ пути изъ Владиміра-Волынска въ Кіевъ лежалъ, тоже значитель-

ный городъ, «Луцкъ», на рѣкѣ Стырѣ. Загородный дворъ удѣльныхъ луцкихъ князей находился въ живописномъ селеніи, называвшемся Гай, т. е. зеленая роща. Здѣсь, по свидѣтельству лѣтописи, имѣлась красивая церковь, и были построены различныя хоромы. Изъ многочисленныхъ волынскихъ городовъ назовемъ еще: Дорогобужъ, на рѣкѣ Горыни, (который себѣ въ удѣлъ получилъ отъ Юрія Долгорукаго князь Владиміръ Андреевичъ), не разъ упомянутая нами Пересопица, гдѣ одно время княжилъ при жизни отца Андрей Юрьевичъ, и—Каменецъ, на притокѣ Днѣстра. У верховьевъ южнаго Буга, гдѣ, между волынской и кіевскою землей, лежали города Болоховъ и Деревичи, въ XII вѣкѣ исторія еще встрѣчаетъ туземныхъ князей (бужане и дулебы), не принадлежавшихъ къ потомству Игоря и Владиміра Святаго. Южная часть Волыни холмиста, и напоминаетъ мѣстами близость Карпатъ. Въ ней много текучихъ водъ, цвѣтущихъ нивъ и рощъ изъ лиственныхъ породъ деревьевъ. Владиміро-волынской областью прежде владѣли сообща сыновья и близкіе родственники великаго князя кіевскаго. Мелкое раздробленіе ея на удѣлы и управленіе ими разныхъ князей, въ тѣсномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, произвело жестокія распри въ этой землѣ, возникшія послѣ ослѣпленія Василька. Со времени Владиміра Мономаха, присоединившаго Волынь къ кіевскому княженію, она осталась за его родомъ. Самымъ знаменитымъ волынскимъ княземъ является сынъ Мстислава Изъяславича—Романъ Мстиславичъ, прославившій себя въ Новгородѣ Великомъ, какъ мы увидимъ ниже, побѣдою надъ Андреемъ суздальскимъ.

Глава II *).

Сѣверо-восточная Русь, или Великороссія. Финское племя Меря. Перенесеніе русской столицы княземъ Андреемъ Боголюбскимъ изъ Кіева во Владиміръ—на Клязьмѣ и начало могущества Ростово-Суздальской области. Управленіе Андрея на сѣверѣ при стремленіи его къ единодержавію. Распространеніе христіанства въ Ростово-Суздальской области. Владиміръ—на Клязьмѣ.

Другая струя переселенія, въ XII вѣкѣ, изъ кіевскаго приднѣпровья направилась на сѣверо-востокъ, за рѣку Угру, въ междурѣчье Оки и верхней Волги. Это движеніе слабо отмѣчено современными наблюдателями. Оно шло тихо и постепенно въ низшихъ классахъ общества, а потому не скоро замѣчено было людьми, стоящими выше. Заселеніе этой сѣверо-восточной окраины Руси славянами началось задолго до XII вѣка, но шло преимущественно съ сѣверо-запада, изъ новгородской земли, къ которой принадлежалъ этотъ край при первыхъ русскихъ князьяхъ. Здѣсь возникло издавна нѣсколько русскихъ городовъ: Ростовъ и Муромъ—при Владимірѣ Святомъ, Суздаль—при Ярославѣ Мудромъ. Однако, до половины XII-го вѣка не было прямого, удобнаго сообщенія кіевской Руси съ отдаленнымъ ростово-суздальскимъ краемъ. Въ 1015 г. князь Глѣбъ муромскій, застигнутый недалеко отъ Смоленска убійцами Святополка Окаяннаго, ѣхалъ въ Кіевъ къ больному отцу не прямой дорогой, а принужденъ былъ сдѣлать длинный объѣздъ черезъ истоки Волги къ верховьямъ Днѣпра. Въ ранѣе приведенной нами народной былинѣ, Илья Муромецъ вызвалъ въ богатыряхъ недовѣріе къ себѣ, разсказывая имъ за княжьимъ столомъ,

*) Источники: В. Ключевскій: «Курсъ Русской Исторіи». П. Н. Полевой: «Очеркъ Русской Исторіи въ памятникахъ быта». Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ». Д. Иловайскій: «Исторія Россіи» и разные мелкіе источники.

что онъ пріѣхалъ въ Кіевъ изъ города Мурома дорогою «прямоѣзжею», гдѣ не пропускалъ никого живымъ сказочный Соловей-разбойникъ. Но около половины XII вѣка начинаетъ понемногу прокладываться прямоѣзжая дорога изъ Кіева на отдаленный суздальскій сѣверъ. Владиміръ Мономахъ съ гордостью упоминаетъ въ своемъ «Поученіи дѣтямъ», что одинъ разъ проѣхалъ изъ Кіева въ Ростовъ сквозь вятичей,—значитъ не легкое было дѣло пробраться этимъ краемъ отъ Днѣпра къ Ростову. Уйти въ лѣса къ вятичамъ—значило спрятаться такъ, чтобы никто не нашелъ. Черниговскіе князья, которымъ, собственно, были подвластны вятичи, часто искали здѣсь убѣжища, побитые своей братіей. На пространствѣ между верхней Окой и Десной, отъ города Карачева до Козельска и далѣе къ сѣверу,—т. е. въ значительной части нынѣшнихъ нашихъ губерній Орловской и Калужской, тянулись дремучіе лѣса, столь извѣстные въ русскихъ сказкахъ объ атаманахъ - разбойникахъ подъ именемъ Брянскихъ. Городъ Брянскъ, на Деснѣ, въ самомъ своемъ названіи сохранилъ память объ этомъ, тогда лѣсистомъ и глухомъ, краѣ. Брянскъ—собственно Дебрянскъ (отъ дебрей). Вотъ почему суздальская земля въ старину называлась Залѣсьемъ. Это названіе было дано ей кіевской Русью, отъ которой она отдѣлялась широкою полосой дремучихъ вятскихъ лѣсовъ. Съ половины XII вѣка эти дремучіе лѣса стали прочищаться. Если Владиміръ Мономахъ еще съ трудомъ здѣсь проѣхалъ въ Ростовъ съ малой дружиной, то его сынъ Юрій Долгорукій, во время упорной борьбы съ племянникомъ, Изъяславомъ, (1149—1154 г.), водилъ уже прямою дорогою изъ Ростова къ Кіеву цѣлые полки. Это заставляетъ предполагать какое-то движеніе въ населеніи, прочищав-

шее путь въ эту сторону черезъ непроходимые раньше лѣса. Судьба не надѣлила страну Залѣсья ни роскошною почвой, ни южнымъ тепломъ, ни выдающеюся красотою природы,—зато дала ей почти все, что нужно для развитія дѣятельнаго, здороваго и промышленнаго населенія. Хотя здѣсь съ успѣхомъ произрастаютъ рожь, ячмень, овесъ, просо и гречиха,—но для своей обработки требуютъ упорнаго труда. Изобиліе лѣса все же не переходитъ въ глухія трущобы болѣе сѣверной полосы. Хвойныя породы деревьевъ ростутъ рядомъ съ лиственными; луга доставляютъ отличный кормъ для скота. Низменная по окраинамъ, равнина ростово - суздальской области нѣсколько поднимается къ срединѣ, образуя холмистый водораздѣлъ между правыми притоками Волги и лѣвыми Оки, съ цѣлою сѣтью рѣчекъ, больше сплавныхъ, чѣмъ судоходныхъ,—озеръ и болотъ. Первые обитатели края, финны и меряне, мало склонные къ судоходству, предпочитали селиться не на большой открытой дорогѣ, но въ уединенныхъ, глухихъ мѣстахъ, вдали отъ людского движенія и бранной тревоги. Древнѣйшая исторія края пока остается темною, но для изслѣдованія ея археологія имѣетъ широкое будущее въ цѣломъ рядѣ могильныхъ кургановъ, разсѣянныхъ отъ города Владиміра по направленію къ Ярославлю и до сихъ поръ извѣстныхъ подъ общимъ названьемъ мерянскихъ могилъ, такъ какъ древнее населеніе этого края составляло финское племя меря, сосредоточенное вокругъ лѣсныхъ озеръ—Неро и Клещино, по незначительнымъ рѣчкамъ, Котросль, большая и малая Нерля. Живою лѣтописью суздальскаго края явилась, раскопанная Савельевымъ, Александрова гора, на берегу Переяславскаго озера, и не менѣе важны разслѣдованія графа Уварова недалеко

отъ той же горы. Благодаря научнымъ раскопкамъ мерянскихъ могилъ, мы получили возможность имѣть хоть нѣкоторое представленіе о домашнемъ бытѣ древнѣйшихъ жителей ростово-суздальской области: ихъ обычаяхъ, промыслахъ и торговлѣ. Въ могилахъ мужскихъ находимы были, главнымъ образомъ: конская сбруя, удила, стремена, топоры и лопаты. Могилы женскія отличаются обиліемъ украшеній. Хотя мужчины и женщины одинаково носили серьги, височныя кольца, браслеты и шейные обручи, однако, судя по могильнымъ остовамъ, пристрастіе къ украшенію себя у мерянскихъ женщинъ достигало крайнихъ предѣловъ. Находятъ у нихъ во множествѣ кольца на пальцахъ, не только рукъ, но также и ногъ. Всѣ меряне, безъ различія пола и возраста, носили у пояса ножъ и точильный брусокъ, причемъ многіе подвѣшивали сюда же и другіе предметы домашняго обихода: ключи, огнива, иглы и гребни. Меряне носили одежду изъ толстой шерсти, около ворота и по грудной прорѣхѣ отороченную позументомъ. Имъ же обшивались высокія шапки знатныхъ мерянъ, которыхъ въ этихъ шапкахъ и хоронили. Кромѣ того, вся передняя часть какъ мужской, такъ и женской мерянской одежды, сплошь покрывалась до самаго пояса нашивными металлическими бляшками и привѣсками. Одежда стягивалась наборнымъ ремнемъ, украшеннымъ, кромѣ рѣзныхъ привѣсокъ, плетеными изъ проволоки коньками, двуглавыми и одноглавыми. Къ одеждѣ, около бедеръ, мерянки прикрѣпляли пряжки,—большія бронзовыя, въ видѣ овальныхъ чашекъ съ прорѣзными узорами. Богатыя ожерелья на женскихъ одеждахъ состояли изъ стеклянныхъ бусъ и подобранныхъ серебряныхъ монетъ. Въ головахъ и ногахъ остововъ находятъ гли-

54) Картина: Изображеніе мерянскихъ прорѣзныхъ бляшекъ.

55) Картина: Одежда мерянъ.

няные горшки, куда собирали остатки жертвоприношеній, или яства похороннаго пиршества. Въ одной изъ могилъ этой мѣстности найденъ подъ слоемъ жженыхъ костей и угля,—всего на полъ аршина глубже,—остовъ съ византійской монетой императора Константина Багрянороднаго во рту. Около головы—серебряныя серьги съ дутыми шариками, на шеѣ—монисто съ серебряными монетами X вѣка; у пояса—серебряная пряжка въ видѣ подковы и ножъ съ черенкомъ, обтянутымъ серебряной проволокой; у лѣваго бока—ключъ; въ ногахъ—серпъ. Въ другой могилѣ на шеѣ остова найдено богатѣйшее монисто, состоящее изъ трехъ серебряныхъ медальоновъ, пяти англійскихъ монетъ и одной, выбитой въ Багдадѣ, временъ Гарунъ-аль-Рашида. Въ числѣ множества монетъ, найденныхъ въ мерянскихъ могилахъ, наибольшая часть принадлежитъ къ монетамъ восточнымъ, указывающимъ на возникновеніе торговыхъ сношеній владиміро-суздальскаго края съ востокомъ черезъ посредство камскихъ болгаръ еще въ VII и VIII столѣтіяхъ. Меньшая часть принадлежитъ къ монетамъ западнымъ, а самая незначительная—къ византійскимъ, такъ какъ съ Византіей весь этотъ край имѣлъ сношенія черезъ Кіевъ, тогда какъ съ востокомъ и западомъ меряне могли сноситься непосредственно, высылая своихъ торговыхъ людей въ Камскую Болгарію по Волгѣ и въ Новгородъ или на балтійское побережье. Годы монетъ довольно ясно указываютъ, что съ востокомъ торговля мерянъ завязалась съ конца VII столѣтія, а съ западомъ, по крайней мѣрѣ, на два вѣка позже, когда смѣлыя ватаги варяжскія новгородскимъ путемъ проникали на верховье Волги, а оттуда—въ дебри дремучихъ ростовскихъ и владимірскихъ лѣсовъ. По мнѣнію графа

Уварова, ввозилось въ мерянскій край очень немногое и не составлявшее насущной потребности для мѣстнаго населенія. Съ востока,—стеклянныя бусы, бронзовыя и серебряныя украшенья и маленькіе булатные клинки; а съ запада—бусы изъ горнаго хрусталя, янтаря и аметиста, бронзовыя прорѣзныя пряжки въ видѣ черепахи, дѣтскія желѣзныя сѣкиры и англійскіе наконечники копій. Все это, должно быть, вымѣнивалось на драгоцѣнные мѣха пушныхъ звѣрей изъ лѣсовъ Владимірской области, гдѣ водились до позднѣйшихъ временъ даже бобры. Очевидно, что, по требованію мерянъ, недостаточная цѣна привезенныхъ товаровъ доплачивалась имъ деньгами, что объясняетъ обиліе монетъ, находимыхъ въ могилахъ. Ранняя тѣсная связь мерянъ съ пришлыми славянскими племенами, нашедшими здѣсь готовую почву для своего дальнѣйшаго роста, и быстрое ихъ сліяніе между собою объясняется тѣмъ, что славяне, нравами и умственнымъ своимъ развитіемъ, мало чѣмъ отличались отъ мѣстныхъ финновъ. Сліяніе было до такой степени полнымъ, что лѣтописецъ въ XII вѣкѣ уже не упоминаетъ больше о мерянской народности, жившей одною жизнью со всей остальною Русью. Русское заселеніе верхняго Поволожья ростово-суздальскаго края привело къ образованію новой вѣтви русской народности: «великорусскаго племени». Великорусское племя вышло не изъ продолжавшагося развитія старыхъ областныхъ особенностей Приднѣпровья, а было дѣломъ новыхъ разнообразныхъ вліяній, начавшихъ дѣйствовать послѣ вышеупомянутаго разрыва русской народности, сосредоточьемъ которой до сей поры былъ Кіевъ,—и притомъ въ краю, лежавшемъ внѣ этой старой, коренной, Руси, бывшемъ до XII столѣтія болѣе инородческимъ, чѣмъ

русскимъ краемъ. Условія, встрѣченныя переселенцами въ области средней Оки и верхней Волги, повліяли на нихъ, во-первыхъ, со стороны смѣшенія съ мѣстными инородческими племенами; а, во-вторыхъ, со стороны воздѣйствія иной природы этого края. Въ области верхней Волги и Оки жили въ XI и XII столѣтіяхъ три финскихъ племени: меря, мурома и весь. Уже начальная кіевская лѣтопись знаетъ мурому на нижней Окѣ, мерю по озерамъ Переяславскому и Ростовскому; весь—въ области Бѣлоозера. Названіе самой Оки—финскаго происхожденія:—обрусѣвшая форма финскаго слова «рѣка» вообще. Уѣздный городокъ тверской губ. Весьегонскъ получилъ свое названіе отъ обитавшей здѣсь веси-Егонской. Найдя значительныя финскія поселенія внутри края, славяне, естественно, прежде всего стремились ихъ занимать и укрѣплять за собою построеніемъ острогов, за которыми слѣдовали боярскіе и княжескіе терема, а затѣмъ, съ принятіемъ христіанства,—храмы. Вотъ почему древнѣйшіе города края встрѣчаются не на самыхъ берегахъ Волги, а нѣсколько въ сторонѣ отъ широкаго судового пути. Русскіе переселенцы, направлявшіеся въ ростовскій край, встрѣчались съ финскими туземцами въ самыхъ нѣдрахъ нынѣшней Великороссіи. Встрѣча эта получила мирный оборотъ вслѣдствіе робости и забитости бѣдныхъ дикихъ финскихъ племенъ,—а также ихъ миролюбія и уступчивости. Славяне всѣ мелкія финскія племена объединили, какъ намъ извѣстно, подъ однимъ общимъ названьемъ — чуди. Они сразу, какъ видно, почувствовали свое превосходство надъ ними, на что указываетъ пренебрежительное значенье словъ «чудить», «чудакъ»,—отъ коренного, чудь. Ни въ какихъ письменныхъ памятникахъ, или народныхъ преданьяхъ, не сохранилось воспоминаній о какой-либо враждебной борьбѣ великороссовъ съ финнами. Они

только все болѣе отступали къ сѣверу и постепенно исчезли въ предѣлахъ нынѣшней Великороссіи, сливаясь мирно съ пришельцами, принадлежавшими, въ большинствѣ, къ сельскому населенію, уходившему изъ юга-западной Руси, отъ тамошнихъ невзгодъ, и среди лѣсовъ сѣвера искавшему не добычи, а безопасныхъ мѣстъ для промысловъ и хлѣбопашества. Тутъ происходило не завоеваніе, или порабощеніе, а заселеніе края. Финскія и русскія названія селъ и рѣкъ идутъ въ перемѣшку, чередуясь одни съ другими. Значитъ, русскіе поселенцы не вторгались въ край финновъ сплошными массами, а, какъ бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая пространства, какія оставались между разбросанными среди болотъ и лѣсовъ финскими поселками.

Столкновенія между пришельцами и туземцами вызывались только на религіозной почвѣ,—попытками русскихъ распространить христіанство среди финновъ. Такъ, напримѣръ, ростовцы сильно сопротивлялись христіанской проповѣди среди нихъ, во второй половинѣ XI вѣка, епископовъ: Ѳеодора, Иларіона и Леонтія. Первыхъ двухъ они отъ себя прогнали, а третьяго умертвили. По тому, что въ Ростовѣ одинъ конецъ города назывался Чудскимъ, мы можемъ заключить, что большинство жителей въ немъ было русское. Чудскій же конецъ оставался долго въ язычествѣ и поклонялся идолу словянскаго скотьяго бога—Велеса. Часть языческаго, мерянскаго, населенія ростовской земли, убѣгая отъ русскаго крещенія, выселилась въ предѣлы Булгарскаго царства, на Волгу и Каму, къ родственнымъ черемисамъ. Разъ, что мало по-малу чудь была поглощена въ Великороссіи Русью

Источники: В. Ключевскій: «Курсъ Русской Исторіи». П. Н. Полевой «Очеркъ Русской Исторіи въ памятникахъ быта». Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». Разсказы изъ Исторіи Церкви.

то очевидно, что финны внесли въ великоросское племя свой отпечатокъ со стороны ихъ быта, нравовъ, внѣшности и повѣрій, а также языка и обычаевъ. У поволжскихъ финновъ было особенно развито поклоненіе водѣ и лѣсу. Въ понятіяхъ великороссовъ лѣшій является съ одинаковыми чертами, какъ и у финновъ: онъ стережетъ деревья, коренья и травы; имѣетъ дурную привычку хохотать и кричать по дѣтски,— этимъ обманывая и пугая проѣзжихъ путниковъ. Въ сказаніяхъ западныхъ, прибалтійскихъ, болѣе развитыхъ финновъ, мы встрѣчаемъ образъ водяного царя, какъ старика съ травяной бородой, въ одеждѣ изъ пѣны: онъ повелитель водъ и вѣтровъ, живетъ въ глубинѣ моря, любитъ поднимать бури и топить корабли. Онъ большой охотникъ до музыки, и когда герой Калевалы, мудрецъ Вейнемейненъ, уронилъ въ воду арфу свою, водяной богъ подхватилъ ее, чтобъ забавляться ею въ своемъ подводномъ царствѣ. Эти черты живо напоминаютъ образъ морского царя въ извѣстной новгородской былинѣ о Садкѣ, богатомъ гостѣ-купцѣ и гуслярѣ, попавшемъ со своими гуслями въ подводное царство водняка, гдѣ онъ такъ развеселилъ водяного царя своею игрою, что водяникъ пустился плясать, забывъ о своемъ царскомъ достоинствѣ. Водяного знаютъ въ разныхъ краяхъ Россіи, но такое сказанье о немъ встрѣчается лишь въ новгородской области. Это даетъ основаніе думать, что новгородцы заимствовали его у сосѣднихъ съ ними балтійскихъ финновъ. Язычество финское совершенно слилось въ одно «поганство», по выраженію лѣтописи XI-го столѣтія, съ язычествомъ великороссовъ, а затѣмъ финны начали пріурочивать свои языческіе праздники и обряды къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ великороссовъ, чѣмъ привлекали ихъ на

Картина: Лѣшій см. часть I. Выпускъ 2. Чтеніе 8. № 19.

56) Картина: Садко на днѣ морскомъ.

*

свои «моляны». Такимъ образомъ, незамѣтно, но прочно установилось у финновъ съ великороссами искреннее признаніе различныхъ вѣрованій другъ друга. Чудь добровольно вступала въ область сосѣдняго христіанства, какъ бы не измѣняя своимъ старымъ богамъ, а русскіе, въ свою очередь, перенимая финскіе обычаи и повѣрья, продолжали наивно считать себя чистыми христіанами.

Мы уже говорили, что переселеніе съ юго-запада приносило въ междурѣчье Оки и Волги преимущественно земледѣльческій элементъ а потому въ составѣ верхне-волжскаго населенія, сельскіе классы получили рѣшительный перевѣсъ,—такъ же, какъ села надъ городами, причемъ эти села на сѣверѣ отличались рѣзко отъ селъ южной Руси. Тамъ постоянныя внѣшнія опасности и недостатокъ воды въ открытой степи заставляли населеніе размѣщаться крупными массами—скучиваться въ большія, многолюдныя села, которыя до сихъ поръ составляютъ отличительную черту южной Руси. Напротивъ, на сѣверѣ поселенецъ, среди лѣсовъ и болотъ, съ трудомъ отыскивалъ сухое мѣсто, гдѣ можно было бы поселиться съ нѣкоторою безопасностью и удобствомъ. Такія сухія мѣста, открытые пригорки, являлись рѣдкими островами въ морѣ болота и густаго лѣса. На такомъ островкѣ можно было поставить—одинъ, два, три крестьянскихъ двора, или немногимъ больше; а потому такое разселеніе, всего нѣсколькими дворами является господствующимъ видомъ всѣхъ деревень сѣверной Россіи, разбросанныхъ тутъ и тамъ. Вокругъ нихъ мѣста, пригодныя для распашки, попадались только незначительными участками, расчищавшимися обитателями маленькихъ деревень. Такая работа была необычайно трудна: надо было, выбравъ удобное, сухое мѣсто для пашни, выжечь покрывав-

шій его лѣсъ, выкорчевать пни, поднять цѣлину. Удаленіе отъ иноземныхъ рынковъ, для вывоза на продажу хлѣба, не побуждали крестьянъ расширять столь трудно обходившуюся имъ пахоту. Хлѣбопашество на верхне-волжскомъ суглинкѣ должно было только удовлетворять насущной потребности самихъ хлѣбопашцевъ. Тогдашніе пріемы и способы обработки земли сообщали подвижной, неустойчивый обиходъ этому хлѣбопашеству. Выжигая лѣсъ на нови, крестьянинъ придавалъ суглинку усиленное плодородіе, и нѣсколько лѣтъ къ ряду снималъ съ него превосходный урожай, такъ какъ зола изъ себя представляетъ прекрасное удобреніе. Но это было насильственное скоропреходящее плодородіе: черезъ шесть, семь лѣтъ почва совершенно истощалась, и крестьянинъ долженъ былъ покидать ее на продолжительный отдыхъ, «запускать на перелогъ». Тогда онъ переносилъ свой дворъ на другое, часто отдаленное мѣсто; поднималъ другую новь, ставилъ «новый починокъ на лѣсѣ». Такъ использовавъ землю въ одномъ мѣстѣ, великорусскій переселенецъ двигался дальше, все въ одну сторону, по направленію къ сѣверо-востоку, пока не дошелъ до естественныхъ границъ русской равнины—Уральскихъ горъ и Бѣлаго моря. Въ восполненіе скуднаго заработка отъ хлѣбопашества на верхне-волжскомъ суглинкѣ, крестьянинъ долженъ былъ обращаться къ промысламъ. Лѣса, рѣки, озера и болота предоставляли ему множество угодій, разработка которыхъ могла служить подспорьемъ скудному заработку земледѣліемъ; здѣсь причина развитія мѣстныхъ сельскихъ промысловъ, называемыхъ теперь кустарными: лыкодерство, мочальный промыселъ, звѣрогонство, бортничество (лѣсное пчеловодство въ дуплахъ деревьевъ), рыболовство, солеваренье, смоло-

куренье и т. п.—Каждое изъ этихъ занятій, какъ мы уже говорили, выписками изъ «Исторіи Русской Жизни» И. Е. Забѣлина въ 3-мъ выпускѣ I части нашей исторіи, при общемъ обзорѣ постепеннаго разселенія славянъ на всемъ пространствѣ древней Руси,—издавна служило основаніемъ и питомникомъ хозяйственнаго быта для цѣлыхъ округовъ Великороссіи. Въ древности Великороссія, со своими топями и лѣсными дебрями на каждомъ шагу, ставила поселенцу тысячи непредвидѣнныхъ тяжкихъ препятствій. Ему приходилось волей неволей бороться съ опасностями и непріятностями, его окружавшими со всѣхъ сторонъ. Это его пріучило зорко слѣдить за перемѣнами и особенностями мѣстной природы, развило въ немъ изворотливость, исключительную способность переносить терпѣливо лишенія и вообще привычку ко всякимъ невзгодамъ. Зато нѣтъ въ Европѣ народа менѣе притязательнаго и равнаго по выносливости—великороссу. Удивительная наблюдательность проявляется въ народныхъ великорусскихъ примѣтахъ. Въ нихъ отмѣчены всѣ разнообразныя случайности великорусской природы, очерченъ весь годовой обиходъ крестьянскаго хозяйства. Въ этихъ наблюденіяхъ, часто достававшихся цѣной горькаго опыта, ярко отразились какъ наблюдаемая великороссомъ сѣверная природа, такъ и самъ наблюдатель.

Съ Января великороссъ, натерпѣвшійся зимней стужи, начинаетъ надъ ней подшучивать, онъ говоритъ морозу: «трещи, трещи,—миновали водокрещи». Однако, въ день Аѳанасія и Кирилла, 18 Января, аѳанасьевскіе морозы еще даютъ себя знать, и великороссъ принужденъ уныло сознаться, что «Аѳанасій да Кирилла забираютъ въ рыло». 5 Апрѣля—Мученика Федула. «Пришелъ Федулъ, теплый вѣтеръ надулъ». Въ апрѣльское же ненастье приговариваютъ: «Фе-

дулъ—губы надулъ». 1-го Декабря—пророка Наума—«грамотника». И тутъ родилась поговорка: «Батюшка Наумъ, наведи на умъ». Такимъ образомъ, все-таки церковь со своими святыми праздниками научила великоросса считать и наблюдать время.

Короткое великорусское лѣто, обыкновенно, еще укорачивается безвременнымъ, нежданнымъ ненастьемъ, что заставляетъ великорусскаго крестьянина спѣшить усиленною работой, чтобы успѣть много сдѣлать въ короткое время и впору убраться съ поля; а затѣмъ онъ остается безъ дѣла осень и зиму. Природа и судьба пріучили великоросса выходить на прямую дорогу окольными путями: «только вороны прямо летаютъ», говоритъ онъ и привыкъ больше обсуждать пройденный путь, чѣмъ соображать дальнѣйшій; больше оглядываться назадъ, чѣмъ смотрѣть впередъ,откуда произошла поговорка, что: «Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ». Жизнь удаленными другъ отъ друга деревнями, при недостаткѣ общенія, естественно, не могла пріучить великороссовъ дѣйствовать дружно, большими союзами. Великороссъ боролся съ природою въ одиночку, въ лѣсной глуши, съ топоромъ въ рукахъ, и не привыкъ къ дружному дѣйствію общими силами, а лучше работаетъ самъ по себѣ, когда на него никто не смотритъ.

Въ то время, когда началось запустѣніе въ южной Руси,—въ отдаленномъ суздальскомъ краѣ мы замѣчаемъ усиленную строительную работу. Въ 1134 г. Юрій Долгорукій строитъ городъ Коснятинъ, при впаденіи Большой Нерли въ Волгу (подъ Калязинымъ). А въ 1150 г. Юрьевъ въ Полѣ,—нынѣ уѣздный городъ Владимірской губ. Юрьевъ Польскій. Въ 1147 г. впервые упоминается городокъ Москва. Извѣстія о построеніи городовъ сопровождаются извѣ-

стіями о построеніи храмовъ. По лѣтописямъ, Тверь была уже порядочнымъ городомъ въ 1174 г. Вообще съ княженія Юрія Долгорукаго появляется цѣлый рядъ новыхъ городовъ въ сѣверной Руси. Такъ, Кострома и Стародубъ, на Клязьмѣ, Вышгородъ, Галичъ, Звенигородъ—при впаденіи Протвы въ Оку. Извѣстенъ обычай всѣхъ переселенцевъ уносить съ собою на новыя мѣста имена покидаемыхъ жилищъ. Въ древней Руси было три Переяславля: южный, или русскій: нынѣ уѣздный городъ Полтавской губ. Переяславль Рязанскій (нынѣшняя Рязань) и Переяславль Залѣсскій (нынѣшній уѣздный городъ Владимірской губ.). Плодами трудовъ князя Юрія Владиміровича, суздальская земля стала скоро настолько сильною и богатою, что доставляла князю своему средства для обузданія Великаго Новгорода и для предпріятій въ южную Русь, куда, какъ мы знаемъ, Юрій стремился всею душой до конца жизни и, наконецъ, добившись, какъ мы это видѣли, цѣли своей получить Кіевъ, скончался тамъ великимъ княземъ. Онъ собиралъ въ свои новые города на сѣверѣ людей отовсюду, давая имъ средства для поселенія. Благодаря этому, туда стекались во множествѣ не только русскіе, но и булгары, мордва съ береговъ Оки, и даже венгры, отчасти уводимые имъ въ полонъ, такъ какъ они были союзниками его противника Изъяслава Мстиславича.

Приливомъ южно-русскаго населенія на сѣверовостокъ съ Приднѣпровья въ XII вѣкѣ были перенесены на сѣверъ богатырскія былины временъ Владиміра Святаго. Онѣ съ удивительной свѣжестью сохранились на дальнемъ сѣверѣ нынѣшнихъ губ.—Олонецкой и Архангельской, откуда проникли съ переселенцами и въ Сибирь, между тѣмъ какъ на опустѣвшемъ югѣ ихъ замѣнили впослѣдствіи казацкія думы,

воспѣвающія подвиги казаковъ въ ихъ борьбѣ съ ляхами, турками и татарами.

Общегосударственныя послѣдствія русскаго населенія верхняго Поволжья, начали обнаруживаться уже при князѣ Андреѣ Юрьевичѣ суздальскомъ. Во время княженія Юрія Долгорукаго ростово-суздальская область впервые обособилась въ отдѣльное княжество. До тѣхъ поръ, какъ мы это знаемъ, ростовское-чудское захолустье служило только прибавкой къ переяславскому княжеству. Андрей Юрьевичъ, родившійся въ 1111 г., былъ первымъ великорусскимъ княземъ, настоящимъ суздальцемъ, залѣшаниномъ, по всѣмъ своимъ привычкамъ, понятіямъ и воспитанію. При жизни отца, Андрей получилъ отъ него въ управленіе недавно возникшій при Владимірѣ Мономахѣ суздальскій городъ—Владиміръ на Клязьмѣ и княжилъ тамъ, за первые 30 лѣтъ своей жизни не побывавъ ни разу въ Кіевѣ. Онъ совсѣмъ не раздѣлялъ страсти отца своего къ этой столицѣ русской земли и вообще не любилъ никогда южной Руси,—слишкомъ властолюбивый, чтобы поладить съ такимъ складомъ условій княженія тамъ, что судьба князя зависѣла отъ своенравія городовъ и дружинъ. А, кромѣ того, половцы служили удобнымъ средствомъ для нападенія князей, силою добывающихъ себѣ удѣлы. Андрей появился на югѣ впервые не ранѣе 1149 г., когда его отецъ, восторжествовавъ надъ своимъ племянникомъ Изъяславомъ Мстиславичемъ, занялъ кіевскій столъ. Во время дальнѣйшей упорной и неудачной для Юрія Владиміровича борьбы между ними, яркія, перемѣнчивыя событія которой мы уже прослѣдили въ послѣдовательномъ порядкѣ, во всей ихъ сложности и полнотѣ, князь Андрей, хотя отличавшійся среди южно-русскихъ князей своею

57) Картина: Преданіе о чудесной остановкѣ Вышгородской иконы Божіей Матери, похищенной княземъ Андреемъ,—передъ Владиміромъ на Клязьмѣ.

боевой удалью, не разъ уговаривалъ отца примириться съ Изъяславомъ и удалиться на сѣверъ. Когда же, по смерти племянника, Юрій въ 1154 г., окончательно утвердился на столѣ кіевскомъ, Андрей, какъ мы видѣли, самовольно покинулъ Вышгородъ, куда былъ посаженъ княжить и съ похищенной изъ женскаго мѣстнаго монастыря чудотворной иконой Божіей Матери бѣжалъ въ свой родной ростово-суздальскій край. Икону онъ везъ въ Ростовъ, но, по существующему преданію, лошади въ 10-ти верстахъ отъ его излюбленнаго Владиміра на Клязьмѣ, мимо котораго лежалъ его путь, встали, какъ вкопанные, и не хотѣли дальше идти. Запрягли другихъ, посильнѣй, но и тѣ не двигались съ мѣста. Тогда князь велѣлъ на этомъ мѣстѣ раскинуть шатеръ и легъ отдохнуть. По его словамъ, ему во снѣ явилась Божія Матерь съ хартіей въ рукѣ и приказала поставить икону во Владимірѣ. На томъ же мѣстѣ, гдѣ произошло это чудо и было видѣніе князю Андрею, онъ приказалъ соорудить церковь во имя Рождества Богородицы и при ней монастырь. Тутъ же заложено было имъ село, подъ названіемъ Боголюбово. Оно сдѣлалось позже его любимымъ мѣстопребываніемъ, почему онъ въ потомствѣ получилъ прозваніе Боголюбскаго. По заказу князя Андрея была написана икона Божіей Матери въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ Она явилась ему во снѣ.

Князь Андрей заслужилъ такую любовь въ ростово-суздальскомъ краѣ, что по смерти его отца въ Кіевѣ,—Ростовъ и Суздаль, вопреки распоряженію Юрія, отдавшему ихъ въ удѣлы младшимъ своимъ сыновьямъ, единодушно избрали Андрея княземъ всей ростово-суздальской области въ 1157 г. Однако, Андрей не поѣхалъ ни въ Ростовъ, ни въ Суздаль,

гдѣ преданія и привычки тоже ограничивали власть князя, а основалъ столицу свою во Владимірѣ. Воля народная въ этомъ городѣ, только Андрею обязанномъ своимъ возвышеніемъ надъ всей русской землей, конечно, шла объ руку съ волею князя, тогда какъ Ростовъ и Суздаль считали рѣшенія своего вѣча выше княжеской власти. Андрей Боголюбскій первый изъ русскихъ князей сталъ стремиться къ единодержавію, сознавая, что дробленіе русскихъ земель служило главной причиной ихъ внутреннихъ смутъ и разстройства. Передъ глазами Андрея былъ его шуринъ, галицкій князь Ярославъ Осмомыслъ, основавшій свое могущество на безраздѣльномъ владѣніи всею галицкою землей. Всегда рѣшительный въ своихъ дѣйствіяхъ, Андрей, дабы предупредить всякую попытку къ междоусобіямъ со стороны своихъ меньшихъ братьевъ, лишенныхъ, его избраніемъ Ростовомъ и Суздалемъ, удѣловъ, завѣщанныхъ имъ отцомъ, выгналъ ихъ въ 1162 г. изъ ростово-суздальской области и удалилъ, кромѣ того, отъ себя двухъ племянниковъ, сыновей рано умершаго старшаго брата своего—Ростислава. Братья его, Мстиславъ, Василько и 8-ми лѣтній Всеволодъ, вмѣстѣ съ своею матерью, греческою царевною, отправились въ Византію, гдѣ императоръ Мануилъ принялъ ихъ дружелюбно. Это изгнаніе въ лѣтописяхъ приписывается, какъ-бы, земской волѣ. Андрей не стѣснялся выселять также и бояръ, недостаточно ему преданныхъ. Подобныя мѣры, сосредоточивая исключительно въ его рукахъ власть надъ всею ростово-суздальской областью, черезъ то самое давали этой землѣ значеніе самой сильнѣйшей между русскими землями,—тѣмъ болѣе, что, будучи избавлена отъ междоусобій, она была въ то же время спокойна отъ иноземныхъ вторженій. Но одновре-

менно эти мѣры, конечно, увеличивали число враговъ Андрея, готовыхъ при случаѣ его погубить всѣми возможными средствами.

Андрей такъ же, какъ и его отецъ, воевалъ съ камскими булгарами. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, Юрій Долгорукій въ 1120 г. ходилъ Волгою на камскихъ булгаръ, разорившихъ область его и осаждавшихъ Суздаль, пока онъ съ Владиміромъ Мономахомъ былъ въ половецкихъ степяхъ. Юрій тогда, воротившись домой, жестоко отомстилъ булгарамъ и привелъ изъ земель ихъ великій полонъ. Андрей Боголюбскій совершилъ такой же походъ въ 1164 г., самолично ставъ во главѣ суздальской рати. Войны камскихъ булгаръ съ суздальскими князьями происходили, по объясненію лѣтописцевъ, отчасти вслѣдствіе нарушенія русскими торговыхъ договоровъ съ ними и грабежей повольниковъ-новгородскихъ, суздальскихъ и тоже муромскихъ, отчасти изъ-за столкновеній при сборѣ даней съ мѣстныхъ, финскихъ народцевъ. Камскіе булгары: народъ финско-тюркскаго происхожденія, съ позднѣйшей примѣсью славянской крови, нами были уже описаны въ 1-ой части нашей «Исторіи Русской Страны». Они давно уже жили не въ ладахъ съ русскими, и дѣлали набѣги на русскія области. Походы противъ нихъ русскихъ князей считались богоугоднымъ дѣломъ. Не полагаясь на одну силу своей рати, Андрей взялъ съ собою въ походъ, написанную по его заказу, икону Божіей Матери, ему явившейся въ Боголюбовѣ, и во время главной битвы поставилъ ее подъ стягами, среди своей пѣхоты. Духовенство ее несло, идя пѣшкомъ подъ знаменами. Кромѣ того, князь и все войско пріобщились св. Тайнъ передъ битвой— и булгарскій царь бѣжалъ. Русскіе взяли у булгаръ хорошо укрѣпленный городъ ихъ—Ибрагимовъ.

58) Картина: Битва полковъ князя Андрея Юрьевича съ Камскими булгарами.

Христіанство распространилось и утвердилось въ ростово-суздальской области подвижническими трудами первыхъ ростовскихъ епископовъ. Особенно отличались здѣсь своей просвѣтительной дѣятельностью въ послѣдней четверти XI вѣка подвижники кіевопечерской Лавры: Св. Леонтій и Св. Исаія. Изгнанный язычниками изъ Ростова, Св. Леонтій нѣкоторое время жилъ въ его окрестностяхъ, гдѣ привлекалъ къ себѣ дѣтей ласковымъ обхожденіемъ; собиралъ ихъ вокругъ себя для обученія христіанской вѣрѣ и крестилъ. Воротясь въ городъ, онъ продолжалъ тамъ подвиги смѣлой проповѣди, пока не принялъ мученическій вѣнецъ. Епископъ Исаія ходилъ по суздальской землѣ, укрѣпляя словомъ своимъ вѣру вновь окрещенныхъ, обращалъ язычниковъ и строилъ храмы, поддерживаемый Владиміромъ Мономахомъ во время его поѣздокъ въ свою ростовскую область. Ея уроженецъ, Св. Авраамій, является основателемъ иноческаго житія на сѣверовостокѣ. Онъ съ юныхъ лѣтъ удалился изъ родительскаго дома на низкіе болотистые берега озера Неро и тамъ поставилъ для себя тѣсную хижину. Подвизаясь въ постѣ и молитвѣ, онъ проповѣдывалъ окрестнымъ жителямъ Слово Божіе, но его труды долго оставались напрасными. Съ прискорбіемъ видя на чудскомъ концѣ города Ростова идолъ Велеса—бога скота, онъ горячо молилъ Господа, чтобы Господь Самъ, Своею силою, просвѣтилъ темныхъ язычниковъ и сокрушилъ царство зла. Тогда, по преданью, ему было видѣнье на берегу рѣки Ишмы. Апостолъ Іоаннъ Богословъ, явившись передъ нимъ, ему вручилъ жезлъ, и отъ прикосновенья жезла этого идолъ палъ въ одно мгновеніе. На томъ мѣстѣ, гдѣ было ему видѣніе, Авраамій поставилъ малую церковь во

59) Картина: Св. Авраамій сокрушаетъ идолъ скотьяго бога Велеса прикосновеніемъ жезла, ему врученнаго Іоанномъ Богословомъ.

имя Іоанна Богослова, а тамъ, гдѣ въ Ростовѣ стоялъ идолъ, воздвигся первый въ этомъ городѣ монастырь Богоявленія, такъ какъ къ Авраамію стали съ тѣхъ поръ со всѣхъ сторонъ стекаться иноки, а народъ во множествѣ принималъ крещеніе. Подобно Св. Леонтію, Авраамій съ особенною любовью училъ дѣтей. Язычники неоднократно пытались сжечь его обитель, но безуспѣшно. Со времени Юрія Долгорукаго мы видимъ православіе уже господствующимъ въ этомъ краю, и жители главныхъ городовъ отличаются своей набожностью. Юрій построилъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, на берегу озера Клещина, привлекавшаго къ себѣ поселенцевъ изобиліемъ рыбы въ своихъ водахъ, соборъ во имя Спаса-Преображенія:—древнѣйшій изъ всѣхъ суздальскихъ храмовъ, на что указываетъ скудность и простота его украшеній. Подвижникъ Никита Столпникъ былъ переяславскій гражданинъ. Онъ тоже рано оставилъ пріобрѣтенные неправдами домъ и богатства своей семьи, чтобы пойти спасаться постомъ, молитвою и истязаніемъ плоти. Его подвижничествомъ основался на самомъ возвышенномъ мѣстѣ Переяславля Никитскій монастырь. Къ переяславо-залѣскому удѣлу принадлежала часть поволжья съ городами: Зубцовымъ и Тверью. Благодаря судоходству по рѣчкѣ Которослѣ, вытекающей изъ озера Неро и впадающей въ Волгу, ростовцы могли, сплавляя свои произведенія по водѣ, принимать живое участіе въ торговомъ движеніи между Новгородомъ Великимъ и Камской Булгаріей.

60) Картина: Преображенскій соборъ Переяславля Залѣсскаго.

Городъ Суздаль, столица Юрія Долгорукаго, стоялъ на рѣчкѣ Каменкѣ, притокѣ Нерли, впадающей въ Клязьму. На небольшомъ полуостровѣ, образуемомъ ея изгибомъ, находился городской дѣтинецъ. Еще Владиміръ Мономахъ здѣсь построилъ деревян-

ный храмъ Рождества Богородицы. Безъ сомнѣнія, уже тогда было положено начало той сѣверно-русской иконописи, что стала позже извѣстна преимущественно подъ именемъ «суздальской». На верховьяхъ другого притока Клязьмы—Колокши, при впаденіи въ нее рѣчки Гзы, находится городъ Юрьевъ, основанный Юріемъ Долгорукимъ и названный впослѣдствіи Польскимъ, такъ какъ онъ лежитъ въ мѣстности почти безлѣсной, но замѣчательной своимъ черноземомъ. Одновременно съ городомъ, Юрій воздвигъ въ Юрьевскомъ кремлѣ соборный храмъ въ честь своего святого, Георгія Побѣдоносца.

61) Картина: Георгій Побѣдоносецъ.

Андрей Боголюбскій съумѣлъ пріобрѣсти любовь духовенства, понимая, что оно составляло тогда единственную умственную силу. Этимъ онъ укрѣпилъ свою власть въ народѣ. Во Владимірѣ на Клязьмѣ имъ былъ построенъ великолѣпный храмъ во имя Успенія Пр. Богородицы изъ бѣлаго камня, знаменитаго въ Камской Булгаріи и привезеннаго оттуда водою. Въ этомъ храмѣ Андрей поставилъ похищенную имъ въ Вышгородѣ чудотворную икону, которая стала съ тѣхъ поръ извѣстна подъ именемъ Владимірской Божіей Матери. Знаменитый Успенскій соборъ былъ построенъ Андреемъ Боголюбскимъ внутри обычнаго во всѣхъ древне-русскихъ городахъ дѣтинца, или кремля. Бѣлый камень Камской Булгаріи, по своей мягкости, былъ очень удобенъ для рѣзьбы, и потому всѣ суздальскіе храмы, строившіеся обыкновенно изъ этого камня, украшались снаружи изящнымъ поясомъ рѣзныхъ колонокъ и другихъ выпуклыхъ изображеній, называвшихся почему-то «обронными». Обиліе этихъ обронныхъ украшеній составляетъ особенность суздальскихъ храмовъ, отличая ихъ отъ южно-русскихъ и новгородскихъ церквей.

62) Картина: Икона Владимірской Божіей Матери.

63) Картина: Успенскій соборъ.

Кромѣ того, они первоначально строились всегда одноглавыми.

64) Картина: Древняя церковь Покровскаго монастыря.

Вотъ на соотвѣтствующей картинѣ изображена прекрасно сохранившаяся церковь Покровскаго монастыря, близъ Боголюбова, построенная въ 1165 г. Она можетъ намъ дать вполнѣ ясное представленіе о свойствахъ церковнаго зодчества при Андреѣ Юрьевичѣ, построившемъ во время княженія своего много богатыхъ храмовъ. Лѣтопись свидѣтельствуетъ, что князь Андрей имѣлъ для построекъ въ распоряженіи своемъ не однихъ только мастеровъ византійскихъ, оставившихъ слѣдъ греческаго искусства лишь на внутренней отдѣлкѣ суздальскихъ храмовъ, но изо всѣхъ земель, значитъ—тоже съ запада черезъ посредство, должно быть, Пскова, Смоленска и Новгорода. Дѣйствительно, вся внѣшняя сторона церковныхъ зданій въ ростово-суздальскомъ краѣ возведена по новымъ образцамъ западной архитектуры, особенно почему-то привившимся въ ростово-суздальской области и доведеннымъ тамъ до совершенства. Стиль, т. е. внѣшній видъ, этихъ западныхъ образцовъ называется, въ отличіе отъ стиля византійскаго,—романскимъ. Внутреннее устройство и убранство суздальскихъ храмовъ, конечно, соотвѣтствовало ихъ внѣшнему великолѣпію. Въ Успенскомъ храмѣ двери были обиты золотомъ и серебромъ. Иконы обложены драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; богослужебные сосуды вылиты изъ чистаго золота. Скоро послѣ построенія, храмы расписывались, какъ мы знаемъ, фресковой живописью. Въ доставкѣ мастеровъ и художниковъ Андрею помогали императоры: византійскій—Мануилъ и германскій—Фридрихъ Барбаруса, (т. е. Рыжебородый). На содержаніе причта Успенскаго собора Андрей назначилъ десятую часть отъ торговыхъ пошлинъ, отъ

65) Картина: Преображеніе Господне Древняя фреска Владимірскаго Успенскаго собора.

Собственность Т. П. Мятлевой.

Раненый Изъяславъ Мстиславовичъ на полѣ битвы. *(Къ 55 стр.)*

Собственность Т. П. Мятлевой.

Садко на днѣ морскомъ. *(Къ 115 стр.)*

княжьихъ стадъ и жатвы. Съ особымъ тщаніемъ Андрей украшалъ тоже храмъ Рождества Богородицы, воздвигнутый имъ въ Боголюбовѣ. Онъ также красовался стѣннымъ росписаніемъ, узорчатою рѣзьбой, позолотою и дорогой церковною утварью. Тутъ же, подлѣ, великій князь соорудилъ себѣ теремъ и пристроилъ особенную каменную храмину, ведущую изъ терема на хоры церкви. Въ то время палаты княжескія, воздвигаемыя среди княжаго двора, въ непремѣнномъ сосѣдствѣ съ церковью, обыкновенно строились деревянными. Только въ селѣ Боголюбовѣ сохранилась до нашего времени часть дворца Андрея Юрьевича, изящно и прочно выстроенная изъ камня. Это древнее зданіе, примыкающее къ сѣверной части красивой Рождественской церкви, нынѣ получило названіе «моленной палаты» князя Андрея Боголюбскаго. Село Боголюбово, лежащее верстахъ въ 4-хъ отъ Владиміра на той же Клязьмѣ, было обращено Андреемъ въ маленькій городокъ, укрѣпленный землянымъ валомъ и рвомъ. Здѣсь онъ вполнѣ предавался своей страсти къ постройкамъ; сюда собиралъ отовсюду мастеровъ и ремесленниковъ и бережливый во всемъ другомъ, не щадилъ на нихъ своей богатой казны. Иногда посреди ночи набожный князь уходилъ изъ своего терема въ Рождественскій храмъ, самъ зажигалъ свѣчи передъ заутреней и любовался его красотою, или молился предъ иконами о своихъ грѣхахъ. Онъ былъ нищелюбивъ и, подражая Владиміру Святому, приказывалъ развозить по улицамъ своей столицы пищу и питье для больныхъ и убогихъ.

66) Картина: Боголюбовъ монастырь.

67) Картина: Сѣни и переходы палатъ князя Андрея въ Боголюбовомъ монастырѣ.

За версту отъ села Боголюбова, при впаденіи малой Нерли въ Клязьму, предполагается существованіе въ то время судовой пристани, такъ какъ только отъ этого мѣста Клязьма, принявъ въ себя Нерлю,

становилась судоходной рѣкой. Во время походовъ на камскихъ булгаръ, къ этой пристани сходились обыкновенно суздальскіе полки и садились на суда для спуска въ Оку, а изъ Оки въ Волгу. Потому здѣсь-то, гдѣ должны были совершаться напутственные молебны, Андрей воздвигъ каменный храмъ Покрова Богородицы, нами показанный на картинѣ, и построилъ при немъ монастырь. Существуетъ извѣстіе, что бѣлый известковый камень, привозимый, какъ мы сказали, изъ Камской Болгаріи для построекъ владимірскихъ князей, перегружался здѣсь на мелкія суда, и что часть камня, оставшагося на берегу при перегрузкѣ, употреблена была на облицовку Покровскаго храма. Есть основаніе думать, судя по дальнѣйшимъ событіямъ, что укрѣпленія города Владиміра, устроенныя Андреемъ Боголюбскимъ, были весьма существенны. Нѣкоторое понятіе о значеніи ихъ могутъ намъ дать уцѣлѣвшія до настоящаго времени Золотыя ворота. Освѣщеніемъ церкви, воздвигнутой княземъ Андреемъ на Золотыхъ воротахъ, завершилась постройка этого знаменитаго сооруженія. Андрей хотѣлъ открыть ихъ къ празднику Успенія Божіей Матери. Но известка еще не успѣла высохнуть и, когда народъ собрался, ворота, упавъ, накрыли собой 12 человѣкъ. Князь Андрей взмолился къ иконѣ Пр. Богородицы: «Если Ты не спасешь этихъ людей, я, грѣшный, буду повиненъ въ ихъ смерти». Подняли ворота, и всѣ придавленные ими люди оказались невредимыми. Къ Золотымъ воротамъ, предшествуемые духовенствомъ, выходили обыкновенно граждане встрѣчать новыхъ князей. И за Золотыя ворота провожали членовъ княжеской семьи, куда-либо отправлявшихся надолго изъ Владиміра. Золотыя ворота были однимъ изъ передовыхъ его укрѣпленій. Расширяя этотъ го-

68) Картина: Золотыя ворота во Владимірѣ на Клязьмѣ.

родъ, Андрей наполнилъ его, по замѣчанію одного лѣтописнаго свода, разными хитрыми ремесленниками, рукодѣльниками, и купцами. Благодаря этому, пригородъ-Владиміръ превзошелъ при Андреѣ богатствомъ и населенностью старшіе города своей области. Въ духовномъ отношеніи Владиміръ зависѣлъ отъ Ростовской епархіи, и князя Андрея озабочивало стараніе возвысить любимый городъ свой ходатайствомъ въ Царьградѣ объ утвержденіи во Владимірѣ обособленнаго отъ Кіева митрополита. Однако, ему удалось добиться лишь посвященія ростовскимъ епископомъ одного изъ своихъ любимцевъ, нѣкоего Ѳеодора, который сталъ жить не въ Ростовѣ, а во Владимірѣ. Но онъ до того возгордился, что не хотѣлъ совсѣмъ признавать кіевскаго митрополита, и до такой степени началъ злоупотреблять своей властью, такъ сталъ жестокъ въ примѣненіи къ чернецамъ, священникамъ и мірянамъ суровыхъ наказаній по византійскимъ церковнымъ правиламъ, что Андрею пришлось его предать суду кіевскаго митрополита, а тотъ присудилъ наказать Ѳеодора съ подобною же жестокостью безо всякой пощады. Испытанными союзниками князя Андрея въ его походахъ на камскихъ булгаръ, а также при взятіи имъ и разграбленіи Кіева, явились князья муромо-рязанскіе. Остановимъ же наше вниманіе на этой области русской страны и освѣтимъ нѣсколько ея исторію ранѣе, чѣмъ продолжать наше повѣствованіе о дальнѣйшей дѣятельности князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго.

Изображеніе кн. Андрея Боголюбскаго.

ГЛАВА III.

Муромо-рязанскій край. Благочестивый князь Ярославъ-Константинъ. Камская-Булгарія и финское племя мордва. Побѣда новгородскаго князя Романа Мстиславича надъ полками Андрея Боголюбскаго. Новгородская область и Новгородъ Великій. Вторичный походъ Андрея въ Камскую Булгарію *).

Рязанскій край занималъ среднее теченіе рѣки Оки и особенно распространялся на южной ея сторонѣ, въ области правыхъ ея притоковъ, Осетра и Прони. Страна была богата лѣсами, но она оставляла довольно пространства лугамъ и нивамъ. Водораздѣльная полоса притоковъ Оки и Дона тоже была лѣсная, но изобилующая, кромѣ того, болотистыми дебрями. Въ этой мѣстности жили финскія племена мордвы и мещеры. Первый извѣстный городъ въ этой странѣ была Рязань, на возвышенномъ берегу Оки, ниже устья Прони. Она и стала столицей края, когда онъ выдѣлился изъ общаго состава русской земли. Отсюда укрѣпленныя поселенія направились вверхъ по правому берегу Оки, такъ какъ, крутой и обрывистый, онъ представляетъ изъ себя всѣ удобства оборонительной линіи. Между ними особенное значеніе получилъ Переяславль рязанскій, на рѣкѣ Трубежѣ. Выше Переяславля встрѣчаемъ городъ Коломну, при впаденіи въ Оку рѣчки Москвы. Онъ служилъ оплотомъ рязанскаго княжества со стороны сосѣдней суздальской области, такъ какъ стоялъ на водномъ пути оттуда въ землю рязанскихъ князей. Такимъ же оборонительнымъ городомъ со стороны чернигово-сѣверской области былъ, основанный рязанскимъ княземъ Ростиславомъ Ярославичемъ, Ро-

*) Источники: Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». П. Н. Полевой: «Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта». Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ». В. Ключевскій: «Курсъ Русской исторіи". «Русскія Древности» гр. Толстого и Кондакова.

стиславль. Вверхъ по рѣкѣ Прони шла другая линія укрѣпленій рязанской земли, обращенная противъ степи и набѣгавшихъ оттуда половцевъ. Возвышенный лѣвый берегъ этой рѣки также хорошо соотвѣтствовалъ такому своему назначенію, какъ и правый берегъ Оки. Въ серединѣ отмѣченной линіи городовъ стоялъ городъ Пронскъ, окруженный глубокими лощинами и оврагами. Полоса, заключенная между Пронею и средней Окой, составляла основное ядро рязанскаго княжества. Крайнимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ его, со стороны половецкой степи, былъ городъ Елецъ, на рѣчкѣ Соснѣ, впадающей въ Донъ. Рязанскіе предѣлы довольно далеко углублялись въ финскіе лѣса и половецкія степи. Сѣверная, или мещерская, сторона Оки представляетъ изъ себя низменную болотистую полосу, сплошь заросшую хвойнымъ лѣсомъ, въ глуши котораго рѣдко разбросаны поселенія мещеры. Муромскій удѣлъ, въ землѣ финскаго народца муромы, лежалъ ниже по Окѣ, отъ устья ея притока Мокши, съ одной стороны, и Гуся, съ другой, до нижней Клязьмы. Городъ Муромъ былъ расположенъ въ мѣстности, покрытой дремучими лѣсами, на высокомъ холмѣ лѣваго берега Оки. Громкая слава муромскихъ безконечныхъ лѣсовъ дожила до нашего времени. Можно вообразить, какими были эти лѣса, еще не такъ давно служившіе вѣрнымъ убѣжищемъ для бродягъ, и разбойниковъ, шесть, семь вѣковъ тому назадъ. Муромъ имѣлъ довольно дѣятельныя торговыя сношенія съ Камской Булгаріей и до основанія Нижняго-Новгорода служилъ почти самымъ значительнымъ укрѣпленіемъ на сѣверо-восточной окраинѣ; выдерживалъ нападенія со стороны мордвы и камскихъ булгаръ. Въ томъ, что касалось болѣе отдаленныхъ враговъ, то сама природа дѣлала изъ

этой страны и всей ростово-суздальской области нѣчто въ родѣ естественно-неприступной крѣпости, куда стоило только заманить непріятеля, чтобы потомъ ожидать, не вступая въ битву, какъ онъ выберется изъ глухой западни лѣсныхъ темныхъ чащъ. На такомъ выжиданіи строился въ большинствѣ случаевъ весь разсчетъ сѣверныхъ русскихъ князей. Кромѣ того, при объявленіи войны, они сейчасъ засѣкали пути, главнымъ образомъ, рѣки и укрѣпляли станы свои на высотахъ, поросшихъ лѣсомъ. Около города Мурома, за которымъ лѣвый берегъ Оки быстро понижается, подходятъ къ самому правому ея берегу Примиловскія горы, дѣлая его высокимъ уже до самаго устья. Отъ Мурома, черезъ нынѣшній Гороховскій уѣздъ, тянется къ Нижнему-Новгороду цѣлая цѣпь кургановъ древнихъ могилъ, гдѣ производятъ теперь такъ же, какъ и въ курганахъ владиміро-суздальскихъ, археологическія раскопки. Со времени Юрія Долгорукаго, муромское княжество, увлекаемое подъ суздальское вліяніе, все болѣе отдѣлялось отъ рязанской земли. Тѣмъ не менѣе, оба княжества всетаки составляли одну епархію, а самой живой, неразрывной связью служила для нихъ судоходная рѣка Ока. Здѣсь, главнымъ образомъ, чтилась, конечно, память Св. Глѣба Муромскаго, но, кромѣ того, высокимъ подвигомъ христіанскимъ здѣсь отличился князь Константинъ, какъ полагаютъ, никто иной, какъ родоначальникъ обособленныхъ муромо-рязанскихъ князей: Ярославъ Святославичъ, изгнанный Всеволодомъ Олеговичемъ изъ Чернигова во время княженія въ Кіевѣ Мстислава I—сына Владиміра Мономаха. Онъ выдержалъ упорную борьбу съ язычниками, которые убили юнаго сына его Михаила, выстроилъ для погребенія его церковь во имя Благовѣщенія и только силой

примѣра своей благочестивой жизни, соединенной съ пламенною молитвой о просвѣщеніи истинами Евангелія темныхъ умовъ туземныхъ язычниковъ, привлекалъ ихъ къ принятію христіанства. Такъ, однажды, толпа самыхъ грубыхъ и закоснѣлыхъ язычниковъ собралась на дворѣ князя съ оружіемъ и дубинами, чтобы убить его. Князь Константинъ запретилъ дружинѣ своей защищать его, и одинъ съ иконой въ рукахъ вышелъ къ разъяреннымъ мятежникамъ. Пораженные его спокойной твердостью, они пали ницъ, и многіе попросили крещенія. Обрадованный князь возблагодарилъ Господа Бога, и черезъ нѣсколько дней множество народа крестилось въ Окѣ. Новообращенные облекаемы были въ бѣлыя одежды, держали въ рукахъ зажженныя свѣчи, а на головы имъ возлагали вѣнки изъ цвѣтовъ въ знакъ свѣтлаго торжества. Весь народъ горячо полюбилъ добраго князя, который заботился ревностно о его благѣ, утверждалъ гражданскій порядокъ, строилъ города и храбро защищалъ Муромъ отъ камскихъ булгаръ и мордвы. Онъ скончался въ 1129 г. и былъ погребенъ рядомъ съ сыномъ въ построенномъ имъ соборѣ.

69) Картина: Язычники угрожаютъ смертью князю Константину Муромскому.

70) Картина: Крещеніе язычниковъ кн. Константиномъ въ муромской области.

Но гораздо большее значеніе, чѣмъ старшая муромская вѣтвь Ярославичей, получила младшая, рязанская. Безпокойные и порой жестокіе рязанскіе князья упорно боролись съ Суздалемъ за свою самобытность, тогда какъ Муромъ легко поддался суздальскому вліянію. Наиболѣе виднымъ представителемъ этой борьбы явился, какъ мы увидимъ ниже, внукъ Ярослава Святославича, Глѣбъ Ростиславичъ, умершій въ плѣну у преемника князя Андрея Боголюбскаго, меньшого брата его, знаменитаго Всеволода III-го—Большое Гнѣздо.

Многочисленное мордовское племя, охватившее восточныя края земель суздальской и рязанской съ областью рѣки Суры, отдѣляло эти земли отъ Камской Булгаріи. Оно подраздѣлялось еще на племена: мокшанъ, эрзянъ и каратаевъ. Страна ихъ была покрыта дремучими лѣсами. Мордва жила въ небольшихъ селеніяхъ, занимаясь преимущественно звѣроловствомъ, пчеловодствомъ и скотоводствомъ. Она управлялась своими старшинами и даже имѣла своихъ князей.

Упражняясь въ постоянной охотѣ за пернатою дичью и пушнымъ звѣремъ, мордвины были хорошіе стрѣлки изъ своего длиннаго лука и, кромѣ того, не были чужды склонности къ военнымъ подвигамъ. Мордва отличалась большимъ упорствомъ въ сохраненіи своихъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ. Она долго еще почитала широковѣтвистыя деревья, источники, и приносила жертвы высшимъ своимъ божествамъ, какъ Кереметь. Только нѣкоторыя восточныя отрасли этого племени, сосѣднія съ Камской Булгаріей, подчинились вліянію мусульманства. Въ предѣлы Камской Булгаріи, кромѣ мордвы, входили другія, подчиненныя ей, финскія племена: черемисъ, вотяковъ и башкиръ. Мы знаемъ, что, благодаря своему предпріимчивому, промышленному характеру, булгаре стали посредниками въ торговлѣ между восточной Европой и Средней Азіей. Изъ Ховарезма (Хивы) шли черезъ Булгарію караваны съ оружіемъ, утварью, дорогими тканями и монетами. Купцы же русскіе и булгарскіе развозили эти товары по всѣмъ направленіямъ судоходныхъ рѣкъ. Изъ Камской Булгаріи вывозились мамонтовы зубы, медъ, выдѣланныя кожи (юфть) и дорогіе мѣха, такъ какъ ими булгаре собирали дань съ финскихъ племенъ, или вымѣнивали на нихъ

71) Картина: Башкирецъ.

издѣлія азіатской промышленности. Въ войнахъ съ Русью булгарскіе князья оказывались всегда слабѣйшею стороною, и были принуждены обороняться въ стѣнахъ своихъ городовъ. Зато походы русскихъ князей свидѣтельствуютъ объ ихъ умѣніи укрѣплять эти города и защищать ихъ съ воинственною отвагой. Они окружались тройнымъ высокимъ валомъ и соотвѣтствующимъ рвомъ. Лѣтописи наши указываютъ еще на наружный дубовый тынъ и двойную бревенчатую стѣну. Русло Волги проходило нѣсколько въ сторонѣ отъ столицы Камской Булгаріи, Великихъ Булгаръ, называемой иногда въ русской лѣтописи славнымъ городомъ Бряхимовымъ; но долина, находящаяся между главнымъ русломъ и городомъ, изрѣзана притоками Оки, а когда она въ вешнюю пору сплошь покрывалась водою, то суда свободно могли приставать къ внѣшней части расположеннаго на возвышенномъ мѣстѣ города,—именно туда, гдѣ проживали купцы русскіе и армянскіе.

Покончивъ съ Кіевомъ, Андрей суздальскій направилъ полки свои противъ вольнолюбиваго Новгорода, принявшаго на княженіе къ себѣ сына его врага, Романа Мстиславича. Кромѣ того, у суздальцевъ были нерѣдкія столкновенія съ новгородцами на сѣверной Двинѣ, такъ называемомъ, Заволочьи, гдѣ и тѣ, и другіе хотѣли собирать дани. Непріятельскія дѣйствія еще болѣе возбудили гордость жителей новгородской области. Они разбили сильный отрядъ суздальцевъ на Бѣлоозерѣ и собрали дани во владѣніяхъ Андрея. Тогда та же рать, разгромившая Кіевъ, жестоко опустошила новгородскія волости и осадила самый Новгородъ. Но тутъ князь Мстиславъ Андреевичъ, стоявшій во главѣ войска отца, съ воеводой своимъ Борисомъ Жидославичемъ, потерпѣли

отъ новгородцевъ полное пораженіе, и со стыдомъ должны были отступить. Всѣ ихъ приступы были отбиты смѣлымъ Романомъ Мстиславичемъ, а войско ихъ начало терпѣть сильный голодъ. Согласно преданію, новгородцы, отбивавшіеся очень храбро, начали было ослабѣвать, когда новгородскій архіепископъ Іоаннъ, молясь передъ образомъ Спаса, услышалъ голосъ, что Новгородъ избавитъ икона Богородицы изъ церкви Спаса, на Ильинской улицѣ. Когда онъ затѣмъ вознесъ икону на городскую стѣну, суздальцы пришли въ безпорядокъ и стали стрѣлять другъ въ друга. Къ вечеру 25 февраля 1170 г. князь Романъ Мстиславичъ, какъ мы сказали, побѣдилъ суздальцевъ и ихъ союзниковъ. Икона, которой приписывается преданіемъ спасеніе Новгорода отъ рати Андрея, стала извѣстной подъ именемъ Знаменской Божіей Матери, уважаемой всею Русью. Новгородцы установили въ честь ея праздникъ 27 ноября. Побѣдители, умертвивъ множество непріятелей, взяли столько плѣнныхъ, что за гривну отдавали десять суздальцевъ, какъ сказано въ новгородской лѣтописи, болѣе въ знакъ презрѣнія, нежели отъ нужды въ деньгахъ. Бѣгущій Мстиславъ былъ наказанъ за свою лютость: воины его, на возвратномъ пути, не находили хлѣба въ мѣстахъ, опустошенныхъ ими, и древній лѣтописецъ говоритъ съ ужасомъ, что они тогда ѣли въ великій постъ мясо коней своихъ!

Получая, однако, запасы хлѣба изъ суздальской области, новгородцы не могли враждовать долго съ Андреемъ. Въ слѣдующемъ же году они прогнали отъ себя Романа Мстиславича и, съ согласія Андрея, взяли себѣ на княженіе Рюрика Ростиславича,—а въ 1172 г. выпросили у Андрея его сына Юрія. Тѣмъ не менѣе, Андрей съ тѣхъ поръ, какъ потерпѣлъ по-

раженіе отъ новгородцевъ, посылалъ ему князей «на всей вольности новгородской».

Раньше, чѣмъ предоставить въ нашемъ повѣствованіи Новгородъ его судьбѣ, до выпусковъ слѣдующей—3-ей и послѣдней части задуманной нами книги,—остановимъ подольше взглядъ на столь значительной и знаменитой въ русской исторіи—новгородской области.

Поселенія славянскихъ кривичей, распространяясь отъ верховьевъ Днѣпра и Западной Двины дальше на сѣверъ, отчасти потѣснили, отчасти подчинили себѣ финскія племена. Одна часть этихъ поселеній, на рѣкѣ Великой, направилась къ Чудскому озеру, а другая подвинулась на сѣверо-востокъ, въ область верхней Волги. Истокъ Ильменя, рѣка Волховъ, служилъ сѣвернымъ славянамъ прямою дорогой въ Ладожское озеро, а оттуда широкая Нева приводила ихъ къ Балтійскому морю. Это удобство близкаго сообщенія съ моремъ много способствовало развитію торговой предпріимчивости новгородцевъ. Она нашла для себя широкое поле дѣйствій и въ неизмѣримыхъ пространствахъ сѣверо-восточныхъ земель, съ ихъ сѣтью судоходныхъ рѣкъ и озеръ, гдѣ до самыхъ уральскихъ горъ не встрѣчалось ни сильныхъ народовъ, ни природныхъ преградъ, которые бы могли остановить распространеніе ихъ господства. Исторія застаетъ новгородскую Русь въ тѣсномъ единеніи съ Кіевомъ и находитъ въ Новгородѣ кіевскихъ князей или ихъ посадниковъ. Но тогда уже славяно-русское племя здѣсь достаточно окрѣпло; вело значительную торговлю и, сознавая свою самобытную силу, стремилось ослабить кіевскую зависимость при помощи народоправленія. Мы это неоднократно видѣли въ прекращеніи платежа дани тому или другому изъ кня-

зей, а позже въ расширеніи правъ народнаго вѣча, въ выборѣ имъ себѣ не только посадниковъ, но и князей «по своей волѣ». Великій Новгородъ былъ сосредоточіемъ обширныхъ земель, къ нему тянувшихъ съ разныхъ сторонъ. Онѣ раздѣлялись на пять частей, примыкавшихъ къ пяти концамъ самаго города, а потому впослѣдствіи получившихъ названіе «пятинъ». Пятины были слѣдующія: на сѣверо-западѣ отъ Новгорода, по направленію къ Финскому заливу, простиралась пятина Вотьская, получившая свое названіе отъ обитавшаго здѣсь финскаго племени-Вотъ или Води; на сѣверо-востокѣ, справа отъ Волхова, шла далеко къ Бѣлому морю, по обѣ стороны Онежскаго озера, пятина Обонежская; къ юго-востоку, между рѣками Мстою и Ловатью, простиралась пятина Деревская; къ юго-западу, между рѣками Ловатью и Лугой, по обѣ стороны рѣки Шелони, шла Шелонская пятина; на отлетѣ за пятинами Обонежской и Деревской уходила далеко на востокъ и юго-востокъ пятина Бѣжецкая. Она захватывала сѣверную часть нынѣшней Тверской губ., западную Ярославской и юго-восточный уголъ Новгородской, по современному намъ очертанію ея. Земли эти въ XII вѣкѣ назывались еще не пятинами, а «рядами». Всѣ онѣ, кромѣ Бѣжецкой, начинались вплоть у самаго Новгорода или вблизи его, въ видѣ полосъ, расширяющихся затѣмъ, уходя дальше въ разныя стороны. Владѣнія, позднѣе пріобрѣтаемыя, или болѣе отдаленныя и не вошедшія въ это дѣленіе, образовали особыя волости. Такъ, напримѣръ, Заволочье, или земля Двинская. Теченіемъ рѣки Вычегды съ ея притоками опредѣлялось положеніе Пермской земли. За Двинской землей и Пермью, далѣе къ сѣверо-востоку, находилась волость Печора, по обѣимъ сторонамъ рѣки этого имени, а по ту

сторону сѣвернаго Уральскаго хребта—волость Югра. На сѣверномъ берегу Бѣлаго моря была волость Тре или Терскій берегъ. Всѣ эти волости рано были пріобрѣтены Новгородомъ,—такъ уже въ XI вѣкѣ новгородцы ходили собирать дань за Печеру, а въ XII в. на Терскій берегъ.

72) Картина: Торговая сторона Вел. Новгорода.

Великій Новгородъ раскинулся на самомъ верхнемъ теченіи рѣки Волхова, недалеко отъ истока ея изъ озера Ильменя, на обоихъ низменныхъ ея берегахъ. Онъ составился изъ нѣсколькихъ слободъ или поселковъ, сначала бывшихъ самостоятельными, а позже соединившихся въ одну большую городскую общину. Слѣды этихъ составныхъ частей Новгорода сохранились въ его раздѣленіи на концы. Два были на правомъ берегу Волхова, называвшемся Торговою стороной, такъ какъ здѣсь находился главный городской рынокъ, а три располагались полукругомъ около Софійскаго дѣтинца, составлявшаго сосредоточіе Новгорода и возвышавшагося на противоположной сторонѣ рѣки, получившей названіе Софійской, со времени построенія тамъ собора во имя Св. Софіи. Обѣ стороны соединялись большимъ Волховскимъ мостомъ, находившимся недалеко отъ торга и называвшимся, въ отличіе отъ другихъ, «великимъ». Къ торгу примыкала площадь, называвшаяся Ярославовымъ, или Княжьимъ дворомъ, потому что здѣсь находилось нѣкогда подворье Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ, при жизни отца. На этой площади возвышался помостъ, носившій названіе «степени». Оттуда новгородскіе князья и посадники обращались съ рѣчами къ собиравшемуся здѣсь на вѣчѣ народу. Близъ степени была вѣчевая башня съ колоколомъ, а подъ ней помѣщалось вѣчевое правленіе. Концы торговой стороны назывались, одинъ: сѣверный, Плот-

73) Картина: Софійская сторона.

74) Картина: Дворъ Ярослава.

ницкимъ, а другой, южный—Словенскимъ, гдѣ, именно, находился торгъ и Ярославовъ дворъ. Концами Софійской стороны были: Неревскій—къ сѣверу; Загородскій къ западу и Гончарскій, или Людинъ—къ югу, ближе къ озеру. Названія концовъ, Гончарнаго и Плотницкаго, указываютъ на ремесленныя занятія древнихъ слободъ, образовавшихъ Новгородъ. За валомъ и рвомъ, что опоясывали всѣ пять концовъ, разсѣяны были составлявшіе продолженіе города, многочисленные посады и слободы монастырей, съ теченіемъ времени окаймлявшихъ плотною цѣпью Новгородъ.

Область озера Ильменя составляетъ ядро новгородской земли. Оно лежитъ тамъ, гдѣ сѣверо-западные склоны Валдайскаго плоскогорія переходятъ въ низменность, доходящую до Балтійскаго моря и Ладожскаго озера, принимающаго въ себя Волховъ, между тѣмъ какъ озеро Ильмень, своей неглубокой впадиной и каменистымъ дномъ, служитъ водоемомъ для многочисленныхъ рѣкъ и ручьевъ, стекающихъ съ упомянутыхъ склоновъ Валдайскаго плоскогорія. Наиболѣе значительныя изъ нихъ: Мста, Полесть, Ловать и Шелонь, впадающія въ Ильмень съ юга. Верховья ихъ, отличаясь порожистымъ, быстрымъ теченіемъ, не судоходны. Однако, Ловать во время весенней воды составляла часть греческаго пути изъ южной Руси на сѣверъ. Волховъ, наоборотъ, тихій сначала, катитъ мутныя воды въ крутыхъ берегахъ ближе къ своему устью, и тамъ его дно, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, представляетъ изъ себя плитяные уступы, позволяющіе судамъ ходить внизъ по теченью только весной, во время половодья, а противъ него суда можно вести не иначе, какъ бичевой. Даже лѣтомъ рѣка Волховъ, въ общемъ, быстра и

многоводна; къ веснѣ же дѣлается грозна. Впадающіе въ нее съ разныхъ сторонъ притоки и напоръ вѣтра иногда гонятъ воду назадъ.

Священнымъ сосредоточіемъ новгородской жизни былъ храмъ Св. Софіи, въ новгородскомъ кремлѣ, или дѣтинцѣ. Постоять за Св. Софію—значило оборонять самобытность и славу Новгорода. Стѣны и башни Софійскаго дѣтинца, во время княженія Мстислава Владиміровича Мономаха, были уже каменныя. Въ нѣкоторыхъ изъ башенъ, надъ проѣздными воротами, благочестиво устраивались часовни. Тутъ же, подлѣ собора, находился Владычный дворъ.

75) Картина: Древній Дѣтинецъ Новгорода.

Рядомъ съ княземъ и посадникомъ, въ Новгородѣ самой вліятельной выборной властью является власть епископа, или Владыки. Мало-по-малу въ Новгородѣ установился такой обычай, что новгородцы не предпринимали никакого важнаго общественнаго дѣла безъ его благословенія. Первоначально, какъ всѣ русскіе архіереи, новгородскій епископъ назначался кіевскимъ митрополитомъ—предпочтительно, грекъ. Но какъ народное вѣче уже безпрепятственно выбирало своихъ князей и посадниковъ, такъ пожелало оно выбирать и своихъ епископовъ. Общій упадокъ вліянія Кіева, естественно, за собой повлекъ и ослабленіе ихъ церковнаго преимущества. Мы видѣли, что новгородскій епископъ Нифонтъ, вмѣстѣ съ смоленскимъ епископомъ Мануиломъ, не захотѣли признать митрополитомъ кіевскимъ инока Зарубскаго монастыря, Климента Смолятича, поставленнаго соборомъ русскихъ епископовъ по желанію кіевскаго князя Изъяслава Мстиславича, безъ утвержденія его, по установленному обычаю, царьградскимъ патріархомъ. За это Нифонтъ подвергся преслѣдованію отъ великаго князя, и заточенъ былъ имъ въ Печерскій монастырь, между

тѣмъ какъ царьградскій патріархъ Николай Музалонъ прислалъ ему похвальную грамоту, уподобляя его святымъ подвижникамъ. Но, когда Юрій Долгорукій, по смерти своего соперника, занялъ кіевскій столъ, онъ освободилъ Нифонта. Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ новгородскихъ Владыкъ. Въ началѣ 1136 г. онъ прибылъ въ Кіевъ для встрѣчи тамъ новаго митрополита, уже назначеннаго изъ Византіи на мѣсто изгнаннаго Климента Смолятича, грека Константина, однако, не дождавшись его, скончался въ Кіевѣ. Пользуясь неурядицей на митрополичьей каѳедрѣ, новгородцы выбрали себѣ самовольно епископа изъ среды собственныхъ игумновъ, по имени Аркадія. Это былъ первый выбранный новгородскій Владыка. Онъ поѣхалъ на посвященіе къ митрополиту Константину только спустя два года.

76) Картина: Соборъ Св. Софіи въ Новгородѣ.

Архіепископскіе покои, примыкавшіе къ Софійскому собору, назывались домомъ Св. Софіи. Они служили мѣстомъ владычнаго суда и церковнаго управленія. Главный источникъ доходовъ Владыки составляли земельныя угодья, изъ жертвуемыхъ богатыми людьми и князьями церкви на поминъ своей души. Поземельныя владѣнія архіепископа встрѣчались почти во всѣхъ краяхъ новгородской земли и притомъ населенныя, что давало ему большой доходъ. Епископъ Нифонтъ, между прочимъ, очень много трудился надъ украшеніемъ храма Св. Софіи, иначе—Премудрости Божіей. Въ этотъ соборъ собиралось все драгоцѣнное. Пожары и всякія бѣды, постигавшія Св. Софію во время бѣдствій самаго Новгорода, а также расхищеніе ея сокровищъ, не позволяютъ намъ имѣть вѣрнаго представленія о древней пышности украшеній храма. Самымъ замѣчательнымъ его памятникомъ являются западныя, такъ называемыя Корсунскія врата. Это своего

77) Картина: Корсунскія врата новгородской Софіи.

78) Картина: Отдѣльныя изображенія Корсунскихъ вратъ.

рода скульптурный иконостасъ. Они состоятъ изъ двухъ половинъ, покрытыхъ съ наружной стороны литыми бронзовыми дощечками. На нихъ изображены лики и разныя событія изъ священной исторіи. Наиболѣе величественная, замѣчательная икона Спасителя находится въ главномъ куполѣ. Она отличается строгостью лика и наполовину сжатой десницей, согласно преданію, раньше написанной благословляющей, по указанію епископа Луки Жидяты,—но живописцемъ былъ чудесно услышанъ гласъ, повелѣвающій изобразить десницу Христа сжатою, ибо въ ней Онъ держитъ Новгородъ. Какъ Дѣтинецъ съ Софійскимъ соборомъ былъ религіознымъ сосредоточіемъ Новгорода, такъ, расположенный прямо напротивъ его, по другую сторону Волхова, Ярославовъ дворъ, мѣсто собраній народнаго вѣча,—являлся сосредоточіемъ управленія и торговли. Часть города, на правомъ берегу Волхова, поэтому называлась Торговою стороной. Къ Ярославову двору примыкали съ востока и юга торговые ряды; а съ другихъ сторонъ его окружали древніе храмы. Отъ Словенскаго конца города былъ перекинутъ прямо въ Дѣтинецъ великій мостъ черезъ Волховъ. Вдоль берега рѣки шла широкая площадь, называвшаяся Торговищемъ. Здѣсь въ особенности производилась торговля Новгорода съ иноземными гостями, жившими по близости, на дворахъ нѣмецкомъ и готскомъ, гдѣ находились склады ихъ товаровъ. Подлѣ древняго княжаго терема возвышался каменный храмъ во имя Николая Чудотворца, сооруженный Мстиславомъ Владиміровичемъ, а рядомъ съ нимъ стояла звоница съ вѣчевымъ колоколомъ, затѣмъ—изба для вѣчевыхъ дьяковъ и выше упомянутая вѣчевая степень. Рядомъ съ Никольскимъ соборомъ заморскіе купцы новгородскіе, т. е. посылавшіе

79) Картина: Храмъ во имя Николая Чудотворца.

80) Картина: Храмъ Параскевы Пятницы.

за море свои товары, построили храмъ Параскевы-Пятницы. Отъ этого храма торжище простиралось почти до церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, заложенной княземъ Всеволодомъ - Гавріиломъ, въ 1127 г. Въ пользу этой церкви предоставлены были всѣ пошлины съ воска, и при ней находились самые вѣсы, на которыхъ взвѣшивали воскъ. Готскій дворъ имѣлъ свою католическую церковь во имя Св. Олафа, а нѣмецкій свою особую—во имя Св. Петра. Торговище служило главною пристанью для купеческихъ кораблей. Это было самое оживленное и многолюдное мѣсто въ городѣ. Слѣдующій городской конецъ за Словенскимъ, по другую сторону впадающаго въ Волховъ Федорова ручья, населенъ былъ преимущественно ремесленниками съ преобладающими и прославившимися въ Новгородѣ плотничьими мастерами, почему онъ и назывался Плотницкимъ. Мы сказали уже, что всѣ пять концовъ новгородскихъ съ внѣшней стороны были окопаны рвомъ и валомъ, а, кромѣ того, укрѣплены бревенчатыми стѣнами, засыпанными землей, и огорожены частоколомъ. Но самой надежной защитой отъ непріятельскихъ нападеній служили новгородцамъ топкія, болотистыя окрестности и дремучіе лѣса.

Съ XII в. новгородскіе князья жили не въ самомъ Новгородѣ, только въ случаѣ надобности пріѣзжая на Ярославовъ дворъ, а въ трехъ верстахъ отъ города, на загородномъ княжьемъ дворѣ, занимавшемъ возвышенность между двумя рукавами Волхова, въ селѣ Городищѣ, близъ озера Мячино. Здѣсь, конечно, около терема князя располагались жилища его дружины, княжеская охота и разныя хозяйственныя постройки. Благочестивые князья сооружали при своемъ дворѣ храмы. Князь Мстиславъ Владиміровичъ пода-

рилъ въ построенную имъ церковь Благовѣщенія богато украшенное Евангеліе, до сего времени сохранившееся въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ. Великій Новгородъ, сначала съ такимъ упорствомъ державшійся своего язычества, превзошелъ всѣ другіе города древней Руси количествомъ въ немъ построенныхъ храмовъ. А почти всѣ наиболѣе удобныя для поселенія мѣста вокругъ Новгорода были заняты его обителями. Древнѣйшій и знаменитѣйшій изъ новгородскихъ монастырей это монастырь Юрьевскій, или Георгіевскій, какъ разъ напротивъ Городища, по лѣвую сторону рѣки Волхова, говорятъ, основанный Ярославомъ Мудрымъ; но самымъ щедрымъ его покровителемъ былъ все тотъ же любимый новгородцами Мстиславъ Владиміровичъ Мономахъ со своимъ сыномъ Всеволодомъ-Гавріиломъ.

Другой высокочтимый монастырь, Св. Антонія Римлянина, сохранилъ почти цѣлымъ зданіе собора со времени его построенія, въ 1117 г., во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Его основалъ пришлецъ изъ Италіи *), гдѣ въ то время еще не совсѣмъ исчезло вліяніе константинопольскаго патріарха. Антоній былъ христіаниномъ восточнаго, греческаго вѣроисповѣданія, и съ ранней молодости велъ въ пустынномъ мѣстѣ подвижническую жизнь. Тѣснимый за православіе, онъ собралъ, по преданію, дорогія вещи, доставшіяся ему отъ богатыхъ родителей, церковные сосуды, крестъ, иконы, много золота и серебра, положилъ все это въ бочку и пустилъ ее по морю, на волю Божію; самъ же поселился у морского берега, на большомъ камнѣ. Забывъ обо всемъ земномъ, онъ проводилъ дни и ночи въ пламенной молитвѣ и вкушалъ пищу только разъ въ недѣлю. Однажды, под-

*) Разсказы изъ исторіи церкви.

81) Картина: Подвижникъ Антоній чудесно плывущій на камнѣ.

нявшійся сильный вѣтеръ всколыхалъ морскія волны, оторвалъ отъ берега камень, на которомъ молился Антоній и помчалъ его съ неимовѣрною быстротой. Объятый молитвеннымъ восторгомъ, Антоній не замѣчалъ, какъ онъ плылъ мимо чужихъ земель, и какъ, наконецъ, его камень присталъ къ какому-то берегу. Его пробудилъ отъ восторженнаго оцѣпенѣнія колокольный звонъ, призывавшій къ утренѣ въ наступившій праздникъ Рождества Богородицы. Антоній ступилъ на берегъ и вошелъ въ ему невѣдомый Новгородъ, гдѣ встрѣчные люди не понимали его языка, и смотрѣли на иноземнаго подвижника съ изумленіемъ. Наконецъ, отъ одного греческаго купца Антоній узналъ, гдѣ онъ находится, и, возблагодаривъ Бога, продолжалъ жить на своемъ камнѣ, пока епископъ Никита, которому онъ разсказалъ о дивной судьбѣ своей, не благословилъ его поставить въ честь Богоматери маленькую деревянную церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ остановился камень, у села Волховскаго, въ трехъ верстахъ отъ Новгорода. Это случилось въ 1106 г. Тогда народъ началъ стекаться къ чужестранцу-подвижнику. Годъ спустя, когда рыбаки, однажды, ловили въ Волховѣ рыбу, Антоній сказалъ имъ: «Дѣти, закиньте сѣть,—а что найдете, несите въ домъ Пресвятой Богородицы». Рыболовы закинули сѣть и вмѣстѣ съ множествомъ рыбы вытащили окованную желѣзными обручами бочку, съ сокровищами Антонія. На заключавшіяся въ ней богатства Антоній построилъ монастырь, куда скоро собрались, подъ его начало, иноки. Св. Антоній скончался въ 1147 г. Въ его обители хранятся до сихъ поръ крестъ и мусійскія (мозаичныя) иконы итальянской работы съ латинскими надписями. Двѣ чаши Антоніевы находятся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Въ числѣ новгородскихъ окрестностей упомянемъ еще Волотово поле, на правомъ берегу Волховца, съ могильнымъ курганомъ, названнымъ могилою Гостомысла, а также монастырь Николы на Липнѣ, посреди топкихъ болотъ, около впаденія рѣки Мсты въ озеро Ильмень. Его основалъ князь Мстиславъ Владиміровичъ въ память своего исцѣленія отъ тяжелой болѣзни дѣйствіемъ чудотворной иконы Святого Николая. Насупротивъ этого монастыря, по другую сторону озера Ильменя, лежало княжеское село Ракома, гдѣ проживалъ еще Ярославъ I-й, когда сидѣлъ на новгородскомъ столѣ.

82) Картина: Старинный храмъ монастыря Св. Николы на Липнѣ.

Южный берегъ озера Ильменя, между устьями рѣкъ—Шелони и Ловати, круче другихъ его береговъ и состоитъ мѣстами изъ плитяныхъ утесовъ. На открытой, ровной мѣстности этого берега, по обѣ стороны рѣки Полести, расположенъ одинъ изъ новгородскихъ пригородовъ, Русса, замѣчательный своими соляными источниками, изъ которыхъ жители съ давнихъ временъ добывали соль. Нѣсколько ниже города, Полесть соединяется съ Ловатью, недалеко отъ ея впаденія въ озеро Ильмень, и, такимъ образомъ, Русса въ лѣтнее время имѣла съ городомъ судовое сообщеніе. Тихая и спокойная въ нижней части своей, рѣка Ловать быстра и порожиста въ своемъ среднемъ теченіи. Но все же въ весеннее время она была сплавною и даже судоходной рѣкой, начиная отъ самыхъ Великихъ Лукъ. Этотъ городъ лежитъ уже въ южномъ краю новгородской области, на пограничьи ея съ землями полоцкой и смоленской, въ волнистой и лѣсной мѣстности.

Другой новгородскій пригородъ, Псковъ, родина княгини Ольги и мѣсто успокоенія Св. князя Всеволода-Гавріила, расположился на рѣкѣ Великой, за

нѣсколько верстъ отъ ея впаденія въ Чудское озеро. Озеро это имѣетъ стокомъ своимъ рѣку Нарову, впадающую въ Финскій заливъ; но доступъ къ морю, вблизи отъ ея устья, преграждаетъ извѣстный Нарвскій порогъ. Подъ глинисто-песчаной почвой окрестной мѣстности залегаетъ известковая плита, въ изобиліи доставлявшая камень для стѣнъ и храмовъ Пскова. Его дѣтинецъ стоитъ на возвышенномъ мысу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Псковы въ Великую. Тутъ красуется главная Псковская святыня: соборъ св. Троицы съ гробницей его строителя—князя Всеволода-Гавріила. На западномъ пограничьи псковской области стоялъ древній Изборскъ. Но изо всѣхъ пригородовъ Новгорода, до нашествія татаръ, только Ладога своимъ значеніемъ могла поспорить съ Псковомъ. Она, на лѣвомъ берегу Волхова, верстахъ въ десяти отъ впаденія его въ Ладожское озеро, служила издавна пристанью на Великомъ водномъ пути для варяжскихъ судовъ передъ Волховскими порогами. Отсюда товары перевозились мимо пороговъ сухимъ путемъ,—и зимой сообщеніе Ладоги съ Новгородомъ совершалось обозами по санному пути. Или купцы, дождавшись весны, проводили свой грузъ черезъ пороги на болѣе мелкихъ судахъ, бичевой. Шведы не разъ приплывали съ войскомъ, пытаясь захватить Ладогу въ свои руки, какъ ключъ къ Великому Новгороду. Она служила тоже его оплотомъ противъ сосѣдней чуди. Вслѣдствіи этихъ причинъ прилагалось много заботъ для ея укрѣпленія. Во время княженія въ Новгородѣ Мстислава Владиміровича, ладожскій посадникъ Павелъ, въ 1116 г., заложилъ вокругъ дѣтинца Ладоги, вмѣсто старыхъ деревянныхъ стѣнъ, каменныя; по угламъ ихъ возвышаются круглыя башни съ узкими отверстіями для метанія стрѣлъ.

См. картину № 28. Чтеніе 5. Часть I. Выпускъ III. Древній Изборскъ.

83) Картина: Старая Ладога.

Владыка Нифонтъ построилъ въ Ладогѣ каменный храмъ Св. Климента. Внутри дѣтинца была еще каменная церковь Св. Георгія. Она сохранилась до нашихъ дней въ нетронутомъ видѣ, измѣненная, за послѣднее время, только пристройкою одного придѣла и колокольни. Церковь эта имѣетъ особенное значеніе, тоже благодаря своей стѣнной живописи XII вѣка, открытой подъ штукатуркой въ 1780 г. Среди ея фресковъ укажемъ на изображеніе покровителя церкви, Георгія Побѣдоносца: Онъ на конѣ, по совершеніи подвига, а передъ нимъ—спасенная его копіемъ царевна.

84) Картина: Изображеніе Георгія Побѣдоносца въ Ладожской церкви св. Георгія.

Въ Ладогѣ, какъ и въ Новгородѣ, проживали при своихъ складахъ голландскіе купцы. Новгородскія суда изъ Ладоги переплывали бурное Ладожское озеро и потомъ широкою многоводной Невой входили въ море. Но въ это время совсѣмъ не замѣтно со стороны сѣверной Руси стремленія закрѣпить за собою какою-нибудь твердыней этотъ конецъ Великаго воднаго пути и стать прочной ногой на самомъ устьи рѣки Невы, хотя тамъ собирались дани со всѣхъ окрестныхъ чудскихъ народцевъ. Только въ послѣдствіи новгородцы какъ бы вдругъ спохватились, и построили укрѣпленіе на Орѣховомъ островѣ, при выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера.

На другомъ краю новгородской земли, на ея границѣ съ землею суздальской, находилось еще укрѣпленное и вмѣстѣ торговое новгородское поселеніе, извѣстное подъ именемъ Новаго Торга, или просто Торжка. Оно лежитъ на Тверцѣ, лѣвомъ притокѣ Волги. Тутъ только небольшой волокъ отдѣлялъ Ильмене-Ладожскій водный путь отъ Волжскаго, и потому Торжокъ, естественно, получилъ торговое значеніе. Торжокъ привлекалъ на себя вниманіе суздаль-

скихъ князей, и здѣсь новгородцы держали, кромѣ посадника, особаго князя для обороны отъ хищныхъ сосѣдей. Другимъ узломъ, соединявшимъ Ильмень съ Волгой, было, дающее этой рѣкѣ начало, обильное рыбой и островами озеро Селигеръ. Оно отдѣляется тоже небольшимъ волокомъ отъ рѣчки Полы, притока Ильменя. Здѣсь, по верхнему теченію Волги, шелъ рубежъ новгородской земли со смоленской. Миновавъ смоленскій городъ Ржевъ и суздальскій Зубцовъ, новгородскія владѣнія заходили на правую сторону Волги, гдѣ у рѣчки Ламы стоялъ пригородъ Волокъ, а потому названный Волоколамскимъ. Отсюда рубежъ съ суздальскою землей поворачивалъ круто на сѣверъ, къ Бѣлому морю. Здѣсь самымъ значительнымъ пригородомъ,—теперь бы сказали уѣзднымъ городомъ,—былъ городокъ Бѣжичи, на верхнемъ теченіи рѣки Мологи. Уже въ первой половинѣ XII вѣка пространство между Волховымъ и Онежскимъ озеромъ входило въ составъ новгородской земли, между тѣмъ какъ въ Кареліи, на западной сторонѣ Ладожскаго озера, Новгородъ ограничивался собираніемъ дани и, если имѣлъ тамъ кое-какія поселенія, то весьма немногія. На сѣверо-западѣ, со стороны Финляндіи, новгородцы встрѣтили разныя естественныя препятствія для распространенія тамъ своего господства.

Водные пути, соединяющіе въ этомъ краю между собою безчисленныя озера, загромаждены порогами и утесами. Туземныя чудскія племена отличались дикостью и свирѣпостью. Между ними емь и суми занимались морскимъ разбоемъ и сами производили набѣги на русскую землю, такъ что приходилось предпринимать для ихъ обузданія трудные походы. Кромѣ того, новгородцы столкнулись здѣсь съ смѣлыми, предпріимчивыми скандинавами, издавна стре-

мившимися водворить свое владычество по финляндскому побережью, гдѣ въ XII вѣкѣ они начали основывать укрѣпленныя поселенія, пытаясь одновременно завладѣть берегами Невы и устьями Волхова. Однако, отсюда новгородцы отбили ихъ, вступая иногда въ морскія битвы съ шведскими кораблями. Вмѣстѣ съ подвластною имъ Карелою, они нападали даже на шведскіе берега. Но море все же не было никогда любимымъ мѣстомъ дѣйствій славяно-русскаго племени, и потому, заботясь только о свободномъ торговомъ пути къ нему, оно слабо поддерживало борьбу со шведами изъ-за Финляндіи. Почти одновременно былъ положенъ предѣлъ завоеваніямъ новгородцевъ по обѣимъ сторонамъ Финскаго залива (какъ мы это увидимъ въ слѣдующей и послѣдней части нашей исторіи): на сѣверѣ—шведами, а на югѣ—нѣмцами. Главное вниманіе новгородцевъ было отвлечено въ тѣ времена: на юго-востокъ—на отношенія къ князьямъ суздальскимъ, и на сѣверо-востокъ, гдѣ поселенія ихъ, повторяемъ, шли широкою полосой вдоль судоходныхъ рѣкъ, почти не встрѣчая себѣ преграды. Новгородскіе удальцы достигли западныхъ береговъ Бѣлаго моря и обложили тамъ данью дикую Лопь. Но главное движеніе ушкуйниковъ было направлено въ Заволочье, т. е. въ область Сѣверной Двины и ея притоковъ. Здѣсь заволоцкая Чудь не безъ борьбы покорилась новгородцамъ. Кромѣ того, они столкнулись въ этой землѣ съ дружинами суздальскихъ князей, имѣвшихъ, съ своей стороны, притязаніе на этотъ край и на дань съ населявшихъ его туземцевъ.

См. картину № 79. Часть II. Выпускъ I. Новгородскіе ушкуйники.

Просторъ для высокомѣрной и буйной вольности новгородской, для упорныхъ его стремленій къ обособленію себя отъ главенства велико-княжескаго стола въ Кіевѣ, данъ былъ, во-первыхъ, грамотой Ярослава

Мудраго, предоставлявшей Новгороду разныя преимущества. А, во-вторыхъ, ея поддерживала постоянная перемѣна Новгородомъ своихъ князей, призваніе ихъ то изъ одного, то изъ другого княжескаго рода, что мѣшало укорененію въ новгородской области ея особой, мѣстной преемственной линіи правящихъ лицъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это давало возможность каждому сильному властителю вмѣшиваться въ раздоры и внутреннія дѣла новгородцевъ, составляя себѣ въ Новгородѣ изъ бояръ партію своихъ приверженцевъ. Обыкновенно, сажая на столъ свой новаго князя, народное вѣче входило съ нимъ въ предварительный договоръ и заставляло его присягнуть въ исполненіи заключенныхъ съ Новгородомъ условій. Это и называлось принимать князя «по всей волѣ новгородской».

Помирившись съ новгородцами, Андрей Боголюбскій предпринялъ второй походъ въ Камскую Булгарію, имѣя въ виду обогатиться добычей въ этой торговой странѣ. Рязанцы и муромцы соединились съ его сыномъ Мстиславомъ при устьѣ Оки и зимою прошли къ берегамъ Камы, но въ маломъ числѣ, такъ какъ люди старались въ большинствѣ уклониться отъ зимняго похода, особенно труднаго въ мѣстахъ, мало населенныхъ, гдѣ лежатъ глубокіе снѣга и часто свирѣпствуютъ мятели. Главный воевода Андрея, Борисъ Жидиславичъ, взявъ шесть булгарскихъ деревень и седьмой городокъ, полонивъ и умертвивъ изрядное количество жителей, совѣтовалъ князьямъ скорѣе итти назадъ. И, дѣйствительно, 6000 булгаръ, гоняясь за ними, едва не настигли Мстислава верстахъ въ 20 отъ устья Оки. Возвратясь благополучно къ отцу, довѣрявшему ему ратныя свои дѣла, какъ князю, безъ сомнѣнія, мужественному, Мстиславъ Андреевичъ скоро скончался, въ молодости.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ГЛАВА I *).

Княженіе брата Андрея, Глѣба, въ Кіевѣ и борьба съ половцами князя Михаила Юрьевича Торческаго. Назначеніе Андреемъ суздальскимъ князя смоленскаго Романа Ростиславича княземъ кіевскимъ. Несправедливый гнѣвъ Андрея на братьевъ Ростиславичей. Изгнаніе имъ Романа изъ Кіева и безуспѣшная осада большими силами древней русской столицы въ борьбѣ съ остальными братьями. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Ярославъ Изъяславичъ Луцкій—великій князь кіевскій. Убійство въ селѣ Боголюбовѣ князя Андрея.

Между тѣмъ, братъ Андрея Боголюбскаго, Глѣбъ, оставленный имъ безъ всякой поддержки княжить въ Кіевѣ, подвергся съ двухъ сторонъ нападенію половцевъ, явившихся къ нему, чтобъ поздравить его съ великокняжескимъ столомъ и предложить заключить съ ними договоръ. Одна часть ихъ заполнила переяславскую волость, на лѣвомъ берегу Днѣпра, другая подступила, съ праваго берега, къ кіевской области. Глѣбъ поспѣшилъ, во-первыхъ, въ Переяславль, гдѣ княжилъ его сынъ Владиміръ. Но, пока, для огражденія отъ опасности этого двѣнадцатилѣтняго князя, онъ осыпалъ дарами половцевъ въ Переяславлѣ, другія толпы ихъ жгли и грабили села на правомъ берегу Днѣпра. Когда, съ награбленною добычей и

---

*) Источники: Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи». М. Грушевскій: «Очеркъ Кіевской земли послѣ смерти Ярослава Мудраго». Н. Карамзинъ: «Исторія Государства Россійскаго». Н. Костомаровъ: «Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ».

русскими плѣнниками, они бѣжали обратно къ степямъ своимъ, Глѣбъ, не имѣя подъ рукой готоваго войска, хотѣлъ съ малой дружиной гнаться за ними въ степи, но берендѣи его уговорили, имъ, съ его младшимъ братомъ Михаиломъ Юрьевичемъ, предоставить отомстить лютымъ половцамъ. Когда же этотъ удалой князь, настигнувъ враговъ, началъ битву, они, схвативъ за узду коня его, сказали ему, что пойдутъ впередъ, оставляя его за собой, какъ твердую опору. По словамъ лѣтописца, половцы превосходили русскихъ числомъ, но зато русскіе и берендѣи взяли верхъ мужествомъ. Знаменосецъ Михаила палъ въ рядахъ, и враги сорвали его хоругвь съ древка. Но воевода княжескій, наткнувъ на него шлемъ свой, бросился въ сѣчу и поразилъ половецкаго знаменосца. Михаила Юрьевича ранили двумя копьями въ бедро, а третьимъ—въ руку. Но князь не думалъ о своихъ ранахъ; побѣдилъ и привелъ въ Кіевъ до 1500 плѣнныхъ, освободивъ большое число русскихъ невольниковъ.

85) Картина: Сраженіе кн. Михаила Юрьевича въ степи съ половецкой ордой, разграбившей кіевскую область.

Но еще большая опасность грозила затѣмъ князю Глѣбу со стороны не желавшаго покориться своей судьбѣ Мстислава Изъяславича. Однако, его защитили, первое время, изъ вражды къ Мстиславу, вѣрные суздальцамъ Ростиславичи. Мстиславъ, вмѣстѣ съ полками союзника своего, князя галицкаго Ярослава, вступилъ въ область дорогобужскую, чтобъ наказать измѣнившаго ему князя Владиміра Андреевича. Но тотъ лежалъ въ это время на смертномъ одрѣ и скоро умеръ. Тогда его опустошенная область перешла во владѣніе извѣстнаго своимъ вѣроломствомъ князя Владиміра Мстиславича. Послѣ долгихъ скитаній, онъ вымолилъ, наконецъ, прощеніе у племянника и, съ его согласія, поѣхалъ въ Дорогобужъ, гдѣ обѣ-

щалъ вдовѣ покойнаго князя не трогать ея имѣнія, а на другой же день переступилъ клятву, отнявъ у нея и ея приближенныхъ все, что только могъ. Тогда, опечаленная княгиня повезла тѣло мужа въ Кіевъ, между тѣмъ какъ за нею слѣдовалъ въ этомъ же направленіи Мстиславъ Изъяславичъ съ многочисленнымъ войскомъ. Не надѣясь на вѣрность кіевлянъ, князь Глѣбъ уѣхалъ въ Переяславль. Но Давидъ Ростиславичъ бодрствовалъ въ своемъ Вышгородѣ и послалъ игумену Кіево-Печерской Лавры, Поликарпу, священниковъ для погребенія князя Владиміра Андреевича. Онъ выжегъ окрестности своего города и смѣло ждалъ непріятеля. Мстиславъ вошелъ въ Кіевъ безъ сопротивленія и, не теряя времени, приступилъ къ Вышгороду. Съ утра до вечера бился онъ, не жалѣя крови, подъ стѣнами этого города, но союзники измѣнили ему. Берендѣи же начали явно коварствовать. Услышавъ, что Глѣбъ идетъ къ Кіеву съ половцами, Мстиславъ снялъ осаду и удалился обратно въ свою Волынію. Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основанія городокъ Михайловъ, подъ Кіевомъ, прогнавъ оттуда его племянника, Василька Ярополковича, и, вообще, истребляли всѣ памятники Мстиславова княженія на берегахъ днѣпровскихъ. Внезапная болѣзнь обезоружила князя Мстислава, и, поручивъ сыновей брату своему Ярославу Изъяславичу, онъ скончался во Владимірѣ-Волынскомъ, въ 1170 г. Согласно польскимъ лѣтописямъ, Мстиславъ женатъ былъ на дочери польскаго короля Болеслава Кривоустаго. Онъ напоминалъ отца своего прямотою и удалью. Его дѣятельность, судя по началу, могла быть очень полезной для кіевской земли, такъ какъ, согласно свидѣтельству кіевскихъ лѣтописцевъ, онъ ей желалъ добра всѣмъ сердцемъ. Старшій сынъ его,

впослѣдствіи знаменитый Романъ Галицкій, былъ еще въ это время въ Новгородѣ. Изгнанный новгородцами въ угоду Андрею Боголюбскому, онъ пріѣхалъ въ ту же осень на югъ и сѣлъ княжить во Владимірѣ-Волынскѣ.

Глѣбъ не долго пережилъ соперника своего Мстислава. Онъ умеръ въ слѣдующемъ 1171 г., заслуживъ сочувственный отзывъ въ лѣтописи своимъ братолюбіемъ, набожностью, вѣрностью клятвамъ и милосердіемъ. Его княженіе какъ началось, такъ и окончилось половецкимъ набѣгомъ. Половцы проникли за Кіевъ, разорили множество селъ и съ великимъ полономъ пошли обратно въ степи. По просьбѣ Глѣба, тотъ же Михаилъ Юрьевичъ съ меньшимъ братомъ ихъ, отрокомъ Всеволодомъ, съ торками и берендѣями, нагналъ половцевъ уже за Бугомъ, множество хищниковъ умертвилъ и освободилъ 400 русскихъ плѣнниковъ.

Ростиславичи предупредили назначеніе княземъ Андреемъ Боголюбскимъ преемника Глѣбу въ Кіевѣ. Не смѣя сами занять его, они послали за дядей своимъ въ Дорогобужъ, и тотъ, преступивъ снова крестное цѣлованіе свое Ярославу Луцкому съ покойнымъ Мстиславомъ, тайкомъ покинулъ удѣлъ свой на попеченіе сына съ тѣмъ, чтобы самому сѣсть въ Кіевѣ по призыву племянниковъ. Однако, Андрей Боголюбскій, несмотря на свое пренебреженіе Кіевомъ, былъ возмущенъ, узнавъ, что кіевскій столъ занятъ такимъ недостойнымъ княземъ, и, раздосадованный самоуправствомъ Ростиславичей, приказалъ ему немедленно оставить Кіевъ. Но, не прокняживъ и трехъ мѣсяцевъ въ Кіевѣ, Владиміръ Мстиславичъ умеръ, потомству памятный только своимъ криводушіемъ и безсовѣстнымъ вѣроломствомъ. Тогда Андрей суздальскій, какъ

бы желая великодушіемъ своимъ устыдить Ростиславичей, объявилъ имъ, что уступаетъ Кіевъ ихъ брату, Роману смоленскому. Довольный такой благосклонностью великаго князя, Романъ, поручивъ Смоленскъ сыну Ярополку, въѣхалъ въ столицу южной Руси при изъявленіяхъ общей радости кіевлянъ, любившихъ въ немъ добродѣтели его отца, незлобіе и справедливость. Одновременно со своимъ восшествіемъ на кіевскій столъ Романъ праздновалъ побѣду, одержанную юнымъ княземъ сѣверскимъ, Игоремъ Святославичемъ, надъ половецкими ханами—Кобякомъ и Кончакомъ. Игорь вручилъ ему, въ знакъ уваженія побѣдные свои трофеи,—иначе сайгатъ, и одаренъ былъ зато Ростиславичами, весело съ ними отпраздновавъ въ Вышгородѣ праздникъ свв. Бориса и Глѣба. Братъ Давида, Мстиславъ Ростиславичъ, княжилъ въ Бѣлгородѣ.

Однако, спокойствіе продолжалось недолго. Злые люди не замедлили очернить Ростиславичей предъ Андреемъ, и донесли ему, что, будто-бы Глѣбъ вовсе не умеръ естественной смертью, а былъ отравленъ нѣсколькими кіевскими боярами. Когда же Ростиславичи отказались отъ выдачи этихъ, ни въ чемъ неповинныхъ бояръ, Андрей приказалъ имъ всѣмъ удалиться въ свою смоленскую волость, а кіевскимъ княземъ назначилъ своего брата Михаила Юрьевича, сидѣвшаго въ Торческѣ, т. е. въ землѣ Черныхъ Клобуковъ, съ меньшимъ братомъ Всеволодомъ. Кроткій Романъ Ростиславичъ послушалъ приказа Андрея суздальскаго, и удалился опять въ Смоленскъ. Но тогда Давидъ и Мстиславъ Ростиславичи завладѣли Кіевомъ и тамъ посадили княжить другого своего брата, недавняго князя новгородскаго, Рюрика. Андрей Боголюбскій принялъ на этотъ разъ сторону новгородцевъ, про-

гнавшихъ отъ себя Рюрика Ростиславича, и послалъ къ нимъ на княженіе, въ 1171 г., своего сына Юрія. Давидъ и Мстиславъ Ростиславичи захватили въ Кіевѣ ночью Всеволода Юрьевича вмѣстѣ съ племянникомъ Андреевымъ, Ярополкомъ Ростиславичемъ, и, осадивъ Михаила въ Торческѣ, заключили съ нимъ особенный миръ, согласно которому онъ остался въ Переяславлѣ. Возведенный братьями на престолъ, Рюрикъ хотѣлъ господствовать въ Кіевѣ независимо отъ Андрея. Удержавъ заложникомъ въ Кіевѣ Ярополка, онъ освободилъ Всеволода Юрьевича, подъ условіемъ, чтобы Михаилъ Торческій отправилъ къ союзнику Ростиславичей, князю галицкому, сына его отъ нелюбимой жены: сестры Михаила, Ольги Юрьевны. Владиміръ Ярославичъ прибѣгнулъ къ защитѣ дяди отъ преслѣдованія отца, но теперь тотъ, послѣ сожженія галичанами зловредной Анастасіи, готовъ былъ помириться съ сыномъ, и его звалъ обратно домой. Въ отвѣтъ на дерзкій поступокъ Ростиславичей, прибылъ къ нимъ посолъ отъ Андрея, Михна, и передалъ приказаніе своего князя, чтобы Давидъ немедленно удалился въ Берладъ, а Мстиславъ бы совсѣмъ покинулъ русскую землю, какъ главный зачинщикъ мятежнаго образа дѣйствія братьевъ. Мстиславъ, дѣйствительно, самый самостоятельный и отважный князь среди Ростиславичей, остригъ посла Андрея, въ знакъ его униженія, и послалъ съ нимъ вызывающій отвѣтъ во Владиміръ на Клязьмѣ.—«Передай отъ насъ своему князю», сказалъ онъ Михнѣ, «что мы почитали его, какъ отца, а онъ намъ прислалъ такія рѣчи, будто считаетъ насъ не князьями, а своими подручниками. Богъ всему судья». Само собой разумѣется, что Андрей пришелъ въ ярость, увидѣвъ посла своего остриженнымъ и узнавъ отъ него дерзкій отвѣтъ

Мстислава. Онъ сейчасъ же собралъ сильную рать подъ начальствомъ своего сына, князя Юрія новгородскаго, и, успѣвъ подчинить своему вліянію многихъ младшихъ князей, всѣхъ ихъ поднялъ противъ мятежнаго Кіева. На этотъ разъ въ этомъ походѣ принялъ участіе и черниговскій князь Святославъ Всеволодовичъ, потому что надѣялся получить отъ Андрея кіевскій столъ. Даже Романъ Ростиславичъ вынужденъ былъ послать изъ Смоленска помощь противъ собственныхъ братьевъ. Союзники безпрепятственно заняли Кіевъ, оставленный Ростиславичами, но Рюрикъ заперся въ Бѣлгородѣ, а Мстиславъ въ Вышгородѣ сталъ во главѣ войскъ Давида, поспѣшившаго въ Галичъ за помощью. Разгнѣванный Андрей приказалъ сыну и своему воеводѣ Борису Жидославичу Мстислава привезти во Владиміръ-на Клязьмѣ живымъ. Болѣе двадцати князей осадили Вышгородъ. Принявъ главное начальство надъ всей этой многочисленной ратью, Святославъ Всеволодовичъ присоединилъ къ ней еще берендѣевъ и кіевское ополченіе. Никогда раньше южная Русь не видала у себя такого необозримо-громаднаго, шумнаго стана воинскихъ силъ. Небольшая крѣпость Вышгорода, обороняемая горстью людей, казалась такою ничтожною цѣлью для столь великаго ополченія, годнаго для завоеванія цѣлой державы. Но въ этой крѣпости бодрствовалъ богатырь воинской доблести и отваги, тогда какъ среди осаждающихъ не было ни согласія, ни должнаго рвенія для успѣха предпринятаго похода. Нѣкоторые князья неохотно переносили самовластіе князя суздальскаго. Другіе негодовали на коварство Святослава Всеволодовича, и тайно доброжелательствовали Ростиславичамъ. Девять недѣль, съ 8-го сентября до глубокой осени, Мстиславъ успѣшно отби-

вался отъ непріятеля, хотя въ ежедневныхъ схваткахъ гибло много людей. Князь Ярославъ Изъяславичъ Луцкій, тоже какъ союзникъ Андрея, пришелъ изъ Волыни съ новыми силами. Но онъ домогался кіевскаго стола, а когда Святославъ Всеволодовичъ ему отказалъ наотрѣзъ въ этомъ домогательствѣ, онъ вступилъ въ переговоры съ Ростиславичами, и тѣ согласились ему предоставить Кіевъ. Послѣ того Ярославъ пошелъ въ Бѣлгородъ на соединеніе съ Рюрикомъ. Находясь, кромѣ того, подъ угрозой прибытія галичанъ по призыву Давида, союзники испугались, и въ войскѣ Святослава произошло смятеніе. Рано утромъ огромная армія бросилась переправляться черезъ Днѣпръ нестройными толпами. Побѣдитель Мстиславъ, стоя на стѣнѣ Вышгорода и, при разсвѣтѣ утренней зари, видя это непонятное бѣгство многочисленнаго войска, какъ бы сверхъестественной силой гонимаго въ глубины Днѣпра, едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Онъ поднялъ руки къ небу и восхвалилъ святыхъ заступниковъ Вышгорода, Бориса и Глѣба. Затѣмъ, сѣвъ на коня, онъ поспѣшилъ довершить ударъ и гналъ враговъ своихъ изъ города съ тыла, плѣнивъ княжескіе обозы. Много народу потонуло въ Днѣпрѣ при этой безпорядочной переправѣ. За этотъ подвигъ Мстиславъ получилъ въ потомствѣ прозваніе Храбраго. Послѣ того Ярославъ Изъяславичъ Луцкій въѣхалъ въ Кіевъ, а Юрій Андреевичъ со стыдомъ вернулся къ отцу. Князь Андрей сдержалъ выраженіе своей горести и, приписавъ свои послѣднія два пораженія, подъ Новгородомъ и Кіевомъ, наказанію Божію за разграбленіе кіевскихъ церквей, смирился передъ своей неудачей. Но князь черниговскій Святославъ Всеволодовичъ началъ требовать отъ Ярослава удѣла для себя въ кіевской области и, по-

86) Картина: Защита Вышгорода Мстиславомъ Ростиславичемъ противъ союзныхъ войскъ Андрея Боголюбскаго.

лучивъ отказъ, напалъ на Кіевъ. Застигнутый врасплохъ Ярославъ бѣжалъ въ свой Луцкъ и далъ Святославу возможность разграбить свое имущество безпрепятственно. Однако, тотъ, захвативъ его семью и дружину, но не надѣясь однѣми своими силами удержаться въ Кіевѣ, черезъ 12 дней вернулся въ Черниговъ. Тогда Ярославъ снова занялъ кіевскій столъ, раздраженный на кіевлянъ за ихъ полное равнодушіе къ совершенному Святославомъ Всеволодовичемъ разбою. Онъ даже подозрѣвалъ, что они, не питая къ нему никакой любви, сами тайно призвали черниговскаго князя, и потому обложилъ на выкупъ своей семьи данью всѣхъ гражданъ, не исключая священниковъ и монаховъ. Затѣмъ, онъ примирился съ Святославомъ Всеволодовичемъ, послѣ того что сталъ во главѣ дружины своей, подъ стѣнами Чернигова, такъ какъ, занятый междоусобіемъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, новгородъ-сѣверскимъ княземъ Олегомъ Святославичемъ, этотъ измѣнчивый князь поспѣшилъ умилостивить Ярослава.

Между тѣмъ, Ростиславичи считали тягостнымъ миръ, заключенный цѣной передачи Кіева неспособному къ управленію и нелюбимому народомъ Ярославу Изъяславичу и возмущались данью, наложенной имъ на кіевлянъ. Уважая въ Андреѣ старѣйшаго изъ князей, достойнаго быть ихъ главою, они изъявили ему желаніе забыть прошедшее и просили, чтобы онъ снова отдалъ своей законною властію Кіевъ ихъ брату Роману смоленскому, обѣщая при этомъ собственными силами выгнать Ярослава изъ Кіева. Довольный смиреніемъ ихъ, Андрей обѣщалъ посовѣтоваться на этотъ счетъ съ братьями и написалъ въ Торческъ Михаилу Юрьевичу съ юнымъ Всеволодомъ, но, не дождавшись отвѣта, скончался, убитый

въ селѣ Боголюбовѣ своими же приближенными. Мы знаемъ, что Андрей былъ суровый и своенравный хозяинъ въ своей землѣ. Онъ не любилъ старой отцовской дружины и, желая властвовать безъ раздѣла, прогналъ изъ ростово-суздальской области, какъ мы уже говорили, вслѣдъ за братьями и племянниками, «переднихъ людей отца своего», т. е. большихъ отцовыхъ бояръ. На охоту онъ ѣздилъ въ сопровожденіи только нѣсколькихъ отроковъ младшей дружины, предоставляя остальнымъ «творить утѣху особно, гдѣ для нихъ годно»; не пилъ и не пировалъ со своею дружиной,—вообще во всемъ, поступая по-своему, а не по старинѣ и не по обычаю. Это стоило ему жизни. Послѣднимъ поводомъ къ убійству Андрея послужило то, что имъ былъ казненъ братъ его первой жены, бояринъ Якимъ Кучка. Тогда другой братъ, его любимый совѣтникъ Петръ, составилъ въ домѣ у себя заговоръ изъ 20 человѣкъ недовольныхъ—убить князя Андрея. Между заговорщиками былъ ключникъ его яссинъ Анбалъ и одинъ еврей Ефремъ Моисеичъ, такъ какъ, не довѣряя обиженнымъ имъ въ большомъ числѣ соотечественникамъ, Андрей окружалъ себя иноземцами. На совѣтѣ у Кучки Андрея рѣшили убить въ ту же ночь, не откладывая этого злого дѣла. Убійцы раньше вошли въ медушу и тамъ, напившись вина для смѣлости, пошли затѣмъ къ ложницѣ князя Андрея. Въ числѣ покоевъ княжескихъ были ложницы, или спальни, устланныя коврами, гдѣ на стѣнахъ развѣшивалось оружіе, иногда унаслѣдованное отъ предковъ и дорогое по воспоминаніямъ. Въ ложницѣ князя Андрея висѣлъ на стѣнѣ мечъ Св. князя Бориса. Андрей приписывалъ ему особую силу, но Анбалъ заблаговременно его унесъ оттуда. Андрей напрасно началъ

искать его, когда убійцы къ нему вломились ночью, сорвавъ дверь съ петель, такъ какъ онъ не хотѣлъ отворить имъ. Въ потемкахъ они стали ему наносить, куда попало, удары мечами и копьями. Петръ Кучка отсѣкъ ему правую руку, когда онъ молился, прижавшись къ лѣстничьему столбу, гдѣ надѣялся спрятаться отъ злодѣевъ. Со словами:—«Господи, въ руки Твои предаю духъ мой!»—князь испустилъ дыханіе, облитый кровью. Убійцы поспѣшили тутъ же покончить съ вѣрнымъ слугой Андрея, Прокопіемъ, не принимавшимъ участія въ заговорѣ. Казна княжеская обыкновенно хранилась въ палатяхъ князя. Она состояла такъ же, какъ и у князей кіевскихъ, изъ дорогихъ одеждъ, золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, тогда какъ около дома княжескаго расположены были кладовыя со всякими запасами. Погребъ, гдѣ хранились крѣпкіе меды, назывался медушею. Убійцы нагрузили коней, приготовленныхъ у подъѣзда ихъ соумышленниками, награбленными во дворцѣ князя богатствами. Они надѣли на себя княжеское вооруженіе и послали извѣстить о случившемся во Владиміръ, говоря: «Не у насъ однихъ была дума,—и ваши есть въ одной думѣ съ нами». Владимірцы отвѣчали: «кто съ вами въ думѣ, тотъ съ вами пусть и будетъ. А наше дѣло сторона». Другой изъ вѣрныхъ слугъ Андрея, кіевлянинъ Кузьмища, подобралъ трупъ убитаго князя, брошенный убійцами въ огородѣ и, прикрывъ его плащемъ, отнесъ въ церковь. На третій день положили тѣло въ каменный гробъ и отслужили надъ нимъ панихиду. Вѣсть объ убіеніи Андрея разошлась скоро по всей землѣ. Вездѣ народъ заволновался. Жители Ростова и Суздаля, въ особенности первые, недовольны были Андреемъ за предпочтеніе, имъ отдаваемое городу Владиміру, и чувство ихъ

87) Картина: Убійство князя Андрея Боголюбскаго.

88) Картина: Вѣрный слуга Кузьма надъ трупомъ князя Андрея.

досады тотчасъ прорвалось послѣ смерти Андрея. Во многихъ мѣстахъ нападали на княжескихъ посадниковъ или тіуновъ, разорявшихъ ввѣренныя имъ области. Владимірцы же съ духовенствомъ и образомъ Богородицы ждали изъ Боголюбова тѣло князя передъ Серебряными воротами, выходившими на дорогу въ это село. Они заплакали, когда показалось вдали похоронное шествіе съ княжескимъ знаменемъ, вспоминая его добрыя дѣла и усердіе къ храмамъ. Князь Андрей похороненъ былъ въ имъ отстроенной церкви Успенія Пресвятой Богородицы. Городъ Владиміръ не могъ не быть благодаренъ своему князю и попечителю, а потому владимірцы съ рыданіемъ сопровождали гробъ его. Событія, слѣдовавшія за смертью Андрея, ярко освѣщаютъ совсѣмъ новый міръ суздальскихъ пригородовъ, созданный русскими сѣверными поселеніями, съ отношеніями ихъ къ старшимъ князьямъ и понятіями, какихъ не знали въ старой Руси.

Въ концѣ княженія Андрея Боголюбскаго произошло то основаніе новгородскими выходцами на дальнемъ сѣверо-востокѣ самостоятельной Хлыновской общины и поселенія Вятки, о которомъ мы уже упомянули вскользь, говоря въ 1 выпускѣ 2-й части о значеніи въ Новгородской области ея вольныхъ ушкуйниковъ. Одна изъ такихъ вольныхъ дружинъ новгородскихъ, спустившись въ 1174 г. внизъ по Волгѣ до устья Камы, тамъ раздѣлилась на два отряда, причемъ одинъ изъ нихъ двинулся дальше на сѣверъ, гдѣ вступилъ въ борьбу съ встрѣчными вотяками. На рѣкѣ Вяткѣ, при впаденіи въ нее притока Чепцы, имъ приглянулось селеніе, укрѣпленное рвомъ и валомъ. Перекрестясь, по русскому обыкновенію, они его взяли приступомъ и здѣсь поставили церковь во имя Св. Бориса и Глѣба. Жители скры-

лись въ лѣсахъ. Другая часть ушкуйниковъ, оставшаяся на Камѣ, скоро присоединилась къ товарищамъ, завоевавъ на рѣкѣ Вяткѣ другой черемисскій городокъ:—Кокшаровъ. Между этими двумя городками они сообща основали на высокомъ лѣвомъ берегу Вятки, при впаденіи въ нее рѣчки Хлыновицы, третій городокъ—Хлыновъ (нынѣ губернскій городъ Вятку), и онъ сталъ старшимъ городомъ, т. е. сосредоточіемъ послѣдующихъ новгородскихъ селеній въ вятской землѣ, образуемыхъ новыми выходцами сюда изъ Новгорода и двинской области. Эти вятчяне себѣ подчинили мало-по-малу мѣстныхъ черемисъ и вотяковъ, наложили дани на нихъ и, затерянные посреди глухихъ лѣсовъ этихъ чудскихъ народцевъ, основали особую вѣчевую общину, не признававшую надъ собой власти Новгорода. Она управлялась согласно роднымъ обычаямъ и всему строю жизни родного города, но только единственная изъ всѣхъ русскихъ областей обходилась безъ князя. Затруднительность сообщенія не позволяла Новгороду силой смирить вятчанъ. Однако его попытки установить въ Вяткѣ свое господство привели къ продолжительной враждѣ между обѣими сторонами враждующихъ соплеменниковъ.

Заканчивая княженіемъ и смертью Андрея Боголюбскаго, въ этой II-ой части нашей книги, исторію только начавшагося государственнаго вліянія и могущества ростово-суздальской области, передъ самымъ расцвѣтомъ ихъ во время княженія Всеволода III—Большое Гнѣздо—(его меньшаго брата),—мы можемъ еще сказать о личности князя Андрея Юрьевича, что онъ, отчасти, напоминалъ своего дѣда Владиміра Мономаха своей привычкой всюду вносить порядокъ, и тѣмъ, что никогда не терялъ головы

среди общаей растерянности. У него постоянно все было наготовѣ, такъ что его нельзя было захватить врасплохъ. Выдѣляясь среди русскихъ князей своей боевою удалью и до того забываясь въ разгарѣ сѣчи, что никакая опасность, включая даже, однажды, сбитый съ головы его шлемъ, не замѣчалась имъ,—Андрей, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличался умѣньемъ сейчасъ приходить въ себя послѣ боя и становиться разумнымъ, осторожнымъ руководителемъ послѣдующаго хода событій. Несмотря на свою воинскую отвагу, этотъ князь не любилъ войны, и, еще при жизни отца, первый его просилъ всегда примириться съ побитымъ врагомъ по окончаніи удачной битвы.—«Не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, но ждалъ похвалы только отъ Бога»,—говоритъ про него южнорусская лѣтопись.

До сихъ поръ званіе старшаго, великаго князя нераздѣльно было съ обладаніемъ старшимъ, кіевскимъ столомъ. Князь, признанный старшимъ среди родичей, обыкновенно садился въ Кіевѣ. Таковъ былъ порядокъ, считавшійся правильнымъ. Андрей впервые отдѣлилъ старшинство отъ мѣста: заставивъ себя признать великимъ княземъ всей русской земли, онъ не покинулъ суздальской области и не поѣхалъ въ Кіевъ, чтобъ сѣсть на столъ отца и дѣда. Такимъ образомъ, княжеское старшинство, отдѣлившись отъ мѣста, получило значеніе «личное» и суздальская область впервые составила не родовое, а неотъемлемое, «личное» достояніе одного князя, выйдя изъ круга русскихъ областей, владѣемыхъ князьями «по очереди» и по степени старшинства. Князь Андрей съ своей сѣверной Русью обособился отъ Руси южной и, образовавъ другое великое княженіе, ростово-суздальское, сдѣлалъ городъ Владиміръ великокняжескимъ столомъ для всѣхъ послѣдующихъ князей.

Глава II *).

Южно-русскіе князья послѣ смерти Андрея Боголюбскаго. Смоленская область и слово о полку Игоревѣ.

Послѣ смерти Андрея на югѣ началась самостоятельная борьба за кіевскій столъ между Романомъ Ростиславичемъ смоленскимъ и Святославомъ Всеволодовичемъ черниговскимъ, отстаивавшимъ свое право на кіевское княженіе, такъ какъ его отецъ Всеволодъ Олеговичъ умеръ великимъ княземъ. Ярославъ Изъяславичъ не долго пробылъ на кіевскомъ столѣ. Братья Ростиславичи помогали князю новгородъ-сѣверскому Олегу Святославичу, женатому на ихъ сестрѣ, въ его войнѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ, и къ нимъ на помощь пришелъ Романъ изъ Смоленска. Ярославъ заподозрилъ его въ намѣреніи занять кіевскій столъ и поспѣшилъ удалиться въ Луцкъ, чувствуя, что его положеніе въ Кіевѣ все равно непрочно, и что кіевляне враждебно къ нему относятся. Кромѣ того, онъ, вѣроятно, увидѣлъ, что княженіе въ Кіевѣ вовсе не такъ заманчиво, какъ это ему казалось издалека, пока онъ княжилъ въ Луцкѣ. Тогда Романъ Ростиславичъ дѣйствительно вокняжился въ Кіевѣ, хотя первоначально соединился съ братьями—по увѣренію ихъ, посланному ими въ Луцкъ Ярославу,—вовсе не съ этой цѣлью. Святославъ Всеволодовичъ, подъ ничтожнымъ предлогомъ, пошелъ войною на Ростиславичей, овладѣвшихъ всей кіевской областью, и въ союзѣ съ Олегомъ Святославичемъ, уже покинутымъ своими шурьями, попытался овладѣть Кіевомъ, въ 1176 г. но неудачно. Однако, когда на помощь ему подоспѣли

*) Источники: Н. Карамзинъ: «Исторія Госуд. Россійскаго». М. Грушевскій: «Очеркъ Кіевской земли послѣ смерти Ярослава Мудраго». Н. Костомаровъ: «Исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ». Д. И. Иловайскій: «Исторія Россіи».

половцы и начали хозяйничать около Торческа, Ростиславичи, не желая опять отдавать Русь на разграбленіе имъ, рѣшили уступить кіевскій столъ Святославу, при условіи сохраненія своихъ удѣловъ въ кіевской области: вышгородскаго, овручевскаго и бѣлгородскаго. Романъ возвратился въ Смоленскъ, а замѣнявшій его тамъ Мстиславъ Храбрый пріѣхалъ снова на югъ. Этотъ князь, отличавшійся, какъ мы видѣли, благородствомъ и готовый всегда умереть за русскую землю, могъ бы очень поднять значеніе Ростиславичей въ кіевской области, но онъ скоро былъ призванъ на княженіе въ Новгородъ и умеръ тамъ въ 1180 г., оставивъ южную свою волость, Бѣлгородъ, въ наслѣдіе Рюрику и Давиду.

Святославъ Всеволодовичъ очень былъ недоволенъ тѣмъ, что Ростиславичи, хотя и уступившіе ему Кіевъ, владѣютъ кіевскими надѣлами. Когда умеръ, вслѣдъ за Мстиславомъ Храбрымъ, и Олегъ Святославичъ, зять ихъ, онъ, увѣренный въ дружелюбіи юнаго князя новгородъ-сѣверскаго, брата Олега Игоря Святославича, рѣшился на вѣроломный поступокъ по отношенію къ вышгородскому князю Давиду, а именно, попытался врасплохъ схватить его на звѣриной ловлѣ. Давидъ охотился на кіевской сторонѣ Днѣпра, а Святославъ на черниговской. Онъ внезапно переплылъ Днѣпръ со своими людьми, но разгромилъ лишь таборъ вышгородскаго князя, тогда какъ самъ Давидъ успѣлъ броситься съ женою въ лодку и уплыть прочь, подъ градомъ стрѣлъ, пускаемыхъ ему вслѣдъ съ берега. Послѣ такого коварства, конечно, война между Святославомъ Всеволодовичемъ и Ростиславичами возобновилась, и Рюрикъ Бѣлгородскій занялъ Кіевъ, воспользовавшись тѣмъ, что Святославъ уѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ посадилъ кня-

жить брата своего Ярослава, на совѣтъ съ родственными князьями черниговo-сѣверской области. Давида Рюрикъ послалъ въ Смоленскъ звать на помощь Романа. Но Давидъ уже не засталъ брата въ живыхъ и поспѣшилъ занять свой наслѣдственный смоленскій столъ. Романъ Ростиславичъ извѣстенъ былъ болѣе мирными, кроткими свойствами своего нрава, нежели воинскимъ духомъ. Лѣтопись въ немъ отмѣчаетъ рѣдкое милосердіе. Онъ терпѣлъ отъ смоленскихъ гражданъ многія огорченія, имъ отвѣчая только благодѣяніями, не обманывалъ князей и любилъ искренно братьевъ. Отличаясь набожностью, онъ соорудилъ въ Смоленскѣ великолѣпную церковь во имя Св. Іоанна Богослова, ее украсивъ золотомъ и финифтью.

Мы до сихъ поръ не останавливали вниманія нашего на смоленской области, между тѣмъ, имѣвшей большое значеніе въ исторіи русской страны, а потому, заканчивая эту вторую часть нашей книги, не оставимъ ее безъ краткаго обозрѣнія для ближайшаго знакомства съ нею. Сѣверо-западный уголъ Валдайскаго плоскогорія можно назвать по преимуществу областью источниковъ, гдѣ залегаютъ между холмами многочисленныя озера, дающія начало тремъ великимъ русскимъ рѣкамъ: Волгѣ, Днѣпру и Западной Двинѣ. Все это пространство съ его скудной, песчано-глинистой почвой и дремучими лѣсами, преимущественно изъ ели, сосны и березы, издревле было занято славянскимъ племенемъ кривичей. Съ самаго начала русской исторіи въ кривской землѣ образуются два сосредоточія мѣстной областной жизни: Полоцкъ и Смоленскъ. Полоцкъ, какъ мы видѣли, ранѣе другихъ областей выдѣлился изъ общаго состава русской земли, получивъ особый княжескій

родъ въ лицѣ сына Рогнѣды, Изъяслава Владиміровича. Смоленская же область съ половины XII вѣка стала наслѣдственнымъ владѣніемъ потомковъ Мстислава 1-го Мономаховича. Она досталась сыну его Ростиславу Мстиславичу. Ростиславъ ознаменовалъ свое княженіе внутреннимъ устройствомъ смоленской земли и попеченіемъ о дѣлахъ церковныхъ. Онъ испросилъ у отца позволеніе образовать особую епархію изъ смоленской области, и въ 1137 г. туда былъ поставленъ первымъ епископомъ, съ благословенія митрополита кіевскаго,—Мануилъ. При перемѣщеніи Ростислава на кіевскій столъ, Смоленскъ перешелъ къ его старшему сыну—Роману, и прочіе сыновья получили удѣлы въ смоленской области, но, какъ мы видѣли, они принимали живое участіе въ современныхъ имъ кіевскихъ переворотахъ и въ тревожныхъ событіяхъ южной Руси, причемъ занимали княжескіе столы и въ городахъ другихъ областей. Романъ Ростиславичъ, по словамъ лѣтописца, былъ плечистъ и красивъ лицомъ. Въ народѣ его оплакивали въ особенности за его доброту и христіанское всепрощеніе, тогда какъ смольняне своимъ безпокойнымъ нравомъ напоминали строптивыхъ измѣнчивыхъ новгородцевъ.

Итакъ, смоленская земля владѣла верховьями трехъ большихъ рѣкъ, открывавшихъ ей судоходное сообщеніе почти со всѣми краями Руси, дѣлая ее посредницею въ торговлѣ между Новгородомъ и Кіевомъ, между суздальскимъ княжествомъ и прибалтійскою областью. Окруженная со всѣхъ сторонъ русскими землями, она мало подвергалась нападеніямъ иноплеменниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, меньше другихъ страдала отъ княжескихъ междоусобій. Скудность почвы возмѣщалась торгово-промышленнымъ духомъ

жителей, почему въ многочисленныхъ городахъ и селахъ смоленскаго княжества обитало зажиточное населеніе. Сосредоточіе восточной вѣтви кривичей городъ Смоленскъ расположенъ на лѣвомъ, холмистомъ берегу Днѣпра, пересѣченномъ оврагами и лощинами. На самомъ возвышенномъ изъ городскихъ холмовъ Владиміръ Мономахъ построилъ соборный храмъ во имя Успенія Богородицы. Въ этомъ соборѣ находится весьма чтимая икона Ея, Одигитріи, т. е. Путеводительницы, по преданію написанная, какъ и икона Владимірской Божьей Матери, самимъ Евангелистомъ Лукою и привезенная изъ Царьграда матерью Владиміра Мономаха. Князь Ростиславъ и его преемники были тоже ревностными строителями церквей.

Самымъ высокочтимымъ среди смоленскихъ подвижниковъ является преподобный Авраамій *), основавшій въ Смоленскѣ Спасо-Авраамієвскій монастырь. Сынъ богатыхъ родителей, онъ роздалъ все богатство свое церквамъ и нищимъ; глубоко изучилъ священное писаніе и, удостоенный сана священника, въ высшей степени краснорѣчиво проповѣдывалъ Слово Божіе. Смоленскъ благоденствовалъ въ его время, благодаря заботамъ Романа Ростиславича. Самъ человѣкъ ученый, князь Романъ усердно старался о распространеніи просвѣщенія, пріобрѣталъ много книгъ и при церкви Іоанна Богослова устроилъ училище, гдѣ кромѣ русскаго преподавались языки: греческій и латинскій. Удалясь смолоду въ монастырь, Авраамій всецѣло тамъ предался молитвѣ и списывалъ самъ творенія святыхъ отцовъ, особенно, Іоанна Златоуста и Ефрема Сирина. Онъ побуждалъ къ этому и приходившихъ къ нему во множествѣ за поученіемъ и совѣтомъ людей всякаго званія, говоря, что

*) Разсказы изъ исторіи церкви.

земная жизнь—это война и что какъ для войны нужно оружіе, такъ для духовной брани необходимо отъ опытныхъ мужей узнать, какое духовное оружіе полезно и въ какомъ случаѣ. Однако, Авраамій, возбудивъ противъ себя своею заслуженной славой злобу другихъ священниковъ, едва не сдѣлался жертвою клеветы и зависти. Внявъ обвиненіямъ ихъ, будто Авраамій читаетъ богоотступныя книги и наружно-благочестивой жизнью прикрываетъ темныя дѣла, епископъ Игнатій потребовалъ Авраамія къ суду и, хотя на судѣ была доказана его невинность, онъ, тѣмъ не менѣе, его перевелъ въ дальній монастырь и ему запретилъ совершать богослуженія. Тогда въ смоленской области наступила страшная засуха, и духовенство никакими молебными и крестными ходами не могло вымолить у Господа Бога дождя, пока епископъ Игнатій, призвавъ Авраамія, не попросилъ у него прощенія за себя и за гражданъ, поручая ихъ силѣ его молитвы. И дѣйствительно, не успѣлъ онъ вернуться въ свою обитель, какъ полилъ обильный дождь. Князя Романа Ростиславича тогда уже не было въ живыхъ.

Какъ городъ торговый, Смоленскъ, кромѣ храмовъ и монастырей, заключалъ въ себѣ много гостинныхъ рядовъ и лавокъ. Среди жившихъ въ немъ иностранныхъ купцовъ преобладали гости нѣмецкіе, имѣвшіе въ Смоленскѣ не только свои дворы, но и латинскія собственныя божницы, т. е. церкви. По торговлѣ и числу жителей Смоленскъ уступалъ только Кіеву и соперничалъ съ Великимъ Новгородомъ. Изъ другихъ приднѣпровскихъ городовъ смоленской земли заслуживалъ вниманія Дорогобужъ выше Смоленска. Ниже его, вблизи города Орши, Днѣпръ, угломъ поворачивая на югъ, теченіемъ своимъ отдѣ-

лялъ смоленскую землю отъ полоцкой. Граница смоленской земли шла на сѣверъ до рѣки Ловати, пересѣкая Западную Двину при устьи ея притоковъ Усвята и Каспли. Далѣе, по рубежу новгородскому, она заворачивала на востокъ, къ верховьямъ Волги, оканчиваясь у окрайнаго своего города на востокѣ, Ржева. Къ его удѣлу относился тогда и Холмъ, стоявшій на самой чертѣ новгородской области, при впаденіи въ Ловать рѣки Куньи. Городъ Торопецъ, на притокѣ Двины, Торопѣ, представлялъ крайній сѣверный предѣлъ смоленской земли. Въ восточную ея часть входили верховья трехъ лѣвыхъ притоковъ Оки: Угры, Протвы и Москвы. Здѣсь располагались удѣлы вяземскій и можайскій. Самое названіе города Вязьмы, лежавшаго на притокѣ Днѣпра того же имени, указываетъ на вязкую, болотистую почву ея береговъ. На югѣ, со стороны чернигово-сѣверской области, обосновались смоленскіе города: Ростиславль и Мстиславль, на притокахъ Сожи. Мы перейдемъ теперь какъ-разъ за эту черту, чтобы взглянуть на чернигово-сѣверскіе удѣлы и обозрѣть подробнѣе всю ихъ область, нами уже разсказанными историческими событіями достаточно ярко выдѣленную, какъ имѣвшую въ древности, послѣ Кіева съ его землями, первенствующее значеніе.

По раздѣлу Ярослава Мудраго, подтвержденному на Любеческомъ съѣздѣ, княженіе черниговское досталось сыну его Святославу Ярославичу, тогда какъ переяславская область сдѣлалась отчиной въ потомствѣ Всеволода Ярославича, отца Владиміра Мономаха. Владѣнія черниговскихъ князей на востокѣ соприкасались съ рязанскимъ княжествомъ, и отъ верхняго теченія Дона направлялись къ устью одного изъ правыхъ притоковъ Оки, Смядвы, оканчиваясь

на Лопаснѣ,—ея лѣвомъ притокѣ. На сѣверѣ они сходились съ землями суздальскими и смоленскими, пересѣкая теченіе Протвы, Угры, Сожи и упираясь въ Днѣпръ. Эта рѣка служила гранью черниговскаго княженія, отъ Кіева почти до устья Десны. Лѣвый ея притокъ, Остеръ, отдѣлялъ область черниговскую отъ переяславскаго удѣла. Въ черниговскомъ княжествѣ, по старшинству столовъ, сейчасъ за Черниговомъ слѣдовалъ Новгородъ-Сѣверскъ. Онъ съ городами, лежащими между Десною и Семью, какъ-то Путивль, Рыльскъ, Курскъ и Трубчевскъ, получившими общее названіе Посемья, обнаруживалъ довольно рѣзко наклонность образовать особое сѣверское княженіе подъ властью младшей княжеской линіи въ потомствѣ Святослава Ярославича: Ольговичей. Однако, этому выдѣленію воспрепятствовали настойчивые переходы новгородъ-сѣверскихъ князей не только на старшій столъ черниговскій, но и на кіевскій. Когда старшая линія сыновей Давида Святославича пресѣклась, скоро послѣ Изъяслава Давидовича, убитаго при попыткѣ вернуть себѣ кіевскій столъ, въ 1162 г., Олеговичи остались владѣтелями всей чернигово-сѣверской области и одного изъ князей этого рода, Святослава Всеволодовича, мы снова видимъ на столѣ кіевскомъ въ 1180-хъ годахъ. Вся юго-восточная часть сѣверской области была сопредѣльна съ половецкою степью, и сѣверскіе князья много подвиговъ совершали въ борьбѣ съ этими хищными дикарями. Если мы будемъ подниматься вверхъ по Деснѣ отъ ея низовьевъ, то, во-первыхъ, встрѣтимъ торговые города черниговской области: Лутаву и Моравійскъ. Они находились на прямомъ судоходномъ пути между Кіевомъ и Черниговомъ. Самъ Черниговъ раскинулся выше по теченію Десны, на правомъ

ея берегу, при впаденіи въ нее рѣчки Стрижни, на гребнѣ Болдиныхъ горъ. Главную святыню и украшенье Чернигова составлялъ въ древности его соборный храмъ во имя Спаса-Преображенія, построенный, по преданію, на мѣстѣ прежняго языческаго капища. Его заложилъ Мстиславъ тьмутараканскій въ память завоеванія имъ съ Ярославомъ Мудрымъ, въ 1031 г., силой оружія, Червонной Руси, вновь отнятой было ляхами. Въ самомъ городѣ находился женскій монастырь Св. Параскевы Пятницы, гдѣ скончалась монахиней сестра Давида Святославича. Но главное мѣсто между черниговскими монастырями занимала Ильинская обитель, расположенная на Болдиныхъ же горахъ, на крутомъ лѣсистомъ обрывѣ въ долинѣ Десны. Основаніе Ильинской обители преданіе относитъ къ тому времени, когда Св. Антоній Печерскій, подвергнувшись за свои смѣлыя рѣчи гнѣву великаго князя кіевскаго, Изъяслава Ярославича, нашелъ себѣ пріютъ и покровительство у Святослава черниговскаго. Здѣсь онъ поселился тоже въ пещерѣ, ее ископавъ для себя въ Болдиныхъ горахъ, и около него не замедлила тутъ же собраться пещерная братія. Когда Св. Антоній вернулся въ Кіевъ, черниговскій князь построилъ на этомъ мѣстѣ храмъ во имя Св. Иліи. Вершины Болдиныхъ горъ усѣяны могильными курганами языческихъ временъ. Недавно произведенныя раскопки оттуда извлекли предметы вооруженія, охоты, домашняго быта и разныя украшенія, сильно испорченныя огнемъ. По всѣмъ признакамъ эти курганы скрывали въ себѣ останки древнѣйшихъ русскихъ князей и бояръ, сожженныхъ на кострахъ вмѣстѣ съ ихъ утварью и оружіемъ, согласно языческому обычаю. О Посемьѣ мы уже ранѣе говорили, когда великій князь Мстиславъ I-ый, по не-

См. картину Часть I. Вып. 2. Чтен. 4 № 7. Погребальное сожженіе славянина.

законномъ водвореніи въ Черниговѣ на мѣсто дяди,— князя Всеволода Ольговича, присоединилъ его временно къ владѣніямъ кіевскимъ.

На лѣвомъ, чернигово-сѣверскомъ, низменномъ и болотистомъ берегу Днѣпра, городовъ было мало. Среди нихъ занимаетъ первое мѣсто Любечь; родина Св. Антонія Печерскаго и мѣсто съѣзда князей при Владимірѣ Мономахѣ, въ 1097 г. Онъ служилъ одною изъ главныхъ пристаней для судовыхъ каравановъ на великомъ водномъ пути изъ Кіева въ Византію, и импер. Константинъ Багрянородный упоминаетъ о немъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ русскихъ городовъ X-го вѣка.

Не останавливаясь, пока, на дальнѣйшихъ подробностяхъ борьбы Святослава Всеволодовича за кіевскій столъ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, оставшимся единственнымъ обладателемъ кіевской области послѣ вокняженія Давида въ Смоленскѣ, скажемъ только, что Рюрикъ вторично предпочелъ уступить Кіевъ сопернику, чѣмъ видѣть русскую землю терзаемой междоусобіемъ, при непремѣнномъ участіи въ немъ берендѣевъ и половцевъ. Онъ предоставилъ Святославу Всеволодовичу вступить снова въ Кіевъ въ 1180 г. подъ тѣмъ, однако, условіемъ, что сохранилъ за собою прежніе удѣлы въ кіевской области, принадлежавшіе ему съ братьями. Примиреніе между двумя князьями было закрѣплено бракомъ сына Святослава—Глѣба съ дочерью Рюрика, и наступившая тогда въ русской землѣ тишина побудила южныхъ князей обратить оружіе свое противъ ихъ общихъ неукротимыхъ враговъ—вѣроломныхъ жестокихъ половцевъ.

Драгоцѣннымъ, единственнымъ, въ своемъ, родѣ памятникомъ самоотверженной, тяжелой и смѣлой

борьбы древней Руси со степью, знаменитой своей красотой, древне-русской поэмой неизвѣстнаго сочинителя,—Пѣснею, или Словомъ о Полку Игоревѣ, мы закончимъ II-ую часть этой книги, оставивъ для 3-го тома пропущенныя нами пока событія на сѣверѣ,— отъ смерти Андрея Боголюбскаго до вокняженія во Владимірѣ—на Клязьмѣ его меньшаго брата, Всеволода III—Большое Гнѣздо.

Содержаніе Слова о Полку Игоревѣ.

Когда прекратились распри русскихъ князей между собою, Святославъ Всеволодовичъ не имѣлъ больше нужды привлекать дикихъ степныхъ кочевниковъ къ союзу съ собою, и, вмѣстѣ съ Рюрикомъ, ставъ во главѣ соединенныхъ силъ русской земли, совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ въ степи. Тамъ князья освободили отъ рабства множество русскихъ плѣнниковъ и полонили нѣсколько половецкихъ хановъ. Половцы мстили имъ, собираясь, съ своей стороны, большими полчищами для учащенныхъ набѣговъ на южную Русь. Славнѣйшимъ изъ половецкихъ хановъ того времени былъ Кончакъ. Лѣтопись его называетъ: «окаянный», «безбожный», «треклятый». Онъ пришелъ на Русь съ половецкой ордою въ 1184 г., имѣя при себѣ метательные снаряды и такіе огромные самострѣльные луки, что 50 человѣкъ едва могли натянуть ихъ. Кончакъ сначала повелъ

*

переговоры о мирѣ съ черниговскимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, почему тотъ уклонился отъ похода противъ него, не довѣрявшихъ ему, старшаго брата, великаго князя кіевскаго, съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. Застигнутый ими врасплохъ за Змѣинымъ валомъ, ограждавшимъ, какъ намъ извѣстно, со стороны степей русскую землю, Кончакъ бѣжалъ. Святославъ Всеволодовичъ послалъ за нимъ въ погоню 6000 берендѣевъ. Въ этой удачной схваткѣ съ половцами не принималъ участія, кромѣ Ярослава Всеволодовича, и новгородъ сѣверскій князь Игорь Святославичъ, по той причинѣ, что, вслѣдствіе быстраго выступленія противъ половцевъ Святослава Всеволодовича съ Рюрикомъ Ростиславичемъ, Игорь не успѣлъ присоединиться къ нимъ. Между тѣмъ, этотъ князь уже не разъ отличался своими побѣдами въ степи надъ половцами и теперь, послѣ пораженія Кончака, задумалъ немедленно углубиться въ степь съ одними сѣверскими дружинами. Его сопровождали: меньшой братъ его Всеволодъ Трубчевскій, сынъ Владиміръ—князь путивльскій, и племянникъ Святославъ Ольговичъ Рыльскій. Ярославъ Всеволодовичъ ему прислалъ на помощь изъ Чернигова своего боярина Ольстина Олексовича съ отрядомъ полукочевыхъ коуевъ, соплеменниковъ берендѣевъ. Князь Всеволодъ трубчевскій пошелъ отдѣльно, инымъ путемъ, изъ Курска. Игорь, двинувшійся къ Донцу, соединился съ нимъ на берегахъ рѣки Оскола. «Трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода», воспѣваетъ современный поэтъ сборы въ этотъ походъ четырехъ удалыхъ русскихъ князей, изъ коихъ старшему было 35 лѣтъ. Вотъ, именно онъ, кромѣ довольно подробнаго разсказа лѣтописи, сталъ пред-

88 б) Молодая жена князя Игоря Ефросинья Ярославна прощается съ мужемъ при выступленіи его въ походъ противъ половцевъ.

метомъ замѣчательнаго поэтическаго произведенія южной Руси, подъ названіемъ «Слова о Полку Игоревѣ». Братъ Игоря Святославича—князь трубчевскій Всеволодъ, прозванъ былъ «буйнымъ туромъ» за свою неукротимость въ битвахъ. Онъ отвѣчаетъ въ строкахъ поэмы на призывъ Игоря:—«Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ, свѣтъ Игорь; оба мы съ тобой Святославичи. Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, мои уже осѣдланы стоятъ у Курска. Куряне мои молодцы, тебѣ извѣстны».

89) Картина: Конный русскій витязь.

«Ихъ вспоили подъ звуки трубъ, подъ шлемами они выросли, концомъ копья вскормлены. Имъ вѣдомы всѣ степныя дороги, знакомы всѣ степные овраги. Луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли отточены. Сами же они, какъ сѣрые волки, рыщутъ по полю,—ищутъ себѣ чести, а князю славы».

90) Картина: Князь Игорь Святославичъ видитъ на небѣ недоброе знаменіе.

При самомъ началѣ похода явилось недоброе знаменіе, ему предрекавшее, по мнѣнію старшихъ бояръ, печальный конецъ. Однажды, когда войска Игоря приближались къ Донцу, передъ вечеромъ, солнце подернулось вдругъ какою-то странною мглой, что крайне смутило воиновъ. Изумленный Игорь взглянулъ на небо и видитъ, что солнце покрылось будто чернымъ щитомъ. Однако, онъ ободрилъ дружину надеждой на Бога и пошелъ дальше. Когда русскіе князья, миновавъ пограничный валъ, послали ратниковъ въ степь ловить языка, т. е. на развѣдки, тѣ, возвратясь, донесли, что половцы уже собираются въ большомъ количествѣ, приготовляясь къ сраженію, и совѣтовали князьямъ: или скорѣй напасть на нихъ, или вернуться домой заблаговременно. Но возвратиться назадъ безъ битвы молодой Игорь считалъ соромомъ пуще смерти, и вотъ, по словамъ поэта: «плотоядныя твари почуяли близкую поживу: стаи

галокъ летятъ къ Дону великому, волки воютъ по оврагамъ, орлы своимъ клекотомъ сзываютъ звѣрей на кости. Дни стояли пасмурные, ночью ревѣли бури, такъ что птицы отъ страха вылетали изъ гнѣздъ, а зловѣщій филинъ наводилъ тоску своимъ крикомъ. Но Русь наступала бодро, покрытая кольчугами, пестрѣя красными щитами, подъ сѣнью своихъ стяговъ, развѣваемыхъ вѣтромъ»... Игорь Святославичъ женатъ былъ на дочери князя галицкаго Ярослава Осмомысла — Евфросиньи. Она проводила его съ сыномъ Владиміромъ до Путивля, гдѣ, съ южной стѣны города, открывался широкій видъ на степное пространство. Тамъ, въ путивльскомъ княжьемъ теремѣ, стала она ожидать возвращенія близкихъ своихъ изъ похода. Съ городского «забрала» она, безъ сомнѣнія, часто смотрѣла вдаль,—прежде съ надеждой увидѣть ихъ побѣдоносные стяги, а потомъ съ отчаяніемъ объ участи супруга и сына.

91) Картина: Княгиня Евфросинья Ярославна на южной стѣнѣ Путивля смотритъ съ тревогою и надеждой въ степную даль.

Передній отрядъ, подъ начальствомъ боярина Ольстина съ его коуями и Владиміра Игоревича, устремился на непріятеля, а Игорь и Всеволодъ тихо слѣдовали за ними. Половцы побѣжали. Погнавшись имъ вслѣдъ, русскіе достигли ихъ вѣжъ за рѣчкою Сююрлея, гдѣ собрались для битвы половецкія орды, отправивъ дальше въ глубь степи кибитки съ своими семьями и стада. Много богатства досталось въ руки смѣльчакамъ—побѣдителямъ: золотомъ, половецкими кожухами и шелковыми тканями; большой полонъ они успѣли захватить тоже изъ половецкихъ женъ и дѣвицъ. Тогда Игорь предложилъ союзнымъ князьямъ, послѣ такой славной побѣды, воротиться домой, не дожидаясь, пока половцы вновь соберутся силами. Но Святославъ рыльскій сказалъ, что его кони такъ утомились въ дальней погонѣ за непріятелемъ, что

не могутъ сейчасъ послѣдовать въ обратный путь за другими князьями. Тогда, на бѣду, рѣшили не спѣшить возвращеніемъ. Молодые князья веселились своею побѣдой и говорили, похваляясь другъ передъ другомъ:—«Пойдемъ на Лукоморье» (въ Тьмутаракань). Поощренные первымъ успѣхомъ, они возъимѣли надежду отвоевать свой наслѣдственный, въ древности, тьмутараканскій удѣлъ, позже названный Лукоморьемъ.

— «Далеко залетѣли храбрые соколы изъ гнѣзда прародителя своего—Олега. А между тѣмъ половецкій ханъ рыщетъ по степи сѣрымъ волкомъ, собирая распуганныхъ половцевъ, и ханъ Кончакъ держитъ путь къ Дону. Встаетъ надъ степью кровавая заря; поднимаются съ моря черныя тучи... много переломится копій, много иступится сабель о половецкіе шлемы, на рѣкѣ Каялѣ и на берегу великаго Дона. Земля стонетъ, рѣки мутятся, пыль столбомъ стоитъ въ степи. Половцы идутъ отъ Дона и отъ моря; оглашаютъ степь пронзительнымъ крикомъ... Со всѣхъ сторонъ стоятъ, какъ стѣны, половецкіе полки. Князь Игорь вынимаетъ изъ ноженъ свой широкій мечъ—и началась кровавая сѣча. Буй-туръ Всеволодъ со своими курянами впереди. Онъ прыщетъ на половцевъ стрѣлами; гремитъ объ ихъ шлемы стальными мечами. Куда только Буй-туръ ни кинется, своимъ золотымъ шеломомъ посвѣчивая, тамъ валятся половецкія головы, разлетаются въ щепы крѣпкіе аварскіе шлемы. Чего побоится Буй-туръ, когда онъ все забылъ для славы: и родной городъ, и милую жену—красавицу Глѣбовну (дочь Глѣба Юрьевича)? Съ утра до вечера и съ вечера до утра свистали каленыя стрѣлы, трещали стальныя копья посреди необозримой глухой степи половецкой. Стояли

жаркіе майскіе дни, русскіе изнемогали отъ жажды и усталости, но половцы не пускали ихъ зачерпнуть воды въ Каялѣ. Пробились русскіе къ водѣ, но зато половцы со всѣхъ сторонъ прижали ихъ къ самому берегу. Тяжело раненъ въ руку Игорь, но держится еще на конѣ и ободряетъ воиновъ. Бились день, бились другой,—на третій къ полудню пали стяги Игоревы. Первыми не выдержали коуи и побѣжали. Игорь тщетно погнался за ними, пытаясь остановить ихъ и сбросить шлемъ, чтобъ показать имъ свое лицо... Игорь въ плѣну. Игоря пересаживаютъ враги съ княжескаго сѣдла въ поганое сѣдло половецкое. Всеволодъ еще бьется, но онъ изломалъ все свое оружіе и, тоже схваченный половцами, сдѣлался плѣнникомъ хана Гзака. Взяты въ плѣнъ и сынъ Игоря Владиміръ, и Святославъ Ольговичъ рыльскій. Степная трава никнетъ отъ жалости, и тяжелая скорбь нагнетаетъ дерево къ землѣ. Сгубила Игоря и его дружину молодецкая удаль»!

92) Картина: Половцы берутъ въ плѣнъ раненаго князя Игоря.

Сильно разгнѣвался старый кіевскій великій князь Святославъ Всеволодовичъ, когда, собираясь самъ въ новый походъ на половцевъ, узналъ только въ Новгородъ-Сѣверскѣ, что князь Игорь и его сродники, тайкомъ отъ него и Рюрика, уже ушли впередъ воевать сами по себѣ съ лютыми половцами. Но когда онъ услыхалъ въ Черниговѣ о печальной участи Игоря, то заплакалъ и, жалѣя молодыхъ союзниковъ-князей, скорбно воскликнулъ:—«Любезные мои братья! Князья и дружина! Не сдержали вы своей молодости, не дали мнѣ притомить поганыхъ, широко вы имъ раскрыли ворота въ русскую землю». Лютая тоска разлилась по всей Руси. Кончакъ уже грабилъ подъ Переяславлемъ, а Гзакъ—подъ Путивлемъ, уводя въ плѣнъ русскихъ женщинъ, отгоняя въ степь большія стада,

93) Картина: Поле битвы.

зажигая повсюду пожары. Но, услыхавъ, что Святославъ Всеволодовичъ уже плыветъ на ладьяхъ внизъ по Днѣпру, что его братъ Ярославъ собралъ рать въ Черниговѣ на помощь брату, а Давидъ Ростиславичъ, внявъ призыву великаго князя, сталъ со своими смольнянами у Треполя, — половцы отхлынули въ степь, какъ морскія волны, оставляя послѣ себя развалины, плачъ и стонъ. Переяславскій князь — внукъ Юрія Долгорукаго — отважный Владиміръ Глѣбовичъ, тяжело раненый въ стычкѣ съ ханомъ Кончакомъ во время вылазки, едва спасся отъ плѣна. Младшіе князья и дружины ихъ заводили между собою въ виду непріятеля шумные споры, почему медлили идти на помощь Переяславлю. Слово о Полку Игоревѣ говоритъ по этому поводу, что «стяги Владиміра Мономаха достались Давиду и Рюрику, но знамена ихъ вѣютъ въ разныя стороны». Оно укоризненно вопіетъ о помощи Игорю въ половецкомъ плѣну и къ владимірскому князю, брату Андрея Боголюбскаго,—Всеволоду III-му, «что далеко на сѣверѣ мутитъ синюю Волгу своими лодками», и къ рязанскимъ князьямъ, «коихъ золотые шлемы тоже не разъ забрызганы были вражеской кровью», и къ Ярославу Осмомыслу галицкому, «что подперъ Карпатскія горы своими желѣзными полками, заступилъ путь венгерскому королю; затворилъ ворота къ Дунаю и далеко по всѣмъ землямъ разсылаетъ стрѣлы свои на страхъ врагамъ. Что бы ему хоть одну стрѣлу послать Кончаку поганому?!»... Не забыла удалого Игоря только его молодая жена—прекрасная Ярославна. Всякое утро выходитъ она на городскую стѣну въ Путивлѣ, все смотритъ въ далекое поле: не ѣдетъ ли ея милый? Смотритъ — горько плачетъ и воркуетъ, какъ горлица: — «Полечу я голубкою по степи, омочу мой

94) Картина: Плачъ Ярославны въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ.

бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, утру князю его кровавыя раны»; — плачетъ и приговариваетъ: «О Днѣпръ, Днѣпръ, рѣка славная, ты пробилъ каменныя горы, ворвался въ землю половецкую; ты не разъ носилъ на себѣ княжескія лодки къ полкамъ половецкимъ; принеси же ко мнѣ, лелѣючи моего милаго». Плачетъ Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивлѣ, плачетъ и приговариваетъ:—«О свѣтлое, пресвѣтлое солнышко, для всѣхъ то ты тепло и красно: зачѣмъ же ты солнышко мечешь свои жгучіе лучи на дружину моего милаго? Въ безводной степи и такъ изсохли ихъ луки, разсыпались колчаны»...

Князь Игорь Святославичъ, между тѣмъ, проживалъ въ половецкомъ плѣну, ожидая выкупа, или обмѣна. Уважая его знатность и мужество, половцы обращались съ нимъ хорошо и, хотя окружили его крѣпкой стражей, но разрѣшили тѣшиться княжескою забавой, соколиной охотой. Въ чести держали они и сына Игоря, такъ какъ князь Владиміръ Игоревичъ приглянулся дочери хана Кончака,—да и самъ Кончакъ его полюбилъ за удальство. Однако, скучно орлу и въ золотой клѣткѣ. Гложетъ Игоря тоска по любимой родинѣ, и не тѣшитъ его охота. Наконецъ, сжалилась надъ нимъ судьба. У одного половчанина-Авлуря мать была русская. Ему давно хотѣлось бросить племя свое и бѣжать къ русскимъ. Онъ и предложилъ князю Игорю бѣгство, при его помощи, въ русскую землю. Игорь, подумавши, рѣшилъ принять его предложеніе, и Авлуръ взялся ему приготовить коня за рѣкою, когда стемнѣетъ. Половцы перепились кумысомъ и заснули по своимъ кибиткамъ. Игорь притворяется спящимъ, а мысленно мѣритъ поле отъ великаго Дона до малаго Донца. Когда раздался условный свистъ, Игорь поднялся тихо съ

95) Картина: Охотникъ съ соколомъ.

постели, коротко, но отъ души помолился, надѣлъ на себя икону: родительское благословеніе и, приподнявъ осторожно полу кибитки, вышелъ.—«Горностаемъ проскользнулъ въ тростникѣ; бѣлымъ гоголемъ проплылъ по водѣ», — разсказываетъ поэтъ Слова о Полку Игоревѣ «и кинулся на борзаго коня.— «Соколомъ летитъ князь по степи, прикрываемый ночною тьмой. Сѣрымъ волкомъ спѣшитъ за нимъ Авлуръ, отрясая холодную ночную росу, загоняя на смерть лихого коня; спѣшитъ онъ къ берегамъ Донца». Когда по утру проснулись половцы, бѣглецовъ уже и слѣдъ простылъ. Погоня за ними была безуспѣшна. Загнавъ коней, они пошли пѣшкомъ, прячась днемъ въ глубокихъ степныхъ оврагахъ, угадывая путь только по птичьему крику. Часто приходилось имъ ползти ползкомъ по травѣ, слушая, какъ раздавались надъ ними вверху пѣсни свободныхъ пташекъ». На одиннадцатый день добрался Игорь до города Донца, а оттуда проѣхалъ въ свою столицу Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ его встрѣтили съ великой радостью, любящая жена и народъ, измученный долгимъ отсутствіемъ своего князя. Тяжело было безъ него Новгородъ-Сѣверску, какъ тѣлу безъ головы.—«Солнце свѣтитъ на небеси: князь Игорь въ русской землѣ!» восклицаетъ тутъ неизвѣстный пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ.

96) Картина: Бѣгство князя Игоря изъ половецкаго плѣна.

Владиміръ Игоревичъ женился на дочери Кончака и черезъ нѣсколько времени тоже благополучно вернулся на родину вмѣстѣ съ дядей Буй-туромъ Всеволодомъ. За ними и Святославъ рыльскій получилъ свободу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глава I.

Стран.

Великіе князья кіевскіе: Мстиславъ I и Ярополкъ Мономаховичи. Всеволодъ-Гавріилъ Мстиславичъ, князь новгородскій и псковской. Захватъ Кіева черниговскимъ княземъ Всеволодомъ Ольговичемъ и время его княженія 5

Картины: Изображеніе вел. кн. Мстислава Владиміровича. 1) Арабы въ Палестинѣ. 2) Княжеская охота. 3) Въ нѣдрахъ лѣса: а) и в). 4) Голодъ въ Новгородѣ. Изображеніе Ярополка II Владиміровича. 5) Кулачный бой на Новгородскомъ вѣчѣ. 6) Храмъ Св. Троицы въ Псковѣ. 7) Явленіе ангела правителю римскаго города Солуня Дмитрію, брошенному въ темницу за проповѣдь Слова Божія. Изображеніе вел. князя Всеволода Ольговича. 8) Приготовленіе къ вѣнцу. 9) Осада города на Руси въ древнія времена. 10) Изображеніе древней стѣнописи.

Глава II.

Вокняженіе въ Кіевѣ Изъяслава Мстиславича. Черниговскіе князья и убійство Игоря Ольговича въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ. Борьба Изъяслава II съ Юріемъ Владиміровичемъ суздальскимъ и старый князь Вячеславъ Владиміровичъ. Князь галицкій Владимірко, союзникъ Юрія Долгорукога. 33

Картины: 11) Ночью въ степи. 12) Лѣсныя дебри (художника Шишкина). 13) Свиданіе Юрія князя суздальскаго въ Москвѣ съ Святославомъ Олеговичемъ и его сыномъ. 14) Волненіе кіевлянъ на площади храма Св. Софіи при извѣстіи объ измѣнѣ князей черниговскихъ. 15) Убіеніе князя инока Игоря. 16) Сраженіе между Изъяславомъ и чернигово-сѣверскими князьями, прерванное ненастьемъ. 17) Ударили въ вѣчевой колоколъ. 18) Князь Андрей Юрьевичъ подъ стѣнами Луцка. 19) Свадебное пиршество. 20) Договоръ князя Изъяслава Мстиславича съ дядею Вячеславомъ о совмѣстномъ княженіи въ Кіевѣ. 21) Отчаяніе Изъяслава Мстиславича среди своего бѣгущаго войска. 22) Неожиданное появленіе Владиміра Мстиславича подъ стѣнами Бѣлгорода. 23) Скачка венгерскихъ наѣздниковъ. 24) Боевыя ладьи Изъяслава сражаются на Днѣпрѣ съ ладьями Юрія суздальскаго. 25) Переправа рати Юрія и половцевъ черезъ Днѣпръ. 26) Черные Клобуки. 27) Раненый Изъяславъ на полѣ битвы. 28) Нападеніе князя Владимірка на Мстислава Изъяславича ночью и гибель хмѣльнаго отряда венгровъ. 29) Встрѣча Изъяслава II съ венгерскимъ королемъ Гейзой

Стран.

подъ Перемышлемъ. 30) Побѣжденный Владимірко прорывается сквозь вражескіе полки въ Перемышль. 31) Галицкій князь Владимірко надсмѣхается надъ посломъ князя Изъяслава. 32) Галичане, поддавшись обману, сбѣгаются къ стягамъ среди войска врага.

Глава III.

Захватъ Кіева Черниговскимъ княземъ Изъяславомъ Давидовичемъ. Судьба обездоленнаго князя Галицкаго Ивана Берладника. Вокняженіе въ Кіевѣ князя смоленскаго Ростислава Мстиславича при помощи владиміро-волынскаго князя Мстислава Изъяславича. Черниговскій князь Святославъ Олеговичъ. Вмѣшательство князя суздальскаго Андрея Юрьевича. Время княженія Ростислава Мстиславича въ Кіевѣ. Полоцкая земля. Святославъ Ростиславичъ въ Новгородѣ. Смерть Ростислава. Вокняженіе на столѣ Кіевскомъ Мстислава Изъяславича. Удачный походъ на половцевъ южнорусскихъ князей. Измѣна среди нихъ Мстиславу. Разграбленіе и униженіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ 66

Картины: 33) Измѣна Черныхъ Клобуковъ Изъяславу Давидовичу. 34) Заключеніе дружескаго союза между Ростиславомъ Мстиславичемъ и Святославомъ Ольговичемъ. 35) Смерть Изъяслава Давидовича. 36) Осада Ладоги шведскими судами. 37) Тревога на сторожевомъ посту. 38) Встрѣча князя Ростислава Мстиславича въ Смоленскѣ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глава I.

Кіевская земля въ XII в. Переяславская область. Южнорусская степь и половцы. Галицкій князь Ярославъ Осмомыслъ. Земля Волынская 89

Картины: 39) Икона Божіей Матери «Нерушимой стѣны». 40) Правая сторона Тайной Вечери въ Софійскомъ соборѣ. 41) Пресвятая Дѣва съ красной пряжей въ рукѣ. (Росписи стѣнъ Софійскаго собора). 42а) Рождество Пресвятой Богородицы. 42б) Введеніе во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи. 43) Роспись придѣла апостола Петра. 44) Роспись придѣла великомуч. Георгія. 45) Роспись событій изъ жизни Христа. 46) Фреска: три отрока въ пещи огненной. (Картина выпуска I. Проѣздныя ворота). 47) Конный русскій развѣдчикъ XII столѣтія. 48) Въ камышахъ. 49) Русскіе плѣнники въ половецкой ордѣ. 50) Половецкіе воины. 51) Черкесы-косоги (нынѣшніе осетины). 52) Разбой косоговъ на берегу Каспійскаго моря. 53) Галицкіе бояре ташатъ на костеръ колдунью Анастасью.

Глава II.

Сѣверо-восточная Русь, или Великороссія. Финское племя Меря. Перенесеніе русской столицы княземъ Андреемъ Боголюбскимъ изъ Кіева во Владиміръ—на Клязьмѣ и

Стран.

начало могущества ростово-суздальской области. Управленіе Андрея на сѣверѣ при стремленіи его къ единодержавію. Распространеніе христіанства въ ростово-суздальской области. Владиміръ—на Клязьмѣ 107

Картины: 54) Изображеніе мерянскихъ прорѣзныхъ бляшекъ. 55) Одежда мерянъ. (Лѣшій см. картину, часть I. Выпускъ 2. Чтеніе 3. № 19). 56) Садко на днѣ морскомъ. 57) Преданіе о чудесной остановкѣ Вышгородской иконы Божьей Матери, похищенной княземъ Андреемъ передъ Владиміромъ на Клязьмѣ. 58) Битва полковъ князя Андрея Юрьевича съ Камскими булгарами. 59) Св. Авраамій сокрушаетъ идола скотьяго бога Велеса прикосновеніемъ жезла, ему врученнаго Іоанномъ Богословомъ. 60) Преображенскій соборъ Переяславля Залѣсскаго. 61) Георгій Побѣдоносецъ. 62) Икона Владимірской Божіей Матери. 63) Успенскій соборъ. 64) Древняя церковь Покровскаго монастыря. 65) Преображеніе Господне. Древняя фреска Владимірскаго Успенскаго собора. 66) Боголюбсвъ монастырь. 67) Сѣни и переходы палатъ князя Андрея въ Боголюбовомъ мснастырѣ. 68) Золотыя ворота во Владимірѣ на Клязьмѣ. Изображеніе кн. Андрея Боголюбскаго.

Глава III.

Муромо-рязанскій край. Благочестивый князь Ярославъ-Константинъ. Камская-Булгарія и финское племя мордва. Побѣда новгородскаго князя Романа Мстиславича надъ полками Андрея Боголюбскаго. Новгородская область и Новгородъ Великій. Вторичный походъ Андрея въ Камскую Булгарію. 132

Картины: 69) Язычники угрожаютъ смертью князю Константину Муромскому. 70) Крещеніе язычниковъ кн. Константиномъ въ Муромской области. 71) Башкирецъ. 72) Торговая сторона Вел. Новгорода. 73) Софійская сторона. 74) Дворъ Ярослава. 75) Древній Дѣтинецъ Новгорода. 76) Соборъ Св. Софіи въ Новгородѣ. 77) Корсунскія врата новгородской Софіи. 78) Отдѣльныя изображенія Корсунскихъ вратъ. 79) Храмъ во имя Николая Чудотворца. 80) Храмъ Параскевы Пятницы. 81) Подвижникъ Антоній чудесно плывущій на камнѣ. 82) Старинный храмъ монастыря Св. Николы на Липнѣ. (См. картину № 28. Чтеніе 5. Часть I. Выпускъ III. Древній Изборскъ). 83) Старая Ладога. 84) Изображеніе Георгія Побѣдоносца въ Ладожской церкви св. Георгія. (См. картину № 79. Часть II. Выпускъ I. Новгородскіе ушкуйники).

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глава I.

Княженіе брата Андрея, Глѣба, въ Кіевѣ и борьба съ половцами князя Михаила Юрьевича Торческаго. Назначеніе Андреемъ суздальскимъ князя смоленскаго Романа Ростиславича княземъ кіевскимъ. Несправедливый гнѣвъ Андрея на братьевъ Ростиславичей. Изгнаніе имъ Романа изъ Кіева и безуспѣшная осада большими силами древней русской сто-

Стран.

липы въ борьбѣ съ остальными братьями. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Ярославъ Изъяславичъ Луцкій—великій князь кіевскій. Убійство въ селѣ Боголюбовѣ князя Андрея. 155

Картины: 85) Сраженіе кн. Михаила Юрьевича въ степи съ половецкой ордой, разграбившей кіевскую область. 86) Защита Вышгорода Мстиславомъ Ростиславичемъ противъ союзныхъ войскъ Андрея Боголюбскаго. 87) Убійство князя Андрея Боголюбскаго. 88) Вѣрный слуга Кузьма надъ трупомъ князя Андрея.

Глава II.

Южно-русскіе князья послѣ смерти Андрея Боголюбскаго. Смоленская область и слово о полку Игоревѣ . . . 169

См. картину. Часть I. Вып. II. Чтеніе 4. № 7. Погребальное сожженіе славянина.

Содержаніе слова о полку Игоревѣ 179

Картины: 89) Конный русскій витязь. 90) Князь Игорь Святославичъ видитъ на небѣ недоброе знаменіе. 91) Княгиня Евфросинья Ярославна на южной стѣнѣ Путивля смотритъ съ тревогою и надеждой въ степную даль. 92) Половцы берутъ въ плѣнъ раненаго князя Игоря. 93) Поле битвы. 94) Плачъ Ярославны въ Путивлѣ, на городской стѣнѣ. 95) Охотникъ съ соколомъ. 96) Бѣгство князя Игоря изъ половецкаго плѣна.

Duke University Libraries
D03876843$